

TAYLOR INSTITUTION
DOMI NUS ILLU MINA TIO MEA

302707786/

СОЧИНЕНІЯ

ЮРІЯ ӨЕДОРОВИЧА

САМАРИНА.

Томъ второй.

СОЧИНЕНІЯ

Ю. Ѳ. САМАРИНА.

Томъ второй.

Крестьянское дѣло

до Высочайшаго рескрипта

20 Ноября 1857 года.

ИЗДАНІЕ Д. САМАРИНА.

Москва.
ТИПОГРАФІЯ А. И. МАМОНТОВА И К°,
Леонтьевскій переулокъ, № 5.
1878.

Отъ издателя.

Выпускаемый въ свѣтъ II-й томъ сочиненій Ю. Ѳ. Самарина заключаетъ въ себѣ записки и изслѣдованія его по крестьянскому дѣлу, написанныя имъ до Высочайшаго рескрипта, 20 Ноября 1857 года, на имя Виленскаго Генералъ-Губернатора. Въ слѣдующій III-й томъ войдутъ остальныя сочиненія его по крестьянскому дѣлу, написанныя имъ послѣ означеннаго рескрипта, когда правительствомъ утверждены были главныя основанія, на которыхъ должно было совершиться улучшеніе быта помѣщичьихъ крестьянъ, открыты были Губернскіе Комитеты для разработки проэктовъ Положеній и разрѣшено было обсуждать крестьянскій вопросъ печатно.

При расположеніи сочиненій, вошедшихъ во II-й томъ, мы держались хронологическаго порядка; но нѣкоторыя записки не могли быть помѣщены въ надлежащемъ мѣстѣ вслѣдствіе того, что онѣ нашлись, когда почти вся книга была уже отпечатана. Такъ въ концѣ этого тома (433—438 стр.) напечатано «Заключеніе къ историческому обозрѣнію уничтоженія крѣпостнаго состоянія въ Лифляндіи», написанное Юріемъ Ѳедоровичемъ еще въ 1846 году, когда онъ, состоя на службѣ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, былъ прикомандированъ, въ качествѣ помощника дѣлопроизводителя, къ открытому въ то время въ Петербургѣ приго-

товительному комитету по устройству быта Лифляндскихъ крестьянъ. Несмотря на то, что это была первая записка по крестьянскому вопросу, вышедшая изъ-подъ пера Самарина, когда ему было еще только 27 лѣтъ, въ ней весьма опредѣленно высказана основная мысль, которая проходитъ черезъ всѣ сочиненія его по крестьянскому дѣлу, мысль объ освобожденіи крестьянъ не иначе, какъ съ землею. Примѣняя это начало къ Лифляндіи, онъ логически пришелъ въ «Заключеніи» своемъ къ выводу о необходимости возстановить связь крестьянъ съ землею, нарушенную Положеніемъ 1819 года. Затѣмъ въ хронологическомъ порядкѣ слѣдуютъ «Замѣчанія объ инвентаряхъ, введенныхъ въ 1847 и 1848 гг. въ помѣщичьихъ имѣніяхъ Юго-Западнаго края и о крѣпостномъ правѣ въ Малороссіи» (1—16 стр.). Подъ этимъ общимъ заглавіемъ помѣстили мы отдѣльныя замѣтки, оказавшіяся въ бумагахъ Юрія Ѳедоровича и написанныя имъ въ началѣ 1850 г. вскорѣ по пріѣздѣ въ Кіевъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ тѣхъ толковъ и сужденій, которые вызваны были инвентарною системою, вводившеюся тогда въ губерніяхъ Кіевской, Волынской и Подольской. Въ этоже время онъ началъ писать «Взглядъ на исторію поселянъ въ Польшѣ»; но этотъ историческій очеркъ, составленный преимущественно на основаніи сочиненій Рöппеля, Лелевеля и Бандтке, доведенъ только до XIV вѣка и остался недоконченнымъ; мы надѣемся, однако, помѣстить его въ приложеніи къ слѣдующему тому. Обширная записка «О крѣпостномъ состояніи и о переходѣ изъ него къ гражданской свободѣ» (17—136 стр.) была начата Самаринымъ въ 1853 году, вскорѣ послѣ того, какъ онъ вышелъ въ отставку, поселился въ Москвѣ и принялся за управленіе имѣніями своего отца. Но сельское хозяйство интересовало его только по связи своей съ крестьянскимъ вопросомъ. «Мы должны», писалъ онъ въ 1853 г. изъ деревни К. С. Аксакову, «свое дѣло сдѣлать, т.-е. освободить трудъ. Всѣ мои занятія направлены къ этой отдаленной цѣли. Теперь я составляю подробную ста-

тистику имѣнія; мнѣ хочется до возможной точности опредѣлить сумму вынуждаемаго труда и вывести его несоразмѣрность». Упомянутая записка была окончена въ началѣ 1854 года, слѣдовательно она была задумана и написана еще въ концѣ прошлаго царствованія, когда вопросъ объ упраздненіи крѣпостнаго права, повидимому, совершенно замеръ на неудавшемся указѣ 2 Апрѣля 1842 г. о обязанныхъ поселянахъ. Въ то время записка эта не была никому извѣстна, кромѣ небольшаго кружка близкихъ друзей; но когда Севастопольскій погромъ и заключенный послѣ того Парижскій трактатъ выдвинули крестьянскій вопросъ на первую очередь и указали на необходимость приступить неотложно къ его разрѣшенію, Юрій Θедоровичъ, состоя на службѣ въ ополченіи въ Сызрани, переработалъ свою записку и пустилъ ее въ обращеніе въ половинѣ 1856 года. Безпощаднымъ разоблаченіемъ всего зла, которое терпѣла Россія отъ крѣпостнаго права, записка Самарина, вмѣстѣ съ другими ходившими въ то время по рукамъ эманципаціонными проэктами, немало содѣйствовала распространенію въ нашемъ обществѣ убѣжденія, что часъ для упраздненія крѣпостнаго права пробилъ. Уже въ началѣ слѣдующаго 1857 года правительство взяло дѣло въ свои руки, открыло Секретный Комитетъ, переименованный черезъ годъ послѣ того въ Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу, и 18 Августа 1857 года были Высочайше утверждены главныя основанія, на которыхъ предположено было совершить реформу, постепенно, въ три періода, начавъ съ смягченія и облегченія крѣпостнаго состоянія и съ открытія помѣщикамъ способовъ и возможности увольнять крестьянъ по взаимнымъ съ ними соглашеніямъ. Юрій Θедоровичъ поставленъ былъ въ возможность принять дѣятельное участіе въ крестьянскомъ дѣлѣ въ это время, т.-е. въ Августѣ и въ Сентябрѣ 1857 года; имъ былъ написанъ и представленъ въ Комитетъ цѣлый рядъ записокъ, которыя мы напечатали съ сохранившихся черновыхъ ру-

кописей (144—190 и 400—432 стр.). Хотя рѣшенія, принятыя Комитетомъ, весьма близко подходили къ мыслямъ, изложеннымъ Юріемъ Өедоровичемъ въ пространной запискѣ о крѣпостномъ состояніи, однако вопросъ такъ быстро созрѣвалъ, что въ то время Самаринъ уже утратилъ надежду достигнуть значительныхъ результатовъ путемъ добровольныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами и ясно сознавалъ необходимость приступить къ разрѣшенію вопроса законодательнымъ путемъ (428 стр.). Поэтому онъ съ восторгомъ привѣтствовалъ Высочайшій рескриптъ 20 Ноября 1857 года, положившій начало открытію Губернскихъ Комитетовъ для составленія положеній объ улучшеніи быта крестьянъ.

Въ этомъ же томѣ помѣщено нами изслѣдованіе «Объ упраздненіи крѣпостнаго права и устройствѣ отношеній между помѣщиками и крестьянами въ Пруссіи». Хотя оно появилось въ печати въ 1858 году, но несомнѣнно, что оно было написано Юріемъ Өедоровичемъ еще въ 1857 году и имѣло значеніе приготовительной работы для разрѣшенія крестьянскаго вопроса въ Россіи. Правда, онъ не вполнѣ докончилъ свой трудъ, и заключеніе, въ которомъ онъ предполагалъ «показать, что́ можно извлечь для пользы нашего домашняго дѣла изъ этой длинной исторической справки», осталось ненаписаннымъ; но эта мысль проведена черезъ все изслѣдованіе, и читатель легко усмотритъ ее. Самарину представлялась вообще весьма поучительною исторія паденія Пруссіи въ началѣ нынѣшняго вѣка, паденія, къ которому привели ее застой и неурядица во внутреннихъ дѣлахъ и внѣшняя политика ея, начиная съ Базельскаго мира до несчастной для нея войны съ Наполеономъ, — «это сцѣпленіе постыдныхъ сдѣлокъ съ честью и совѣстью, несвоевременныхъ уступокъ и полумѣръ, возбуждавшее всеобщее негодованіе въ народѣ и презрѣніе въ сосѣднихъ державахъ» (стр. 243). Но еще поучительнѣе представлялась ему государственная дѣятельность Штейна

и Гарденберга, которымъ Пруссія обязана была своимъ возрожденіемъ, благодаря цѣлому ряду коренныхъ преобразованій, совершенныхъ ими не смотря на противодѣйствіе «партіи, завлекавшей Пруссію въ безвыходную политику и утѣшавшейся надеждою купить постыдный покой безусловною уступчивостью въ дѣлахъ внѣшнихъ и систематическимъ поддержаніемъ застоя внутри государства» (стр. 271). Поэтому Самаринъ находилъ, что «внимательное изученіе процесса внутренняго возрожденія Пруссіи должно бы принести намъ во многихъ отношеніяхъ немало практической пользы», и въ послѣдніе годы своей жизни, въ виду предполагавшейся у насъ податной реформы, онъ снова вернулся къ изученію этой эпохи Прусской исторіи и въ особенности преобразованій совершенныхъ Штейномъ и Гарденбергомъ въ области финансовъ.

Изъ этого краткаго обзора всего вошедшаго во II-ой томъ сочиненій Ю. Ѳ. Самарина видно, что, кромѣ изслѣдованія о Пруссіи, все остальное печатается въ первый разъ съ рукописей, большею частью черновыхъ, сохранившихся между бумагами Юрія Ѳедоровича. Въ оставшемся послѣ него архивѣ оказалось шесть большихъ связокъ, въ которыхъ собранъ имъ богатый матеріалъ для исторіи крестьянскаго дѣла въ Россіи, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ, сдѣланныхъ имъ самимъ, надписей на связкахъ: I. Инвентарныя правила; записки о крѣпостномъ правѣ и оффиціальныя переписки прошлаго царствованія. II. Записки разныхъ лицъ о крѣпостномъ состояніи. III. Дѣлопроизводство Губернскихъ Комитетовъ по крестьянскому дѣлу. IV. Дѣлопроизводство Редакціонныхъ Коммисій. V. Дѣлопроизводство Главнаго Комитета. VI. Дѣлопроизводство Губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ Присутствій.—Изъ сочиненій Юрія Ѳедоровича, сохранившихся въ этихъ связкахъ, укажемъ, кромѣ печатаемыхъ въ этомъ томѣ, на собраніе записокъ и мнѣній, внесенныхъ имъ въ Самарскій Комитетъ по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ;

на доклады, написанные имъ, когда онъ состоялъ членомъ Редакціонныхъ Коммисій; на разборы записокъ, которыя внесены были разными лицами въ Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу, когда въ немъ разсматривался проэктъ Положенія, составленный Редакціонными Коммисіями; на проэктъ Манифеста объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и т. д. Очевидно, что помѣщать въ собраніи сочиненій Самарина все написанное имъ по крестьянскому дѣлу не представляется возможности: приходится дѣлать выборъ и отдѣлять для печати, безъ строгаго отношенія къ самой формѣ сочиненія, только то, чтó имѣетъ значеніе либо для исторіи крестьянскаго дѣла въ Россіи, либо для біографіи Юрія Ѳедоровича—уясняя развитіе его мысли по разнымъ отдѣламъ этой сложной задачи, или же точнѣе опредѣляя его личный взглядъ и степень воздѣйствія, имъ оказаннаго на окончательное рѣшеніе вопроса.

Давность отъ двухъ до трехъ десятилѣтій раздѣляетъ насъ отъ сочиненій Самарина, вошедшихъ во II-й томъ, при томъ такихъ десятилѣтій, въ которыя Россія пережила цѣлый рядъ преобразованій, еще болѣе отдаляющихъ отъ насъ эпоху конца сороковыхъ и первой половины пятидесятыхъ годовъ. Поэтому очевидно, что для правильной и безпристрастной оцѣнки трудовъ по крестьянскому дѣлу, заключающихся въ этомъ томѣ, необходимо постоянно имѣть въ виду условія того времени, когда они были написаны. «Въ практическомъ дѣлѣ» говоритъ Юрій Ѳедоровичъ (324 стр.) «нѣтъ общепримѣнимыхъ формулъ. Задача законодательства заключается въ изысканіи лучшихъ мѣръ для данной эпохи, для данной мѣстности, при данныхъ условіяхъ». Въ этихъ видахъ, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ каждой статьѣ этого тома мы старались опредѣлить съ возможною точностью, къ какому времени она должна быть отнесена и при какихъ обстоятельствахъ была написана; сверхъ того мы надѣемся въ предисловіи къ слѣдующему тому представить краткій очеркъ

общественной и литературной дѣятельности его по освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ связи со всѣмъ ходомъ крестьянскаго дѣла въ Россіи.

Въ будущемъ году мы разсчитываемъ, сверхъ III-го тома, выпустить еще одинъ томъ богословскаго содержанія, всѣ труды по изданію котораго обязательно принялъ на себя профессоръ церковной исторіи въ Московскомъ университетѣ, протоіерей А. М. Иванцовъ-Платоновъ.

Дмитрій Самаринъ.

8 Октября 1878 года.

Оглавленіе втораго тома.

Стран.

Замѣчанія объ инвентаряхъ, введенныхъ въ 1847 и 1848 г. въ помѣщичьихъ имѣніяхъ Кіевской, Волынской и Подольской губерній, и о крѣпостномъ правѣ въ Малороссіи *).

I.

Общественное мнѣніе въ Кіевской губерніи, по крайней мѣрѣ мнѣніе просвѣщеннѣйшихъ изъ Русскихъ, рѣшительно въ пользу инвентарей. Всѣ убѣждены въ томъ, что они были необходимы; что, для перваго опыта, они составлены недурно, хотя могли бы быть лучше; что это только первый шагъ; наконецъ, что нравственное вліяніе ихъ на народъ было огромно и въ высшей степени благотворно.

Вотъ, по словамъ Тарновскаго, главныя неудобства нынѣшнихъ инвентарей. Тяглые обременены несоразмѣрно съ

*) Подъ этимъ общимъ заглавіемъ предпосылаемъ, какъ введеніе къ трудамъ Ю. Ѳ. Самарина по крестьянской реформѣ, нѣсколько отрывочныхъ замѣтокъ его, оказавшихся между документами и записками, собранными имъ во время трехлѣтняго пребыванія его въ Кіевѣ съ Декабря 1849 г. по Декабрь 1852 г., и касающимися введенія инвентарей въ юго-западномъ краѣ и вообще крѣпостнаго права. Ю. Ѳ. былъ переведенъ изъ Симбирска на службу въ Кіевъ къ генералъ-губернатору Д. Г. Бибикову въ Декабрѣ 1849 г. т. е. чрезъ два съ половиною года послѣ того, какъ были обнародованы и введены въ дѣйствіе въ Кіевской, Подольской и Волынской губерніяхъ Высочайше утвержденныя 26 Мая 1847 г. „Правила для управленія имѣніями по утвержденнымъ для оныхъ инвентарямъ“. Въ концѣ 1848 г., именно 29 Декабря, была Высочайше утверждена новая, измѣненная въ нѣкоторыхъ статьяхъ, редакція этихъ правилъ, и было приступлено къ разсмотрѣнію и утвержденію инвентарей по каждому отдѣльному имѣнію, тогда какъ до того времени, по распоряженію генералъ-губернатора, (съ цѣлью разомъ облегчить повинности крестьянъ и улучшить ихъ бытъ) были разосланы по имѣніямъ не самые инвентари, повѣрка и утвержденіе которыхъ

пѣшими *); сверхъ прежнихъ обязанностей, на нихъ навалили сгонные дни, и оттого многіе изъ тяглыхъ стали продавать свой скотъ, чтобы перейти въ разрядъ пѣшихъ. Урочное положеніе для жнецовъ и жницъ слишкомъ неопредѣлительно. Наконецъ, крестьянамъ не открыто вѣрнаго и надежнаго пути для доведенія своихъ жалобъ, въ случаѣ нарушенія инвентарнаго положенія, до высшаго начальства. Право жалобы не обезпечено; этотъ недостатокъ очень ощутителенъ.

Инвентари вводились со всевозможною торжественностью; они читались въ церкви, въ присутствіи исправниковъ и предводителей; потомъ служили молебны за здравіе Царской фамиліи, причемъ звонили въ колокола, такъ что вся губернія нѣсколько недѣль оглашалась колокольнымъ звономъ.

Крестьяне, когда узнали о своихъ правахъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ спрашивали куда обращаться съ жалобами, если ихъ будутъ притѣснять помѣщики. Имъ велѣно было въ такихъ случаяхъ выбирать двухъ или трехъ повѣренныхъ и посылать ихъ къ предводителю своего уѣзда. Скоро стали представляться случаи прибѣгать къ этому средству, ибо во многихъ мѣстахъ помѣщики начали толковать превратно инвентари и нарушать ихъ. Иногда и крестьяне неправильно понимали ихъ; въ особенности сгонные рабочіе дни, которые обязательны, а между тѣмъ доставляютъ

требовали значительной работы, а Высочайше утвержденныя правила 26 Мая 1847 года и выписки изъ инвентарей, представленныхъ помѣщиками, но не разсмотрѣнныхъ и не утвержденныхъ генералъ-губернаторомъ. Такимъ образомъ, Ю. Ѳ. пріѣхалъ въ Кіевъ, когда дѣло введенія инвентарныхъ правилъ было въ полномъ ходу, и хотя онъ, кажется, не принималъ самъ непосредственнаго въ немъ участія, но съ сочувствіемъ слѣдилъ за нимъ, какъ за первымъ приступомъ къ освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Позднѣе, въ 1863 году, онъ печатно высказалъ свой взглядъ на инвентарную систему въ статьяхъ своихъ: „Воспоминаніе о Д. П. Журавскомъ“ (см. т. I, стр. 219) и „Письмо къ редактору Дня по поводу защиты Кіевской администраціи г. Вл. Юзефовичемъ“ (см. т. I, стр. 309). *Прим. изд.*

*) На основаніи инвентарныхъ правилъ крестьяне раздѣлялись на нѣсколько разрядовъ: тяглыхъ (имѣющихъ достаточно рабочаго скота для обработки

имъ денежное вознагражденіе *), возбуждали сомнѣніе, довольно основательное. Но едва узнавалъ помѣщикъ, что крестьяне послали къ предводителю съ жалобою, онъ съ своей стороны призывалъ становаго на помощь противъ бунтующихъ крестьянъ. Ихъ сѣкли и лупили, не выжидая возвращенія посланныхъ, которые приходили впослѣдствіи съ увѣщаніемъ отъ предводителя и находили своихъ собратьевъ уже наказанными. Вслѣдствіе нѣсколькихъ подобныхъ случаевъ, становые были устранены отъ разбора подобныхъ дѣлъ, которыя предоставлены были исправникамъ. Эту мѣру одобряютъ: вопервыхъ, потому, что исправникъ все-таки высшаго и лучшаго разряда человѣкъ; вовторыхъ, устранена была немедленная расправа, такъ какъ земскій исправникъ невсегда подъ рукою и потому, по необходимости, долженъ былъ иногда помѣщикъ оканчивать дѣло полюбовно.

Въ одномъ имѣніи священникъ, подкупленный помѣщикомъ, сталъ увѣрять крестьянъ, что по Положенію съ нихъ приходится лишній рабочій день. Народъ сталъ роптать. Въ воскресенье, по окончаніи обѣдни, крестьяне громко потребовали, чтобы священникъ прочелъ имъ инвентарь; онъ отпирался. Какая-то бойкая баба крикнула, чтобы *громадою* (гурьбою) заняли церковныя двери и не выпускали священника; однако онъ улизнулъ. Баба, сдѣлавшаяся органомъ воли народной, велѣла читать дьячку, который, бывши заодно съ священникомъ, сталъ читать по своему; тогда, вырвавъ у него инвентарь, баба выбѣжала съ нимъ и скрылась. Она добралась до П-ва и разсказала ему все дѣло. П. сталъ ее усовѣщивать и говорить, какъ же она могла вырвать и утащить инвентарь: „вѣдь это Царское слово!“ Она отвѣчала: „Такъ если Царскаго слова нельзя читать въ церкви, такъ можно и вырвать его!“

земли собственными средствами), полутяглыхъ (или пѣшихъ), огородныхъ и бобылей. *Прим. изд.*

*) На основаніи инвентарныхъ правилъ крестьяне обязаны были, сверхъ опредѣленной барщины, отработывать на помѣщика съ каждаго способнаго работника обоего пола въ годъ по 12 лѣтнихъ сгонныхъ дней, но получали за эти дни отъ помѣщика плату по утвержденной таксѣ. *Прим. изд.*

У Т—каго, послѣ объявленія инвентарей, крестьяне съ радости по ночамъ ходили толпами и распѣвали пѣсни. Священнику это не понравилось; онъ жаловался, что ему не даютъ спать; но Т. не далъ жалобѣ хода, говоря, что надобно дать накричаться, что веселье народа слишкомъ понятно, а налагать молчанье небезопасно. Скоро, однако-же, нѣсколько пьяныхъ вольнонаемныхъ работниковъ выломали гдѣ-то ворота, вышибли стекла и т. п. Т. на другой же день велѣлъ всенародно на гумнѣ и полѣ сѣчь всѣхъ виновныхъ; ихъ было до десяти; это продолжалось нѣсколько дней. Никто за нихъ не заступался; даже пришелъ старикъ-хозяинъ просить, чтобы и его сына проучили, который тоже буянилъ. Все успокоилось. Въ другомъ мѣстѣ крестьяне переломали господскую мебель и перебили зеркала; но виноватъ въ этомъ, какъ говорятъ, былъ самъ помѣщикъ. Въ Чигиринскомъ уѣздѣ кое-гдѣ прошли Донскіе казаки и потрепали кое-кого нагайками — и только; большею частью спокойствіе нарушено не было; крестьяне скоро поняли свои права, но всякій разъ, во время обѣдни, ожидаютъ чего-нибудь новаго.

По увѣренію всѣхъ помѣщиковъ, народа узнать нельзя, такъ онъ преобразился: онъ ходитъ веселѣе, держитъ прямѣе голову; по выраженію Т., такъ подняло его вдругъ сознаніе, что у него есть право. Народъ называетъ инвентари *добро*. Въ похвалу ихъ, къ этому ничего прибавить нельзя.

Между тѣмъ, по той сторонѣ Днѣпра, ходятъ толки о преобразованіи; мѣстами крестьяне требовали отъ священниковъ, чтобы они не таили *добра* и сообщили его. Священники отвѣчали, что это до нихъ не касается, что они ничего не получали. „Хорошо, мы подождемъ“, говорили, расходясь, крестьяне. Въ Февралѣ *) прошлаго года, когда читался манифестъ, слова: „да не будетъ такъ“ сильно подѣйствовали на народъ, который принялъ ихъ за давно ожиданную добрую вѣсть. Между тѣмъ помѣщики Полтавскіе и въ

*) Это конечно описка, такъ какъ приведенныя слова находятся въ Высочайшемъ манифестѣ 14 Марта 1848 г. „О событіяхъ въ Западной Европѣ“. Изъ словъ „прошлаго года“ очевидно, что эта замѣтка написана Ю. Ѳ—чемъ въ зиму съ 1849 на 1850 г., вскорѣ по пріѣздѣ въ Кіевъ. *Прим. изд.*

усъ себѣ не дуютъ. Ихъ безпечность, безпорядочность управленія и произволъ доходятъ до послѣднихъ предѣловъ, такъ что, по мнѣнію Г. и Т., введеніе инвентарей было бы тамъ еще нужнѣе, чѣмъ въ Кіевской губерніи. У Поляковъ, какъ бы мало они ни сочувствовали народу, издавна существовалъ порядокъ въ управленіи; въ Малороссіи этого нѣтъ: посемейные списки и подворныя описи—тамъ рѣдкость. Къ тому же тамъ имѣнія раздроблены до крайности; душа не почитается тамъ недѣлимою единицею: есть крестьяне, которые составляютъ собственность двухъ, даже трехъ помѣщиковъ и работаютъ въ недѣлю день на одного, день на другаго, и день на третьяго, такъ что, по выраженію Т., онъ успѣетъ въ одну недѣлю побывать въ аду, въ раю и въ чистилищѣ. Дворянство большею частію состоитъ изъ поповичей и выслужившихся казаковъ, которые всевозможными средствами извлекаютъ доходы. Напримѣръ, у одного 200 десятинъ земли обработываются 20 крестьянами, которые даже не имѣютъ хуторовъ, т. е. своихъ домовъ, а живутъ на одномъ дворѣ съ помѣщикомъ, во флигеляхъ. „У меня хозяйство семейное",—говорилъ этотъ помѣщикъ.

Воздѣлываніе свекловицы въ большихъ размѣрахъ имѣло огромное вліяніе на здѣшній край, и совпаденіе этого экономическаго факта со введеніемъ инвентарей немало содѣйствовало ихъ благотворному вліянію. Еще до введенія ихъ, воздѣлываніе свекловицы вызвало огромное требованіе вольнаго труда, возвысило его цѣнность и пріучило помѣщиковъ уважать его. Прежде, нанять чужаго, бѣглаго крестьянина, почиталось дѣломъ безчестнымъ; теперь всѣ дѣлаютъ это по необходимости, и никто не жалуется. Помѣщики, воздѣлывающіе свекловицу, зазываютъ бабъ изъ сосѣднихъ деревень; онѣ приходятъ тысячами и договариваются о цѣнѣ. Другіе отбиваютъ ихъ обѣщаніемъ высшей платы; начинается торгъ, но о крѣпостномъ правѣ и помину нѣтъ. Потребность вольнаго труда такъ велика, стремленіе рабочихъ силъ къ нему такъ неудержимо, что притязанія, основанныя на буквѣ устарѣлаго закона, какъ бы умолкли.

Но за то, это же самое развитіе заводовъ и фабрикъ въ Кіевской губерніи бѣдственно для крестьянъ Малороссій-

скихъ, гдѣ еще существуетъ крѣпостное право во всей его силѣ. Тамъ, какъ и у насъ въ иныхъ мѣстахъ, помѣщики торгуютъ рабочею силою своихъ крестьянъ. Фабриканты посылаютъ Жидовъ за Днѣпръ подряжать людей у помѣщиковъ; они вербуютъ ихъ сотнями, забираютъ деньги и отпускаютъ съ Жидомъ безъ продовольствія, безъ теплой одежды. Т. разсказывалъ, что встрѣтилъ на паромѣ цѣлую партію такихъ невольниковъ, разныхъ возрастовъ и обоего пола, которыхъ подрядилъ Жидъ. „Не лучше ли бы набирать вольныхъ?“—„Э, что вольныхъ!... Съ ними хлопоты, а здѣсь сторговался съ помѣщикомъ, и конецъ. Вотъ у меня было съ 50 человѣкъ бѣжало назадъ съ дороги; я воротился къ помѣщику съ жалобою; перепороли ихъ нагайкою; теперь и дѣлай все, что хочешь“. Въ послѣднихъ словахъ, говорилъ Т., было такое выраженіе, отъ котораго я содрогнулся. И дѣйствительно, пришедши на мѣсто, эти бѣлые негры томятся болѣзнями, умираютъ десятками, тоскуютъ и бѣгутъ толпами, такъ что въ работахъ бываютъ остановки.

По увѣренію Т—каго, отъ введенія инвентарей доходъ съ 1500 душъ умалился на шесть тысячъ серебромъ; но онъ добровольно отказался отъ сгонныхъ дней.

Крестьяне вообще сговорчивы; но тамъ, гдѣ помѣщикъ притѣснялъ ихъ прежде, они сдѣлались тонкими юристами и, ухватившись за букву новаго Положенія, гдѣ только могутъ, придираются къ его распоряженіямъ.

Какъ бы то ни было, опытъ сдѣланъ, и опытъ удался. Огромный переворотъ произошелъ мирно, безъ шума и кровопролитій, которыми насъ пугаютъ недобросовѣстные защитники крѣпостнаго права. Всѣ помѣщики видятъ въ инвентаряхъ только начало, приступъ къ дѣлу, и ожидаютъ продолженія.

II *).

Генералъ-губернаторъ въ своихъ отчетахъ много разъ приводилъ въ пользу введенныхъ имъ инвентарей слѣдующій

*) Написано тоже между 1849—1852 г., но, повидимому, позже перваго отрывка. *Прим. изд.*

фактъ: со времени введенія инвентарей, имѣнія въ губерніяхъ Кіевской, Волынской и Подольской не только не упали, но даже поднялись въ цѣнѣ, какъ при продажѣ ихъ, такъ и при отдачѣ въ арендное содержаніе.

Это справедливо, но вовсе не есть доказательство въ пользу инвентарей. Цѣнность имѣній возвысилась не *вслѣдствіе*, а *несмотря* на введеніе инвентарей и уменьшеніе барщины. Вотъ причины: 1) со введеніемъ инвентарей совпало введеніе нормальныхъ цѣнъ на вино, т. е. возвышеніе цѣнъ противъ прежнихъ вольныхъ цѣнъ. Въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ, разбитыхъ на множество мелкихъ помѣстій, на дѣлѣ цѣны остались тѣже, какъ и прежде, потому что мелкіе помѣщики другъ передъ другомъ сбавляли цѣны, отбивая одинъ отъ другаго потребителей. Въ Кіевской губерніи цѣны держались выше, ближе подходили къ нормальнымъ, потому что помѣщиковъ меньше, а большихъ имѣній больше. Браницкіе, владѣя 10 т. душами въ одной окружной межѣ, могли удержать у себя нормальную цѣну; вообще этимъ воспользовались большіе помѣщики; 2) главная причина—конфискація имѣній мятежниковъ и замѣшанныхъ въ заговорѣ Канарскаго, обращеніе казенныхъ имѣній подъ военныя поселенія, переводъ казенныхъ крестьянъ на оброкъ и прекращеніе отдачи въ поссесію казенныхъ имѣній. Вся эта масса имѣній, въ прежнее время, до введенія инвентарей, мелкими участками отдавалась въ арендное содержаніе; какъ скоро это было прекращено, естественно поссесоры должны были обратиться къ частнымъ владѣльцамъ, и сильный запросъ быстро поднялъ арендную плату на *мелкія имѣнія*. Они-то преимущественно и возвысились въ цѣнѣ; большія имѣнія продавались и отдавались въ поссесію почти по той же цѣнѣ, какъ и прежде; 3) послѣдняя причина—паденіе личнаго кредита, чрезвычайно развитаго въ краѣ до 1830 года. Кредитъ упалъ: вопервыхъ, вслѣдствіе конфискаціи имѣній и дѣйствій ликвидаціонныхъ комиссій; вовторыхъ, вслѣдствіе упраздненія Литовскаго Статута; втретьихъ, содѣйствовалъ тому же коммерческій банкъ; вчетвертыхъ, введеніе акцизной системы нанесетъ послѣдній ударъ кредиту и въ тоже время уронитъ цѣнность имѣній.

III *).

Необходимость нормальныхъ участковъ, какъ средства избѣгнуть излишняго неравенства состоянія крестьянъ между собою.—При опредѣленіи этого участка нельзя имѣть въ виду: 1) ни обезпеченія каждаго хозяйства въ его существованіи независимо отъ постороннихъ средствъ, ибо таковое обезпеченіе предполагаетъ не только достаточное количество земли, но и средства къ ея обработанію, т. е. скотъ, который не у всѣхъ крестьянъ имѣется; 2) ни соразмѣренія каждаго участка со средствами каждаго хозяйства: вопервыхъ потому, что потребовалось бы ввести много разрядовъ, какъ-то: тяглыхъ, четверныхъ, плуговыхъ; вовторыхъ потому, что средства безпрестанно измѣняются.

Слѣдовательно, нормальный участокъ нуженъ только для того, чтобы каждому хозяйству дать самостоятельное положеніе въ составѣ крестьянскаго общества и средство возвысить собственнымъ трудомъ свое состояніе. Поэтому нормальный участокъ долженъ выражать minimum надѣла, предоставленный всѣмъ безъ изъятія хозяйствамъ.

---

*) Инвентарными правилами было постановлено: „Вся земля, находящаяся нынѣ въ пользованіи крестьянъ и подробно означенная въ инвентарѣ, должна, какъ мірская, оставаться у нихъ безъ всякаго измѣненія“. Слѣдовательно, инвентари, утвердивъ за крестьянами существовавшій въ каждомъ имѣніи поземельный надѣлъ и установивъ для всѣхъ имѣній одинакую барщину (съ тяглаго семейства 3 дня съ упряжью и 1 день женскій, съ полутяглаго 2 дня пѣшихъ и 1 день женскій въ недѣлю), не соразмѣрили повинности съ поземельнымъ надѣломъ. Этой цѣли предполагалось достигнуть посредствомъ производства люстраціи помѣщичьихъ имѣній. Проэктомъ Положенія о люстраціи, составленнымъ въ 1849 году и препровожденнымъ на заключеніе генералъ-губернатора, предполагалось для надѣленія крестьянъ землею принять за масштабъ: „нужное для каждаго семейства количество земель и угодій для обезпеченія его быта и безъ превышенія хозяйственныхъ способовъ его для обработки“, а за единицу для надѣленія землею—„нормальные участки“. Замѣтка Ю. Ѳ. написана, повидимому, на эту статью проэкта Положенія о люстраціи и любопытна потому, что въ ней выражена первоначальная мысль его по одному изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ крестьянской реформы, по вопросу о надѣлѣ. *Прим. изд.*

Нормальнымъ участкомъ признается участокъ пѣшаго, какой назначенъ по представленнымъ инвентарямъ въ каждомъ имѣніи.

IV *).

Г-ъ близко ознакомился съ бытомъ крестьянъ въ Малороссіи. Разъ старуха, разболтавшись съ нимъ, употребила выраженіе *людска кровь*; изъ распросовъ оказалось, что этими двумя словами крестьяне обозначаютъ все вообще имущество помѣщика: его домъ, скотъ, хозяйственныя принадлежности и т. д.

Намѣреваясь по возможности улучшить бытъ своихъ крестьянъ, Г-ъ разговорился объ этомъ предметѣ со старикомъ и просилъ у него совѣтовъ и разъясненія причины, почему благосостояніе крестьянъ приходило въ упадокъ. Помявшись нѣсколько времени, крестьянинъ отвѣчалъ ему слѣдующее: „Дѣдъ твой былъ гораздо богаче отца твоего и тебя, а жилъ простѣе, истрачивалъ немного; у него было нѣсколько сыновей; имѣніе раздѣлилось, а каждый хотѣлъ жить не только не хуже дѣда твоего, но еще прибавилъ разныя затѣи; имѣніе отца твоего тоже раздробилось, и тебѣ досталась только часть; значитъ, ты бѣднѣе его, а между тѣмъ у отца твоего не было ни такого дома, ни такой роскоши,—такъ о чемъ же еще толковать?“

Въ другой разъ Г-ъ выслушалъ длинную рѣчь старика-крестьянина, который доказывалъ ему, что панщина была главною причиною разстройства семейнаго быта, ослабленія семейныхъ связей и паденія нравственности. Онъ выводилъ это изъ того, что частое требованіе рабочихъ душъ на панщину, особенно женщинъ, заставляло поневолѣ отца и мать отлучаться изъ дому въ то время, какъ имъ нужно бы въ немъ оставаться; что дѣти отвыкали понемногу отъ родительской власти, росли на свободѣ; что близкій и постоянный надзоръ со стороны родителей становился черезъ

*) Написано одновременно съ отрывкомъ I-мъ съ котораго начинается эта статья, слѣдовательно въ зиму съ 1849 на 1850 года. *Прим. изд.*

это невозможнымъ; а родители, зная, что надзоръ не можетъ быть постояненъ, совсѣмъ отъ него отказались, утѣшаясь тѣмъ, что за послѣдствія не они будутъ отвѣчать.

По всѣмъ разсказамъ и наблюденіямъ Малороссійскихъ помѣщиковъ (Полтавской и Черниговской губерній), крестьяне находятся тамъ въ самомъ жалкомъ положеніи. Крѣпостное право,—которое въ Великороссіи, можно сказать, прошло періодъ своего поступательнаго развитія и убійственнаго возрастанія и теперь находится уже въ оборонительномъ положеніи, въ упадкѣ, смягчаясь и уступая шагъ за шагомъ,—напротивъ того, въ Малороссіи только что достигло до полнаго сознанія своей силы и проявляется съ торжествующею самоувѣренностью. Такъ и должно было быть. Въ Великороссіи оно введено раньше, раньше и склоняется къ упадку. Въ то время, какъ тамъ оно давило беззащитный народъ всею тягостью своихъ притязаній, подкрѣпленныхъ просвѣщеннымъ невѣжествомъ и холоднымъ презрѣніемъ высшихъ сословій, въ Малороссіи еще крѣпко держались первобытныя, патріархальныя отношенія между народомъ и помѣщиками, не вдругъ понявшими какое оружіе вложено имъ въ руки. Въ то время барщина была легка; запашки господскія невелики, потребности немногосложны; усиленныя работы, исправляемыя поголовно или цѣлыми селеніями (*громадою*, по здѣшнему выраженію), походили болѣе на сельскіе праздники. Такъ, во время покосовъ или жнитва, помѣщикъ посылалъ приглашать на работу своихъ и чужихъ крестьянъ, самъ выходилъ съ ними въ поле и предлагалъ обильное угощеніе. Все это мало-по-малу измѣнялось: имѣнія, переходя отъ одного поколѣнія къ другому, дробились; средства помѣщиковъ сокращались, а потребности ихъ, большею частью искусственныя, умножались. Никто не искалъ средствъ къ удовлетворенію ихъ въ улучшенномъ хозяйствѣ, въ изысканіи новыхъ источниковъ доходовъ; простѣйшее средство было подъ рукою у каждаго: оно заключалось въ невозбранномъ усиленіи крестьянскихъ повинностей. Дѣйствительно, онѣ были увеличены до невѣроятной степени; съ тѣмъ вмѣстѣ исчезли патріархальные нравы: явилось принужденіе, насиліе во всѣхъ видахъ, и народъ ощутилъ од-

ну холодную власть своихъ господъ, черствый, грубый эгоизмъ. По сю сторону Днѣпра, въ Польской Украинѣ, гдѣ большая часть помѣщиковъ Поляки и католики, было еще менѣе сочувствія между ними и народомъ; но за то здѣсь издавна установился порядокъ въ способѣ хозяйничанья: вѣрный разсчетъ до нѣкоторой степени обуздалъ помѣщичій произволъ и сдѣлалъ то, чего бы никогда не сдѣлало болѣе благородное и безкорыстное побужденіе. Въ Малороссіи же первобытная патріархальность исчезла, а правильное управленіе еще не установилось. Тамъ господствуетъ самое ужасное сочетаніе безчувственности и безпорядочности въ помѣщичьемъ хозяйствѣ; требованія помѣщиковъ непомѣрны; средства истязанія развратили народъ и сдѣлали его безчувственнымъ. Въ имѣніи, которымъ управляетъ Т., ежедневно сѣкли отъ 40 до 60 бабъ, въ томъ числѣ и беременныхъ; отъ этого было много несчастныхъ случаевъ; падучая болѣзнь распространилась. Онъ далъ приказаніе прекратить эти наказанія и, естественно, никто не сталъ выходить на барщину; нужно было опять прибѣгнуть къ розгамъ, и только мало-по-малу и постепенно можно было смягчить эту варварскую систему. Человѣкъ привыкаетъ къ жестокому обращенію, какъ пьяница къ крѣпкимъ напиткамъ: кто пріученъ къ побоямъ, тотъ не скоро исполнитъ приказаніе неподкрѣпленное палкою; кто, не морщась, глотаетъ пѣнное вино стаканами, того не развеселитъ шампанское; сердце грубѣетъ и черствѣетъ, какъ нёбо.

Вотъ случай, разсказанный Г-мъ. Имѣніемъ N... Полтавской губерніи управлялъ Полякъ. Онъ засталъ крестьянъ въ довольствѣ и разорилъ ихъ, разорилъ преднамѣренно, систематически. Онъ гласно и дерзко развивалъ теорію, по которой богатый крестьянинъ казался ему язвою въ селеніи: съ нимъ не сладишь, онъ разсуждаетъ и торгуется, а доведи его до нищеты,—придетъ умолять, чтобы ему дали работу изъ насущнаго хлѣба. Примѣняя систематически свою теорію, этотъ усердный рачитель о выгодахъ и пользѣ своего помѣщика обременялъ крестьянъ барщиною, переносилъ избы съ однаго мѣста на другое и самыхъ богатыхъ выселилъ въ отдаленную степь и, въ честь помѣщику, прозвалъ

эту выселку Х...ою. Вотъ иронія!—Но былъ одинъ крестьянинъ, надъ которымъ умѣнье Поляка не имѣло силы. Вопреки всѣмъ усиліямъ его, онъ держался крѣпко, хозяйство его процвѣтало, не скудѣло, и онъ съ самодовольствіемъ повторялъ: „Врешь вражій Ляхъ, не одолѣешь". Этого крестьянина звали Метелица. Ляхъ озлился и придумалъ слѣдующее. Выждавъ ненастнаго осенняго времени, когда земля размокла и дороги испортились, онъ послалъ Метелицу куда-то вдаль за лѣсомъ. Побрелъ Метелица, переваливаясь, вслѣдъ за своими волами, а между тѣмъ Полякъ разобралъ его избу, дворъ, вырвалъ изъ богатаго его сада деревья и кусты и все это перевезъ въ Х...ку и, какъ было, свалилъ въ груду. Ѣдетъ Метелица назадъ: цопъ! цопъ! помахиваетъ кнутомъ и въѣзжаетъ въ село. Время было къ вечеру. Смотритъ, гдѣ жъ его хата; она стояла третьею отъ заставы. Недоумѣваетъ Метелица и смотритъ кругомъ. Навстрѣчу идетъ мужикъ, и спрашиваетъ его Метелица въ какое онъ попалъ село. — А Грыцко! Да якъ же ты не позналъ своего села? — Да гдѣ жъ моя хата?—И тутъ узнаетъ онъ, что хата его разобрана, свезена, садъ опустошенъ, жена и дѣти размѣстились по сосѣднимъ дворамъ. Обезумѣлъ Метелица, и, какъ былъ, головою въ колодезь. Крестьяне сбѣжались и вытащили его; онъ остался живъ, но не перенесъ удара, упалъ духомъ, хозяйство его пропало. А Полякъ дразнилъ его и говорилъ: „Яжъ у тебя не взялъ ничего, все сложилъ на мѣсто, вонъ и деревья твои торчатъ корнями вверхъ"....

Дошли ли обо всемъ этомъ слухи въ Петербургъ или самому N... вздумалось, между прочимъ, узнать, что̀ и какъ у него въ имѣніи, только обратился онъ къ сосѣду и родственнику своему М... съ просьбою сообщить ему правду о его хозяйствѣ и положеніи крестьянъ. М... описалъ все, но придалъ разсказу какой-то авторскій колоритъ; отъ этого дѣла̀, сами по себѣ невѣроятныя, показались еще менѣе правдоподобными, и успокоенный помѣщикъ благополучно отправился за границу.

Между тѣмъ, Полякъ продолжалъ свои опустошенія. Бѣдные крестьяне, у которыхъ онъ отобралъ пахатную землю,

чтобы сколько-нибудь спасти свою независимость обезпеченіемъ своего продовольствія, посѣяли рожь въ своихъ огородахъ; вышла рожь чудесная. Полякъ понялъ умыселъ, и, недавши ей вызрѣть, велѣлъ ее перепахать; крестьяне потупили голову, но исполнили приказаніе. Они стояли кружкомъ подлѣ гуменъ своихъ и молча смотрѣли на произведенное опустошеніе. Недовольный этимъ, Полякъ послалъ своего помощника сказать имъ отъ себя: „Чего молъ было медлить, рожь была спѣлая, зерно наливное". Но исполнитель этого приказанія поплатился дорого за свое усердіе: мѣра терпѣнія переполнилась. Въ отвѣтъ на насмѣшливыя слова, одинъ крестьянинъ сказалъ: „А коли вызрѣла, такъ и молотить время", и съ этимъ словомъ сильною рукою, схвативъ прикащика, хватилъ его объ земь. Толпа сдвинулась вокругъ него, взмахнула цѣпами, и несчастная жертва страшной мести скоро обратилась въ безобразную массу, въ которой уже нельзя было признать подобія человѣческаго тѣла.... Началось дѣло; перепуганный помѣщикъ пріѣхалъ въ имѣніе. Двадцать человѣкъ пошло въ Сибирь; а Полякъ?.. Ему было строжайше запрещено, по настоянію N..., впредь управлять имѣніями; а теперь въ 15 верстахъ оттуда, онъ служитъ управляющимъ въ сосѣднемъ помѣстьѣ.... Quousque tandem!...

Т—ій вывелъ изъ своихъ наблюденій, что въ крѣпостномъ сословіи смертность постоянно бываетъ сильнѣе, чѣмъ въ другихъ, напримѣръ, между государственными крестьянами и казаками,— при совершенно одинаковыхъ условіяхъ климатическихъ, при одинаковой мѣстности, одинаковыхъ занятіяхъ, пищѣ, образѣ жизни. Это плюсъ смертности онъ назвалъ *мертвящею силою крѣпостнаго состоянія* *)

---

*) Подобное же замѣчаніе отмѣчено было Ю. Ѳ—чемъ и въ Симбирскѣ, незадолго передъ пріѣздомъ въ Кіевъ. Между разными документами и бумагами, собранными имъ по крѣпостному праву и озаглавленными „Матеріалами для исторіи мертвящей силы", находится слѣдующая замѣтка: „По свѣдѣніямъ Трубникова, въ удѣльныхъ имѣніяхъ Ардатовскаго уѣзда, отъ предпослѣдней ревизіи до послѣдней, народонаселеніе возрасло до 15%, въ помѣщечьихъ уменьшилось. Прибыль смертности въ послѣднихъ особенно между дѣтьми. Имѣнія не дробятся, а напротивъ совокупляются, хотя медленно, и

V [1]).

Вся статья отъ А. до В. [2]) вызываетъ возраженія, которыхъ бы легко было избѣгнуть, измѣнивши нѣсколько редакцію.

Неясность въ сравненіи производства земледѣлія у насъ съ производствомъ его въ другихъ земляхъ проистекаетъ главнѣйшимъ образомъ изъ того, что авторъ, говоря объ Англіи и Франціи, употребляетъ слишкомъ неопредѣленное выраженіе—*земледѣлецъ*. Кого разумѣть подъ этимъ словомъ: собственника земли, фермера или рабочаго?

У насъ, точно также какъ и тамъ, земледѣліе требуетъ совокупленія трехъ условій: земли, капитала и труда; но тамъ этимъ тремъ условіямъ соотвѣтствуютъ три различныхъ класса: собственники, фермеры, рабочіе; у насъ только два: помѣщики и рабочіе. Роль западнаго фермера у насъ достается частью на долю помѣщика, частью же—на долю крестьянина. Помѣщикъ, въ качествѣ не собственника, а фермера, употребляетъ денежный капиталъ на пріобрѣтеніе права располагать трудомъ рабочихъ и ихъ орудіями; иными словами: онъ покупаетъ землю вмѣстѣ съ крестьянами, къ ней прикрѣпленными; какъ принадлежность имѣнія, они входятъ въ составъ цѣны его. Крестьянинъ, также въ качествѣ фермера, а не рабочаго, употребляетъ денежный капиталъ на покупку скота и орудій, которые принадлежатъ ему, хотя помѣщикъ располагаетъ ими на половину); наконецъ, кре-

---

число мелкопомѣстныхъ уменьшается; есть, впрочемъ, имѣнія гдѣ крестьяне имѣютъ менѣе 4 аршинъ на душу—мѣсячники." *Прим. изд.*

[1]) Эта замѣтка написана въ зиму съ 1849 на 1850 г. на вторую часть „Статистическаго описанія Кіевской губерніи" Д. П. Журавскаго, посвященную обозрѣнію сельскаго хозяйства и поземельной собственности и прочитанную Ю. Ѳ—чемъ еще въ рукописи (см. въ I томѣ его сочиненій „Воспоминаніе о Д. П. Журавскомъ", стр. 215). *Прим. изд.*

[2]) Во второй части „Статистики Кіевской губерніи", глава II-я посвящена обозрѣнію помѣщичьихъ имѣній, и въ ней помѣщено подъ литерою А. изслѣдованіе о величинѣ и распредѣленіи поземельной собственности между помѣщиками, а подъ лит. Б.—о хозяйствѣ помѣщиковъ (см. „Статистическое описаніе Кіевской губерніи", изданное Фундуклеемъ. Спб. 1852 г., ч. II).

стьянинъ, получая землю для обработки на свой счетъ, извлекая доходъ соразмѣрный съ степенью урожая, т. е. соразмѣрно съ успѣхомъ земледѣльческаго предпріятія, а не просто плату за трудъ, во всѣхъ этихъ отношеніяхъ участвуетъ въ этомъ предпріятіи, какъ фермеръ, а не какъ рабочій. Другая разница между порядкомъ, существующимъ на Западѣ, и тѣмъ, который ведется у насъ, заключается въ томъ, что тамъ фермеръ можетъ распустить своихъ рабочихъ на всѣ четыре стороны, а собственникъ—отказать своимъ фермерамъ и обратить всю свою землю въ паркъ; у насъ же помѣщикъ и крестьяне связаны неразрывно. Крестьянинъ *долженъ* работать на помѣщика; помѣщикъ *долженъ* надѣломъ земли обезпечить своихъ крестьянъ. Поэтому ихъ взаимныя отношенія должны быть *ненарушимы* и основаны на *справедливости*. Теперь они основаны на произволѣ, почти неограниченномъ, одного помѣщика, на насиліи и оттого тягостны для крестьянъ. Когда они измѣнятся, вслѣдствіе ли добровольной между ними сдѣлки, или на основаніи нормы, введенной правительствомъ, тогда установится законный порядокъ, вытекающій изъ условій нашего историческаго развитія. Въ основѣ его лежитъ, мнѣ кажется, *понятіе о нераздѣльности земледѣльца съ землею*, понятіе совершенно чуждое Западной Европѣ. Эта *нераздѣльность* проявляется двоякимъ образомъ: *какъ зависимость земледѣльца отъ земли*—крѣпостное право, и *какъ зависимость земли отъ земледѣльца*, т. е. отношеніе обратное, осуществленіе котораго предоставлено будущему.

Предлагая на обсужденіе автора личное мое воззрѣніе на этотъ предметъ, можетъ быть и ошибочное, я позволю себѣ сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній на его мысли или точнѣе на нѣкоторыя его выраженія, замѣчанія вовсе независимыя отъ моего взгляда.

Тамъ (т. е. во Франціи и Англіи), говоритъ авторъ, употребляется основный капиталъ на пріобрѣтеніе земли и на обзаведеніе скотомъ, орудіями и т. д. Вопервыхъ, и у насъ нельзя пріобрѣсти земли иначе какъ употребивъ на то капиталъ; вовторыхъ, въ Англіи и большей части Франціи все исчисленное пріобрѣтается не на одинъ капиталъ, а на два,

не однимъ капиталистомъ, а двумя: собственникомъ и фермеромъ. Участіе этихъ двухъ капиталовъ совершенно раздѣльно, такъ что капиталъ, употребленный на покупку земли, можетъ приносить огромную ренту, а капиталъ фермера—ничтожные проценты, и наоборотъ. Доходъ того и другаго зависитъ отъ обстоятельствъ, не имѣющихъ между собою никакой связи.

„Настоящаго оборотнаго капитала помѣщики вовсе не истрачиваютъ". Выраженная въ такой формѣ, эта мысль противорѣчитъ тому, чтò говоритъ авторъ во многихъ мѣстахъ о расходахъ на управленіе, покупку сѣмянъ, скота и орудій для обзаведенія ли крестьянъ или для обработки собственныхъ полей. Къ этому должно прибавить: обязанность продовольствовать крестьянъ въ неурожайные годы, отвѣчать за взносъ податей и т. д. *).

---

*) Хотя, повидимому, вслѣдствіе этой замѣтки Ю. Ѳ—ча, Журавскій и измѣнилъ редакцію главы II-й (см. „Стат. опис. Кіевск. губер." II, стр. 48 и 49), но съ послѣднимъ замѣчаніемъ онъ не согласился и, конечно, отвѣтомъ на него служитъ слѣдующее примѣчаніе, напечатанное имъ на стр. 49 и 50: „Замѣтимъ здѣсь, что мы не согласны съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ помѣщиковъ, которые считаютъ замѣною оборотнаго капитала тягости, лежащія на нихъ относительно къ продовольствію крестьянъ въ неурожайные годы, снабженію ихъ скотомъ послѣ падежей, обстройкѣ послѣ пожаровъ, уплатѣ податей за несостоятельныхъ и т. п. Все это относится не къ хозяйству въ собственномъ смыслѣ, а къ *общинному устройству* крестьянъ. Всѣ означенныя пособія и многія другія крестьянинъ получаетъ отъ общины, гдѣ она устроена правильно, какъ, напримѣръ, въ государственныхъ имѣніяхъ. Каждый помѣщикъ можетъ ввести въ своемъ имѣніи точно такое же устройство: это предоставлено ему закономъ. Онъ представитель общины, хотя еще и неустроенной, и несетъ всѣ ея обязанности относительно къ каждому члену общины. А если эти обязанности, при добросовѣстномъ ихъ исполненіи, бываютъ иногда убыточны для помѣщика, то это надобно приписать не къ невыгодамъ владѣнія, а недостатку хорошаго общиннаго устройства крестьянъ, такого устройства, чтобы они могли сами себѣ помогать, не полагаясь ни на кого." *Прим. изд.*

О крѣпостномъ состоянiи и о переходѣ изъ него къ гражданской свободѣ *).

Съ самаго начала Восточной войны, когда еще никто не могъ предвидѣть ея несчастнаго исхода, громадныя приготовленія нашихъ враговъ озабочивали людей, понимавшихъ положеніе Россіи гораздо менѣе, чѣмъ наше внутреннее неустройство.

Событія оправдали ихъ опасенія. Мы сдались не передъ внѣшними силами западнаго союза, а передъ нашимъ внутреннимъ безсиліемъ. Это убѣжденіе, видимо проникающее

*) Изъ писемъ Ю. Ѳ. Самарина видно, что онъ работалъ года два или три надъ этою запискою, излагающею первоначальныя его мысли объ упраздненіи крѣпостнаго права, и передѣлывалъ ее нѣсколько разъ. Въ Апрѣлѣ 1854 года онъ писалъ К. С. Аксакову: „Надняхъ я окончилъ довольно пространную записку о крѣпостномъ правѣ и о разныхъ мѣрахъ, по моему мнѣнію, облегчающихъ исходъ изъ него. Теперь я ее переписываю, дополняю, потомъ подвергну ее строгому разбору въ нашемъ кругу и, наконецъ, пущу въ ходъ". Безъ малаго черезъ два года послѣ того, 12 Января 1856 года, служа въ ополченіи, Ю. Ѳ. писалъ изъ Сызрани К. С. Аксакову: „При всемъ томъ, проводя всѣ утра на ученіяхъ, вникая по вечерамъ въ тайны ротныхъ построеній я успѣлъ здѣсь окончить совершенно-передѣланную мною записку, которую я вамъ читалъ въ деревнѣ. Я вижу, что она стала полнѣе и лучше, и меня въ особенности радуетъ то, что я обработалъ ее въ то время, когда имѣлъ благовидный предлогъ бросить всѣ занятія, кромѣ служебныхъ". Наконецъ, въ Октябрѣ 1856 года, онъ писалъ изъ Самарской деревни своей: „Записка моя пошла въ ходъ и имѣетъ большой успѣхъ". Значитъ, она была совершенно закончена и отправлена въ Петербургъ осенью 1856 года, за годъ до перваго Высочайшаго рескрипта объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, послѣдовавшаго 20 Ноября 1857 года. Одновременно съ запискою Самарина ходили по рукамъ проэкты упраздненія крѣпостнаго права, составленные К. Д. Кавелинымъ, кн. В. А. Черкаскимъ, А. И. Кошелевымъ, Позеномъ и др.— *Прим. изд.*

всюду и вытѣсняющее чувство незаконнаго самодовольствія, такъ еще недавно туманившее намъ глаза, досталось намъ дорогою цѣною; но мы готовы принять его, какъ достойное вознагражденіе за всѣ наши жертвы и уступки.

Мы слишкомъ долго, слишкомъ исключительно жили для Европы, для внѣшней славы и внѣшняго блеска и, за свое пренебреженіе къ Россіи, мы поплатились утратою именно того, чему мы поклонялись,—утратою нашего политическаго и военнаго первенства.

Теперь, когда Европа привѣтствуетъ миръ, какъ давно желанный отдыхъ, намъ предстоитъ воротить упущенное. Съ прекращеніемъ военныхъ подвиговъ, передъ нами открывается обширное поприще для трудовъ мирныхъ, но требующихъ не менѣе мужества, настойчивости и самоотверженія. Мы должны обратиться на себя самихъ, изслѣдовать коренныя причины нашей слабости, выслушать правдивое выраженіе нашихъ внутреннихъ потребностей и посвятить все наше вниманіе и всѣ средства ихъ удовлетворенію.

Не въ Вѣнѣ, не въ Парижѣ и не въ Лондонѣ, а только внутри Россіи завоюемъ мы снова принадлежащее намъ мѣсто въ сонмѣ Европейскихъ державъ; ибо внѣшняя сила и политическое значеніе государства зависитъ не отъ родственныхъ связей съ царствующими династіями, не отъ ловкости дипломатовъ, не отъ количества серебра и золота, хранящагося подъ замкомъ въ государственной казнѣ, даже не отъ числительности арміи, но болѣе всего отъ цѣльности и крѣпости общественнаго организма. Чѣмъ бы ни болѣла земля: усыпленіемъ мысли, застоемъ производительныхъ силъ, разобщеніемъ правительства съ народомъ, разъединеніемъ сословій, порабощеніемъ одного изъ нихъ другому — всякій подобный недугъ, отнимая возможность у правительства располагать всѣми подвластными ему средствами и, въ случаѣ опасности, прибѣгать безъ страха къ подъему народной силы, воздѣйствуетъ неизбѣжно на общій ходъ военныхъ и политическихъ дѣлъ.

Эта истина, подъ тяжкими ударами судьбы, постепенно проникаетъ въ общественное сознаніе, и оттого въ минуты, подобныя настоящей, охотнѣе, чѣмъ въ спокойное время,

выслушивается горькая правда, совѣсть общественная говоритъ громче, больнѣе отзываются старые, запущенные недуги и, казалось бы, въ той же мѣрѣ должна возрастать рѣшимость на всякую жертву для кореннаго исцѣленія *).

Во главѣ современныхъ, домашнихъ вопросовъ, которыми мы должны заняться, стоитъ, какъ угроза для будущаго и какъ препятствіе въ настоящемъ для всякаго существеннаго улучшенія въ чемъ бы то ни было,—вопросъ о крѣпостномъ состояніи. Съ какого бы конца ни началось наше внутреннее обновленіе, мы встрѣтимся съ нимъ неизбѣжно. Мы не можемъ миновать его и не должны уклоняться отъ его разрѣшенія; ибо нравственныя и вещественныя потребности цѣлыхъ сословій, возникающія естественно, исторически-законно изъ даннаго положенія, подлежатъ разумному направленію правительствъ только до извѣстной поры. Можно ихъ признать, обдумать и проложить путь къ ихъ удовлетворенію; можно также противопоставить имъ упорное отрицаніе и заглушить ихъ. Въ первомъ случаѣ, преобразованіе совершается въ общественномъ сознаніи прежде, чѣмъ на практикѣ, и потому существующій порядокъ вещей, раздвигаясь постепенно, даетъ мѣсто образующимся новымъ явленіямъ; во второмъ, сдавленныя потребности, встрѣчая на всѣхъ точкахъ систематическій отпоръ, повидимому, исчезаютъ, но это обманъ: онѣ только уходятъ въ глубь. Лишенныя гласнаго проявленія, удаленныя отъ свѣта, онѣ

*) Примѣръ подобной благородной рѣшимости подала Пруссія послѣ пораженія подъ Іеною и Тильзитскаго мира. Разбитая и униженная, она приступила къ внутреннему своему обновленію въ самое то время, когда Французскіе гарнизоны занимали ея крѣпости, а государственные доходы поглощались военными контрибуціями. Тогда были задуманы и начаты всѣ коренныя преобразованія въ ея общественной организаціи. Сюда относится: упраздненіе барщины, крѣпостнаго состоянія, отводъ земель поселянамъ, упраздненіе мѣстныхъ и сословныхъ привилегій, стѣснявшихъ свободу торговли и промысловъ, устройство областной администраціи, военныхъ силъ и народныхъ училищъ. Благодаря великимъ государственнымъ дѣятелямъ, въ ту пору явившимся, Штейну, Гарденбергу и продолжателямъ ихъ трудовъ, единодушному содѣйствію цѣлаго общества и благородной любви Фридриха Вильгельма къ правдѣ и свободѣ, униженная Пруссія быстро поднялась и не только воротила утраченное, но стала выше прежняго.

дозрѣваютъ въ тишинѣ и mракѣ и тамъ перерождаются въ темныя страсти, неразумныя, какъ стихійныя силы, и также неодолимыя. Наконецъ, по поводу ли общаго бѣдствія, голода, пожаровъ, повальной болѣзни, или распущеннаго, невѣдомо когда и кѣмъ, вздорнаго слуха, или сумазбродной выходки отважнаго бродяги, онѣ прорываются неожиданно, достигнувъ до той роковой поры своего развитія, когда уже никакая человѣческая сила не можетъ ни сдержать, ни направить ихъ стремленія. Остается одна матеріальная съ ними борьба, потрясающая надолго всѣ основы общества, каковъ бы ни былъ ея исходъ. Вотъ чему учитъ насъ примѣръ другихъ народовъ и наша собственная историческая опытность.

Вопросъ о крѣпостномъ правѣ находится еще въ первой порѣ своего развитія; но дальнѣйшій ходъ его зависитъ отъ того, въ какое отношеніе къ нему станетъ въ настоящую минуту правительство и общество. Если мы не хотимъ осудить себя на роль безгласныхъ жертвъ въ грядущей развязкѣ, то пора повернуться къ нему лицомъ, назвать его по имени и рѣшиться, наконецъ, произнести во всеуслышаніе то, что̀ уже давно лежитъ у всѣхъ на сердцѣ, какъ опасеніе или надежда, какъ разумное убѣжденіе или какъ темная забота, неотвязчиво насъ преслѣдующая.

Въ полной увѣренности, что вопросъ о крѣпостномъ правѣ развился до полной зрѣлости; что разрѣшеніе его требуетъ не только твердой воли со стороны правительства, но, сверхъ того и по преимуществу, яснаго сознанія и чистосердечнаго содѣйствія со стороны сословія, наиболѣе заинтересованнаго въ мирномъ его разрѣшеніи; съ единственною цѣлью вызвать къ спокойному и добросовѣстному обсужденію всѣхъ его сторонъ, составлена настоящая записка. Пишущій эти строки желалъ бы избѣгнуть раздражительныхъ сторонъ вопроса; онъ обязывается не останавливаться на случайныхъ злоупотребленіяхъ, въ которыхъ выражаются личные пороки и страсти; но вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи самъ помѣщикомъ, онъ вмѣняетъ себѣ въ долгъ картину зла, истекающаго изъ существующихъ законовъ, изъ дѣйствій правительства, изъ бытовыхъ отношеній, вѣками выработнныхъ, выставить со всевозможною ясностью и ничего

не смягчая; ибо, въ настоящемъ дѣлѣ, рѣзкость выраженія и строгость осужденія, даже при ошибочномъ воззрѣніи, гораздо извинительнѣе натянутыхъ оправданій и умышленныхъ недомолвокъ.

Вліяніе крѣпостнаго права на общественную нравственность.

Еще недавно, лѣтъ двадцать тому назадъ, правительство и общество признавали крѣпостное право за несомнѣнное зло. Противъ этого никто не возражалъ, никто за него не заступался и спорили только о томъ: наступило ли время упразднить его, какимъ путемъ изъ него выйти, чѣмъ замѣнить существующій порядокъ. Прискорбно сознаться, что теперь уже не то. Правительство приняло крѣпостное право подъ свое особенное покровительство: оно изъято безусловно изъ круга тѣхъ вопросовъ, о которыхъ позволено разсуждать печатно; самые отдаленные намеки на вредныя его стороны преслѣдуются цензурою съ безпощадною строгостью; наконецъ, въ нашей литературѣ и въ изданіяхъ казенныхъ стали появляться апологіи крѣпостнаго права, выведенныя не изъ юридическихъ или административныхъ соображеній, но изъ общихъ, религіозно-нравственныхъ началъ, — апологіи самаго существа крѣпостнаго права *).

На чемъ же помирилось общественное мнѣніе, какими доводами или опытами оно переубѣдилось, изъ какихъ общихъ понятій истекаетъ современное его воззрѣніе? На всѣ эти вопросы трудно отвѣчать. Воззрѣніе, теперь господствующее въ офиціальномъ мірѣ, не поддается строгому разбору по самой его неопредѣленности. На немъ лежитъ какой-то

*) Особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи одно мѣсто въ наставленіи для образованія воспитанницъ женскихъ учебныхъ заведеній, изданномъ въ 1852 году. Въ пользу крѣпостнаго права приведены тексты изъ Священнаго Писанія — единственный, доселѣ небывалый примѣръ въ нашей литературѣ. Въ немногихъ словахъ, совѣтъ, предлагаемый авторомъ инструкціи воспитанницамъ, можетъ быть выраженъ слѣдующимъ образомъ: берегите крѣпостное право, какъ учрежденіе божественное, какъ Божью заповѣдь, употребляйте его какъ власть родительскую надъ дѣтьми. Не прямой ли изъ этого выводъ что правительство, упразднивъ это право въ Остзейскомъ краѣ и въ Польшѣ, нарушило Божью заповѣдь?

идиллическій оттѣнокъ. Оно не вникаетъ въ предметъ, въ дѣйствительныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, но восхищается ими, или точнѣе, восхищается какими-то идеальными, имъ же самимъ созданными призраками. Полнѣйшее выраженіе его заключается въ риторической фигурѣ уподобленія помѣщика отцу семейства, а крѣпостныхъ людей его дѣтямъ. Такъ теперь принято, и эта фигура въ послѣднее время имѣла такой успѣхъ, такъ часто повторялась, что для многихъ она получила значеніе неопровержимаго доказательства, полнаго отвѣта, разрѣшающаго всѣ недоумѣнія разума и совѣсти.

Въ чемъ же заключается сходство? Хотимъ ли мы сказать, что крестьяне связаны съ помѣщикомъ узами кровнаго родства? Или мы хотимъ себя увѣрить, что до XVII вѣка нашъ народъ находился въ состояніи жалкаго сиротства, и что Борисъ Годуновъ не крестьянъ прикрѣпилъ къ помѣщикамъ, а помѣщиковъ прикрѣпилъ къ крестьянамъ въ качествѣ опекуновъ? Или не думаемъ ли мы, что какъ, по слову Апостола, не чада должны пріобрѣтать имѣніе для родителей, а родители для своихъ чадъ *), такъ и у насъ, не крестьяне работаютъ на господъ, а господа работаютъ на крѣпостныхъ своихъ людей, въ надеждѣ сдѣлать ихъ равными себѣ и передать имъ со временемъ свое состояніе, свое образованіе и вообще все, чѣмъ дорожатъ сами?...

Если ни въ природныхъ, ни въ историческихъ, ни въ хозяйственныхъ отношеніяхъ нѣтъ сходства, то въ чемъ же искать его, какъ не единственно въ юридической неопредѣленности власти родительской и власти помѣщичьей, въ беззащитности дѣтей и въ беззащитности крестьянъ? Законъ не вмѣшивается въ отношенія родителей къ дѣтямъ; онъ не считаетъ нужнымъ вооружать послѣднихъ оборонительными орудіями противъ естественной, притомъ извѣстнымъ возрастомъ ограниченной власти первыхъ. Такимъ же образомъ, или сходно съ тѣмъ, поступаетъ законъ и въ отношеніи къ крѣпостному сословію. Вотъ единственная точка соприкосновенія обѣихъ властей. Но развѣ въ этой юридической

*) Второе Посл. къ Коринѳ. гл. 12. ст. 14.

неопредѣленности, въ этомъ полновластіи съ одной стороны, и въ этой беззащитности съ другой, заключается сущность союза родителей съ дѣтьми? Неужели тотъ, кому дано безотчетно располагать судьбою ближняго, черезъ это одно становится для него отцемъ?

Совѣстно было бы занимать читателей разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ. Сами защитники такъ-называемыхъ патріархальныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ никогда не выдерживаютъ своей темы и безпрестанно сбиваются на понятія, идущія съ нею въ разрѣзъ: „Къ чему вмѣшательство закона и права, къ чему вводить юридическія формальности и тонкости въ такую область, гдѣ все проникнуто взаимною любовью и довѣріемъ?“—Это мы слышимъ безпрестанно, пока идетъ дѣло о полицейской власти помѣщика; а вотъ, что̀ говорится крестьянамъ, когда коснется дѣло до собственности: „Знайте, земля моя, не ваша; мое добро для васъ чужое; я вамъ отвелъ участокъ изъ моей земли; такъ подавайте оброкъ или ступайте на барщину“. Странно, съ какою быстротою чадолюбивый отецъ превращается въ ревниваго собственника, дѣти въ фермеровъ, семейныя отношенія въ торговую сдѣлку! Гораздо послѣдовательнѣе крестьяне. Съ чужаго голоса научились и они повторять: „Вы наши отцы, мы ваши дѣти“, и прибавляютъ про себя: „Мы всѣ твои, а все твое наше“ *).

Пора бы убѣдиться въ логикѣ народнаго инстинкта и уразумѣть, что отсутствіе гарантій противъ произвола помѣщика находитъ себѣ казнь въ отсутствіи надежнаго основанія и твердыхъ границъ для собственности вотчинника.

*) Во всеподданнѣйшемъ донесеніи Смоленскаго предводителя отъ лица дворянства, 1849 года, по возбужденному вопросу о добровольныхъ сдѣлкахъ съ крестьянами, мы читаемъ слѣдующее: „Крестьяне издавна составили себѣ убѣжденіе, обратившееся съ теченіемъ времени въ твердую увѣренность, что земля, на которой они живутъ и которою только пользуются, если не собственность ихъ, то, по крайней мѣрѣ, общая съ помѣщикомъ“. Это убѣжденіе, конечно, не нравится помѣщикамъ; но что̀ можетъ возразить противъ него тотъ, кто самъ себя называетъ отцемъ, крестьянъ своими дѣтьми, и на этомъ основаніи противится всякой попыткѣ ограничить его произволъ установленіемъ правомѣрныхъ отношеній?

Помѣщикъ провозглашаетъ себя отцемъ своихъ крѣпостныхъ людей, и правительство утверждаетъ его въ этомъ званіи; но этого мало. Осуществленіе семейныхъ отношеній требуетъ еще одного условія, а именно, чтобы тѣ, на долю которыхъ выпалъ жребій оставаться по гробъ дѣтьми, признали добровольно указаннаго имъ господина за своего отца. Предположивъ, что помѣщикъ съ своей стороны способенъ принять и выполнить достойно свою роль, спросимъ себя: каково внутреннее отношеніе къ нему его крѣпостныхъ людей? Та ли съ ихъ стороны безотчетная привязанность къ нему, всецѣлая довѣренность, простота и непринужденость отношеній, которыми держится союзъ родителей съ дѣтьми, безъ которыхъ неограниченность и неопредѣленность родительской власти превратилась бы въ невыносимую тягость? Не задумается надъ разрѣшеніемъ этого вопроса тотъ, кто имѣлъ случай читать слѣдственные допросы по дѣламъ о неповиновеніи крестьянъ или кто, живя въ деревняхъ, прислушался къ народной молвѣ и пріучилъ свое ухо различать правдивое выраженіе мыслей простыхъ людей отъ ихъ офиціальныхъ рѣчей; ибо и крестьяне имѣютъ свой особенный офиціальный языкъ для обращенія съ своимъ помѣщикомъ, языкъ подобный тому, какой употребляемъ мы, обращаясь къ правительству.

Оставляя даже въ сторонѣ личныя наблюденія, какъ предметъ спорный, можно указать на документальныя, безспорныя и всѣмъ доступныя свидѣтельства. Пусть переберутъ наши законодательные памятники со временъ Уложенія. О какомъ настроеніи духа въ крѣпостномъ сословіи краснорѣчиво свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ манифестовъ, указовъ и циркуляровъ, повелѣвающихъ крестьянамъ безропотно повиноваться ихъ господамъ и не давать вѣры слухамъ о вольности? Отчего подобными актами открывались всѣ новыя царствованія? Отчего въ послѣднее время усилено наблюденіе за поведеніемъ крѣпостныхъ людей? Что̀ значатъ періодическія движенія массъ въ разныхъ губерніяхъ и эти неопредѣленныя, глухія молвы о скорой свободѣ, всегда гдѣ-нибудь да носящіяся? Отчего съ каждымъ годомъ возрастаютъ опасенія помѣщиковъ, а вмѣстѣ съ страхомъ

и раздражительность? Гдѣ жъ тутъ признаки сыновней преданности, привязанности и довѣрія?...

Могутъ возразить и дѣйствительно возражаютъ, что народъ не понимаетъ своего блага, по грубости своей не цѣнитъ отеческой заботливости помѣщиковъ, по легковѣрію увлекается злонамѣренными внушеніями—пусть такъ! Мы никого не обвиняемъ и не оправдываемъ, а стараемся только уяснить себѣ характеръ существующихъ отношеній. Они представляются въ слѣдующемъ видѣ: помѣщикъ пользуется почти неограниченною и безотчетною властью отца въ семействѣ; крестьяне же видятъ въ немъ не отца, а природнаго врага своего и рвутся отъ него на волю.

Прямое и косвенное вліяніе этихъ отношеній на помѣщиковъ, вооруженныхъ крѣпостнымъ правомъ, на крестьянъ, связанныхъ имъ, на чиновниковъ, охраняющихъ его, налагаетъ свое клеймо на нравственную физіономію каждаго изъ этихъ сословій. Начнемъ съ помѣщиковъ

Мысль и воля человѣка испытываетъ на себѣ постоянное давленіе общественнаго мнѣнія, дѣйствующее на все его нравственное существо точно такъ же, какъ давленіе атмосферы дѣйствуетъ на его физическій организмъ. Оно не измѣняетъ внутреннихъ его свойствъ, не искореняетъ страстей и порочныхъ наклонностей, но сдерживаетъ ихъ проявленіе. Наоборотъ, какъ въ безвоздушномъ пространствѣ всякое тѣло раздувается и выходитъ изъ своихъ законныхъ предѣловъ, такъ точно, при извѣстныхъ условіяхъ, страсти, увлеченія, прихоти, даже, по существу своему, невинныя странности характера—разростаются на свободѣ, достигаютъ до уродливыхъ размѣровъ и пораждаютъ иногда изумительныя явленія дикаго разврата или безумной жестокости. Взгляните на образованнаго Европейца у себя на родинѣ, тамъ, гдѣ общественное мнѣніе, имъ уважаемое, поддерживаетъ его и не даетъ упасть ниже условнаго нравственнаго уровня, и вспомните, что̀ позволяетъ себѣ тотъ же Европеецъ въ отдаленныхъ колоніяхъ Америки и Индіи. Одинаковой опасности подвергается и помѣщикъ въ кругу своихъ крѣпостныхъ людей. Какъ полновластный господинъ, онъ дѣйствуетъ на нихъ всею тяжестью своей лич-

ности и не испытываетъ на себѣ ихъ нравственнаго воздѣйствія; ему нѣтъ отпора въ равномѣрныхъ правахъ людей, его окружающихъ. Ихъ отношенія, закономъ опредѣленныя, не могутъ измѣниться, хотя бы онъ лишился ихъ уваженія и сдѣлался для нихъ предметомъ негодованія или презрѣнія. Ихъ нравственный судъ надъ нимъ до него не восходитъ [1]).

Но этого мало. Навыкъ къ самовластію и самоугожденію развивается не только вслѣдствіе отсутствія внѣшняго противодѣйствія, но еще въ особенности потому, что со стороны своего окруженія изъ крѣпостныхъ людей, помѣщикъ ежечасно подвергается искушенію дать полную волю своему произволу. Ему предстоитъ борьба съ собою и, сверхъ того, борьба съ его подчиненными. Трудно ему заранѣе заключить свою волю въ предѣлы и не переступить ихъ; но еще гораздо труднѣе заставить крестьянъ и дворовыхъ, ближайшихъ исполнителей его распоряженій, признать эти предѣлы и уважить ихъ; ибо, гдѣ все зависитъ отъ прихоти одного человѣка, естественно должно всего опасаться, но за то можно и всего добиваться.—„Захочетъ баринъ, чего не сдѣлаетъ!" и въ этомъ убѣжденіи, на долголѣтнемъ опытѣ основанномъ, люди, которыхъ участь отдана въ его руки, со всѣхъ сторонъ осаждаютъ его самыми безсовѣстными требованіями и обидными для другихъ домогательствами [2]).

---

1) Положивъ себѣ за правило не останавливаться на злоупотребленіяхъ, имѣющихъ характеръ случайный, какъ бы часто они ни повторялись, мы указываемъ здѣсь только на общія условія, вызывающія ихъ. Не выходя изъ круга своихъ личныхъ наблюденій, читатель, если онъ живалъ въ деревняхъ или слѣдилъ за ходомъ уголовныхъ дѣлъ, легко подведетъ примѣры подъ эту статью.

2) Напримѣръ, крестьянинъ требуетъ, чтобы, во имя своего полновластія, помѣщикъ приказалъ другому крестьянину выдать свою дочь за его сына и, если помѣщикъ откажется подбирать жениховъ къ невѣстамъ, вся деревня заропщетъ (смотри объ этомъ статью помѣщика Титова въ № 4 Земледѣльческаго Журнала за 1836 годъ).

Второй примѣръ: нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одномъ оброчномъ имѣніи, крестьянинъ, занимавшійся выдѣлкою разныхъ вещей изъ мѣди для Московскихъ купцовъ, настоятельно упрашивалъ своего господина, чтобы для

Такимъ образомъ, при малѣйшемъ послабленіи (а кто за себя поручится, что воля его, утомленная борьбою, подчасъ не изнеможетъ), самый добросовѣстный помѣщикъ непримѣтно выходитъ изъ границъ, имъ самимъ для себя очерченныхъ. При первой встрѣчѣ съ крѣпостными людьми своими, онъ сталкивается съ отвердѣвшимъ понятіемъ о его полновластіи, о томъ, что̀ можетъ себѣ позволить помѣщикъ и чего можно отъ него ожидать. Какъ далеко оно расходится съ тѣмъ идеальнымъ понятіемъ, которое сложилось въ головѣ самаго помѣщика, еще не выѣзжавшаго изъ города и въ тишинѣ лелѣявшаго благія намѣренія! Что̀ же выйдетъ изъ этого столкновенія? Станетъ ли твердости у помѣщика на первыхъ же порахъ отвѣтить рѣшительнымъ: не могу или не хочу? Выдержитъ ли онъ недоумѣніе обманутыхъ ожиданій, молчаливое, но очень понятное состраданіе его ближайшихъ подчиненныхъ къ его неопытности? Не побоится ли онъ молвы, которая мигомъ разнесется о его слабости, о его неумѣніи взяться за дѣло,—мол-

---

поправленія его дѣлъ, приходившихъ въ разстройство, запрещено было прочимъ крестьянамъ, одной съ нимъ вотчины, занимавшимся тѣмъ же ремесломъ, принимать въ Москвѣ заказы изъ первыхъ рукъ, а велѣно бы имъ было работать всѣмъ на него, просителя, по той цѣнѣ, какую онъ назначитъ. На всѣ доказательства несправедливости его требованія, онъ отвѣчалъ „отецъ ты нашъ, на все твоя воля: какъ велишь, такъ тому и быть".

Третій примѣръ: въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, зажиточные крестьяне откупаются отъ поставки рекрутовъ натурою денежными взносами. Деньги идутъ въ господскую кассу, а на мѣсто откупившагося, исправляетъ повинность семья, стоящая подъ нимъ на очереди. Значитъ: помѣщикъ продалъ одного изъ своихъ дѣтей другому. На этотъ источникъ доходовъ помѣщики были наведены богачами изъ крестьянъ.

Четвертый примѣръ: также по настоятельнымъ требованіямъ крестьянъ, ввелся и поддерживается доселѣ обычай, при разбирательствѣ жалобъ, въ случаѣ недостатка доказательствъ противъ обвиненнаго, *допрашивать розгами*. Есть имѣнія, въ которыхъ онъ до того укоренился, что отступленіе отъ него подателемъ жалобы принимается за явное пристрастіе со стороны помѣщика или его повѣреннаго къ обвиняемому. Многіе говорятъ: „все это въ нашихъ нравахъ; такова натура Русскаго мужика; онъ это все любитъ". Дѣйствительно любитъ, такъ же какъ мы любимъ давать взятки, чтобы спасти законную собственность отъ грабежа и, привыкнувъ къ этому, начинаемъ несправедливый искъ въ надеждѣ успѣть взятками.

вы, которая немедленно подстрекнетъ къ разнымъ шалостямъ, воровствамъ и безпорядкамъ? Вѣроятнѣе всего, такъ обыкновенно и бываетъ, что, не желая уронить себя и остаться непонятымъ, а можетъ быть, изъ ложнаго снисхожденія къ понятіямъ его окружающихъ, онъ подчинится имъ, отложивъ на время свои благія намѣренія. Но этотъ шагъ рѣшителенъ. Одно послабленіе влечетъ за собою другое, и, черезъ годъ, на просьбу прикащика: „ужъ прикажйте, сударь, по старому", помѣщикъ отвѣчаетъ, махнувъ рукою. И вотъ ужъ онъ вполнѣ помѣщикъ и съ каждымъ днемъ глубже и глубже втягивается во всѣ права и принадлежности званія, которыми еще недавно возмущалась его совѣсть. Кто не видалъ этому примѣровъ?

Обратимся къ народу. Народъ покоряется помѣщичьей власти какъ тяжкой необходимости, какъ насилію, какъ нѣкогда покорялась Россія владычеству Монголовъ, въ чаяніи будущаго избавленія. Но на сколько покорность *за совѣсть* возвышаетъ нравственность человѣка, на столько же, при невозможности явной борьбы, унижаетъ ее покорность *за одинъ страхъ*. Въ этомъ отношеніи, коренное понятіе народа, отвергающаго про себя законность помѣщичьей власти, конечно, противорѣчитъ Своду Законовъ; мы и не беремся оправдывать его, но указываемъ на то, чтò есть, чтò всѣмъ извѣстно и чего никто не рѣшается сказать. Отношенія крѣпостныхъ людей къ ихъ помѣщикамъ развиваютъ въ первыхъ притворство, обманъ и лесть. Оттого крестьяне, почти во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, обращаются къ своему помѣщику темными сторонами своего характера. Умный крестьянинъ, въ присутствіи своего господина, притворяется дуракомъ, правдивый безсовѣстно лжетъ ему прямо въ глаза, честный обкрадываетъ его, и всѣ трое называютъ его своимъ отцемъ.

Взглядъ народа на крѣпостное право, хотя и глубоко въ немъ затаенный, хорошо извѣстенъ какъ помѣщикамъ, такъ и правительству. Помѣщики боятся за себя, блюстители благочинія боятся за общественный порядокъ и, подъ вліяніемъ этого двойнаго страха, производятся и рѣшаются дѣла о неповиновеніи крестьянъ и злоупотребленіяхъ по-

мѣщичьей власти. Для предупрежденія самыхъ злоупотребленій правительство не предоставило себѣ почти никакихъ средствъ *); они постепенно накопляются, никому невѣдомыя, разумѣется, кромѣ тѣхъ, которые отъ нихъ терпятъ, не имѣя права жаловаться—накопляются до тѣхъ поръ, пока переполнится мѣра Русскаго долготерпѣнія. Обыкновенно, съ этой только минуты вступается въ дѣло мѣстное начальство.

Всѣмъ извѣстно, что наше законодательство стремится довести производство слѣдствій и примѣненіе наказаній до безошибочной точности алгебраической выкладки; но, какъ бы близко оно ни подошло къ своей цѣли, участіе въ уголовномъ дѣлопроизводствѣ живой личности слѣдователя и судьи не могло быть вполнѣ устранено, а живая личность болѣе или менѣе поддается вліянію живой современности. При обсужденіи даннаго случая, къ строгимъ требованіямъ закона примѣшивается мысль о томъ, какими общими послѣдствіями можетъ отозваться на практикѣ то или другое рѣшеніе, и вотъ почему обыкновенно случается, что приговоръ надъ уличеннымъ помѣщикомъ смягчается боязнью ослабить или уронить въ его лицѣ значені помѣщика, а виновные крестьяне казнятся не столько въ мѣру ихъ ви-

*) Доказательствомъ можетъ служить страшное дѣло крестьянъ помѣщика N. въ Ставропольской губерніи. Доведенные до отчаянія своимъ господиномъ, который разорялъ ихъ систематически, насиловалъ ихъ женъ и дочерей, крестьяне, наконецъ, отложились отъ него, въ полномъ сознаніи ожидавшей ихъ участи. По приказанію губернатора, по безоружной толпѣ, стоявшей густою массою у церкви, сдѣлано было три выстрѣла картечью. Произведенное изслѣдованіе обнаружило, что губернаторъ былъ вынужденъ прибѣгнуть къ этому средству, потому что, несмотря на всѣ убѣжденія и угрозы, крестьяне оставались непреклонными, и губернаторъ былъ оправданъ; но правы ли были мѣстныя власти, всѣ вообще, въ глазахъ которыхъ крестьяне доведены были N. до такого состоянія, что самая насильственная смерть была ими принята, какъ избавленіе отъ жесточайшей участи? Этотъ вопросъ даже не былъ возбужденъ. Еще недавно, убійство X., который въ самомъ Петербургѣ, въ глазахъ явной и тайной полиціи, мучилъ свою прислугу и, наконецъ, поплатился жизнію за долговременную безнаказанность, еще яснѣе засвидѣтельствовало всю недѣйствительность предупредительнаго надзора, со стороны правительства, для огражденія крѣпостныхъ людей отъ злоупотребленій помѣщичьей власти.

ны, сколько въ мѣру возбужденныхъ опасеній, казнятся не за одно совершенное ими преступленіе, а въ назидательный страхъ другимъ *). Такимъ образомъ, коренная неправда основныхъ отношеній влечетъ за собою цѣлый рядъ частныхъ несправедливостей со стороны самаго правительства, невольно потворствующаго неправдѣ.

Вліяніе крѣпостнаго права на политическое благоустройство.

Во всей Европѣ существовало крѣпостное право до извѣстной поры и въ нѣкоторыхъ земляхъ до весьма недавней; но, можетъ быть, нигдѣ оно не было такъ исторически беззаконно, какъ у насъ, а потому такъ вредно и опасно въ политическомъ отношеніи. Въ тѣхъ земляхъ, гдѣ государственный организмъ сложился изъ разнородныхъ началъ, успѣвшихъ отвердѣть въ своей исключительности задолго до ихъ совокупленія подъ одною верховною властью; гдѣ каждое сословіе, развившись въ разобщеніи съ другими, внесло въ государственный союзъ выработанный сводъ исключительныхъ правъ, притязаній и предразсудковъ; гдѣ самая верховная власть поочередно подчинялась и служила односторон-

*) Напримѣръ, *пассивное сопротивленіе или неповиновеніе* превращается *въ возстаніе*, а преступленіе, учиненное противъ помѣщика, *какъ частнаго лица*, разсматривается какъ оскорбленіе *правительственной власти*. Подобнаго рода натяжкамъ, клонящимся къ усугубленію наказаній, заслуженныхъ крѣпостными людьми, весьма трудно положить предѣлъ по слѣдующей причинѣ. Всякій чиновникъ, *какъ представитель власти правительствомъ установленной*, относится къ своимъ подчиненнымъ единственно въ сферѣ его служебной дѣятельности; внѣ этой сферы онъ относится къ нимъ какъ *частное лицо;* какъ чиновникъ, онъ требуетъ исполненія обязанностей, закономъ опредѣленныхъ; но онъ не въ правѣ, во имя своей власти, требовать личныхъ себѣ услугъ. Дѣло служебное и дѣло частное здѣсь ясно различаются. Помѣщикъ возведенъ также на степень *власти правительствомъ установленной*: онъ судитъ, рядитъ и наказываетъ; сверхъ того, *въ качествѣ же помѣщика*, онъ выгоняетъ своихъ крестьянъ на свои поля, сажаетъ своего крѣпостнаго кучера на козлы своей кареты, заставляетъ своего камердинера чистить свои сапоги. При этихъ отношеніяхъ, есть ли какая-нибудь возможность разобрать, въ какихъ случаяхъ, ослушаніе противъ помѣщика, или оскорбленіе ему нанесенное, относится къ его личности, и, въ какихъ случаяхъ, оно восходитъ до представителя правительствомъ установленной власти? По крайней мѣрѣ, въ нашемъ законодательствѣ не было даже ни одной попытки

нимъ видамъ враждующихъ между собою племенъ, сословій и политическихъ партій—тамъ, порабощеніе одного класса народонаселенія другому, при всей безнравственности подобнаго явленія, по крайней мѣрѣ, не было лишено историческаго оправданія, какъ неизбѣжный выводъ изъ основныхъ посылокъ, какъ недугъ, но недугъ прирожденный самому организму. Не такъ было въ Россіи: у насъ государство сложилось изъ цѣльнаго вещества дружнымъ усиліемъ всей земли и, какъ въ старину, такъ и до настоящей минуты, всѣ сословія его поддерживаютъ. Оттого, всякій Русскій, какъ бы далеко онъ ни стоялъ отъ престола, видитъ въ Русскомъ Царѣ самаго себя; тогда какъ, напримѣръ, во Франціи крестьянинъ не могъ не чуждаться короля, называвшаго себя, какъ Францискъ, первымъ дворяниномъ Франціи, или какъ Людовикъ Филиппъ—королемъ-мѣщаниномъ. Если таково происхожденіе и таковъ характеръ Русскаго государства, то почему же не всѣ сословія въ равной степени пользуются его покровительствомъ? Почему 22 милліона подданныхъ, платящихъ государственныя подати, служащихъ государственную службу, поставлены внѣ закона, внѣ прямаго отношенія къ верховной власти, числясь въ государствѣ только по ревизскимъ спискамъ, какъ мертвая принадлежность другаго сословія? Для оправданія этой несправедливости, иногда прибѣгаютъ къ предположенію какой-то сдѣлки, въ силу которой правительство, вооруживъ помѣщиковъ крѣпостнымъ правомъ, въ тоже время возложило на нихъ отвѣтственность за поселянъ, обязанность ихъ опекать, кормить въ неурожайные годы, обстраивать и защищать отъ всякихъ обидъ *). Но это толкованіе, не выдерживающее

подвести отношенія владѣльцевъ къ ихъ крѣпостнымъ людямъ подъ эти двѣ категоріи, и оттого *всякое* ослушаніе, *всякое* оскорбленіе разсматривается, какъ преступленіе противъ власти или какъ *бунтъ*. Справедливо ли это?

*) Такъ въ „Земледѣльческомъ Журналѣ" (1821 г. № IV) мы находимъ слѣдующее опредѣленіе помѣщика: „Помѣщикомъ я разумѣю *наслѣдственнаго чиновника*, которому верховная власть, давъ землю для населенія, ввѣрила чрезъ то и попеченіе о людяхъ населенныхъ. Онъ есть природный покровитель сихъ людей, мѣстный ихъ судья, ходатай за нихъ, попечитель о неимущихъ и сиротахъ, наставникъ въ благомъ, наблюдатель за благоустройствомъ и нравами". Въ запискѣ 1849 г. противъ указа о обязанныхъ по-

самой поверхностной критики, какъ объясненіе происхожденія помѣщичьей власти и, очевидно, придуманное въ новѣйшее время для ея оправданія, когда, развившись до послѣднихъ своихъ предѣловъ, оно начало клониться къ упадку, еще положительнѣе самаго крѣпостнаго права противорѣчитъ понятію Русской земли о назначеніи верховной власти. Хотя бы даже подобною сдѣлкою могло быть облегчено тяжелое бремя государственнаго управленія, Россія никогда не повѣритъ, чтобы правительство могло рѣшиться отдать сознательно часть своихъ подданныхъ въ откупное содержаніе. Государственная власть, со всѣми ея обязанностями, со всею ея нравственною отвѣтственностью передъ цѣлою землею, не подлежитъ ни отчужденію, ни раздѣлу. Въ убѣжденіи Русскаго человѣка, безпрепятственное, прямое, никѣмъ не прерванное отношеніе каждаго сословія къ верховной власти, поставленной надъ всѣми сословіями и равно близкой ко всѣмъ, такъ же существенно необходимо для здоровья государственнаго организма, какъ свободное обращеніе крови во всѣхъ жилахъ человѣческаго тѣла. Чѣмъ по природѣ своей однороднѣе и цѣльнѣе этотъ организмъ, тѣмъ живѣе сочувствіе цѣлаго съ каждою изъ частей, и оттого онѣмѣніе одного члена, наглухо перехваченнаго мертвымъ узломъ крѣпостнаго права, отзывается болѣзненнымъ разслабленіемъ или судорогами во всемъ государственномъ составѣ.

Крѣпостное сословіе, хотя, конечно, не сознаетъ отчетливо, за то живо ощущаетъ историческую беззаконность своего

селянахъ, Смоленскій губернскій предводитель выразилъ туже мысль еще опредѣлительнѣе: „Въ нашемъ обширномъ отечествѣ, болѣе десятка милліоновъ народонаселенія управляется своими помѣщиками подъ руководствомъ законовъ. *Правительство не имѣетъ съ ними никакихъ прямыхъ отношеній*. Помѣщики стоятъ лицемъ къ государству и отвѣтствуютъ ему за цѣлость милліоновъ народа. Въ лицѣ ихъ заключается власть и административная, и полицейская, и судебная.... Исполненіе всѣхъ этихъ обязанностей помѣщиками, соединенное съ отвѣтственностью и ручательствомъ ихъ имуществъ, *не стоитъ ничего ни правительству, ни народу* (!)“. Откровенность, съ которою защитникъ крѣпостнаго права выразилъ свое убѣжденіе, что правительство, избѣгая собственныхъ хлопотъ и денежныхъ расходовъ, предпочитаетъ отдачу помѣщикамъ въ откупное содержаніе суда и расправы надъ одиннадцатью милліонами своихъ подданныхъ, заслуживаетъ полнаго уваженія; но странно, что правительство не отреклось отъ приписанныхъ ему видовъ.

обиднаго положенія и по естественному порядку вещей ставитъ его въ вину дворянству. Дворянство разлучило простой народъ съ Царемъ. Ставши поперекъ между ними, оно заслоняетъ народъ отъ Царя и не допускаетъ до него народныхъ жалобъ и надеждъ. Оно же скрываетъ отъ народа свѣтлый образъ Царя и оттого слово послѣдняго или не доходитъ до простыхъ людей, или доходитъ искаженнымъ. Но народъ любитъ Царя и рвется къ нему; и Царь съ своей высоты съ любовью смотритъ на народъ, издавна замышляя его избавленіе. Когда-нибудь они откликнутся и черезъ головы дворянъ протянутъ руки другъ другу *).

---

*) Тѣмъ, кому этотъ очеркъ политическаго воззрѣнія крѣпостнаго сословія на современность покажется натянутымъ, мы совѣтуемъ, при удобномъ случаѣ, разузнать, какими словами разсказывается въ народѣ исторія Пугачева, или, послѣ любаго значительнаго бунта противъ помѣщика, распросить, какъ судятъ другіе крестьяне, непричастные къ бунту, о дѣйствіяхъ ихъ сосѣдей. Къ сожалѣнію, большинство помѣщиковъ и людей служащихъ на всѣ явленія, раскрывающія передъ нами общее настроеніе крѣпостнаго сословія, смотрятъ слишкомъ поверхностно, приписывая особенную важность случайнымъ поводамъ къ безпорядкамъ и принимая послѣдствія за причины. Съ этой точки зрѣнія прибѣгаютъ обыкновенно къ предположенію злонамѣренныхъ подстрекательствъ. Безспорно, попадаются и подстрекатели, хотя далеко не такъ часто, какъ думаютъ помѣщики; но ошибка въ томъ, что самое періодическое появленіе разглашателей ложныхъ слуховъ вызывается общими ожиданіями и надеждами, постоянно бродящими въ народѣ. Совершенно сходное явленіе представляютъ у насъ самозванцы. Дѣйствующими лицами являются: Гришка Отрепьевъ, Пугачевъ, Кондратій Селиѳановъ; но еслибы не возмущался народный слухъ молвою о цареубійствахъ, то никто бы изъ нихъ не увлекъ за собою толпы, никому бы и въ голову не пришло выдать себя за царя. Можно устранить коренныя *причины* безпорядковъ и должно объ этомъ заботиться; но надѣяться, не касаясь причинъ, предупредить *поводы* къ безпорядкамъ, было бы безуміемъ: ибо все на свѣтѣ можетъ послужить поводомъ. При современномъ настроеніи крѣпостнаго сословія, пьяная рѣчь бѣглаго солдата, превратно понятый указъ, появленіе небывалой болѣзни, пріѣздъ Государя въ Москву (какъ это было въ 1843 году), всякое происшествіе, почему либо обращающее на себя вниманіе, можетъ произвести гдѣ-нибудь тревогу и возбудить мгновенно присущую мысль о свободѣ; ничтожный безпорядокъ можетъ также легко перейти въ бунтъ, а бунтъ развиться до общаго возстанія. Все это возможно въ каждую минуту, и никакая полиція, разумѣется добросовѣстная, не поручилась бы за одинъ день спокойствія.

Таковы представленія и постепенно зрѣющія надежды 11-ти милліоновъ людей. Что же помѣшаетъ имъ перейти въ дѣло?

Конечно, намъ отвѣтятъ: строгое наблюденіе и предупредительныя мѣры правительства. Но, къ несчастію, не одни помѣщики, живущіе въ деревняхъ, а всѣ дворяне, въ томъ числѣ и служащіе, все сословіе чиновниковъ, отъ становаго пристава до полнаго генерала, не выключая духовенства, всѣ правительственныя лица, наполняющія промежутокъ между простымъ крестьяниномъ и Царемъ, въ глазахъ народа заподозрѣны. Когда черезъ ихъ посредство доходитъ до него Высочайшая воля, не согласная съ тайными его ожиданіями, народъ не вѣритъ посредникамъ. Въ его понятіяхъ Царь и правительство никогда не сливаются. Объявляется ли отыскивающимъ свободы Высочайшая резолюція о неправильности ихъ иска, крестьянамъ чудится подлогъ или обманъ; доходитъ ли до нихъ манифестъ, между печатныхъ строкъ они читаютъ обѣщаніе желанной свободы *).

*) Послѣдніе призывы въ морское и сухопутное ополченіе безспорно были составлены со всевозможною ясностію и осторожностью. Видно, что перомъ сочинявшаго ихъ правило не столько желаніе поднять духъ народный, сколько боязнь безпорядковъ и сопряженныхъ съ ними хлопотъ. Все, что можно было придумать для предупрежденія неосновательныхъ толковъ, которыхъ опасались, было употреблено въ дѣло, и, несмотря на все это, опасенія до нѣкоторой степени оправдались. Извѣстно, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Тверской губерніи крестьяне поднялись массами безъ позволенія помѣщиковъ, такъ что полиція должна была прибѣгнуть къ валовому сѣченію для охлажденія ихъ усердія. Въ Тамбовской и Рязанской губерніяхъ, несмотря на толкованія и увѣщанія, крестьяне собирались толпами и уходили изъ деревень. Въ Кіевской—помѣщичьи крестьяне объявили, что они идутъ за Царя поголовно, а панамъ своимъ отслужили. За излишнее усердіе по нимъ дали нѣсколько выстрѣловъ.

Вотъ еще примѣръ: въ Тамбовской губерніи, въ 1847 году, при продажѣ съ публичнаго торга имѣнія князя Голицына, крестьянамъ было предложено откупиться и вмѣстѣ съ тѣмъ ясно объявлено, чтобъ они не ожидали и не просили никакого отъ казны пособія. Вопреки этому, они отправили отъ себя депутата въ Петербургъ, гдѣ онъ лично утруждалъ покойнаго Государя просьбою о переводѣ на нихъ казеннаго долга. При обратномъ препровожденіи этого депутата въ Тамбовъ, сообщена была Высочайшая воля, чтобы, по водвореніи просителя на мѣстѣ жительства, самъ вице-губернаторъ растол-

Такова сила историческаго убѣжденія или предчувствія. О чемъ бы ни заговорило правительство во всеуслышаніе, какъ бы ясно оно ни выражалось, слова его возбуждаютъ всякій разъ одни и тѣ же сокровенныя надежды или непобѣдимое сомнѣніе въ ихъ подлинности.

Никакой законъ, ни даже словесныя убѣжденія отъ имени Государя, хотя бы ихъ передавали жандармскіе офицеры, флигель- и генералъ-адъютанты, не примирятъ народа съ крѣпостнымъ правомъ и не искоренятъ въ немъ твердой увѣренности, что Царь давно замышляетъ даровать ему желанную вольность.

Да и разумно ли съ нашей стороны желать, чтобы народъ разочаровался? Страшно теперь, когда онъ *надѣется;* менѣе ли будетъ страшно, когда въ немъ заморятъ надежду и онъ *отчается?*

Недовѣрчивость крѣпостнаго сословія къ правительству у насъ обыкновенно приводится въ доказательство невѣжества крестьянъ и совершеннаго въ нихъ отсутствія всякаго понятія о законности. Доказательство неопровержимо. Нашъ простой народъ не знаетъ ни Свода Законовъ, ни формъ

ковалъ прочимъ крестьянамъ точный смыслъ указа 8 Ноября. Послѣ продолжительныхъ объясненій, потребовали отъ крестьянъ подписки въ томъ, что они прослушали и поняли указъ вполнѣ; но здѣсь обнаружилась во всей силѣ та недовѣрчивость, о которую такъ часто разбиваются всѣ мѣры и средства правительства. Крестьяне долго отказывались дать подписку, боясь чрезъ это преградить себѣ пути къ дальнѣйшимъ ходатайствамъ. На увѣренія, что самому Государю ихъ домогательства неугодны, они возражали: для чего не прислали указа прямо къ нимъ, для чего распечатали не при нихъ и т. п. Наконецъ, подписку отобрали, все, повидимому, кончилось; но черезъ нѣсколько дней узнали, что тѣ же крестьяне тайно наводили справки о томъ, не вышло ли чего-нибудь на просьбу, поданную ими Государю. Этотъ случай вполнѣ характеризуетъ отношенія крѣпостнаго сословія къ правительству по всѣмъ гражданскимъ дѣламъ объ отыскивающихъ свободы или по жалобамъ на помѣщиковъ.

Въ 1853 году, крестьяне N.... (о которыхъ было упомянуто выше), получивъ отказъ въ ихъ искѣ во всѣхъ инстанціяхъ, отложились отъ своего владѣльца и на всѣ убѣжденія духовенства и мѣстныхъ властей отвѣчали, что они ожидаютъ резолюціи на просьбу, посланную ими въ собственныя руки Государя-Наслѣдника. Ихъ, наконецъ, разувѣрили картечью и пулями.

дѣлопроизводства, ни отношеній властей и учрежденій между собою и къ верховной власти; но именно по этой причинѣ, дѣйствіе правительства на массу ни на чемъ иномъ основано быть не можетъ, какъ на личномъ довѣріи къ исполнителямъ царской воли. Когда и этотъ единственный рычагъ вываливается изъ рукъ правительства, когда толпа встрѣчаетъ его чиновниковъ съ убѣжденіемъ, что ее обманываютъ, другихъ средствъ не остается, какъ только штыки и картечь. Опасное средство!

Итакъ, триста тысячъ помѣщиковъ, не безъ основанія встревоженныхъ ожиданіемъ страшнаго переворота; одиннадцать милліоновъ крѣпостныхъ людей, твердо увѣренныхъ въ существованіи глухаго, давнишняго заговора дворянства противъ Царя и народа, и въ тоже время считающихъ себя за одно съ Царемъ въ оборонительномъ заговорѣ противъ ихъ общаго врага, дворянства; законы, въ которыхъ народъ не признаетъ подлиннаго выраженія царской воли; правительство, заподозрѣнное народомъ въ предательствѣ и не внушающее ему никакого довѣрія,—вотъ чѣмъ мы обязаны крѣпостному праву въ отношеніи политическомъ.

Неоднократное повтореніе подобныхъ случаевъ не могло укрыться отъ вниманія властей, находящихся въ прямыхъ отношеніяхъ къ владѣльческимъ крестьянамъ. Смоленскій губернскій предводитель въ запискѣ, уже цитованной нами, въ которой онъ старался представить въ выгоднѣйшемъ свѣтѣ отношенія крѣпостныхъ людей къ помѣщикамъ, писалъ, однако же, слѣдующее: „Всегда достаточно было распоряженій правительства къ подавленію опаснаго духа и водворенію спокойствія въ народѣ, *при всемъ томъ, что народъ безсознательно подозрѣваетъ, что эти распоряженія не проистекаютъ отъ воли Царя*. Тамъ же, гдѣ выражалась ясно положительная и непремѣнная воля Государя, народъ съ благоговѣніемъ принималъ ее; такъ, напримѣръ, въ прошедшемъ году (1848) всенародное объявленіе циркуляровъ о Высочайшей волѣ, чтобы крѣпостные люди повиновались законной власти своихъ помѣщиковъ, водворило совершенное спокойствіе“.—Ошибочность послѣдняго удостовѣренія губернскаго предводителя ясно обнаружена позднѣйшими происшествіями. Два года спустя, въ 1851 году, вотъ что̀ писалъ начальникъ той же Смоленской губерніи: „*Недовѣріе къ лицамъ, служащимъ по выборамъ дворянства, и еще меньшее довѣріе къ полиціямъ* вынуждаетъ крестьянъ Смоленской губерніи обращаться съ жалобами на своихъ господъ въ С.-Петербургъ къ самому Государю Императору“.

Можетъ ли считать себя безопаснымъ внутри и благоустроеннымъ государство, подъ которое подведенъ этотъ страшный подкопъ? Можетъ ли оно свободно и безтрепетно двигать всѣми въ немъ заключенными силами?

Вліяніе крѣпостнаго права на народное хозяйство.

Обратимся теперь къ экономической сторонѣ вопроса.

Всякая промышленность, въ томъ числѣ и земледѣльческая, требуетъ совокупнаго участія трехъ условій: матеріала, даннаго природою, капитала и труда; но капиталъ есть ничто иное, какъ сбереженный плодъ предшествовавшихъ человѣческихъ усилій, и потому отъ степени напряженія и производительности народнаго труда зависитъ, главнѣйшимъ образомъ, успѣхъ во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства. Тысячи внѣшнихъ, второстепенныхъ обстоятельствъ могутъ имѣть вліяніе на человѣческій трудъ, то возбуждая его, то ослабляя; но основной законъ его развитія остается постоянно и вездѣ неизмѣннымъ: производительность труда находится въ прямомъ отношеніи къ свободѣ трудящагося. Чѣмъ менѣе онъ стѣсненъ въ выборѣ занятія, въ распоряженіи своимъ временемъ и своими силами, тѣмъ успѣшнѣе его трудъ; наоборотъ, производительность труда постепенно упадаетъ по мѣрѣ ограниченія свободы трудящагося. Оттого всѣхъ хуже работаетъ невольникъ, для котораго нѣтъ иныхъ побужденій, кромѣ страха; нѣсколько лучше невольника, но гораздо хуже вольнонаемнаго, работаетъ барщинникъ; а поденщикъ въ свою очередь далеко уступаетъ наемнику на урочномъ положеніи *). Этотъ общій законъ, давно признанный за одно

*) См. Stuart Mill (Principes d'économie politique т. 1, гл. 5, § 2), Roscher (Grundlagen etc. § 39) и вообще всѣхъ извѣстныхъ экономистовъ. Къ тому же заключенію, путемъ наблюденія, пришли издавна просвѣщеннѣйшіе изъ нашихъ помѣщиковъ. Въ Земледѣльч. Журн. 1831 г., № 17, мы читаемъ: „Оброчникъ имѣетъ гораздо болѣе возможности развертывать свои способности, чѣмъ барщинникъ; ибо онъ улучшаетъ свое состояніе на томъ пути, куда его влечетъ склонность. Предаваясь какому-нибудь ремеслу или промыслу по собственной своей волѣ, а не по направленію другаго, онъ болѣе пользуется опытомъ, болѣе исправляетъ собственныя свои ошибки и слѣдо-

изъ немногихъ безспорныхъ положеній политической экономіи, вполнѣ примѣняется къ современному состоянію земледѣлія въ Россіи. Первое побужденіе, заставляющее человѣка напрягать силы для тяжелаго механическаго труда, есть, конечно, нужда, боязнь остаться безъ куска хлѣба. Второе, высшее, къ нему присоединяющееся, это твердая увѣренность, что нажитое честнымъ трудомъ пойдетъ въ пользу трудившагося; иными словами: довѣренность къ законамъ, охраняющимъ собственность. Почти не нужно доказывать, что первое изъ этихъ побужденій значительно ослабляется, а второе совершенно подрывается крѣпостнымъ правомъ. Обязательная отвѣтственность помѣщика за каждаго изъ его крестьянъ, застраховывая послѣдняго отъ нищеты и голода, слагаетъ съ него часть его личной отвѣтственности за самаго себя. Право на постороннюю помощь, это единственное, за то неотъемлемое право, присвоенное всякому крѣпостному человѣку по его состоянію, уравнивая разорившагося отъ стеченія несчастныхъ обстоятельствъ труженика съ тунеядцемъ, естественно поощряетъ безпечность.

вательно несравненно болѣе научается мыслить, чѣмъ тотъ, который все дѣлаетъ механически по наряду другаго". Въ № 3 того же журнала за 1835 г. „Крестьянское правило въ барщинскихъ работахъ: чѣмъ меньше и хуже, тѣмъ лучше". — Въ статьѣ Вилькинса 1843 года: „Кто изъ помѣщиковъ, лично занимавшихся своимъ хозяйствомъ и обработывающихъ землю издѣльными крестьянами, не знаетъ, по собственному опыту, какъ медленно и небрежно исполняются наши барщинскія работы, если нѣтъ за ними внимательнаго и строгаго присмотра. Сколько обманутыхъ и неудавшихся разсчетовъ просто оттого, что вообще на барщинѣ выгоды крестьянъ діаметрально противоположны выгодамъ помѣщика!"—Псковскій помѣщикъ Воиновъ выразилъ туже мысль въ слѣдующихъ словахъ: „Трудъ не долженъ быть принудительнымъ, если желаютъ, чтобы человѣкъ работалъ съ высшею степенью физическихъ и умственныхъ своихъ способностей ... Смѣло можно сказать, что въ хорошо управляемыхъ барщинахъ, три четверти барщинниковъ отвѣчаютъ за себя и за другихъ, т. е. *что работы утягиваются по крайней мѣрѣ на четвертую долю времени. Когда бы эту потерю исчислить по всѣмъ имѣніямъ, то, я думаю, результатъ оказался бы государственной важности*". (Земледѣльч. Журналъ 1852 года, № 1). Другой помѣщикъ, Лодыженскій, идетъ еще далѣе и утверждаетъ, что въ барщинѣ всегда *пропадаетъ работы на половину*" (Земледѣльч. Журналъ 1853 года, № 1).

Въ этомъ давно убѣдились наши помѣщики, и хозяйственная литература наша исполнена жалобъ на эту тему *).

Убѣжденіе въ негодности и непроизводительности вынужденнаго труда, постепенно распространяясь въ кругу просвѣщенныхъ и добросовѣстныхъ помѣщиковъ, заставило искать средствъ замѣнить или ослабить принудительный надзоръ въ распоряженіи крестьянскими работами, не отрекаясь отъ права на самый трудъ. Это былъ безспорно значительный шагъ впередъ, хотя въ предѣлахъ крѣпостнаго права задача сама по себѣ не разрѣшима; ибо можно ли устранить принужденіе въ производствѣ принудительныхъ работъ? Отсюда родились попытки подвести крестьянскія повинности подъ опредѣленное, урочное положеніе. Нѣсколько таковыхъ положеній, особенно замѣчательныхъ какъ доказательство пробудившейся потребности, самими помѣщиками ощущаемой, выдти изъ области неограниченнаго произвола, было напечатано въ Журналѣ Сельскаго Хозяйства 1852 и 1853 годовъ. Въ томъ же изданіи (1852 года, № 2), въ прекрасной статьѣ Кошелева, очень ясно доказана, съ одной стороны невозможность строгаго примѣненія урочнаго положенія къ полевымъ работамъ, съ другой, опасность этой системы собственно въ нашемъ хозяйствѣ, гдѣ уроки опредѣляются не по вольному ряду, а по усмотрѣнію владѣльца, и, при неограниченномъ правѣ взысканія за неисполненіе съ безотвѣтныхъ крѣпостныхъ людей, опасность облекать произволъ въ формальную законность. Указаніе на эту важную, совершенно новую и далеко неисчерпанную тему заслуживаетъ великой благодарности автору статьи.

*) Смоленскій губернскій предводитель въ своей запискѣ говоритъ: „Теперь крестьяне въ неурожайные годы въ житницѣ владѣльца находятъ необходимое продовольствіе и сѣмена, и оттого многіе *сдѣлались безпечны* и *небрегутъ собственнымъ своимъ хозяйствомъ*. Помѣщики обязаны весьма часто дѣлать пожертвованія для крестьянъ безпечныхъ и лѣнивыхъ“. Вотъ отзывы извѣстныхъ сельскихъ хозяевъ. Бунина: „Крестьяне всегда ожидаютъ отъ насъ помощи и, къ сожалѣнію, мало думаютъ о нашихъ способахъ.“—Поздюнина: „Безпечность, столь замѣчательная въ издѣльныхъ крестьянахъ и происходящая единственно оттого, что они въ нуждахъ своихъ почти безвозмездно получаютъ пособія отъ помѣщика, при оброчномъ состояніи крестьянъ, если не совсѣмъ уничтожается, то по крайней мѣрѣ ослабляется тѣмъ, что какъ бы въ поощреніе трудолюбію, при оброкѣ бываетъ менѣе дурныхъ примѣровъ, при которыхъ помѣщикъ вынужденнымъ находится дѣлать пособіе своимъ крестьянамъ“. Въ другомъ мѣстѣ, говоря объ издѣльныхъ крестьянахъ, тотъ же писатель утверждаетъ, „что не въ полной мѣрѣ дѣлаемое отъ помѣщика крестьянамъ пособіе (какъ въ 1834 году), производитъ въ нихъ негодованіе и что нельзя помѣщикамъ ожидать разсудительности и благодарности отъ необразованныхъ крестьянъ своихъ“. (Землед. Журналъ 1834 г. № 18; 1836 г. № 27; 1845 г. № 11).

Съ другой стороны, собственность крестьянина, все, что̀ заработывается имъ въ дни свободные отъ барщины, не только не ограждается формальнымъ закономъ отъ насильственнаго посягательства со стороны помѣщика, но даже въ обычаѣ, который во многихъ случаяхъ у насъ строже и нравственнѣе закона, понятія о крестьянской собственности такъ шатки, такъ неопредѣленны и произвольны, что увѣренность въ спокойномъ обладаніи нажитымъ имуществомъ крѣпостному сословію въ массѣ рѣшительно недоступна *).

---

*) Оставляя въ сторонѣ грубыя злоупотребленія, мы утверждаемъ, что на каждомъ шагу встрѣчаются обычныя посягательства на собственность крестьянъ, никого не оскорбляющія, безсознательныя, иногда даже невольныя. Напримѣръ: соглашаясь дать крестьянину своему отпускную, помѣщикъ назначаетъ ему выкупъ не по соразмѣрности съ оброкомъ, отъ него получаемымъ, но единственно по состоянію выкупающагося, дѣйствительному или предполагаемому; оттого онъ требуетъ и получаетъ съ инаго въ десятеро болѣе, чѣмъ съ другаго. Между тѣмъ, отпуская на волю крестьянина средняго состоянія и богача, владѣлецъ въ обоихъ случаяхъ теряетъ одно и тоже: оброкъ, которымъ тягла облагаются поровну, или барщину, исправляемую въ одинаковой мѣрѣ по числу тяголъ. Оба крестьянина также пріобрѣтаютъ одно и тоже: право располагать собою; но одинъ платитъ противъ другаго тройную и четверную цѣну потому только, что онъ богатъ, иными словами, потому что дольше, успѣшнѣе, усерднѣе другаго трудился. Итакъ, помѣщикъ облагаетъ огромнымъ налогомъ свободный трудъ крестьянина и, пользуясь случаемъ, *беретъ много единственно на томъ основаніи, что есть съ чего взять*. Точно такимъ же образомъ поступаетъ удѣльное вѣдомство и казна въ имѣніяхъ коннозаводскихъ, взыскивая съ увольняемыхъ для записки въ купечество по 1500 р сер. съ души, а для записки въ мѣщанство по 600 р. Какимъ именемъ назвать такой поступокъ?

Вотъ другой случай, вовсе нерѣдкій: помѣщикъ, снисходя къ просьбѣ зажиточнаго крестьянина, позволяетъ ему откупиться отъ рекрутства. Деньги получаетъ помѣщикъ, крестьянинъ сходитъ съ очереди, а поставка рекрута падаетъ на ближайшее семейство. Еще чаще бываетъ, что крестьянинъ нанимаетъ рекрута на сторонѣ, разумѣется на свои деньги, и, сдавши его, приноситъ помѣщику квитанцію, а самъ по прежнему продолжаетъ платить оброкъ или ходить на барщину.

Третій примѣръ: крестьянинъ покупаетъ въ городѣ домъ на свои деньги, но на имя своего господина, что̀ и теперь продолжается, хотя по закону крѣпостные люди могутъ пріобрѣтать недвижимую собственность на свое имя. Помѣщикъ разоряется, и по взысканіямъ, на него предъявленнымъ, все имѣніе его, въ томъ числѣ и домъ, принадлежащій его крестьянину, поступаетъ въ продажу; крестьянинъ впадаетъ въ нищету, увлеченный своимъ

Итакъ, ослабленіе главныхъ пружинъ народной производительности—вотъ прямое послѣдствіе настоящаго положеніе рабочаго крѣпостнаго сословія. Выражая этими словами выводъ изъ неопровержимыхъ фактовъ и изъ отзывовъ Русскихъ хозяевъ, нельзя не вспомнить живой полемики, возгорѣвшейся во Франціи въ 1848 году, когда послѣ Февральской революціи, торжествующіе соціалисты, захвативъ верховную власть, приступили къ приложенію своей теоріи организаціи труда. Всѣ серьозныя возраженія, противъ нихъ предъявленныя, сводились къ слѣдующимъ двумъ: „принимая на себя удовлетвореніе нуждамъ каждаго, вы дадите премію тунеядству; подрывая право собственности, вы запугаете капиталы: нынѣ находящіеся въ обращеніи скроются, а накопленія новыхъ остановятся". Намъ, конечно, были совершенно чужды вопросы и страсти, въ то вре-

господиномъ, безъ всякаго дурнаго намѣренія со стороны послѣдняго. Возможность подобныхъ явленій, не говоря уже о насильственномъ посягательствѣ на собственность, объясняетъ достаточно почему крѣпостные люди почти повсемѣстно такъ тщательно скрываютъ свое состояніе. Эта боязливая заботливость выражается въ различныхъ формахъ. Въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ промышленныхъ центровъ, существуетъ постоянное обыкновеніе прятать монету въ кувшинахъ, зарывать ихъ въ землю или навозъ, затыкать ассигнаціи въ щели и т. п. Кто знаетъ, на какую сумму черезъ это выходитъ изъ оборота мелкихъ капиталовъ. Нѣкоторые помѣщики, по возможности строго уважавшіе крестьянскую собственность, пытались для пользы самихъ же крестьянъ убѣдить ихъ не держать денегъ у себя, а отдавать ихъ на сбереженіе въ господскую контору съ правомъ обратнаго полученія при первомъ востребованіи; но, за двумя или тремя исключеніями, эти попытки не имѣли успѣха. Причина весьма понятна: личная довѣренность къ человѣку рѣдко бываетъ въ состояніи пересилить привычку, укоренившуюся отъ недовѣрчивости къ цѣлому порядку установившихся и закономъ освященныхъ отношеній. Несмотря на все это, много добросовѣстныхъ людей еще придерживается у насъ того мнѣнія, будто бы отсутствіе законнаго разграниченія между собственностью помѣщика и собственностью крестьянина замѣняется и вознаграждается тождествомъ ихъ интересовъ. Чтобы понять всю ошибочность этого мнѣнія, достаточно припомнить, какъ часто мы видимъ разоренныхъ крестьянъ за богатыми помѣщиками, и спросить себя: часто ли попадаются богатые крестьяне за обѣднѣвшими помѣщиками? Помѣщикъ можетъ получать большія выгоды и не дѣлиться ими съ крестьянами, въ потеряхъ же его значительная часть падаетъ всегда на ихъ долю. И это называется тождествомъ выгодъ!

мя волновавшіе Францію; но мы слѣдили съ напряженнымъ участіемъ за борьбою партій, и съ свойственною намъ горячностью къ чужому дѣлу, мы рукоплескали издали мужественнымъ противникамъ въ то время торжествовавшей школы и не находили словъ для осужденія соціалистовъ. Напрасно! Еслибы мы взглянули на вопросъ хладнокровнѣе и глубже, мы бы вѣроятно замѣтили, что возраженія, подъ которыми похоронена была теорія организаціи труда, падали во всей силѣ и на крѣпостное право. Не намъ, единственнымъ во всей Европѣ представителямъ этого права, поднимать камень на соціалистовъ. Мы съ ними стоимъ на одной доскѣ, ибо всякій трудъ невольный есть трудъ, искусственно организованный. Вся разница въ томъ, что соціалисты надѣялись связать его добровольнымъ согласіемъ массъ, а мы довольствуемся ихъ вынужденною покорностью *).

Кромѣ механическаго труда, о которомъ мы говорили доселѣ, или такъ называемой черной работы, всякое промышленное предпріятіе требуетъ участія задумывающей мысли и исполняющей воли.

Представителемъ этихъ высшихъ способностей въ дѣлѣ сельской промышленности является у насъ одинъ помѣщикъ, въ этомъ отношеніи занимающій мѣсто западнаго фермера или заводчика (въ обширномъ смыслѣ entrepreneur). Но крѣпостное право ставитъ перваго въ исключительное по-

---

*) Для избѣжанія всякаго недоразумѣнія, считаемъ не лишнимъ замѣтить, что мы не думаемъ простирать сравненія на *политическій* характеръ соціальныхъ школъ современной Франціи. Впрочемъ, этотъ характеръ, въ высшей степени революціонный, вовсе не составляетъ принадлежности самой теоріи; Людовикъ Наполеонъ, самодержавно правящій судьбою Франціи, могъ бы сдѣлаться соціалистомъ и примѣнить политико-экономическія начала этой теоріи безъ баррикадъ, безъ народныхъ собраній и зажигательныхъ воззваній. Сами соціалисты, по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ, склоняются въ пользу формы правленія неограниченной, въ комъ бы верховная власть ни сосредоточивалась. Но мы привыкли представлять себѣ всякаго соціалиста какимъ-то пугаломъ въ усахъ, длинной бородѣ, съ звѣрскимъ взглядомъ и въ лохмотьяхъ. Такимъ онъ могъ являться вслѣдствіе внѣшнихъ обстоятельствъ, но самое ученіе вовсе не требуетъ этой трагической обстановки. Не переставая быть ложнымъ и вреднымъ, оно очень легко можетъ облечься въ общую одежду консерваторства самаго непреклоннаго, а въ этой формѣ, къ сожалѣнію, мы не узнаемъ его.

ложеніе, которому подобнаго не представляетъ ни одна промышленность, основанная на вольномъ трудѣ. Изъ этого положенія вытекаютъ значительныя выгоды для частныхъ лицъ и огромныя потери для народнаго хозяйства. Фермеръ держитъ столько батраковъ, сколько ему потребно по объему его хозяйства; сумма рабочихъ силъ, приводимыхъ имъ въ дѣйствіе, въ точности соотвѣтствуетъ его оборотному капиталу, и оттого всякое новое предпріятіе или расширеніе стараго, требуя прибавочныхъ силъ, неминуемо вовлекаетъ его въ новые расходы. Всѣ усилія фермера, естественно, устремляются къ тому, чтобы замѣнить по возможности дорогой трудъ безплатнымъ участіемъ неодушевленныхъ силъ природы (огня, воды, паровъ) и усовершенствованіемъ способовъ производства работъ довести производительность ихъ до высшей степени. Наоборотъ, нашъ Русскій помѣщикъ обязанъ по закону содержать всѣхъ приписанныхъ къ его землѣ крѣпостныхъ людей, хотя бы онъ и не находилъ въ нихъ пользы; за то, располагая ихъ обязательнымъ трудомъ, онъ не нуждается въ собственномъ оборотномъ капиталѣ; онъ властенъ напрягать рабочія силы, состоящія въ безотчетномъ его распоряженіи до послѣднихъ предѣловъ физической возможности, не опасаясь остаться безъ рабочихъ, хотя бы требованія его превышали въ нѣсколько кратъ стоимость отведенныхъ крестьянамъ угодій. При этихъ условіяхъ, истекающихъ изъ порядка вещей освященнаго закономъ, Русскому помѣщику легко получить съ населеннаго имѣнія доходъ, конечно, незначительный по сравненію съ богатствомъ природныхъ средствъ, за то не налагая на себя тяжкаго бремени личныхъ хлопотъ и трудовъ. А многіе ли захотятъ трудиться, не ощущая нужды, когда можно цѣлый вѣкъ прожить безъ труда? Къ чему бы, напримѣръ, изобрѣтать или заводить машины, жертвовать значительныя суммы въ видахъ постояннаго сбереженія времени и труда, когда трудъ и время не представляютъ для Русскаго помѣщика опредѣленной цѣнности? *)

---

*) Въ одной изъ своихъ статей о нашемъ сельскомъ хозяйствѣ, Вилькинсъ разсказываетъ слѣдующее: одному помѣщику предлагали завести у себя молотильную машину; но, отдавая ей полную справедливость, онъ отвѣчалъ, что

Нужно ли усилить доходъ, есть и на то сподручныя средства: прибавить по полдесятинѣ господской запашки на тягло, накинуть подводу, сдѣлать сверхъ-очередный нарядъ или увеличить урокъ. Чтò можетъ быть простѣе и дешевлѣ? *)

Въ общемъ ходѣ промышленности безкорыстная любовь къ улучшеніямъ и охота къ труду не можетъ замѣнить живаго ощущенія нужды. Она-то пробуждаетъ въ массахъ дремлющія способности ума и воли, изощряетъ изобрѣтательность и порождаетъ предпріимчивость. Гдѣ нѣтъ этого могучаго двигателя или гдѣ онъ ослабленъ, спокойствіе и

считаетъ ее для себя негодною. „Это почему?" спросилъ хозяинъ съ удивленіемъ „Да какъ же, батюшка, былъ отвѣтъ, если бы я завелъ у себя молотильню, такъ чтò же бы стали дѣлать у меня бабы-то цѣлую зиму?" (Журн. Сельск. Хозяйства 1815 г., № 9). Почти тѣми же словами повторено это возраженіе Безобразовымъ въ 1853 году въ его „Взглядѣ Русскаго помѣщика на сельское управленіе и хозяйство". На практикѣ это равнодушіе является у насъ господствующимъ. Вспомнимъ, какъ медленно распространяются у насъ изобрѣтенныя въ другихъ земляхъ машины и усовершенствованные способы производства работъ по части земледѣлія, какъ мало мы изобрѣли сами, какъ часто мы не находимъ ни молотилки, ни вѣялки, ни сѣялки въ имѣніяхъ такихъ владѣльцевъ, у которыхъ черезъ два, три года обновляется въ домахъ вся мебель. Можно сказать, что усовершенствованіе сельскаго хозяйства въ Россіи пока еще дѣло охотниковъ, любителей, къ которому масса помѣщиковъ равнодушна именно потому, что не видитъ въ немъ ни нужды, ни денежнаго разсчета.

*) Все это истекаетъ не изъ нашего характера, а изъ нашего положенія. Тоже было и въ другихъ земляхъ при порядкѣ вещей, у насъ существующемъ. Вотъ чтò писалъ въ 1835 году опытный Нѣмецкій хозяинъ: „Стоитъ только обратиться за тридцать лѣтъ назадъ, чтобы увидѣть какъ далеко отставала тогда Пруссія отъ теперешней степени просвѣщенія, особливо въ классѣ земледѣльцевъ и вообще сельскихъ жителей. Крестьяне оцѣнивались только по мѣрѣ тѣлесныхъ силъ своихъ и по степени покорности, а это давало поводъ владѣльцамъ обижать ихъ всячески. Тотъ, кто умѣлъ дѣлать больше прижимокъ земледѣльцу и требовать отъ него бòльшей работы, тотъ почитался лучшимъ экономомъ. Всѣ хозяйственныя занятія шли точно также, какъ при отцахъ нашихъ и дѣдахъ, безъ малѣйшей перемѣны или улучшенія. Въ то время почли бы сумашедшимъ того, кто бы повѣрилъ, что въ большомъ имѣніи можно довольствоваться наемными людьми". (Земл. Журн. 1836 г., № 5).

удобства, достающіяся въ удѣлъ немногимъ, сопровождаются всеобщимъ, безотраднымъ застоемъ. Нельзя не сознаться, что таковъ отличительный характеръ нашего сельскаго хозяйства въ сравненіи съ прочими отраслями нашей собственной промышленности, фабричной и заводской *).

Выгодность или невыгодность всякаго предпріятія обнаруживается строгою отчетностью. Отчетность требуетъ подведенія всѣхъ безъ изъятія расходовъ производства къ одному общему знаменателю цѣнности; а цѣнность всякаго предмета, выражая отношеніе запроса къ предложенію, устанавливается при условіи полной свободы договаривающихся сторонъ. Русская поговорка: „цѣну Богъ строитъ", выражаетъ не только фактъ, но основный экономическій законъ. Гдѣ нарушена эта свобода какимъ бы то ни было предустановленнымъ отношеніемъ, какъ, напримѣръ, безусловною подчиненностью однаго лица другому, тамъ не можетъ быть ни вѣрности въ опредѣленіи цѣнности, ни полноты въ отчетности, ни надежной повѣрки промышленныхъ предпріятій, ни обнаруженія сдѣланныхъ въ немъ ошибокъ. Утверждая, что масса обязательнаго труда, замѣняющая весь оборотный капиталъ въ помѣщичьемъ хозяйствѣ, представляетъ собою дѣйствительный расходъ, но расходъ неопредѣлимой цѣнности, мы должны оговориться. Оцѣнивъ землю, отданную крестьянамъ, положивъ въ счетъ нѣсколько процентовъ на разныя пособія въ случаѣ пожаровъ, падежей, неурожаевъ, на уплату податей и т. д., каждый помѣщикъ можетъ, хотя приблизительно, исчислить, во что̀ обязательный трудъ его крѣпостныхъ людей *ему об-*

*) Стараясь во всѣхъ случаяхъ подкрѣплять наши выводы отзывами людей, наблюдавшихъ современный порядокъ вовсе не съ тѣмъ, чтобы искать въ немъ уликъ противъ крѣпостнаго права, мы укажемъ на сочиненіе извѣстнаго хозяина Майера „О системѣ полеводства въ степныхъ губерніяхъ". Жалкое состояніе хлѣбопашества у такихъ помѣщиковъ, которые съ успѣхомъ ведутъ другаго рода предпріятія по откупамъ, подрядамъ и фабрикамъ, онъ объясняетъ именно тѣмъ, что на эти послѣднія предпріятія не жалѣютъ не только денегъ, *но и личныхъ хлопотъ*. Ясно, что только при существующемъ отношеніи крестьянъ къ помѣщикамъ, хозяйство послѣднихъ можетъ идти кое-какъ, принося доходъ, безъ употребленія на него капитала и заботливости.

ходится [1]); но цифра, выведенная этимъ путемъ, не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствительною цѣнностью труда [2]). По той же причинѣ и доходъ, получаемый помѣщикомъ отъ земледѣлія или другой отрасли хозяйства, далеко не есть еще доказательство выгодности предпріятія [3]).

Наши мыслящіе хозяева давно сознали эту существенную разницу, долго старались опредѣлить себѣ *дѣйствительную*

---

[1]) Какъ предлагаетъ Кикинъ въ своихъ замѣчаніяхъ на статью Вилькинса въ Земл. Журн. 1834 г., № 3.

[2]) Почти всѣ помѣщики наши убѣждены въ томъ, что заведеніе хлѣбопашества на коммерческомъ основаніи, (кромѣ нѣкоторыхъ мѣстностей, не требующихъ удобренія и необыкновенно щедро вознаграждающихъ самый ничтожный трудъ), при вольномъ наймѣ рабочихъ, было бы убыточно; въ этомъ убѣжденіи, (за справедливость котораго мы не ручаемся), ясно выражается сознаніе, что рабочія силы обходятся имъ дешевле дѣйствительной ихъ стоимости. Аѳросимовъ, въ своемъ „Опытѣ оцѣнки работъ въ дворянскихъ помѣстьяхъ", исчисляетъ, что въ Мценскомъ уѣздѣ, у тяглеца, при трехдневной барщинѣ и при обыкновенномъ надѣлѣ землею, остается 41 руб. чистаго и вѣрнаго дохода, а у годоваго батрака 77 рублей съ большимъ рискомъ. Къ этому онъ прибавляетъ: „Не предположили бы изъ этого разсчета, что я нахожу выгоднѣе отдавать всю землю въ наймы и не имѣть крестьянъ. Эта мысль была бы самая ошибочная!... Мы не можемъ съ выгодою ни въ наймы отдавать нашихъ земель, ни обработывать ихъ наемными... въ обоихъ случаяхъ лишились бы своего состоянія". Не ясное ли доказательство, что представленная оцѣнка произвольна и что въ сумму помѣщичьяго дохода входитъ процентъ съ капитала, называемаго крѣпостнымъ правомъ?

[3]) Вилькинсъ, въ своихъ примѣчаніяхъ на Векерлина, говоритъ: „Мы стараемся только учитывать необходимые для насъ денежные доходы, не обращая вниманія на то, что полученіе ихъ сопряжено больше или меньше съ существенными издержками, которыя не замѣтны для насъ потому, что мы не платимъ за нихъ чистыми деньгами.... Крестьянамъ своимъ за работу мы денегъ не платимъ, а частые неурожаи приписываемъ волѣ Божіей". (Земл. Журн. 1844 года, № 12).

Тотъ же авторъ, въ своемъ образцовомъ изслѣдованіи о сельскомъ хозяйствѣ въ губерніяхъ, лежащихъ на Сѣверъ отъ Москвы, доказываетъ, что двѣ трети воздѣлываемой въ нихъ земли не обезпечиваютъ насущнаго пропитанія обработывающихъ ее крестьянъ. Очевидно, что такое предпріятіе не принадлежитъ къ разряду производительныхъ, тогда какъ помѣщики могутъ получать отъ него доходъ, какъ бы скудны ни были урожаи на ихъ поляхъ. Сколько подобныхъ предпріятій изстари заведено и продолжается въ пространной Россіи единственно потому, что есть рабочіе, прикрѣпленные къ землѣ, которыхъ можно, не тратя ни копѣйки, употреблять какъ и на что вздумается!

цѣнность труда и отношеніе ея *къ цѣнѣ, въ которую обходится помѣщикамъ обязательный трудъ;* но безуспѣшно. Живая, назидательная полемика, возникшая изъ столкновенія разныхъ мнѣній объ этомъ предметѣ, оставила по себѣ только одинъ, впрочемъ, очень важный результатъ. Доказана неразрѣшимость возбужденной задачи по недостатку данныхъ, которыхъ и быть не можетъ, гдѣ нарушена свобода труда, гдѣ цѣну труда не Богъ строитъ, а устанавливаетъ человѣческій произволъ *).

*) Нѣкоторые хозяева выводятъ оцѣнку труда изъ цѣнности произведеній, переставляя произвольно термины вопроса. Стоимость произведеній или цѣна, въ которую обходится хлѣбъ производителю, слагается изъ совокупности расходовъ производства, въ томъ числѣ и задѣльной платы; не оцѣнивъ предварительно работы, нельзя опредѣлить во что̀ обошлось произведеніе. Что же касается до цѣны, по которой оно продается на рынкѣ, то, очевидно, что она зависитъ отъ естественнаго плодородія почвы, отъ урожая, запроса и многихъ причинъ, не имѣющихъ прямаго вліянія на цѣнность труда.

Вилькинсъ, глубже и добросовѣстнѣе всѣхъ разсмотрѣвшій вопросъ, различаетъ внутреннюю цѣнность труда (valeur intrinsèque) отъ номинальной цѣны или платы за работу. Первая, признаваемая имъ за нормальную, соотвѣтствуетъ, по его мнѣнію, стоимости продовольствія, иными словами: равняется удовлетворенію жизненныхъ потребностей и болѣе ничему. Вторая, случайная, зависитъ отъ многихъ побочныхъ обстоятельствъ. Нормальную цѣну Вилькинсъ принимаетъ за основаніе всѣхъ разсчетовъ для опредѣленія во что̀ обходится самому производителю воздѣлываніе сельскихъ продуктовъ, и затѣмъ, переходя къ оцѣнкѣ барщины, онъ говоритъ: „Если крестьянину въ собственномъ его хозяйствѣ день стоитъ 18 фунтовъ муки (здѣсь подразумѣвается продовольствіе работника, его семейства и содержаніе лошади, переложенное на муку), то можно ли найти какой-нибудь достаточный поводъ къ предположенію, чтобъ этотъ же самый рабочій день стоилъ дороже или дешевле на барщинѣ?“ Противъ этого можно возразить: 1) Тэеръ, у котораго Вилькинсъ заимствовалъ свою систему, ограничиваетъ ея примѣненіе двумя условіями, предполагая, что цѣна труда соразмѣряется цѣнности продовольствія *въ земляхъ, достаточно населенныхъ* и при *обыкновенномъ порядкѣ вещей;* ни то, ни другое условіе къ намъ не примѣняется. 2) Кромѣ насущнаго пропитанія, есть множество другихъ потребностей, частью по существу своему необходимыхъ, частью сдѣлавшихся таковыми. Всѣ онѣ входятъ въ понятіе, какое составляетъ себѣ каждый человѣкъ о своемъ содержаніи. Весьма трудно оцѣнить ихъ по одиночкѣ, еще труднѣе отдѣлить въ нихъ существенное отъ произвольнаго. 3) Хлѣбъ, сукно, сахаръ, всѣ вообще произведенія человѣческаго труда изъ рукъ производителя переходятъ въ чужія руки вслѣдствіе мѣны или торга; продавецъ сбываетъ ихъ единственно потому, что покупщикъ цѣнитъ ихъ свыше внутренней ихъ стоимости,

Практическія послѣдствія этой неопредѣленности могутъ быть весьма различны; въ иныхъ случаяхъ, содержаніе крестьянъ можетъ обходиться помѣщику дороже стоимости ихъ труда; въ другихъ, угодья, предоставленныя крестьянамъ въ пользованіе, могутъ не стоить и половины отработываемой ими барщины или оброка, которымъ они обложены; но съ точки зрѣнія народнаго хозяйства гораздо важнѣе и вреднѣе этихъ частныхъ несправедливостей самая ихъ неуловимость; ошибки вездѣ неизбѣжны, но строгая отчетность, гдѣ она возможна, немедленно обнаруживаетъ ихъ, наводя въ тоже время на средства къ ихъ исправленію; при недостаткѣ же отчетности, ошибки плодятся до безконечности и, повторяясь много лѣтъ сряду въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ, вовлекаютъ цѣлое государство въ неисчислимую потерю силъ и времени.

дороже той цѣны, въ которую они обошлись производителю; трудъ есть тотъ же товаръ, и потому помѣщикъ, располагающій рабочими силами крестьянина, не можетъ принять за основаніе своихъ разсчетовъ ту цѣну, въ которую самъ крестьянинъ оцѣниваетъ свою работу. 4) Наконецъ, если подъ нормальною цѣнностью труда подразумѣвать *количество* съѣстныхъ припасовъ, потребное на пропитаніе работника, то слово цѣнность употреблено неправильно и выведенная норма, одинаковая для Калифорніи, гдѣ въ два мѣсяца чернорабочій наживаетъ капиталъ, и для Ирландіи, откуда ежегодно выходятъ толпы переселенцевъ, не находящихъ себѣ насущнаго пропитанія, не можетъ принести намъ никакой пользы въ нашихъ хозяйственныхъ разсчетахъ. Если же къ понятію о *количествѣ* мы присоединимъ понятіе о *цѣнности*, то мы впадемъ въ систему оцѣнки труда по его произведеніямъ, систему, отвергаемую Вилькинсомъ на томъ основаніи, что мука, крупа, сѣно суть произведенія предшествовавшаго труда, а цѣнность произведеній, по его же словамъ, зависитъ отъ многихъ случайныхъ обстоятельствъ, не имѣющихъ прямаго вліянія на цѣнность труда.

Волковъ, въ своихъ замѣчаніяхъ на статью Вилькинса, и Калачевъ, въ описаніи с. Вески, Владимірской губерніи, предлагаютъ оцѣнивать трудъ издѣльнаго крестьянина по оброку, какой онъ могъ бы уплачивать; но имъ справедливо возражаетъ Вилькинсъ, что нѣтъ ничего произвольнѣе, непостояннѣе и измѣнчивѣе нашихъ оброковъ.

Н. Н. Муравьевъ и за нимъ многіе другіе опредѣляютъ цѣнность обязательнаго труда крѣпостныхъ людей по средней платѣ наемному работнику. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ способъ оцѣнки, самъ по себѣ, самый правильный и раціональный, но, къ несчастію, нельзя извлечь изъ него никакой надежной данной для руководства на практикѣ; ибо сравненіе обязательнаго труда

При тѣсной связи экономическихъ условій сельскаго хозяйства у насъ въ Россіи съ юридическими отношеніями дворянскаго сословія къ крѣпостному, всякая перемѣна къ лучшему или худшему въ системѣ помѣщичьяго хозяйства должна, естественно, отзываться болѣе или менѣе крутымъ переломомъ не только въ хозяйствѣ, но и въ цѣломъ быту поселянъ. Послѣдовательность этихъ явленій представляетъ много поучительнаго и указываетъ намъ какую будущность готовитъ крѣпостному сословію развитіе раціональнаго хозяйства, основаннаго на крѣпостномъ правѣ

Лѣтъ 70 тому назадъ, владѣльцы значительныхъ имѣній мало занимались сельскимъ хозяйствомъ и по большей части довольствовались умѣреннымъ оброкомъ *), собирая сверхъ

съ вольнымъ предполагаетъ существованіе вольнаго труда, какъ товара, *постоянно требуемаго и постоянно предлагаемаго.* У насъ же, количество вольнонаемнаго труда, употребляемаго въ сельскомъ хозяйствѣ, такъ ничтожно по отношенію къ массѣ обязательнаго труда, что плата батраку составляетъ какъ бы исключеніе изъ общаго правила, по которому нѣтъ возможности составить себѣ даже приблизительное понятіе о томъ, во что̀ бы обошелся вольный трудъ, если бы помѣщики не имѣли въ своемъ безотчетномъ распоряженіи барщины, а крестьяне могли бы свободно располагать своимъ временемъ и своими силами. Вилькинсъ, совершенно неправый въ опроверженіи этой системы оцѣнки вообще, совершенно правъ въ доказательствахъ ея непримѣнимости къ современной Россіи. Но отъ него ускользнуло еще слѣдующее обстоятельство: значительная часть нашихъ вольнонаемныхъ батраковъ принадлежитъ къ числу крѣпостныхъ людей, отпущенныхъ на оброкъ, и потому въ плату, ими выпрашиваемую, входитъ, сверхъ расходовъ на ихъ содержаніе, сверхъ вознагражденія за трудъ, сумма на покрытіе оброка, иными словами: процентъ, наростающій на капиталъ, называемый крѣпостнымъ правомъ; изъ чего слѣдуетъ, что это право при теперешнихъ обстоятельствахъ *служитъ регуляторомъ и для вольнаго найма.*

Наконецъ, Поздюнинъ, опровергнувъ очень основательно всѣ исчисленныя системы оцѣнки обязательнаго труда, приходитъ къ убѣжденію въ невозможности удовлетворительнаго разрѣшенія задачи и говоритъ: „Разбирая безпристрастно труды многихъ, занимавшихся опредѣленіемъ цѣнности работъ земледѣльца, вижу, что эти господа добиваются золота алхимиковъ“. Въ этихъ словахъ гораздо больше правды, чѣмъ сколько предполагалъ самъ авторъ. Смотр. переводъ Тэера, примѣчанія Муравьева, Земледѣльч. Журн. 1844 г. № 10, 1845 г. № 7 и 9, 1847 г. № 6, 1853 г. № 6, Земледѣльч. Газеты 1839 г. № 4.

*) Изъ этого должно исключить отдаленныя отъ центра степныя области, какъ, напримѣръ, Заволжскій и Новороссійскій край; они населены въ недавнее

того натурою разные припасы для своихъ домашнихъ потребностей. Они управляли своими вотчинами издали, поверхностно, сильно налегая на свою дворню и оставляя въ покоѣ крестьянъ. Только въ случаѣ неисправности въ платежахъ или важныхъ безпорядковъ, принимаемы были въ отношеніи къ послѣднимъ единовременныя мѣры строгости. Лучше ли, хуже ли, чѣмъ теперь, жили въ то время крестьяне — объ этомъ судятъ различно; но то несомнѣнно, что они жили *своимъ умомъ* и, отдавая помѣщику часть произведеній своего труда, *располагали свободно всѣмъ своимъ временемъ и всѣми своими рабочими силами.*

Этотъ порядокъ вещей измѣнился постепенно отъ совокупнаго дѣйствія многихъ причинъ. Имѣнія быстро дробились, и съ каждымъ новымъ раздѣломъ средства владѣльцевъ уменьшались, а потребности ихъ какъ существенныя, такъ и искусственныя, порожденныя непомѣрнымъ развитіемъ роскоши, не только не ограничивались, но возрастали въ изумительной прогрессіи. Между тѣмъ крестьяне, обѣднѣвшіе во многихъ мѣстахъ отъ истощенія земель, отъ ряда неурожайныхъ годовъ, отъ прекращенія нѣкоторыхъ промысловъ, отчасти отъ той же прихотливой роскоши, которая и ихъ коснулась, не только не выносили увеличенія оброковъ, но даже въ платежѣ прежнихъ денежныхъ повинностей становились неисправными. Тогда дворяне почувствовали необходимость пристальнѣе заняться своими дѣлами, увеличить свои доходы, обезпечить на будущее время вѣрное ихъ поступленіе и, для достиженія этихъ цѣлей, естественно избрали самое сподручное и дешевое средство: заведеніе барщины. *Крестьяне все еще оставались полными хозяевами въ своихъ домашнихъ занятіяхъ и въ своемъ быту*, *но половину ихъ времени и рабочихъ силъ помѣщики взяли въ свое распоряженіе* *).

время переводомъ крестьянъ изъ внутреннихъ губерній. Самое ихъ населеніе было спекуляціею помѣщиковъ, и крестьяне съ минуты ихъ водворенія посажены на барщину. Оброчная система въ этихъ краяхъ существуетъ почти исключительно въ казенныхъ и удѣльныхъ имѣніяхъ.

*) О переводѣ съ оброка на барщину въ губерніяхъ средней полосы, см. Землед. Журн. 1821 г., № 11, „Посланіе Калужскаго помѣщика"; 1834 г., № 17,

Принявшись за дѣло, къ которому не могли ихъ приготовить ни государственная служба, ни жизнь въ столицахъ, имѣя передъ глазами блистательные успѣхи земледѣлія въ Англіи и Германіи, наши хозяева, на этомъ поприщѣ, какъ и на всѣхъ другихъ, увлеклись слѣпымъ подражаніемъ западнымъ образцамъ. Начались толки о введеніи высокихъ породъ рогатаго скота, улучшенныхъ орудій и многопольной системы; за толками послѣдовали опыты. Эти опыты, по большей части неудачные и возбудившіе недовѣрчивость къ выводамъ науки вообще, принесли, однакоже, ту великую пользу, что самыя неудачи навели на изслѣдованіе отличительныхъ особенностей нашего сельскаго хозяйства, препятствующихъ примѣненію иностранныхъ теорій Можно сказать, что только съ этой минуты, когда возникъ вопросъ о коренныхъ условіяхъ земледѣльческой промышленности въ Россіи сравнительно съ Западною Европою, наука сельскаго хозяйства прочно водворилась на нашей почвѣ и вступила въ періодъ самостоятельнаго своего развитія.

Надъ этимъ вопросомъ трудились многіе; но Вилькинсу, литературная дѣятельность котораго доселѣ еще не оцѣнена по достоинству, первому удалось взять въ руки тотъ узелъ, котораго не могли ощупать другіе. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести слѣдующее мѣсто изъ его сочиненій, содержащее въ себѣ полнѣйшій выводъ изъ всего имъ написаннаго: „Въ чужихъ краяхъ успѣшный ходъ сельскаго хозяйства преимущественно зависитъ отъ употребленія наличнаго капитала, а у насъ въ Россіи хозяйство помѣщика вполнѣ и непосредственно зависитъ отъ частнаго хозяйства крестьянъ его. Но какъ это частное хозяйство въ свою очередь зависитъ отъ многихъ совокупно-дѣйствующихъ физическихъ и *нравственныхъ условій*, которыя, однакоже, всѣ вмѣстѣ не могутъ замѣнить очень простаго условія, *денегъ то эта цѣпь зависимостей была и будетъ камнемъ преткновенія для дальнѣйшихъ успѣховъ дворянскаго хозяйства* до тѣхъ поръ, пока бытъ и земледѣліе са-

---

„О неумѣренныхъ запашкахъ“; 1852 г., № 2, „Хозяйственный обзоръ Нижегородскаго уѣзда“, Бобарыкина.

михъ крестьянъ не придутъ въ извѣстную степень улучшенія".

Весьма близко къ той же мысли подошли Н. Н. Муравьевъ въ его примѣчаніяхъ къ Тэеру, Майеръ и другіе наши писатели. По мѣрѣ ея распространенія, вопросы о почвѣ, удобреніи, сѣвооборотахъ и способахъ производства полевыхъ работъ постепенно уступали мѣсто выдвинутому на первый планъ вопросу: *объ управленіи крестьянами, какъ рабочимъ механизмомъ, замѣняющимъ у насъ оборотный капиталъ* *). На этомъ, естественно, должно было сосредоточиться вниманіе просвѣщенныхъ хозяевъ, ибо имъ предстояло избрать одно изъ двухъ: *остаться* навсегда, во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ, *въ полной зависимости отъ крестьянъ*, или же, наоборотъ: *привести хозяйство крестьянъ въ полную зависимость отъ господскаго*, обезпечивъ ихъ безбѣдное существованіе, *взявъ ихъ въ вѣчную опеку и преобразовавъ ихъ домашній бытъ на новый ладъ*, придуманный помѣщикомъ *въ видахъ наивыгоднѣйшей для него организаціи ихъ труда.*

Практика взялась за выполненіе второй половины программы. Можно ли за это винить помѣщиковъ? Не ясно ли, что съ ихъ стороны не было свободно-обдуманнаго выбора, а было *вынужденное слѣдованіе* той системѣ, которая вытекаетъ изъ порядка вещей, основаннаго на крѣпостномъ правѣ? Нѣсколько указаній пояснятъ нашу мысль.

Каждому помѣщику извѣстно по опыту, что онъ отвѣчаетъ первый за безпечность его крестьянъ. Ошибки и упущенія въ ихъ домашнемъ хозяйствѣ вовлекаютъ его неожиданно въ безвозвратные расходы и тѣмъ разстраиваютъ надолго самые обдуманные его разсчеты. Какъ же не подумать объ огражденіи и себя и крестьянъ отъ гибельныхъ послѣдствій ихъ беззаботности?

Придуманы разныя средства, неизвѣстныя нашимъ дѣдамъ. Нѣкоторые благоразумные хозяева послѣ уборки хлѣба отбираютъ у крестьянъ изъ собственнаго ихъ уро-

---

*) Въ 1835 г. секретарь Общества Сельскаго Хозяйства писалъ: „Многіе помѣщики жалуются, что опытность хозяина должна состоять теперь болѣе въ умѣніи управлять самыми крестьянами, нежели ихъ работами".

жая сѣмена на будущій годъ и держатъ этотъ запасъ подъ господскимъ замкомъ. Польза очевидна: крестьяне не останутся безъ сѣмянъ, а помѣщику не придется ссужать ихъ изъ своего амбара [1]).

Другіе, для предупрежденія мотовства и безразсудныхъ издержекъ, къ которымъ склонны крестьяне, безусловно запрещаютъ имъ, безъ разрѣшенія конторы, занимать деньги и продавать что̀ бы то ни было изъ своего имущества; отпуская крестьянъ на заработки, помѣщики сами назначаютъ имъ куда идти, условливаются за нихъ съ подрядчиками, принимаютъ отъ послѣднихъ заработанныя деньги, ведутъ имъ расходъ, уплачиваютъ изъ нихъ крестьянскіе долги и выдаютъ имъ на руки остатки не вдругъ, а по частямъ и то лишь на опредѣленные расходы [2]).

Для предупрежденія безразсудныхъ браковъ и обезпеченія призрѣнія вновь образующихся семействъ, въ нѣсколькихъ благоустроенныхъ имѣніяхъ постановлено не выдавать крестьянину дозволенія на женитьбу прежде, чѣмъ онъ обучится въ совершенствѣ какому-нибудь мастерству и докажетъ свое умѣніе, исполнивъ на господскомъ дворѣ заданный ему управный урокъ.

Есть имѣнія, въ которыхъ пошли далѣе и гдѣ, для предупрежденія размноженія безполезной дворни, принято за правило всѣми мѣрами затруднять вступленіе въ бракъ молодыхъ людей этого званія.

Самъ Вилькинсъ, доказавъ негодность барщинскихъ работъ при раздробленіи дѣйствующихъ силъ и обременительность надзора надъ каждымъ работникомъ порознь, предлагаетъ коренное преобразованіе въ домашнемъ быту поселянъ — *учрежденіе*, *такъ-называемыхъ*, *сводныхъ семействъ*. Ссылаясь на удачный опытъ, произведенный въ Рязанской губерніи, онъ совѣтуетъ всѣмъ соединять въ одно хозяйство по нѣскольку тягловыхъ, женатыхъ работниковъ, не менѣе 4-хъ. Сведенныя семьи должны жить въ одномъ дворѣ, имѣть одинъ столъ, скотъ, орудія, запасы; словомъ, вся

---

[1]) Земледѣл. Журн. 1834 года, № 20 и 1846 года, № 1.

[2]) Тамъ же 1849 года, № XXV и 1848 года, № 2.

движимость должна быть у нихъ общая. Надъ каждымъ таковымъ хозяйствомъ *помѣщикъ назначаетъ начальника,* который *полновластно* распоряжается всѣми рабочими силами своднаго хозяйства какъ на барщинѣ, *такъ и у себя дома*, отвѣчаетъ за успѣшность работъ, за нравственность своихъ подчиненныхъ и, *наконецъ*, *распоряжается ихъ дѣтьми какъ своими собственными* *).

Дикая мысль! подумаютъ многіе изъ читателей, и стóитъ ли останавливаться на случайномъ заблужденіи умнаго человѣка.... Но дѣло въ томъ, что иногда самыя натянутыя предположенія, если только они истекаютъ изъ живаго ощущенія неудобства и тягости даннаго положенія, къ немалому изумленію нашему сбываются на практикѣ. Мы сейчасъ

---

*) Вилькинсъ говоритъ: „Владѣлецъ долженъ заранѣе приготовиться къ тому, что мужички его не съ большою охотою примутъ это нововведеніе. И не мудрено: сколько частныхъ самолюбій будетъ страдать оттого, что ихъ отдаютъ въ опеку въ то время, какъ они привыкли уже къ мысли „я самъ себѣ большой“, сколько личныхъ гордостей возмутится оттого, что въ дѣлахъ и поступкахъ они должны будутъ отдавать отчетъ такому же своему брату крестьянину, а этотъ, въ свою очередь, избранъ будучи хозяиномъ и предвидя себѣ лишнія хлопоты и заботы, употребитъ все стараніе, чтобы какъ-нибудь избавиться отъ нежданной почести. Здѣсь-то именно помѣщику представится случай показать съ непоколебимою твердостью, что постоянное слѣдованіе принятому плану можетъ очень скоро уладить все дѣло“. См. Земледѣл. Журн. 1843 года, № 18. Нѣтъ, не съ частными самолюбіями и не съ личною гордостью пришлось бы помѣщику имѣть дѣло, но съ врожденнымъ всякому человѣку сознаніемъ его личной самостоятельности въ предѣлахъ его хозяйства и его семьи. Прикованный къ одному мѣсту крѣпостнымъ правомъ, лишенный правъ гражданскихъ, крестьянинъ, возвращаясь съ барщины, входитъ въ свою избу, садится за свой столъ съ своею семьею и, по крайней мѣрѣ, въ этомъ тѣсномъ и бѣдномъ мірѣ ощущаетъ себя человѣкомъ, а не бездушною рабочею силою. И это ощущеніе, эту искру человѣчности авторъ, глубже всѣхъ изучившій условія и требованія помѣщичьяго хозяйства, совѣтуетъ задуть поскорѣе, безъ чего дѣло не пойдетъ на ладъ! А что̀ бы подумали помѣщики, если бы правительство, убѣдившись въ ихъ неумѣніи распоряжаться хозяйствомъ и воспитывать дѣтей, рѣшилось отдать ихъ въ опеку чиновникамъ отъ короны и учредить сводныя вотчины? Какъ бы назвали они непоколебимую твердость правительства въ осуществленіи этого предпріятія?

представимъ тому доказательство. Въ статьѣ о возможности раціональнаго хозяйства въ Россіи, тотъ же Вилькинсъ доказываетъ очень строгимъ и добросовѣстнымъ разсчетомъ, что для помѣщика выгоднѣе держать крестьянъ на барщинѣ, чѣмъ на оброкѣ, а было бы еще выгоднѣе взять ихъ на свое содержаніе, завести собственную упряжь и орудія, и *цѣлый годъ заставлять крестьянъ работать, разумѣется, не платя имъ ничего за труды;* но этотъ выводъ, при всей его вѣрности въ хозяйственномъ отношеніи, самому Вилькинсу показался страшнымъ, и онъ окончилъ свою статью, выразивъ убѣжденіе, что рѣдкій помѣщикъ согласится добровольно приступить къ такой системѣ хозяйства. Эта статья была писана въ 1833 году; съ тѣхъ поръ, какъ вѣрность его экономическаго вывода, такъ и ошибочность его личнаго убѣжденія, доказана фактически *постепеннымъ* размноженіемъ мѣсячниковъ. Это названіе, какъ извѣстно, присвоено у насъ особому виду крѣпостныхъ людей: крестьянамъ по занятіямъ и образу жизни, но переведеннымъ на положеніе дворовыхъ. Не имѣя ни собственныхъ избъ, ни земли, ни хозяйства, они получаютъ отъ своего помѣщика помѣщеніе, обыкновенно въ нарочно-выстроенныхъ флигеляхъ или казармахъ, по нѣскольку семействъ въ одной избѣ, получаютъ опредѣленное продовольствіе, одежду, и за то круглый годъ работаютъ на него цѣлою семьею. Мѣсячники, кажется, прежде всего появились въ Бѣлоруссіи и Малороссіи; теперь же они попадаются во многихъ губерніяхъ, даже въ многоземельныхъ, какъ напримѣръ, въ Оренбургской и Симбирской, притомъ всегда въ самыхъ мелкихъ помѣстьяхъ. Судя по слухамъ (которыми мы поневолѣ должны руководствоваться за неимѣніемъ твердыхъ статистическихъ данныхъ), гдѣ быстрѣе дробятся имѣнія, тамъ наиболѣе размножаются мѣсячники. Тѣсное соотношеніе этихъ двухъ явленій заслуживаетъ вниманія. Конечно, коренная причина зла заключается не въ самомъ дробленіи имѣній; но это обстоятельство усиливаетъ и доводитъ до крайнихъ предѣловъ губительное дѣйствіе тѣхъ общихъ условій, о которыхъ мы говорили выше, а именно: права безотчетнаго распоряженія рабочими силами крестья-

янъ и отвѣтственности помѣщика за всѣхъ числящихся за нимъ людей.

Несоразмѣрность потребностей какъ существенныхъ, такъ и искусственныхъ, съ средствами къ ихъ удовлетворенію въ домашнемъ быту дворянскаго сословія составляетъ къ несчастію не исключеніе изъ обыкновеннаго порядка, а общее правило. Объ этомъ много было разсуждаемо печатно съ разныхъ точекъ зрѣнія. Понятно, что чѣмъ быстрѣе имѣнія дробятся на мелкіе участки, тѣмъ ощутительнѣе становится эта несоразмѣрность; ибо потребности, привычки, понятія не могутъ со дня на день измѣняться и ограничиваться такъ круто и быстро, какъ оскудѣваютъ источники доходовъ при каждомъ новомъ раздѣлѣ. Чѣмъ же восполнить недостатокъ рукъ, какъ не переборомъ дней, увеличеніемъ уроковъ и учащеніемъ чрезвычайныхъ нарядовъ? Разумѣется, подобныя вымогательства ведутъ къ неминуемому разоренію крестьянъ, а затѣмъ и помѣщика; но это послѣдствія отдаленныя, а мы обыкновенно живемъ со дня на день и мало помышляемъ о будущемъ. Впрочемъ, мы не думаемъ утверждать, чтобы такъ было *во всѣхъ* мелкихъ помѣщичьихъ хозяйствахъ; еще менѣе рѣшились бы мы сказать, что этого *не бываетъ въ большихъ имѣніяхъ;* но ежедневный опытъ убѣждаетъ, что въ общей массѣ *дробленіе имѣній ниже извѣстной точки неразлучно съ упадкомъ благосостоянія крестьянъ.*

Вторая, указанная выше причина еще важнѣе потому именно, что она дѣйствуетъ почти независимо отъ характера владѣльца. Въ извѣстномъ отношеніи, на помѣщика должно смотрѣть, какъ на лицо, несущее на себѣ обязанности страховаго учрежденія; всякая же страховка, полезная и выгодная при обширномъ кругѣ дѣйствій, въ малыхъ размѣрахъ ведетъ къ банкротству. Если, по скудости получаемыхъ съ имѣнія доходовъ, выручка отъ каждаго года въ томъ же году расходуется, не оставляя по себѣ запасовъ на черный день, откуда возьметъ помѣщикъ средства на поддержаніе крестьянъ въ голодные годы или послѣ пожаровъ, падежей и другихъ несчастій? Необходимость чрезвычайнаго пособія одной деревнѣ, вынужденнаго непредвидимымъ бѣдствіемъ или,

что́ также случается нерѣдко, безпечностью крестьянъ, можетъ временно разстроить владѣльца нѣсколькихъ сотъ душъ въ трехъ или четырехъ деревняхъ, но не истощитъ его; ибо рѣдко придется ему выручать изъ бѣды всѣхъ безъ изъятія крестьянъ его. При двадцати же и менѣе душахъ, очень нерѣдко приходится выручать всѣхъ, именно въ тѣ годы, когда доходы безусловно прекращаются. Сознавая надъ собою эту вѣчно-угрожающую ему опасность, мелкопомѣстный владѣлецъ, естественно прежде богатаго своего сосѣда, приступитъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ для предупрежденія, по мѣрѣ возможности, страшныхъ для него неожиданностей. Онъ былъ бы не въ силахъ поднять упавшихъ крестьянъ, и потому онъ рѣшается держать ихъ постоянно на помочахъ, иными словами, *онъ дѣлается за нихъ хозяиномъ въ ихъ собственномъ хозяйствѣ, а крестьяне становятся простыми исполнителями его распоряженій.* Отсюда одинъ шагъ до введенія сводныхъ семействъ, или до перевода крестьянъ на положеніе мѣсячниковъ. Повторимъ еще разъ: этотъ послѣдній классъ въ общей массѣ крѣпостнаго сословія теперь еще незначителенъ по своей числительности, но онъ обращаетъ на себя вниманіе по самой недавности его происхожденія, *какъ классъ новѣйшаго образованія.* Въ его лицѣ передъ нами является *послѣднее произведеніе крѣпостнаго права* и грозный намекъ на дальнѣйшій путь его развитія.

Теперь соберемъ въ немногихъ словахъ результатъ всего предъидущаго о неизбѣжномъ направленіи раціональнаго хозяйства, начавшагося на почвѣ крѣпостнаго права. Воззрѣніе на крестьянъ, какъ на рабочую силу, замѣняющую оборотный капиталъ, и сознаніе отвѣтственности помѣщика (не формальной, передъ правительствомъ, а дѣйствительной, денежной) за принадлежащихъ ему людей ведутъ къ учрежденію надъ ними предупредительной опеки. Опека, единожды допущенная, естественно распространяется; польза ея очевидна, а вредъ ускользаетъ отъ глазъ. Она проникаетъ постепенно глубже и глубже въ домашнее хозяйство крестьянина, связывая его по рукамъ и по ногамъ. На этомъ скатѣ нѣтъ средствъ удержаться; ибо, съ одной стороны, любовь къ порядку и благоустройству побуждаетъ

идти далѣе; съ другой, по мѣрѣ ограниченія личной отвѣтственности крестьянина за самаго себя, онъ дѣйствительно утрачиваетъ постепенно способность жить своимъ умомъ. Мало-по-малу личность его, какъ хозяина и семьянина, теряетъ вмѣстѣ съ естественными своими правами природныя свои способности, *низводится на степень какой-то бездушной, рабочей единицы и поглощается въ механизмъ помѣщичьяго хозяйства.*

Мы не споримъ, что и въ этомъ есть своего рода порядокъ, но не тотъ, который самъ собою образуется при свободномъ развитіи человѣческой природы, а весьма близко подходящій къ тому, о которомъ мечтали Западные организаторы труда и прочіе исправители законовъ, предустановленныхъ Творцемъ.

Разсмотрѣвъ крѣпостное право съ точекъ зрѣнія нравственной, политической и хозяйственной, мы не сказали ничего новаго. Мы представили только сводъ сужденій просвѣщенныхъ помѣщиковъ и выводъ изъ самыхъ простыхъ, большею частію ими же сдѣланныхъ наблюденій. Это даетъ намъ право надѣяться, что если не все, то по крайней мѣрѣ многое изъ сказаннаго принято будетъ безъ противорѣчія со стороны безпристрастныхъ читателей. Но, рядомъ съ сознаніемъ безнравственности крѣпостнаго права, его опасности и вредныхъ его послѣдствій въ экономическомъ отношеніи, распространяется въ нашемъ обществѣ мнѣніе, что гнетъ его самъ собою слабѣетъ, что положеніе крѣпостнаго сословія ежедневно улучшается, а изъ этого заключаютъ, что нѣтъ никакой нужды ускорять законодательными распоряженіями переходъ отъ современнаго состоянія къ лучшему, совершающійся естественнымъ и мирнымъ путемъ. Въ этомъ мнѣніи есть много правды, но еще болѣе неправды. Постараемся указать ту и другую, разсмотрѣвъ отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ въ ихъ современномъ движеніи.

Къ чему ведетъ современное движеніе въ отношеніяхъ: 1-хъ помѣщиковъ къ крестьянамъ.

Если мы сравнимъ личное обращеніе владѣльцевъ съ ихъ крѣпостными людьми въ настоящее время съ тѣмъ, что̀ дошло до насъ по преданію отъ конца прошлаго вѣка и начала нынѣшняго, то мы, конечно, убѣдимся, что примѣры безчеловѣчныхъ истязаній и проявленія дикаго, безцѣльнаго произвола стали гораздо рѣже. Грубость и суровость въ обращеніи постепенно исчезаютъ *), уступая неотразимому вліянію лучшей системы воспитанія. Это великій успѣхъ, признакъ всеобщаго смягченія нравовъ; но онъ сопровождается несомнѣннымъ ослабленіемъ помѣщичьей власти.

Поколѣніе помѣщиковъ, слѣпо и всецѣло вѣровавшихъ въ нравственную законность крѣпостнаго права, которыхъ мысль о его упраздненіи никогда не тревожила, постепенно вымираетъ. Ихъ дѣти, воспитанныя въ иныхъ понятіяхъ, вступаютъ въ родительское наслѣдство, не будучи въ состояніи усвоить себѣ ни образа мыслей, ни образа дѣйствій своихъ отцовъ. Для нихъ уже становится вопросомъ то, чѣмъ пользовались беззаботно ихъ предшественники. Привыкнувъ съ раннихъ лѣтъ смотрѣть иными глазами на свои отношенія къ крѣпостнымъ людямъ, усомнившись не только въ нравственной законности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ самой прочности крѣпостнаго права, упраздненнаго во всей Европѣ, они должны такъ или иначе разрѣшить себѣ этотъ вопросъ, принять сознательно на свою душу отвѣтственность за свое право или отречься отъ него; но рѣшитель-

---

*) Далеко, впрочемъ, не такъ быстро, какъ думаютъ или увѣряютъ тѣ, которымъ хотѣлось бы доказать, что все идетъ къ лучшему само собою. Собственно для ихъ вразумленія мы припомнимъ недавнее убійство N.... въ Петербургѣ и еще слѣдующій случай. Въ одномъ городѣ полиція открыла помѣщицу, которая выписывала изъ деревни крѣпостныхъ дѣвокъ, воспитывала ихъ у себя и снабжала ими непотребный домъ, ею же содержимый. Состарѣвшихся она отсылала въ деревню, а на выбылыя мѣста подготовляла новыхъ.

ному выбору предшествуетъ колебаніе между двумя противоположными крайностями, одинаково вредными: натянутою строгостью и неумѣстнымъ послабленіемъ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ власть, утратившая вѣру въ себя, подорванная сомнѣніемъ, ускользаетъ изъ рукъ молодыхъ помѣщиковъ, а вмѣстѣ съ властью они теряютъ и самую возможность принести ту долю относительной пользы, за которую, быть можетъ, поминаютъ добромъ ихъ предковъ. Добрые помѣщики въ старомъ смыслѣ становятся съ каждымъ днемъ рѣже и невозможнѣе. Это также успѣхъ, какъ признакъ быстраго паденія крѣпостнаго права; но пока мы живемъ подъ всѣми его условіями — это зло, и зло современное, которому суждено съ каждымъ днемъ усиливаться, пока мы не вступимъ на другую дорогу.

Обратимся къ экономической сторонѣ вопроса. Несомнѣнно, что многіе помѣщики заботятся о введеніи въ своемъ хозяйствѣ порядка, отчетности и небывалой прежде формальной законности — это успѣхъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, подъ вліяніемъ условій, о которыхъ говорено было выше, рабочія силы, состоящія въ распоряженіи помѣщиковъ, напрягаются до нельзя, повинности крестьянъ, особенно подводная [1]), въ имѣніяхъ издѣльныхъ, увеличиваются и взыскиваются, хотя правильнѣе прежняго, но за то строже; крестьянскія поля уменьшаются до послѣдней возможности и лучшія земли отходятъ отъ нихъ подъ господскую пашню [2]). Во многихъ губерніяхъ, не только хлѣбородной, но даже сѣверной полосы, какъ, напримѣръ, въ Нижегородской, Псковской и другихъ, оброчное положеніе замѣняется барщиною, или заводятся господскія запашки при оброкѣ, тог-

---

1) По справкамъ, наведеннымъ въ разныхъ имѣніяхъ Московской, Тульской и Рязанской губерній, оказывалось почти постоянно, особенно если въ теченіи послѣднихъ 60 лѣтъ имѣніе нѣсколько разъ дробилось или переходило изъ рукъ въ руки, что, гдѣ съ тягла ставилась прежде одна подвода, тамъ теперь ставятъ двѣ, три, а иногда и болѣе.

2) Особенно при размежеваніяхъ часто происходятъ невыгодные для крестьянъ обмѣны; нерѣдко даже отрѣзываются отъ нихъ земли къ господскимъ полямъ, безъ всякаго вознагражденія.

да какъ о переводѣ съ барщины на оброкъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ почти нигдѣ не слышно [1]).

Это послѣднее обстоятельство чрезвычайно важно и заслуживаетъ особеннаго вниманія въ слѣдующихъ отношеніяхъ. Вопервыхъ, оброкъ выражаетъ повинность крестьянъ съ такою опредѣлительностью, до которой никогда не можетъ быть доведена барщина. Отъ множества условій, видоизмѣняющихъ ходъ полевыхъ работъ, разсчеты въ рабочихъ дняхъ часто сбиваются, и законная норма нарушается, разумѣется, въ пользу власть имущихъ и въ ущербъ крестьянамъ. Вовторыхъ, самая легкая барщина для крестьянъ тягостнѣе умѣреннаго оброка, потому что нарядъ въ работу на помѣщика крайне стѣсняетъ ихъ въ употребленіи рабочихъ силъ и въ домашнихъ занятіяхъ. Отсюда огромная трата времени и труда, безплодная для помѣщика, убыточная для крестьянъ [2]). Втретьихъ, нарядъ и надзоръ за рабочими на барщинѣ сопряженъ съ ежедневными, раздражительными столкновеніями и неизбѣжными несправедливостями. Барщина требуетъ расправы на скорую руку: учащаются наказанія за невыходъ на работу подъ пустыми предлогами, за нерадѣніе, неисправность орудій, лѣность и ослушаніе; наказанія, для разборчиваго примѣне-

---

[1]) Нельзя не пожалѣть, что правительство, требующее отъ губернскихъ властей разныхъ вѣдомствъ множество статистическихъ свѣдѣній, изъ коихъ очень многія по существу своему безполезны или, по дознанной ихъ недостовѣрности, вовсе негодны къ употребленію, не собираетъ свѣдѣній черезъ посредство дворянскихъ предводителей о числѣ имѣній и душъ, ежегодно переводимыхъ съ оброка на барщину и обратно по каждой губерніи. Приведеніе въ извѣстность этихъ чиселъ не встрѣтило бы никакого препятствія, потребовало бы незначительнаго труда и дало бы правительству драгоцѣнную данную для разрѣшенія вопроса: къ чему ведетъ естественное развитіе сельскаго хозяйства въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, къ постепенному ли облегченію тягости крѣпостнаго права или къ ея усугубленію? Не можетъ быть, чтобы правительство не сознавало надобности въ уясненіи этого вопроса.

[2]) Если предположить, что крестьянинъ на барщинѣ въ теченіи дня исполнитъ работы на 20 коп., то можно смѣло класть, что тотъ же крестьянинъ, проработавъ этотъ день у себя въ полѣ, въ огородѣ или на какомъ-либо промыслѣ, заработалъ бы 30 коп. Итакъ, 10 коп. пропадаютъ даромъ. Ихъ теряетъ крестьянинъ, а помѣщикъ не получаетъ. Въ примѣненіи къ женской работѣ, это еще ощутительнѣе.

нія коихъ не достаетъ ни досуга, ни терпѣнія *). Между работниками и должностными крестьянами, какъ-то: десятскими, нарядчиками, старостами, которыхъ опредѣляетъ отъ себя помѣщикъ, въ случаѣ надлежащаго съ ихъ стороны усердія, возникаетъ вражда, нарушающая согласіе въ сельской общинѣ, и при раскладкѣ тяголъ или податей, особенно же при назначеніи рекрутскихъ очередей, мірская сходка мститъ немилосердно строгимъ и честнымъ блюстителямъ помѣщичьихъ выгодъ. Въ случаѣ же понаровки со стороны послѣднихъ къ ихъ роднымъ и пріятелямъ, рождается негодованіе и зависть. Все это зло смягчается до нѣкоторой степени присутствіемъ въ деревнѣ смыслящаго дѣло помѣщика; но много ли у насъ такихъ помѣщиковъ, которые бы могли и хотѣли постоянно жить въ своихъ деревняхъ, вникать во всѣ подробности управленія и заниматься разборомъ мелочныхъ, утомительныхъ жалобъ; не говоря уже о томъ, что постоянный личный надзоръ становится для помѣщика физически невозможнымъ, если онъ владѣетъ нѣсколькими вотчинами, разбросанными въ разныхъ губерніяхъ. Вчетвертыхъ, при барщинѣ, помѣщикъ далеко запускаетъ свою руку въ семейный бытъ крестьянъ и втягивается, почти невольно, въ стѣснительное для нихъ вмѣшательство во всѣ мелочныя подробности домашняго ихъ хозяйства. Все сказанное нами выше о быстромъ распространеніи предупредительнаго опеканія главнѣйшимъ образомъ относится къ имѣніямъ издѣльнымъ. Въ оброчныхъ, помѣщику нѣтъ дѣла до того, чѣмъ и какъ промышляютъ его крестьяне, только бы къ назначенному сроку исправно вносился оброкъ; но гдѣ помѣщикъ распоряжается самъ ихъ рабочими силами, онъ подвергается прямому ущербу, если крестьянинъ, промѣнявъ земледѣліе на другой, болѣе выгодный промыслъ, уменьшитъ число своихъ лошадей, или не исправитъ къ рабочей порѣ своихъ орудій, или овдо-

*) Чтобы въ этомъ удостовѣриться, достаточно сравнить конторскія штрафныя книги въ нѣсколькихъ хорошо-устроенныхъ имѣніяхъ оброчныхъ и въ таковыхъ же имѣніяхъ, состоящихъ на барщинѣ. Въ оброчныхъ мы находили числительное отношеніе наказанныхъ въ теченіи года къ народонаселенію какъ 1 или 2:100; въ издѣльныхъ, какъ 4, 5, 6 и болѣе къ 100.

вѣетъ тягловый хозяинъ, или засидится въ дѣвкахъ крестьянская дочь. Многіе думаютъ, что недремлющій надзоръ помѣщика за крестьянами въ ихъ домашнихъ распоряженіяхъ приноситъ имъ пользу, пріучая ихъ къ труду, бережливости и порядку; въ доказательство приводятъ нѣкоторыя имѣнія, отличающіяся внѣшнимъ благоустройствомъ и такія, которыя исправились съ учрежденія барщины. Это мнѣніе, особенно въ послѣднее время, такъ укоренилось, что теперь уже начинаютъ называть благоустроеннымъ то имѣніе, въ которомъ крестьянинъ не смѣетъ ступить шагу безъ разрѣшенія конторы. Неоспоримо, что разорившійся отъ безпечности поселянинъ, у котораго отбита охота къ труду—и Богъ знаетъ чего онъ не вынесетъ прежде, чѣмъ у него опустятся руки—также какъ и расточитель-помѣщикъ или замотавшійся купецъ, по всей справедливости и съ пользою для нихъ, могутъ быть подвергнуты опекѣ; но этимъ отнюдь не оправдывается систематическое примѣненіе къ цѣлому сословію той же исправительной мѣры въ видѣ предупредительной. Мы даже готовы допустить, что постоянная угроза со стороны помѣщика способна до нѣкоторой степени поддержать дѣятельность въ крестьянахъ и возбудить къ труду; но какую же цѣну, не говоримъ денежную, а нравственную, имѣетъ трудъ, котораго пружина не въ доброй волѣ трудящагося, а въ чужой рукѣ, выводящей его на работу, въ палкѣ или розгѣ, поднятой надъ нимъ? „Крестьянинъ, говорятъ намъ, не упуститъ благопріятнаго времени, не погонится за невѣрнымъ барышемъ, не разорится необдуманнымъ оборотомъ"; пусть такъ! За то подобное воспитаніе не только не приготовитъ его къ переходу въ свободное состояніе, а, напротивъ, пріучитъ его жить по указкѣ; умъ его отупѣетъ, воля утратитъ упругость и, по выходѣ изъ опеки, онъ растеряется и опустится. Одно это неизмѣримое зло, по нашему убѣжденію, перевѣшиваетъ всѣ утѣшительныя явленія въ современномъ развитіи отношеній дворянства къ крѣпостному сословію *).

---

*) Губительное вліяніе барщины на крестьянъ печатно признано многими просвѣщенными помѣщиками. Калужскій помѣщикъ, въ статьѣ посвященной развитію невыгодныхъ сторонъ оброчной системы, говоритъ: «Неоспоримо,

2-хъ крестьянъ къ помѣщикамъ.

Паралельно съ измѣненіемъ системы помѣщичьяго управленія измѣняется и взглядъ крестьянъ на помѣщиковъ. Прежняя безропотная покорность крѣпостныхъ людей, доходившая иногда до изумительнаго самозабвенія, слабѣетъ съ каждымъ поколѣніемъ, не смотря на то, что суровость и

что положеніе крестьянъ *на умѣренномъ оброкѣ есть самое способное для нихъ*». (Земледѣл. Журн. 1821 г., № IV).

И. Л. въ томъ же изданіи (1834 г. № 17) пишетъ: «Безъ сомнѣнія, что въ голодные годы и въ нѣсколько послѣдующихъ за оными лѣтъ, несостоятельность оброчниковъ принудила взять ихъ на барщину и для того увеличить господскія запашки; но послѣ, когда крестьяне поправляются, слѣдовало бы непремѣнно обращать ихъ опять, сколько возможно болѣе, на оброкъ.... Вмѣсто того, чтобы заводить запашки, несоразмѣрныя съ рабочими силами имѣнія, лучше отпустить бо́льшую часть крестьянъ на половинный противъ хорошаго хозяйства оброкъ; по крайней мѣрѣ будетъ та выгода, *что хозяинъ отдохнетъ отъ горестей и хлопотъ и пріобрѣтетъ болѣе времени на размышленіе, а мужики разбогатѣютъ*; *ибо несомнѣнно*, что крестьяне, особенно при благоразумномъ и мужественномъ управленіи, *на оброкѣ поправляются, а на барщинѣ рѣдко, и то развѣ съ пожертвованіями отъ помѣщика*.... умноженіе барщины противодѣйствуетъ образованію мыслящихъ помощниковъ, необходимыхъ для помѣщика.... *Оброчникъ* примѣтно *изобильнѣе живетъ, бываетъ крѣпче здоровьемъ, веселѣе, живѣе и умнѣе нежели барщинникъ*, разумѣется, если тотъ и другой былъ лѣтъ десятокъ или болѣе въ своемъ состояніи. Предаваясь какому-нибудь ремеслу или промыслу *по собственной своей волѣ*, а не по направленію другаго, *оброчникъ болѣе пользуется опытомъ, болѣе исправляетъ собственныя свои ошибки* и, слѣдовательно, несравненно *болѣе научается мыслить, нежели тотъ человѣкъ, который все дѣлаетъ механически по наряду другаго*.... Есть и бывали помѣщики, которые предоставляли иногда крестьянамъ своимъ свободу избирать оброкъ или барщину, и, гдѣ хоть нѣсколько этого придерживались, тамъ состояніе крестьянъ поправлялось. *Желательно, чтобы сіе установилось между нами постояннымъ правиломъ. Еслибы оно было поощряемо, то, вѣроятно, не менѣе бы, если не болѣе, принесло пользы, чѣмъ поощреніе каждой отрасли промышленности отдѣльно*".

Поздюнинъ, въ статьѣ объ оброчныхъ работникахъ, говоритъ: «Разсматривая оброчное и издѣльное положеніе крестьянъ въ отношеніи непринужденности труда и нобходимости его направленія, нельзя не убѣдиться, что *оброкъ* въ обоихъ случаяхъ *удовлетворительнѣе барщины*.... *Безпечность*, столь замѣчательная *въ издѣльныхъ крестьянахъ* и происходящая единственно оттого, что они въ нуждахъ своихъ почти безвозмездно получаютъ пособіе

жестокость въ личномъ обращеніи съ ними еще быстрѣе смягчается. «*Народъ сталъ сильно портиться*», слышимъ мы безпрестанно изъ устъ старыхъ помѣщиковъ и прикащиковъ. Это значитъ, что теперь уже рѣдко проходятъ безнаказанно такія злоупотребленія, противъ которыхъ лѣтъ 50 тому назадъ никто бы не сталъ и роптать, и очень часто распоряженія вовсе не жестокія и не противныя законамъ, но стѣ-

---

отъ помѣщика, *при оброчномъ положеніи* крестьянъ, если не совсѣмъ уничтожается, то по крайней мѣрѣ *ослабляется*».

Нижегородскій помѣщикъ Бобарыкинъ (Земледѣл. Журн. 1848 г. № 11) въ слѣдующихъ словахъ изображаетъ вліяніе перевода на барщину: «Большая часть примѣровъ заведенія въ нашихъ мѣстахъ, въ оброчныхъ имѣніяхъ, запашекъ на положеніи обыкновенной барщины оказалась съ дурными послѣдствіями. По прошествіи двухъ—трехъ лѣтъ барщины, *жители самыхъ зажиточныхъ деревень упадали духомъ, бѣднѣли и начинали терпѣть нужду* не столько отъ дѣйствительной бѣдности, сколько отъ *унынія*». Этотъ отзывъ тѣмъ болѣе замѣчателенъ, что авторъ самъ въ оброчномъ своемъ имѣніи завелъ запашку и совѣтуетъ другимъ сдѣлать тоже

Примѣръ обратнаго, то-есть быстраго улучшенія быта крестьянъ, при переводѣ съ барщины на оброкъ, представляютъ наши Югозападныя губерніи. Въ прежнее время, казенныя имѣнія въ Кіевской, Подольской и Волынской губерніяхъ отдавались въ арендное содержаніе частнымъ лицамъ, и крестьяне, работая на нихъ, также какъ и въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, находились въ самомъ жалкомъ состояніи. Не болѣе 10-ти лѣтъ тому назадъ они были переведены на денежный оброкъ и, несмотря на то, что повидимому они не были къ тому приготовлены, послѣдствія этой благодѣтельной (безспорно одной изъ счастливѣйшихъ прошлаго царствованія) мѣры превзошли самыя смѣлыя ожиданія. По отзыву мѣстныхъ жителей, близко знакомыхъ съ положеніемъ того края, имѣвшихъ ежедневныя сношенія съ казенными крестьянами въ то время, какъ они исправляли барщину на посесоровъ, и послѣ ихъ перевода на оброкъ, ихъ бытъ въ хозяйственномъ и нравственномъ отношеніи такъ быстро измѣнился къ лучшему, что, по прошествіи трехъ или четырехъ лѣтъ, трудно было ихъ узнать. Къ тому же заключенію приводитъ сравненіе казенныхъ крестьянъ съ помѣщичьими въ общей массѣ, по всей Россіи. Превосходство первыхъ надъ вторыми, несомнѣнное для всякаго безпристрастнаго наблюдателя и выражающееся *обыкновенно въ матеріальномъ ихъ состояніи и всегда въ ихъ нравственной физіономіи*, не смотря на вопіющія злоупотребленія и дороговизну казеннаго управленія, объясняется главнѣйшимъ образомъ отсутствіемъ барщины и полною свободою въ выборѣ занятій. Впрочемъ, лучшіе судьи въ этомъ дѣлѣ сами крестьяне; а кому неизвѣстно, что переводъ съ барщины на оброкъ вездѣ принимается за благодѣяніе, а переводъ съ оброка на издѣлье почитается бѣдствіемъ, которое можетъ сравниться только съ продажею на свозъ въ дальнія, незнакомыя мѣста.

снительныя или придирчивыя, встрѣчаютъ прямое сопротивленіе. Не ясное ли доказательство, что крѣпостное право отживаетъ свой вѣкъ, становится въ тягость и что терпѣніе народное истощается? *)

Итакъ, въ развитіи взаимныхъ отношеній крѣпостнаго сословія къ помѣщикамъ усматриваются единовременно два противоположныя стремленія, какъ бы двѣ струи. Съ одной стороны, *крѣпостное право, какъ право лица на другое лицо, подрывается* смягченіемъ нравовъ и еще болѣе безсвязнымъ, но тѣмъ не менѣе многозначительнымъ ропотомъ крестьянъ; съ другой, *систематически исчерпываются примѣненія крѣпостнаго права къ хозяйственнымъ цѣлямъ. Личный, безцѣльный произволъ убываетъ; постоянное, отчетливое давленіе на народъ усиливается.*

Изъ этихъ двухъ стремленій одному призвано дать рѣшительный перевѣсъ правительство и тѣмъ подготовить развязку мирную или трагическую.

Отношеніе правительства къ крѣпостному праву.

Какъ же относится правительство къ настоящему вопросу? Чего оно хочетъ? Запереться вмѣстѣ съ помѣщиками въ крѣпостномъ правѣ, какъ въ осажденномъ городѣ, держаться въ немъ до послѣдней возможности и, по мѣрѣ усиленія натиска, изобрѣтать новыя оборонительныя средства, снабжать защитниковъ новымъ оружіемъ, или, пріучивъ ихъ заранѣе къ мысли, что въ настоящей позиціи нельзя удер-

*) Въ какой численности возрастаютъ ежегодно уголовныя дѣла о неповиновеніи крестьянъ, возмущеніяхъ, убійствахъ и покушеніяхъ на жизнь помѣщиковъ и управляющихъ—это можетъ быть въ точности извѣстно только тѣмъ, кому доступны оффиціальные статистическіе матеріалы; но несомнѣнно, что число ихъ увеличивается и что многія дѣла этого рода, какъ напр., неудавшіяся покушенія, поджоги и др. заглушаются на мѣстахъ и до высшаго правительства не доходятъ. По частнымъ, но достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, въ послѣдніе годы въ нѣкоторыхъ подмосковныхъ губерніяхъ, Тульской, Рязанской, Тверской, крестьяне стали довольно часто подвергать своихъ помѣщиковъ *тѣлеснымъ исправительнымъ наказаніямъ*, чего прежде не бывало. Едвали это не самый вѣрный признакъ паденія нравственнаго авторитета помѣщичьей власти.

жаться, проложить изъ нея вѣрный исходъ, прежде чѣмъ она будетъ занята съ бою?

Страннымъ покажется, что въ такомъ дѣлѣ взглядъ и намѣренія правительства могутъ бытъ предметомъ вопроса; но эта странность подтверждается на каждомъ шагу. Самое робкое слово, замолвленное въ пользу освобожденія крестьянъ, подвергаетъ того, кто произнесъ его, двойной общественной опалѣ: съ одной стороны его клеймятъ, какъ человѣка, правительствомъ подкупленнаго и угожденіемъ прокладывающаго себѣ дорогу; съ другой—на него указываютъ, какъ на врага правительства и порядка.

И дѣйствительно, припомнивъ законодательные акты и административныя распоряженія послѣднихъ двадцати лѣтъ, имѣющія отношенія къ крѣпостному праву, мы въ нихъ откроемъ немало поводовъ усомниться и спросить себя: чего же отъ насъ требуютъ и въ какую сторону должны мы идти?

Въ 1842 году, Апрѣля 2, вышелъ указъ о обязанныхъ поселянахъ. Основная мысль его была вѣрна и, несмотря на незрѣлость и неполноту поспѣшной ея обработки, какъ первый приступъ къ дѣлу, указъ 2 Апрѣля имѣлъ несомнѣнное достоинство. Правительство ничего не предписывало, не требовало ни отъ кого немедленнаго исполненія; оно ограничивалось указаніемъ новой дороги, предоставляя доброй волѣ каждаго воспользоваться открытымъ исходомъ. Успѣхъ въ этомъ дѣлѣ зависѣлъ главнѣйшимъ образомъ отъ того, какое впечатлѣніе указъ 2 Апрѣля произведетъ на помѣщиковъ, убѣдятся ли они въ необходимости добровольнымъ ограниченіемъ своего произвола предупредить болѣе рѣшительныя мѣры со стороны правительства и превозможетъ ли это убѣжденіе надъ привычкою къ старому порядку вещей. Къ сожалѣнію, само правительство подало поводъ усомниться не только въ твердости дальнѣйшихъ его намѣреній, но даже въ искренности желанія его путемъ добровольныхъ сдѣлокъ облегчить переходъ отъ крѣпостной зависимости къ гражданской свободѣ. На другой же день послѣ обнародованія указа 2 Апрѣля вышелъ памятный всѣмъ циркуляръ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, въ которомъ съ особен-

нымъ удареніемъ упоминалось *только* о неприкосновенности правъ землевладѣльцевъ и давалось удостовѣреніе, что тѣ помѣщики, которые не захотятъ войти въ соглашеніе съ своими крестьянами, удержатъ во всей цѣлости прежнюю власть надъ ними. Итакъ, правительство приглашало помѣщиковъ испытать новый порядокъ вещей, всегда сопряженный съ рискомъ, и въ тоже время, какъ будто для отклоненія ихъ отъ этого, ручалось имъ за прочность стараго. Очень естественно, что дѣйствіе указа было ослаблено дѣйствіемъ циркуляра.

Нельзя, однакоже, сказать, чтобы мысль о добровольныхъ сдѣлкахъ не нашла отголоска въ обществѣ. Кромѣ двухъ извѣстныхъ положеній князя Воронцова и князя Витгенштейна, утвержденныхъ законодательнымъ порядкомъ, представлено было въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ другими лицами нѣсколько проэктовъ соглашеній съ крестьянами, можетъ быть неполныхъ, недостаточныхъ, не во всемъ согласныхъ съ указомъ 2 Апрѣля, тѣмъ не менѣе стоившихъ поощренія; но имъ не было дано надлежащаго хода. Въ журналѣ, издававшемся въ Москвѣ, появилась статья объ основаніяхъ, на которыхъ, по мнѣнію автора, могли состояться сдѣлки съ крестьянами; на нее вышло возраженіе, потомъ отвѣтъ. Редакція получила еще нѣсколько статей о томъ же предметѣ, писанныхъ съ разныхъ точекъ зрѣнія. Все это указывало на возбужденное участіе къ вопросу и предвѣщало интересную полемику. Еслибы правительство дозволило общественному мнѣнію свободное выраженіе, разумѣется, въ строгихъ предѣлахъ цензурнаго устава, то оно, безъ сомнѣнія, убѣдилось бы въ необходимости разъяснить темныя стороны положенія 2-го Апрѣля и дополнить слишкомъ ощутительные въ немъ пробѣлы, а между тѣмъ публика постепенно бы свыклась съ мыслью о необходимости тѣмъ или другимъ путемъ сдѣлать шагъ впередъ. Но вмѣсто этого по цензурному управленію вышло предписаніе не допускать къ печати никакихъ статей объ указѣ 2 Апрѣля. Правительству, повидимому, не нравились общественные толки, къ которымъ онъ подалъ поводъ (какъ будто бы вѣковой порядокъ вещей могъ измѣнить-

ся, не возбуждая толковъ), и правительство ихъ пресѣкло; но вмѣстѣ съ тѣмъ оно уничтожило все значеніе и всѣ возможныя послѣдствія изданнаго имъ закона; говоря точнѣе, оно придало ему *значеніе промаха*, неудачной попытки, за которою послѣдовалъ *попятный шагъ*. „Правительство вздумало поднять вопросъ о крѣпостномъ правѣ, но оно одумалось въ пору и бросило свое намѣреніе", такъ разсуждали помѣщики и, повидимому, не безъ основанія.

Въ этомъ смыслѣ указъ о обязанныхъ поселянахъ былъ, можно сказать, осужденъ окончательно общественнымъ мнѣніемъ и равнодушіемъ къ нему самаго правительства, когда, по истеченіи шести лѣтъ, совершенно неожиданно, предводителю и всему дворянству Смоленской губерніи поручено было лично покойнымъ Государемъ представить свое мнѣніе о постепенномъ переводѣ крестьянъ изъ состоянія крѣпостныхъ въ обязанные. Предложенный вопросъ обсуждался *келейно* между предводителями, депутатами и тѣми изъ дворянъ, которыхъ они разсудили спросить, а результатомъ ихъ совѣщаній были двѣ довольно извѣстныя записки, изъ коихъ одна подана отъ лица предводителей и депутатовъ, а другая отъ лица одного губернскаго предводителя, хотя она также была одобрена прочими чинами дворянскаго представительства. Государь требовалъ соображеній о *средствахъ* къ приведенію въ исполненіе указа 2 Апрѣля; вмѣсто того дворянство представило рядъ *возраженій* противъ этого указа, въ которыхъ исчерпаны были всѣ избитые доводы и общія мѣста въ пользу крѣпостнаго права, а въ заключеніе, не безъ искусства, употреблено было самое дѣйствительное средство, нерѣдко останавливавшее правительство въ лучшихъ его начинаніяхъ, а именно: возбужденіе ложнаго страха. Новаго, чего бы правительство еще не имѣло въ виду, оно не могло найти въ представленныхъ ему возраженіяхъ, и еслибы существовало твердое намѣреніе идти къ осуществленію предположенной цѣли, то, конечно, записки Смоленскихъ дворянъ не могли бы произвести перемѣны въ образѣ мыслей правительства. Но онѣ возымѣли полный успѣхъ, въ смыслѣ ихъ составителей. Дѣло, начатое случайно, какъ

будто для очистки совѣсти, во второй разъ было отложено въ сторону, и благородное Смоленское дворянство, изъявивъ своему предводителю горячую признательность за его заступничество, получило какъ бы новое удостовѣреніе, что вопросъ о крѣпостномъ правѣ, по крайней мѣрѣ надолго, останется безъ движенія [1]).

Въ 1845 году, при введеніи въ дѣйствіе Уложенія о наказаніяхъ, усмотрѣна была необходимость точнѣе опредѣлить, въ какихъ предѣлахъ принадлежитъ помѣщику право суда и расправы надъ крѣпостными его людьми. Изданныя для разрѣшенія этого важнаго вопроса постановленія, размѣщенныя въ продолженіяхъ къ Своду Законовъ, обращаютъ на себя особенное вниманіе, какъ доказательство отсутствія всякаго опредѣленнаго воззрѣнія на предметъ. Св. Зак. т. XIV устав. о предупрежд. и пресѣчен. преступленій, ст. 338-ю предоставлялось помѣщикамъ право отсылать ихъ крѣпостныхъ людей въ смирительные и рабочіе дома или въ арестанскія роты гражданскаго вѣдомства на *срокъ, самимъ владѣльцемъ опредѣленный* [2]). Это право могло подавать поводъ къ злоупотребленіямъ, тѣмъ болѣе предосудительнымъ, что само правительство въ этихъ случаяхъ яв-

---

[1]) Хотя мы убѣждены, что число помѣщиковъ, сознающихъ необходимость, тѣмъ или другимъ способомъ, развязаться съ крѣпостнымъ правомъ гораздо значительнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ, однакоже, въ общей массѣ дворянскаго сословія, этотъ образъ мыслей составляетъ исключеніе; предводители же и другіе представители дворянства, избираемые, по самому своему положенію, естественно высказываютъ нѣсколько отсталое воззрѣніе большинства и дѣйствуютъ какъ адвокаты помѣщиковъ. Поэтому, съ одной стороны, нельзя было и ожидать инаго отзыва на предложенный Смоленскимъ предводителямъ вопросъ; съ другой же, ошибочно бы было по этому отзыву судить объ образѣ мыслей всѣхъ дворянъ и отказываться отъ всякой надежды на искреннее содѣйствіе частныхъ лицъ въ разрѣшеніи труднаго вопроса о крѣпостномъ правѣ. Достоинство и могущество мысли измѣряется не числомъ ея послѣдователей въ данную минуту.

[2]) Въ изданіи Св. Зак. 1842 года подъ этою статьею сдѣлана ссылка на Полн. Собр. Зак. 1811 г. Іюля (24707). Симъ именнымъ указомъ дѣйствительно предоставляется помѣщикамъ право по ихъ желанію отсылать крѣпостныхъ людей въ исправительныя заведенія, *но не иначе, какъ по объявленіи ими* (помѣщиками) *причинъ*. Это послѣднее условіе, важность котораго очевидна, при составленіи извлеченія изъ источника, пропущено.

лялось слѣпымъ орудіемъ помѣщичьяго произвола, и потому Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, 21 Января 1846 года, оно было ограничено, какъ значится въ статьѣ 335 Св. Зак. по продолж. VI, трехъ-мѣсячнымъ срокомъ для смирительныхъ и рабочихъ домовъ, а для арестантскихъ ротъ гражданскаго вѣдомства шести-мѣсячнымъ; но замѣчательно, что въ той же статьѣ, тѣмъ же закономъ, повидимому направленнымъ къ ограниченію безотчетнаго произвола въ опредѣленіи наказаній, предоставлено право каждому помѣщику у себя въ имѣніи завести *сельскую тюрьму* и содержать въ ней крѣпостныхъ его людей до 3-хъ мѣсяцевъ, сообразно съ правилами, вообще для тюремнаго заключенія постановленными, слѣдовательно, по силѣ 87 ст. устава о содержащихся подъ стражею, съ правомъ *заковывать въ кандалы*.

По закону (ст. 342 и 343 устав. о предупрежд. и пресѣчен. преступл.), всякій помѣщикъ можетъ представить своего крѣпостнаго человѣка къ удаленію изъ вотчины въ Губернское Правленіе, которое, не входя ни въ какое розысканіе о причинахъ негодованія помѣщика, обращаетъ представленнаго имъ человѣка въ военную службу или отправляетъ его въ Сибирь на поселеніе *); но 345-ю ст. того же тома, это право было ограничено между прочими условіями запрещеніемъ ссылать въ Сибирь людей старѣе пятидесяти лѣтъ. Въ той же самой статьѣ, по продолж. VII (въ силу Высоч. утвержд. мнѣнія Государст. Совѣта 1846 г. Іюня 24, № 20158), *это ограниченіе упразднено*, и положено только требовать, сверхъ опредѣленнаго денежнаго взноса, удостовѣренія, что представляемый къ отсылкѣ въ Сибирь былъ

---

*) Замѣчательно, что это право именнымъ указомъ 1811 г. Іюля 5 (24707) было формально отмѣнено и постановлено, что ссылкѣ въ Сибирь подвергаются крестьяне токмо за преступленія важныя, отнесенныя ко второй степени, что въ рѣшеніи дѣлъ сего рода надъ преступниками дѣйствуетъ одинъ законъ, и *никакое желаніе или нежеланіе помѣщика тутъ несовмѣстно*. Потомъ, въ 1812 году, безотчетное право ссылки въ Сибирь было возстановлено въ пользу начальства удѣльнаго вѣдомства, а затѣмъ и въ пользу помѣщиковъ. Какая шаткость! См. Полное Собраніе Законовъ 1822 г. Марта 3-го (28954), 1827 г. Августа 30 (1339) 1828 г. Іюня 22 (2107).

уже отдаваемъ въ исправительныя заведенія. Наконецъ, примѣчаніемъ къ ст. 346 того же тома по продолженію X (основанному на Высоч. утвержден. мнѣніи Государ. Совѣта 1847 г. Декабря 8, № 21768) даровано помѣщикамъ право удалять навсегда изъ имѣнія и *несовершеннолѣтнихъ крѣпостныхъ людей* порочнаго поведенія *отъ 8 до 17 лѣтняго возраста*, отдавая ихъ на общемъ основаніи въ распоряженіе Губернскихъ Правленій, между тѣмъ какъ изъ указанной выше 345 ст. и многихъ другихъ ясно видно, что само правительство разсматриваетъ удаленіе изъ мѣста жительства какъ крайнюю мѣру наказанія, справедливую только въ примѣненіи къ лицамъ неисправимымъ, надъ которыми уже испытаны и оказались тщетными другія мѣры.

Итакъ, со времени изданія Уложенія о наказаніяхъ, котораго цѣлью было, какъ значится въ именномъ указѣ 15-го Августа 1845 года, устранить, по возможности, всякій въ произнесеніи приговоровъ произволъ и подчинить обвиняемыхъ одному прямому дѣйствію закона, безотчетная власть помѣщиковъ въ присужденіи ихъ крѣпостныхъ людей къ уголовнымъ и исправительнымъ наказаніямъ *была расширена* дарованіемъ права ссылать въ Сибирь стариковъ и несовершеннолѣтнихъ и заводить въ имѣніяхъ сельскія тюрьмы. Трудно постигнуть, съ какою цѣлью, изъ какихъ видовъ допущено это отступленіе отъ общаго стремленія нашего законодательства со временъ Екатерины II-ой; но должно сказать къ чести помѣщиковъ, что практика далеко отстала отъ закона. Совѣсть въ этомъ случаѣ дѣйствительно за одно съ благоразуміемъ. Помѣщикъ, который бы вздумалъ завести у себя тюрьму, забивать въ кандалы и ссылать дѣтей, рисковалъ бы произвести въ своемъ имѣніи возмущеніе, а по силѣ 288 ст. Уложенія, возмущеніе противъ помѣщиковъ или управляющихъ и противъ волостныхъ и общественныхъ управленій почитается возстаніемъ *противъ правительственныхъ установленій*. Здѣсь, кажется, въ первый разъ уравнена въ нашемъ законодательствѣ безотчетная власть частнаго лица, владѣльца поселеннаго имѣнія, съ правительственными учрежденіями, дѣйствующими на основаніи законовъ и подлежащими отвѣтственности

передъ высшими инстанціями по жалобамъ отъ ихъ подчиненныхъ.

Въ 1848 году, Марта 3, изданъ указъ, дозволяющій крѣпостнымъ людямъ пріобрѣтать недвижимую собственность. Мысль была прекрасна, но въ редакціи она подверглась такимъ искаженіямъ и ограниченіямъ, что дѣйствіе ея на практикѣ оказалось совершенно ничтожнымъ. Для пріобрѣтенія недвижимой собственности, крестьянинъ обязанъ сперва испросить на то дозволеніе у своего помѣщика, въ чемъ послѣдній можетъ и отказать, не подвергаясь никакой отвѣтственности. Даровано право, и тѣмъ же закономъ употребленіе его подчинено неограниченному произволу. Съ одной стороны, это открываетъ поводъ къ вымогательствамъ; съ другой— усиливаетъ недовѣрчивость крестьянъ. „Чтò, если я обнаружу свое состояніе, тщательно скрываемое отъ помѣщика, и не получу отъ него просимаго дозволенія",—думаетъ зажиточный крестьянинъ и, не дойдя до господскаго двора, съ половины дороги поворачиваетъ назадъ. Къ несчастію, бывали примѣры, что помѣщики употребляли, какъ средство узнать состояніе богатыхъ крестьянъ, обѣщаніе свободы за выкупъ, входили съ ними въ сдѣлки и, развѣдавъ, чтò нужно, не выполняли своихъ обѣщаній. Далѣе, испросивъ у своего помѣщика дозволеніе воспользоваться правомъ, дарованнымъ правительствомъ, и пріобрѣтя недвижимую собственность, крѣпостной человѣкъ все-таки не дѣлается полнымъ ея хозяиномъ: ибо помѣщикъ можетъ въ послѣдствіи запретить ему отчужденіе его собственности, иными словами, ограничить дѣйствіемъ своего произвола право, имъ же признанное; можетъ лишить его возможности защищать эту собственность отъ неправильныхъ притязаній, ибо по ст. 1029 т. IX Св. Зак., остающейся во всей силѣ, крѣпостной человѣкъ не иначе можетъ начать искъ, какъ съ дозволенія своего владѣльца; наконецъ, еслибы самъ помѣщикъ вздумалъ отобрать у своего крестьянина пріобрѣтенную послѣднимъ недвижимую собственность *),

*) Извѣстно, что подобное посяганіе со стороны помѣщика на собственность крестьянъ подало поводъ къ изданію закона 3 Марта 1848 года.

то и тогда крестьянинъ не нашелъ бы нигдѣ законной защиты; ибо въ подобныхъ случаяхъ, по силѣ ст. 947 и 4 п. ст. 950 того же тома, также ни въ чемъ не измѣненныхъ, законъ вовсе не предоставляетъ крѣпостному человѣку права иска на его владѣльца. Еслибы судить о намѣреніяхъ правительства единственно по соображенію всего вышеизложеннаго, то позволительно бы было задать себѣ вопросъ, какую цѣль имѣли составители закона: расширить ли тѣсный кругъ правъ крѣпостнаго сословія, или навести помѣщиковъ на новый, еще неисчерпанный поводъ къ вымогательствамъ? Само собою разумѣется, что добросовѣстный взглядъ откроетъ доброе, хотя и недостигнутое намѣреніе; а въ оговоркахъ и ограниченіяхъ, которыми парализированъ разсматриваемый нами указъ, онъ узнаетъ, съ сожалѣніемъ, признаки того недостатка послѣдовательной рѣшимости, которымъ отличаются всѣ дѣйствія правительства по вопросу о крѣпостномъ правѣ.

Въ 1847 году, указомъ 8 Ноября, предоставлено право крестьянамъ выкупаться вмѣстѣ съ землею при продажѣ имѣній съ публичныхъ торговъ. Какъ извѣстно, очень немногія сельскія общества были въ состояніи имъ воспользоваться, по неимѣнію средствъ въ короткій, 30 дневный срокъ собрать нужную для выкупа сумму; за то, во многихъ возбуждены были желанія воспользоваться этимъ заманчивымъ правомъ и надежды на помощь отъ правительства. Между тѣмъ, примѣненіе закона 8 Ноября, поспѣшно составленнаго и несоглашеннаго съ условіями публичныхъ продажъ, подало поводъ къ разнымъ недоразумѣніямъ и встрѣтило множество препятствій. Повсемѣстныя о томъ представленія указали на необходимость подвергнуть его пересмотру. Представлялось два способа къ устраненію встрѣченныхъ неудобствъ: вовсе отмѣнить законъ 8 Ноября или развить его, *придумавъ средства къ облегченію выкупа*. Правительство предпочло первый способъ: оно лишило крестьянъ дарованнаго имъ права, но не имѣло мужества сдѣлать это открыто и явно. Законъ 8 Ноября не былъ отмѣненъ установленнымъ порядкомъ, а въ тихомолку исключенъ при изданіи новыхъ правилъ объ оцѣнкѣ и продажѣ имуществъ.

Этою канцелярскою продѣлкою были устранены канцелярскія затрудненія; но что же подумалъ народъ? Чтобы понять, какое дѣйствіе должно было произвесть на него это безпримѣрное распоряженіе, достаточно вспомнить, что изъ всѣхъ законодательныхъ мѣръ правительства, въ послѣднее время обнародованныхъ, указъ о выкупѣ быстрѣе другихъ распространился въ крѣпостномъ сословіи и много пробудилъ неосуществившихся надеждъ. Сперва крестьяне ожидали, что правительство, даровавъ имъ заманчивое право, конечно, облегчитъ и способы къ выкупу; потомъ они долго не хотѣли вѣрить, чтобы самый вызовъ къ выкупу былъ отмѣненъ; во многихъ мѣстахъ, для убѣжденія ихъ въ непослѣдовательности правительства, вынуждены были прибѣгать къ мѣрамъ крайней строгости. За то, для защитниковъ крѣпостнаго права это новое проявленіе несостоятельности нашего законодательства послужило поводомъ къ новому торжеству.

Приведенные примѣры, кажется, достаточно подтверждаютъ сказанное выше. Гражданскія и хозяйственныя отношенія, основанныя на крѣпостномъ правѣ, сами собою клонятся къ упадку; передъ нами открывается загадочная будущность, а правительство какъ будто *не поспѣваетъ за естественнымъ ходомъ вещей.* Бравшись нѣсколько разъ за вопросъ, повидимому для очистки своей совѣсти, *оно не овладѣло имъ, не заявило твердаго взгляда и рѣшительной воли.* Вмѣсто постепеннаго приближенія къ осуществленію глубоко-обдуманнаго плана, мы видимъ въ его дѣйствіяхъ какое-то *колебаніе въ разныя стороны*, рядъ недосказанныхъ желаній и быстро-прерванныхъ попытокъ, а со стороны общества рядъ *періодически-возникавшихъ тревогъ*, за которыми всякій разъ водворялось *безплодное усыпленіе.*

Иначе и быть не могло; ибо, по сложности и глубинѣ вопроса, разрѣшеніе его не могло быть дѣломъ внезапнаго, счастливаго вдохновенія: оно требуетъ многихъ *приготовительныхъ работъ и гласнаго обсужденія.* Нужно изучить его въ прошедшемъ и настоящемъ, въ Россіи и за границею, съ точки зрѣнія нравственной, политической и хозяйственной. Пусть же каждый, кому дана возможность и охота зани-

маться имъ, несетъ свои наблюденія и совѣты, не увлекаясь надеждою изобрѣсти безукоризненный проэктъ, но и не обрекая себя на молчаніе, не ограничиваясь одною критикою того, что̀ предложено другими, изъ мелочнаго опасенія публично подвергнуться уличенію въ ошибкѣ. Въ твердой увѣренности, что всякое высказанное заблужденіе гораздо менѣе вредно всеобщаго молчанія, приступимъ и мы ко второй, труднѣйшей половинѣ этой записки, къ разсмотрѣнію вопроса: какими мѣрами проложить исходъ изъ крѣпостнаго состоянія къ гражданской свободѣ.

Различные виды крѣпостныхъ отношеній.

Точкою отправленія всѣхъ предположеній объ устройствѣ въ будущемъ крѣпостнаго сословія должно служить его современное положеніе въ томъ видѣ, въ какомъ оно является намъ въ дѣйствительности.

Подъ общимъ юридическимъ понятіемъ крѣпостнаго сословія выработались, какъ извѣстно, самые разнообразныя отношенія крѣпостныхъ людей къ ихъ владѣльцамъ, представляющія собою различныя степени личной зависимости.

Выше всѣхъ стоятъ крестьяне *оброчные*, ежегодно очищающіе свои повинности денежными взносами и совершенно свободные, какъ въ выборѣ занятій, такъ и въ употребленіи своего времени и рабочихъ силъ.

Ниже оброчныхъ стоятъ *издѣльные* крестьяне, отрабатывающіе на помѣщика барщину и пользующіеся отъ него угодіями. Въ этомъ разрядѣ, обнимающемъ собою значительное большинство крѣпостнаго сословія, встрѣчаются самыя противоположныя крайности, отъ постепенно-возрастающаго довольства и соотвѣтственнаго развитія умственныхъ способностей до ужасающей нищеты, отупѣнія и безчувственности. Большая часть условій, опредѣляющихъ степень благосостоянія издѣльныхъ крестьянъ, зависитъ не отъ нихъ, а отъ свойства мѣстности и личности ихъ владѣльцевъ; слѣдовательно, ***ихъ собственное, самостоятельное участіе въ устройствѣ ихъ быта весьма ограниченно***; не менѣе того, издѣльный крестьянинъ имѣетъ свой домъ, свою скотину, свою запашку и

если въ его распоряженіи оставляется свободнаго времени нѣсколько болѣе, чѣмъ сколько необходимо нужно на его пропитаніе, то, при счастливыхъ обстоятельствахъ и напряженномъ трудолюбіи, онъ можетъ даже улучшить свое состояніе и смотрѣть впередъ не безъ надежды.

На низшей степени стоятъ крѣпостные люди, *не имѣющіе своего собственнаго хозяйства*. Къ этому разряду относятся *дворовые люди*, состоящіе у своихъ помѣщиковъ въ домашнемъ услуженіи *), *и мѣсячники*. Опредѣляя мѣсто дворовымъ ниже издѣльныхъ крестьянъ, мы этимъ вовсе не хотимъ сказать, чтобы ихъ положеніе въ вещественномъ или нравственномъ отношеніи было *всегда и безусловно* хуже положенія барщинниковъ; но они находятся въ непосредственной и притомъ исключительной зависимости отъ личности ихъ владѣльца. У помѣщика достаточнаго, справедливаго и хорошаго хозяина, дворовые люди живутъ въ довольствѣ и ведутъ себя честно, состоя каждый при опредѣленномъ занятіи. У помѣщика бѣднаго, безпорядочнаго, преданнаго разврату и мотовству, они голодаютъ, пробиваясь со дня на день, и заражаются всѣми пороками своего господина. Оторванные отъ твердыхъ преданій и обычаевъ сельской жизни, образуясь въ наружномъ видѣ и въ нравственномъ отношеніи по образу и подобію своихъ господъ, живымъ примѣромъ и подъ прямымъ вліяніемъ на нихъ послѣднихъ, дворовые люди вообще гораздо легче и скорѣе усвоиваютъ себѣ дурное, чѣмъ доброе, и въ свою очередь передаютъ это дурное крестьянамъ. Дворовый, обращенный лицомъ къ помѣщику—одинъ изъ послѣднихъ типовъ крѣпостной зависимости; тотъ же дворовый, обращенный лицомъ къ крестьянину, представляетъ собою какое-то грубое отраженіе самыхъ безнравственныхъ сторонъ и возмутительныхъ явленій помѣщичьей власти.

Мѣсячники стоятъ еще ниже дворовыхъ, на самомъ рубежѣ между крѣпостнымъ состояніемъ и рабствомъ; ибо дво-

*) Само собою разумѣется, что мы не включаемъ сюда дворовыхъ, ходящихъ по паспорту и платящихъ своему господину оброкъ; ибо они подходятъ подъ первый разрядъ оброчныхъ крестьянъ, занимающихся промыслами и ремеслами.

ровые, хотя болѣе мѣсячниковъ, подвержены личному произволу своего господина и всякой нравственной порчѣ, имѣютъ болѣе случаевъ и способовъ выслужиться, перейти отъ низшей должности на высшую и даже выпросить себѣ или дѣтямъ отпускную. Одна эта надежда много значитъ, и она поддерживается въ сословіи дворовыхъ частыми примѣрами и законодательными распоряженіями, облегчающими увольненіе отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ семействъ изъ этого званія. Всѣми исчисленными выгодами не пользуется мѣсячникъ. Ему нѣтъ исхода изъ его положенія и, кромѣ скудно обезпеченнаго содержанія и вѣчнаго труда на другаго до истощенія силъ, будущность ничего ему не представляетъ.

Всѣ исчисленныя нами формы крѣпостной зависимости встрѣчаются въ современной Россіи одна рядомъ съ другою; но однѣ распространяются, другія бѣднѣютъ содержаніемъ и постепенно исчезаютъ. Подъ вліяніемъ общихъ нравственныхъ и экономическихъ условій, нами указанныхъ, масса крѣпостнаго сословія *движется послѣдовательно* по одному направленію и, должно сознаться, что это движеніе совершается *не снизу вверхъ*, по лѣстницѣ, ведущей *отъ рабства къ свободѣ, а сверху внизъ* по ступенямъ этой лѣстницы. Судя по печатнымъ отчетамъ и отзывамъ опытныхъ хозяевъ, въ сѣверной и средней полосахъ Россіи оброчное положеніе постепенно исчезаетъ, и число крестьянъ, переводимыхъ ежегодно съ оброка на барщину, несомнѣнно превышаетъ число издѣльныхъ, отпускаемыхъ на оброкъ. Самостоятельность издѣльнаго крестьянина въ его собственномъ хозяйствѣ постепенно стѣсняется, и черезъ это подготовляется, хотя медленно и къ счастію далеко еще не повсемѣстно, переходъ съ трехдневной барщины на положеніе мѣсячниковъ. Что касается до дворовыхъ, то можно допустить, что обычай брать во дворъ изъ крестьянъ довольно быстро выводится и, что большая часть ежегодно выдаваемыхъ отпускныхъ достается дворовымъ, а не крестьянамъ; но изъ этого еще нельзя заключить, чтобы числительное отношеніе между ними измѣнялось въ пользу вторыхъ. Напротивъ, по справкамъ, частнымъ образомъ наведеннымъ въ разныхъ имѣніяхъ, оказывалось постоянно, что *дворовые* гораздо *быстрѣе*

размножаются, чѣмъ крестьяне. Этотъ фактъ, кажется, объясняется двумя причинами. Вопервыхъ, по общепринятому обычаю, дворовые не входятъ въ рекрутскія очереди; эту повинность очищаютъ за нихъ крестьяне; изъ дворовыхъ же отдаются въ военную службу только штрафные; вовторыхъ, дворовые не изнуряются тяжелыми работами, ихъ жены не жнутъ и не молотятъ, и оттого смертность между ними, какъ отъ обыкновенныхъ, такъ и отъ повальныхъ болѣзней, никогда не бываетъ такъ значительна, какъ между издѣльными крестьянами. Классъ непроизводительный плодится на счетъ производителей.

Если разъ правительство утвердится въ намѣреніи постепенно и со всѣми предосторожностями вести крѣпостное сословіе отъ настоящаго его положенія къ гражданской свободѣ, то ему нельзя будетъ оставаться равнодушнымъ къ такимъ явленіямъ, въ которыхъ выражается прогрессивное развитіе крѣпостнаго права и усугубленіе гнета, тяготѣющаго надъ крестьянами. Оно захочетъ *остановить совершающійся теперь невозбранно переходъ изъ высшаго состоянія въ низшее* и прежде всего приметъ мѣры для удержанія существующаго теперь порядка; ибо въ противномъ случаѣ всѣ послѣдующія законодательныя распоряженія встрѣтили бы противное теченіе, черезъ что дѣйствіе ихъ было бы ослаблено.

Мѣры отрицательныя или предупредительныя противъ дальнѣйшаго развитія крѣпостнаго права.

Изъ этого вытекаетъ необходимость нѣкоторыхъ *ограниченій* или *мѣръ воспретительныхъ*, которыми дополнится рядъ законовъ, разновременно изданныхъ *), очевидно, съ цѣлью положить предѣлы дальнѣйшему развитію помѣщичьяго права. Не отступая отъ этого воззрѣнія, но примѣняя об-

*) Мы относимъ сюда запрещеніе отдаваться въ крѣпостное владѣніе, прекращеніе пожалованія людей, невозстановленіе ни въ какомъ случаѣ крѣпостнаго состоянія единожды, хотя бы и неправильно, прекратившагося, запрещеніе лицамъ, не владѣющимъ населеннымъ имѣніемъ, пріобрѣтать крѣпостныхъ людей безъ земли и многія подобныя постановленія.

щее направленіе законодательства къ современнымъ обстоятельствамъ, казалось бы возможнымъ принять къ разсмотрѣнію слѣдующія предположенія:

I. Запрещеніе переводить изъ крестьянъ въ дворовые для домашнихъ услугъ.

Запретить на будущее время безусловно брать крестьянъ во дворъ *для домашнихъ услугъ* и вообще перечислять по ревизскимъ сказкамъ изъ крестьянъ въ дворовые люди.

При составленіи этого закона, понятіе домашнихъ услугъ потребуетъ ближайшаго опредѣленія. Не должно стѣснять помѣщиковъ въ правѣ отдавать крестьянъ въ обученіе мастерствамъ и опредѣлять ихъ къ должностямъ, требующимъ постоянныхъ занятій въ самыхъ имѣніяхъ, какъ-то: назначать изъ нихъ прикащиковъ, бурмистровъ, старостъ, смотрителей при заводахъ, столяровъ, бочарей, огородниковъ и проч.; ибо всѣ таковыя должности необходимы при помѣщичьемъ хозяйствѣ, а для замѣщенія ихъ вольнонаемными не нашлось бы теперь ни людей, ни денежныхъ средствъ у многихъ помѣщиковъ. Впрочемъ, и крестьяне, опредѣляемые къ безочереднымъ должностямъ, хотя бы даже они жили на господскомъ дворѣ, не должны быть перечисляемы въ разрядъ дворовыхъ по ревизскимъ сказкамъ, потому что перечисленіе само по себѣ вредно. Оно разрываетъ нравственную и бытовую связь перечисляемаго съ сельскимъ обществомъ, изъ котораго онъ вышелъ, измѣняетъ навсегда ихъ взаимныя отношенія, вселяетъ въ перваго убѣжденіе, что, ставши выше крестьянъ, онъ пріобрѣтаетъ черезъ это право жить на ихъ счетъ, какъ это дѣйствительно и бываетъ въ бо̀льшей части имѣній, гдѣ крестьяне платятъ за дворовыхъ подати и ставятъ рекрутовъ *).

---

*) Переводъ изъ крестьянъ въ дворовые и теперь не допускается въ учрежденныхъ въ Польшѣ маіоратахъ по Положенію, вошедшему въ Св. Зак. т. IX, Продол. I, прилож. къ ст. 913, § 22, и въ Западныхъ губерніяхъ, со введенія инвентарныхъ правилъ.

II. Запрещеніе цѣлыя селенія переводить съ оброка на барщину.

Въ имѣніяхъ, нынѣ состоящихъ на оброкѣ, запретить переводъ крестьянъ на барщину цѣлыми селеніями, оставляя помѣщику право переводить на издѣлье въ сложности не болѣе десятой части наличныхъ тяголъ.

Цѣлью закона должно быть: прекратить переводъ на барщину, какъ спекуляцію, предпринимаемую помѣщикомъ въ видахъ увеличенія его доходовъ на счетъ благосостоянія крестьянъ, не лишая при этомъ помѣщика самаго дѣйствительнаго изъ всѣхъ принудительныхъ средствъ противъ неисправныхъ оброчниковъ. Это средство необходимо особенно въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ каждое тягло само за себя отвѣчаетъ, безъ круговой поруки цѣлаго общества.

III. Воспрещеніе дробленія имѣній ниже положенной мѣры.

Положить предѣлъ дробленію дворянскихъ населенныхъ имѣній установленіемъ нормы, ниже которой имѣніе не можетъ подлежать ни раздѣлу, ни отчужденію какой-либо изъ онаго части.

Вопросъ объ установленіи, такъ-называемыхъ, минoратовъ, кажется, не разъ уже возникалъ у насъ по поводу разныхъ законодательныхъ предположеній, но едва ли онъ былъ разсмотрѣнъ, по отношенію его къ современному развитію крѣпостнаго права, какъ мѣра *неотлагательная для предупрежденія быстраго упадка не дворянскаго сословія*, которому открыты всѣ пути къ ходатайству о своихъ нуждахъ, *а помѣщичьихъ крестьянъ, о которыхъ обязано заботиться правительство.* Къ сожалѣнію, этотъ вопросъ, самъ по себѣ трудный, еще усложнялся тѣмъ, что къ нему постоянно прицѣпляли разныя другія законодательныя предположенія, хотя и не лишенныя съ ними связи, но отнюдь не до такой степени тѣсной, чтобы нельзя было отдѣлить перваго отъ вторыхъ. У насъ же, вплетеніе въ возбужденный вопросъ постороннихъ и завѣдомо-неразрѣшимыхъ задачъ — самое вѣрное средство заглушить начатое дѣло.

Разсматривая вопросъ съ указанной точки зрѣнія, то-есть какъ мѣру, предназначенную для огражденія хозяйственной самостоятельности помѣщичьихъ крестьянъ, мы приходимъ къ убѣжденію, что предѣлъ дробленію должно опредѣлить *числомъ ревизскихъ душъ*, принявъ за недѣлимое такое число, при которомъ бы могло идти помѣщичье хозяйство на барщинѣ съ нѣкоторою выгодою для помѣщика и безъ отягощенія крестьянъ. При 75 ревизскихъ душахъ можно имѣть круглымъ счетомъ до 30 рабочихъ тяголъ, а на тягло нельзя полагать господской запашки въ сѣверныхъ отъ Москвы губерніяхъ болѣе $1^1/_2$ казенныхъ десятинъ въ полѣ, а въ среднихъ и степныхъ болѣе 2 десятинъ. Потому при 75 душахъ помѣщикъ можетъ обработывать отъ 45 до 60 десятинъ въ полѣ *).

Въ меньшихъ размѣрахъ едвали помѣщичье хозяйство издѣльное можетъ давать надежныя, неслучайныя выгоды, которыми бы могли покрываться неизбѣжные убытки и чрезвычайныя пожертвованія со стороны помѣщика, отвѣчающаго за благосостояніе своихъ крестьянъ.

Населенное имѣніе, признанное недѣлимымъ по закону, должно быть разсматриваемо какъ всякая иная недвижимая собственность, *по существу своему не подлежащая раздробленію*, и нѣтъ необходимости въ изданіи особыхъ правилъ для опредѣленія порядка наслѣдованія въ населенныхъ недѣлимыхъ имѣніяхъ. Когда достается нѣсколькимъ наслѣдникамъ фабрика, заводъ или домъ, имъ предоставляется полная свобода удержать доставшееся имъ недвижимое имущество въ общемъ и нераздѣльномъ владѣніи, продать его и раздѣлить между собою выручку или уступить его одному изъ наслѣдниковъ, условившись съ нимъ на счетъ вознагражденія прочихъ. Тѣже способы взаимнаго соглашенія должны быть открыты наслѣдникамъ по недѣлимому имѣнію, и законодательной власти нѣтъ надобности стѣснять свободу ихъ выбора или придумывать для нихъ заранѣе обязательныя формы справедливаго соглашенія.

---

*) При ближайшемъ разсмотрѣніи этого предположенія, можетъ быть, окажется нужнымъ раздѣлить Россію на нѣсколько полосъ и для каждой установить особый предѣлъ дробленія, сообразно съ условіями мѣстнаго хозяйства.

Изъяснивъ передъ симъ, что отсутствіе законнаго предѣла дробленія населенныхъ имѣній вредно не само по себѣ, а при двухъ условіяхъ: при неопредѣленности повинностей и отвѣтственности владѣльца за крестьянъ, мы полагаемъ, что, съ устраненіемъ этихъ условій, и самое дробленіе могло бы быть допускаемо безъ вреда; а потому казалось бы возможнымъ къ предлагаемой мѣрѣ присовокупить постановленіе, которымъ бы разрѣшалось дѣлить имѣнія въ 75 и менѣе душъ, если каждый изъ наслѣдниковъ представитъ на утвержденіе правительства вмѣстѣ съ просьбою о раздѣлѣ проэктъ добровольно-принятаго крестьянами договора, составленный на основаніяхъ, ниже сего изложенныхъ.

Удержаніе крѣпостнаго права въ настоящихъ его предѣлахъ составляетъ только первую половину задачи; вторая и важнѣйшая заключается въ изысканіи мѣръ положительныхъ, въ открытіи исходнаго пути изъ теперешняго порядка вещей въ правомѣрныя гражданскія отношенія.

Мѣры положительныя къ установленію новыхъ, правомѣрныхъ отношеній.

Всѣ системы, примѣненныя за границею и у насъ разновременно предложенныя для достиженія этой цѣли, дѣлятся на два разряда: нѣкоторыя ведутъ къ освобожденію отдѣльныхъ личностей, другія къ освобожденію цѣлыхъ селеній или обществъ. Нѣтъ сомнѣнія, что каждая изъ упомянутыхъ системъ имѣетъ свои выгоды и свои неудобства; о сравнительномъ ихъ достоинствѣ много и долго спорили въ другихъ государствахъ, и отголоски этого спора остались не безъ вліянія на общественное мнѣніе въ Россіи. Всякій, обращающій вниманіе на наши толки объ упраздненіи крѣпостнаго права, часто слышалъ повтореніе доводовъ и опроверженій, придуманныхъ послѣдователями той или другой системы въ Западной Европѣ, и, вѣроятно, замѣчалъ, что столкновеніе этихъ двухъ противоположныхъ воззрѣній, заимствованныхъ цѣликомъ изъ иностранныхъ литературъ,

ни на шагъ не подвигаетъ къ разрѣшенію нашъ домашній вопросъ.

Не оттого ли, что мы ошибаемся, воображая себѣ, что мы властны *выбрать* изъ двухъ системъ ту, которая покажется намъ лучшею; тогда какъ намъ предстоитъ *не выбрать, а узнать, чего требуетъ порядокъ вещей, у насъ сложившійся* и заключающій въ себѣ зародышъ всего будущаго развитія?

Необходимость двоякаго рода мѣръ: для цѣлыхъ обществъ и для частныхъ лицъ.

Главную массу крѣпостнаго сословія въ Россіи составляютъ поселяне, живущіе въ деревняхъ, занимающіеся однимъ хлѣбопашествомъ, или хлѣбопашествомъ въ связи съ другими промыслами, и владѣющіе совокупно, цѣлыми обществами, отведенною имъ землею. Въ этомъ совокупномъ владѣніи землею заключается коренная, ничѣмъ незамѣнимая основа нашего сельскаго общиннаго устройства. Каждая наша деревня глубоко сознаетъ себя чѣмъ-то по природѣ своей единымъ, цѣльнымъ и живымъ; это сознаніе проявляется во всѣхъ ея дѣйствіяхъ и находитъ полнѣйшее выраженіе въ многозначительномъ словѣ *міръ*.

Многіе изъ нашихъ писателей, посвятившіе себя изученію Русской народности въ ея историческомъ прошедшемъ и въ нестарѣющихъ явленіяхъ настоящаго, дорожатъ нашею сельскою общиною, какъ твердымъ матеріаломъ, изъ котораго сложилось Русское государство, и предугадываютъ въ ней самою жизнью подготовленное разрѣшеніе на общественные вопросы, неразрѣшимые для Западной Европы. Напротивъ, другіе смотрятъ на нашу сельскую общину, какъ на первоначальную, грубѣйшую форму общественной организаціи, въ скоромъ времени долженствующую раздробиться на единицы, и какъ на главное препятствіе къ улучшеніямъ въ системѣ сельскаго хозяйства и юридическаго устройства сельскаго сословія. Нисколько не раздѣляя послѣдняго взгляда и вполнѣ сочувствуя первому, мы однакоже не намѣрены вдаваться въ разсмотрѣніе этого вопроса, очень важнаго по себѣ, но отъ разрѣшенія котораго мы не

ожидаемъ значительныхъ практическихъ результатовъ. Пусть наука, при своихъ теперешнихъ данныхъ, оправдываетъ или осуждаетъ сельско-общинное устройство; на практикѣ оно представляется не вопросомъ, а живою существенностью. Позволительно думать, что языкъ Нѣмецкій богаче, а Итальянскій звучнѣе Русскаго, тѣмъ не менѣе мы останемся при своемъ языкѣ. Подобно языку, общинное устройство нашихъ селъ принадлежитъ къ числу тѣхъ коренныхъ, самородныхъ началъ нашей Русской народности, съ которыми можетъ не сходиться частное воззрѣніе, воспитанное въ другомъ порядкѣ явленій, но для правительства они составляютъ не предметъ спора, а неопровержимыя данныя, которыхъ законодательная власть не должна колебать, если она дорожитъ крѣпостью государственнаго организма.

Естественно и свободно сложилась наша сельская община; также свободно и естественно отрѣшаются отъ нея безпрестанно отдѣльныя личности и примыкаютъ къ другимъ состояніямъ.

Рядомъ съ крестьянами, земледѣльцами, мы встрѣчаемъ у себя нѣсколько разрядовъ крѣпостныхъ людей, по свойству ихъ занятій и образу жизни не имѣющихъ съ первыми никакихъ общихъ интересовъ и связанныхъ съ ними единственно общею зависимостью отъ одного владѣльца и круговою порукою по исправленію государственныхъ повинностей. Таковы дворовые, крестьяне, владѣющіе въ городахъ собственными домами, содержатели постоялыхъ дворовъ, фабричныхъ заведеній, торгующіе по гильдейскимъ свидѣтельствамъ, занимающіеся подрядами и поставками. Судьба всѣхъ таковыхъ личностей такъ рѣзко отдѣляется на практикѣ отъ участи сельскихъ обществъ, что, съ перемѣною отношеній первыхъ къ ихъ владѣльцамъ, нѣтъ ни малѣйшаго повода опасаться разстройства въ организаціи тѣхъ селеній, изъ которыхъ они вышли и съ которыми они остаются связанными только по ревизскимъ сказкамъ.

Имѣя все это въ виду, нельзя не придти къ заключенію, что было бы несправедливо удерживать въ крѣпостной зависимости торгующаго крестьянина, стоящаго значительно выше уровня крѣпостнаго сословія, единственно пото-

му, что путь къ освобожденію, доступный ему лично, не доступенъ сельскому обществу, къ которому онъ приписанъ, и что въ той же мѣрѣ несправедливо бы было требовать, чтобы сельское общество не иначе могло перейти въ свободное состояніе, какъ раздробившись, утративъ свою цѣльность, переставъ быть обществомъ. Итакъ, практика не позволяетъ намъ принять исключительно ни ту, ни другую систему; мы должны воспользоваться обѣими и *открыть двоякій исходъ: для цѣлыхъ обществъ и для отдѣльныхъ лицъ.*

О сельскихъ обществахъ. Невыгоды введенія принудительныхъ отношеній законодательнымъ порядкомъ.

Обращаясь сперва къ сельскимъ обществамъ, мы усматриваемъ только два способа замѣнить теперешній порядокъ правомѣрными отношеніями. Можетъ правительство, безъ участія помѣщиковъ и крестьянъ, принять на себя опредѣленіе ихъ взаимныхъ отношеній и составленное такимъ образомъ положеніе ввести въ дѣйствіе, не спрашивая согласія ни тѣхъ, ни другихъ; могутъ также эти отношенія опредѣлиться съ обоюднаго согласія помѣщиковъ и крестьянъ, въ видѣ добровольной между ними сдѣлки съ утвержденія законодательной власти.

Первый изъ этихъ способовъ обращаетъ на себя особенное вниманіе, какъ система, правительствомъ избранная для Западнаго края Россіи и имъ уже примѣненная въ формѣ, такъ называемыхъ, *инвентарныхъ правилъ.*

Эти правила, одинаковыя для всѣхъ имѣній, вмѣстѣ съ *инвентаремъ* (или статистическою описью каждаго имѣнія) заключаютъ въ себѣ опредѣленіе взаимныхъ правъ и обязанностей землевладѣльца къ поселянамъ. По содержанію, это контрактъ въ полномъ смыслѣ слова, но контрактъ, составленный не сторонами, обязанными исполнять его, а тою властью, которая по отношенію ко всѣмъ другимъ видамъ частныхъ условій, договоровъ и сдѣлокъ ограничивается однимъ утвержденіемъ, засвидѣтельствованіемъ и возстановленіемъ ихъ законной силы въ случаѣ нарушенія.

Это контрактъ, но *которому не достаетъ только одного: добровольнаго согласія связанныхъ имъ сторонъ*, не достаетъ именно того условія, на которомъ основывается внутренняя законность и прочность всякаго договора. Важность этого обстоятельства вполнѣ обнаруживается въ особенномъ характерѣ всѣхъ послѣдующихъ отношеній при переходѣ закона въ практику. Помѣщики не могутъ быть довольны инвентарями: имъ кажется, что у нихъ отобрано слишкомъ много правъ и доходовъ; крестьяне безспорно сознаютъ съ признательностію сдѣланныя имъ льготы, но и они недовольны: имъ кажется, что имъ уступлено мало, и они ожидаютъ бо́льшаго. Недавнія происшествія въ Кіевской губерніи по поводу созыва ополченія доказали это до очевидности. Весьма можетъ быть, что и помѣщики и крестьяне въ сущности неправы; но хотя бы и такъ, несомнѣнно, что противоположность интересовъ, *непримиренныхъ, а только взаимно-ограниченныхъ*, открываетъ обширное поприще ухищреніямъ, уловкамъ, обидамъ всякаго рода. Какъ бы ясно и опредѣлительно ни были составлены правила, въ поводахъ къ превратнымъ толкованіямъ, придиркамъ, вымогательствамъ, обоюднымъ жалобамъ, недостатка не встрѣтится, и возгорится глухая, междоусобная война. Для поддержанія отношеній, правительствомъ установленныхъ безъ участія сторонъ, естественно потребуется неусыпное за ними наблюденіе и прямое, почти ежедневное съ его стороны вмѣшательство черезъ посредство мѣстныхъ полицейскихъ чиновниковъ,— вмѣшательство для послѣднихъ обременительное, усѣянное соблазнами и крайне-раздражительное какъ для помѣщиковъ, такъ и для поселянъ.

Можетъ быть, намъ возразятъ, что въ какой бы формѣ ни установились законныя между ними отношенія, какимъ бы способомъ ни было ограничено полновластіе помѣщиковъ, во всякомъ случаѣ, съ прекращеніемъ теперешняго ихъ произвола, всѣ недоразумѣнія, вопросы и жалобы, возникающіе между ними и поселянами, должны будутъ неминуемо восходить къ правительству. Это очевидно. Возстановленіе законныхъ отношеній въ случаѣ ихъ нарушенія и взысканіе съ виновнаго принадлежитъ правительству,

никому другому, и въ этихъ предѣлахъ его участіе, вызванное обращеніемъ къ нему одной изъ сторонъ, не только неизбѣжно, оно благодѣтельно. Не менѣе того, всякое нарушеніе взаимныхъ обязанностей, даже при существованіи всѣхъ средствъ къ легкому, скорому и дешевому его прекращенію, само по себѣ *есть уже зло*, *и потому*, *чѣмъ чаще оно повторяется*, *чѣмъ больше поводовъ къ его развитію представляетъ какой-либо порядокъ вещей*, *тѣмъ онъ хуже.*

Исчисленныя неудобства должны усугубиться, если правительство, опредѣливъ законодательнымъ порядкомъ отношенія землевладѣльцевъ къ крестьянамъ, не откроетъ послѣднимъ никакихъ законныхъ путей для самостоятельнаго огражденія предоставленныхъ имъ правъ. Въ такомъ случаѣ оно будетъ въ необходимости принять на себя не одно разбирательство жалобъ, ему приносимыхъ, *но самое изысканіе поводовъ къ справедливымъ жалобамъ*, иными словами: прямое и постоянное опеканіе безгласной стороны,— дѣло для правительства нелегкое, а для народа тяжелое.

Вся сила въ томъ, что въ области гражданскихъ отношеній, порядку вещей, введенному въ силу предписанія начальства, подчиняются болѣе или менѣе охотно; *добровольная* же *сдѣлка*, предложенная самими сторонами и утвержденная правительствомъ, *связываетъ совѣсть*, *возбуждая сознаніе гражданской свободы и нравственнаго долга.* Въ этомъ сознаніи лежитъ самая существенная гарантія всякаго договора, которой полицейское опеканіе, хотя бы совершенно безпристрастное и безкорыстное, уже потому замѣнить не можетъ, что безпрестанное вмѣшательство посторонней власти препятствуетъ установленію согласія, безъ котораго мы не можемъ себѣ представить правильнаго развитія сельской жизни.

Собственно по этой причинѣ, не касаясь другихъ неудобствъ, многими встрѣчаемыхъ въ примѣненіи подробностей инвентарнаго положенія, притомъ разсматривая эту систему единственно по отношенію къ Великороссійскимъ губерніямъ, мы не желали бы видѣть ея распространенія. Ограничиваясь этимъ общимъ выводомъ, мы оставляемъ въ сторонѣ частный вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ

она была необходима для Западнаго края Россіи, т. е. именно для той мѣстности, для которой она придумана и гдѣ введена или вводится.

Всякому, даже небывавшему въ томъ краѣ, но знающему исторію Русской земли, должно быть понятно, что отношенія помѣщиковъ - Поляковъ и Латинцевъ къ Православнымъ Малороссіянамъ и Бѣлорусцамъ, отношенія, носящія на себѣ внутренніе и внѣшніе признаки вѣковаго, систематическаго угнетенія, должны существенно разниться съ бытовыми отношеніями тѣхъ же сословій въ Великороссійскихъ областяхъ. Весьма можетъ быть, что въ Западномъ краѣ правительство не только не предвидѣло, *но даже не желало взаимнаго соглашенія* и вынуждено было *изъ политическихъ видовъ* предпочесть такую мѣру, которая, разлучивъ навсегда и глубже прежняго крестьянъ съ помѣщиками, давала бы возможность мѣстной власти принять первыхъ въ свое непосредственное вѣдѣніе и устранить всякое на нихъ вліяніе со стороны вторыхъ. Едвали нужно присовокуплять, что никакія подобныя соображенія не могутъ имѣть мѣста въ примѣненіи къ Великороссійскимъ губерніямъ.

Итакъ, разсматривая инвентарную систему *въ ея общности*, мы пришли къ убѣжденію, что ее должно отвергнуть. Это откровенное осужденіе, думаемъ мы, оправдывается вышеизложенными соображеніями; тѣмъ не менѣе, въ настоящую минуту пишущему эти строки тяжело произнести его именно потому, что противъ инвентарнаго положенія раздается много голосовъ, порицающихъ въ немъ ограниченіе помѣщичьяго произвола, то самое, чтò въ немъ есть добраго, за чтò составителя этого положенія и теперь поминаютъ добромъ милліоны людей. Къ этимъ голосамъ, торжественно возвѣщающимъ неприкосновенность крѣпостнаго права (какъ будто бы отъ нихъ зависѣло остановить исторію и оживить издыхающее), не хочется и не должно приставать; и потому, во избѣжаніе всякаго недоразумѣнія, мы также откровенно прибавимъ, что еслибы Провидѣнію угодно было казнить Россію, поразивъ наше правительство неисцѣльнымъ ослѣпленіемъ, а наше дворянство безнадежнымъ упрямствомъ и еслибы затѣмъ намъ предстояло одно изъ

двухъ: оставить неприкосновеннымъ крѣпостное право или ввести повсемѣстно инвентари, то, изъ двухъ золъ избирая меньшее, мы, не задумываясь, предпочли бы послѣднее. Но, къ счастію, неизбѣжность подобнаго выбора еще далека отъ насъ, и потому мы можемъ надѣяться, что правительство, не испытавъ предварительно другихъ способовъ, не прибѣгнетъ къ мѣрѣ, которая сдѣлалась бы необходимостью только въ случаѣ исчезновенія всякой надежды на свободное соглашеніе.

Добровольныя сдѣлки между помѣщиками и крестьянами. Излишества и недостатки указа о обязанныхъ поселянахъ.

Возраженія, нами приведенныя противъ опредѣленія отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ порядкомъ законодательнымъ, содержатъ въ себѣ указанія на иной путь, къ той же цѣли ведущій. Мы разумѣемъ добровольныя сдѣлки между крестьянами и помѣщиками. Этотъ путь открыло правительство въ 1846 году изданіемъ указа о обязанныхъ поселянахъ; но, къ сожалѣнію, сдѣлавъ первый шагъ, оно не пошло далѣе и не только не поощрило сдѣлокъ, даже не устранило самыхъ существенныхъ препятствій къ ихъ заключенію. На эти препятствія, указанныя общественнымъ мнѣніемъ, слѣдуетъ теперь обратить вниманіе.

Вопервыхъ, желательно, чтобы договаривающимся сторонамъ, т. е. помѣщикамъ и крестьянамъ, предоставленъ былъ возможный просторъ и устранены были всѣ излишнія ограниченія, встрѣчаемыя въ положеніи 2 Апрѣля 1842 года. Такъ, напримѣръ, статьею 908 опредѣлено, что рекрутская повинность въ селеніяхъ обязанныхъ крестьянъ отправляется однообразно по очередному порядку, въ уставѣ рекрутскомъ установленному; но здѣсь не принято во вниманіе, что въ помѣщичьихъ имѣніяхъ издревле введены различныя системы учета очередей. Въ иныхъ, очередь или мѣсто, занимаемое семействомъ въ рекрутскомъ кругѣ, опредѣляется старшинствомъ отдачи и составомъ семейства, т. е. числомъ тяголъ; этотъ способъ близко подходитъ къ рекрутскому

уставу. Въ другихъ, особенно въ оброчныхъ селеніяхъ, установлено опредѣленное число рекрутскихъ частей, по накопленіи коихъ семейство сдаетъ рекрута. Части или доли насчитываются различными способами, иногда довольно сложными, но хорошо извѣстными всѣмъ крестьянамъ. Есть имѣнія, въ которыхъ, по обычаю, изстари заведенному между крестьянами, рекрутскія доли переводятся на деньги и съ согласія мірской сходки сдаются однимъ семействомъ другому. Наконецъ, каковъ бы ни былъ порядокъ въ разрѣшеніи частныхъ случаевъ, мірскія сходки иногда отступаютъ отъ общаго правила по врожденному Русскому человѣку убѣжденію, что правда не должна быть приносима въ жертву законности. Вообще, мы не видимъ основанія думать, чтобы очередный порядокъ, въ уставѣ рекрутскомъ изложенный, (съ тѣхъ поръ замѣненный въ казенныхъ имѣніяхъ еще худшимъ,—жеребьевымъ) былъ уравнительнѣе и удобнѣе системъ, издавна существующихъ во многихъ нашихъ имѣніяхъ и къ которымъ крестьяне привыкли. Извѣстно, какъ неохотно они подчиняются какимъ бы то ни было перемѣнамъ, даже къ лучшему, въ отправленіи этой повинности, самой для нихъ тягостной, перемѣнамъ, неминуемо влекущимъ за собою несправедливости и ущербы для многихъ семействъ; а потому и не должно, когда нѣтъ на то необходимости, обязывать ко введенію очереднаго порядка, въ Сводѣ Законовъ помѣщеннаго *). Въ противномъ же случаѣ можно предвидѣть, что со стороны крестьянъ это обстоятельство возбудитъ много сомнѣній, возраженій и споровъ и что заключеніе сдѣлки съ помѣщикомъ, если съ нею будетъ сопряжено введеніе новаго порядка учета рекрутскихъ очередей, встрѣтитъ особенныя затрудненія.

Статьею 909 опредѣлено, что запасы народнаго продовольствія и пособія въ пожарныхъ случаяхъ учреждаются на счетъ собственныхъ средствъ обязанныхъ крестьянъ *подъ*

---

*) По крайней мѣрѣ, трудно помириться съ мыслью объ однообразномъ и безусловно - обязательномъ порядкѣ до тѣхъ поръ, пока рекрутская повинность лежитъ на *обществахъ*, исправляется *обществами* за круговою порукою всѣхъ членовъ онаго.

наблюденіемъ помѣщиковъ или *подъ наблюденіемъ и при содѣйствіи правительства.* Все это глухо и можетъ быть стѣснительно. Существуетъ немало имѣній, въ которыхъ помѣщики не только наблюдаютъ, но *участвуютъ* въ составленіи хлѣбныхъ запасовъ, въ мѣрахъ для предупрежденія пожаровъ, въ пособіяхъ погорѣвшимъ. Напримѣръ, во многихъ мѣстахъ помѣщики отвели изъ своей земли особыя участки подъ мірскія запашки для обезпеченія продовольствія крестьянъ. Тамъ, гдѣ крестьяне не имѣютъ собственнаго лѣса, гдѣ лѣсъ рѣдокъ и дорогъ, гдѣ на случай пожара или необходимыхъ починокъ берегутся заповѣдные участки, помѣщикъ, если захочетъ войти въ соглашеніе съ крестьянами, неминуемо услышитъ вопросъ: „А на случай пожара или какой бѣды лѣску на обстройку выдавать будете?“ Едвали они удовлетворятся увѣреніемъ, что пособіе устроится на ихъ счетъ при одномъ наблюденіи со стороны помѣщика или при содѣйствіи правительства. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одномъ имѣніи учреждено взаимное страхованіе отъ пожаровъ. Основной капиталъ пожертвованъ владѣльцемъ (это болѣе, чѣмъ наблюденіе) и увеличивается ежегоднымъ сборомъ со всѣхъ строеній крестьянскихъ и господскихъ, по оцѣнкѣ, производимой самими крестьянами. Всѣ подобныя учрежденія, не подходящія прямо подъ статью 909, скрѣпляютъ связь между помѣщиками и поселянами, которой отнюдь не должно ослаблять. Въ нихъ заключается, конечно, очень еще слабый начатокъ взаимнаго соглашенія ихъ интересовъ, развитіе и распространеніе котораго на всѣ вообще хозяйственныя ихъ отношенія заслуживаетъ поощренія.

Но самое стѣснительное условіе, заключающееся въ указѣ о обязанныхъ крестьянахъ, условіе, которому во многомъ слѣдуетъ приписать его неуспѣхъ, содержится въ ст. 911 и 912, опредѣляющихъ отношеніе имѣній, населенныхъ обязанными крестьянами, къ нашимъ кредитнымъ установленіямъ. Вопервыхъ, заключеніе условій съ крестьянами въ заложенныхъ имѣніяхъ (то-есть, почти во всѣхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ), также какъ и измѣненіе условій съ обоюднаго согласія сторонъ, допускается не иначе, какъ съ дозволенія кредитнаго учрежденія, которое можетъ и не дать его. Обя-

занное исключительно заботиться о предупрежденіи всякаго возможнаго упадка цѣнности принятаго имъ залога, оно всегда найдетъ гораздо болѣе уважительныхъ поводовъ къ отказу, чѣмъ къ изъявленію своего согласія; а законъ въ этомъ не только не ограничиваетъ его свободы, даже не опредѣляетъ, какими соображеніями оно обязано руководствоваться въ своемъ рѣшеніи. Вовторыхъ, относительно порядка учиненія вновь займовъ подъ залогъ имѣній, переведенныхъ на новое положеніе, указомъ 2-го Апрѣля 1842 года было обѣщано изданіе особыхъ правилъ. Это обѣщаніе выполнено только въ 1846 году изданіемъ закона, помѣщеннаго въ VII продолж. XI т. Св. Зак., ст. 304 и 321 и прилож. къ 304, но выполнено такъ, что вмѣсто этихъ правилъ можно бы было ограничиться простымъ упраздненіемъ права пользоваться ссудами. Это ясно до очевидности. Когда представляется въ залогъ имѣніе, управляемое на неограниченномъ помѣщичьемъ правѣ, то ссуда выдается безъ всякаго затрудненія по разряду губерніи, числу душъ и количеству земли; если же испрашивается ссуда подъ залогъ имѣнія, населеннаго обязанными крестьянами, то кредитное установленіе входитъ въ исчисленіе чистаго дохода, получаемаго владѣльцемъ *) и выдаетъ ссуду въ 10 разъ превышающую этотъ доходъ, съ тѣмъ, однакоже, чтобы *ссуда, несмотря на исчисленный доходъ, ни въ какомъ случаѣ не превышала размѣра, по классамъ губерній опредѣленнаго въ ст. 347—349 уст. кред.* съ прибавленіемъ добавочныхъ 10 руб. сер. на душу, если, впрочемъ, имѣніе соотвѣтствуетъ условіямъ, изложеннымъ въ ст. 1202—1211. Итакъ, владѣлецъ имѣнія, заключившій сдѣлку съ крестьянами и отказавшійся добровольно отъ своего полновластія,

---

*) А какъ исчислить его? Это одинъ изъ самыхъ сложныхъ и трудныхъ вопросовъ хозяйственной администраціи. Въ земляхъ, гдѣ изстари существуетъ земскій кредитъ на самыхъ твердыхъ и разумныхъ основаніяхъ (напримѣръ, въ Пруссіи, гдѣ свойство мѣстности и разныя особенности общественнаго быта не представляютъ тѣхъ огромныхъ препятствій, съ которыми пришлось бы оцѣнщикамъ имѣть дѣло у насъ) для разрѣшенія его написаны фоліанты, и все-таки онъ не разрѣшенъ, все-таки продолжаютъ надъ нимъ трудиться. А у насъ.... кажется, и не подозрѣвали, что тутъ есть надъ чѣмъ призадуматься!

подвергаясь особеннымъ затрудненіямъ и проволочкамъ, которыхъ не испытываетъ помѣщикъ, владѣющій имѣніемъ на неограниченномъ крѣпостномъ правѣ, *рискуетъ* очень часто *не получить полной ссуды* по разряду губерній, *но ни въ какомъ случаѣ*, какъ бы его имѣніе ни было доходно и прочно устроено, *не можетъ даже надѣяться получить болѣе этой ссуды*. Ясно, что исчисленіе дохода придумано единственно въ ущербъ владѣльцу для уменьшенія ссуды. Спрашивается: можно ли было ожидать успѣха отъ указа 2 Апрѣля, когда изданіемъ упомянутыхъ правилъ правительство не только не поощряло къ заключенію сдѣлокъ, но, напротивъ, вѣрнѣйшимъ путемъ какъ будто отводило помѣщиковъ отъ этой мысли, ясно выражая, что кто послѣдуетъ его призыву, тотъ въ его глазахъ потеряетъ право на кредитъ?

Содержа въ себѣ излишнія опредѣленія, безъ нужды ограничивающія свободу или выгоды договаривающихся сторонъ, указъ о обязанныхъ поселянахъ въ тоже время представляетъ значительные пробѣлы и не даетъ отвѣтовъ на существенные вопросы.

Вопервыхъ, хотя съ утвержденіемъ договора между помѣщикомъ и обществомъ крестьянъ, послѣдніе черезъ это самое возводятся на степень юридической правомѣрной личности и становятся въ прямое отношеніе къ правительству, однако, этому обществу не дано ни юридической организаціи, ни законнаго представительства, черезъ которое бы оно могло, въ случаѣ нужды, сноситься съ властями и дѣйствовать для защиты правъ, за нимъ утвержденныхъ. Въ статьѣ 910 говорится только объ учрежденіи вотчиннаго (или мызнаго) управленія, органа и орудія распоряженій вотчинника, слѣдовательно одной стороны, и совершенно умалчивается объ организаціи другой, то-есть общества крестьянъ.

Вовторыхъ, не опредѣлены съ надлежащею точностію отношенія крестьянъ, вступившихъ въ права обязанныхъ, къ судебно-полицейской власти помѣщиковъ. Статья 910, къ этому предмету относящаяся, измѣненная въ продолж. VI къ Св. Зак., предоставляетъ помѣщику *первоначальный* разборъ взаимныхъ между крестьянами тяжбъ и споровъ, право суда по проступкамъ и преступленіямъ, за которые винов-

ные не подлежатъ лишенію всѣхъ правъ состоянія, и право примѣнять наказанія, предоставленныя всѣмъ помѣщикамъ вообще (въ томъ числѣ находятся палки и тюрьмы съ кандалами), съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что отдача въ смирительные, рабочіе дома и въ арестантскія роты гражданскаго вѣдомства, а равно удаленіе изъ вотчины неисправимыхъ, опредѣляется мірскими обществами съ утвержденія помѣщика. Но если послѣднему принадлежитъ только первоначальный разборъ тяжбъ и споровъ, то кѣмъ и какимъ порядкомъ будетъ производиться *послѣдующій разборъ?* Можетъ ли обязанный крестьянинъ, не испрашивая на то разрѣшенія отъ владѣльца вотчины, начать искъ въ присутственномъ мѣстѣ противъ другаго обязаннаго крестьянина, къ той же вотчинѣ приписаннаго или противъ посторонняго человѣка? Можетъ ли онъ пріобрѣтать и отчуждать недвижимую собственность на томъ же основаніи, какъ и лица свободныхъ состояній, или онъ подлежитъ въ этомъ отношеніи тѣмъ же, съ правомъ собственности несовмѣстнымъ ограниченіямъ, какъ и крѣпостные люди?

Втретьихъ, не опредѣлено кѣмъ и какимъ порядкомъ будутъ разсматриваться споры между вотчинникомъ и обязанными поселянами, возникающіе изъ ихъ обоюдныхъ обязательствъ, изложенныхъ въ условіяхъ. Въ ст. 906 упоминается только о мѣрахъ для *понужденія крестьянъ* къ исполненію обязанностей, ими нарушенныхъ, при чемъ предполагается съ ихъ стороны прямое, произвольное и безспорное неисполненіе, а не *возбужденный гражданскій вопросъ* о существѣ ихъ обязанностей, требующій разрѣшенія. Къ тому же, говорится единственно о понужденіи крестьянъ, и ни единымъ словомъ не упоминается *о понужденіи помѣщика*. Въ случаѣ нарушенія договора съ его стороны, могутъ ли крестьяне на него жаловаться? Кто понесетъ жалобу отъ имени общества крестьянъ и будетъ за нихъ ходатаемъ? Кто приметъ ее къ разсмотрѣнію, и какимъ порядкомъ будетъ производиться дѣло? Наконецъ, не говоря о гражданскомъ искѣ противъ владѣльца отъ лица цѣлаго общества, въ правѣ ли обязанный крестьянинъ подать на него жалобу отъ своего лица? Всѣ сіи вопросы не находятъ разрѣшенія въ положеніи

2 Апрѣля, между тѣмъ какъ именно эта юридическая сторона отношеній крестьянъ къ вотчинникамъ не можетъ быть предоставлена исключительно частному между ними соглашенію и, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ чертахъ должна быть опредѣлена правительствомъ. Необходимо нужно, чтобы какъ вотчинники, такъ и крестьяне знали твердо, какая будетъ поставлена надъ ними ближайшая власть, при какихъ условіяхъ эта власть будетъ вступаться въ ихъ взаимныя отношенія, какія предоставятся имъ средства и законные пути для огражденія ихъ интересовъ и правъ; ибо нельзя ожидать, чтобы первые, т.-е. помѣщики, рѣшились выйти изъ старой, глубокой колеи, не видя передъ собою новой дороги, ни даже, чтобы крестьяне уразумѣли серіозное значеніе своего новаго положенія до тѣхъ поръ, пока оно не будетъ заранѣе совершенно ясно обрисовано правительствомъ.

При составленіи дополнительныхъ статей къ положенію 2 Апрѣля, съ цѣлью восполнить указанный недостатокъ, нужно принять въ соображеніе слѣдующія обстоятельства. Заключеніе сдѣлокъ предоставляется добровольному желанію каждаго, и въ первые годы, конечно, очень и очень немногіе помѣщики будутъ въ состояніи, или захотятъ подвергнуться риску, сопряженному съ отреченіемъ отъ ихъ полновластія; для немногихъ же имѣній нельзя создавать полной и сложной организаціи; потому на первое время необходимо придумать порядокъ управленія, *сколь возможно простой и немногосложный*. Впослѣдствіи, когда число имѣній, переведенныхъ на новое положеніе, увеличится, этотъ порядокъ долженъ будетъ измѣниться и уступить мѣсто иному съ учрежденіемъ нѣсколькихъ инстанцій, съ новымъ административнымъ дѣленіемъ на округи или приходы, съ изданіемъ полицейскаго и судебнаго устава для сельскихъ обществъ; слѣдовательно, организація, нужная для настоящей минуты, *какъ мѣра переходная*, должна съ одной стороны *близко подходить къ существующимъ теперь отношеніямъ*; съ другой, не должна связывать будущаго развитія, но, напротивъ, *имѣть въ себѣ способность удобно и легко измѣниться и перейти на степень высшей организаціи*, безъ всякой ломки или потрясенія.

Просимъ читателей имѣть въ виду, что въ нижеслѣдующихъ положеніяхъ, мы старались опредѣлить главныя черты такого переходнаго порядка, который бы въ настоящую минуту облегчилъ заключеніе сдѣлокъ, отнюдь не выдавая его за проэктъ окончательной организаціи сельскихъ обществъ *).

Предполагаемыя дополненія и измѣненія.

1. Каждое имѣніе, по утвержденіи добровольной сдѣлки между крестьянами и вотчинникомъ, разсматривается въ административномъ отношеніи, какъ цѣлое, какъ единица. Юридическая организація его слагается изъ крестьянъ, вотчинника и посредника между ними.

2. Крестьяне образуютъ одно или нѣсколько мірскихъ обществъ, смотря по обширности и населенности имѣнія.

3. Каждое мірское общество вѣдаетъ совершенно самостоятельно свои общественныя дѣла, частныя, взаимныя отношенія своихъ членовъ въ судебно-полицейскомъ отношеніи, наконецъ, относится къ мѣстнымъ правительственнымъ учрежденіямъ по дѣламъ казеннаго управленія и для защиты своихъ собственныхъ правъ и интересовъ.

---

*) Этотъ послѣдній вопросъ, котораго самое возбужденіе было бы преждевременно по важности своей, едвали имѣетъ равный себѣ; и прежде, чѣмъ приступить къ его разрѣшенію, намъ еще предстоитъ исполнить нѣсколько предварительныхъ работъ, о которыхъ пора бы теперь подумать: *работу историческую*, разумѣя подъ этимъ возможно-полное воспроизведеніе судьбы нашихъ сельскихъ обществъ съ XVI столѣтія до настоящаго времени; *работу статистическую*: подробное описаніе административнаго устройства сельскихъ обществъ въ имѣніяхъ казенныхъ, удѣльныхъ и помѣщичьихъ, оброчныхъ и издѣльныхъ въ разныхъ полосахъ Россіи. Для выполненія этой задачи, независимо отъ свѣдѣній, которыя могутъ быть получены канцелярскимъ путемъ, необходимо произвести на мѣстахъ самое добросовѣстное и подробное изслѣдованіе въ родѣ Англійскихъ парламентскихъ *Inquiry*, поставивъ за правило ничего не скрывать, и съ полною откровенностью обнаружить всѣ усмотрѣнные недостатки. Наконецъ, *для справки* изучить разные виды сельскихъ общественныхъ организацій въ нашихъ областяхъ, на особыхъ правахъ состоящихъ, въ Остзейскомъ краѣ, въ Финляндіи, въ Царствѣ Польскомъ, и въ Западной Европѣ, особенно въ тѣхъ земляхъ, гдѣ, какъ въ Пруссіи и большей

4. Общество дѣйствуетъ двоякимъ образомъ: непосредственно, какъ мірская сходка или собраніе домохозяевъ, и посредственно—черезъ постоянныхъ своихъ представителей.

5. Вѣдѣнію мірской сходки принадлежитъ: выборъ представителей общества (старостъ и старшинъ), замѣщеніе общественныхъ должностей (церковнаго и магазиннаго старостъ, сборщика податей, ключника, сотскаго, лѣсника, если крестьянамъ отведенъ лѣсъ); по общественному хозяйству: установленіе правилъ и порядковъ для всѣхъ крестьянъ обязательныхъ, напримѣръ, накладка и скидка тяголъ, раздѣленіе полей, луговъ и всякихъ угодій; назначеніе ссудъ и всякихъ расходовъ изъ мірской суммы и мірскихъ хлѣбныхъ запасовъ (не казенныхъ, а общественныхъ); раскладка оброка, податей и всякихъ повинностей, денежныхъ и натуральныхъ, какъ въ пользу вотчинника, такъ и казенныхъ; опредѣленіе рекрутскихъ очередей, составленіе приговоровъ о назначеніи рекрутовъ; разрѣшеніе раздѣловъ; разборъ важныхъ проступковъ и опредѣленіе наказаній, превышающихъ власть старосты и старшинъ, какъ-то: продажа имущества неисправнаго плательщика для пополненія недоимокъ и отдача его въ заработки, отдача въ рекруты въ зачетъ будущихъ наборовъ или безъ зачета и представленіе пороч-

---

части Германіи, упраздненіе крѣпостнаго права совершилось недавно, мѣрами правительства, безъ насильственныхъ потрясеній и революцій.

Эта программа, мы знаемъ напередъ, заставитъ многихъ улыбнуться. „Къ чему, подумаютъ такъ называемые практическіе люди, столько хлопотъ, когда можно все дѣло покончить на бумагѣ, не выходя изъ покойной директорской комнаты? Да и гдѣ у насъ люди способные къ такой работѣ?“ На это мы отвѣчаемъ, что когда же нибудь въ отвлеченный міръ бумагъ, нумеровъ и разграфленныхъ вѣдомостей прорвется существенность и правда; мы съ нею должны столкнуться неизбѣжно; такъ не лучше ль исподоволь открыть ей входъ? Что же касается до недостатка людей и непривычки, то характеръ исполнительныхъ работъ зависитъ главнѣйшимъ образомъ отъ характера требованій высшихъ начальствъ. Чиновникъ, которому поручается изслѣдовать какой-нибудь предметъ, отправляется, зная напередъ, что начальству нужна вовсе не правда, подъ часъ горькая и хлопотливая, а гладкій отчетъ, и онъ сочиняетъ отчетъ, подгоняетъ цифры, смягчаетъ и скоблитъ, чтобъ было гладко. Потребуйте правды, и она явится, хотя, разумѣется, не вдругъ, потому что мы отучили ее показываться.

ныхъ крестьянъ, негодныхъ въ военную службу, къ удаленію изъ вотчины.

6. Сходки бываютъ общія отъ всѣхъ деревень, входящихъ въ составъ имѣнія, и частныя, по деревнямъ, срочныя и чрезвычайныя. Общая должна быть, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ году. Чрезвычайную сходку во всякое время могутъ созвать старосты и старшины, или вотчинникъ, или уѣздный предводитель.

7. Власть сходки ограничивается по части хозяйственной обязанностью не нарушать условій, заключенныхъ съ вотчинникомъ *); въ судебно-полицейскомъ отношеніи власть сходки не распространяется на крестьянъ, дворовыхъ и вольныхъ людей, занимающихъ должности по назначенію самаго вотчинника и завѣдующихъ его хозяйствомъ. Приговоры мірской сходки надъ ними получаютъ силу лишь съ утвержденія помѣщика. Всякій приговоръ мірской сходки объ отдачѣ крестьянина въ рекруты или объ удаленіи изъ имѣнія требуетъ также утвержденія помѣщика. Разногласіе между вотчинникомъ и сходкою по всѣмъ симъ дѣламъ рѣшается какъ будетъ указано ниже.

8. Представители обществъ, старосты и старшины, выбираются въ опредѣленномъ числѣ и на опредѣленный срокъ. Они вступаютъ въ должность, не требуя утвержденія отъ помѣщика, который не въ правѣ ихъ устранить. Помѣщикъ и мѣстная полиція только увѣдомляются объ избранныхъ лицахъ.

9. Къ обязанностямъ и правамъ старостъ и старшинъ принадлежатъ: исполнительныя распоряженія по всѣмъ постановленіямъ мірскаго общества, попеченіе о всѣхъ отрасляхъ общественнаго хозяйства, сношеніе съ мѣстными властями по исправленію государственныхъ повинностей, какъ-то: сдача рекрутовъ, поставка подводъ, рабочихъ для по-

---

*) Напримѣръ, въ нихъ можетъ быть договорено, что крестьяне обязаны обработывать свою землю съ двумя парàми, или часть своихъ полей запускать, по снятіи нѣсколькихъ хлѣбовъ, въ залежь, на извѣстное число лѣтъ, производить рубку въ общественномъ лѣсу не иначе, какъ съ вѣдома вотчинника и тому подобное.

чинки дорогъ, взносъ податей, понудительныя мѣры къ исполненію обязанностей общества въ отношеніи къ владѣльцу, ходатайство по всѣмъ дѣламъ общества, судъ и расправа надъ крестьянами. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, ихъ власть, также какъ и власть сходки, не распространяется на людей, состоящихъ въ услуженіи у вотчинника; въ опредѣленіи наказаній они ограничиваются нарядомъ въ мірскую работу, денежными штрафами до опредѣленной въ добровольной сдѣлкѣ суммы [1]), тѣлесными наказаніями до 40 розогъ.

10. Каждому крестьянину предоставляются слѣдующія личныя права: право пріобрѣтенія и отчужденія недвижимой собственности; право жалобы и иска на всякаго посторонняго человѣка, не приписаннаго къ вотчинѣ, общимъ порядкомъ, въ надлежащихъ присутственныхъ мѣстахъ, и не стѣсняясь предварительнымъ испрошеніемъ на то согласія отъ вотчинника; право жалобы на самого вотчинника, порядкомъ ниже указаннымъ; право откупиться отъ исправленія постоянной барщины или вспомогательныхъ работъ уплатою за каждый годъ впередъ денежнаго оброка, опредѣленнаго съ обоюднаго согласія въ сдѣлкѣ; право выкупиться на волю по таксѣ, установленной правительствомъ [2]).

11. Вотчинникъ, независимо отъ мірской сходки, старосты и старшинъ, удерживаетъ за собою судебно-полицейскую власть надъ крестьянами въ той степени, въ какой она необходима: вопервыхъ, для огражденія его отъ убытковъ въ случаѣ нерадиваго исполненія кѣмъ-либо изъ крестьянъ возложенныхъ на нихъ обязанностей или прямого съ ихъ стороны уклоненія отъ этихъ обязанностей; вовторыхъ, для соблюденія полицейскаго порядка и благоустройства въ вотчинѣ.

12. Наказанія, которыхъ примѣненіе помѣщикъ предоставитъ себѣ, должны быть опредѣлены въ добровольной сдѣлкѣ съ обоюднаго согласія, но ни въ какомъ случаѣ не могутъ превышать мѣры, указанной ст. 971 т. IX по прод. IV. Изъ

---

[1]) Высшая степень денежнаго наказанія должна быть соразмѣрна съ состояніемъ крестьянъ и потому не можетъ быть одинакова для всѣхъ имѣній.

[2]) О послѣднихъ двухъ правахъ будетъ говорено ниже.

наказаній, въ этой статьѣ исчисленныхъ, уничтожаются навсегда палки и сельскія тюрьмы съ кандалами. Въ замѣнъ ихъ могутъ быть допущены денежные штрафы въ пользу вотчинника, въ видѣ вознагражденія за причиненные ему убытки, и въ пользу мірской суммы за проступки, не сопряженные съ ущербомъ для вотчинника. Высшая мѣра денежнаго штрафа должна быть въ договорѣ опредѣлена. Сверхъ сего вотчинникъ удерживаетъ право представлять правительству, для отдачи въ рекруты въ зачетъ будущихъ наборовъ или для удаленія навсегда изъ имѣнія, несостоятельныхъ плательщиковъ или крестьянъ неисправимыхъ, даже безъ мірскаго о томъ приговора. Въ такомъ случаѣ вотчинникъ долженъ предварительно о томъ отнестись къ уѣздному предводителю дворянства, увѣдомивъ его письменно о причинахъ, вынуждающихъ его прибѣгнуть къ этой крайней мѣрѣ наказанія. Требованіе вотчинника приводится въ исполненіе не иначе, какъ съ утвержденія предводителя, объ обязанностяхъ котораго по таковымъ дѣламъ будетъ говорено ниже.

13. Судебно-полицейская власть вотчинника вовсе не распространяется на мірскаго старосту и старшинъ, къ которымъ онъ относится какъ къ лицамъ свободнаго состоянія, съ которыми бы онъ былъ связанъ взаимнымъ обязательствомъ.

14. Власть, предоставленная вотчиннику въ тѣхъ же предѣлахъ, можетъ быть передана имъ лицу, управляющему его имѣніемъ по законной довѣренности.

15. Вотчинникъ, или заступающій его мѣсто, обязанъ записывать въ шнуровую книгу, за казенною печатью ему выданную, всѣ наказанія, имъ присуждаемыя, съ обозначеніемъ проступка, времени учиненія онаго, свидѣтелей, доказательствъ и лицъ, употребленныхъ для наказанія.

16. Посредничество между вотчинникомъ и крестьянами, заключившими между собою договоръ, возлагается на дворянскаго предводителя того уѣзда, въ которомъ имѣніе находится. Въ имѣніяхъ самихъ уѣздныхъ предводителей эта обязанность возлагается на губернскаго предводителя. Непосредственному вѣдѣнію предводителя подлежатъ всѣ споры между вотчинникомъ и крестьянами и жалобы, съ той или

другой стороны подаваемыя. Смотря по важности дѣла, оно получаетъ окончательное рѣшеніе отъ предводителя, или имъ же переносится для дальнѣйшаго производства въ надлежащія инстанціи *).

17. Возникающія между вотчинникомъ и крестьянами дѣла могутъ быть троякаго рода:

a) споры о значеніи и силѣ заключеннаго между ними договора;

b) жалобы на неисполненіе или нарушеніе условій со стороны вотчинника, цѣлаго общества или частныхъ лицъ, членовъ этого общества;

c) жалобы на обиды и притѣсненія, претерпѣваемыя отъ вотчинника, какъ отъ лица, облеченнаго судебно-полицейскою властью. Жалобы отъ вотчинника на оскорбленіе или непослушаніе со стороны крестьянъ.

18. По дѣламъ перваго рода предводитель обязанъ всѣми мѣрами склонять спорящія стороны къ соглашенію, и если это ему удастся, то, заключивъ письменный протоколъ, утвержденный подписомъ вотчинника и представителей мірскаго общества, предводитель препровождаетъ его къ начальнику губерніи на окончательное утвержденіе, какъ дополнительный или пояснительный актъ къ прежде утвержденному договору. Если же ему не удастся закончить споръ обоюднымъ соглашеніемъ, то онъ обращаетъ дѣло въ судебное мѣсто, гдѣ оно производится общимъ порядкомъ, установленнымъ для спорныхъ дѣлъ, возникающихъ изъ договоровъ и обязательствъ, при чемъ ходатайство за крестьянъ возлагается на стряпчихъ и прокуроровъ.

По дѣламъ втораго и третьяго рода предводитель оказываетъ правой сторонѣ удовлетвореніе, присуждая виновную ко взысканію и наказанію. Взысканіе съ помѣщика въ пользу цѣлаго мірскаго общества или частныхъ лицъ, членовъ этого общества, можетъ состоять въ денежномъ штрафѣ до опредѣленной суммы, или въ уступкѣ крестьянамъ извѣ-

*) Само собою разумѣется, что участіе предводителя ни въ чемъ не ограничиваетъ дѣйствій мѣстныхъ полицейскихъ властей и вовсе не относится къ дѣламъ, по существу своему подлежащимъ ихъ непосредственному вѣдѣнію.

стнаго количества хлѣба, сѣна, дровъ или, наконецъ, въ единовременномъ освобожденіи ихъ отъ какой-либо повинности, въ пользу вотчинника исправляемой, съ тѣмъ, чтобы взысканія двухъ послѣднихъ родовъ не превышали, по существующимъ мѣстнымъ цѣнамъ, высшей мѣры денежнаго штрафа. Виновныхъ крестьянъ предводитель можетъ присудить къ вознагражденію деньгами до 10 р. сер., къ продажѣ части ихъ имущества, къ исправленію, въ теченіе извѣстнаго срока, работъ въ пользу владѣльца сверхъ опредѣленныхъ добровольною сдѣлкою, къ тѣлесному наказанію до 40 розогъ; наконецъ, по просьбѣ помѣщика, онъ разрѣшаетъ представлять къ отдачѣ въ рекруты или къ удаленію изъ вотчины крестьянъ порочнаго поведенія и неисправныхъ въ исполненіи ихъ обязанностей. По таковымъ представленіямъ, съ обозначеніемъ причины требованія помѣщика и съ удостовѣреніемъ предводителя въ его справедливости, дѣлается немедленное исполненіе, безъ всякаго дальнѣйшаго разбирательства.

19. Всѣ рѣшенія предводителя по взаимнымъ жалобамъ между вотчинникомъ и крестьянами приводятся имъ въ исполненіе въ случаѣ нужды черезъ посредство мѣстной полиціи. Еслибы со стороны цѣлаго общества крестьянъ онъ встрѣтилъ прямое сопротивленіе или уклоненіе отъ исполненія его распоряженій, то онъ обращается къ губернскому начальству, которое обязывается оказать ему полное содѣйствіе для возстановленія порядка всѣми тѣми мѣрами, какими оно располагаетъ теперь для возстановленія власти помѣщика надъ крѣпостными его людьми.

20. Рѣшенія предводителя не подлежатъ аппелляціи, распоряженія его не могутъ быть обжалованы кромѣ случаевъ превышенія власти, а именно: окончательнаго рѣшенія возникшаго спора, если не послѣдовало взаимнаго соглашенія сторонъ; присужденія штрафа или наказанія сверхъ опредѣленной мѣры; или принятія къ своему разсмотрѣнію дѣла, не подлежащаго его вѣдѣнію.

21. Для выслушанія и разбора жалобъ предводитель обязанъ непремѣнно одинъ разъ въ году, въ срокъ заранѣе имъ назначенный и по возможности не въ рабочую пору, объ-

ѣхать всѣ имѣнія ввѣреннаго ему уѣзда, въ которыхъ между вотчинниками и крестьянами заключены взаимные договоры. Въ случаяхъ особенно-важныхъ и не терпящихъ отлагательства, онъ обязанъ посѣщать ихъ и въ другое время.

22. Всѣмъ своимъ дѣйствіямъ по исчисленнымъ обязанностямъ предводитель ведетъ особый журналъ по установленной формѣ и къ концу года сообщаетъ его начальнику губерніи къ свѣдѣнію.

Считаемъ не излишнимъ къ нѣкоторымъ изъ предложенныхъ параграфовъ сдѣлать пояснительныя замѣчанія.

На § 3. Отдѣленіе дѣлъ мірскихъ отъ управленія вотчинника не есть нововведеніе. Оно понятно каждому крестьянину и существуетъ во многихъ оброчныхъ имѣніяхъ. Возможность примѣненія его даже въ имѣніяхъ издѣльныхъ доказана многолѣтнимъ опытомъ въ имѣніи А. И. Кошелева изъ 5500 душъ Сапожковскаго уѣзда, Рязанской губерніи.

На § § 5 и 9. Разграниченіе круга дѣйствія мірской сходки съ кругомъ дѣйствія выборныхъ отъ общества, старостъ и старшинъ, взято также изъ обычая, существующаго въ благоустроенныхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, управляемыхъ на основаніи твердыхъ правилъ, и гдѣ крестьяне пользуются нѣкоторою самостоятельностью. На практикѣ мірская сходка представляетъ собою законодательную и высшую распорядительную власть, рѣдко, и то въ крайнихъ случаяхъ, принимая къ разсмотрѣнію дѣла судныя; судъ и расправа или власть исполнительная есть дѣло не мірской, а старшинской сходки, т. е. опытнѣйшихъ, самыхъ надежныхъ, лучшихъ людей. Само собою разумѣется, что, говоря это, мы невольно облекаемъ въ рѣзкій и опредѣленный очеркъ то, чтò на практикѣ представляется только какъ довольно смутный образъ; но это неизбѣжно какъ скоро живой народный обычай переносится въ область юридическихъ формулъ.

На § 10. Оцѣнка всѣхъ натуральныхъ повинностей, въ пользу вотчинника исправляемыхъ крестьянами *), съ пре-

*) По крестьянскому уложенію, введенному въ Лифляндіи съ 1849 года, помѣщеніе переводной таксы (canon) для обращенія барщины въ денежный оброкъ составляетъ непремѣнное условіе всякаго контракта, заключаемаго на 12 лѣтъ. См. §§ 188 и 190.

доставленіемъ каждому крестьянину или тяглу очищать ихъ денежнымъ взносомъ, не можетъ стѣснить вотчинниковъ; ибо нѣтъ сомнѣнія, что эта оцѣнка въ большей части сдѣлокъ будетъ высока; при всемъ томъ, она откроетъ новый путь къ переходу съ барщины на оброкъ и послужитъ со временемъ важною данною для опредѣленія вознагражденія вотчинникамъ, когда наступитъ время приступить къ обязательному переложенію натуральныхъ повинностей на денежныя.

На §§ 11 и 12. Судебно-полицейская власть, въ извѣстныхъ предѣлахъ и на первое время, должна оставаться въ рукахъ вотчинника, потому что въ нѣкоторыхъ случаяхъ власть выборныхъ отъ общества была бы недостаточна. Ежедневный опытъ доказываетъ, что крестьяне, строгіе и справедливые въ разбирательствѣ проступковъ, содержащихъ въ себѣ нарушеніе нравственнаго закона, или сопряженныхъ съ прямымъ ущербомъ для другаго лица, смотрятъ снисходительно и равнодушно на безпорядки и неисправности, отъ которыхъ иногда страдаетъ цѣлое общество. Напримѣръ, несоблюденіе самыхъ простыхъ предупредительныхъ мѣръ отъ пожаровъ или распространенія скотскихъ падежей обыкновенно оставляется ими безъ взысканія, и бѣдствіе, отъ котораго можно бы было легко уберечься, приписывается неизбѣжной случайности. Причина этого равнодушія, можетъ быть, заключается отчасти въ дознанной недѣйствительности или непрактичности многихъ изъ предупредительныхъ распоряженій, разновременно придуманныхъ какъ правительствомъ, такъ и помѣщиками; но мы не имѣемъ нужды пріискивать объясненій и въ настоящемъ случаѣ ограничиваемся указаніемъ на понятія, господствующія въ крестьянскомъ сословіи, какъ на фактъ, знакомый всѣмъ помѣщикамъ. Кромѣ того, самостоятельная власть помѣщика должна быть удержана для противодѣйствія вредному вліянію отдѣльныхъ лицъ изъ крестьянъ на цѣлое общество. Крестьянинъ тайно, но съ вѣдома всѣхъ продающій вино въ селеніи, гдѣ нѣтъ кабака, крестьянинъ, занимающійся дѣланіемъ фальшивыхъ билетовъ и паспортовъ или укрывающій бѣглыхъ, но не уличенный въ томъ, промышляя развитіемъ въ простомъ народѣ господст-

вующихъ пороковъ, пьянства, склонности къ бродяжничеству и тому подобныхъ, могутъ долго развращать и разорять цѣлое селеніе, посреди котораго живутъ, не возбуждая ни общаго негодованія съ его стороны, ни карательныхъ мѣръ. Можно утвердительно сказать, что въ рѣдкихъ случаяхъ удалось бы помѣщику склонить мірское общество къ составленію приговора объ удаленіи такихъ людей изъ вотчины, какъ того требуетъ положеніе о обязанныхъ поселянахъ (примѣч. къ ст. 910 т. IX Св. Зак. по прод. VI).

Нерѣдко также случается, что такъ называемые колдуны или просто буяны пріобрѣтаютъ надъ цѣлымъ селеніемъ тягостную для него, но безропотно переносимую власть и покоряютъ своему вліянію все общество, возбуждая въ немъ страхъ, а иногда и безотчетное уваженіе къ ихъ смѣлости. Подобные характеры могутъ далеко увлечь за собою массы, легко, почти безвинно имъ подчиняющіяся, и для обузданія ихъ нужна власть, этому вліянію неподдающаяся. Наконецъ, право подвергать исправительнымъ наказаніямъ и представлять, съ утвержденія предводителя, къ удаленію изъ вотчины необходимо для вотчинника, по крайней мѣрѣ, на первое время, и особенно въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ оброкъ уплачивается каждымъ тягломъ за себя, безъ круговой поруки цѣлаго общества, какъ самая дѣйствительная гарантія противъ убытковъ, проистекающихъ отъ неисправности крестьянъ. По положенію о обязанныхъ крестьянахъ, въ случаѣ неисправности въ платежѣ оброка или въ исполненіи натуральныхъ повинностей, для возмѣщенія убытковъ вотчинника, конфискуется часть крестьянскаго движимаго имущества, впрочемъ, не касаясь необходимаго для уплаты податей, для продовольствія, для посѣва, равно какъ орудій и рабочаго скота. Спрашивается: что̀ же за всѣмъ этимъ подвергнется конфискаціи? Оброчныхъ же неисправныхъ крестьянъ дозволяется временно обращать на запашку или другую работу съ разрѣшенія губернатора и подъ наблюденіемъ предводителя *). Но сколько есть мѣстностей, гдѣ хлѣбопашество совершенно безвыгодно, а для употребленія съ поль-

*) См. Св. Зак. т. IX, ст. 901 по прод. X.

зою рабочихъ на другое занятіе нужно израсходовать значительные капиталы на заведенія, чего никто не рѣшится сдѣлать, имѣя въ виду лишь временное распоряженіе рабочими.

Право удаленія изъ вотчины *при теперешнихъ обстоятельствахъ* кажется намъ незамѣнимою для вотчинниковъ гарантіею, безъ которой трудно будетъ побѣдить ихъ недовѣрчивость къ крестьянамъ и опасенія сдѣлаться жертвою ихъ неисправности.

На § 16. Предлагая возложить посредничество между вотчинникомъ и крестьянами на одного предводителя дворянства, безъ участія крестьянъ и коронныхъ чиновниковъ, слѣдовательно, на представителя и ходатая сословія вотчинниковъ, мы видимъ ясно крайнюю недостаточность и односторонность подобнаго посредничества. Строгая справедливость требовала бы совокупнаго участія представителей отъ обѣихъ сторонъ, заключившихъ между собою условіе, или одного лица, вовсе не причастнаго ни къ той, ни къ другой; но вопросъ не въ томъ, чего бы можно желать, а въ томъ, *что̀ при теперешнихъ обстоятельствахъ, въ настоящее время, можетъ быть сдѣлано*. Съ этой точки зрѣнія мы указали на одного предводителя, потому что ни на кого болѣе обязанность посредничества возложена быть не можетъ. Допущеніе къ совокупному съ нимъ участію депутатовъ отъ крестьянъ *), или коронныхъ чиновниковъ кажется намъ и затруднительнымъ и безполезнымъ по слѣдующимъ причинамъ.

Разстояніе между предводителемъ и крестьяниномъ, полагаемое степенью ихъ образованія и вѣковыми отношеніями крѣпостнаго права, такъ огромно, что развѣ только на бумагѣ можно соединить ихъ вмѣстѣ, на равныхъ правахъ для отправленія какой-либо общественной должности. На дѣлѣ же вліяніе предводителя оттѣснило бы такъ далеко представителя поселянъ, что участіе послѣдняго чисто-формальное, т. е. *лживое*, не представило бы ни тѣни дѣйствительнаго противодѣйствія односторонности сужденій въ пользу вотчин-

---

*) Какъ, напримѣръ, въ приходскихъ судахъ въ Лифляндіи, составляющихъ высшую инстанцію надъ волостнымъ (крестьянскимъ судомъ) и мызнымъ (вотчиннымъ) правленіемъ.

никовъ. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно справиться, какую роль играли засѣдатели отъ поселянъ въ уѣздныхъ судахъ со введенія въ дѣйствіе нашихъ уѣздныхъ учрежденій по настоящее время, или депутаты отъ податныхъ сословій въ засѣданіяхъ комитета о земскихъ повинностяхъ со времени введенія новаго о нихъ устава. Мѣсто тѣхъ и другихъ въ сѣняхъ, а порогъ присутствія переступается ими только для подачи или принятія пакетовъ и приложенія печатей. Такова общая судьба преждевременно даруемыхъ правъ,—правъ, изобрѣтаемыхъ досужимъ законодателемъ для мнимаго удовлетворенія еще не возникавшихъ потребностей, тогда какъ другія, существенныя, первоначальныя нужды тѣхъ же сословій остаются въ неизвѣстности или пренебреженіи. Что же касается до коронныхъ чиновниковъ, то мы не видимъ повода ожидать отъ нихъ бо̀льшаго знанія дѣла или бо̀льшаго безпристрастія, чѣмъ отъ предводителей. Всякій, близко знакомый съ нашимъ уѣзднымъ управленіемъ, съ понятіями и нравами нашихъ уѣздныхъ казенныхъ чиновниковъ, согласится, что, будучи поставлены между вотчинниками и крестьянами, они въ общей массѣ не устоятъ противъ вліянія первыхъ, перейдутъ на ихъ сторону или, яснѣе, отдадутся имъ въ откупное содержаніе. Итакъ, если въ настоящее время недостаетъ необходимыхъ стихій въ Русскомъ обществѣ для образованія дѣйствительнаго, а не формальнаго, противодѣйствія односторонности сословныхъ представителей вотчинниковъ, то остается предоставить имъ однимъ всѣ обязанности, всѣ права и вмѣстѣ ни съ кѣмъ нераздѣльную, всецѣлую нравственную отвѣтственность передъ правительствомъ и обществомъ.

Мы думаемъ, что, даже въ предложенной нами крайне недостаточной формѣ, учрежденіе посредничества между вотчинникомъ и крестьянами принесло бы огромную нравственную пользу. Оно послужило бы сильною уздою для разныхъ злоупотребленій, которымъ наиболѣе благопріятствуетъ теперь ихъ безгласность. Оно непримѣтно перенесло бы взаимныя отношенія вотчинниковъ къ крестьянамъ изъ царства произвола въ область законности; воспитало бы въ тѣхъ и другихъ понятіе о правѣ и правдѣ; наконецъ, открывая ходъ

справедливымъ жалобамъ, оно предупредило бы, дѣйствительнѣе мѣръ самой безпощадной строгости, самоуправства, безпорядки и частныя возстанія, порождаемые безнадежною тоскою, грознымъ отчаяніемъ и долго-сдержаннымъ негодованіемъ.

Изложенныя въ предшествовавшихъ статьяхъ главныя основанія юридическихъ отношеній крестьянъ и вотчинниковъ, заключившихъ между собою сдѣлку, представляютъ, кажется намъ, такое огражденіе интересовъ обѣихъ сторонъ, *какое только можетъ быть устроено теперь, для переходной эпохи отъ крѣпостнаго права къ гражданской свободѣ*; но мы такъ далеки отъ всякаго пристрастія къ нашему проэкту, что не рѣшились бы даже подать голосъ въ пользу немедленнаго введенія его въ дѣйствіе, еслибы можно было предвидѣть такую возможность. Мы выразили бы только слѣдующее желаніе: чтобы въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ предложенъ былъ, въ видѣ темы, вопросъ о юридическихъ отношеніяхъ вотчинниковъ къ крестьянамъ по утвержденіи между ними договора; чтобы страницы этого журнала были открыты для помѣщенія всѣхъ дѣльныхъ отвѣтовъ, возраженій и замѣчаній на статьи объ этомъ предметѣ; чтобы составленъ былъ общій сводъ всѣмъ поданнымъ мнѣніямъ и затѣмъ проэктъ положенія; наконецъ, чтобы этотъ проэктъ, въ свою очередь, подвергнутъ былъ разсмотрѣнію представителей дворянства и лицъ, избранныхъ правительствомъ, прежде внесенія его на окончательное разсмотрѣніе въ высшее совѣщательное собраніе по законодательнымъ дѣламъ.

Какъ ни далеко расходится этотъ путь съ пробитою тропою нашей бюрократической рутины, но онъ гораздо прямѣе и надежнѣе и практичнѣе ея; болѣе того,—онъ одинъ ведетъ къ плодотворному разрѣшенію общественныхъ вопросовъ, надолго опредѣляющихъ судьбу цѣлыхъ обществъ.

Сверхъ юридической стороны отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, правительству предстоитъ еще опредѣлить заранѣе тѣ вопросы, которые касаются не однихъ только частныхъ выгодъ договаривающихся между собою сторонъ, но и правительственныхъ или казенныхъ интересовъ. Сюда относятся вопросы: объ уплатѣ податей, исправленіи рекрут-

ской и другихъ общественныхъ повинностей, народномъ продовольствіи и о залогѣ имѣній.

1) Уплату податей и вообще денежныхъ повинностей могутъ принять на себя крестьяне безъ всякой отвѣтственности за нихъ со стороны помѣщика; можетъ, на оборотъ, помѣщикъ принять на себя уплату этихъ повинностей, совершенно освободивъ отъ оныхъ крестьянъ; наконецъ, можетъ случиться, что помѣщикъ часть денежныхъ повинностей (до извѣстной суммы) приметъ на себя, а остальная часть останется на отвѣтственности крестьянъ. Избраніе того или другаго способа правительство можетъ вполнѣ предоставить обоюдному соглашенію сторонъ. Если приметъ на себя отвѣтственность помѣщикъ, то все имущество его, всѣ повинности денежныя или натуральныя, исправляемыя на него крестьянами, будутъ служить обезпеченіемъ для казны. Въ случаѣ неисправности въ платежахъ, правительство взыщетъ недоимку съ движимаго имущества помѣщика, или наложитъ запрещеніе на слѣдующій съ крестьянъ оброкъ, или, устранивъ помѣщика, назначитъ опекуна, который, заступая мѣсто владѣльца, будетъ управлять имѣніемъ и получать доходы до восполненія недоимки, отнюдь не отступая отъ условій утвержденной сдѣлки. Если отвѣтственность приметъ на себя сельское общество, то мѣстное начальство, не отдавая имѣнія въ опекунское управленіе (ибо это значило бы подвергать помѣщика взысканію за чужую вину), приметъ мѣры, дабы въ селеніи, допустившемъ недоимку, немедленно былъ составленъ и приведенъ въ исполненіе мірской приговоръ о взысканіи оной продажею движимаго или недвижимаго имущества, принадлежащаго въ собственность неисправнымъ плательщикамъ, а въ случаѣ ихъ несостоятельности, объ обращеніи взысканія недоимки на старосту или старшинъ, допустившихъ оную. Казенныя недоимки должны взыскиваться строго и скоро не столько ради обезпеченія казеннаго интереса, сколько для пользы самихъ крестьянъ; ибо излишнія снисхожденія, льготы и проволочки только поощряютъ безпечность неисправныхъ плательщиковъ, ведутъ къ быстрому нарощенію недоимки и окончательному обремененію общества неоплатнымъ дол-

гомъ. Поэтому постановить правиломъ: чтобы недоимка взыскивалась конфискаціею имущества немедленно по истеченіи года, какъ бы незначительна она ни была и не переводя ея съ году на годъ; чтобы продажѣ могъ быть подвергнутъ, въ случаѣ необходимости, даже рабочій скотъ неисправнаго крестьянина или старосты и старшинъ въ томъ уваженіи, что предоставленная послѣднимъ власть вполнѣ достаточна для предупрежденія неисправностей въ казенныхъ платежахъ. Само собою разумѣется, что еслибы общество испытало бѣдствіе, какъ-то: пожаръ, скотскій падежъ, неурожай, то правительство не отказало бы ему въ льготахъ и разсрочкахъ, которыми пользуются въ подобныхъ случаяхъ всѣ состоянія. Вообще нѣтъ поводовъ опасаться неисправности въ платежѣ податей отъ обязанныхъ крестьянъ; даже болѣе чѣмъ вѣроятно, что подати стали бы поступать исправнѣе, чѣмъ теперь, когда онѣ проходятъ черезъ руки помѣщиковъ и нерѣдко въ нихъ задерживаются *); впрочемъ, еслибы правительство признало необходимымъ особенное обезпеченіе, то оно могло бы потребовать, чтобы сельское общество, до утвержденія сдѣлки, внесло слѣдующій съ него за полугодіе окладной сборъ впередъ не въ зачетъ будущихъ платежей, а въ видѣ обезпеченія.

2) Поставка рекрутовъ должна лежать на крестьянахъ, безъ всякаго участія вотчинника, и потому въ каждой сдѣлкѣ должно быть положительно и ясно выговорено, что сельское общество принимаетъ всю отвѣтственность въ исправленіи этой повинности на себя. Учетъ очередей и назначеніе рекрутовъ предполагается предоставить свободному усмотрѣнію каждаго общества; правительству нѣтъ надобности повѣрять его приговоры или распоряженія его представителей; жалобъ отъ частныхъ лицъ на неправильную ихъ отдачу оно не должно принимать, ибо справедливость достаточно обезпечивается предложенною выше организаціею мірскаго общества, но, для предупрежденія неисправности, постановить правиломъ, что общество двукратно, въ два набора сряду

*) Извѣстно, что собственно по этой причинѣ Бѣлоруссія и Литовскія губерніи обременены неоплатною недоимкою.

къ назначенному сроку не выставившее полнаго числа рекрутовъ, обязывается выставить еще одного штрафнаго рекрута сверхъ комплекта.

3) Исправленіе всѣхъ натуральныхъ повинностей каждое сельское общество обязано также принять на себя безъ участія помѣщика. Понудительныя мѣры, въ случаѣ неисправности примѣняемыя ко всѣмъ свободнымъ состояніямъ, безъ всякаго затрудненія могутъ быть примѣнены и къ обязаннымъ поселянамъ.

4) Народное продовольствіе обезпечивается общественными запасными магазинами. Постановить правиломъ, чтобы до утвержденія сдѣлки въ немъ находилось на лицо полное количество хлѣба по числу душъ. Отвѣтственность за цѣлостное его сбереженіе и правильность расходовъ въ случаѣ разрѣшенія ссудъ должна лежать на обществѣ безъ участія помѣщика. Просьбы о выдачѣ ссудъ должны быть подаваемы старостою и старшинами.

5) При составленіи положенія о обязанныхъ поселянахъ, кажется, допущены были преувеличенныя опасенія за прочность кредитныхъ учрежденій, принимающихъ въ залогъ имѣнія, и вслѣдствіе этого установлены правила, которыхъ вліяніе подробно разсмотрѣно нами выше. Самое заключеніе договоровъ поставлено было въ прямую зависимость отъ произвола кредитныхъ учрежденій, а закономъ 1846 года владѣльцы имѣній, переведенныхъ на положеніе обязанныхъ, только что не лишены безусловно возможности закладывать ихъ вновь. Почти въ одно время съ изданіемъ этого закона, правительство въ трехъ западныхъ губерніяхъ (Кіевской, Подольской и Волынской) ввело въ дѣйствіе инвентарныя правила, которыми мужская барщина была убавлена почти на половину, а женская—на двѣ трети. Конечно, это была и въ финансовомъ отношеніи мѣра смѣлая; между тѣмъ, никакихъ особенныхъ правилъ о выдачѣ ссудъ подъ залогъ имѣній, состоящихъ въ тѣхъ губерніяхъ, издано не было; имѣнія закладываются, помѣщики уплачиваютъ проценты по прежнему, на общемъ основаніи. Мало того, правительство даже не сочло нужнымъ о введеніи инвентарныхъ правилъ сообщить кредитнымъ учрежденіямъ къ свѣдѣнію и

соображенію. Если можно было все это сдѣлать, не опасаясь подорвать нашъ земскій кредитъ (и послѣдствія доказали, что онъ нисколько не потерпѣлъ), то почему бы казалось опаснымъ дозволить заключеніе сдѣлокъ, не спрашивая согласія кредитныхъ учрежденій, и закладывать вновь по прежней оцѣнкѣ на общемъ основаніи тѣ имѣнія, въ которыхъ взаимныя обязанности владѣльцевъ и крестьянъ опредѣлятся не законодательною властію, а добровольнымъ соглашеніемъ? Очевидно, что эта вторая система гораздо вѣрнѣе первой предохранитъ отъ чрезмѣрнаго ущерба выгоды владѣльца, съ которыми въ этомъ случаѣ совпадаютъ интересы и кредитныхъ учрежденій. Во всякомъ случаѣ, отвѣтственность передъ ними, какъ по прежнимъ займамъ, такъ и по новымъ, должна лежать на помѣщикахъ исключительно.

Правительство, сказали мы, въ дополненіе къ положенію о обязанныхъ поселянахъ, должно опредѣлить заранѣе главныя основанія, такъ сказать, очертить *кадръ* юридическихъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и разрѣшить вопросы, сопряженные съ казеннымъ интересомъ; затѣмъ всѣ остальныя хозяйственныя условія, касающіяся до надѣла землею и угодіями, до числа рабочихъ дней, способа производства работъ, количества оброка и т. п., слѣдуетъ предоставить обоюдному соглашенію договаривающихся сторонъ, въ томъ убѣжденіи, что выгоды ихъ оградятся ихъ собственною о себѣ заботливостью гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ контролемъ чиновниковъ. Полнымъ доказательствомъ безобидности сдѣлки должна служить ея *добровольность*, и потому, при разсмотрѣніи поступающихъ на его утвержденіе проэктовъ договоровъ, правительству остается, вопервыхъ: удостовѣриться, не содержится ли въ нихъ условій, противныхъ законамъ; вовторыхъ, ясно ли опредѣлено въ нихъ на комъ будетъ лежать отвѣтственность по исправленію государственныхъ повинностей и платежу податей; наконецъ, что̀ всего важнѣе и труднѣе, спросомъ на мѣстѣ удостовѣриться, дѣйствительно ли крестьяне добровольно заключили съ вотчинникомъ представленную сдѣлку и обязались исполненіемъ условій въ ней изложенныхъ. Само собою разумѣется, что

производство подобнаго удостовѣренія потребуетъ не только добросовѣстности и осторожности, условій необходимыхъ для каждаго слѣдователя, но сверхъ того близкаго знакомства съ хозяйственнымъ бытомъ, съ понятіями и языкомъ нашихъ крестьянъ. Подобное порученіе не можетъ быть возлагаемо безъ разбора на ближайшихъ къ мѣсту коронныхъ чиновниковъ. Особенно на первыхъ порахъ, нужно будетъ командировать на мѣсто самыхъ надежныхъ чиновниковъ изъ числа состоящихъ въ распоряженіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, снабдивъ ихъ глубоко-обдуманною инструкціею. Командируемый чиновникъ долженъ производить удостовѣреніе вмѣстѣ съ уѣзднымъ предводителемъ, такъ какъ впослѣдствіи, по утвержденіи сдѣлки, обязанность пояснять ее въ случаѣ недоразумѣнія и наблюдать за ея исполненіемъ будетъ лежать на послѣднемъ.

Дополнивъ, исправивъ и измѣнивъ въ нѣкоторыхъ статьяхъ на основаніи изложенныхъ предположеній, законъ о обязанныхъ поселянахъ, необходимо издать его вновь, подъ другимъ названіемъ и при особомъ указѣ.

Поводомъ къ этому можетъ служить неясность и неполнота единственнаго у насъ закона, въ которомъ упоминается о хозяйственныхъ обязанностяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ,—закона о трехдневной барщинѣ (Т. IX. ст. 965. П. С. З. 1797 г. Апр. 5, № 17.909). Въ немъ даже не сказано, съ кого помѣщикъ можетъ требовать трехъ-дневныхъ работъ, съ души или съ тягла; а при этой неопредѣленности, другое требованіе того же закона, чтобы губернскія начальства черезъ посредство мѣстной полиціи имѣли строжайшее за симъ наблюденіе, становится неисполнимымъ и тщетнымъ. Правительство, изъ долголѣтняго опыта убѣждаясь въ необходимости болѣе точнаго установленія отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и зная, что на практикѣ повинности первыхъ соразмѣряются, хотя приблизительно, съ предоставленными имъ выгодами и потому не могутъ быть установлены по однообразной нормѣ, *предоставляетъ самимъ помѣщикамъ, по соглашенію съ крестьянами*, опредѣлить ихъ взаимныя обязанности на такихъ основаніяхъ, которыя, будучи добровольно приняты обѣими сторонами, тѣмъ самымъ пред-

ставляли бы ручательство въ ихъ безобидности, практической пользѣ и точномъ съ обѣихъ сторонъ исполненіи, *не требуя непосредственнаго вмѣшательства законодательной власти, ни постояннаго наблюденія со стороны мѣстной полиціи.* Облегчивъ всѣ средства къ заключенію сдѣлокъ, устранивъ встрѣчавшіяся доселѣ препятствія, не стѣсняя свободы договаривающихся сторонъ въ опредѣленіи условій, себѣ же предоставляя одно ихъ утвержденіе, правительство, для скрѣпленія связи между вотчинниками и крестьянами, желаетъ, *чтобы вторые получили изъ рукъ первыхъ, какъ добровольный даръ, а не какъ вынужденную уступку, твердое обезпеченіе своего благосостоянія—лучшее изъ всѣхъ поощреній къ труду.*

Указъ, на эту тему написанный, долженъ содержать въ себѣ ясное выраженіе убѣжденія верховной власти въ настоятельной необходимости упразднить произволъ крѣпостнаго права и намекъ на введеніе обязательнаго положенія (инвентарей) какъ мѣру вынужденную, въ случаѣ, еслибы этотъ призывъ не нашелъ отголоска; ибо до тѣхъ поръ, пока взглядъ правительства на вопросъ о крѣпостномъ правѣ не будетъ заявленъ во всеуслышаніе, пока его намѣренія и выгоды для большинства будутъ предметомъ сомнѣнія, пока ожесточенные противники всякихъ мѣръ къ облегченію положенія крѣпостнаго сословія будутъ имѣть право выдавать себя за политическихъ консерваторовъ,—до тѣхъ поръ, нѣтъ сомнѣнія, никто изъ помѣщиковъ не тронется.

На первый случай, мы полагали бы въ указѣ, при которомъ должно явиться исправленное изданіе положенія о обязанныхъ поселянахъ, ограничиться обращеніемъ къ тѣмъ помѣщикамъ, у которыхъ крестьяне состоятъ на барщинѣ, не упоминая вовсе объ имѣніяхъ оброчныхъ *).

Такое изъятіе, можетъ быть, побудило бы многихъ перевести у себя крестьянъ на оброкъ, а это былъ бы огромный успѣхъ.

Мысль о переходѣ изъ крѣпостнаго права въ правомѣрныя отношенія путемъ добровольнаго соглашенія, сама по

*) Какъ это было сдѣлано при изданіи инвентарныхъ правилъ для губерній Кіевской, Подольской и Волынской.

себѣ такъ заманчива, что, конечно, никто ея не отвергнетъ. Всѣ желали бы подобнаго исхода; но, къ несчастію, возбуждая полнѣйшее сочувствіе, онъ въ тоже время встрѣчаетъ въ правительствѣ и въ публикѣ почти непобѣдимое сомнѣніе въ его возможности. „Безплодная мечта!" подумаютъ читатели, и вслѣдъ затѣмъ выскажется тьма возраженій противъ осуществимости предложенной мѣры. На самыя вѣроятныя и серіозныя изъ нихъ мы должны для полноты изложенія заранѣе дать отвѣтъ.

Многіе скажутъ: „Если указъ 2 Апрѣля 1842 года, открывавшій ходъ добровольнымъ сдѣлкамъ, остался безъ послѣдствій, то какой же поводъ ожидать, что въ настоящее время вторичный вызовъ будетъ имѣть успѣхъ?" Отвѣчаемъ: неудача указа 2 Апрѣля произошла отъ его неполноты, отъ невыгоднаго положенія, въ которое правительство поставило въ отношеніе къ кредитнымъ учрежденіямъ владѣльцевъ имѣній, отъ всеобщей боязни вмѣшательства полиціи въ разбирательство споровъ съ крестьянами, отъ страха лишиться всякой надежной гарантіи вмѣстѣ съ правомъ удалять изъ имѣнія несостоятельныхъ плательщиковъ. Къ этимъ *основательнымъ опасеніямъ* примѣшалось множество *недоразумѣній* и превратныхъ толкованій. Правительство же не только ничего не сдѣлало для устраненія этихъ препятствій и поощренія къ заключенію договоровъ, но, напротивъ, запретивъ печатныя разсужденія о способахъ исполненія имъ самимъ предложенной мѣры, подало поводъ къ возникновенію и быстрому распространенію убѣжденія, что оно раскаевается въ своей попыткѣ и что взглядъ его на сущность вопроса измѣнился. При подобныхъ условіяхъ, нельзя относить неуспѣха указа 2 Апрѣля къ основной его мысли. Предлагая обратиться вторично на тотъ же путь, мы въ тоже время считаемъ необходимымъ заявить рѣшительную волю правительства устранить изложенныя выше препятствія и употребить, какъ понудительное средство, страхъ введенія инвентарей. Тогда и дѣйствіе на общество будетъ иное, и слово въ 1842 году, проскользнувшее безъ слѣда, теперь принесетъ плодъ.

„Но какъ же ожидать свободнаго обсужденія условій сдѣлки и добровольнаго соглашенія между помѣщикомъ, вооруженнымъ всѣми принудительными средствами крѣпостнаго права, и беззащитными крестьянами?“ Отвѣчаемъ: есть имѣнія, конечно, немногія, въ которыхъ это возможно. Мы видимъ ежедневно примѣры, что помѣщики на мірскихъ сходкахъ предлагаютъ на обсужденіе крестьянъ разные хозяйственные вопросы, касающіеся ихъ обоюдныхъ выгодъ, напримѣръ, какимъ способомъ удобнѣе для обѣихъ сторонъ исправлять ту или другую повинность, въ какое время, при какихъ пособіяхъ, чѣмъ вознаградить за прибавку работъ, что̀ взять въ замѣнъ сдѣланной льготы и т. п. Случается также, что помѣщики, нанимая собственныхъ своихъ крестьянъ, напримѣръ, для поставки подводъ сверхъ очередныхъ, торгуются въ одно время и съ ними и съ сторонними извощиками и подряжаютъ первыхъ совершенно на такихъ же условіяхъ, какъ и вторыхъ. Въ подобныхъ случаяхъ крестьяне, убѣдившись, что помѣщикъ хотя и крѣпко стоитъ за свое, но въ тоже время ищетъ и ихъ пользы и добросовѣстно исполняетъ данное слово, очень охотно вдаются въ обсужденіе его предположеній, опровергагаютъ ихъ, предлагаютъ въ замѣнъ свои, и если, наконецъ, сдѣлка между ними состоится, то положенное съ общаго согласія обыкновенно гораздо строже исполняется крестьянами, чѣмъ всѣ приказанія помѣщика. Это предполагаетъ близкое между ними знакомство, непринужденное обращеніе, довѣренность со стороны помѣщика къ крестьянамъ и довѣренность крестьянъ къ помѣщику. Мы знаемъ, что эти условія встрѣчаются весьма рѣдко, тѣмъ не менѣе они встрѣчаются. Откройте путь, немногіе имъ воспользуются; но примѣръ этихъ немногихъ безконечно важенъ.

„Нѣтъ ли повода опасаться, что крестьяне, болѣе или менѣе отягченные барщиною и обрадованные тѣми небольшими льготами, какія предложитъ имъ помѣщикъ, поспѣшатъ принять на себя обязанности слишкомъ для нихъ тягостныя и несоразмѣрныя съ ихъ средствами; говоря общѣе, будутъ ли крестьяне въ состояніи, при заключеніи сдѣлокъ, соблюсти свои собственныя выгоды на будущее время?“ Въ

этомъ, кажется, заключается самое, повидимому, сильное возраженіе, заслуживающее вниманія. Мы думаемъ, что сдѣлки будутъ именно для крестьянъ выгодны и основываемъ свое убѣжденіе на слѣдующемъ. Вопервыхъ, крѣпостные крестьяне переносятъ терпѣливо свое настоящее положеніе *единственно потому, что ихъ поддерживаетъ постоянное ожиданіе лучшей будущности*; эта надежда, при всей ея неопредѣленности, такъ въ нихъ укоренена, и они такъ сильно дорожатъ ею, что никогда *не согласятся отказаться отъ нея легко и промѣнять ее на ничтожное облегченіе въ настоящемъ*. Многое, почти все, можетъ вынудить у нихъ помѣщикъ; но не добьется онъ того, чтобы передъ лицомъ посланнаго отъ правительства они объявили, что остаются довольными и не требуютъ бо́льшаго, если дѣйствительно сдѣлка, имъ предложенная, не будетъ для нихъ выгодна. Со стороны крестьянъ можно скорѣе ожидать излишней требовательности, чѣмъ поспѣшной уступчивости. Вовторыхъ, прежде всѣхъ войдутъ въ соглашенія съ крестьянами немногіе нравственно образованные и достаточные помѣщики имѣющіе всю возможность пожертвовать частью своихъ доходовъ въ настоящемъ для предупрежденія неминуемаго кризиса въ будущемъ. У таковыхъ помѣщиковъ крестьяне и теперь не испытываютъ ни нужды, ни систематическаго притѣсненія, и потому, находясь сравнительно съ другими въ завидномъ положеніи, они, конечно, промѣняютъ его *только на лучшее*. Такимъ образомъ, первыя сдѣлки заключатся на условіяхъ для крестьянъ выгодныхъ и послужатъ нормою для послѣдующихъ. Трудно будетъ сдѣлать начало и увѣрить крестьянъ въ ненарушимости сдѣлки со стороны вотчинника. Это дѣло времени. Затѣмъ, примѣръ одного или двухъ помѣщиковъ увлечетъ за собою другихъ, а крестьяне, зная на какихъ условіяхъ договаривались ихъ сосѣди, конечно, не захотятъ принять менѣе выгодныхъ. Если въ одномъ имѣніи вотчинникъ отведетъ на тягло 8 десятинъ, положивъ оброка 20 руб. сер., то рядомъ съ нимъ живущіе крестьяне не дадутъ того же оброка отъ 6 десятинъ, развѣ бы помѣщикъ предоставилъ имъ иныя выгоды въ замѣнъ недостающей земли.

„Но если дать полную волю договаривающимся сторонамъ, то случайныя обстоятельства, какъ, напримѣръ, личный характеръ помѣщика, его денежные разсчеты, бо̀льшая или меньшая сговорчивость крестьянъ, отзовутся въ характерѣ сдѣлокъ, произведутъ между ними рѣзкую неуравнительность и подадутъ справедливый поводъ крестьянамъ одного имѣнія считать себя обиженными противъ ихъ сосѣдей." На это возраженіе отчасти служитъ уже отвѣтомъ сказанное выше. Разнообразія и разнохарактерность сдѣлокъ не только не исключаетъ уравнительности, а напротивъ, спасаетъ ее. Въ каждой мѣстности изъ толковъ и споровъ между владѣльцами и крестьянами выработаются нѣкоторыя общія нормы, которыми опредѣлятся предѣлы условій. Напротивъ, всякое общее положеніе, составленное правительствомъ, чѣмъ оно будетъ однообразнѣе, тѣмъ на дѣлѣ окажется менѣе уравнительнымъ. Доказательствомъ могутъ служить инвентарныя правила. По одному изъ первыхъ §§, полное тягло вездѣ отработываетъ въ недѣлю 3 дня конныхъ мужскихъ и 1 день женскій, а полутягло только два дня мужскихъ; между тѣмъ на полное тягло въ одномъ имѣніи отводится въ полѣ 3 десят., въ другомъ — двѣ, въ третьемъ — $1^1/_2$. Очевидно, что уравнительность нарушается одинаковостью повинностей, при неравенствѣ выгодъ. Этого кореннаго недостатка не однихъ только инвентарей, но всякаго общаго положенія, законодательнымъ порядкомъ, сверху введеннаго въ практику, нельзя ничѣмъ инымъ устранить, какъ только оцѣнивъ земли, всѣ угодія и соразмѣривъ съ ихъ стоимостью повинности или оброкъ; иными словами: *полнымъ кадастромъ и особымъ положеніемъ для каждаго имѣнія,* чего не только исполнить, даже задумать мы не можемъ при теперешнихъ средствахъ *). Кажется, что къ этой неразрѣшимой задачѣ приведетъ всякій иной путь, кромѣ добровольнаго соглашенія.

---

*) Въ Лифляндіи имѣнія обмежеваны, народонаселеніе распространено довольно уравнительно, сельское хозяйство стоитъ на гораздо высшей степени развитія, чѣмъ у насъ, и при всемъ томъ правительство и тамъ не рѣшилось приступить къ кадастру, когда эта мѣра была предложена: такъ мало оно видѣло надежды на успѣхъ.

Наконецъ, могутъ подумать, что предлагаемый нами способъ уже потому не надеженъ, что успѣхъ его слишкомъ много зависитъ отъ нравственныхъ условій, отъ обоюдной добросовѣстности крестьянъ и помѣщиковъ, а болѣе всего отъ благоразумной уступчивости послѣднихъ.—Но въ правѣ ли Русское правительство отчаяваться въ существованіи именно этихъ условій? Одинъ только разъ, сколько намъ извѣстно, а именно при учрежденіи полюбовнаго размежеванія и посредниковъ, оно, не видя другаго исхода, рѣшилось довѣрить соглашенія противоположныхъ интересовъ здравому смыслу и сговорчивости сторонъ и, конечно, правительство въ томъ не раскаялось.

Повторяемъ еще разъ: защищая возможность добровольныхъ сдѣлокъ, мы имѣемъ въ виду *немногихъ и лучшихъ изъ сословія помѣстнаго дворянства.* Отзовутся ли они на призывъ, пойдутъ ли они во главѣ другихъ къ указанному исходу,—это, конечно, вопросъ; *но правительство обязано открыть исходъ*: ибо все затрудняющее теперь заключеніе сдѣлокъ лежитъ на немъ, какъ тяжелый упрекъ. Оно должно его снять съ себя.

Нѣтъ сомнѣнія, что заключеніе сдѣлокъ встрѣтитъ главное препятствіе въ укоренившейся привычкѣ къ самовластію. Подчинить свою волю обязательнымъ ограниченіямъ тамъ, гдѣ дѣйствовалъ доселѣ одинъ произволъ, такой переломъ труденъ для каждаго, а въ извѣстныхъ лѣтахъ, при твердо установившемся образѣ мыслей, когда навыкъ беретъ уже рѣшительный перевѣсъ надъ волею и разумомъ, онъ становится почти невозможнымъ. Къ тому же, чтобы склонить крестьянъ къ заключенію договора, всякій помѣщикъ долженъ будетъ сдѣлать имъ льготы, пожертвовать въ ихъ пользу нѣкоторою долею своихъ доходовъ и, сообразно съ этимъ, измѣнить систему собственнаго хозяйства. Наконецъ, запрещеніе перевода съ оброка на барщину, полагая преграду всеобщему стремленію, отниметъ возможность на будущее время прибѣгать къ самому легкому и, къ несчастію, самому употребительному между помѣщиками способу увеличивать свои доходы. Совокупность этихъ обстоятельствъ, очень вѣроятно, удержитъ многихъ помѣщиковъ и уронитъ, хотя на вре-

мя, цѣнность населенныхъ дворянскихъ имѣній. Каковы бы, впрочемъ, ни были мѣры, придуманныя для постепеннаго упраздненія крѣпостнаго права, онѣ неизбѣжно приведутъ къ тому же неблагопріятному результату. Нельзя вполнѣ устранить его, но можно и должно ему противодѣйствовать*). Въ этихъ видахъ, для облегченія добровольныхъ сдѣлокъ, было бы полезно принять слѣдующія мѣры.

Разрѣшеніе пріобрѣтенія населенныхъ имѣній капиталистамъ, не принадлежащимъ къ потомственному дворянству.

Разрѣшить личнымъ дворянамъ, почетнымъ гражданамъ и купцамъ первыхъ двухъ гильдій пріобрѣтать дворянскія населенныя имѣнія съ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ съ прошеніемъ о совершеніи акта на переходъ имѣнія къ новому владѣльцу, представленъ былъ на утвержденіе правительства проэктъ добровольной сдѣлки съ крестьянами. Отъ этой мѣры должна послѣдовать троякая польза. Недвижимыя населенныя имѣнія, сдѣлавшись доступными всѣмъ капиталистамъ, возвысятся въ цѣнѣ, и тѣ изъ помѣщиковъ, которые не захотятъ отказаться отъ нѣкоторыхъ изъ принадлежностей крѣпостнаго права, найдутъ случай продать свои вотчины по выгодной цѣнѣ; купцы, почетные граждане, личные дворяне, воспитанные внѣ круга помѣщичьихъ понятій и привычекъ, войдутъ въ соглашеніе съ крестьянами легко, не нуждаясь въ насиловапіи своей природы и тѣмъ положатъ основаніе новому порядку вещей. Сельское хозяйство, пребывающее

*) Въ доказательство этой возможности мы приведемъ примѣръ губерній Кіевской, Подольской и Волынской. Инвентарныя правила, уменьшивъ значительно сумму обязательныхъ крестьянскихъ работъ, которыми располагали помѣщики, а чаще самихъ помѣщиковъ арендаторы имѣній, повидимому, должны были въ той же мѣрѣ убавить доходы вотчинниковъ. Но къ изумленію, арендная плата не упала, а напротивъ, возвысилась. Главная причина этого замѣчательнаго явленія заключается въ томъ, что почти единовременно съ введеніемъ инвентарныхъ правилъ, правительство перевело на оброкъ казенныхъ крестьянъ и прекратило отдачу въ арендное содержаніе своихъ собственныхъ населенныхъ имѣній. Всѣ арендаторы, прежде содержавшіе казенныя имѣнія, обратились къ дворянскимъ. Запросъ усилился, и арендная плата поддержалась. Этому содѣйствовали и другія причины, но главная и существенная заключается въ благоразумной предусмотрительности правительства.

въ безотрадномъ застоѣ по недостатку оборотныхъ капиталовъ, предпріимчивости и настойчивости, быстро двинется впередъ отъ прилива капиталовъ, нынѣ отвлекаемыхъ въ предпріятія, сопряженныя съ гораздо бо̀льшимъ рискомъ, или требующія искусственнаго поощренія на счетъ массы потребителей. Исчисленныя выгоды такъ очевидны, что уже неразъ возникала мысль о приведеніи въ исполненіе предполагаемой нами мѣры; но, сколько намъ извѣстно, правительство никогда не подвергало ея серіозному обсужденію, изъ какого-то страннаго опасенія оскорбить дворянство нарушеніемъ его привиллегій. Но, вопервыхъ, съ точки зрѣнія пра̀ва, не владѣніе населеннымъ имѣніемъ, а владѣніе на неограниченномъ крѣпостномъ правѣ составляетъ незавидную привиллегію потомственнаго дворянства; съ ограниченіемъ помѣщичьяго самовластія, какимъ бы то ни было путемъ, и самая эта привиллегія естественно упраздняется. Вовторыхъ, ограниченіе въ правѣ пріобрѣтенія недвижимыхъ населенныхъ имѣній могло имѣть историческое значеніе въ то время, когда съ этого рода собственностью были неразлучно связаны служебныя обязанности; теперь же, наоборотъ, служба сдѣлалась обязательною для дворянъ личныхъ и потомственныхъ гражданъ, переставъ быть обязательною для дворянъ потомственныхъ. Втретьихъ, если дворянство отказалось отъ средневѣковаго понятія, по которому казалось несовмѣстнымъ съ достоинствомъ благороднаго вести торговлю, учреждать фабрики, то едва ли оно изобрѣтетъ разумное основаніе держаться такъ крѣпко за другое столь же исключительное и устарѣлое понятіе, составляющее какъ бы вторую половину перваго, по которому считалось несовмѣстнымъ съ купеческимъ званіемъ владѣть населеннымъ имѣніемъ. Наконецъ, можно возражать противъ предложенной мѣры, но не какъ противъ оскорбительной новизны, не съ точки зрѣнія права; ибо вопросъ о правѣ, въ существѣ, уже давно разрѣшенъ правительствомъ, чему доказательствомъ служитъ цѣлая глава въ IX томѣ Св. Законовъ о обязанныхъ крестьянахъ, водворенныхъ на земляхъ купеческихъ. Мы предлагаемъ не новизну, а дальнѣйшее примѣненіе признаннаго принципа.

Разрѣшеніе крестьянамъ занимать деньги для выкупа себя съ землею.

Съ изданіемъ XIV продолженія къ Св. Законовъ, крѣпостные крестьяне, какъ сказано было выше, лишились права выкупаться съ землею при продажѣ имѣній съ публичныхъ торговъ. По дознаннымъ неудобствамъ закона 1848 года, нельзя желать его возстановленія въ первобытномъ видѣ; но онъ могъ бы быть замѣненъ другимъ. Не право выкупа дорого для крестьянъ, а облегченіе пріобрѣтенія способовъ къ выкупу. Нашлись бы помѣщики, согласные отпустить своихъ крестьянъ съ землею за умѣренный выкупъ; можетъ быть, и крестьяне въ нерѣдкихъ случаяхъ нашли бы у кого занять денегъ съ тѣмъ, чтобы расплатиться впослѣдствіи, отдавъ заимодавцу часть земли или лѣса, или другимъ какимъ-либо способомъ; но, по существующимъ законамъ, подобнаго рода условіе между капиталистомъ и крѣпостными людьми не можетъ быть облечено въ законную форму. Слѣдовало бы эту невозможность устранить и разрѣшить цѣлымъ селеніямъ крѣпостныхъ крестьянъ, съ согласія ихъ помѣщиковъ, совершать законнымъ порядкомъ займы у частныхъ лицъ для выкупа себя съ землею. Способы и сроки уплаты занятыхъ суммъ должны быть со всею точностью опредѣлены въ актѣ, заключенномъ съ заимодавцемъ и имѣть для крестьянъ столь же полную обязательную силу, какъ и добровольныя сдѣлки, заключенныя съ вотчинникомъ. Эти способы могутъ состоять въ денежныхъ взносахъ, разсроченныхъ съ обоюднаго согласія, въ уступкѣ заимодавцу въ полную собственность лѣса, хозяйственнаго заведенія, въ имѣніи находящагося, или части земли, съ тѣмъ, однако, ограниченіемъ, чтобы сверхъ уступаемаго количества земли, оставалось въ имѣніи не менѣе 2-хъ *) съ половиною десятинъ на душу, или, наконецъ, въ предоставленіи всего имѣ-

*) Мы предлагаемъ уменьшить закономъ установленное minimum земли ($4^1/_2$ десятины), потому что въ это количество включена и запашка господская. Слѣдовательно, гдѣ нѣтъ барщины, $2^1/_2$ десят. должны вѣрнѣе обезпечить продовольствіе крестьянъ, чѣмъ $4^1/_2$ тамъ, гдѣ половина полей обрабатывается на помѣщика.

нія во владѣніе заимодавцу (если онъ принадлежитъ по состоянію своему къ дворянству потомственному или личному, почетному гражданству или купечеству двухъ первыхъ гильдій) на опредѣленный срокъ, съ обязанностью уплачивать ему оброкъ или исправлять на него подробно-исчисленныя работы. Въ послѣднемъ случаѣ, какъ заимодавецъ вступаетъ на время въ права владѣльца населеннымъ имѣніемъ, заключившаго съ крестьянами добровольную сдѣлку, то условіе съ выкупающимися крестьянами должно подлежать разсмотрѣнію и утвержденію правительства порядкомъ, установленнымъ для добровольныхъ сдѣлокъ. Положеніе о вольныхъ хлѣбопашцахъ (неизвѣстно почему переименованныхъ *) въ государственныхъ безоброчныхъ крестьянъ) допускаетъ троякое ихъ отношеніе къ владѣльцу; между прочимъ по ст. 769 т. IX Св. Зак. крѣпостные крестьяне могутъ быть увольняемы въ это званіе съ добровольнымъ принятіемъ на себя срочныхъ, опредѣленныхъ обязанностей къ владѣльцу, до окончательной съ нимъ расплаты. Почему бы не дозволять имъ поступать добровольно въ такія же отношенія къ заимодавцу, ссужающему ихъ деньгами на выкупъ?

Разрѣшеніе увольнять въ званіе вольныхъ хлѣбопашцевъ и обязанныхъ крестьянъ по духовнымъ завѣщаніямъ.

Издревле существовалъ у насъ обычай увольнять холоповъ по духовнымъ завѣщаніямъ. Это считалось дѣломъ богоугоднымъ, драгоцѣнное указаніе на темное сознаніе несовмѣстности христіанскаго начала братскаго общенія съ

*) Не стоило бы и упоминать объ этомъ переименованіи, еслибы въ немъ не выражалось общее воззрѣніе, въ послѣднее время господствовавшее. Недвижимое имѣніе называется казеннымъ или государственнымъ имуществомъ, потому что казна признаетъ за собою право полной собственности на землю, за которую крестьяне обязаны платить оброкъ, къ которой они прикрѣплены; но какое же особенное право имѣетъ казна на поселянъ, живущихъ на своей землѣ? Намъ не приходитъ въ голову называть духовенство государственнымъ духовенствомъ, мѣщанъ—государственными мѣщанами, купцовъ—государственными или казенными купцами; почему же поселяне должны непремѣнно числиться за кѣмъ-нибудь, если не за помѣщикомъ, такъ за казною?

правомъ располагать ближнимъ какъ собственностью. Этотъ благодѣтельный обычай, уцѣлѣвшій и до новѣйшихъ временъ, самъ собою начиналъ примѣняться къ положенію о вольныхъ хлѣбопашцахъ, вскорѣ по его изданіи. Мы имѣемъ на то довольно доказательствъ. Въ 1804 году на разсмотрѣніе правительства поступили отъ двухъ помѣщиковъ прошенія о дозволеніи имъ крѣпостныхъ ихъ людей, приписанныхъ къ родовымъ имѣніямъ, отпустить въ свободные хлѣбопашцы по смерти просителей съ тѣмъ, чтобы въ продолженіе ихъ жизни крестьяне оставались по прежнему имъ крѣпкими. Государственный Совѣтъ отказалъ имъ на томъ основаніи, что таковой отпускъ былъ бы отпускомъ по завѣщанію, а по закону *родовымъ* имѣніемъ по завѣщанію запрещено располагать [1]).

Въ томъ же году запрещеніе отпускать въ вольные хлѣбопашцы было распространено и *на благопріобрѣтенныя имѣнія*, неизвѣстно по какимъ причинамъ [2]), и подтверждено

---

[1]) Замѣчательно между прочимъ, что, кромѣ этого соображенія, Государственный Совѣтъ принялъ во вниманіе съ одной стороны, что помѣщикъ, не отступая отъ буквы закона, можетъ заключить съ крестьянами сдѣлку при жизни своей съ тѣмъ, чтобы они до самой смерти его отбывали на него обыкновенныя повинности, при чемъ ихъ взаимныя отношенія *могутъ оставаться совершенно неизмѣнными;* съ другой стороны, отзывъ министра коммерціи, что ходатайство просителей собственно потому уважено быть не можетъ, что до ихъ смерти состояніе крестьянъ *ни въ чемъ бы не перемѣнилось*. П. С. Зак. 1804 г. № 21562.

[2]) Объ этомъ запрещеніи мы знаемъ только изъ Высочайше утвержденнаго мнѣнія по дѣлу Пасіевой, въ коемъ значится: „Въ положеніи Государ. Совѣта 1804 г. Декабря 15 и запискѣ 1805 г. Января 25, Высочайшаго утвержденія удостоенныхъ, постановлено: по завѣщаніямъ, сдѣлокъ, предположенныхъ помѣщиками на увольненіе родовыхъ и *пріобрѣтенныхъ крестьянъ* въ свободные земледѣльцы по смерти ихъ, не утверждать“. Ни положенія 1804 г. 15 Декаб., ни записки 1805 г. Янв. 15 въ Полномъ Собраніи Законовъ мы не находимъ. Необъясненнымъ при этомъ остается, почему, если вопросъ былъ уже разрѣшенъ положеніемъ 15 Декаб. 1804 г., Государственный Совѣтъ, въ томъ же году, разбирая упомянутыя выше просьбы двухъ помѣщиковъ, въ мнѣніи своемъ, которое утверждено четырмя днями позднѣе, руководствовался общими соображеніями, а не сослался просто на предшествовавшее ясное рѣшеніе вопроса?

въ 1818 году рѣшеніемъ по дѣлу Пасіевой [1]) и въ 1831 году въ самой общей и строгой формѣ [2]).

Все это ясно доказываетъ, что многіе помѣщики въ разныя времена изъявляли желаніе по смерти своей освободить крестьянъ и, что правительство не только не воспользовалось этимъ стремленіемъ, но какъ будто выискивало предлоги для того, чтобы заглушить его. Дѣйствительно, ничто не запрещаетъ помѣщику продать или промотать свое родовое имѣніе, не оставивъ ни копѣйки своимъ наслѣдникамъ; еще свободнѣе распоряжается онъ благопріобрѣтеннымъ; но какъ скоро дѣло доходитъ до освобожденія крестьянъ съ землею, его свобода немедленно встрѣчаетъ ограниченія. Мудрено ли, что, при такомъ порядкѣ вещей, мы не подвигаемся впередъ, и одни ли помѣщики въ этомъ виноваты? Законы, стѣсняющіе распоряженія родовыми имѣніями по завѣщаніямъ, сами по себѣ требуютъ пересмотра по многимъ причинамъ. Это уцѣлѣвшій остатокъ давно исчезнувшихъ понятій и обычаевъ; но, не выжидая этого, слѣдовало бы теперь же отмѣнить ст. 773 т. IX Св. Зак. и дозволить отпускъ въ свободные хлѣбопашцы, или въ обязанные крестьяне по завѣщаніямъ, по крайней мѣрѣ и только на первый случай, въ имѣніяхъ благопріобрѣтенныхъ, съ тѣмъ, однакоже, чтобы положеніе, изложенное въ завѣщаніи, не прежде входило въ силу, какъ по изъявленіи крестьянами ихъ согласія, въ случаѣ, если оно не было надлежащимъ образомъ ими объявлено при самомъ составленіи завѣщанія.

Мѣры для освобожденія частныхъ лицъ. Обязательный выкупъ.

Мы сказали выше, что, принимая мѣры для облегченія перевода цѣлыхъ сельскихъ обществъ изъ крѣпостнаго состоянія, необходимо также открыть путь къ личному освобожденію, которымъ бы могли во всякое время пользоваться

---

[1]) Пол. Собр. Зак. 1818 г., № 27.470.

[2]) Тамъ же 1831 г., № 4.846.

крѣпостные люди, по своимъ денежнымъ средствамъ и по своему образованію стоящіе выше уровня своего сословія. Этотъ путь долженъ быть открытъ для всѣхъ, но не съ тою цѣлью, чтобы всякій зажиточный пахарь могъ оторваться отъ общества, къ которому онъ приписанъ, и бросить земледѣліе. Отъ законодателя зависитъ расширить его, на сколько нужно для освобожденія значительныхъ капиталовъ, таящихся или глохнущихъ подъ страхомъ помѣщичьяго произвола. Мы предложили бы постановить, что всякій крѣпостной человѣкъ можетъ пріобрѣсти отпускную, не спрашивая согласія помѣщика, но уплативъ за себя опредѣленный закономъ выкупъ. При этомъ нужно принять въ соображеніе, что съ увольненіемъ крестьянина или двороваго, не внесеннаго по этому званію въ ревизію, теряетъ не одинъ помѣщикъ, но и общество, къ которому приписанъ увольняемый, обязанное до новой переписи платить за него подати и исправлять рекрутскую повинность, а потому справедливость требуетъ двоякаго вознагражденія, помѣщику и обществу. Мы предложили бы слѣдующую таксу:

1) Каждый взрослый работникъ отъ 18 до 50 лѣтъ, женатый и неженатый, вноситъ за себя выкупа 350 р. сер. *).

2) Отъ 16 до 18 лѣтъ—100 р. сер.

3) Старики отъ 50 до 60 лѣтъ—тоже.

4) Помѣщикъ въ правѣ требовать, чтобы его крѣпостной человѣкъ, желающій получить свободу, выкупилъ вмѣстѣ съ собою неженатыхъ сыновей своихъ и стариковъ свыше 50 л. до 60-ти, въ одномъ съ нимъ домѣ живущихъ.

5) Жена при мужѣ, мать при сынѣ, незамужняя дочь при отцѣ или незамужняя сестра при братѣ, несовершеннолѣтнія

---

*) Предполагая, что работникъ женатъ и несетъ полное тягло, и разсчитывая по 4%, 350 р. сер. дадутъ ежегоднаго оброка 14 р. сер. Эта сумма, конечно, ниже средняго оброка; но за то, вопервыхъ, съ помѣщика слагается обязанность кормить въ неурожайные годы откупившагося, покупать для него рабочій скотъ, платить за него подати и проч. Вовторыхъ, въ полномъ распоряженіи помѣщика остается вся земля, нарѣзанная на уволенное тягло, и со временемъ ее приметъ другой работникъ; втретьихъ, сумма, полученная за выкупъ, представляетъ тягло не умирающее и приносящее постоянный доходъ.

дѣти обоего пола ниже 16 лѣтъ, равно какъ и старики свыше 60 лѣтъ, увольняются безплатно.

6) Изъ слѣдующаго помѣщику вознагражденія, если имѣніе заложено, исключается сумма, слѣдующая кредитному учрежденію.

7) Сверхъ выкупа, составляющаго вознагражденіе для помѣщика, выкупающійся обязанъ внести въ казну за себя и за всѣхъ, съ нимъ вмѣстѣ получающихъ свободу и записанныхъ въ ревизію подъ однимъ №, такую сумму, которая равнялась бы ежегодному окладному сбору съ каждой души, помноженному на столько разъ, сколько со дня полученія отпускной до новой переписи пройдетъ годовъ. Для учиненія подобнаго разсчета, правительство по примѣрному соображенію опредѣлитъ единожды навсегда, какой срокъ должно считать отъ послѣдней переписи до будущей.

8) По внесеніи этой суммы, а равно выкупа, получающій свободу вмѣстѣ съ прочими ревизскими душами, отходящими отъ помѣщика, исключается изъ ревизскихъ списковъ по тому имѣнію, къ которому они приписаны, и какъ съ помѣщика, такъ и съ общества, слагается всякая за нихъ отвѣтственность по платежу податей, прочихъ казенныхъ и земскихъ сборовъ и исправленію рекрутской повинности *).

*) Мы не усматриваемъ возможности вознагражденія для правительства, за исключеніе со счетовъ по рекрутской повинностя, безъ отягощенія податныхъ обществъ; но и потеря была бы не весьма значительна и притомъ только временная: ибо, по истеченіи льготныхъ годовъ, бо̀льшая часть изъ выкупившихся припишется къ податнымъ сословіямъ и подпадетъ вновь этой повинности. Къ тому же исключеніе изъ ревизіи со дня полнаго увольненія уже введено закономъ для дворовыхъ людей (т. IX пр. 1 къ ст. 1059 по прод. IV и пр. 5 по пр. VI). Остается только желать, чтобы тоже правило было распространено и на крестьянъ. Наконецъ, еслибы порядокъ пополненія арміи наборами представилъ этому непреодолимыя затрудненія, то, кажется, можно бы было, для откупающихся на волю и вообще для всѣхъ получающихъ отпускныя сократить число льготныхъ годовъ. До сихъ поръ во всѣхъ законахъ нашихъ правительство руководствовалось почти исключительно заботливостью объ участи лицъ, отходящихъ отъ помѣщиковъ въ свободное состояніе. Эта заботливость похвальна и заслуживаетъ полнаго сочувствія; но не должно забывать, что свобода сама по себѣ есть уже великое благо, и потому справедливость требуетъ, чтобы выгоды, дарованныя тѣмъ, кому это благо достается въ удѣлъ, не обращались въ ущербъ остающихся въ прежнемъ состояніи.

Исчисливъ законодательныя мѣры, посредствомъ которыхъ мы полагали бы возможнымъ проложить безопасный исходъ изъ крѣпостнаго въ свободное состояніе, мы позволимъ себѣ, въ заключеніе, для читателей, сознающихъ неминуемость этого порядка тѣмъ или другимъ путемъ, сказать нѣсколько словъ о томъ, какое участіе въ разрѣшеніи занимающаго насъ вопроса принадлежитъ законодательной власти и въ чемъ ему могутъ содѣйствовать частныя лица.

Допущеніе гласнаго обсужденія вопроса.

Если упраздненіе крѣпостнаго права должно совершиться постепенно, безъ гибельныхъ потрясеній, безъ разоренія для помѣщиковъ и безъ водворенія глухой, междоусобной войны между вотчинниками и поселянами, то необходимо, чтобы заодно съ правительствомъ работало общественное мнѣніе. Одними указами не пересоздать бытовыхъ отношеній двухъ сословій. Нельзя, довольствуясь однимъ безмолвнымъ послушаніемъ, пренебрегать тѣми нравственными преградами желанному преобразованію, которыя противопоставляютъ ему закоренѣлые предразсудки, привычки, обратившіяся въ убѣжденія, превратное пониманіе вопросовъ и болѣе всего неопредѣленныя опасенія за будущее, питаемыя таинственностью, ничего добраго не предвѣщающею, которою облечены всѣ дѣйствія правительства, касающіяся до крѣпостнаго права *). Нельзя не вѣдать общественнаго мнѣнія, ни упразднить его. Это сила, сила, которой предназначено рости и множиться, и кто не хочетъ искать ея союза, тому предстоитъ нескончаемая съ нею война. Ближайшія къ намъ времена, не говоря объ отдаленныхъ Екатерины II, которую

*) Достаточно вспомнить, что инвентарныя правила, введеніемъ которыхъ вся Россія была встревожена, этотъ органическій законъ, опредѣляющій отношенія крестьянъ къ ихъ помѣщикамъ во всѣхъ Западныхъ губерніяхъ, не были установленнымъ порядкомъ обнародованы, не вошли въ Сводъ Законовъ и составляютъ секретъ. Сколько неосновательныхъ опасеній возникло единственно изъ этой секретности!

конечно, никто не упрекнетъ въ слабости, представляютъ намъ утѣшительные результаты свободнаго содѣйствія мѣрамъ правительства отъ цѣлыхъ сословій и частныхъ лицъ.

Извѣстно всѣмъ, что недавно издано нѣсколько коренныхъ постановленій для устройства и обезпеченія свободныхъ сельскихъ обывателей, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ въ Остзейскихъ губерніяхъ. Каждому изъ этихъ постановленій предшествовали основательныя обсужденія въ пріуготовительномъ комитетѣ, составленномъ частью изъ лицъ, самимъ правительствомъ назначенныхъ, частью изъ депутатовъ отъ мѣстнаго дворянства. Въ комитетѣ опредѣлялись только основныя начала будущаго законоположенія, а разработка ихъ поручалась на мѣстахъ представителямъ дворянства, иногда при содѣйствіи коронныхъ чиновниковъ. Составленный такимъ образомъ проэктъ подвергался внимательному обсужденію въ собраніи дворянства. Здѣсь онъ выдерживалъ строгую критику, разумѣется, не выходившую изъ предѣловъ утвержденныхъ началъ. Наконецъ, одобренный дворянствомъ уставъ восходилъ на утвержденіе законодательной власти и предварительно разсматривался вновь въ особомъ комитетѣ. Вообще, по всѣмъ законодательнымъ дѣламъ, относившимся до устройства сельскаго сословія въ Балтійскихъ губерніяхъ, правительство возбуждало вопросы, направляло ихъ и разбирало представленные на его утвержденіе проэкты; многое въ нихъ было измѣнено и исправлено, но все, что̀ получило законную силу, было заимствовано изъ предположеній цѣлыхъ сословій и частныхъ лицъ. Обсужденіе мѣръ къ устройству сельскаго сословія въ собраніяхъ и комитетахъ сопровождалось печатаніемъ въ мѣстныхъ журналахъ ученыхъ изслѣдованій, историческихъ статей, хозяйственныхъ наблюденій и разныхъ отзывовъ о всѣхъ спорныхъ вопросахъ. Такимъ образомъ, составился богатый отдѣлъ мѣстной литературы, въ которомъ всѣ воззрѣнія нашли достойное выраженіе. Доводы, предубѣжденія, опасенія и неудовольствія противниковъ введенныхъ улучшеній высказались открыто и истощились; но въ каждую эпоху, заодно съ правительствомъ, дѣйствовала партія людей просвѣщенныхъ и движимыхъ

искреннимъ убѣжденіемъ, усиліями которыхъ очищались пути для законодательныхъ мѣръ *). Такъ было въ трехъ Балтійскихъ губерніяхъ, и мы никакъ не видимъ, почему бы одни Остзейскіе дворяне могли казаться достойными содѣйствовать правительству въ тѣхъ же предѣлахъ. Напротивъ, мы убѣждены, что и у насъ здравыя понятія о крѣпостномъ

*) Исторія упраздненія крѣпостнаго права въ Лифляндіи особенно поучительна для насъ въ томъ отношеніи, что мы въ ней видимъ примѣры того, чтò можетъ сдѣлать въ самое короткое время искреннее убѣжденіе, высказывающееся свободно, и съ какою быстротою воспитывается и яснѣетъ общественное мнѣніе при условіи гласности. Извѣстный писатель докторъ Меркель, сынъ Лифляндскаго пастора, съ ранняго дѣтства напитавшійся чувствомъ скорбнаго сострраданія къ участи крѣпостныхъ Латышей и безкорыстнаго негодованія къ ихъ угнетателямъ, издалъ за границею книжку, небольшую, но писанную съ одушевленіемъ, въ которой онъ изобразилъ въ живыхъ чертахъ бѣдственную участь крѣпостнаго сословія въ Остзейскомъ краѣ. Эта книжка произвела сильнѣйшее впечатлѣніе и, разумѣется, доставила автору множество враговъ и почетное гоненіе. Разсказываютъ, что изъ Лифляндіи отправлено было нѣсколько агентовъ, чтобы скупить и уничтожить изданіе, которое теперь составляетъ библіографическую рѣдкость. Со всѣхъ сторонъ отъ дворянъ и пасторовъ посыпалась на автора брань, клеветы, обличенія и печатныя возраженія. Завязалась страшная полемика, и Меркель по характеру ея съ грустью убѣдился, что возвратъ на родину для него навсегда закрытъ. Между тѣмъ, въ то самое время, какъ онъ блуждалъ за границею, молодые Лифляндскіе дворяне, сыновья тамошнихъ помѣщиковъ, обучавшіеся въ Германскихъ университетахъ, навѣщали его тайкомъ и выражали ему свое горячее сочувствіе. Въ числѣ ихъ былъ одинъ, который впослѣдствіи, дослужившись до высшихъ должностей, принялъ живое участіе въ составленіи положенія объ освобожденіи крестьянъ въ своей родинѣ. Другіе изъ самой Лифляндіи вступили съ Меркелемъ въ тайную переписку, посылали ему оправданія, отчеты, просили у него совѣтовъ. Книга о Латышахъ издана въ самомъ концѣ прошлаго столѣтія, а въ 1804 г. сдѣланъ первый шагъ къ упраздненію крѣпостнаго права въ Лифляндіи, и Меркель могъ безъ самохвальства сказать въ своихъ запискахъ, что и его скромная литературная дѣятельность участвовала въ облегченіи участи цѣлаго сословія. Еще разительнѣе примѣръ другаго, благороднаго поборника той же мысли. Когда, на Лифляндскомъ ландтагѣ, ландратъ Шульцъ фонъ-Ашераденъ первый рѣшился предложить собранію освободить крестьянъ, дворяне поднялись съ своихъ мѣстъ, схватили его и на рукахъ понесли къ окну съ тѣмъ, чтобы выбросить его на улицу; нѣсколько лѣтъ спустя, тоже дворянство само отказалось отъ крѣпостнаго права, поручило тому же Шульцу фонъ-Ашерадену составить новое положеніе и теперь чтитъ его память признательнымъ воспоминаніемъ.

правѣ скорѣе бы привились и встрѣтили бы гораздо болѣе сочувствія, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Противники всѣхъ и всякихъ нововведеній въ теперешнихъ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ безспорно еще составляютъ большинство, но сила правды и просвѣщенія была бы не на ихъ сторонѣ. Многія устарѣлыя понятія и предразсудки, еслибы только была имъ дана возможность выразиться и черезъ это открыто подвергнуться критикѣ, тѣмъ самымъ были бы побѣждены и навсегда осуждены на безмолвіе. Мало-по-малу умолкли бы голоса защитниковъ крѣпостнаго права въ самомъ существѣ его, вопросъ изъ области отвлеченныхъ понятій перенесся бы въ область практики, и стали бы толковать только о томъ, чѣмъ замѣнить существующій порядокъ вещей, какимъ путемъ изъ него выйти. Гласность принесла бы огромную пользу даже въ самыхъ тѣсныхъ предѣлахъ. Еслибы дозволено было печатать статьи объ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ, хотя бы въ однихъ изданіяхъ хозяйственныхъ обществъ, напримѣръ, въ Трудахъ Вольнаго Экономическаго, въ Запискахъ Московскаго и Лебедянскаго и въ другихъ спеціальныхъ журналахъ, читаемыхъ исключительно помѣщиками, можно поручиться, что въ короткое время набралось бы много интересныхъ свѣдѣній, въ которыхъ мы нуждаемся, дѣльныхъ совѣтовъ и указаній, которыхъ инымъ путемъ никогда не соберетъ правительство *).

Необходимость живаго примѣра сверху.

Но еще убѣдительнѣе словъ дѣйствуетъ живой примѣръ. Кому же подать его? Не отъ мелкопомѣстнаго владѣльца,

*) Читатели, вѣроятно, не сдѣлаютъ настоящей запискѣ упрека въ излишнемъ пристрастія къ крѣпостному праву. Между тѣмъ, въ ней нѣтъ почти ни одного сужденія, которое бы не было извлечено изъ печатныхъ отзывовъ помѣщиковъ. Мы испестрили ее выписками, именно для того, чтобы можно было по нимъ составить себѣ понятіе о томъ, сколько бы высказалось чистосердечныхъ признаній при бо́льшей свободѣ. Правда, что всѣ эти выписки заимствованы изъ *старыхъ журналовъ*. Но если теперь не пишутъ объ этихъ предметахъ, то не потому, чтобы перестали объ нихъ думать, а потому что съ 1848 г., благодаря строгости цензуры, наша печатная литература перестала служить выраженіемъ общественнаго мнѣнія.

безвыѣздно проживающаго въ глуши, съ трудомъ перебивающагося съ году на годъ и удаленнаго отъ средоточія правительства и просвѣщенія, въ правѣ мы ожидать пожертвованій и яснаго разумѣнія требованій ближайшей будущности. Во главѣ Русскихъ помѣщиковъ стоятъ владѣльцы удѣльныхъ имѣній; около нихъ высшія мѣста на службѣ и передовые ряды въ обществѣ занимаютъ также помѣщики, болѣе чѣмъ обезпеченные въ денежномъ отношеніи и по своему положенію призванные прочимъ указать путь. На нихъ устремлены взоры всего сословія; ибо на нихъ непосредственно, *а черезъ нихъ на всѣхъ помѣщиковъ можетъ дѣйствовать верховная власть не одними указами, требующими отъ всѣхъ равнаго повиновенія, но прямыми внушеніями, сообразными съ средствами каждаго.* Строгимъ исполненіемъ писанныхъ законовъ мы вообще похвалиться не можемъ; за то у насъ слово Государя всесильно, и личный его образъ мыслей, его особенное вниманіе на что либо обращенное, его желанія и даже вкусы въ предметахъ существенныхъ, какъ и въ мелочахъ, даетъ тонъ и направленіе цѣлымъ поколѣніямъ. Грустно бы было подумать, что при такихъ нравственныхъ средствахъ, какими болѣе не владѣетъ верховная власть ни въ одной землѣ, кромѣ Россіи, нельзя склонить къ добровольной уступкѣ (необходимой для отклоненія грозящаго переворота) то сословіе, которое такъ недавно и такъ краснорѣчиво изъявляло въ своихъ адресахъ готовность для блага родины отдать послѣднюю каплю крови и послѣдній рубль!...

Взглядъ на дальнѣйшій ходъ освобожденія и устройства крѣпостнаго сословія.

Настоящая записка посвящена исключительно *переходнымъ мѣрамъ* отъ настоящаго положенія крѣпостнаго сословія къ гражданской свободѣ.

Назначеніе ихъ троякое:

1. Положить предѣлъ естественному развитію крѣпостнаго права.

2. Открыть исходъ изъ него отдѣльнымъ личностямъ, поднимающимся выше уровня крѣпостнаго сословія.

3. Облегчить и поощрить добровольныя сдѣлки.

Предположивъ, что указанныя цѣли будутъ достигнуты, мы обязаны показать въ главныхъ чертахъ, какимъ путемъ законодательство поведетъ дальнѣйшее развитіе сословія помѣщичьихъ крестьянъ къ окончательному его устройству.

Черезъ нѣсколько лѣтъ по изданіи новаго положенія о добровольныхъ сдѣлкахъ, когда въ удѣльныхъ имѣніяхъ нынѣ существующія *принудительныя* отношенія начальства къ крестьянамъ замѣнятся *свободными договорами*, когда въ разныхъ губерніяхъ просвѣщеннѣйшіе изъ помѣщиковъ сдѣлаютъ тоже въ своихъ имѣніяхъ, правительство назначитъ для заключенія добровольныхъ сдѣлокъ *послѣдній срокъ*, предупредивъ, что, по истеченіи его, оно установитъ законодательнымъ порядкомъ обязанности и повинности крестьянъ во всѣхъ тѣхъ имѣніяхъ, въ которыхъ владѣльцы сами не договорятся съ сельскими обществами.

Составленіе обязательныхъ положеній поручится особымъ коммисіямъ, по одной для каждой или для нѣсколькихъ губерній; имѣя уже передъ собою нѣсколько добровольныхъ сдѣлокъ, введенныхъ въ дѣйствіе, *коммисіи найдутъ въ нихъ самое надежное и ничѣмъ незамѣнимое руководство*: вопервыхъ потому, что въ подобныхъ сдѣлкахъ отразятся все разнообразіе существующихъ мѣстныхъ условій, которыхъ не было бы никакой возможности привести въ извѣстность заранѣе; вовторыхъ потому, что добровольность договоровъ, заключенныхъ безъ принужденія, послужитъ ручательствомъ за практическую примѣнимость и обоюдную безобидность содержащихся въ нихъ условій. Приноравливаясь къ нимъ, коммисіи въ скоромъ времени окончатъ свое дѣло, и тогда *какъ выгоды, предоставленныя крестьянамъ, такъ и ихъ обязанности къ помѣщикамъ повсемѣстно опредѣлятся.*

Этимъ заключится первый и безспорно самый трудный періодъ въ разрѣшеніи занимающаго насъ вопроса.

Затѣмъ, когда въ сельскомъ сословіи нѣсколько укоренится понятіе о его обязанностяхъ, когда разовьются примѣненія вольнаго труда къ различнымъ отраслямъ помѣщичьяго хозяйства и когда, по естественному ходу дѣлъ, *возвысится цѣнность земли,* правительство приступитъ къ

оцѣнкѣ всѣхъ предварительно уже опредѣленныхъ повинностей крестьянъ. Оно оцѣнитъ не землю, состоящую въ ихъ владѣніи, а повинности, исправляемыя крестьянами въ пользу помѣщиковъ, и, принявъ выведенную цѣнность за средній процентъ между низшимъ (казеннымъ) и высшимъ торговымъ того времени, *выведетъ капитальную стоимость упомянутыхъ повинностей и сумму вознагражденія, слѣдующую помѣщикамъ за ихъ упраздненіе.*

Само собою разумѣется, что выкупъ крестьянскихъ повинностей и выдача помѣщикамъ вознагражденія, съ зачетомъ или безъ зачета банковаго долга, совершится не иначе какъ посредствомъ займа внутренняго или внѣшняго, по которому уплата процентовъ съ погашеніемъ падетъ на крестьянъ. Подобная операція увѣнчалась полнѣйшимъ успѣхомъ въ Пруссіи и сама по себѣ не представляетъ ничего невозможнаго; но входить теперь въ подробности ея исполненія, не зная напередъ, въ какомъ положеніи будутъ находиться въ то время, когда она совершится, государственные финансы, было бы неумѣстно.

Съ выплатою помѣщикамъ полнаго вознагражденія, *упразднится всякое съ ихъ стороны право какъ на землю, состоящую у крестьянъ во владѣніи, такъ и на ихъ трудъ.* Крестьяне, вполнѣ отрѣшенные отъ помѣщика въ хозяйственномъ и въ юридическомъ отношеніи, поступятъ въ прямую зависимость отъ правительства, *какъ состояніе свободное, но отвѣчающее за казенный долгъ, лежащій на его землѣ.*

Тогда получатъ окончательную юридическую организацію сельскія общества; устроится мірское управленіе съ административными раздѣленіями на приходы, округи, волости; устроятся судебныя инстанціи, школы; издадутся особые уставы.

Наконецъ, *послѣ погашенія казеннаго* долга, бывшіе помѣщичьи крестьяне станутъ къ правительству въ отношеніе *свободнаго сельскаго сословія, владѣющаго своею землею на правѣ полной собственности.*

Останется опредѣлить *отношеніе частныхъ лицъ, членовъ сельскихъ обществъ, къ этимъ обществамъ, опредѣлить условія свободнаго перехода съ мѣста на мѣсто*, и этимъ завершится рядъ

законодательныхъ мѣръ, направленныхъ къ достиженію конечной цѣли, завѣщанной намъ нашимъ прошедшимъ. Тогда, *и только тогда*, упразднится послѣдній слѣдъ крѣпостнаго права, и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ оправдается его глубокое историческое значеніе.

Замѣтка о проэктахъ освобожденія крестьянъ *).

Въ послѣднее время, какъ извѣстно всѣмъ, появилось множество эмансипаціонныхъ проэктовъ, которые теперь ходятъ по рукамъ и читаются съ участіемъ.

Всѣ они могутъ быть раздѣлены на два разряда. Нѣкоторые предлагаютъ развязать узелъ крѣпостнаго права немедленно, порѣшить вопросъ окончательно, отпустивъ крестьянъ съ землею и поставивъ ихъ въ совершенно-независимое положеніе отъ помѣщиковъ. Другіе, стремясь къ той же цѣли, предлагаютъ рядъ приготовительныхъ или переходныхъ мѣръ, долженствующихъ постепенно ограничить произволъ душевладѣльцевъ и ослабить узелъ крѣпостнаго права.

Первый изъ этихъ способовъ самъ по себѣ есть безспорно лучшій. Кто не предпочтетъ окончательнаго разрѣшенія цѣлому ряду полумѣръ, подрывающихъ существующій порядокъ или точнѣе *безпорядокъ* и не замѣняющихъ его прочными, постоянными отношеніями? Но этотъ способъ сопряженъ съ единовременною значительною потерею для помѣщиковъ и потому предполагаетъ въ ихъ пользу вознагражденіе отъ правительства, а вознагражденіе въ такихъ размѣрахъ требуетъ финансовой операціи, для которой нужна

---

*) Подлинная рукопись не имѣетъ заглавія, написана, въ концѣ 1856 или въ началѣ 1857 года и, повидимому, должна была служить дополненіемъ къ изслѣдованію „О крѣпостномъ состояніи и о переходѣ изъ него къ гражданской свободѣ“, чтобы показать отношеніе проэкта освобожденія крестьянъ, составленнаго Ю. Ѳ-чемъ, къ такъ называемымъ *выкупнымъ* проэктамъ, ходившимъ въ то время по рукамъ. *Прим. изд.*

рѣшимость, нужна твердая воля сократить всѣ непроизводительные расходы казны, нужна способность возбудить дремлющія силы, поднять кредитъ, привести въ движеніе капиталы,—однимъ словомъ нужно, чтобы во главѣ финансовъ стоялъ министръ съ головою и пользующійся полною довѣренностью государя, а не безгласный государевъ казначей.

Явится ли такой человѣкъ, увидимъ ли мы такое стеченіе благопріятныхъ условій?.. Вотъ въ чемъ заключается въ настоящую минуту узелъ вопроса. Многіе надѣются, другіе сомнѣваются.

Извинительное опасеніе, чтобы правительство, не находя средствъ къ осуществленію финансовой операціи, неразлучно-связанной съ выкупомъ крестьянъ, не отчаялось въ возможности какимъ бы то ни было образомъ упразднить крѣпостное право, внушило многимъ мысль искать разрѣшенія инымъ, не столь краткимъ, но ведущимъ къ той же цѣли путемъ.

Повторяемъ, цѣль у всѣхъ одна: освободить крестьянъ съ землею, и въ настоящее время всѣ предлагаемыя средства заслуживаютъ вниманія; ибо пока трудно еще рѣшить, которое изъ нихъ, *при современныхъ обстоятельствахъ*, удобнѣе и легче.

Объ учрежденіи при Вольномъ Экономическомъ Обществѣ и при Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства отдѣленій сельскаго управленія *).

Вопросъ о крѣпостномъ состояніи, несмотря на то, что правительство въ послѣднее время тщательно его обходило, не только не сошелъ съ чреды ближайшихъ современныхъ вопросовъ, но, напротивъ, самъ собою подступаетъ къ намъ, движимый двумя силами: быстро-вызрѣвающими надеждами крѣпостнаго сословія и разумнымъ убѣжденіемъ, постепенно проникающимъ въ умы помѣщиковъ.

Народъ, издревле питающій спасительную увѣренность въ заботливомъ къ нему сочувствіи верховной власти, теперь смотритъ на юнаго Государя съ напряженнымъ ожиданіемъ. Дворяне сознаютъ про себя непрочность своихъ правъ и опасаются одинаково народной расправы и внезапнаго, неподготовленнаго распоряженія правительства. Чтобъ отдѣлаться отъ этихъ неотвязчивыхъ опасеній, нѣкоторые выставляютъ мнимую связь крѣпостнаго права съ самодержавіемъ; но эта явная клевета на коренное основаніе нашего политическаго устройства уже не находитъ вѣры. Другіе, подъ вліяніемъ тѣхъ же опасеній, закрываютъ глаза отъ грозящей будущ-

*) Подлинная рукопись не имѣетъ заглавія; эта записка была представлена Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ въ Августѣ 1856 года, въ Москвѣ, гдѣ въ то время находилась вся царская фамилія по случаю коронаціи. *Прим. изд.*

ности, спѣшатъ извлечь изъ настоящаго всевозможныя выгоды и напрягаютъ до крайности рабочія силы крестьянъ. Таково теперь настроеніе отсталаго большинства, но уже далеко не всѣхъ помѣщиковъ. Просвѣщеннѣйшіе изъ нихъ, яснѣе понимающіе требованія времени, откровенно сознаются въ настоятельной необходимости предупредить грозящую опасность своевременными уступками и добросовѣстно изыскиваютъ способъ перейти отъ настоящаго напряженнаго положенія къ болѣе прямому порядку вещей. Доказательствомъ можетъ служить множество записокъ объ упраздненіи крѣпостнаго права, ходящихъ по рукамъ въ Москвѣ и Петербургѣ, и оттуда распространяющихся по всей Россіи. Это отрадное движеніе умовъ видимо усиливается; но, къ сожалѣнію, оно, по необходимости, прикрывается тайною изъ весьма понятнаго опасенія навлечь на себя подозрѣнія, отъ которыхъ самая безукоризненная чистота намѣреній не представляетъ надежной защиты.

Итакъ, сверху и снизу, единовременно, обнаруживаются потребности, которыхъ разумность и своевременность уже потому не подлежитъ сомнѣнію, что онѣ возникли сами собою, естественно и свободно, безъ всякаго вызова, даже безъ поощренія со стороны правительства. Такими указаніями нельзя пренебрегать. Если теперь правительство не овладѣетъ вопросомъ и не заявитъ твердой воли, съ соблюденіемъ всевозможной осторожности, проложить исходъ изъ крѣпостнаго состоянія къ гражданской свободѣ: тогда, по всей вѣроятности, событія опередятъ его, и драгоцѣнная минута, самая благопріятная для обезпеченія мирнаго разрѣшенія возбужденнаго вопроса, пройдетъ безвозвратно. Народъ утратитъ, наконецъ, то спасительное упованіе на лучшую будущность, которое одно доселѣ подкрѣпляло его долготерпѣніе; а добрыя намѣренія лучшихъ изъ помѣщиковъ, самая ихъ готовность на добровольныя жертвы, которою теперь такъ бы легко было воспользоваться, истощатся въ безплодныхъ толкахъ и разрозненныхъ попыткахъ.

Для правительства свободное содѣйствіе частныхъ лицъ драгоцѣнно, а для нихъ поддержка со стороны правительства необходима.

Чтó же могутъ сдѣлать именно въ настоящемъ дѣлѣ частныя лица?

Спокойнымъ и неподкупнымъ словомъ дѣйствуя на убѣжденія они могутъ *подготовить пути* для дальнѣйшихъ законодательныхъ мѣръ правительства; *пріучить* наше общество *къ мысли, что упраздненіе крѣпостнаго права неизбѣжно*; очистить эту мысль отъ призраковъ и представленій, созданныхъ запуганными воображеніями; *побѣдить безотчетный страхъ*, мѣшающій доселѣ ясному пониманію дѣла; обнаружить недоразумѣнія и превратныя толкованія, постоянно сопровождавшія всѣ мѣры правительства; обратить и сосредоточить вниманіе помѣщиковъ на главные узлы вопроса; раскрыть передъ правительствомъ препятствія, встрѣчаемыя въ примѣненіи существующихъ законовъ; собрать массу матеріаловъ для изученія статистики помѣщичьяго хозяйства и управленія; указать на новыя законодательныя мѣры, которыя могли бы подвинуть вопросъ къ разрѣшенію; наконецъ, заключеніемъ добровольныхъ сдѣлокъ съ крестьянами, живымъ примѣромъ своимъ убѣдить въ возможности мирнаго перехода отъ произвола и полновластія къ правомѣрному порядку вещей.

Но для того, чтобы усилія и труды частныхъ лицъ принесли ожидаемую пользу, необходимо *сосредоточить* ихъ и *дать имъ безвредную гласность.* То и другое можно сдѣлать, воспользовавшись орудіями, которыя теперь уже находятся въ рукахъ правительства. Подъ его покровительствомъ существуютъ издавна общества, основанныя съ цѣлью содѣйствовать развитію сельскаго хозяйства: въ Петербургѣ — Вольное Экономическое, въ Москвѣ — Общество Сельскаго Хозяйства, не говоря о новѣйшихъ въ Лебедяни, въ Юрьевѣ и другихъ городахъ. Польза, ими принесенная, не подлежитъ сомнѣнію. Они сблизили помѣщиковъ отдаленныхъ краевъ Россіи, облегчили между ними обмѣнъ мыслей, распространили много новыхъ свѣдѣній, основали и развили нѣсколько новыхъ отраслей промышленности; но, ограничиваясь почти исключительно техническими вопросами, эти общества всего менѣе сдѣлали для улучшенія быта поселянъ единственно потому, что этого предмета не рѣшались касаться

изъ опасенія подойти слишкомъ близко къ вопросамъ, о которыхъ запрещено разсуждать печатно *).

Общества сельскаго хозяйства существуютъ издавна и до сихъ поръ никогда, никѣмъ и ни въ чемъ заподозрѣны не были; въ занятіяхъ ихъ принимаютъ участіе почти исключительно помѣщики. Въ нихъ сосредоточивается богатый запасъ практическихъ свѣдѣній, необходимыхъ для всесторонняго обсужденія вопроса о соглашеніи выгодъ крестьянъ съ выгодами землевладѣльцевъ; при этомъ же, по самому составу своему, они представляютъ самое надежное ручательство противъ неосторожнаго употребленія испрашиваемой для нихъ гласности. Правительству оставалось бы только дозволить учрежденіе, на первый случай при двухъ упомянутыхъ обществахъ, особыхъ отдѣленій подъ названіемъ *отдѣленій сельскаго управленія.*

Ихъ занятія могли бы быть направлены на слѣдующіе предметы:

1. Собираніе и обнародованіе свѣдѣній о существующихъ теперь въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи отношеніяхъ помѣщичьихъ крестьянъ къ землевладѣльцамъ.

2. Возбужденіе и обсужденіе вопросовъ о различныхъ системахъ помѣщичьяго управленія; объ уравненіи выгодъ, предоставляемыхъ крестьянамъ, съ лежащими на нихъ повинностями; о подведеніи барщинскихъ работъ подъ урочныя положенія; о замѣнѣ натуральныхъ повинностей денежными оброками; о распространеніи въ сельскомъ сословіи грамотности и навыка къ законности; объ учрежденіи въ деревняхъ мірскихъ управленій; о поощреніи и облегченіи добровольныхъ договоровъ между крестьянами и помѣщиками.

3. Разсмотрѣніе всѣхъ вносимыхъ въ Общество предположеній о введеніи прочныхъ взаимно-обязательныхъ отношеній между землевладѣльцами и крестьянами и представленіе сихъ проэктовъ правительству съ своими замѣчаніями и заключеніями.

---

*) Счастливое и почти единственное исключеніе составляютъ изданія Московскаго Общества „О распространеніи грамотности".

4. Ходатайство о поясненіи, измѣненіи или отмѣнѣ существующихъ законовъ, а равно объ изданіи новыхъ относительно правъ и обязанностей помѣщиковъ по управленію крестьянами.

5. Представленіе свѣдѣній или мнѣній на запросы отъ правительства по тѣмъ же предметамъ.

Отдѣленіямъ сельскаго управленія необходимо предоставить право обнародовать свои труды въ видѣ срочныхъ или безсрочныхъ изданій, подвергая ихъ предварительному разсмотрѣнію *не общей цензуры*, а того лица, которому правительство ввѣритъ высшій надзоръ надъ Обществами и направленіе ихъ дѣятельности.

Четыре записки по крестьянскому дѣлу, написанныя въ Августѣ 1857 года *).

I.

О правѣ крестьянъ на землю.

Крѣпостное право слагается изъ двоякой зависимости: лица отъ лица (крестьянина отъ помѣщика) и земледѣльца отъ земли, къ которой онъ приписанъ. Второе изъ этихъ отношеній (зависимость поземельная) заключаетъ въ себѣ всю историческую сущность крѣпостнаго права, — все, что̀ въ немъ есть положительнаго и предназначеннаго къ дальнѣйшему развитію; ибо деревня можетъ существовать безъ помѣщика, но не можетъ держаться на воздухѣ, не имѣя подъ собою земли.

По отношенію къ личной зависимости, современная задача законодательства опредѣляется очень просто, однимъ словомъ: упразднить — разумѣется не вдругъ, а постепенно и съ соблюденіемъ всевозможной осторожности.

---

*) Въ первыхъ числахъ Января 1857 года былъ открытъ въ Петербургѣ Комитетъ по крестьянскому дѣлу, сначала названный секретнымъ, а черезъ годъ послѣ того, именно 8-го Января 1858 года, переименованный въ Главный Комитетъ. Въ теченіе первой половины 1857 года дѣятельность Комитета ограничивалась тѣмъ, что члены его знакомились съ производствами прежнихъ правительственныхъ коммисій, назначавшихся для разсмотрѣнія крестьянскаго вопроса, и съ эманципаціонными проэктами частныхъ лицъ, въ томъ числѣ и съ напечатанною выше запискою Ю. Ѳ. Самарина «О крѣпостномъ состояніи и о переходѣ изъ него къ гражданской свободѣ». Но съ возвращеніемъ изъ-за границы Государя въ Іюлѣ 1857 года, повелѣно было дать дѣлу рѣшительное движеніе, и въ первыхъ числахъ Августа назначенъ былъ членомъ Комитета Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Въ это время былъ вызванъ въ Петербургъ Ю. Ѳ. Самаринъ и представленъ Великому Князю, выразившему желаніе ближе ознакомиться съ дѣломъ, котораго ему предстояло быть главнымъ двигателемъ въ Комитетѣ. Благодаря рѣшительному движенію, данному дѣлу въ Комитетѣ, уже 18-го

По отношенію къ поземельной зависимости, правительству предстоитъ не только развязать узелъ, которымъ крестьянинъ прикрѣпленъ къ почвѣ, но въ то же время замѣнить эту насильственную связь иною и опредѣлить отношенія свободнаго земледѣльца къ землѣ.

Итакъ, нельзя сдѣлать приступа къ упраздненію крѣпостнаго права, не разрѣшивши предварительно слѣдующихъ вопросовъ: 1) какое отношеніе крестьянъ къ землѣ создала у насъ исторія, иными словами: имѣютъ ли крестьяне право на землю? 2) что̀ въ этихъ отношеніяхъ подлежитъ измѣненію, что̀ должно быть удержано? и 3) къ какому состоянію должны мы вести крѣпостныхъ людей? Хотимъ ли мы создать со временемъ сословіе крестьянъ-собственни-

Августа былъ начертанъ подробный планъ дѣйствія для постепеннаго улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ. «Постановлено было совершить реформу въ три періода: въ первый, приготовительный: 1) смягчить и облегчить крѣпостное состояніе, 2) открыть помѣщикамъ всѣ способы и возможность увольнять крестьянъ по взаимнымъ съ ними соглашеніямъ и 3) собрать всѣ вообще матеріалы, свѣдѣнія и данныя, необходимыя для постановленія тѣхъ мѣръ, кои должны быть впослѣдствіи приняты къ освобожденію крѣпостнаго сословія. Во второй, переходный: принять мѣры къ освобожденію крѣпостнаго сословія, но къ освобожденію не по взаимному уже соглашенію, а обязательному, только не вдругъ, а постепенно и шагъ за шагомъ; въ этомъ періодѣ крестьяне должны постепенно пріобрѣтать личныя права людей свободнаго сословія, оставаясь болѣе или менѣе крѣпкими землѣ. Въ третій, окончательный: крестьяне, получивъ права личныя, должны быть поставлены въ отношенія къ своимъ помѣщикамъ, какъ люди совершенно свободные». Въ силу этого постановленія, для собранія необходимыхъ свѣдѣній, былъ розданъ членамъ Комитета списокъ вопросовъ, числомъ 14, съ приглашеніемъ доставить на нихъ отвѣты въ половинѣ Ноября; вопросы эти были посланы также губернаторамъ, предводителямъ и нѣкоторымъ помѣщикамъ, въ томъ числѣ и Ю. Ѳ. Самарину. Ознакомившись съ ходомъ дѣла въ Комитетѣ, Ю. Ѳ. написалъ въ концѣ Августа 1857 г. по поводу мнѣній, которыя высказывались въ Комитетѣ, и въ особенности по поводу постановленія 18 Августа, четыре записки, которыя печатаются здѣсь съ сохранившейся черновой рукописи. Сверхъ того, имъ было, повидимому, написано мнѣніе и о 14 вопросахъ, но оно не сохранилось между оставшимися рукописями. Однако планъ разрѣшенія крестьянскаго вопроса, начертанный Комитетомъ въ засѣданіи 18-го Августа 1857 года, вскорѣ совершенно измѣнился: 20-го Ноября 1857 г. послѣдовалъ первый Высочайшій рескриптъ объ открытіи въ Сѣверо-западныхъ губерніяхъ комитетовъ для составленія проэктовъ объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. *Прим. изд.*

ковъ (Eigenthümer) или крестьянъ, пользующихся правомъ обезпеченнаго владѣнія (Besitzer), или мы желаемъ, чтобы рядомъ съ небольшимъ числомъ крестьянъ-фермеровъ, снимающихъ землю (Pächter), образовался многочисленный классъ вольныхъ батраковъ (Gesinde)?

Разрѣшеніе этихъ вопросовъ опредѣляетъ твердую исходную точку и конечную цѣль всѣхъ предположеній объ исполнительныхъ мѣрахъ, а безъ этого не можетъ быть ни правильной системы въ совѣщаніяхъ, ни согласія и послѣдовательности въ дѣйствіяхъ.

Комитетъ этихъ вопросовъ не разрѣшилъ, онъ едва затронулъ ихъ; но они неминуемо должны возникать при обсужденіи каждой частной мѣры и мѣшать каждому шагу впередъ, пока не будутъ исчерпаны. Поэтому нужно теперь же порѣшить ихъ единожды навсегда.

I. Имѣютъ ли крестьяне право на землю?

Прежде всего нужно пояснить термины вопроса. Подъ словомъ право мы разумѣемъ здѣсь такое отношеніе лица къ предмету, которое не зависитъ отъ воли другаго лица и не можетъ быть послѣднимъ нарушено; мы противополагаемъ его всякому отношенію, не имѣющему иного основанія, какъ частную сдѣлку между двумя лицами. Домовладѣлецъ находитъ для себя удобнымъ и выгоднымъ отдать свой домъ въ наймы; онъ пускаетъ къ себѣ на квартиру постояльца по добровольному между ними условію, но постоялецъ самъ по себѣ не имѣетъ на квартиру никакого права; онъ не можетъ требовать помѣщенія въ чужомъ домѣ, хотя бы ему и приходилось жить подъ открытымъ небомъ; право его на занимаемую имъ комнату возникаетъ изъ обоюднаго соглашенія съ хозяиномъ и потому оно зависитъ отъ доброй воли послѣдняго и прекращается въ случаѣ отказа съ его стороны. Тогда хозяинъ и постоялецъ расходятся. Мы спрашиваемъ: такъ ли относятся у насъ крестьяне къ землѣ, какъ относится постоялецъ, впущенный въ чужой домъ?

Подъ землею мы разумѣемъ только ту часть ея, которою пользуются крестьяне для себя, включая сюда усадьбу, огородъ, выгонъ, луга и пашню.

Очевидно, что, возбуждая настоящій вопросъ, мы должны искать на него отвѣта не въ Сводѣ Законовъ: прáва, законодательною властью признаннаго и формальнымъ порядкомъ опубликованнаго, крестьяне конечно не имѣютъ не только на землю, даже на свою личность; но здѣсь идетъ дѣло объ историческомъ правѣ, котораго нельзя ни создать, когда его нѣтъ, ни упразднить, когда оно установилось само собою.

И въ Комитетѣ, говоря объ отношеніяхъ крестьянъ къ землѣ, нерѣдко ссылались на исторію; только, къ сожалѣнію, историческія справки никогда не восходили выше временъ, непосредственно предшествовавшихъ укрѣпленію крестьянъ. Изъ этихъ справокъ образовалось слѣдующее едва ли не господствующее убѣжденіе: вся земля принадлежала на правѣ вотчинномъ или помѣстномъ в. князьямъ, церкви и частнымъ лицамъ служилаго сословія; крестьяне не имѣли на нее никакого предустановленнаго права; они только нанимали ее; землевладѣльцы не обязывались никакимъ закономъ противъ воли держать на своей землѣ крестьянъ; а крестьяне, будучи лично свободны, могли когда хотѣли сходить съ земли и уходить на сторону.

Дѣйствительно, такъ или почти такъ было на Руси, начиная со второй половины XVI вѣка до укрѣпленія крестьянъ; но это было переходное состояніе, время тяжелаго экономическаго и общественнаго кризиса, вызваннаго быстрымъ развитіемъ государства и громадныхъ его потребностей. Чтобы понять вѣрно характеръ этой эпохи, необходимо уяснить себѣ предшествовавшее ей состояніе.

Народонаселеніе въ Россіи было изстари земледѣльческое и, слѣдовательно, осѣдлое. Кто жилъ на землѣ, кто пахалъ ее, тотъ ею и владѣлъ безспорно, не въ силу отвлеченнаго права, а на самомъ дѣлѣ, de facto. Мы говоримъ безспорно, ибо всякій споръ, возникающій изъ столкновенія двухъ притязаній на одинъ предметъ, предполагаетъ ограниченность предмета и несовмѣстимость предъявленныхъ на него требованій; а пустопорожней, никѣмъ не занятой земли въ тѣ времена было столько, народонаселеніе было такъ рѣдко, что всякому легко было найти себѣ мѣ-

сто, никого не тревожа. Мы говоримъ de facto въ противоположность отвлеченному праву собственности, ибо на вопросъ: кому земля принадлежала, древняя Русь не давала отвѣта. Этотъ вопросъ для нея не существовалъ; въ то время землею пользовались какъ пользуется искони вѣковъ все человѣчество воздухомъ, свѣтомъ и другими благами, по существу своему не подлежащими ничьему усвоенію (inaprroppriable).

Изъ этого первобытнаго состоянія постепенно начала̀ выходить Россія, когда потомки призванныхъ князей съ ихъ дружинами окончательно въ ней водворились. Изъ безразличной массы населенныхъ земель мало-по-малу стала выдѣляться собственность княжеская, церковная и, наконецъ, частная. Это новое отношеніе къ землѣ не нарушало прежняго, фактическаго отношенія къ ней осѣдлыхъ земледѣльцевъ; право собственности на землю не сталкивалось съ безспорнымъ владѣніемъ; первое такъ сказать воздвигалось надъ вторымъ; оно болѣе и болѣе выяснялось въ своихъ примѣненіяхъ, въ формахъ даренія, обмѣна, отдачи въ помѣстное владѣніе, и распространялось въ ширину, забирая населенныя и пустопорожнія земли отъ центральныхъ пунктовъ, городовъ, къ отдаленнымъ окружностямъ княженій. Тѣмъ не менѣе, долго еще держались въ разныхъ мѣстахъ остатки прежняго владѣнія, признаннаго верховною властью, подъ названіемъ черныхъ волостей, то-есть такихъ земель, которыя не составляли ничьей личной собственности и которыми, по старинѣ, владѣли водворенные на нихъ жители. Отношенія вотчинниковъ и помѣщиковъ къ поселянамъ, которыхъ они застали на землѣ, были весьма немногосложны. Они ограничивались сборами разнаго рода, судомъ и расправою. Личная, весьма слабая зависимость поселянъ отъ вотчинниковъ и помѣщиковъ истекала изъ ихъ зависимости, какъ подданныхъ, отъ представителей верховной власти и служилыхъ людей, органовъ этой власти. Какъ лично-свободные, крестьяне могли переходить съ мѣста на мѣсто; этого права никто у нихъ не оспоривалъ; но частыхъ переходовъ мы не видимъ, потому что не было поводовъ, не было крайней для нихъ нужды оста-

влять земли, которыхъ у нихъ никто не отнималъ и въ пользованіи которыми никто ихъ не тревожилъ.

Между тѣмъ, усвоеніе земель подвигалось быстро, и помѣстная система развивалась въ огромныхъ размѣрахъ. Иначе и быть не могло; ибо въ тѣ времена раздача земель, замѣняя денежное жалованье, представляла почти единственный способъ вознагражденія за государственную и частную службу. Всѣ потребности быстро-возраставшаго государства удовлетворялись съ земли; съ нея платились подати, ставились подводы и ратные люди. Бремя государственнаго управленія, съ каждымъ днемъ возраставшее, падало непосредственно на помѣщиковъ и вотчинниковъ, а они въ свою очередь разлагали его на крестьянъ, которыхъ трудъ оплодотворялъ почву. По мѣрѣ возвышенія требованій правительства, изыскивались и изощрялись средства къ извлеченію изъ земли возможно-большей прибыли. Таковыхъ средствъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ было только два: увеличеніе народонаселенія привлеченіемъ крестьянъ и возвышеніе ихъ повинностей. Правда, что одно другому противорѣчило, ибо крестьяне переманивались обѣщаніемъ разныхъ льготъ, а увеличеніе требованій пугало ихъ и подавало поводъ къ опустѣнію дворовъ; но оба средства совпадали другъ съ другомъ въ конечныхъ общихъ своихъ послѣдствіяхъ; дѣйствіе ихъ на бытъ простаго народа было одинаково. Они постепенно ослабляли прежнюю историческую связь земледѣльца съ землею, пріучали его къ бродячей жизни и подрывали осѣдлость. Къ пагубному вліянію указанныхъ причинъ присоединилось еще третье обстоятельство: конфискація въ казну недвижимыхъ имѣній у мѣстныхъ владѣльцевъ свѣтскаго и духовнаго чина по присоединеніи къ Москвѣ удѣльныхъ княжествъ, Тверскаго, Рязанскаго, Новгородскаго, Псковскаго, и раздача конфискованныхъ земель помѣщикамъ изъ другихъ областей. Эта мѣра, какъ извѣстно, примѣнялась въ громадныхъ размѣрахъ и (какъ всякій крутой переворотъ въ сельскомъ быту, влекущій за собою нарушеніе стараго порядка вещей, введеніе новой системы управленія, новыхъ требованій) сильно тревожила поселянъ. Такимъ образомъ час-

тые переходы съ мѣста на мѣсто вошли въ обычай и получили законную форму.

Трудно теперь представить себѣ въ ясныхъ чертахъ внутреннее состояніе Россіи въ то время, когда въ государствѣ, по преимуществу земледѣльческомъ, земледѣлецъ отвыкалъ отъ земли, терялъ осѣдлость и вмѣстѣ съ тѣмъ привязанность къ родной нивѣ; когда земледѣліе превращалось въ самый ненадежный, ничѣмъ необезпеченный промыслъ; когда, съ наступленіемѣ извѣстнаго срока, масса народонаселенія поднималась съ мѣста, покидала свои жилища и расходилась въ разныя стороны; когда съ году на годъ пустѣли цѣлыя деревни, цѣлые приходы, даже уѣзды; когда вмѣстѣ съ матеріальнымъ благосостояніемъ упадала и народная нравственность, хозяйство частное и государственное шаталось на своихъ основахъ, и становилось невозможнымъ разсчитывать на вѣрное поступленіе податей и правильное исполненіе государственной службы.

Что̀ бы мы сказали, еслибы кто-нибудь, желая опредѣлить среднее количество пищи, потребной для человѣка, вздумалъ отправиться въ лазаретъ и производить наблюденія надъ больными и разслабленными? Годились ли бы собранныя въ этомъ ограниченномъ кругѣ данныя для составленія нормальнаго положенія о продовольствіи арміи или флота?

Въ такую же ошибку впали бы мы теперь еслибы, для разрѣшенія вопроса объ отношеніи крестьянъ къ землѣ, мы стали черпать историческія данныя единственно изъ эпохи, непосредственно-предшествовавшей укрѣпленію, принимая ее за начальное и нормальное состояніе. Повторяемъ опять: это было время переходное, время хаотическаго броженія, время кризиса, которому во что бы ни стало надлежало положить конецъ. Двумя путями можно было выйти изъ тогдашняго положенія: возстановить прежнее, исконное отношеніе крестьянъ къ землѣ, признать безспорный историческій фактъ владѣнія и возвести его на степень положительнаго права—укрѣпить закономъ землю за крестьянами, или наоборотъ: прикрѣпить крестьянъ къ землѣ. Къ несчастію, въ тѣ времена свобод-

наго выбора не могло быть. При столкновеніи интересовъ простаго народа съ интересами служилаго сословія, могучаго и единственнаго органа правительственной власти, послѣдніе неминуемо должны были перетянуть. Крестьяне надолго утратили личную свободу, право располагать собою; но этою жертвою спасено было для лучшихъ временъ ихъ право на землю.

Таково происхожденіе и таковъ конецъ свободнаго перехода. Мы теперь называемъ его правомъ и почти невольно съ этимъ словомъ связываемъ понятіе о какомъ-то преимуществѣ, о какой-то выгодѣ. Но право перехода, какъ историческое явленіе, стоящее на рубежѣ двухъ рѣзко между собою различающихся эпохъ, имѣетъ двоякое значеніе и можетъ быть разсматриваемо съ двухъ сторонъ. Въ сравненіи съ состояніемъ крѣпостной зависимости, продолжающимся теперь, когда крестьянинъ, лишенный своей личной самостоятельности, въ тоже время обязанъ нести тяжелыя повинности, налагаемыя на него произволомъ помѣщика, возможность бросить дворъ и пашню, бѣжать отъ несносныхъ вымогательствъ и искать лучшаго въ иномъ мѣстѣ, представляется какъ преимущество прошедшаго времени передъ настоящимъ, какъ драгоцѣнное благо; но само по себѣ и по сравненію съ предшествовавшимъ состояніемъ, когда никто не тревожилъ крестьянина, ничто не вынуждало его жить на сторожѣ и не мѣшало ему привязаться къ родной почвѣ, проявленіе этого права и его узаконеніе представляется какъ несомнѣнный признакъ упадка. Въ сущности, право перехода было послѣднимъ, узкимъ убѣжищемъ для загнаннаго крестьянина, единственнымъ и крайне-тяжелымъ средствомъ избавиться отъ угнетенія.

Для бо́льшаго уясненія понятій объ этомъ важномъ предметѣ, возьмемъ примѣръ изъ другой сферы. Всѣ Русскіе издревле носили бороды, никто не думалъ этому противиться, и никто не называлъ ношенія бородъ правомъ. Петръ I-й обложилъ бороды особою пошлиною; кто не хотѣлъ подчиниться новому имъ вводимому обычаю, вынужденъ былъ по установленной таксѣ взять въ казначействѣ ярлыкъ на

свою бороду, которую онъ черезъ это спасалъ, пріобрѣталъ право носить ее. Наконецъ, выкупъ бороды былъ отмѣненъ, и послѣдовало безусловное воспрещеніе высшему сословію носить бороды.

Говоря о второмъ переходномъ состояніи, скажемъ ли мы теперь, что Русскіе пользовались тогда правомъ или преимуществомъ вносить въ казну пошлину за свою бороду? Безспорно это состояніе было льготнѣе наступившаго послѣ; но, въ сравненіи съ предшествовавшимъ, оно носило характеръ стѣсненія, ущерба и нарушенія свободы.

Теперь повторимъ вкратцѣ все предъидущее:

Крѣпостной крестьянинъ не колонистъ, случайно забредшій на чужую сторону, не постоялецъ, впущенный на чужую квартиру по волѣ домохозяина; онъ владѣлъ землею изстари по праву безспорнаго занятія задолго до того времени, когда эта земля сдѣлалась вотчинною собственностью помѣщиковъ; законъ объ укрѣпленіи засталъ его на землѣ и возстановилъ временно-поколебленную его осѣдлость. Русскій, нѣкогда вольный крестьянинъ, не испытавъ надъ собою насилія чужеземныхъ завоевателей, долженъ былъ принести въ жертву свою личную свободу и пройти шагъ за шагомъ тернистый путь отъ первобытной свободы къ рабству; но это тяжелое испытаніе не пропало даромъ; оно оставило по себѣ положительный историческій результатъ: оно обезпечило навсегда, такъ сказать, закрѣпило историческое право крестьянъ на владѣніе землею, носящею названіе крестьянской или мірской, и составляющей необходимое условіе ихъ матеріальнаго существованія, какъ самостоятельнаго сословія.

Этотъ сжатый очеркъ развитія поземельныхъ отношеній въ Россіи, безъ сомнѣнія, возбудитъ много возраженій и споровъ; предупредить ихъ, представить нужныя доказательства и объясненія не позволяютъ предѣлы настоящей записки. Когда мы будемъ имѣть полную исторію крѣпостнаго права въ Россіи, то, что̀ кажется теперь произвольнымъ или сомнительнымъ, получитъ характеръ очевидности. Впрочемъ, историческіе результаты пережитыхъ вѣковъ, даже когда ихъ не замѣчаетъ наука и не признаетъ дѣйствую-

щее законодательство, сохраняются въ сознаніи народа, въ его духовныхъ инстинктахъ. Крѣпостные крестьяне твердо убѣждены въ своемъ правѣ на землю; они не допускаютъ, не понимаютъ, чтобы, съ пріобрѣтеніемъ личной свободы, это право могло отойти отъ нихъ. Можно поручиться, что предложенную имъ на такомъ условіи свободу они встрѣтили бы какъ насильственную экспропріацію и что пришлось бы вводить ее съ картечью и штыками.

Но, сознавая свое право на владѣніе землею, крестьяне не почитаютъ его безусловнымъ и не отрицаютъ права собственности вотчинниковъ на туже землю. Они нерѣдко жалуются на обременительность, на излишество повинностей, на нихъ возлагаемыхъ, но не отвергаютъ права помѣщиковъ продавать, дарить, закладывать землю и получать съ нея доходъ въ видѣ оброка или барщины. Помѣщичьи крестьяне никогда не изъявляли притязанія на даровое, безплатное пользованіе землею; да и откуда бы могло родиться въ нихъ такое притязаніе, когда и казенные и удѣльные крестьяне пользуются землею изъ платежа оброка? Во всѣхъ извѣстныхъ случаяхъ безпорядковъ или бунтовъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, возникавшихъ не изъ чувства ненависти къ личности помѣщика, а изъ поземельныхъ отношеній, крестьяне обыкновенно домогались, чтобы помѣщикъ не отнималъ у нихъ земли, необходимой для ихъ прокормленія, чтобы повинности, съ нихъ требуемыя, не были для нихъ разорительны; иногда они выражали надежду, что правительство выкупитъ ихъ и вознаградитъ помѣщика, или дастъ имъ средство самимъ разсчитаться съ нимъ. Въ этомъ отношеніи указъ о выкупѣ крестьянъ съ землею, при продажѣ имѣній съ публичныхъ торговъ, ближе всего подходилъ къ понятіямъ и надеждамъ народа.

Итакъ, историческое развитіе поземельныхъ отношеній въ Россіи и современное народное сознаніе, живой плодъ этого развитія, указываютъ намъ на неоспоримое существованіе двухъ взаимно-ограничивающихся правъ на землю: право владѣнія землею, принадлежащее крестьянамъ, и право собственности на землю, принадлежащее вотчинникамъ.

Совмѣстны ли эти права, и не исключаются ли они взаимно? Этотъ вопросъ до сихъ поръ еще не приведенъ въ ясность. Многіе думаютъ, что признаніе права крестьянъ на землю есть посягательство на право помѣщиковъ. Мы слышимъ часто: „можно ли назвать собственникомъ того, кто не можетъ свободно располагать своимъ имуществомъ (въ этомъ случаѣ землею), а долженъ, хотя бы и противъ воли, оставлять ее въ вѣчномъ пользованіи у другаго?“ Изъ этого выводятъ, что признаніе права крестьянъ на землю влечетъ за собою необходимость вознаградить помѣщика. Но этотъ взглядъ основанъ на смѣшеніи права собственности съ правомъ неограниченнаго распоряженія. Второе вовсе не составляетъ ни необходимой, ни постоянной принадлежности перваго; напротивъ, очень часто первое является безъ втораго. Всякій капиталъ, помѣщенный съ отреченіемъ отъ права на обратное его полученіе, въ видѣ безвозвратной ссуды (capital inexigible, placé à fond perdu) составляетъ неоспоримую собственность заимодавца или вкладчика, хотя и не состоитъ въ его распоряженіи. Тоже свойство имѣетъ крестьянская земля въ помѣщичьихъ вотчинахъ. Что̀ же касается до права на вознагражденіе за уступаемое право распоряженія, то оно не подлежитъ сомнѣнію; но вознагражденіе можетъ быть допущено въ троякой формѣ: единовременной выплаты всей капитальной стоимости уступаемаго имущества (чѣмъ, разумѣется, упраздняется и самое право собственности на него), или постоянной непрерывной уплаты процента, въ видѣ барщины, оброка или денежнаго процента въ тѣсномъ смыслѣ слова, или, наконецъ, въ видѣ срочной уплаты извѣстнаго процента съ погашеніемъ самаго капитала.

Во всѣхъ земляхъ, гдѣ упраздненіе крѣпостнаго права совершено въ недавнее время, безъ потрясеній, мѣрами правительства, первымъ приступомъ къ дѣлу было признаніе и утвержденіе двухъ выведенныхъ выше правъ.

Такъ, напримѣръ, въ Прусскомъ земскомъ уложеніи, изданномъ въ концѣ прошлаго вѣка, незадолго до освобожденія крестьянъ, мы читаемъ: запрещается упразднять крестьянскіе участки прирѣзываніемъ ихъ къ господскимъ полямъ

(Einziehung der Stellen), или соединеніемъ нѣсколькихъ таковыхъ участковъ въ одинъ; запрещается произвольно возвышать повинности крестьянъ, владѣющихъ сими участками (часть II, разд. 7, ст. 14, 138). Тотъ же самый порядокъ вещей установленъ былъ Шведскимъ правительствомъ въ нашихъ Остзейскихъ губерніяхъ, при введеніи вакенбуховъ. Русское правительство нарушило его въ 1804 году, даровавъ крестьянамъ личную свободу и не обеспечивъ ихъ права на землю; но вскорѣ оно вынуждено было обратиться къ прежнимъ началамъ и возстановить законъ о неприкосновенности крестьянской земли (Полож. Лифляндскаго Комитета 1846 года). Ни въ Пруссіи, ни въ Остзейскомъ краѣ это не было принято за посягательство на право вотчинной собственности.

II. Что въ настоящихъ поземельныхъ отношеніяхъ подлежитъ измѣненію и что должно быть удержано?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ вытекаетъ самъ собою изъ всего предъидущаго. Прикрѣпленіе крестьянъ спасло осѣдлость поселянъ, но поставивъ крестьянина въ зависимость отъ земли и вотчинника; теперь предстоитъ, сохраняя осѣдлость, освободить крестьянина и поставить землю въ зависимость отъ него, иными словами: признать и упрочить его право владѣнія на землю. Подобная задача предстоитъ правительству и въ другой области. Административная централизація скрѣпила и упрочила политическое единство Русской земли; теперь излишество и вредныя ея послѣдствія стали для всѣхъ очевидны; наступило время дать просторъ областной жизни. Но, конечно, приступая къ реформѣ, правительство не захочетъ пожертвовать тѣмъ, что̀ создано централизаціею, то-есть государственнымъ единствомъ Русской земли.

Въ журналахъ Комитета, въ запискахъ, поданныхъ частными лицами и принятыхъ къ соображенію, предъявлено было три мнѣнія по вопросу о надѣлѣ крестьянъ землею при ихъ освобожденіи:

а) освободить крестьянъ безъ клочка земли и безъ всякихъ условій.

б) освободить ихъ съ малою частью той земли, которою они владѣютъ, т.-е. съ усадьбою и выгономъ.

в) освободить ихъ съ землею, въ настоящее время состоящею въ ихъ пользованіи, или съ количествомъ земли, близко подходящимъ къ этой пропорціи и достаточнымъ для ихъ прокормленія.

Первое изъ этихъ мнѣній, кажется, не заслуживаетъ опроверженія. Оно такъ рѣзко противорѣчитъ нашему историческому прошедшему, современному быту сельскаго сословія, кореннымъ привычкамъ, убѣжденіямъ и надеждамъ народа, наконецъ, результатамъ административной опытности нашего правительства, что едва ли найдется кто-либо изъ числа государственныхъ нашихъ мужей, кто бы принялъ на свою отвѣтственность привести его въ исполненіе и совладать съ страшнымъ переворотомъ, который бы неминуемо затѣмъ послѣдовалъ. Такое мнѣніе могло возникнуть только, какъ логическій выводъ изъ отвлеченныхъ и притомъ крайне-узкихъ юридическихъ понятій, безъ всякаго соображенія съ практикою, съ тѣмъ, чтó есть на Руси, чтó сложилось въ ней изстари, само собою, противъ чего спорить нельзя, какъ нельзя спорить противъ климата, физіономіи народа и языка, которымъ онъ говоритъ. Остается только удивляться тому, какъ подобный совѣтъ могъ быть поданъ въ 1857 году послѣ того, какъ опытъ, сдѣланный нами же въ Остзейскомъ краѣ въ началѣ нынѣшняго вѣка, привелъ къ убѣжденію, единогласно выраженному правительствомъ и мѣстнымъ дворянствомъ, что освобожденіе крестьянъ безъ земли есть мѣра для народа разорительная, а для государства крайне-опасная.

Второе мнѣніе требуетъ особенно внимательнаго разсмотрѣнія, представляетъ собою какъ бы мировую сдѣлку между первымъ и послѣднимъ мнѣніемъ. Съ первымъ оно имѣетъ общаго непризнаніе права крестьянъ на землю, съ послѣднимъ—желаніе спасти осѣдлость. Въ пользу его приводятся слѣдующія административныя и хозяйственныя соображенія.

1) Укрѣпленіе усадьбы и выгона за крестьянами предупредитъ бродяжничество и сопряженныя съ нимъ опасности.

2) Не имѣя пахатной земли, которая останется въ неограниченномъ распоряженіи помѣщика, крестьяне вынуждены будутъ нанимать ее у вотчинника, который съ своей стороны будетъ искать съемщиковъ, ибо земля, въ пустѣ лежащая, не дала бы ему дохода. Обоюдная необходимость, съ одной стороны найма, съ другой — сдачи земли, обеспечитъ интересы обѣихъ сторонъ и обоюдную выгодность непринужденныхъ между ними сдѣлокъ.

3) Оставленіе всей пахатной земли въ неограниченномъ распоряженіи вотчинника даетъ возможность развязать узелъ крѣпостнаго права, не прибѣгая къ экспропріаціи, а потому устраняетъ вопросъ о вознагражденіи помѣщиковъ, неразрѣшимый при теперешнемъ состояніи государственныхъ финансовъ.

Разсмотримъ каждый изъ этихъ доводовъ порознь.

1) Можно до нѣкоторой степени допустить, что предоставленіе крестьянамъ неотъемлемаго права на усадьбы, огороды и выгонъ предупредитъ полицейскіе безпорядки, сопряженные съ кочеваніемъ сельскихъ жителей; но предупредитъ ли оно разстройство въ сельскомъ хозяйствѣ? Можно ли поручиться, что крестьяне, оставаясь на жительствѣ въ той деревнѣ, въ которой они жили доселѣ, захотятъ нанимать подъ пашню землю у своего помѣщика? Конечно, они дорожатъ близостью полей и еще болѣе (въ губерніяхъ, гдѣ введено удобреніе) навозными нивами; но, вопервыхъ, есть немало такихъ деревень, которыя, будучи расположены у границы имѣнія, прилегаютъ къ полямъ сосѣдняго помѣщика также близко, а иногда и ближе, чѣмъ къ своимъ полямъ; вовторыхъ, въ нашихъ степныхъ, приволжскихъ губерніяхъ достоинство пашни зависитъ исключительно отъ количества снятыхъ съ нея хлѣбовъ и продолжительности даннаго ей отдыха; тамъ крестьяне предпочтутъ всегда крѣпкую залежъ, въ десяти верстахъ отъ деревни, мякотной землѣ, хотя бы она подходила къ ихъ задворкамъ. Въ томъ и другомъ случаѣ, многіе, оставаясь въ томъ же селѣ, снимутъ поля въ другомъ, сосѣднемъ имѣ-

ніи и откажутся отъ прежней своей пашни, которая легко можетъ пролежать въ пустѣ. Подобные случаи будутъ встрѣчаться особенно въ небольшихъ имѣніяхъ. Но это еще не такъ важно и касается исключительно ущерба, угрожающаго помѣщику. Можно ли поручиться, что помѣщикъ всегда найдетъ выгоду въ сдачѣ пахатной земли именно тѣмъ крестьянамъ, которые живутъ въ его имѣніи? Этотъ вопросъ относится преимущественно къ густо-населеннымъ мѣстностямъ хлѣбородныхъ губерній: Тульской, Рязанской, отчасти Орловской. Предположимъ имѣніе, въ которомъ крестьяне небогаты. Они владѣютъ въ полѣ $1^1/_2$ десятинами на тягло, изъ коихъ $^1/_3$, прилегающая къ дворамъ, постоянно удобривается. Наемная цѣна десятины такой земли подъ одинъ хлѣбъ не можетъ быть дешевле 6—7 рублей; но крестьяне, по бѣдности своей, не въ состояніи дать за нее болѣе 5 рублей, а сосѣдніе съ радостью накидываютъ еще два рубля. Помѣщикъ, конечно, сдаетъ ее послѣднимъ. Что̀ же произойдетъ, когда крестьяне другаго селенія и другаго помѣщика пріѣдутъ на снятыя ими поля съ сохами и боронами и начнутъ сѣять на ней хлѣбъ, въ глазахъ тѣхъ крестьянъ, которые владѣли ею изстари, называя ее своею, мірскою землею, которые столько лѣтъ ее удобривали въ надеждѣ, что они сами и ихъ дѣти извлекутъ изъ нея вознагражденіе за свои труды? Дѣло едва ли обойдется безъ драки и безпорядковъ разнаго рода.

2) Предполагаемое уравненіе обоюдныхъ выгодъ помѣщиковъ и крестьянъ, при вольномъ наймѣ земли, болѣе чѣмъ сомнительно. За исключеніемъ частныхъ случаевъ, гдѣ помѣщикъ останется въ накладѣ, потому что крестьяне найдутъ дешевую землю по сосѣдству, или предпочтутъ оставить земледѣліе и обратиться къ другимъ занятіямъ, можно принять за общее правило, что въ скоромъ времени вотчинники возьмутъ рѣшительный верхъ надъ съемщиками и поднимутъ цѣны на земли до такой степени, что очень многіе крестьяне вынуждены будутъ отъ нея отказаться и перейти изъ высшаго разряда хозяевъ въ низшій—сельскихъ батраковъ. Даже въ настоящее время, при необыкновенно-медленномъ у насъ наращеніи народонаселенія, въ нѣкото-

рыхъ мѣстностяхъ, какъ замѣчено выше въ этой запискѣ, ненаселенная земля цѣнится дороже населенной; къ этому мы должны прибавить, ссылаясь на примѣръ Остзейскаго края, Силезіи, Восточной и Западной Пруссіи, что самыя лучшія земли неминуемо перейдутъ изъ владѣнія крестьянъ въ непосредственное распоряженіе вотчинниковъ и что мы увидимъ у себя повтореніе той хозяйственной операціи — систематическаго упраздненія крестьянскихъ участковъ (Sprengen, Einziehen der Bauernhöfe)—надѣлавшей за границею такъ много вреда, и противъ которой всѣ Нѣмецкія правительства вели такую трудную и долгую борьбу. Отпустить нашихъ крестьянъ на волю, не обезпечивъ ихъ права на пашню и, сложивъ съ помѣщиковъ всякую за нихъ отвѣтственность, лишить крестьянъ покровительства власти и предоставить имъ самимъ торговаться съ помѣщиками, замѣнить существующія отношенія полною свободою совмѣстничества, при недостаткѣ образованія, навыка къ самостоятельности, при общей бѣдности крѣпостныхъ крестьянъ—значило бы отдать ихъ въ жертву помѣщикамъ.

3) Мнимая справедливость предлагаемой мѣры не удовлетворила бы ни той, ни другой стороны. Крестьянинъ сознаетъ за собою одинаковое право на всю свою землю, на домъ, усадьбу, огородъ, выгонъ, пашню и покосъ, которыми пользуется. Въ его понятіяхъ, все хозяйство его составляетъ нераздѣльное цѣлое, и существующій у насъ въ деревняхъ порядокъ вещей нисколько не приготовилъ его къ тому, чтобы домъ, усадьбу и огородъ онъ считалъ своею собственностью, а отъ пашни готовъ бы былъ отказаться. Конечно, случается, что помѣщикъ мѣняется полями съ крестьянами безъ ихъ согласія, или даже просто, безъ вознагражденія, отбираетъ у нихъ часть ихъ земли; но развѣ не такъ же часто помѣщикъ переводитъ съ мѣста на мѣсто или упраздняетъ цѣлыя деревни, продавая людей на своз? Въ обоихъ случаяхъ крестьяне одинаково плачутъ и ропщутъ. Мало того: тамъ, гдѣ послѣ недавняго пожара помѣщикъ на свой счетъ обстроилъ крестьянъ или поставилъ имъ каменныя избы изъ покупнаго матеріала, наемными рабочими или своими же людьми, но въ зачетъ барщины,

крестьяне почитаютъ себя не столь полными хозяевами въ своихъ избахъ, сколько въ своей пашнѣ, которая искони удобряется и воздѣлывается исключительно ихъ трудами безъ всякаго участія помѣщиковъ. Итакъ, крестьяне, теряя право владѣнія на значительную долю мірской земли, конечно, будутъ недовольны. Едва ли будетъ доволенъ и помѣщикъ: у него отнимется часть его собственности, земля, состоящая подъ крестьянскими усадьбами, огородами и выгономъ, онъ утратитъ всякое на нее право и не получитъ никакого вознагражденія. Съ точки зрѣнія права и справедливости нельзя оправдать этой мѣры. Это—прямая экспропріація, явное нарушеніе собственности, правда, въ небольшомъ размѣрѣ; но всѣмъ извѣстно, что во многихъ оброчныхъ имѣніяхъ промышленной полосы Россіи, этотъ небольшой клочокъ земли составляетъ все, что̀ нужно для крестьянина, чѣмъ онъ дорожитъ, съ чего бы могъ помѣщикъ получать оброкъ. Наконецъ, неосновательно мнѣніе будто бы укрѣпленіе за крестьянами всей мірской земли въ неотъемлемое владѣніе неминуемо требуетъ финансовой операціи для вознагражденія помѣщика. Въ этомъ есть недоразумѣніе. Помѣщикъ уступаетъ навсегда право распоряженія или владѣнія мірскою землею, сохраняя на нее право собственности, слѣдовательно, право на полученіе съ нея дохода. Крестьяне обезпечиваются въ правѣ владѣнія мірскою землею подъ условіемъ уплаты помѣщику этого дохода въ видѣ оброка или барщины. Въ этой сдѣлкѣ нѣтъ ни нарушенія права собственности, ни повода требовать единовременнаго вознагражденія. Остается только взвѣсить и уравнять цѣнность земли, угодій, выгодъ всякаго рода, получаемыхъ крестьянами, съ оброкомъ, работами, повинностями всякаго рода, которыми они обложены будутъ въ пользу вотчинника. Эта задача разрѣшается двумя способами: добровольными договорами или обязательнымъ положеніемъ, изданнымъ отъ правительства.

Третье мнѣніе есть то, для подкрѣпленія котораго составлена эта записка. Доводы въ пользу его изложены въ первой ея части, и потому теперь нѣтъ надобности повторять ихъ. Нужно только прибавить слѣдующее. Предполагается

предоставить во владѣніе крестьянамъ количество земли, необходимое для ихъ пропитанія. Оно совпадетъ въ общей сложности съ теперешнимъ ихъ владѣніемъ, хотя въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ окажется слишкомъ мало земли, въ другихъ, особенно въ сѣверныхъ, промышленныхъ губерніяхъ, нерѣдко будетъ встрѣчаться противное. Разрѣшеніе вопроса: сколько именно въ каждомъ имѣніи необходимо выдѣлить мірской земли можетъ быть предоставлено обоюдному соглашенію сторонъ во все продолженіе перваго періода, тѣмъ болѣе, что, конечно, никто лучше самихъ крестьянъ не знаетъ мѣры дѣйствительной ихъ потребности. Поэтому до тѣхъ поръ пока добровольное ихъ согласіе почитается необходимымъ условіемъ всякой сдѣлки съ помѣщикомъ, правительство можетъ безопасно допускать заключеніе и такихъ договоровъ, по которымъ они должны остаться при однихъ усадьбахъ и огородахъ, или съ малою частью прежнихъ своихъ полей. Гдѣ крестьяне откажутся отъ всей пашни или отъ нѣкоторой ея части, смѣло можно поручиться, что тамъ они точно въ ней не нуждаются.

III. Къ какому состоянію должны мы вести крѣпостныхъ людей?

Географическіе размѣры Россіи, первостепенное значеніе земледѣлія въ нашемъ отечествѣ, характеръ, привычки Русскаго народа—все это открываетъ возможность правительству и, слѣдовательно, налагаетъ на него обязанность поставить цѣлью законодательства самое высшее состояніе, до котораго можетъ подняться народъ по преимуществу земледѣльческій: состояніе свободныхъ крестьянъ-собственниковъ (paysans propriétaires).

Но между этою отдаленною цѣлью и современнымъ состояніемъ лежитъ нѣсколько переходныхъ ступеней, которыхъ нельзя миновать. Каждой соотвѣтствуетъ особый періодъ въ будущемъ, только что начинающемся развитіи крѣпостнаго сословія. Эти періоды обозначаются сами собою.

Періодъ первый. Облегчится заключеніе договоровъ между вотчинниками и крестьянами. Стѣснятся предѣлы лич-

наго произвола душевладѣльцевъ и установится такса личнаго выкупа безъ земли.

Періодъ второй. Отношенія между вотчинниками и крестьянами установятся законодательнымъ порядкомъ: въ каждомъ имѣніи отведется навсегда мірская земля, и опредѣлятся повинности крестьянъ. Власть душевладѣльцевъ стѣснится еще болѣе, и учредятся судебныя инстанціи для разбирательства споровъ и обоюдныхъ жалобъ крестьянъ и помѣщиковъ.

Періодъ третій. Правительство оцѣнитъ повинности крестьянъ и посредствомъ финансовой операціи (внутренняго или внѣшняго займа) выкупитъ ихъ, вознаградивъ вотчинниковъ. Всякая зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ упразднится безусловно. Крестьяне поступятъ въ непосредственное отношеніе къ правительству, какъ свободное состояніе; но, какъ должники казны, они подвергнутся нѣкоторымъ ограниченіямъ въ распоряженіи землею до погашенія капитала, употребленнаго на выкупъ ихъ повинностей.

Періодъ четвертый. По выплатѣ этого долга, крестьяне вступятъ въ права полныхъ собственниковъ. Сельскія общества получатъ окончательную организацію, административную, хозяйственную и судебную. Опредѣлятся личныя права и отношенія каждаго крестьянина къ сельскому обществу.

II.

Что выгоднѣе: общинное мірское владѣніе землею или личное?

Этотъ вопросъ обратилъ на себя особенно вниманіе Комитета; но его еще нельзя почесть рѣшеннымъ. На сельскую общину нападали съ ожесточеніемъ, защищали ее слабо; окончательнаго вывода, къ счастію, не сдѣлали.

Противники общины говорили:

1) что событія, переданныя намъ исторіею, доказываютъ, что опасно неповиновеніе не отдѣльныхъ обывателей, а цѣлыхъ общинъ, обладающихъ матеріальными силами;

2) что присвоеніе крестьянамъ правъ пообщинно влечетъ за собою дарованіе такихъ же правъ другимъ сословіямъ,

самостоятельное и отдѣльное усиленіе которыхъ видимо несогласно съ началами самодержавной власти.

Изъ этого заключали, что общинное начало должно, какъ вредное, быть вытѣснено изъ нашего законодательства.

Въ этихъ нападеніяхъ слышны отголоски (вѣроятно, послѣдніе) того стараго пережившаго себя воззрѣнія, подъ вліяніемъ котораго усердное служеніе самодержавію извращалось въ слѣпое гоненіе противъ всего живаго, крѣпкаго и сильнаго въ народѣ.

Если община вредна только потому, что она сильна, а разрозненныя личности безвредны, потому что слабы, то и просвѣщеніе вредно и богатство народное вредно; это также силы въ сравненіи съ невѣжествомъ и съ бѣдностью. Выводъ изъ этого тотъ, что интересы самодержавія противны всякому развитію и всякому успѣху. Странно, что распространеніе этой мысли выдается за служеніе верховной власти!

Въ какой исторіи вычитано, что революціонныя начала прививаются къ сельскимъ общинамъ легче, чѣмъ къ отдѣльнымъ личностямъ—этого не говорятъ; да и трудно бы было доказать не только примѣрами, но даже общими соображеніями, что общество поселянъ, такъ сказать приросшихъ къ землѣ и связанныхъ другъ съ другомъ единствомъ мірскаго владѣнія, по природѣ своей подвижнѣе, безпокойнѣе и болѣе способно увлечься страстью или мечтою, чѣмъ разрозненныя личности, нигдѣ не имѣющія корня и лишенныя общихъ хозяйственныхъ интересовъ. Изъ нашей исторіи видно, что сельскія и городскія общины въ 1612 году очистили Россію отъ бездомныхъ бродягъ, спасли ея цѣлость и возвели на Московскій престолъ Михаила Романова; а исторія западная доказываетъ, что королевская власть обязана своимъ торжествомъ надъ могучими вассалами содѣйствію общинъ; наоборотъ, первымъ дѣломъ революціоннаго правительства во Франціи было разбить всѣ общины, корпораціи и частные союзы на безсвязныя единицы. Далѣе, мы знаемъ изъ современной исторіи, что разрозненныя, пущенныя на всѣ четыре стороны личности, томясь своимъ

одиночествомъ и своею слабостью, сами собою стремятся неудержимо къ соединенію, и тогда, за отсутствіемъ естественной общины, основанной на единствѣ хозяйственныхъ интересовъ, всѣми за одно охраняемыхъ, слагается община искусственная, основанная на единствѣ неудовлетворенныхъ потребностей, на чувствѣ зависти и озлобленія противъ существующаго порядка вещей. Эта искусственная ассосіація называется тайнымъ обществомъ. Лучше ли она нашей сельской общины?

Странно также утвержденіе, будто признаніе сельской общины повлекло бы за собою необходимость распространить туже организацію на другія сословія, какъ будто у насъ издавна не существуетъ сельскихъ обществъ: казенныхъ, удѣльныхъ, и городскихъ: цеховыхъ, мѣщанскихъ и купеческихъ! Одни кочевые инородцы въ Россіи не составляютъ обществъ.

Наконецъ, нельзя не подивиться легкости, съ которою однимъ почеркомъ пера рѣшается вопросъ о господствующей формѣ народнаго быта и дается совѣтъ исключить ее навсегда. Едвали въ правильно-устроенномъ правительствѣ найдется другой примѣръ подобной законодательной удали. Она невольно напоминаетъ пріемы той власти, которая въ одинъ прекрасный день вычеркнула имя Божіе, а на другой объявила, что безъ Верховнаго существа нельзя обойтись.

Но мнѣніе, заподозривающее общинное начало съ точки зрѣнія интересовъ самодержавной власти, кажется, въ настоящее время уже не можетъ имѣть успѣха, и потому останавливаться на немъ долѣе было бы безполезно.

Есть другое мнѣніе, имѣющее на своей сторонѣ сильные авторитеты и не одинъ разъ выражавшееся въ Комитетѣ. Признавая общинное начало, въ примѣненіи къ владѣнію землею, невыгоднымъ и вреднымъ, оно отстаиваетъ его какъ самую удобную и вмѣстѣ народную форму управленія. Пожертвовать общиною хозяйственною и удержать общину административную — вотъ въ чемъ заключается его сущность. Это мнѣніе вылилось изъ двухъ источниковъ: первая половина его образовалась подъ вліяніемъ политико-экономическихъ теорій Западной Европы; вторая—изъ на-

шего собственнаго опыта. Каждая, отдѣльно взятая, представляетъ вѣрный выводъ изъ цѣлаго ряда многозначительныхъ явленій; но эти явленія принадлежатъ двумъ совершенно различнымъ общественнымъ средамъ, и потому слабая сторона этого мнѣнія заключается въ невозможности согласить, сочетать вмѣстѣ обѣ половины.

Въ основѣ общины административной лежитъ община хозяйственная. Когда единство совокупнаго владѣнія или другихъ матеріальныхъ интересовъ, существенно важныхъ, совокупляетъ массу лицъ въ одно цѣлое, они легко и охотно подчиняются одному управленію, несутъ сообща налагаемыя на нихъ тягости и отвѣчаютъ другъ за друга; а гдѣ недостаетъ этой основы или гдѣ связующіе интересы слишкомъ ничтожны, тамъ естественно приходитъ въ упадокъ и административная община или поддерживается искусственно принудительными мѣрами. Какъ общинное, такъ и личное начало имѣютъ свои выгоды и свои невыгоды; но тѣ и другія взаимно обусловливаются; онѣ нераздѣльны, и нельзя надѣяться удержать надолго форму управленія, которая бы оставляла обывателямъ однѣ невыгоды того и другаго порядка вещей. Личность, предоставленная самой себѣ, ничего не въ правѣ ожидать отъ другихъ; она можетъ умирать съ голоду въ богатомъ селеніи или городѣ; за то она ни за кого не отвѣчаетъ и заботится только о себѣ. Живой членъ самородной общины подчиняется разнымъ ограниченіямъ и пожертвованіямъ въ пользу міра; за то онъ въ правѣ ожидать отъ всѣхъ не только помощи, но и соразмѣрной съ его потребностями и трудами доли общихъ благъ.

Община административная, существующая у насъ, очень выгодна для казны, но въ сущности она представляетъ только тягость для обывателей, возлагая на каждаго члена, кромѣ личной отвѣтственности, круговую отвѣтственность за всѣхъ. Понятно, что правительство дорожитъ возможностью пополнять изъ одного кармана недостающее въ другомъ, или брать рекрута изъ перваго попавшагося семейства за неимѣніемъ годнаго въ состоящемъ на очереди, возлагать разныя оцѣнки на выборныхъ и воз-

мѣщать потомъ убытки изъ ихъ имущества, а въ случаѣ нужды изъ имущества избирателей; но на этомъ одномъ можно ли надѣяться основать такую общину, которую бы члены ея любили? А гдѣ нѣтъ свободнаго, искренняго участія къ общему дѣлу, тамъ нѣтъ и общины. Сравненіе нашихъ однодворческихъ и мѣщанскихъ обществъ, представляющихъ собою какъ бы карикатуру общиннаго быта, съ свѣжею, крѣпкою и здоровою сельскою общиною тамъ, гдѣ гнетъ помѣщичьей власти не подавилъ ея, неопровержимымъ свидѣтельствомъ подтверждаетъ вышесказанное о необходимости твердой хозяйственной основы.

Остается разсмотрѣть еще одинъ и притомъ самый важный вопросъ: дѣйствительно ли мірское владѣніе землею такъ вредно въ экономическомъ отношеніи, какъ обыкновенно думаютъ?

Прежде всего должно замѣтить, что это убѣжденіе возникло изъ сравненія мірскаго владѣнія съ личнымъ не у насъ въ Россіи, а нашего мірскаго съ личнымъ въ Западной Европѣ; но такое сравненіе не можетъ быть допущено безъ значительныхъ оговорокъ. Нѣтъ никакого основанія относить превосходство сельскаго хозяйства Нѣмецкаго и Англійскаго передъ нашимъ къ одному явленію, а именно къ мірскому владѣнію, тогда какъ всякій согласится, что у насъ фабрики, заводы, училища, пути сообщенія, флотъ, судебныя и правительственныя учрежденія уступаютъ иностраннымъ на столько же, на сколько отстоитъ наше полеводство отъ заграничнаго. На это есть много причинъ.

Мірское владѣніе и всѣ явленія хозяйственной общины, въ томъ видѣ и на той степени развитія, на которой они существуютъ въ современной Россіи, принадлежатъ исключительно намъ. Это одно изъ живыхъ, самородныхъ началъ Русской земли; но это только зародышъ, который не могъ еще развиться при множествѣ невыгодныхъ условій, связывающихъ жителей селъ. А потому сравненіе богатыхъ плодовъ высоко-развитаго личнаго владѣнія съ скудными плодами неразвитаго общиннаго владѣнія не даетъ еще права отвергать второе.

Но такое сравненіе вовсе небезполезно само по себѣ для уясненія характера того и другаго явленія. Личное владѣніе въ Западной Европѣ выразилось въ двоякой формѣ: мелкихъ дробныхъ участковъ, принадлежащихъ тѣмъ, которыми они обработываются (la petite propriété) и большихъ владѣній, сосредоточенныхъ въ немногихъ рукахъ и отдаваемыхъ по частямъ въ арендное содержаніе (la grande propriété). Первая изъ этихъ формъ преобладаетъ въ Пруссіи, Бельгіи, Ломбардіи, Франціи, вторая принадлежитъ преимущественно Англіи. Обѣ явили блистательные результаты, въ чемъ сознаются даже новѣйшіе Англійскіе экономисты, начинающіе отказываться отъ прежняго своего исключительнаго пристрастія къ большимъ владѣніямъ *); обѣ имѣютъ свои выгоды и свои невыгоды. Выгода мелкихъ участковъ заключается преимущественно въ томъ, что при этой формѣ владѣнія достигается высшая степень напряженія личнаго труда, матеріальнаго и умственнаго. Хозяинъ работаетъ лучше поденщика, и потому, чѣмъ больше въ земледѣльческомъ классѣ встрѣчается самостоятельныхъ хозяевъ, тѣмъ живѣе идетъ работа, и тѣмъ равномѣрнѣе распредѣляется въ массѣ получаемая отъ нея прибыль. Наоборотъ, невыгода заключается въ невозможности положить предѣлъ дробленію земли, которое, наконецъ можетъ дойти до такихъ крайностей, при которыхъ земледѣліе упадаетъ. Выгоды большихъ владѣній сводятся къ возможности возвысить производительность почвы съ значительнымъ сбереженіемъ труда, замѣняемаго огромными капиталами; за то земледѣліе при этихъ условіяхъ принимаетъ характеръ промышленнаго предпріятія, котораго барыши часто сосредоточиваются въ весьма немногихъ рукахъ.

Порядокъ вещей, существующій въ нашихъ селахъ, занимаетъ какъ бы середину между этими двумя формами. Все

---

*) Эта перемѣна взгляда особенно ясно выразилась въ сочиненіи лучшаго изъ современныхъ Англійскихъ экономистовъ котораго сочиненіе, вышедшее въ 1851 году, почитается въ Англіи послѣднимъ словомъ народной экономической школы. Смотри: John Stuart Mill, Principes d'Economie Politique etc. Chapitre IX, de la production sur une grande échelle et sur une échelle restrinte. § 4.

состоящее въ мірскомъ владѣніи дѣлится по тягламъ. Это значитъ, что каждый хозяинъ получаетъ долю въ пашнѣ, въ лугахъ, въ дровахъ, въ строевомъ лѣсѣ, иногда въ рыбной ловлѣ, соразмѣрную съ его рабочими силами и потребностями. Въ каждомъ надѣлѣ отражается общее отношеніе всѣхъ рабочихъ силъ и потребностей цѣлаго общества къ совокупности состоящихъ въ его распоряженіи земель, угодій и доходныхъ статей разнаго рода. Итакъ, мірское владѣніе и раздѣлъ по тягламъ, возможный только при этой формѣ владѣнія, устанавливаетъ и обезпечиваетъ пропорціональность рабочихъ силъ и потребностей съ количествомъ земли. Она не можетъ достаться тому, кто неспособенъ ею пользоваться или кому она ненужна; наоборотъ, тотъ, у кого есть средства, охота и потребность обработывать ее, не рискуетъ остаться безъ земли и не будетъ вынужденъ употребить большую часть своего капитала на пріобрѣтеніе права пользованія участкомъ, принадлежащимъ тому, кто самъ имъ не пользуется. Эта выгода довольно важная, на которую мало обращаютъ вниманія.

Далѣе, при мірскомъ владѣніи и тягловомъ раздѣлѣ, предѣлъ дробленія земли устанавливается самъ собою. Среднія наши губерніи, Тульская, Рязанская, Пензенская, Курская, представляютъ тому живое доказательство. Въ частныхъ малоземельныхъ имѣніяхъ, гдѣ вся земля давно разобрана, гдѣ нѣтъ запасной, число тяголъ, которому соотвѣтствуетъ равное число участковъ, не увеличивается, какъ бы ни наростало народонаселеніе. Можно встрѣтить домà, состоящіе изъ пяти женатыхъ работниковъ и несущіе только два или три тягла; здѣсь тягло уже утратило личный характеръ и получило значеніе недвижимаго участка. Лишніе, затягольные работники обращаются къ другимъ промысламъ или нанимаются въ работу на сторонѣ, возвращаясь домой на косовицу, а иногда и къ уборкѣ хлѣба. Благоразумный предѣлъ дробленія земли положенъ не помѣщиками; онъ вышелъ изъ обычая и установился самъ собою въ противность ихъ выгодамъ: ибо очевидно, что для нихъ было бы гораздо прибыльнѣе, не нарѣзывая крестья-

намъ новой земли, допустить неограниченное нарощеніе тяголъ и, слѣдовательно, имѣть въ своемъ распоряженіи постоянно-возрастающее количество рукъ на барщинѣ.

При теперешней бѣдности нашихъ сельскихъ обществъ, мы, конечно, не будемъ ожидать отъ нихъ значительныхъ хозяйственныхъ улучшеній, произведенныхъ на счетъ общественныхъ капиталовъ; но мы и теперь можемъ встрѣтить на каждомъ шагу работы, производимыя общими силами, напримѣръ, при рытьѣ прудовъ, устройствѣ плотинъ и т. п., наймы на общій мірской счетъ, складчины разнаго рода и т. д. Всѣ эти явленія указываютъ намъ, что, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, когда увеличится народное богатство, значительныя предпріятія, требующія большихъ капиталовъ, не только не встрѣтятъ препятствія въ общинномъ владѣніи, а, напротивъ, найдутъ въ немъ твердую, издавна-подготовленную почву.

Самое сильное возраженіе противниковъ общиннаго начала въ сельскомъ хозяйствѣ заключается въ невыгодности частаго передѣла полей. Отвергать этого безусловно нельзя, но должно сказать, что вредъ, отсюда происходящій, часто представляется въ преувеличенномъ видѣ. Вопервыхъ, мы не видимъ, чтобы боязнь подходящаго передѣла парализировала трудъ; за два года и даже за годъ до срока, на поля вывозится такое же какъ и всегда количество удобренія, то-есть весь накопленный въ теченіе года навозъ, и земли не хуже прежняго обработываются. Помѣщичьи поля, какъ извѣстно, не передѣляются; между тѣмъ, въ общей сложности, не замѣчается разницы въ урожаяхъ съ мірскими полями. Вовторыхъ, обычай срочнаго передѣла, какъ всякій живой, народный обычай, чрезвычайно упругъ, и сроки, въ продолженіе которыхъ поля оставляются въ однихъ рукахъ, всегда соразмѣряются съ количествомъ личнаго труда и расходовъ, требуемыхъ мѣстными условіями. Оттого въ степныхъ, Заволжскихъ и Новороссійскихъ имѣніяхъ (гдѣ, при обиліи земли, урожай зависитъ отъ продолжительности даннаго землѣ отдыха и отъ климатическихъ условій гораздо болѣе, чѣмъ отъ тщательности обработки или отъ удобренія, котораго вовсе не употребляютъ) поля передѣляются

ежегодно, и никто на это не ропщетъ. Въ среднихъ и сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ все зависитъ отъ удобренія и труда, передѣлы производятся черезъ 9, 12 и болѣе лѣтъ; мѣстами, ближнія, навозныя нивы передѣляются рѣдко, а запольныя, прѣсныя гораздо чаще, огороды же вовсе изъяты изъ передѣловъ. Итакъ, новый самъ собою устанавливающійся обычай постепенно устраняетъ неудобства стараго обычая.

Наконецъ, желательно бы было, чтобы тѣ, которые совѣтуютъ упразднить мірское владѣніе и не благопріятствуютъ договорамъ съ цѣлыми обществами, сообразили на досугѣ, съ какими страшными препятствіями встрѣтилось бы правительство, еслибъ оно вздумало послѣдовать ихъ совѣту. Въ настоящее время каждый тяглецъ, въ каждомъ полѣ владѣетъ гдѣ тремя, гдѣ пятью и болѣе участками; каждый получаетъ кусокъ въ ближнихъ къ селенію мѣстахъ, куда удобно вывозить удобреніе, кусокъ или два въ рединѣ поля, остальные въ дальнемъ концѣ; черезъ это каждый пользуется одинаковыми со всѣми сосѣдями выгодами по отношенію къ качеству почвы и къ разстоянію полей отъ усадьбъ. Но естественно, что, съ прекращеніемъ мірскаго владѣнія, нельзя удержать этотъ порядокъ. Вмѣсто клочковъ земли въ 10 или 12 мѣстахъ, каждому хозяину придется прирѣзать всю пашню къ одному мѣсту, а для этого необходимо разбить и перестроить всѣ деревни и перерѣзать всѣ поля. Легко ли это сдѣлать? Но хотя бы даже и нашлись на то охотники и средства, какимъ образомъ уравнять крестьянъ и избѣжать, чтобы не достались нѣкоторымъ всѣ лучшія, навозныя земли, другимъ однѣ запольныя, неудобныя и солонцоватыя? Очевидно, этой задачи не разрѣшитъ никакой топографъ, и если теперь шумны бываютъ сходки, собирающіяся для уравнительнаго передѣла, то какой же страшный ропотъ поднялся бы со всѣхъ концевъ Россіи на вводителей личнаго владѣнія!

Можно не благоволить къ общинѣ и мірскому владѣнію, можно вздыхать по другимъ формамъ сельскаго быта, какъ можно вздыхать по лучшемъ климатѣ, предпочитать Англо-Саксонскій характеръ Русскому или языкъ Итальянскій на-

шему; но въ законодательныхъ вопросахъ нѣтъ мѣста для личныхъ мнѣній и вкусовъ: сельская община есть фактъ первостепенный, самородный и бытовой. Возражать на него было бы также безполезно, какъ спорить противъ климата, языка или физіономіи народа. Его надобно просто признать.

Какая предназначена ему дальнѣйшая судьба, разовьется ли онъ въ цѣлый рядъ новыхъ, небывалыхъ явленій или исчезнѣтъ и уступитъ мѣсто одной изъ формъ личнаго владѣнія—мы не знаемъ и вовсе не призваны рѣшать; мы можемъ только сказать, что мірское владѣніе, если того потребуетъ естественный ходъ экономическаго развитія, легко перейдетъ въ личное; удерживая общину теперь, какъ фактъ существующій, мы не связываемъ нисколько будущаго. Но если мы легкомысленно потрясемъ ее и самовольно введемъ въ нее разъѣдающую стихію личнаго владѣнія, то мы навсегда убьемъ сельскую общину; ибо разъ распавшись на единицы, она уже никогда не сомкнется опять въ одно цѣлое.

Разумный консерватизмъ требуетъ, чтобы мы воздержались отъ преждевременнаго перенесенія вопроса о владѣніи землею изъ области народнаго обычая въ область законодательства и администраціи.

III.

Можно ли допустить срочные договоры?

Утвердилось мнѣніе, что одною изъ причинъ безуспѣшности закона о обязанныхъ крестьянахъ была статья (вошедшая въ Сводъ Законовъ т. IX, ст. 912), постановляющая, что договоры сохраняются навсегда ненарушимо и что измѣненія въ нихъ не иначе могутъ быть допускаемы, какъ съ обоюднаго согласія. Безсрочность договоровъ кажется многимъ противною существу всякаго частнаго обязательства, а недопущеніе въ нихъ измѣненій по требованію одной стороны — крайне невыгоднымъ для помѣщиковъ.

Это мнѣніе тѣсно связано съ общимъ понятіемъ о свойствѣ нашихъ поземельныхъ отношеній. Если не признавать права крестьянъ на землю и смотрѣть на нихъ, какъ на постояльцевъ, занимающихъ чужую квартиру, то договоръ ихъ съ вотчинникомъ не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только частною сдѣлкою; вопросъ объ установленіи правомѣрныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами переносится въ область гражданскаго права, и съ этой точки зрѣнія, конечно, нельзя допустить безсрочнаго договора, ни отказать каждой изъ сторонъ въ правѣ отъ него отступиться.

Въ особой запискѣ подъ № I-мъ *) мы старались доказать ошибочность этого взгляда. Здѣсь повторимъ только общій изъ нея выводъ въ примѣненіи къ настоящему вопросу: крестьяне имѣютъ на землю историческое право владѣнія, окончательно утвержденное за ними прикрѣпленіемъ ихъ къ землѣ; договоръ нуженъ не для того, чтобы даровать имъ это право, а для установленія твердыхъ отношеній его къ новѣйшему, но равно безспорному праву вотчинной собственности. Эти два права составляютъ неотъемлемую принадлежность двухъ сословій (помѣстнаго дворянства и крѣпостныхъ крестьянъ), жизненное условіе ихъ бытія, и потому экономическій вопросъ о разграниченіи двухъ историческихъ правъ на землю восходитъ самъ собою на степень государственнаго вопроса объ установленіи отношеній между двумя сословіями. Правительство можетъ дозволить заинтересованнымъ сторонамъ изысканіе способа къ обоюдному ихъ соглашенію, и дай Богъ, чтобъ онѣ нашли его; но оно не можетъ предоставить на ихъ волю вступить во взаимное обязательство или разойтись. Тѣмъ или другимъ способомъ, полюбовною ли сдѣлкою или законодательнымъ актомъ, взаимныя права и отношенія сторонъ должны непремѣнно быть установлены; ибо стороны разойтись не могутъ безъ утраты цѣлымъ сословіемъ, а можетъ быть и обоими, самаго существеннаго условія ихъ крѣпости и самобытности. Договоръ въ этомъ случаѣ только по происхожденію и по формѣ своей носитъ характеръ частной сдѣлки, а по существу своему это — актъ законодательный. Съ этой

*) См. стр. 144—162.

точки зрѣнія, безсрочность и ненарушимость его вполнѣ оправдывается; но для тѣхъ, которымъ право крестьянъ на землю кажется сомнительнымъ, можно привести другіе доводы и доказать вопервыхъ, что безсрочность и ненарушимость договоровъ отнюдь не есть нововведеніе, а согласуется вполнѣ съ духомъ дѣйствующихъ законовъ; вовторыхъ, что этимъ нисколько не нарушается справедливость, и втретьихъ, что допущеніе противнаго повело бы къ явному ущербу для крестьянъ.

1. Статья 965 т. IX Св. Зак. обязываетъ крестьянъ работать три дня въ недѣлю на своего помѣщика. Этотъ законъ неясенъ, неполонъ, недостаточенъ; все это неоспоримо, но не лишаетъ его существенной важности. Онъ содержитъ въ себѣ какъ бы въ зародышѣ цѣлый сводъ взаимныхъ обязанностей и отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ и носитъ характеръ безсрочнаго, ненарушимаго постановленія. Пополнивъ и пояснивъ его, мы получили бы именно то, чтó должно составлять содержаніе договоровъ; единственная нынѣ дѣйствующая статья замѣнилась бы рядомъ статей ненарушимыхъ же и безсрочныхъ, какъ и основная статья, изъ которой онѣ развиты. Вакенбухи, болѣе столѣтія дѣйствовавшіе въ Остзейскомъ краѣ, инвентарныя правила, нынѣ дѣйствующія въ нашихъ Западныхъ губерніяхъ, имѣютъ тотъ же характеръ безсрочности и ненарушимости, а по содержанію это тѣже договоры съ тою разницею, что главное участіе въ составленіи ихъ принадлежало правительству.

2. Еслибы, вмѣсто нынѣ принятой системы постепеннаго упраздненія крѣпостныхъ отношеній посредствомъ договоровъ и частныхъ постановленій, ограничивающихъ произволъ душевладѣльцевъ, правительство признало возможнымъ развести окончательно помѣщиковъ съ крестьянами выкупомъ у первыхъ мірской земли, то, конечно, никто бы не сталъ оспоривать справедливости такой мѣры. Привести ее въ исполненіе можно бы было единовременною выдачею помѣщику денежной суммы, равной стоимости отходящей отъ него земли или капитализированнаго дохода, получаемаго имъ въ видѣ оброка, барщины, разнаго рода сборовъ;

можно бы было также вмѣсто денежнаго капитала вознаградить помѣщиковъ посредствомъ кредитныхъ билетовъ, неподлежащихъ обмѣну на звонкую монету, но дающихъ опредѣленный единожды навсегда процентъ, иными словами приносящихъ постоянный, непрерывный и неизмѣнный денежный доходъ. Въ этомъ случаѣ процентъ есть тотъ же безсрочный, ненарушимый оброкъ, выплачиваемый крестьянами и получаемый помѣщиками, только не изъ первыхъ рукъ, а черезъ посредство банка. Такими кредитными билетами (Rentenbriefe) выкуплены были въ Пруссіи и выкупаются теперь въ Лифляндіи повинности крестьянъ и земли, имъ предоставленныя; но очевидно, что, предпринимая подобную операцію, справедливость которой не подлежитъ сомнѣнію, правительство или кредитное учрежденіе, вознаграждающее помѣщиковъ безсрочнымъ и ненарушимымъ доходомъ за упраздняемыя крестьянскія повинности, разсматриваетъ самыя эти повинности какъ совокупность обязанностей также безсрочныхъ и ненарушимыхъ или единожды навсегда опредѣленныхъ. Къ таковому опредѣленію необходимо приступить теперь, иначе мы не будемъ имѣть твердыхъ данныхъ для исчисленія суммы, потребной на выкупъ, когда наши финансовыя средства позволятъ приступить къ этой операціи.

3. Наконецъ, правительство не можетъ допустить договоровъ срочныхъ, подлежащихъ измѣненію или уничтоженію по требованію одной стороны, потому что оно принесло бы въ жертву выгодамъ помѣщиковъ благосостояніе крестьянъ, заботливое охраненіе коего лежитъ на его отвѣтственности. По естественному ходу вещей, народонаселеніе возрастаетъ, тогда какъ количество земли не прибываетъ; запросъ на землю усиливается, цѣнность ея возвышается не только по причинѣ увеличенія числа съемщиковъ, а еще потому, что при правильномъ хозяйствѣ, трудъ земледѣльца и капиталъ, въ землю положенный въ видѣ удобренія, усиливаетъ ея производительность; поэтому рента, получаемая землевладѣльцемъ, возвышается на счетъ дохода, получаемаго съемщикомъ или задѣльной платы батрака. Мы не отрицаемъ, что ущербъ, имѣющій отсюда про-

изойти для поселянъ, часто и надолго вознаграждается другими, благопріятными для нихъ условіями, напримѣръ сильнымъ развитіемъ промышленности, обращеніемъ подъ пашню запасныхъ или пустопорожнихъ земель и т. п.; но здѣсь идетъ дѣло не о ближайшемъ только къ намъ времени, вопросъ касается отдаленной будущности. Хотя бы даже допущеніе срочныхъ сдѣлокъ и не могло повести за собою немедленнаго и повсемѣстно-ощутительнаго ущерба для поселянъ, нѣтъ сомнѣнія, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, и именно въ самыхъ хлѣбородныхъ, онъ обнаружился бы довольно скоро, и потому правительство обязано предупредить его. Мы видѣли тому разительный примѣръ въ Лифляндіи. По одностороннему ходатайству помѣщиковъ правительство въ началѣ нынѣшняго столѣтія даровало крестьянамъ личную свободу; съ тѣмъ вмѣстѣ оно отмѣнило вакенбухи, въ силу которыхъ крестьяне за исправленіе опредѣленныхъ и неизмѣнныхъ повинностей пользовались ненарушимымъ правомъ на свои участки; опредѣленіе условій найма земель предоставлено было обоюдному соглашенію, которое облекалось въ форму срочныхъ контрактовъ. Что же изъ этого послѣдовало? Не прошло 20 лѣтъ, какъ сельское сословіе начало приходить въ упадокъ; помѣщики, по истеченіи сроковъ первыхъ, заключенныхъ по освобожденіи крестьянъ, контрактовъ, запросили за лучшіе крестьянскіе участки столь высокія цѣны, что содержатели ихъ вынуждены были отъ нихъ отказаться и перейти на худшія мѣста; имъ отвели болота или кустовыя земли (Buschland), а удобренные, плодородные участки помѣщики ввели въ составъ своихъ полей. Понятно, что повтореніе этой операціи въ другой и въ третій разъ разорило крестьянъ, отбило у нихъ охоту къ труду и породило между ними волненіе. Есть ли поводъ опасаться тѣхъ же послѣдствій въ Россіи? На этотъ вопросъ можно отвѣчать фактомъ. Ежегодно слышимъ мы въ Тульской и въ Рязанской губерніяхъ, что продавцы небольшихъ имѣній запрашиваютъ высшую цѣну за десятину, когда земля продается безъ приписанныхъ къ ней душъ (т. е. съ обязательствомъ для продавца предварительно сбыть крестьянъ на своѣ) и дѣла-

ютъ сбавку, если покупщикъ беретъ землю съ водворенными на ней крестьянами.

Наконецъ, чего опасаться, если въ силу безсрочныхъ договоровъ или обязательныхъ положеній, введенныхъ законодательнымъ порядкомъ, земля, состоящая нынѣ въ пользованіи крестьянъ, будетъ за ними утверждена неотъемлемо? Неужели не достанетъ простора для ожидаемаго нѣкоторыми развитія фермерства, или помѣщикамъ негдѣ будетъ завести вольнонаемныя запашки? Вспомнимъ, что въ общей сложности частныхъ имѣній, мірская земля, конечно, составляетъ меньшую половину всѣхъ дачъ; ибо къ господской землѣ, кромѣ пашни, обработываемой барщиною, причисляются еще залежи, степи, запасныя земли, пустоши, лѣса и разнаго рода угодья.

IV.

Проэктъ указа о полюбовныхъ сдѣлкахъ между помѣщиками и приписанными къ ихъ имѣніямъ крѣпостными людьми *).

Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, въ свое время неизбѣжное, какъ единственное средство возстановить поколебленную осѣдлость и обезпечить исправленіе государственныхъ повинностей, впослѣдствіи, подъ вліяніемъ многоразличныхъ обстоятельствъ, поставило сельское народонаселе-

---

*) Въ засѣданіи 18 Августа 1857 г. Комитетъ, какъ сказано выше (см. примѣч. на стр. 145), постановилъ, что въ первый, приготовительный періодъ слѣдуетъ открыть помѣщикамъ всѣ способы и возможность увольнять крестьянъ по взаимнымъ съ ними соглашеніямъ. Въ развитіе этого постановленія, Комитетъ положилъ: „1) Не отмѣняя законовъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ и обязанныхъ крестьянахъ, предоставить каждому помѣщику, желающему отпустить своихъ крестьянъ на волю цѣлыми селеніями или частями селеній, заключать съ крестьянами условія по обоюдному ихъ соглашенію, не стѣсняясь правилами, въ означенныхъ двухъ законахъ предписанными, и условія сіи представлять черезъ предводителей дворянства и губернаторовъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. 2) При составленіи сихъ условій, принять за правило: а) чтобы крестьянамъ была оставляема осѣдлость; б) въ условіяхъ были обезпечены способы какъ для существованія увольняемыхъ крестьянъ, такъ и для выполненія тѣхъ обязанностей, кои будутъ ими приняты передъ помѣщиками; в) была также обезпечена уплата

ніе въ прямую личную зависимость отъ землевладѣльцевъ и создало между ними совокупность отношеній, большею частью непредусмотрѣнныхъ и только допущенныхъ законодательствомъ. Въ началѣ XVIII вѣка крѣпостное право достигло окончательнаго предѣла своего развитія, и съ того же времени обнаружилось въ высшемъ правительствѣ стремленіе, порою ослабѣвавшее, но никогда не прекращавшееся, къ постепенному его смягченію. Рядъ законодательныхъ мѣръ, разновременно изданныхъ въ царствованія Петра I, Екатерины II, Павла I, Александра I и въ Бозѣ почившаго родителя нашего, являетъ троякую цѣль: предупредить злоупотребленія помѣщичьей власти, облегчить личное увольненіе крѣпостныхъ людей, непользующихся землею, и, наконецъ, положить начало къ постепенному переходу изъ отношеній, основанныхъ на крѣпостной зависимости, къ отношеніямъ правомѣрнымъ посредствомъ добровольныхъ соглашеній между землевладѣльцами и водворенными въ ихъ имѣніяхъ крестьянами, съ упроченіемъ осѣдлости земледѣльческаго класса. Мысль сія выражена въ двухъ законоположеніяхъ: о вольныхъ хлѣбопашцахъ и о обязанныхъ крестьянахъ. При обнародованіи ихъ, правительство имѣло въ виду избѣжать всякаго внезапнаго потрясенія въ сложномъ и на давнемъ обычаѣ основанномъ порядкѣ вещей; оно не захотѣло прибѣгать къ обязательнымъ предписаніямъ, въ твердой увѣренности, что добровольныя соглашенія, связывая совѣсть договаривающихся

податей и денежныхъ сборовъ съ переложеніемъ ихъ на всю вообще землю, какъ отдѣляемую крестьянамъ, такъ и оставляемую во владѣніи помѣщиковъ. Затѣмъ всѣ натуральныя повинности должны быть отправляемы крестьянами. 3) Вмѣнить въ обязанность Министерству Внутреннихъ Дѣлъ не затруднять, но всемѣрно стараться поощрять взаимныя соглашенія между помѣщиками и крестьянами и заключенныя ими условія представлять на Высочайшее утвержденіе чрезъ Комитетъ Министровъ. 4) Крестьянъ, кои такимъ образомъ будутъ уволены, не подчинять попечительству Министерства Государственныхъ Имуществъ, но оставлять въ вѣдѣніи общаго губернскаго управленія. 5) *Издать* въ одно время *указъ о свободныхъ сдѣлкахъ* и о мѣрахъ смягченія и облегченія крѣпостнаго права». По поводу этого постановленія Комитета и былъ написанъ Ю. Ѳ-чемъ проэктъ указа о полюбовныхъ сдѣлкахъ между помѣщиками и крестьянами. *Прим. изд.*

сторонъ, представятъ несравненно болѣе ручательствъ за строгое соблюденіе обоюдныхъ обязательствъ, чѣмъ вынужденное послушаніе; оно обратилось къ первенствующему въ государствѣ сословію и возложило осуществленіе своихъ благихъ намѣреній на свободное его содѣйствіе.

Нынѣ, по истеченіи 54 лѣтъ послѣ изданія положенія о вольныхъ хлѣбопашцахъ и 15 лѣтъ послѣ изданія положенія о обязанныхъ крестьянахъ, обращаясь къ ихъ оцѣнкѣ на основаніи полученнаго опыта, нельзя съ одной стороны не убѣдиться, судя по незначительности примѣненій обоихъ законовъ, что видимая польза, ими принесенная, далеко не соотвѣтствовала ожиданіямъ правительства; но, съ другой стороны, было бы несправедливо выводить отсюда заключеніе объ ошибочности основныхъ началъ сихъ законоположеній или относить ихъ неуспѣхъ къ нежеланію помѣстнаго дворянства воспользоваться указаніемъ правительства. Напротивъ, довольно значительное число представленныхъ проэктовъ полюбовныхъ сдѣлокъ, хотя большая часть изъ нихъ и не удовлетворяла всѣмъ требованіямъ закона, и множество вопросовъ, по тому же предмету возбужденныхъ частными лицами, доказываютъ, что причины неуспѣха положеній о вольныхъ хлѣбопашцахъ и о обязанныхъ крестьянахъ слѣдуетъ искать главнѣйшимъ образомъ въ недоразумѣніяхъ ими встрѣченныхъ, въ частныхъ постановленіяхъ, до нѣкоторой степени стѣснявшихъ свободу договаривающихся сторонъ и въ обременительныхъ формальностяхъ самаго дѣлопроизводства. Особенно утѣшительно видѣть, что именно въ послѣднее время яснѣетъ убѣжденіе въ необходимости вызвать къ жизни производительныя силы Россіи посредствомъ развитія непринужденнаго труда, и чаще выражается благомыслящими помѣщиками свободная потребность устроить въ принадлежащихъ имъ населенныхъ имѣніяхъ порядокъ прочный и правомѣрный. Дорожа сими признаками постепеннаго вызрѣванія общественнаго мнѣнія, мы признали за благо, не выходя изъ законодательной стези, начертанной Императоромъ Александромъ I и въ Бозѣ почившимъ родителемъ нашимъ, облегчить и упростить заключеніе добровольныхъ договоровъ между помѣщиками и приписанными

къ ихъ имѣніямъ крестьянами, предоставленіемъ обѣимъ сторонамъ возможнаго простора въ опредѣленіи ихъ взаимныхъ обязанностей [1]).

Съ этою цѣлью, сохраняя основныя начала положенія о вольныхъ хлѣбопашцахъ и о обязанныхъ крестьянахъ, мы утвердили, взамѣнъ обоихъ сихъ законоположеній, оказавшихся неудобопримѣнимыми въ подробностяхъ, нижеслѣдующія правила [2]):

I. О договорахъ вообще.

1. Тѣмъ изъ помѣщиковъ, которые сами того пожелаютъ, предоставляется заключать съ крестьянами, приписанными къ ихъ имѣніямъ, по взаимному съ ними соглашенію, договоры, не стѣсняясь постановленіями о вольныхъ хлѣбопашцахъ [3]) и о обязанныхъ крестьянахъ и руководствуясь исключительно правилами, въ настоящемъ положеніи изложенными.

---

[1]) Введеніе, содержащее въ себѣ бѣглый очеркъ исторіи крѣпостнаго права, кажется нелишнимъ, чтобы дать тонъ общественному мнѣнію и заявить взглядъ правительства на вопросъ.

[2]) Въ журналѣ Комитета сказано: „Не отмѣняя законовъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ и о обязанныхъ крестьянахъ, предоставить каждому помѣщику заключать съ крестьянами условія по обоюдному ихъ соглашенію, не стѣсняясь правилами въ означенныхъ двухъ законахъ предписанными.“ Нельзя (не нарушая условія осѣдлости) придумать договора, который бы не подходилъ подъ положеніе о вольныхъ хлѣбопашцахъ или о обязанныхъ крестьянахъ. Крестьяне должны получить часть земли въ собственность (какъ вольные хлѣбопашцы) или въ пользованіе (какъ обязанные), а потому невозможно не стѣсняться упомянутыми положеніями, если они не будутъ отмѣнены. Мысль Комитета, вѣроятно, состояла въ томъ, чтобы не оглашать отмѣны ихъ или удержать основныя ихъ положенія, уничтоживъ обязательность частныхъ постановленій и подробностей; но въ такомъ случаѣ надобно пояснить какія именно статьи отмѣняются и какія остаются въ силѣ или замѣнить оба закона новымъ положеніемъ, включивъ въ него все, что предполагается удержать изъ стараго. Такъ и сдѣлано въ представляемомъ проектѣ.

[3]) Въ проэктѣ вездѣ употребляется прежнее названіе вольныхъ хлѣбопашцевъ, которое удержалось во всеобщемъ употребленіи, а не позднѣйшее, государственныхъ безоброчныхъ крестьянъ, вовсе не имѣющее смысла. Крестьяне, нѣкогда называвшіеся казенными, теперь именуются государственными, потому что они водворены на землѣ, составляющей собственность казенную или государственную; но къ крестьянамъ водвореннымъ на собственной землѣ это названіе вовсе не идетъ. Не называемъ же мы мѣщанъ государственными

2. Договоры не должны содержать въ себѣ ничего противнаго законамъ.

3. Договоры могутъ быть заключаемы съ цѣлымъ обществомъ крестьянъ, приписанныхъ къ одной вотчинѣ и живущихъ въ нѣсколькихъ селеніяхъ, также какъ и съ крестьянами, приписанными къ одному селенію [4]).

II. Объ условіяхъ, касающихся обоюдныхъ хозяйственныхъ выгодъ помѣщиковъ и крестьянъ.

4. Осѣдлость крестьянъ, съ которыми заключается договоръ, должна быть навсегда обезпечена утвержденіемъ за ними всей дачи или части оной, подъ названіемъ мірской земли, въ полную собственность или въ неотъемлемое владѣніе [5]).

5. Опредѣленіе количества мірской земли, усадебной, огородной, пахатной, покосовъ, угодій, выгодъ и пособій разнаго рода, предоставляемыхъ крестьянамъ отъ помѣщика, а

мѣщанами, купцовъ государственными или казенными купцами. Пора постепенно отвыкать отъ мысли, что одни поселяне должны непремѣнно числиться за кѣмъ-нибудь.

[4]) Этою статьею не допускается заключеніе договоровъ съ отдѣльными лицами по слѣдующимъ причинамъ: а) Два-три богача въ одной деревнѣ, заплатившіи помѣщику добрую сумму денегъ, заключили бы съ нимъ договоръ, въ силу котораго лучшія крестьянскія земли и покосы достались бы имъ за исключеніемъ прочихъ крестьянъ той же деревни, которые черезъ это впали бы въ тяжелую отъ нихъ зависимость. Такого рода договоры съ нѣсколькими лицами могли бы еще быть допускаемы подъ условіемъ изъявленія на то согласія отъ всего селенія; но при этомъ встрѣтились бы большія затрудненія, б) Крестьяне, заключившіе договоръ и возведенные на степень обязанныхъ, не могутъ уже вмѣстѣ съ другими, остающимися въ крѣпостной зависимости, нести круговую отвѣтственность за взносъ податей и исправленіе рекрутской повинности, а возложить на нихъ личную отвѣтственность, особенно по рекрутству, было бы крайне затруднительно.

[5]) Предлагаемая редакція этого пункта не исключаетъ заключенія договоровъ съ уступкою одной усадебной земли и выгона, но и не содержитъ въ себѣ прочнаго указанія на такого рода условія, потому что нельзя благопріятствовать имъ по причинамъ, изложеннымъ въ особой запискѣ подъ № I. (см. стр. 144). Предположеніе объ оставленіи земли въ мірскомъ, общественномъ владѣніи основано на соображеніяхъ, изложенныхъ въ особой запискѣ подъ № II (см. стр. 162).

также количества, рода и способа исправленія повинностей денежныхъ и натуральныхъ, какъ-то: оброка, сборовъ разнаго рода и работъ, послѣднимъ въ свою пользу выговариваемыхъ, предоставляется обоюдному ихъ соглашенію.

6. Въ тѣхъ договорахъ, которыми крестьяне обяжутся нести постоянную барщину или исполнять какія-либо урочныя работы или отработывать ежегодно опредѣленное число дней, всѣ таковыя натуральныя повинности должны быть оцѣнены на деньги, причемъ опредѣленіе стоимости годовой барщины, отправляемой съ тягла, или урочныхъ работъ, или рабочихъ дней конныхъ, пѣшихъ, мужскихъ и женскихъ, предоставляется также обоюдному соглашенію [6]).

III. Объ условіяхъ, касающихся судебно-полицейской власти помѣщика надъ крестьянами.

7. Предѣлы власти помѣщика надъ приписанными къ его имѣнію крестьянами, образъ дѣйствія его при разборѣ возникающихъ между ними споровъ и ссоръ, при изслѣдованіи проступковъ и маловажныхъ преступленій, по существу своему не подлежащихъ вѣдѣнію установленныхъ инстанцій, при понужденіи крестьянъ къ исполненію принятыхъ ими условій, виды и степени наказаній, штрафовъ и взысканій, помѣщикомъ налагаемыхъ безъ участія мѣстныхъ правительственныхъ, властей опредѣляются въ договорѣ по взаимному соглашенію [7]).

8. Помѣщикъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ выговаривать себѣ такихъ правъ надъ личностью крестьянъ, которыхъ законъ не предоставляетъ помѣщикамъ надъ ихъ

[6]) Помѣщеніе таковой переводной таксы (canon) работъ на деньги принято въ положеніи о Лифляндскихъ крестьянахъ 1849 г. (§§ 188 и 190) за непремѣнное условіе всякаго контракта. Со временемъ, этимъ много облегчится операція упраздненія барщины посредствомъ замѣны ея денежнымъ оброкомъ или выкупа.

[7]) Отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ на практикѣ такъ разнообразны, что нѣтъ возможности разрѣшить одинаково для всей Россіи вопросы о томъ, въ какихъ предѣлахъ и въ какой степени власть помѣщика нужна для поддержанія порядка. Въ иныхъ мѣстахъ крестьяне совершенно зрѣлы для мірскаго самоуправленія, въ другихъ—они привыкли на все испрашивать разрѣшенія и ждать приказа отъ конторы.

крѣпостными людьми, ни власти, превышающей установленные въ законахъ предѣлы, хотя бы даже крестьяне, съ которыми заключается договоръ, изъявили на то согласіе.

9. По утвержденіи договора, заводится при помѣщичьей конторѣ особая книга, подъ названіемъ штрафной (по приложенной формѣ), въ которой записываются всѣ наказанія и взысканія, которымъ подвергаются крестьяне [8]).

10. Помѣщикъ въ правѣ передать предоставленную ему судебно-полицейскую власть другому лицу, уполномоченному имъ на основаніи законной довѣренности [9]).

IV. О платежѣ податей и исправленіи государственныхъ и земскихъ повинностей.

11. По утвержденіи договора, сумма падающихъ на имѣніе податей и денежныхъ земскихъ повинностей переводится съ душъ на землю и дѣлится на число всѣхъ состоящихъ въ имѣніи десятинъ; крестьяне принимаютъ на себя непосредственную отвѣтственность въ платежѣ суммы, приходящейся на ихъ часть по количеству земли, отведенной имъ въ собственность или во владѣніе, а платежъ остальной суммы (падающей на землю, остающуюся въ неограниченномъ распоряженіи помѣщика) возлагается на личную его отвѣтственность.

---

[8]) Штрафная книга необходима для справокъ при разборѣ жалобъ крестьянъ на помѣщика. Къ тому же это первое, прорубленное окно на задніе, темные дворы помѣщичьяго царства, куда доселѣ не проникало никакое наблюденіе со стороны правительства.

[9]) Это право необходимо оставить помѣщику, и даже полезно бы было расширить его. Теперь, въ силу ст. 342 Уст. о предупр. и пресѣч. преступленій (т. XIV Св. Зак., по продол. XIX) управляющій имѣніемъ по довѣренности, хотя бы онъ принадлежалъ къ потомственному дворянству и по состоянію своему имѣлъ право владѣть крѣпостными людьми, не можетъ изъ ввѣреннаго ему имѣнія отдать крестьянина въ рекруты или представить его къ удаленію изъ вотчины безъ особой довѣренности на каждый таковой случай отъ вотчинника. Это правило распространяется даже на имѣнія, принадлежащія нѣсколькимъ лицамъ и состоящія въ нераздѣльномъ ихъ владѣніи, подъ управленіемъ одного изъ владѣльцевъ. Правительство не можетъ благопріятствовать раздробленію имѣній, а это обстоятельство крайне затрудняетъ управленіе нераздѣльными населенными вотчинами.

12. Впрочемъ, дозволяется помѣщику, по обоюдному соглашенію съ крестьянами, сложить съ нихъ и принять на себя уплату въ казну всей или части той суммы податей и земскихъ сборовъ, которая должна бы пасть на отведенную имъ землю; въ такомъ случаѣ отвѣтственность за исправность платежей возлагается на помѣщика въ той мѣрѣ, въ какой она опредѣлена въ договорѣ [10]).

13. Рекрутская, подводная и другія натуральныя повинности исправляются крестьянами по заведенному между ними порядку [11]).

14. Запасы народнаго продовольствія и пособія въ пожарныхъ случаяхъ учреждаются на счетъ крестьянъ при участіи помѣщика или независимо отъ него, по соглашенію договаривающихся сторонъ.

V. О мірскихъ выборныхъ.

15. Пріобрѣтая со дня утвержденія договора общественныя гражданскія права и принимая на себя непосредственную общественную отвѣтственность передъ правительствомъ въ платежѣ падающихъ на отведенную имъ землю податей и въ исправленіи натуральныхъ повинностей, крестьяне избираютъ изъ среды своей уполномоченныхъ представителей для нужныхъ распоряженій по всѣмъ общественнымъ дѣламъ.

16. Въ каждомъ селеніи избирается сходкою домохозяевъ деревенскій старшина, а въ имѣніяхъ, состоящихъ изъ нѣ-

[10]) Возможность, предоставленная помѣщику взять на себя уплату податей значительно облегчитъ сдѣлки. Часто затрудняются срочными платежами даже богатые крестьяне, особенно степные, коренные хлѣбопашцы, которые держатъ множество лошадей, скота, берегутъ скирды съ году на годъ, но не имѣютъ привычки обращаться съ деньгами. Купеческіе прикащики и разные мелкіе промышленники, разсчитывая на это, обыкновенно наѣзжаютъ въ деревни передъ самымъ срокомъ взноса податей и за безцѣнокъ покупаютъ у крестьянъ всякія произведенія, или ссужаютъ ихъ деньгами изъ ужасныхъ процентовъ. Если помѣщикъ приметъ на себя срочныхъ платежей за крестьянъ на 100 рублей, то они охотно согласятся за это исправлять на него работъ по низкой оцѣнкѣ на 150 рублей.

[11]) Эту свободу необходимо предоставить крестьянамъ; ибо извѣстно, что способы исправленія повинностей, особенно рекрутской (учетъ очередей, зачеты, выкупы, назначеніе штрафныхъ), чрезвычайно разнообразны, а всякія

скольких селеній, сверхъ старшинъ по числу деревень, избирается на общей сходкѣ мірской староста.

17. Помѣщику предоставляется утвержденіе избранныхъ, но онъ не въ правѣ смѣнять ихъ безъ мірскаго приговора; и во все время исправленія ими должностей, они не подлежатъ судебно-полицейской его расправѣ.

18. Смѣна должностныхъ предоставляется деревенскимъ и общей мірской сходкамъ.

VI. О первоначальномъ посредническомъ разбирательствѣ обоюдныхъ жалобъ и споровъ между помѣщикомъ и крестьянами.

19. Первоначальное посредническое разбирательство споровъ и обоюдныхъ жалобъ между помѣщикомъ и крестьянами, заключившими между собою договоръ, возлагается на мѣстнаго уѣзднаго предводителя [12]).

20. Случаи, вызывающіе его посредничество, могутъ быть четырехъ родовъ: а) недоразумѣнія и споры о значеніи и силѣ заключеннаго договора; б) жалобы помѣщика на неповиновеніе крестьянъ и уклоненіе отъ исполненія признанныхъ ими обязанностей; в) жалобы помѣщика на старшинъ и старосту не подлежащихъ его власти; г) жалобы кре-

---

перемѣны, нарушающія заведенный порядокъ, имъ крайне противны. Обязательное введеніе очередной системы, требуемое ст. 908 т. IX Св. З. (о обязанныхъ крестьянахъ), во многихъ случаяхъ возбудило бы въ крестьянахъ сильныя возраженія и, можетъ быть, помѣшало бы состояться сдѣлкѣ.

[12]) Противъ этого пункта можно сдѣлать много основательныхъ возраженій: можетъ-ли быть посредникомъ представитель одной стороны? Можно ли положиться на его безпристрастіе? Почему не допустить къ соучастію въ разбирательствѣ споровъ представителя отъ крестьянъ или короннаго чиновника, одинаково независимаго по своему положенію отъ обѣихъ сторонъ и т. д.? Все это совершенно справедливо, но неисполнимо. Вопросъ не въ томъ, чего бы можно желать, а что̀, при теперешнихъ обстоятельствахъ, въ настоящее время, можно сдѣлать? Разстояніе между предводителемъ и крестьяниномъ, полагаемое степенью ихъ образованія и вѣковыми отношеніями крѣпостнаго права, такъ огромно, что развѣ только на бумагѣ можно соединить ихъ, на равныхъ правахъ, для отправленія какой-либо общественной должности. Представитель отъ крестьянъ при предводителѣ игралъ бы такую же жалкую роль, какую разыгрываютъ теперь засѣдатели отъ поселянъ въ Уѣздныхъ Судахъ. Что же касается до коронныхъ чиновниковъ, то вопервыхъ, нельзя учреждать

стьянъ на обиды отъ помѣщика или нарушеніе имъ условій договора.

21. По дѣламъ перваго рода, предводитель, по вызову одной стороны или обѣихъ вмѣстѣ, входитъ въ подробный разборъ возникшаго спора, всѣми мѣрами стараясь покончить его разъясненіемъ сомнительнаго пункта или полюбовнымъ соглашеніемъ. Если обѣ стороны удовлетворятся предложеннымъ имъ рѣшеніемъ, и дѣло можетъ быть покончено однимъ объясненіемъ или пополненіемъ спорнаго пункта, то оно не восходитъ далѣе. Если же предложенная предводителемъ и принятая обѣими сторонами сдѣлка содержитъ въ себѣ новое условіе или отмѣну стараго, то она поступаетъ на окончательное утвержденіе начальника губерніи, который предварительно спрашиваетъ мнѣнія губернскаго предводителя. Въ первомъ случаѣ уѣздный предводитель составляетъ на мѣстѣ протоколъ, въ которомъ прописываетъ ходъ дѣла и состоявшееся рѣшеніе спора; помѣщикъ, старшины и староста его подписываютъ. Засвидѣтельствованная копія вручается помѣщику, другая—мірскому старостѣ, третья препровождается къ начальнику губерніи для его свѣдѣнія. Во второмъ случаѣ, проэктъ мировой сдѣлки предводителемъ посылается на разсмотрѣніе начальника губерніи и входитъ въ силу не прежде, какъ по его утвержденіи [13]). Если же старанія предводителя о прекращеніи спо-

---

новой должности тогда, какъ еще неизвѣстно, много ли состоится договоровъ; вовторыхъ, нѣтъ никакого повода отъ дворянъ, назначенныхъ правительствомъ, ожидать бо́льшаго безпристрастія и бо́льшихъ способностей, чѣмъ отъ дворянъ, избранныхъ цѣлымъ сословіемъ. Итакъ, если въ настоящее время недостаетъ въ Русскомъ обществѣ необходимыхъ стихій для того, чтобы создать дѣйствительное, а не формальное противодѣйствіе односторонности предводителей, то остается имъ однимъ предоставить всѣ права, всѣ обязанности посредничества, возложивъ на нихъ и всецѣлую нравственную отвѣтственность передъ правительствомъ.

[13]) По общему закону, всякое поясненіе, дополненіе или измѣненіе закона требуетъ утвержденія той власти, отъ которой законъ исходитъ; здѣсь предполагается отступленіе отъ этого порядка для избѣжанія проволочекъ, формальностей и сокращенія дѣлопроизводства. Къ томуже представленіе договоровъ чрезъ Комитетъ Министровъ на Высочайшее утвержденіе нужно *теперь*, потому что это дѣло новое, требуетъ особенныхъ предосторожностей, и

ра обоюднымъ соглашеніемъ останутся безуспѣшны, то онъ обращаетъ дѣло къ судебному разсмотрѣнію.

22. Впрочемъ, еслибы помѣщикъ и крестьяне, для разрѣшенія возникшаго между ними спора, захотѣли съ обоюднаго согласія избрать посредника мимо уѣзднаго предводителя, то сіе имъ не воспрещается. Въ таковомъ случаѣ рѣшеніе, положенное избраннымъ въ посредники лицомъ, записывается тѣмъ же порядкомъ и препровождается отъ него къ уѣздному предводителю на дальнѣйшее распоряженіе.

23. Въ судебныхъ инстанціяхъ стряпчіе и губернскіе прокуроры дѣйствуютъ въ качествѣ ходатаевъ крестьянъ, и дѣла этого рода порядкомъ слѣдственнымъ восходятъ на окончательное утвержденіе начальника губерніи.

24. По дѣламъ втораго рода, предводитель производитъ на мѣстѣ розысканіе, и если жалоба помѣщика окажется основательною, и притомъ обнаружится, что законныя требованія послѣдняго встрѣтили прямое сопротивленіе или уклоненіе со стороны всѣхъ крестьянъ, то предводитель въ дальнѣйшихъ своихъ распоряженіяхъ руководствуется правилами, установленными для прекращенія неповиновенія крѣпостныхъ крестьянъ. Если же справедливая жалоба помѣщика приносится на кого-либо изъ должностныхъ крестьянъ (старшинъ или старосту), неподлежащихъ его расправѣ, то предводитель, смотря по важности дѣла, отрѣшаетъ виновнаго отъ должности и примѣняетъ къ нему одно изъ наказаній, предоставленныхъ помѣщику надъ крѣпостными его людьми (ст. 971 и 972 т. IX Св. З. по продол. VI) [14].

25. По дѣламъ третьяго рода предводитель принимаетъ къ своему разсмотрѣнію только жалобы на превышеніе помѣщикомъ правъ или власти, предоставленныхъ ему по за-

желательно окружить его нѣкоторою торжественностью, чтобы въ глазахъ крестьянъ придать ему высокое значеніе и обязательную силу; но если сдѣлки войдутъ въ обычай, и оныхъ будетъ поступать ежегодно значительное число, то этотъ порядокъ, какъ безполезный и крайне обременительный, придется неминуемо замѣнить другимъ, простѣйшимъ.

[14]) Въ этомъ пунктѣ не говорится о разбирательствѣ жалобы помѣщика на кого-либо изъ крестьянъ, не состоящихъ въ должностяхъ; потому что предполагается, что власть, которую выговоритъ себѣ помѣщикъ по договору, будетъ вполнѣ достаточна для того, чтобы съ ними управиться.

ключенному съ крестьянами договору, притомъ если основательность сихъ жалобъ будетъ засвидѣтельствована мірскимъ старостою и старшинами, но никогда не входитъ въ разбирательство справедливости дѣйствій помѣщика въ предѣлахъ законной его власти [15]). Если жалоба подтвердится, и помѣщикъ откажется отъ удовлетворенія крестьянъ, или крестьяне не захотятъ принять предлагаемаго имъ удовлетворенія, то предводитель въ дальнѣйшихъ своихъ дѣйствіяхъ руководствуется правилами, постановленными для прекращенія злоупотребленія помѣщичьей власти.

26. Само собою разумѣется, что первоначальное разбирательство, возлагаемое на предводителя, не замѣняетъ ни въ какомъ случаѣ дѣйствія полицейскихъ или судебныхъ властей, а только предшествуетъ ему, и учреждается единственно для возможно-скораго и чуждаго всякихъ формальностей рѣшенія такихъ дѣлъ, которыя по существу своему не подлежатъ вѣдѣнію установленныхъ инстанцій.

27. Обо всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ уѣздный предводитель увѣдомляетъ губернскаго и начальника губерніи.

VII. О вѣдомствѣ крестьянъ, заключившихъ договоры съ помѣщиками.

28. Крестьяне, заключившіе договоры съ ихъ помѣщиками, принимаютъ названіе вольныхъ хлѣбопашцевъ, если земля отдается имъ въ собственность, и обязанныхъ крестьянъ, если имъ предоставляется только право неотъемлемаго оною владѣнія. Тѣ и другіе остаются въ вѣдѣніи общаго губернскаго управленія подъ наблюденіемъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

---

[15]) Разборъ всѣхъ и всякихъ жалобъ на помѣщика въ періодѣ, который названъ приготовительнымъ, былъ бы невозможенъ; ибо, вопервыхъ, это бы обременило до крайности предводителя; вовторыхъ, такой разборъ невозможенъ, пока существуетъ барщина, требующая расправы на скорую руку: крестьянинъ мелко вспахалъ пашню, оставилъ огрѣхи или просѣвы, не чисто вывѣялъ ворохъ, нагрубилъ десятнику и т. д.; помѣщикъ, или его повѣренный, наказалъ крестьянина; есть ли возможность повѣрить черезъ мѣсяцъ справедливость наказанія?

VIII. О порядкѣ представленія, утвержденія и исполненія договоровъ.

29. Проэктъ договора, подписанный помѣщикомъ и уполномоченными на то отъ крестьянъ, представляется первымъ уѣздному предводителю, который препровождаетъ его съ своимъ заключеніемъ къ начальнику губерніи. Начальникъ губерніи представляетъ его Министру Внутреннихъ Дѣлъ съ приложеніемъ заключенія уѣзднаго предводителя и своего собственнаго.

30. Владѣлецъ имѣнія, заложеннаго въ кредитномъ учрежденіи, можетъ вступить въ соглашеніе съ крестьянами и представить проэктъ договора, не обязываясь предварительно испрашивать на то согласія кредитнаго учрежденія; но въ договорѣ должно быть изложено со всею ясностью, предполагается ли оставить уплату долга на помѣщикѣ или возложить ее на крестьянъ или, наконецъ, раздѣлить между ними отвѣтственность [16]).

31. Министру Внутреннихъ Дѣлъ поручается всевозможными мѣрами облегчать заключеніе договоровъ и изыскивать средства къ устраненію могущихъ встрѣтиться затрудненій. Онъ собираетъ нужныя справки и дополнительныя свѣдѣнія, вступаетъ отъ себя въ сношеніе съ кредитными учрежденіями, въ коихъ имѣнія заложены, и вноситъ одобряемые имъ проэкты на Высочайшее утвержденіе черезъ Комитетъ Министровъ.

32. Договоры составляются на простой гербовой бумагѣ четвертаго разбора.

---

[16]) Извѣстно, что доселѣ кредитныя учрежденія наши отнюдь не благопріятствовали заключенію договоровъ, и нѣтъ причины предполагать, чтобы взглядъ ихъ и образъ дѣйствія, исключительно клонящійся къ соблюденію собственныхъ ихъ выгодъ, въ чемъ-либо измѣнился. Соглашеніе ихъ интересовъ съ условіями сдѣлокъ, представляемыхъ помѣщиками и крестьянами, высшее правительство должно принять на себя. Здѣсь, вѣроятно, никакія общія правила не помогутъ и не устранятъ затрудненій, а придется каждый случай подвергать отдѣльному разсмотрѣнію и основываться на справкахъ о состояніи каждаго имѣнія.

33. Предоставляя обоюдному соглашенію помѣщиковъ и крестьянъ опредѣленіе будущихъ ихъ отношеній и устраняя симъ положеніемъ все, что̀ могло казаться стѣснительнымъ въ законахъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ и о обязанныхъ крестьянахъ, правительство предоставляетъ себѣ спросомъ на мѣстѣ черезъ командируемыхъ чиновниковъ, въ присутствіи уѣзднаго предводителя, удостовѣриться въ добровольности заключеннаго договора; ибо въ этомъ условіи оно признаётъ существенное ручательство за практическое его достоинство и обоюдную безобидность [17]).

[17]) Допросить крестьянъ, добиться правдиваго отзыва и принять отъ нихъ изъявленіе ихъ согласія—дѣло вовсе нелегкое. Нужно, чтобы посланный къ нимъ чиновникъ съ одной стороны внушалъ имъ полное довѣріе, съ другой, чтобы появленіе его не возбуждало въ нихъ несбыточныхъ надеждъ. Къ несчастію, эти два условія часто взаимно исключаются. Такое порученіе требуетъ необыкновенной осторожности и вмѣстѣ простоты въ обращеніи съ крестьянами. Они будутъ съ жадностью ловить каждое слово и смотрѣть во всѣ глаза; ничто не ускользнетъ отъ ихъ вниманія, и многое въ ихъ ушахъ отзовется совершенно не такъ, какъ бы можно было ожидать. Одно слишкомъ громко произнесенное слово можетъ ихъ запугать точно такъ, какъ одинъ признакъ колебанія и нерѣшительности можетъ вдругъ возбудить въ нихъ мысль, что теперь-то можно требовать всего, о чемъ за часъ передъ тѣмъ они не думали. Къ несчастію, власть у насъ никогда не *говоритъ* съ народомъ; она только кричитъ на него, и оттого такое простое дѣло, какъ спросъ, представляетъ большія трудности. Кромѣ того, надобно знать напередъ, что дѣло это не обойдется двумя словами. Крестьяне не любятъ отвѣчать на вопросъ вдругъ и прямо, однимъ рѣшительнымъ *да* или *нѣтъ*. Они захотятъ потолковать съ присланнымъ чиновникомъ, пощупать его, узнать сперва, какой онъ человѣкъ. Допросъ о согласіи или несогласіи ихъ на заключеніе сдѣлки неминуемо перейдетъ въ бесѣду о выгодахъ и невыгодахъ, ею представляемыхъ, о степени ея обязательности и т. д. Чиновнику, присланному для допроса, придется самому отвѣчать на разные вопросы, давать объясненія, убѣждать, уговаривать крестьянъ, и если онъ съ толкомъ и любовью возьмется за дѣло, то ему можетъ представиться случай значительно облегчить заключеніе договора и произвести на крестьянъ такое впечатлѣніе, которое приготовитъ ихъ къ добросовѣстному исполненію договора. Можетъ случиться и противное. Итакъ, нужны люди, привыкшіе обращаться съ крестьянами, уважающіе крестьянъ и близко знакомые съ бытомъ и хозяйствомъ той мѣстности, куда ихъ посылаютъ. Правительство, кажется, не должно въ выборѣ чиновниковъ, которыхъ оно будетъ отряжать въ уѣзды, стѣсняться никакими внѣшними условіями старшинства, чина, рода службы, а руководствоваться строгою оцѣнкою способностей. Далѣе, для внушенія довѣренности

34. Договоръ сохраняется навсегда ненарушимо; измѣненія въ ономъ допускаются лишь съ обоюднаго согласія сторонъ; само собою разумѣется, что это не относится къ тѣмъ условіямъ, для которыхъ въ самомъ договорѣ положенъ будетъ опредѣленный срокъ дѣйствія [18]).

35. Разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, могущихъ возникнуть по поводу настоящаго Положенія, на которые не содержится въ ономъ прямыхъ отвѣтовъ, предоставляется обоюдному соглашенію сторонъ.

36. Для устраненія всякихъ недоразумѣній и ошибокъ при первомъ приступѣ къ дѣлу, поручается Министру Внутреннихъ Дѣлъ давать отъ себя всѣ нужныя поясненія тѣмъ изъ помѣщиковъ, которые будутъ къ нему обращаться съ вопросами по предмету договоровъ съ крестьянами [19]).

крестьянамъ, нужно, чтобы они сознавали, что къ нимъ выходитъ на сходку не чиновникъ отъ правительства (ибо къ правительству они не имѣютъ вѣры), а посланный къ нимъ прямо отъ Государя, и что черезъ посредство посланнаго они какъ будто говорятъ съ Царемъ. Поэтому нужно снабжать командируемыхъ чиновниковъ печатнымъ именнымъ указомъ, который бы имѣлъ характеръ живаго слова, обращеннаго самимъ Царемъ къ посланному; этотъ указъ долженъ быть написанъ самымъ простымъ и яснымъ языкомъ и содержать въ себѣ краткое изложеніе даннаго порученія—спросить крестьянъ, согласны ли они на заключеніе представленнаго договора и обязываются ли исполнять его? Командированный чиновникъ прочтетъ этотъ указъ на сходкѣ и дастъ его для прочтенія самимъ крестьянамъ, если между ними окажутся грамотные.

18) Причины, по которымъ не допускаются договоры срочные, изложены въ особой запискѣ подъ № III (см. стр. 171).

19) Если Министерство Внутреннихъ Дѣлъ найдетъ для себя затруднительнымъ вступать въ непосредственную переписку съ частными лицами, то оно можетъ ограничиться дозволеніемъ относиться къ нему съ вопросами, а нужныя отвѣтныя объясненія обнародывать для всеобщаго свѣдѣнія въ своемъ журналѣ.

УПРАЗДНЕНІЕ КРѢПОСТНАГО ПРАВА

И УСТРОЙСТВО ОТНОШЕНІЙ

МЕЖДУ ПОМѢЩИКАМИ И КРЕСТЬЯНАМИ

ВЪ ПРУССІИ.

Упраздненіе крѣпостнаго права и устройство отношеній между помѣщиками и крестьянами въ Пруссіи *).

Исторія внутренняго обновленія Пруссіи въ первой половинѣ текущаго вѣка представляетъ во многихъ отношеніяхъ явленіе отрадное и глубоко-поучительное. Не говоря о коренномъ преобразованіи финансовъ, арміи и государственныхъ учрежденій въ промежуткѣ времени, обнимающемъ менѣе 50 лѣтъ (съ 1807 по 1852 г.), уничтожено крѣпостное состояніе, освобожденъ трудъ, упразднена барщина, пріобрѣтено крестьянами право собственности на землю, положено начало выкупу денежныхъ повинностей,—и это все испол-

*) Съ 1858 года начало выходить, въ видѣ особаго отдѣла „Русской Бесѣды“, ежемѣсячное изданіе подъ названіемъ „Сельское Благоустройство“ посвященное исключительно крестьянскому дѣлу. Въ 1858 году вышло 12 книжекъ, въ 1859 году 2 книжки этого журнала, и затѣмъ онъ прекратился. Ю. Ѳ. Самаринъ былъ однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ сотрудниковъ „Сельскаго Благоустройства“. Самымъ капитальнымъ трудомъ его, помѣщеннымъ въ этомъ изданіи, было изслѣдованіе объ упраздненіи крѣпостнаго права въ Пруссіи; статья I-я явилась въ Январьской книжкѣ „Сельскаго Благоустройства“, статья II-я въ Февральской (обѣ онѣ выпущены были въ Мартѣ 1858 года); статья III-я была напечатана въ Апрѣльской, а послѣдняя IV-я въ Ноябрьской книжкѣ 1858 года. Но начало занятій Ю. Ѳ-ча этимъ предметомъ слѣдуетъ отнести, если не къ 1856, то во всякомъ случаѣ къ 1857 году. Еще въ Январьской книжкѣ „Русской Бесѣды“ 1857 года (вышедшей въ Мартѣ мѣсяцѣ) было объявлено, что въ ближайшихъ книгахъ „Русской Бесѣды“ будетъ напечатана „Біографія Штейна, соч. Ю. Ѳ. Самарина“. Подъ этимъ заглавіемъ онъ первоначально предполагалъ напечатать трудъ свой въ виду того, что въ 1857 г. еще было запрещено печатать что-либо по вопросу объ освобожденіи крестьянъ; но когда на это послѣдовало разрѣшеніе и даже дозволено было въ 1858 г.

нено безъ просвѣщеннаго насилія сверху, безъ кровавыхъ потрясеній снизу, даже безъ рискованныхъ финансовыхъ операцій, мирнымъ путемъ законодательныхъ преобразованій, глубоко-обдуманныхъ и послѣдовательно-проведенныхъ. Какими мѣрами Прусское правительство достигло этого блистательнаго успѣха,—вотъ о чемъ мы представляемъ теперь читателямъ не ученое разсужденіе, а точный докладъ, составленный по источникамъ *).

издавать спеціальный журналъ, посвященный этому предмету, то Ю. Ѳ-чъ переработалъ біографію Штейна, назначавшуюся для „Русской Бесѣды", въ изслѣдованіе объ упраздненіи крѣпостнаго права въ Пруссіи и помѣстилъ его въ „Сельскомъ Благоустройствѣ". *Прим. изд.*

*) Во избѣжаніе множества ссылокъ, мы здѣсь перечислимъ главные источники и пособія, которыми мы пользовались. Источники: Das allgemeine Landrecht. - Novum corpus constitutionum etc. Berlin, 1822.—Gesetz-sammlung für die König. Preuss. Staaten, Berlin.—Agraria der Preuss. Monarchie, v. Schrader, Magdeburg, 1824.—Die agrarischen Gesetze des Preuss. Staats, v. Dantz, Leipzig, 1836.—Die Landes-Cultur-Gesetzgebung des Preuss. Staates, v. Lette und Rönne, Berlin, 1835.—Die Agrargesetze des Preuss. Staates, v. Koch, Breslau, 1850.—Die neuen Agrargesetze des Preuss. Staates, v. Wulsten, Frankfurt, 1850.—Die Landes-Cultur-Gesetzgebung Preussens, v. Dönniger, Berlin, 1842.—Die neueste Preussische Gesetzgebung über die Befreiung des Grundbesitzes von Abgaben, Lasten etc., v. Dönniger, Frankfurt und Berlin, 1849. Staatshaushalt und Abgabewesen des Preuss. Königsstaats, v. Reden, Darmstadt, 1856.—Пособія: Concordanz der Preuss. agrarischen Gesetze, Kretzschmer, Danzig, 1843.—Ueber die agrarische Gesetzgebung in Preussen, v. Hering, Berlin, 1837.—Geschichte der deutschen Hörigkeit, v. Kindlinger, Berlin, 1819.—Grundsätze der Gemeinheitstheilung etc., v. Klebe, Berlin, 1821.—Commentar zu den Gesetzen über die gutsherrlichen und bäuerlichen Verhältnisse, v. Sommer, Hamm und Münster, 1823.—Ueber das Bauern-güterwesen, v. Rive, Paderborn und Arnsberg, 1827.—Geschichte der Marken-Verfassung in Deutschland, von Maurer, Erlangen, 1856.—Einleitung sur Geschichte der Mark-Hof-Dorf-und Stadt-Verfassung, v. Maurer, München, 1854.—Die freie Agrarverfassung, v. Reichensperger, Regensburg, 1856.—Beiträge zum Meierrecht, v. Busch, Hildesheim, 1855.—Die Aufhebung der Gemeinheiten in der Mark Brandenburg etc., Berlin, 1766.—Das Abfartsgeld, v. Linden, Wien, 1827.—Geschichtliche und dogmatische Entwickelung der bäuerlichen Rechtsverhältnisse etc., v. Sommer, Hamm, 1823.—Die bäuerlichen Lasten im Fürstenthume Hildesheim, v. Lünzel, Hildesheim, 1830.—Handbuch über die älteren und neueren bäuerlichen Rechtsverhältnisse in Rheinland-Westphalen, Hamm, 1830.—Beweis dass die Leibeigenschaft mit ihren Ausflüssen etc. nie wieder eingeführt werden etc., Hamm, 1815.—Commentar über das Decret de 12 Dec. 1808 etc., von Kallenberg, Münster, 1811.—Leitschrift für gutsherrlich-

I.

Характеръ крѣпостнаго права въ Пруссіи и постепенное его ограниченіе до 1807 года.

Избранный нами предметъ, по чрезвычайной сложности входящихъ въ него вопросовъ, нелегко укладывается въ тѣсныя рамки журнальной статьи; но для насъ-Русскихъ, изложеніе его сопряжено съ особенною трудностію. Говоря объ учрежденіяхъ, обычаяхъ и правахъ, выработанныхъ Германскою жизнію, мы должны будемъ употреблять терминологію, заимствованную изъ нашего сельскаго быта, во многомъ близко подходящаго къ Германскому, за то, во мно-

bäuerliche Verhältnisse, Landes-Cultur-Gesetzgebung, v. Forny, Masuch und Kuh, Breslau, 1839.—Commentar über die Hauptbestimmungen des bäuerlichen Erbfolggesetzes, v. Sommer, in Westphalen, Armsberg, 1837.—Die Herrschaften und Dienenden, Berlin, 1826.—Die Agrarfrage, v. Reichensperger, Trier, 1847.—Ueber die Agrarverfassung in Norddeutschland, v. Haxthausen, Berlin, 1829.—Die ländliche Verfassung in den einzelnen Provinzen der Preuss. Monarchie, v. Haxthausen, Königsberg, 1839.—Die ländliche Arbeiterfrage, v. Lengerke, Berlin, 1849.—Die Landes-Cultur-Gesetzgebung im Grossherz. Posen, v. Klebs, Berlin, 1856.—Die Patrimonial und Polizei-Gerichtsbarkeit, v. Heyde, Magdeburg, 1846.—Kurzer Entwurf des Leibeigenthums-Rechts etc., von Palm, Hannower, 1835.—Der Grundbesitz mit Ausschluss des Lehns, v. Vogelsang, Minden, 1832.—Betrachtungen über die Freiheit des Grundeigenthums, v. Jahn, Halberstadt, 1857.—Das gutsherrlich bäuerliche Rechtsverhältniss etc., v. Welter, Münster, 1835.—Praktische Erläuterung des Ablösungs-gesetzes v. 1851, v. Frey, Breslau, 1851.—Erläuterung zu dem Gesetze vom 2 März 1850, v. Schuhmann, Berlin, 1850.—Ueber die Zusammenlegung der Grundstücke in der Preuss. Rheinprowinz, v. Wilhelmy, Berlin. 1836.—Die Laudemien-frage etc., v. Resche, Breslau, 1841.—Ueber den Einfluss der neeuren Gesetzgebung in Schlesien, v. Heinrich, Berlin, 1842.—Die Verhältnisse zwischen den Ritter-Gutseigenthümern und Kleinstellenbesitzern in Schlesien, v. Kartscher, Breslau, 1843.—Der Bauerstand in Preussen, v. Hübner, Liegnitz, 1847.—Kindlinger's Fragmente über den Bauernhof, die Hofsverfassung etc., Dortmund, 1812.—Ueber den Ursprung des Leib-Eigenthums in Westphalen, v. Stühle, Münster, 1802.—Darf der Bauerstand etc. auf die Fortdauer seiner Freiheit rechnen etc., v. Buch, Münster, 1814.—Ueber die Eigenthums-Verleihung der Bauer-höfe, v. Zimmermann, Berlin, 1819.—Keine Erbunterthänigkeit, Königsb. 1808.—Preussen 1807 und jetzt, Berl. 1831 —Stein's Leben, v. Pertz, Berlin, 1850—1855.—Sechs Jahre Preussischer Geschichte, v. Förster, Berl. 1856.—Der Volkswohlstand im Preuss. Staate, v. Dietrici, Berl. 1846.—Vorschläge zur

гомъ и весьма существенномъ, вовсе на него непохожаго. Слова: крестьянинъ, подданный (такъ и у насъ въ прошломъ вѣкѣ помѣщики называли своихъ крѣпостныхъ людей), хозяинъ, батракъ, дворъ, община и т. п., повидимому, совершенно соотвѣтствуютъ Нѣмецкимъ: Bauer, Unterthan, Wirth, Gesinde, Hof, Gemeinde; но первыя выводятъ за собою цѣлый рядъ живыхъ, сподручныхъ намъ образовъ, съ которыми эти слова такъ тѣсно срослись, что примѣняя ихъ, напримѣръ, къ Пруссіи XVIII и XIX вѣковъ, мы невольно переносимъ въ нее множество представленій вовсе ей чуждыхъ, изъ которыхъ въ умѣ нашемъ слагаются совершенно ошибочныя о ней понятія. Во избѣжаніе подобныхъ ошибокъ, происходящихъ отъ предполагаемой, на дѣлѣ же вовсе не существующей аналогіи, необходимо прежде всего указать на коренныя различія между крѣпостнымъ правомъ Германскимъ, и въ особенности Прусскимъ, и тѣмъ же правомъ развившимся у насъ *). При этомъ же мы установимъ терминологію, которой будемъ строго держаться.

1. Въ Россіи крѣпостное право было косвеннымъ и, можно сказать, непредусмотрѣннымъ послѣдствіемъ двухъ общихъ законодательныхъ мѣръ, исшедшихъ отъ правительства. Каждая изъ нихъ распространена была единовременно на все государство; мы разумѣемъ: воспрещеніе перехода и уравненіе крестьянъ съ холопами при первой ревизіи.

Verminderung der jetzigen Noth sämmtlicher Grundbesitzer, v. Köpken, Berlin, 1824.—Geschichte des Entwickelungs-ganges der Brand. Preuss. Monarchie, v. Ohnesorge, Leipzig, 1841.—Geschichte des Preuss. Staats, v. Stenzel, Hamburg, 1830—1834.—Neun Bücher Preuss. Geschichte, v. Ranke, Berl. 1847—1848.—La Prusse, par Moreau de Jonès, Paris, 1848.—Des institutions de crédit foncier et agricole, par Josseau, Paris, 1851 —Rapport sur les institutions de crédit hypothécaire en Allemagne, par Royer, Paris, 1854.—Darstellung des Wesens der Pfandbriefe, v. Rabe, Halle und Berlin, 1848. — Die Preussisch. Hypotheken-und Subhastation-Gesetzgebung, v. Meyer, Berlin, 1854.

*) Подъ словомъ у насъ, мы разумѣемъ Московское государство въ тѣсномъ смыслѣ и нынѣшнюю Великороссію, исключая Остзейскій край, гдѣ крѣпостное право (теперь уже упраздненное) имѣло чисто Германскій характеръ, и Юго-Западныя губерніи, гдѣ оно сложилось подъ вліяніемъ мѣстныхъ экономическихъ условій и того же Германскаго права, проникшаго въ эти области черезъ посредство Польши въ эпоху ея надъ ними владычества.

Въ Германіи совокупность условій разнаго рода, которыми связывалась личность поселянъ и опредѣлялись ихъ отношенія къ землѣ и къ господину (Herr, Grundherr, Oberherr), окончательно выразившаяся въ юридическихъ понятіяхъ рабства (Leibeigenschaft), крѣпостной принадлежности (Eigenbehörigkeit, Gutspflichtigkeit) и наслѣдственнаго подданства (Erbunterthänigheit) была плодомъ медленнаго, но послѣдовательнаго и чрезвычайно-сложнаго развитія всѣхъ государственныхъ и общественныхъ учрежденій. Это развитіе завязалось въ X вѣкѣ и достигло крайняго своего предѣла и вмѣстѣ поворотной черты къ новому порядку вещей не ранѣе исхода XVII-го. Чтобы представить главные его моменты, нужно бы пройти полную исторію среднихъ вѣковъ, захвативъ въ нее и слѣдующій непосредственно за ними періодъ образованія Западныхъ государствъ по новѣйшимъ началамъ. Трудно сказать, что̀ бы могло не войти въ нее. Покореніе туземцевъ пришлыми племенами, раздача завоеванныхъ земель, призваніе колонистовъ, насильственное распространеніе христіанства, порядокъ отправленія военной службы, установленный Карломъ Великимъ, и постепенное его разложеніе, средневѣковая неурядица, господство силы надъ правомъ, заставлявшее каждаго искать безопасности не въ законѣ, а въ личномъ покровительствѣ, вліяніе древней языческой образованности, переводъ Нѣмецкихъ терминовъ на Латинскіе и подведеніе народныхъ представленій подъ юридическія формулы Римскаго права, безсиліе верховной власти и недостатокъ денежныхъ средствъ на удовлетвореніе ея потребностей, постепенный переходъ государственныхъ правъ и доходовъ въ руки первенствующихъ сословій и частныхъ лицъ въ видѣ привиллегій и бенефицій, крѣпкая корпоративная организація высшихъ сословій, дававшая имъ возможность облекать свои требованія и взаимныя соглашенія въ форму обще-обязательныхъ законовъ, частныя и общія возстанія поселянъ противъ ихъ угнетателей, опустошеніе цѣлыхъ земель во время Тридцатилѣтней войны, пріучившей поселянъ къ бродячей жизни, крутыя мѣры, принятыя для возстановленія осѣдлости,—всѣ эти факты и многіе другіе

участвовали, какъ дѣятельныя пружины, въ общемъ, роковомъ движеніи отъ первобытной свободы къ рабству, которымъ влеклась неудержимо масса сельскаго народонаселенія, но участвовали не единовременно и не повсемѣстно. Каждый изъ нихъ имѣлъ свой особенный періодъ, свой ограниченный кругъ дѣйствія, свои частныя послѣдствія.

2. У насъ совершился довольно крутой переходъ отъ полной свободы и добровольныхъ отношеній, не имѣвшихъ въ себѣ ничего не только принудительнаго, даже предустановленнаго, къ однообразному порядку вещей, котораго основаніе —почти ничѣмъ неограниченное полновластіе одной стороны—не допускаетъ никакой юридической опредѣленности отношеній какъ личныхъ, такъ и поземельныхъ.

Наоборотъ, въ Германіи обиліе историческихъ причинъ, имѣвшихъ вліяніе на судьбу сельскаго народонаселенія, и постепенность перехода отъ свободнаго состоянія къ несвободному породили неисчерпаемое разнообразіе отношеній, существовавшихъ другъ подлѣ друга, часто переходившихъ одно въ другое, но не сливавшихся, и которыми, какъ посредствующими звеньями, связывались крайніе термины свободы и рабства. Каждое изъ этихъ отношеній представляло собою одну изъ точекъ пройденнаго историческаго пути, на которой какъ будто временно пріостановилось развитіе; каждое успѣло вылиться въ опредѣленную юридическую формулу, создать себѣ свою особенную терминологію, выработать подробную казуистику въ безчисленномъ множествѣ мѣстныхъ правъ (въ смыслѣ кодексовъ, напр. Прусское право, Кульмское, Шлезское, Вестфальское и т. д.), сословныхъ постановленій (Landtags-Recesse) и уставовъ: о крестьянахъ, батракахъ, поденьщикахъ (Bauersprachen, Bauer-Gesinde-Unterthanen-Eigenthums-Ordnungen).

Изъ этихъ отличительныхъ особенностей въ процессѣ историческаго развитія крѣпостнаго права въ Германіи и въ Россіи, вытекаютъ слѣдующія различія въ самомъ существѣ созданныхъ имъ отношеній.

3. У насъ крѣпостная зависимость обусловливается припискою по ревизіи къ дворянскому имѣнію; на всѣхъ подъ

это условіе подходящихъ крестьянъ какъ издѣльныхъ, такъ и оброчныхъ, дворовыхъ людей, ихъ женъ, дѣтей, гдѣ бъ они ни проживали и чѣмъ бы ни промышляли, права и власть помѣщика, по закону, простираются въ совершенно одинаковой степени. Онъ властенъ кого хочетъ свести съ земли, перевести на сторону, продать, заложить, сослать, взять во дворъ; можетъ, на кого захочетъ, наложить тягло, можетъ и снять его. За то лица, принадлежащія къ свободному состоянію или неприписанныя къ тому имѣнію, хотя бы даже имѣли въ немъ постоянную осѣдлость, ни въ какомъ отношеніи помѣщику неподвластны.

Наоборотъ, во всей вообще Германіи права и власть помѣщика простирались на всѣхъ проживавшихъ въ его имѣніи поселянъ, но въ весьма различныхъ степеняхъ и видахъ. Крестьяне, водворенные въ вотчинѣ, имѣвшіе въ ней прочную осѣдлость (Ansässige Bauern), составляли какъ бы принадлежность вотчины и были крѣпки землѣ, на которой сидѣли, въ полномъ значеніи слова. Безъ позволенія помѣщика они не могли сойти съ нея, и только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ это право предоставлялось имъ подъ условіемъ сдачи тяглаго участка, со всѣми на немъ лежавшими повинностями, другому благонадежному крестьянину, и то если помѣщикъ не находилъ повода воспротивиться водворенію новаго хозяина. Это отношеніе, крѣпостное въ тѣсномъ значеніи слова, выражалось терминами Gutspflichtigkeit, Eigenbehörigkeit; крайняя степень его почти совпадала съ рабствомъ, Leibeigenschaft, а въ смягченномъ видѣ оно принимало названіе Hörigkeit. Дѣти и домочадцы осѣдлыхъ крестьянъ, не владѣвшіе пахатными участками, не хозяева, въ тѣсномъ смыслѣ, составляли особый классъ, извѣстный подъ названіемъ Dienstpflichtige Gesinde, Gesinde-Leute, по нашему — затяглые работники. Они также не могли располагать собою безъ согласія помѣщика, не выполнивъ своихъ къ нему обязанностей; но эти обязанности не влекли за собою полной, крѣпостной зависимости, по крайней мѣрѣ не всегда и не вездѣ. Каждаго парня и каждую дѣвку, по достиженіи ими опредѣленнаго возраста, помѣщикъ имѣлъ право потребовать къ себѣ во дворъ на

обязательную работу, Gesinde-Zwangs-Dienst, на срокъ отъ 3 до 5 и болѣе лѣтъ. Эта работа не шла въ счетъ барщины, которая исправлялась съ участка. Во все продолженіе обязательной службы затяглыхъ рабочихъ, помѣщикъ долженъ былъ содержать ихъ на свой счетъ и выдавать имъ опредѣленное жалованье, разумѣется очень скудное (Gesinde-Lohn въ противоположность Fremden-Lohn), потомъ онъ могъ, на срокъ же, за нѣсколько возвышенную плату, отдать ихъ въ услуженіе къ одному изъ осѣдлыхъ хозяевъ. Наконецъ, затяглаго работника, отслужившаго свое время, помѣщикъ могъ водворить на участкѣ земли, принудить его взять на содержаніе дворъ и сдѣлаться хозяиномъ. Но если помѣщикъ не могъ или не хотѣлъ водворить его, то, по общему обычаю (въ иныхъ мѣстностяхъ даже по закону), онъ не долженъ былъ насильно удерживать его въ своемъ имѣніи. Работникъ, исполнившій свои обязанности, пріобрѣталъ право уйти на сторону, наняться у кого пожелаетъ приняться за ремесло, даже перейти на жительство въ городъ, и тогда уже онъ выходилъ изъ крѣпостной зависимости. Итакъ, въ матеріальномъ отношеніи, состояніе неосѣдлаго, затяглаго крестьянина было менѣе обезпечено и гораздо тягостнѣе состоянія хозяина; первый, будучи постоянно на господской работѣ, много долженъ былъ переносить обидъ и оскорбленій, пока длилась его служба; за то, его личное отношеніе къ помѣщику не имѣло того характера роковой безвыходности, которымъ отличалось состояніе прикованнаго ко двору хозяина. Въ такое же отношеніе къ помѣщику, какъ и дѣти рожденные отъ крестьянъ-хозяевъ, поступали въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вольные батраки и поденщики, по прожитіи ими въ имѣніи опредѣленнаго срока. Они какъ будто прирастали къ землѣ и вслѣдствіе того обязывались нести принудительную службу. Наконецъ, встрѣчались вольные осѣдлые крестьяне, жившіе въ границахъ частныхъ имѣній, но на участкахъ, принадлежавшихъ имъ на правѣ полной, личной собственности, не обязанные никакою службою съ земли и вовсе не связанные узами крѣпостной зависимости; таковы были потомки древнихъ колонистовъ: Freibauern, Köllmer, Hochzinsern,

Freischulzen, freie Stellbesitzer. Встрѣчались ремесленники, промышленники, вольные люди различныхъ званій, снимавшіе у помѣщиковъ оброчныя статьи, какъ-то: мельницы, шинки, кузницы или небольшіе клочки земли съ огородами. Они платили помѣщику оброкъ или пошлины разнаго рода, даже обыкновенно обязывались исправлять на него нѣкоторыя вспомогательныя повинности, или, по его востребованію, наниматься къ нему въ услуженіе преимущественно передъ другими хозяевами. Независимо отъ этого, и несмотря на то, что по состоянію своему они были свободны, всѣ они подчинялись помѣщику, какъ мѣстному господину, которому, въ предѣлахъ его имѣнія, принадлежала судебно-полицейская власть, и какъ своему покровителю и заступнику. Эти отношенія, которымъ ничего подобнаго не представляетъ Русская жизнь, имѣли также свою терминологію. Совокупность господскихъ правъ выражалась словомъ Herrenrecht; самое важное и доходное изъ нихъ было право судное, Patrimonial или Privat Gerichtsbarkeit. Мѣстные обыватели, подчиненные помѣщичьей юридикціи, обыкновенно обозначались общимъ, собирательнымъ названіемъ der Hintersassen или Schutzunterthanen.

Итакъ, тремъ коренным состояніямъ: крѣпостныхъ хозяевъ, крѣпостныхъ затяглыхъ рабочихъ и вольныхъ подданныхъ, соотвѣтствовало столько же видовъ и степеней личной и поземельной зависимости. Такое же соотвѣтствіе было бы не трудно прослѣдить дальше, во множествѣ мелкихъ категорій, на которыя дробилось каждое изъ указанныхъ состояній.

4. У насъ помѣщикъ несетъ передъ правительствомъ прямую и всецѣлую отвѣтственность за уплату податей и за исправленіе всѣхъ государственныхъ повинностей. Правительство не имѣетъ прямыхъ сношеній съ приписанными къ частному имѣнію крѣпостными людьми и, съ точки зрѣнія казеннаго интереса, заботится только о томъ, чтобы всѣ прибылыя души вносились въ ревизію безъ утайки. Затѣмъ вся земля, входящая въ составъ имѣнія, какъ отведенная крестьянамъ такъ и господская, находится въ неограниченномъ распоряженіи помѣщика.

Въ Пруссіи, также какъ и въ другихъ государствахъ Нѣмецкихъ, никогда не перерывалась прямая связь между крѣпостнымъ сословіемъ и правительствомъ. Сама казна, чрезъ своихъ чиновниковъ, получала изъ рукъ крестьянъ бо̀льшую часть податей и наряжала ихъ на исправленіе натуральныхъ повинностей. Конечно, и помѣщикъ не былъ безусловно устраненъ отъ денежной за нихъ отвѣтственности; но она падала на него, такъ сказать, косвенно и въ тѣхъ только случаяхъ, когда крестьяне приходили въ несостоятельность, вслѣдствіе дознанныхъ съ его стороны вымогательствъ. Бо̀льшая часть государственныхъ, окладныхъ податей лежала на землѣ; притомъ именно—на землѣ крестьянской, Bauerland, на тѣхъ участкахъ, которыми пользовались поселяне, остальная, господская, состоявшая подъ фольварками (Vorwerksland, Hofsland), пользовалась въ этомъ отношеніи значительными привиллегіями. Выраженія: ritterfrei и steuerpflichtig можно перевести на нашъ древній юридическій языкъ, назвавши господскую землю бѣлою, а крестьянскую—черною. Итакъ, раздѣленіе земли на господскую и крестьянскую въ Пруссіи имѣло не только частное или хозяйственное, но и государственное значеніе. Интересъ казны требовалъ, чтобы крестьянская земля, какъ податная единица, оставалась въ неприкосновенной цѣлости, не теряла своего характера, не уменьшалась въ своемъ объемѣ; отъ того правительство оберегало ее всѣми мѣрами и строго запрещало помѣщикамъ отбирать ее у крестьянъ для присоединенія къ господскимъ полямъ—Einziehen des Bauerlandes zu Hofsland, Sprengen der Bauernhöfe, или, еще выразительнѣе: Bauernlegen — выкладываніе крестьянъ. Изъятія изъ этого общаго правила допускались весьма рѣдко, въ случаяхъ подробно исчисленныхъ въ законѣ, и то не иначе, какъ съ обязательнымъ условіемъ для владѣльца, въ замѣнъ отобраннаго куска земли или снесеннаго двора, отвести въ другомъ мѣстѣ равноцѣнный участокъ.

У насъ повѣряются ревизскіе списки и взыскиваются штрафы за утайку душъ; въ Пруссіи повѣрялись съ натурою земскія, окладныя книги или кадастровые списки и полагались взысканія за уменьшеніе или упраздненіе крестьянскихъ

участковъ. Очевидно, что и здѣсь и тамъ основный интересъ одинаковъ, цѣль одна и таже; вся разница заключалась въ средствахъ. Но ничто не имѣло такого рѣшительнаго вліянія на судьбу сельскаго сословія, какъ именно эта разница. Утайка души влечетъ за собою прямой ущербъ для казны, но прописная душа отъ этого ничего не теряетъ; она можетъ не знать, что имя ея не попало въ ревизскую сказку, часто даже можетъ находить въ этомъ выгоду. Нельзя сказать, чтобы фискальный интересъ противорѣчилъ личному интересу податныхъ душъ; но очевидно, что онъ не совпадаетъ съ нимъ и что, заботясь о полнотѣ ревизскихъ сказокъ, преслѣдуя умышленную утайку душъ, правительство охраняетъ только выгоду казны.

Напротивъ того, всякое нарушеніе законовъ о неприкосновенности крестьянской земли влекло за собою, вмѣстѣ съ ущербомъ для казны, часто незамѣтнымъ, всегда ощутительный вредъ для крестьянъ. Оберегая землю, правительство соблюдало свою пользу и въ тоже время обезпечивало самостоятельность всего земледѣльческаго сословія, охраняло основу народнаго хозяйства. Но заботливость правительства не могла этимъ ограничиться: ибо земля, какъ податная единица, имѣла цѣнность только при условіи исправной ея обработки. Участокъ незанятый или худо обработанный, развалившійся или опустѣлый дворъ не давали дохода, не уплачивали податей, и оттого, кромѣ отрицательнаго условія неприкосновенности крестьянской земли, интересъ казны требовалъ постояннаго замѣщенія участковъ надежными хозяевами, снабженными рабочимъ скотомъ и орудіями. Троякая обязанность возлагалась на помѣщиковъ: безъ разрѣшенія правительства не отбирать у крестьянъ земли, не оставлять дворовъ впустѣ, поддерживать на собственный свой счетъ рабочій инвентарь и строенія, и наконецъ не отнимать у хозяевъ нужнаго времени на воздѣлываніе ихъ земли и на заработку податей *).

---

*) Разсматривая внимательно податную систему древней Руси и особенно писцовыя книги, нельзя не придти къ убѣжденію, что еслибы порядокъ вещей, введенный у насъ вмѣстѣ съ ревизіею и Европейскою цивилизаціею, не

5. Съ названіемъ крестьянской земли мы связываемъ понятіе о единствѣ общиннаго владѣнія. Мы говоримъ безъ различія: земля крестьянская и земля мірская, разумѣя подъ этимъ часть имѣнія, состоящую въ общественномъ владѣніи цѣлаго селенія и распредѣляемую въ личное пользованіе по тягламъ *). Здѣсь личное право пользованія вытекаетъ изъ общиннаго права владѣнія, и первое безусловно подчиняется второму.

Совершенно иное видимъ мы въ Пруссіи. Тамъ крестьянская земля, сама по себѣ (а не по отношенію къ помѣщичьей), не представляла ничего цѣльнаго. За исключеніемъ выгоновъ, лѣсныхъ дачъ, паровыхъ полей и пастбищъ, которыми всѣ осѣдлые обыватели пользовались нераздѣльно, сообща (Gemeinheiten), она состояла изъ отдѣльныхъ дворовъ, участковъ или дворовыхъ мѣстъ (Hof, Stelle), съ опредѣленнымъ количествомъ прирѣзанныхъ къ каждому единожды навсегда огородовъ, полей и луговъ. Въ нѣкоторыхъ округахъ эти дворы стояли разрозненно, на большихъ разстояніяхъ другъ отъ друга; въ другихъ они скучивались въ большія селенія, и здѣсь существовала чрезполосность, приводившая въ отчаяніе землемѣровъ и регуляторовъ: ибо вся пахатная земля, принадлежавшая къ селенію, дѣлилась на три большія поля, подраздѣлявшіяся до безконечности; но вездѣ каждый дворъ, съ своимъ округленнымъ участкомъ или съ своими полосками, составлялъ

перервалъ естественнаго развитія государственнаго хозяйства, то старое начало взиманія податей и отправленія повинностей съ земли непремѣнно привело бы къ такимъ же законодательнымъ мѣрамъ и къ той же системѣ въ свое время благодѣтельнаго опеканія земледѣльческаго сословія, какую мы видимъ въ другихъ земляхъ. Чтобы придать землѣ твердую цѣнность, правительство было вынуждено прикрѣпить къ ней крестьянъ; таже самая побудительная причина должна была заставить его впослѣдствіи прикрѣпить часть земли къ крестьянамъ, а вслѣдъ за тѣмъ, опредѣлить ихъ отношенія къ вотчинникамъ. Мы можемъ утѣшить себя тѣмъ, что новѣйшее наше законодательство явно обращается къ цѣли, которой не дано было достигнуть древней Россіи.

*) Просимъ читателей заглянуть въ письмо къ издателю, напечатанное въ этомъ №, гдѣ изложена теорія тягловаго надѣла. (Письмо къ издателю Сел. Благ. „о поземельномъ общинномъ владѣніи“, на которое здѣсь ссылается авторъ, будетъ помѣщено въ III-мъ томѣ его сочиненій. *Прим. изд.*).

одно недѣлимое цѣлое, одну податную хозяйственную единицу, и водворенный въ немъ крестьянинъ распоряжался имъ, какъ полный хозяинъ, отвѣчая своимъ лицемъ передъ правительствомъ и передъ помѣщикомъ за всѣ повинности, лежавшія на немъ лично и на его землѣ. Объ уравненіи поземельнаго надѣла, выгодъ и тягостей разнаго рода съ рабочими силами и потребностями наличнаго народонаселенія посредствомъ срочныхъ или безсрочныхъ передѣловъ въ Германіи не имѣли понятія.

Количество земли и угодій, отведенныхъ на каждый дворъ, повинности всякаго рода на немъ лежавшія, рабочій инвентарь (Hofwehr, разумѣя подъ этимъ рабочій скотъ, орудія, сѣмена), при немъ состоявшій, обязанности помѣщика въ отношеніи къ хозяину исчислялись особо по каждому участку и заносились въ урбаріи или частныя условія (Kaufbriefe, Annahmebriefe) между вотчинникомъ и хозяиномъ. Крестьянскихъ участковъ въ каждомъ имѣніи, по отношенію къ количеству всей крестьянской земли, и крестьянъ-хозяевъ, по отношенію ко всему народонаселенію, было вообще гораздо менѣе въ Пруссіи, чѣмъ тяглыхъ участковъ и тяглецовъ въ нашихъ имѣніяхъ; за то объемъ полнаго пахатнаго участка былъ значительнѣе обыкновеннаго тягловаго надѣла въ среднихъ нашихъ губерніяхъ. Отъ упущенія изъ виду этой существенной разницы многіе выводили совершенно ошибочныя заключенія изъ сравненія повинностей, которыми облагается въ Россіи тягло или семья, съ тѣми, которыя въ Западной Европѣ или въ нашихъ Остзейскихъ губерніяхъ исправляются съ участка. Впрочемъ, участки эти въ Пруссіи были чрезвычайно разнообразны по своему объему. Мы сейчасъ употребили выраженіе полнаго пахатнаго хозяйства, разумѣя подъ этимъ такой участокъ, котораго обработка требовала по меньшей мѣрѣ пары лошадей или воловъ и обезпечивала водворенную на немъ семью одними продуктами хлѣбопашества, безъ пособія постороннихъ заработковъ или промысловъ *): Ackernahrung, Rustical-Stelle,

*) Въ Помераніи 45 моргеновъ ($10\frac{1}{2}$ десятинъ) составляли minimum надѣла на пахатный участокъ съ парою воловъ.

Bauerhof, Bäuerliche Stelle, Bauer-Wirthschaft, въ тѣсномъ смыслѣ. Рядомъ съ полными пахатными хозяйствами мы находимъ полупахатныя, Halbbauer-Stellen, *) и еще множество мелкихъ участковъ, въ которыхъ проживали бѣдные поселяне, владѣя однѣми хижинами или усадьбами съ огородами, а иногда и небольшими клочками пахатной земли. Они не держали ни лошадей, ни воловъ, а воздѣлывали свою землю заступами и мотыками, при этомъ нанимались въ разныя работы у помѣщиковъ и у богатыхъ крестьянъ; нѣкоторые занимались ремеслами. Эти огородники, бобыли, мелкіе люди, встрѣчаются повсемѣстно подъ разными провинціальными названіями: Gärtner, Dreschgärtner, Büdner,Kossäthen, Krätschmer, Haüssler, Jnliger, Kleine-Leute etc.

Такое же разнообразіе встрѣчаемъ мы въ правахъ крестьянъ на землю. Нѣкоторые хозяева владѣли своими участками на правѣ полной, неограниченной собственности; они могли свободно отчуждать и закладывать ихъ—Eigenthums-Recht auf die Substanz des Gutes, или просто Eigenthums-Recht, въ тѣсномъ смыслѣ. Другіе пользовались правомъ потомственнаго владѣнія, на условіяхъ единожды навсегда опредѣленныхъ; они платили оброкъ денежный или натуральный, вносили десятину, отбывали барщину, по положенію, и помѣщикъ не въ правѣ былъ увеличивать ихъ повинности; они могли быть сведены съ участка не иначе, какъ по судебному приговору, за дознанное нерадѣніе или за проступки; по смерти хозяина или по удаленіи его, участокъ переходилъ къ его наслѣднику по завѣщанію или по закону. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, потомственный владѣлецъ могъ даже продать свой участокъ, если помѣщикъ не находилъ основательной причины къ устраненію покупщика—Erblicher Besitz, Nutzungs-Erbrecht, Erbrecht, иногда, въ широкомъ и неточномъ смыслѣ: Eigenthums-Recht. Третьи пользовались правомъ пожизненнаго, срочнаго, а иногда и

---

*) Этимъ терминамъ совершенно соотвѣтствуютъ употребительные въ нашихъ Западныхъ губерніяхъ тяглаго участка въ противоположность полутяглому или огородному.

безсрочнаго, но не потомственнаго владѣнія. Въ послѣднихъ случаяхъ, по смерти хозяина или по истеченіи контрактнаго срока, или, если участокъ сданъ былъ безсрочно, по предварительномъ оповѣщеніи содержателя, помѣщикъ могъ передать дворъ кому хотѣлъ; обыкновенно съ этимъ было сопряжено право, при заключеніи новаго условія, измѣнять и увеличивать повинности. Число крестьянъ полныхъ собственниковъ было очень незначительно; это были рѣдкіе, случайно уцѣлѣвшіе остатки древняго крестьянства, Freibauern, Freischolzen; они не принадлежали къ крѣпостному сословію, но подчинялись юридикціи помѣщиковъ. Потомственные владѣльцы встрѣчались въ казенныхъ имѣніяхъ, кое-гдѣ въ помѣщичьихъ, и преимущественно въ западныхъ провинціяхъ королевства; пожизненные и срочные владѣльцы—повсемѣстно. Вообще послѣдніе составляли въ массѣ сельскаго крѣпостнаго сословія огромное большинство, особенно въ Восточной и Западной Пруссіи, въ Литвѣ, въ Верхней и Южной Лузаціи, въ Верхней Шлезіи, въ Ней-и Укеръ-Маркахъ и наконецъ, въ Помераніи. Это различіе между потомственнымъ и срочнымъ или пожизненнымъ правомъ имѣло историческое основаніе. Оно указывало на двойственность происхожденія крѣпостнаго состоянія и заключало въ себѣ самый существенный, характерный признакъ, по которому все крѣпостное сословіе дѣлилось на два разряда *); въ устройствѣ хозяйственныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ оно играло очень важную роль. Наконецъ, встрѣчались батраки, служители, состоявшіе при фольваркахъ, которымъ, сверхъ наемной платы, отводились участки земли, такъ называемые Dienstfamilien-Etablissements. Эти участки большею частью не входили даже въ составъ крестьянской земли; помѣщики располагали ими совершенно сво-

*) Пожизненное право называлось также Вендскимъ, потому что оно преобладало въ областяхъ, первоначально населенныхъ Славянскими племенами и потомъ порабощенныхъ Нѣмцами; а наслѣдственное право называлось Германскимъ, потому что имъ пользовались потомки Нѣмецкихъ колонистовъ, привлеченныхъ съ разныхъ сторонъ для населенія опустошенныхъ областей.

бодно, и водворенные въ нихъ хозяева, по состоянію своему, не имѣли на землю никакого права. Отведенные имъ участки составляли какъ бы дополненіе къ ихъ жалованію и содержанію.

6. У насъ повинности, которыми пользуются помѣщики отъ своихъ крестьянъ, довольно однообразны. За весьма немногими исключеніями, онѣ подходятъ подъ три категоріи: барщины исправляемой съ тягла, оброка платимаго также съ тягла, а иногда съ души или семьи (напр. дворовыми людьми и крестьянами, отпускаемыми по паспорту), наконецъ разныхъ поборовъ: баранами, свиньями, домашними птицами, холстомъ и т. д. Повинности послѣдняго рода, нѣкогда игравшія важную роль въ нашемъ хозяйствѣ, теперь, какъ извѣстно, постепенно выводятся.

Въ Пруссіи многоразличіе степеней и видовъ крѣпостной зависимости ни въ чемъ не выражалось такъ ощутительно, какъ во множествѣ и разнообразіи повинностей. Нѣкоторыя вели свое начало отъ государственныхъ налоговъ или регалій, постепенно перешедшихъ въ руки частныхъ лицъ, въ силу данныхъ имъ привиллегій, сдѣлокъ разнаго рода, а иногда и безъ всякаго законнаго основанія. Къ этому разряду относились всѣ такъ называемыя Gerechtigkeiten, монополіи обращенныя въ доходныя статьи, напр. исключительное право ставить и держать мельницы, курить вино, варить пиво, шинковать—Mühlgerechtigkeit, Mühlzwang, Brandgerechtigkeit, Getränkezwang, Getränkebereitung, Ausschank. Помѣщики пользовались ими троякимъ образомъ. Иногда они освобождали обывателей за извѣстный откупъ отъ обязанности молоть хлѣбъ на господскихъ мельницахъ и брать напитки въ господскихъ шинкахъ: Befreiung von der Zwangs-Gerechtigkeit; иногда они входили въ товарищество съ мельниками, пивоварами и шинкарями, которымъ отдавали свои заведенія въ содержаніе—Mitausübung der Gerechtigkeit; иногда уступали свои привиллегіи въ исключительное пользованіе постороннимъ промышленникамъ: ausschliessliche Ausübung. Къ тому же разряду относится десятина, die Zehente, нѣкогда взимавшаяся исключительно въ пользу духовенства и на государственныя нужды, но впослѣдствіи

перешедшая въ руки дворянства *) со всѣми ея подраздѣленіями, на большую десятину, Grosszehente, съ валоваго урожая и укоса; малую десятину, Kleinzehente, съ огородовъ и фруктовыхъ садовъ; кровяную десятину, Blutzehente, съ домашняго скота, птицъ и всякой живности; Personalzehente, съ личныхъ заработковъ, наконецъ, сборъ зернами и хлѣбомъ или деньгами въ неопредѣленномъ количествѣ, въ замѣнъ десятаго процента — Sackzehente.

Второй разрядъ составляли повинности поземельныя, лежавшія на податныхъ участкахъ и взимавшіяся по праву вотчинной собственности. Сюда относятся всѣ виды барщины, пѣшей и съ упряжью (Frohne, Schaarwark, Roboten, Spanndienste, Handdienste), всѣ обязательные наряды, опредѣленные числомъ дней и урочными положеніями (gemessene Leistungen nach Zeit, Art, Maass oder Gewicht) и неопредѣленные, зависѣвшіе отъ воли помѣщика, напр. строительныя работы (ungemessene Dienste, Baudienste, Forstdienste), постоянныя и вспомогательныя (Beitagen), тоже что помочь въ страдное время, существующая въ Малороссіи. Далѣе: оброкъ съ земли, Geldpacht, Geldzins, оброкъ натуральными произведеніями, Naturalzins.

Третьяго рода повинности выведены были изъ понятія о крѣпостномъ правѣ въ тѣсномъ и строгомъ смыслѣ, изъ обладанія чужою личностью и всѣмъ, что ей принадлежало. Къ этому разряду причисляются: принудительная служба безтяглыхъ крестьянъ при господскомъ дворѣ (Gesinde-Zwangs-Dienst), пошлины за дозволеніе вступать въ бракъ (Bedemund, Brautkauf), за отдачу въ обученіе ремеслу, за временное увольненіе на сторону и выкупъ изъ крѣпостной зависимости (Loskaufsgeld, lytrum personale), вычетъ въ пользу помѣщика изъ наслѣдства умершаго крестьянина лучшей штуки изъ домашняго скота и изъ всей движимости (Besthaupt, Kurmede, Todtfall, Sterbefall, mortuarium). Этотъ

*) Что десятина не имѣла характера поземельнаго оброка, это видно между прочимъ изъ того, что далеко не всѣ вотчинники пользовались правомъ взимать ее и что весьма часто границы округа, съ котораго помѣщикъ получалъ десятину, не совпадали съ границами его вотчины, а обнимали нѣсколько чужихъ сосѣднихъ имѣній.

послѣдній, крайне-тяжелый налогъ, встрѣчавшійся повсемѣстно въ Шлезіи, но гораздо рѣже въ другихъ провинціяхъ, служилъ всегда самымъ вѣрнымъ признакомъ крайняго развитія крѣпостнаго права.

Наконецъ, подъ предлогомъ покрытія расходовъ, съ которыми сопряжена была патримоніальная юридикція, помѣщики взыскивали за свои труды разныя пошлины, извѣстныя подъ названіемъ судныхъ доходовъ: Einkünfte der Gerichtsbarkeit. Таковы, напримѣръ, пошлины за право жительства въ имѣніи подъ покровительствомъ вотчинника (Schutzgeld, Schutzzins, Beirauchsgeld, Heuerlingsgeld, Einliegerrecht, Beiwohnerrecht), за право заниматься въ имѣніи ремесломъ (Gewerbesteuer), съ продажъ и покупокъ всякаго рода (Markt-groschen), десяти-процентная пошлина съ имущества, вывозимаго изъ предѣловъ патримоніальной юридикціи (Abzug, Abschoss, Abfahrtsgeld), единовременный денежный взносъ отъ каждаго новаго хозяина, при вступленіи во владѣніе дворомъ, извѣстный подъ названіемъ вкупа (Einkauf, Erbstandsgeld, Leenwahre, Laudemnium [1]) и т. д.

7. Въ Россіи помѣщичье хозяйство держится исключительно на барщинѣ, всѣ полевыя работы исправляются крестьянами на собственныхъ ихъ лошадяхъ и собственными ихъ орудіями. У помѣщика нѣтъ ни наемныхъ работниковъ, ни инвентаря [2]), и потому онъ обходится самымъ незначительнымъ оборотнымъ капиталомъ.

Въ Пруссіи, даже въ ту эпоху, когда крѣпостное право существовало во всей силѣ, барщина едва ли составляла главную долю крестьянскихъ повинностей и не удовлетворя-

---

[1]) Легко бы подобрать къ Нѣмецкимъ и Латинскимъ терминамъ, нами приведеннымъ, совершенно соотвѣтственныя названія пошлинъ и повинностей разнаго рода изъ юридическихъ актовъ Юго-западной Руси и даже Велико-Россіи; но какъ онѣ вышли давно изъ употребленія и, конечно, для многихъ читателей были бы непонятны, то и къ нимъ довелось бы прикладывать объясненія.

[2]) Есть, конечно, исключенія; гдѣ заведены молотильныя и вѣяльныя машины, тамъ обыкновенно держатъ господскихъ лошадей; нѣкоторые помѣщики, особенно въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ сѣютъ корнеплодныя растенія, держатъ по нѣскольку плуговъ и потребную къ нимъ упряжь; но въ общей массѣ, количество работъ, производимыхъ на господскихъ лошадяхъ и господскими орудіями, исчезаетъ какъ капля въ морѣ.

ла вполнѣ потребностямъ помѣщичьяго хозяйства. Лошади или волы и орудія выставлялись на господскую работу только съ пахатныхъ участковъ, а такихъ участковъ было немного. Къ тому же рабочій инвентарь или шептель составлялъ не личную собственность хозяина, а принадлежность хозяйства. Лошадей, рабочій скотъ, орудія, сѣмена помѣщикъ заводилъ и поддерживалъ на свой счетъ и передавалъ все это по описи новому хозяину вмѣстѣ съ усадьбою и пашнею. Правда, что помѣщикъ забиралъ къ себѣ на работу затяглыхъ крестьянъ, но они приходили къ нему съ пустыми руками; онъ долженъ былъ кормить ихъ, выдавать имъ жалованье, хотя и скудное, и, наконецъ, держать для нихъ собственный рабочій скотъ и собственныя орудія. Даже и этихъ средствъ было недостаточно; сверхъ крѣпостныхъ батраковъ, почти всѣ помѣщики и арендаторы, особенно въ тяжелую рабочую пору посѣва и жнитва, нанимали вольныхъ батраковъ. Изъ этого видно, что экономическія условія помѣщичьяго хозяйства въ Пруссіи ближе подходили къ коммерческому положенію, чѣмъ къ тому порядку вещей, который теперь ведется у насъ.

Конецъ XVII вѣка, сказали мы выше, представляетъ крайній предѣлъ поступательнаго движенія крѣпостнаго права въ Германіи и вмѣстѣ поворотную черту къ новому порядку вещей. Верховная власть, въ борьбѣ своей съ сословными и частными интересами, безпрестанно ссылавшаяся на общее благо и возражавшая на историческія справки требованіями вѣчной правды, не могла оставить безъ вниманія угнетеннаго большинства рабочаго народонаселенія, этого органа производительныхъ силъ, въ которыхъ она нуждалась для перестройки государства по новому чертежу. Въ Пруссіи, гдѣ эта работа производилась съ особенною поспѣшностью во все продолженіе XVIII вѣка, курфирсты, а впослѣдствіи короли, рѣшительнѣе, чѣмъ въ другихъ земляхъ, приняли народъ подъ свою защиту, раньше и опредѣлительнѣе выразили свои виды, которымъ позднѣйшее законодательство слѣдовало неуклонно.

Ближайшее поприще къ осуществленію этихъ видовъ представляли казенныя имѣнія, ибо здѣсь сами государи пользо-

вались всѣми правами, доходами и принадлежностями помѣщичьей власти.

Король Фридрихъ I, въ изданномъ имъ положеніи о деревняхъ и мѣстечкахъ (16 Дек. 1702 г.) объявилъ упраздненіе личнаго рабства въ казенныхъ имѣніяхъ, что̀ впослѣдствіи было неоднократно повторяемо, и по совѣту тайнаго совѣтника Лубена, вопреки сильному противодѣйствію дворянства, задумалъ отдать въ потомственное арендное владѣніе какъ фольварки, такъ и крестьянскіе дворы; но всеобщая бѣдность крестьянъ не позволила имъ принять на себя срочные, денежные платежи. Сдача фольварковъ въ потомственное владѣніе также не удалась, и король не только отказался отъ своей мысли, но даже, по проискамъ дворянства, отдалъ Лубена подъ судъ.

Указомъ 30 Декабря 1718 года, Фридрихъ Вильгельмъ I отдалъ казеннымъ крестьянамъ ихъ дворы въ потомственное владѣніе, предоставивъ имъ даже право продавать ихъ съ разрѣшенія палатъ государственныхъ имуществъ (Amts-Kammern). Это повелѣніе вошло въ дѣйствіе далеко неповсемѣстно, какъ видно изъ цѣлаго ряда позднѣйшихъ подтвердительныхъ указовъ, а палаты въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, не содѣйствовали осуществленію благихъ намѣреній верховной власти, а напротивъ изъискивали поводы къ неисполненію ихъ, отчасти потому, что съ расширеніемъ свободы крестьянъ стѣснялся кругъ дѣйствія мѣстной администраціи, болѣе же по закоренѣлому убѣжденію, что крестьянинъ не можетъ обойтись безъ строгой надъ нимъ опеки. Король, однакоже, не оставилъ начатаго имъ дѣла. Патентами 22 Августа, 10 Іюля 1719 и 24 Марта 1723 годовъ подтвердивъ упраздненіе рабства и личной крѣпостной зависимости въ государственныхъ имѣніяхъ Помераніи, Пруссіи и Литовской области, онъ предложилъ крестьянамъ пріобрѣсти въ собственность дворы и земли, бывшіе въ ихъ пользованіи, съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобъ они выкупили инвентарь и отказались отъ дальнѣйшаго пособія выдачею строевыхъ матеріаловъ отъ казны. Очень немногіе, и то не безъ принужденія, приняли эти условія; большинство же рѣшительно отвергло ихъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ

крестьяне даже взбунтовались,—до такой степени сдѣланное имъ предложеніе показалось имъ невыгоднымъ.

Фридрихъ II, указами 20 Января 1765 и 20 Февраля 1777 годовъ, изданными по поводу дошедшихъ до него свѣдѣній о самовластныхъ распоряженіяхъ нѣкоторыхъ палатъ государственныхъ имуществъ, позволявшихъ себѣ, по смерти крестьянъ-хозяевъ, устранять ихъ наслѣдниковъ отъ содержанія дворовъ, вновь выразилъ свою волю, чтобы казенные крестьяне владѣли своими дворами потомственно и выкупали ихъ въ полную собственность; но и въ этотъ разъ очень немногіе воспользовались предоставленнымъ имъ правомъ. Причина постояннаго неуспѣха этой попытки, троекратно повторенной въ теченіе 50 лѣтъ, заключалась единственно въ ея преждевременности. Сами по себѣ, условія, на которыхъ казна уступала свое право вотчинной собственности на крестьянскую землю, были нетяжелы и свидѣтельствовали объ искреннемъ желаніи правительства, съ пожертвованіемъ собственнаго интереса, поднять крестьянъ на высшую степень благосостоянія, поставивъ ихъ въ самое выгодное положеніе для развитія земледѣльческой промышленности. Цѣль понята была вѣрно; но ошибка состояла въ томъ, что правительство надѣялось достигнуть ея однимъ смѣлымъ скачкомъ. Казенные крестьяне, подобно помѣщичьимъ, въ большей части имѣній исправляли барщину; значитъ, они еще не пользовались правомъ собственности на свой трудъ, свое время и свои силы; они сами смотрѣли на себя какъ на орудія, ввѣренныя чужимъ рукамъ, и вслѣдствіе этого находили естественнымъ и справедливымъ пользоваться чужою заботливостью и чужими пособіями. Изъ этого состоянія перейти непосредственно въ состояніе полныхъ хозяевъ и вотчинниковъ, принять на себя всѣ тягости, всю отвѣтственность, всѣ риски, сопряженные съ правомъ неограниченнаго распоряженія не только собою, но и недвижимою собственностью, было неестественно, трудно и даже небезопасно для самихъ крестьянъ. Вѣрный народный инстинктъ чуялъ эту опасность и благоразумно отклонялъ отъ себя преждевременный даръ. Еще рано было думать о собственности; довольно было, на первое время, твердаго,

обезпеченнаго права пользованія землею на безобидныхъ условіяхъ; за то время было упразднить барщину и освободить трудъ. Съ этого надлежало начать, и этого ожидали крестьяне съ нетерпѣніемъ.

Въ 1763 и 1767 годахъ казна отказалась въ своихъ имѣніяхъ отъ всякаго права требовать на службу затяглыхъ рабочихъ; затѣмъ обыкновенная очередная барщина, исправлявшаяся съ двора или участка, была значительно уменьшена; вмѣсто прежней, трехдневной, введена въ нѣкоторыхъ провинціяхъ двухдневная въ недѣлю (напр. въ Помераніи); въ другихъ (напр. въ Восточной и Западной Пруссіи) положено брать съ двора 60 рабочихъ дней въ году, со включеніемъ подводъ, и дано право каждому хозяину откупаться отъ барщины денежнымъ оброкомъ, по установленной таксѣ; мало-по-малу введено было урочное положеніе въ замѣнъ прежнихъ нарядовъ на неопредѣленныя работы. Въ послѣднихъ годахъ XVIII вѣка, Фридриху II и Фридриху Вильгельму II поданы были двѣ записки (1784 и 1796) о положеніи казенныхъ крестьянъ въ Помераніи и о средствахъ къ улучшенію ихъ быта. Неизвѣстный составитель ихъ предлагалъ: если по какимъ-либо причинамъ встрѣтятся затрудненія въ безусловномъ упраздненіи барщины, то по крайней мѣрѣ прибѣгнуть къ слѣдующимъ, косвеннымъ и приготовительнымъ мѣрамъ: вопервыхъ, назначить срокъ для отмѣны барщины; вовторыхъ, объявить во всеуслышаніе, что арендаторы пользуются рабочими силами крестьянъ не безъ вѣдома и не въ противность волѣ государей, а съ ихъ соизволенія и утвержденія; втретьихъ, пересмотрѣть урочныя положенія и по возможности сократить число рабочихъ дней; вчетвертыхъ, возвысить плату за обязательныя работы и потребовать, чтобъ арендаторы отдавали ее въ руки самимъ крестьянамъ, а не отсылали бы въ казначейство въ зачетъ лежащихъ на поселянахъ податей, какъ это дѣлалось; впятыхъ, дабы арендаторы не затруднялись пріисканіемъ вольныхъ работниковъ, учредить въ казенныхъ имѣніяхъ небольшія хозяйства для водворенія въ нихъ бездомныхъ работниковъ съ ихъ семьями (Dienstfamilien-Etablissements); вшестыхъ, разбить слишкомъ обширныя ка-

зенныя имѣнія на хутора средней величины и сдавать ихъ порознь въ арендное содержаніе на продолжительные сроки или потомственно; наконецъ, возстановить право каждаго хозяина, водвореннаго въ казенномъ имѣніи, на выкупъ двора и участка въ собственность, по умѣренной оцѣнкѣ, но съ обязанностью выплачивать съ него всѣ денежныя подати и повинности, и принять на свой счетъ ремонтъ строеній и инвентаря.

Проэктъ неизвѣстнаго лица, скрывшаго свое имя подъ названіемъ Померанскаго Патріота, въ первый разъ поступилъ на разсмотрѣніе Прусскаго министерства при Фридрихѣ II; цѣль его и основныя положенія были одобрены, но тѣмъ не менѣе онъ былъ устраненъ изъ опасенія ущерба въ доходахъ казны и особенно послѣдствій для помѣщичьихъ правъ дворянства отъ упраздненія барщины въ казенныхъ вотчинахъ. Во второй разъ проэктъ этотъ, въ великой тайнѣ, переданъ былъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ II тайному совѣтнику фонъ-Шитцу, который одобрилъ его безусловно и подкрѣпилъ его убѣдительными цифрами. Въ то время Прусское правительство понимало уже требованія отчетливой администраціи и необходимость имѣть подъ рукою точныя данныя для обсужденія и исполненія законодательныхъ мѣръ. Изъ постоянно обновлявшагося запаса статистическихъ свѣдѣній, которыя сосредоточивались въ генеральной директоріи, фонъ-Шитцъ вывелъ, что въ казенныхъ имѣніяхъ Помераніи насчитывалось въ то время пахатныхъ и полупахатныхъ крестьянскихъ дворовъ 4.300, дворовъ меньшаго размѣра 6.262, что по низкой оцѣнкѣ выкупъ ихъ требовалъ 800.000 талеровъ и, что ежегодный доходъ казны отъ предложенной операціи могъ возвыситься на 58.460 талеровъ. Дѣло казалось улаженнымъ, но король призадумался. „Одно затрудненіе пугаетъ меня,“ писалъ онъ къ Шитцу: „какъ бы не вздумали потребовать такой же льготы помѣщичьи крестьяне и какъ бы не подать повода къ неудовольствію дворянъ!“ Дальнѣйшій ходъ этого дѣла намъ неизвѣстенъ, но изъ деклараціи 25 Марта 1790 г. видно, что казенные крестьяне остались при одномъ правѣ потомственнаго владѣнія ихъ участками и не лишились права на по-

лученіе пособій отъ казны. Барщина, хотя не была отмѣнена безусловно, но постепенно ограничивалась (16 Іюля 1799 и 5 Марта 1800 г.). Наконецъ, король Фридрихъ Вильгельмъ III, высочайшимъ повелѣніемъ 1804 г. 29 Декабря, подтвердилъ всѣ льготы, которыми пользовались казенные крестьяне въ Прусской и Литовской областяхъ, и предоставилъ имъ полную свободу перехода безъ всякаго выкупа.

Отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ въ продолженіе XVIII вѣка также постоянно занимали Прусскихъ королей, и содержаніе изданныхъ ими законовъ ясно показываетъ намъ, съ какой стороны въ то время угрожала сельскому классу наибольшая опасность. Экономическія условія края, послѣ Тридцатилѣтней войны, существенно измѣнились. Съ водвореніемъ полицейскаго порядка и нѣкоторой безопасности, съ расширеніемъ внѣшнихъ сношеній политическихъ и торговыхъ, цѣнность земли стала быстро возвышаться. Дворянство, начинавшее пристальнѣе всматриваться въ свое домашнее хозяйство, мало-по-малу приходило къ сознанію, что барщина, обязательные наряды и всѣ вообще повинности, лежавшія на землѣ, которою владѣли крестьяне, во многихъ случаяхъ не равнялись съ ея цѣнностью и что доходъ, получаемый отъ нея помѣщикомъ, могъ бы значительно быть возвышенъ при непосредственной, хозяйственной ея обработкѣ. Изъ этого соображенія возникло двоякое стремленіе, съ одной стороны—увеличить до послѣдней возможности повинности осѣдлыхъ крестьянъ и затяглыхъ работниковъ; съ другой — отобрать у нихъ землю и присоединить ее къ господскимъ полямъ. Нерѣдко даже случалось, особенно въ Шлезіи, что то и другое соединялось въ одну операцію, разорительную для крестьянъ. Упразднивъ одинъ или нѣсколько участковъ, помѣщикъ, правда, принималъ на себя уплату нѣкоторыхъ изъ государственныхъ податей и денежныхъ повинностей, лежавшихъ на землѣ, но въ тоже время онъ разлагалъ на остальныхъ крестьянъ всѣ натуральныя, общественныя повинности, оброки, сборы, наряды разнаго рода,—словомъ, все, чтò получалъ прежде самъ съ упраздненныхъ дворовъ. Таже цѣль достигалась посредствомъ вынужденныхъ обмѣновъ: помѣщикъ сдавалъ крестьянину

дворъ въ пожизненное или срочное владѣніе; по истеченіи срока или по смерти хозяина, онъ отбиралъ хорошо-удобренный и обработанный участокъ, а прежнему хозяину или его наслѣднику отводилъ болото, сыпучій песокъ или мелкій кустарникъ. Подобнаго рода хозяйственныя распоряженія легче ускользали отъ наблюденія, чѣмъ средневѣковые грабежи, безчеловѣчныя истязанія и варварскія прихоти; донесеніе объ упраздненіи нѣсколькихъ дворовъ или о прирѣзкѣ нѣсколькихъ моргеновъ пашни къ господскимъ полямъ не поражало воображенія и не возбуждало негодованія; въ сущности же систематическое стремленіе, основанное на разсчетѣ, было гораздо вреднѣе и опаснѣе для судьбы всего крестьянства, чѣмъ самая необузданная игра страстей и личнаго произвола. Прусскіе короли это поняли.

Курфирстъ Фридрихъ Вильгельмъ и король Фридрихъ Вильгельмъ I, указами 12 Апрѣля 1667 и 14 Марта 1730 г., строго запретили всѣмъ владѣльцамъ, начиная отъ мелкопомѣстныхъ вассаловъ до маркграфа, самовольно сгонять крестьянъ съ ихъ дворовъ безъ уважительныхъ на то причинъ, изъ однихъ корыстныхъ видовъ оставлять дворы незамѣщенными и присоединять земли, обложенныя государственною податью, къ господскимъ полямъ. Фридрихъ II, убѣдившись изъ произведенной по приказанію его ревизіи, что въ въ одной Курмаркской области число крестьянскихъ дворовъ, начиная съ Тридцатилѣтней войны, уменьшилось на 2.897, а напротивъ, число фольварковъ увеличилось, указомъ 12 Августа 1749 года повторилъ въ строжайшей формѣ запрещеніе отбирать у крестьянъ земли и наложилъ за нарушеніе этого правила денежный штрафъ во 100 талеровъ съ помѣщика и постольку же съ мѣстнаго начальства. Не довольствуясь предупрежденіемъ подобныхъ злоупотребленій на будущее время, онъ приступилъ къ возстановленію дворовъ, самовольно упраздненныхъ, начиная съ опредѣленнаго для каждой провинціи срока (нормальнаго года). Дворы, упраздненные въ послѣднее время, велѣно было возстановить и замѣстить въ одинъ годъ, подъ страхомъ взысканія 1.000 талеровъ за каждое пахатное хозяйство и 500 за хозяйство меньшаго размѣра; ландраты, которымъ поручено было ис-

полненіе этой мѣры, могли отъ себя налагать запрещенія на доходы помѣщиковъ для покрытія необходимыхъ издержекъ (14 Іюля 1749, 12 Іюля 1764, 30 Декабря 1765, 5 Марта 1767 гг.).

Собственно для Шлезіи, гдѣ, какъ видно по всѣмъ актамъ того времени, крѣпостное право переходило въ неограниченный произволъ, издано было строгое запрещеніе увеличивать или измѣнять повинности крестьянъ, въ противность старинѣ, урбаріямъ и частнымъ условіямъ, на которыхъ сдавались участки (14 Іюля 1749 г.). Нѣсколько позднѣе (8 Ноября 1773 г.) помѣщикамъ Восточной и Западной Пруссіи назначенъ былъ годовой срокъ, въ продолженіе котораго они должны были, по соглашенію съ крестьянами, въ формѣ обоюдо-обязательныхъ контрактовъ, изложить всѣ натуральныя повинности, лежавшія на крестьянскихъ участкахъ; въ случаѣ просрочки, правительство предоставляло себѣ примѣнить къ частнымъ вотчинамъ норму работъ, изданную для казенныхъ имѣній. Высочайшими повелѣніями 1784 года 11 Сентября и 12 Декабря положено было приступить къ повсемѣстному пересмотру старыхъ урбаріумовъ и къ составленію новыхъ; съ этою цѣлью назначены были особыя коммисіи, снабженныя инструкціями; имъ поручено было опредѣлить въ точности взаимныя обязанности помѣщиковъ и водворенныхъ въ ихъ имѣніяхъ крестьянъ, установить уроки для всѣхъ работъ и разобрать на мѣстѣ жалобы крестьянъ на обременительность ихъ повинностей. Но эта громадная работа, къ которой приступлено было только въ Шлезіи, даже и тамъ не была доведена до конца, и ревизіонныя коммисіи въ 1809 году были упразднены. Причина этой неудачи, кромѣ трудности самаго предпріятія, объясняется противодѣйствіемъ дворянства. Тайный совѣтникъ Бренкенгофъ, которому Фридрихъ II поручилъ устройство юридическихъ и хозяйственныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ въ Помераніи, доносилъ королю, что, по уважительнымъ возраженіямъ, представленнымъ мѣстными чинами, онъ убѣдился въ совершенной невозможности приступить къ регулированію барщины и въ безполезности этой мѣры: „ибо, писалъ онъ, всякій помѣщикъ обя-

занъ заботиться о благосостояніи своихъ крестьянъ и потому, конечно, не захочетъ обременять ихъ черезъ ихъ силы". Это голословное увѣреніе опровергалось достовѣрными фактами и неумолкавшими жалобами крестьянъ Тѣмъ не менѣе, Фридрихъ II, повидимому, удовлетворился имъ, или точнѣе, онъ вынужденъ былъ отказаться отъ предпріятія, въ которомъ никто ему не содѣйствовалъ, и ограничился изданіемъ положенія о крестьянахъ (Bauerordnung 30 Дек. 1764 г.), въ силу котораго упразднено было личное рабство безъ нарушенія крѣпостныхъ отношеній. И это былъ значительный шагъ впередъ въ землѣ, гдѣ не болѣе, какъ за 50 лѣтъ передъ изданіемъ упомянутаго устава, одинъ Померанскій помѣщикъ промѣнялъ цѣлую крестьянскую семью на пару гончихъ собакъ.

Независимо отъ упомянутыхъ общихъ распоряженій, во второй половинѣ XVIII вѣка и въ особенности въ царствованіе Фридриха II, издано было множество указовъ по частнымъ вопросамъ, съ цѣлью ограничить произволъ помѣщичьей власти и облегчить участь крестьянъ; такъ, напримѣръ, перечислены были случаи, въ которыхъ помѣщикъ не въ правѣ былъ отказать своему крестьянину въ увольненіи его отъ крѣпостной зависимости, иногда за опредѣленный выкупъ, а иногда безплатно; установленъ былъ срокъ обязательной службы затяглыхъ работниковъ; изданы были подробныя правила о ихъ содержаніи; споры между помѣщиками и крестьянами о правѣ выкупа, о срочной службѣ затяглыхъ, жалобы на незаконность или обременительность повинностей предоставлены были вѣдѣнію судебныхъ инстанцій (10 Дек. 1748, 8 Ноября 1773, 18 Іюля и 5 Ноября 1799 годовъ).

Подвигаясь шагъ за шагомъ, путемъ постепеннаго стѣсненія самовластія, Фридрихъ II въ новыхъ своихъ учрежденіяхъ по части государственнаго хозяйства, занимавшаго его не менѣе войны, дѣйствовалъ гораздо рѣшительнѣе и ставилъ какъ бы образцы для будущихъ преобразованій. Въ этомъ отношеніи онъ придавалъ особенную важность колонизаціи пустопорожнихъ или опустошенныхъ во время Семилѣтней войны земель въ Помераніи, Пруссіи и Шлезіи.

Съ огромными пожертвованіями изъ государственнаго казначейства онъ основалъ болѣе 250 т. новыхъ усадьбъ въ казенныхъ и частныхъ имѣніяхъ. Водворенные въ частныхъ имѣніяхъ, на правѣ полной собственности или потомственнаго владѣнія отведенными имъ дворами, колонисты обязывались платить съ земли опредѣленный и неизмѣнный денежный оброкъ, безъ всякихъ натуральныхъ сборовъ и барщины, подчинялись наравнѣ съ обывателями свободнаго состоянія судебно-полицейской власти вотчинниковъ, но не подлежали домашней его расправѣ. Помѣщикамъ строго запрещалось подвергать ихъ тюремному заключенію, побоямъ и вообще наказывать ихъ по своему произволу (16 Декабря 1775 г.). Кромѣ расходовъ на учрежденіе новыхъ усадьбъ, Фридрихъ II не жалѣлъ денегъ на разныя хозяйственныя улучшенія, какъ-то: заведеніе фабрикъ, высокихъ породъ рогатаго скота и овецъ, осушку болотъ, перестройку крестьянскихъ дворовъ, введеніе плодоперемѣннаго хозяйства, упраздненіе черезполосности и нераздѣльнаго пользованія угодьями. Онъ роздалъ однимъ Померанскимъ помѣщикамъ болѣе четырехъ съ половиною милліоновъ талеровъ (сумма, по тому времени, огромная) изъ двухъ, или изъ одного процента, частью даже—безвозвратно; но достигнутые результаты не оправдали его ожиданій. Изъ пожертвованныхъ имъ суммъ очень незначительная доля дошла до рукъ производительнаго класса; большая часть истратилась на безплодные расходы, или на увеличеніе господскихъ запашекъ, а не на усовершенствованіе хозяйства, такъ что, въ общей сложности, положеніе крестьянъ стало хуже прежняго, ибо помѣщики отобрали у нихъ часть выгона подъ свою пашню и увеличили ихъ повинности.

Всѣ исчисленныя законодательныя мѣры и преобразованія въ юридическомъ и хозяйственномъ быту сельскаго сословія, придуманныя и отчасти приведенныя въ исполненіе Прусскими королями въ теченіе XVIII вѣка, нашли мѣсто въ Общемъ Земскомъ Уложеніи (Allgemeines Landrecht), изданномъ въ 1794 году, и были имъ закрѣплены навсегда. Въ немъ было изображено въ общихъ чертахъ нормальное отношеніе крестьянъ, находившихся въ частномъ, на-

слѣдственномъ подданствѣ у помѣщиковъ (der unterthänigen oder erblichen Bauern), а подробности, равно какъ и отступленія отъ постановленныхъ нормъ, попрежнему опредѣлялись провинціальными кодексами. Соглашеніе общихъ законовъ съ мѣстными предоставлялось судебнымъ и административнымъ инстанціямъ. Итакъ, Прусское Земское Уложеніе вовсе не имѣло характера свода, обнимающаго всю совокупность дѣйствующихъ законовъ и безусловно-обязательнаго во всѣхъ его примѣненіяхъ. Мѣстныя права и кодексы, содержавшіе въ себѣ множество постановленій, крайне стѣснительныхъ для сельскаго сословія, остались въ силѣ, и употребленіе ихъ не было воспрещено; но можно было предвидѣть, что неминуемыя столкновенія ихъ съ началами Уложенія поведутъ къ постепенному упраздненію первыхъ и къ утвержденію послѣдняго.

Теперь, для ясности послѣдующаго изложенія, мы сведемъ главныя черты, которыми опредѣлялось положеніе сельскаго народонаселенія въ началѣ XIX вѣка, въ эпоху, когда началось преобразованіе, о которомъ мы будемъ говорить подробнѣе.

Рабство, право распоряжаться человѣкомъ какъ вещью, дарить, закладывать, продавать людей безъ земли, разрѣшать или воспрещать имъ вступленіе въ бракъ, было повсемѣстно упразднено.

Въ казенныхъ имѣніяхъ Восточной Пруссіи и Литвы крѣпостное право уже не существовало, и отмѣна его въ прочихъ провинціяхъ была обѣщана Фридрихомъ II, въ манифестѣ, изданномъ при обнародованіи судебнаго устава для областей, присоединенныхъ отъ Польши. Осѣдлые крестьяне повсемѣстно владѣли своими участками на правѣ потомственномъ. Порядокъ наслѣдованія былъ опредѣленъ закономъ въ нисходящей и боковыхъ линіяхъ, и палаты государственныхъ имуществъ сохраняли одно только право— избирать наслѣдника по упразднившемуся участку, когда умершій хозяинъ оставлялъ по себѣ нѣсколькихъ сыновей. Хозяйственныя распоряженія осѣдлыхъ крестьянъ ограничивались лишь воспрещеніемъ дробить участки и обременять ихъ долгами. Затяглые рабочіе были совершенно из-

бавлены отъ обязательной службы. Прежняя многосложная система натуральныхъ повинностей во многихъ мѣстахъ была замѣнена денежнымъ оброкомъ, но удерживалась еще вспомогательная барщина, въ точности опредѣленная числомъ дней и урочными положеніями.

Въ дворянскихъ имѣніяхъ, болѣе двухъ третей всего сельскаго народонаселенія было крѣпко землѣ и зависѣло отъ помѣщиковъ въ судебно-полицейскомъ отношеніи. Кое-гдѣ, напримѣръ въ Шлезіи, сохранялись даже нѣкоторые слѣды личнаго рабства; но вообще новѣйшее законодательство признавало правомѣрными только тѣ требованія и доходы помѣщиковъ, которые имѣли основаніе свое въ вотчинномъ правѣ на землю, или въ патримоніальной юридикціи. Крѣпостные крестьяне, наравнѣ съ гражданами другихъ сословій, могли пріобрѣтать движимую и недвижимую собственность; они пользовались защитою закона и могли входить въ судебныя инстанціи съ жалобами на своего помѣщика. Самая патримоніальная юридикція, въ сущности, конечно, небезкорыстная, была облечена въ законныя формы и не походила на безотчетную, домашнюю расправу. Помѣщикъ обыкновенно передавалъ свое право суда особому повѣренному, Justitiarius, котораго онъ избиралъ по своему усмотрѣнію; но принимавшій эту должность обязанъ былъ выдержать предварительное испытаніе и получить утвержденіе отъ мѣстнаго начальства; затѣмъ помѣщикъ уже не могъ смѣнить его, безъ заявленія уважительныхъ причинъ. Въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ законъ предоставлялъ право крѣпостному крестьянину оставить своего помѣщика и выдти изъ имѣнія; такъ, напримѣръ, осѣдлый хозяинъ, сдавшій свой дворъ другому крестьянину, котораго помѣщикъ не имѣлъ законнаго основанія не принять, затяглый работникъ, отслужившій свой срокъ обязательной службы, могли свободно располагать собою; въ другихъ случаяхъ, напримѣръ при выходѣ за мужъ внѣ имѣнія, при переходѣ на жительство въ городъ, крѣпостные люди обоего пола вносили помѣщику опредѣленный выкупъ въ видѣ вознагражденія за ущербъ въ доходахъ отъ патримоніальной юридикціи.

Неприкосновенность крестьянской земли была ограждена строгими воспретительными законами. Осѣдлые крестьяне обязаны были держать свои дворы на условіяхъ, опредѣленныхъ особыми положеніями, а помѣщики съ своей стороны обязаны были оказывать имъ нужныя пособія и не тревожить ихъ въ пользованіи землею. Это было отношеніе обоюдной зависимости, конечно, для обѣихъ сторонъ тягостное, но за то въ немъ уравновѣшивались два права, одинаково существенныя и законныя — помѣщичье право вотчинной собственности и крестьянское право обезпеченнаго пользованія. Земское Уложеніе безусловно запрещало помѣщикамъ упраздненіе крестьянскихъ участковъ и соединеніе нѣсколькихъ отдѣльныхъ хозяйствъ въ одно, раздробленіе пахатныхъ участковъ, требовавшихъ содержанія рабочаго скота, на мелкія хозяйства и вообще уменьшеніе числа или объема участковъ. Каждый помѣщикъ въ своемъ имѣніи отвѣчалъ передъ правительствомъ за постоянное замѣщеніе крестьянскихъ дворовъ; опустѣлый дворъ сдавался съ торговъ, и помѣщикъ не могъ безъ уважительной причины не сдать его крестьянину, изъявлявшему желаніе принять его на прежнихъ условіяхъ и предлагавшему за него высшій единовременный взносъ, извѣстный подъ названіемъ вкупа — Einkauf. На это охотниковъ всегда было много. Крестьяне владѣли своими участками на правѣ потомственнаго или пожизненнаго, срочнаго и безсрочнаго пользованія. Потомственный владѣлецъ не могъ быть смѣщенъ съ участка противъ его желанія, иначе какъ по судебному приговору и на законномъ основаніи; помѣщикъ имѣлъ право требовать его удаленія, когда въ состояніи былъ доказать, что крестьянинъ, по нерадѣнію своему, разорялъ хозяйство или портилъ инвентарь, позволялъ себѣ дерзкое ослушаніе противъ вотчиннаго начальства, возмущалъ крестьянское общество, не оказывалъ господину должнаго уваженія, занимался воровствомъ или соблазнялъ общество своимъ порочнымъ поведеніемъ и не перемѣнялъ образа жизни послѣ вынесенныхъ имъ исправительныхъ наказаній, просидѣлъ по уголовному дѣлу болѣе года въ тюрьмѣ или смирительномъ домѣ. Въ подобныхъ случаяхъ помѣщикъ или его повѣренный подавалъ

обвинительный актъ, наряжалось формальное слѣдствіе, и дѣло производилось судебнымъ порядкомъ. Тѣже самыя причины признавались достаточными поводами и къ удаленію временнаго владѣльца, прежде истеченія срока его владѣнія; но законъ предоставлялъ потомственному владѣльцу большее обезпеченіе противъ произвола помѣщика, чѣмъ временному, въ томъ отношеніи, что первый, отстаивая свои права на землю, могъ вести дѣло по аппелляціи черезъ двѣ инстанціи до третьей, высшей, тогда какъ для втораго рѣшеніе средней инстанціи, противъ него состоявшееся, входило въ законную силу.

Съ крестьянской земли платилась государственная поземельная подать, разложенная на гуфы—Hufensteuer, по кадастру, и исправлялись всѣ государственныя и земскія повинности. Господская земля, Vorwerksland, не несла этихъ тягостей, но была обложена вспомогательною податью — Schutzgeld. Принято было за общее, безусловное правило, что повинности государственныя шли впереди повинностей частныхъ, установленныхъ въ пользу помѣщика. Въ случаѣ столкновенія между ними или невозможности очистить тѣ и другія, интересъ казенный бралъ всегда перевѣсъ надъ частнымъ. Изъ этого вытекало право, предоставленное крестьянамъ, требовать отъ помѣщиковъ льготъ въ случаѣ дознанной обременительности барщины или оброковъ.

Повинности крестьянъ опредѣлялись общими положеніями, изданными для всѣхъ имѣній одного округа или цѣлой провинціи, Urbarien, Dienstregister, или контрактами, совершенными крѣпостнымъ порядкомъ между помѣщикомъ и каждымъ хозяиномъ, водвореннымъ въ его имѣніи — Kaufbriefe, Annahmebriefe. Обязательная сила этихъ положеній и контрактовъ была совершенно одинакова. Помѣщикъ не только не могъ нарушить ихъ, но даже не имѣлъ права, при сдачѣ двора новому хозяину, увеличивать повинности, лежавшія на участкѣ, развѣ бы самъ захотѣлъ предоставить хозяину новыя выгоды или прирѣзать ему земли; но помѣщику не воспрещалось замѣнять однѣ повинности другими, лишь бы этимъ не стѣснять крестьянъ. Сами по себѣ, повинности были чрезвычайно разнообразны; но въ общей

сложности, натуральныя преобладали надъ денежными; самая барщина въ однихъ мѣстахъ была обременительнѣе, въ другихъ легче; напримѣръ, въ Прирейнскихъ областяхъ, въ системѣ частныхъ повинностей главное мѣсто занимала десятина и денежный оброкъ, въ восточныхъ провинціяхъ— барщина; въ Помераніи крестьяне отработывали три дня въ недѣлю съ каждаго двора; въ Пруссіи, Бранденбургской области и Литвѣ — два дня, не считая сгонныхъ во время жнитва и строительныхъ дней; вознагражденіе за работу деньгами, провіантомъ, фуражемъ, выдававшееся отъ помѣщика, опредѣлялось мѣстными положеніями и обычаями. Земское Уложеніе не коснулось этого разнообразія и не ввело ни общей нормы повинностей, ни уравнительной оныхъ раскладки; но оно установило довольно подробныя общеобязательныя правила относительно употребленія работъ. Мы приведемъ изъ нихъ нѣкоторыя статьи: нарядъ на барщину учрежденъ собственно для производства земледѣльческихъ работъ на господскихъ фольваркахъ, находящихся въ томъ же имѣніи, въ которомъ водворены издѣльные крестьяне; поэтому помѣщикъ не въ правѣ, въ противность старинѣ, наряжать ихъ на работу въ другія свои вотчины, ни употреблять ихъ на фабрикахъ или другихъ заведеніяхъ, не входящихъ въ кругъ земледѣльческихъ занятій. Всѣ работы должны впредь, по возможности, производиться по урочнымъ положеніямъ, съ точнымъ опредѣленіемъ времени, способа, мѣры или тяжести; исключенія изъ этого правила составляютъ строительныя работы, ungemessene Baudienste, назначаемыя исключительно на постройку и ремонтъ хозяйственныхъ заведеній. Помѣщикъ не имѣетъ права измѣнять собственную свою систему хозяйства безъ согласія на то крестьянъ, если предполагаемая имъ перемѣна требуетъ прибавки рабочихъ силъ и если онъ не намѣренъ держать вольныхъ батраковъ. Вообще барщина не должна ни въ какомъ случаѣ лишать крестьянъ времени, необходимаго для собственнаго ихъ хозяйства и заработки всего для нихъ потребнаго. Споры между помѣщиками и крестьянами о количествѣ и достоинствѣ работъ, не приведенныхъ въ урочное положеніе, рѣшаются экспертами, избираемыми обѣими

сторонами. Мѣстными положеніями опредѣляется, какого разряда хозяева обязаны исправлять барщину съ упряжью, съ какимъ количествомъ и какого именно рабочаго скота; крестьяне, не содержащіе рабочаго скота для собственнаго своего хозяйства, не могутъ быть понуждаемы къ отработкѣ барщины съ упряжью. Тамъ, гдѣ исправляется постоянная барщина, опредѣленная извѣстнымъ количествомъ дней въ недѣлю, выборъ дней предоставляется крестьянину, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ. Но гдѣ крестьяне освобождены отъ постоянной барщины и несутъ только вспомогательную (Beitagen), выборъ дней зависитъ отъ помѣщика. Отработка прогульныхъ дней конныхъ не должна быть отлагаема болѣе, какъ на одну недѣлю, а пѣшихъ—на двѣ. Гдѣ исправляется трехдневная барщина, воспрещается требовать отработки болѣе одного прогульнаго дня въ недѣлю. Если подойдутъ спѣшныя работы, въ равной степени обременительныя для помѣщиковъ и для крестьянъ, то прогульные дни прощаются; дни не отработанные по причинѣ болѣзни также прощаются; женщины послѣ родовъ увольняются отъ работъ на 6 недѣль; въ случаѣ смерти хозяина или хозяйки, дѣти увольняются отъ барщины на 8 дней. Во время жатвы прекращается нарядъ на барщину съ упряжью, пока крестьяне не управятся у себя возкою сноповъ. Запрещается вмѣсто женскихъ дней требовать отработки мужскихъ. Каждый хозяинъ можетъ не выходить самъ на господскую работу, а посылать своего сына или батрака. Потребныя рабочія орудія ставитъ самъ крестьянинъ, а если даются господскія, то крестьянинъ отвѣчаетъ за всякое въ нихъ поврежденіе, происшедшее по его винѣ; на посѣвъ полагается 4 недѣли, на жнитво 6; въ это время не допускаются чрезвычайные наряды, кромѣ случаевъ крайней необходимости. Особымъ положеніемъ опредѣляется, съ котораго и до котораго часу въ разное время года крестьяне обязаны быть на работѣ: лѣтомъ, въ рабочій день съ упряжью дается три отдыха, всего 4 часа; въ рабочій день пѣшій—3 часа; зимою скидывается по два часа. Помѣщику дозволяется наряжать безъ зачета на исправленіе дурно выполненныхъ уроковъ. Замѣнъ барщины денежнымъ оброкомъ и неопредѣленныхъ

работъ урочными производится не иначе, какъ съ согласія каждаго хозяина. Если въ теченіе 15 лѣтъ помѣщикъ за какую-либо работу получалъ съ крестьянъ деньги, то онъ и впредь не въ правѣ требовать отъ нихъ этой работы въ натурѣ. Въ случаѣ пожара или скотскаго падежа, крестьянинъ въ правѣ требовать отъ помѣщика единовременно половинной льготы противъ той, какую предоставитъ казна въ платежѣ податей. Если же, по какимъ-либо чрезвычайнымъ обстоятельствамъ, крестьянинъ, владѣющій дворомъ на правѣ потомственномъ, лишится части своей земли, или подвергнется постоянному ущербу въ своихъ доходахъ и вслѣдствіе этого утратитъ возможность поддерживать свое хозяйство въ прежнемъ его объемѣ и видѣ, то по приговору экспертовъ, утвержденному судебнымъ рѣшеніемъ, помѣщикъ обязанъ пополнить участокъ, прирѣзавъ къ нему земли, или уменьшить повинности. Но если такому стеченію несчастныхъ обстоятельствъ подвергнется владѣлецъ пожизненный или временный, то помѣщикъ въ правѣ отобрать у него участокъ, освободивъ безъ выкупа хозяина и всю его семью отъ крѣпостной зависимости и принявъ на себя обязанность сдать дворъ другому хозяину, а до тѣхъ поръ платить всѣ лежащія на немъ государственныя подати. Крестьянинъ, возбудившій споръ противъ какой - либо повинности, обязанъ исправлять ее неуклонно до окончанія дѣла; и если судебное рѣшеніе состоится въ его пользу, то онъ получаетъ съ помѣщика двойное вознагражденіе противъ цѣнности той повинности. Крестьянинъ, подавшій жалобу на отяготительность и несоразмѣрность повинности съ его средствами (Unmöglichkeits-klagen), обязанъ исправлять ее до тѣхъ поръ, пока дѣло рѣшится въ первой инстанціи; если жалоба окажется основательною, то судъ нисшей степени можетъ отъ себя ввести временное, облегчительное положеніе, предоставивъ дѣлу дальнѣйшій, законный ходъ.

Кромѣ обыкновенной барщины, исправлявшейся съ тяглыхъ дворовъ, помѣщики пользовались обязательною службою затяглыхъ работниковъ. Срокъ этой службы начинался обыкновенно съ тринадцатилѣтняго возраста и оканчивался, для мужчинъ—35-ти лѣтнимъ, а для женщинъ—30-ти

лѣтнимъ; въ продолженіи первыхъ трехъ или пяти лѣтъ жалованье затяглымъ обоего пола выдавалось по униженной оцѣнкѣ, Hofelohn, а затѣмъ—равное съ вольнонаемною платою, Fremdenlohn; продовольствіе, одежда, уходъ за больными—все это падало на счетъ помѣщика, и мѣстныя положенія опредѣляли до мельчайшихъ подробностей всѣ взаимныя отношенія не только затяглыхъ, но и вольнонаемныхъ батраковъ къ землевладѣльцамъ.

Такимъ представляется порядокъ вещей того времени, по Земскому Уложенію и другимъ юридическимъ памятникамъ; но практика, какъ извѣстно, не всегда совпадаетъ съ требованіями закона, и потому мы должны обратиться къ частнымъ источникамъ, къ разсказамъ, запискамъ, описаніямъ современниковъ, и дополнить представленную нами картину живыми чертами, снятыми съ натуры.

Крѣпостное право въ началѣ XVIII вѣка видимо для всѣхъ клонилось къ упадку, и, какъ это бываетъ всегда при разложеніи общественныхъ отношеній, утратившихъ свою жизненность, старина единовременно нарушалась подъ вліяніемъ двухъ противоположныхъ на нее воззрѣній. Сословіе, находившее свою выгоду въ ея поддержаніи, но сознававшее внутренно ея непрочность, цѣплялось за нее всѣми силами, наскоро выжимая послѣдній сокъ изъ перезрѣлаго плода. Боязнь скорой утраты прежнихъ правъ и доходовъ заглушала въ немъ благоразумную заботливость о тѣхъ, которые хотя еще числились за нимъ *въ подданствѣ*, но въ непродолжительномъ времени должны были сдѣлаться для него чужими. Эта боязнь изощряла изобрѣтательность на всякаго рода небывалыя вымогательства, порождала безпощадную строгость въ требованіи должнаго и недолжнаго, и заставляла прибѣгать къ жестокимъ, карательнымъ мѣрамъ. Мы напомнимъ сказанное выше о противозаконномъ упраздненіи крестьянскихъ участковъ и прибавимъ, что, по отзывамъ современниковъ, гдѣ только на время ослабѣвалъ правительственный надзоръ, тамъ немедленно тяглые дворы исчезали сотнями.

Систематическое разореніе крестьянъ, обезлюденіе цѣлыхъ округовъ, уменьшеніе прибыли народонаселенія въ дворян-

скихъ имѣніяхъ — эти обвинительные пункты противъ тогдашнихъ помѣщиковъ повторяются безпрестанно въ донесеніяхъ областныхъ администраторовъ. Кое-гдѣ, какъ остатки суровой старины, мелькаютъ даже ременные бичи, желѣзные ошейники и кандалы. Но пока отсталое большинство дворянскаго сословія подвигало безсознательно разложеніе крѣпостныхъ отношеній тѣмъ самымъ, что доводило ихъ до послѣднихъ крайностей, дальновидные люди помышляли уже о томъ, какъ бы добровольнымъ пожертвованіемъ предупредить опасный кризисъ и ускорить мирное осуществленіе другаго порядка вещей, не только лучшаго въ нравственномъ отношеніи, но въ тоже время болѣе выгоднаго. Нѣкоторые помѣщики, частью изъ одного великодушія, частью изъ вѣрнаго разсчета, вступали въ переговоры съ своими крестьянами, заключали съ ними полюбовныя сдѣлки и представляли ихъ на утвержденіе правительства. Одинъ изъ такихъ проэктовъ заслуживаетъ особеннаго вниманія въ томъ отношеніи, что въ немъ высказались въ первый разъ тѣ самыя начала, на основаніи которыхъ, 10 лѣтъ спустя, составлено было княземъ Гарденбергомъ общее положеніе о регулированіи хозяйственныхъ отношеній землевладѣльцевъ къ поселянамъ. Померанскій помѣщикъ фонъ-Больте предложилъ своимъ крестьянамъ уволить ихъ отъ барщины съ тѣмъ, чтобъ они уступили ему $^3/_4$ своей земли; но правительство отвергло эту сдѣлку, какъ противную коренному закону о неприкосновенности крестьянской земли, хотя и признало, что въ имѣніи фонъ-Больте крестьяне, обремененные *до невозможности тяжелою барщиною*, дѣйствительно пришли бы въ лучшее положеніе, даже при томъ скудномъ надѣлѣ землею, какой оставлялъ за ними помѣщикъ. Изъ этого видно, что въ данномъ случаѣ барщина превышала стоимость $^3/_4$ крестьянской земли. Вмѣсто этихъ условій правительство предложило фонъ-Больте предоставить крестьянамъ въ неограниченную собственность половину ихъ пахатной земли, а именно по 10 моргеновъ, или по 2 гуфа въ полѣ на каждый дворъ ($2^1/_2$ десят.), съ соразмѣрнымъ выгономъ и покосомъ, и съ правомъ содержать неограниченное количество скота, дать имъ полную личную

свободу и распредѣлить областныя повинности денежныя и натуральныя между помѣщикомъ и крестьянами, разложивъ ихъ на землю. Фонъ-Больте согласился, сдѣлка состоялась и была утверждена въ 1807 году.—Единовременно дано было Генеральной Директоріи (собранію министровъ по дѣламъ внутренняго управленія) высочайшее повелѣніе утверждать подобнаго рода договоры объ упраздненіи барщины и повинностей съ вознагражденіемъ помѣщиковъ уступкою земли, лишь бы крестьянамъ оставляема была недвижимая собственность *въ количествѣ, обезпечивающемъ государственный интересъ.*

Мы сказали, что не одна боязнь общественнаго кризиса, не одно великодушіе, но и вѣрный разсчетъ наводилъ нѣкоторыхъ помѣщиковъ на изысканіе способовъ раздѣлаться съ крѣпостнымъ правомъ. Распространеніе убѣжденія въ его невыгодности было дѣломъ науки сельскаго хозяйства; это ея заслуга; поэтому рядомъ съ именами государственныхъ людей, подготовившихъ законодательными мѣрами освобожденіе сельскаго сословія, мы должны поставить имя незабвеннаго Тэера. Его классическое твореніе (Основаніе раціональнаго сельскаго хозяйства), его лекціи, читанныя имъ въ Меглинской Академіи, его журналъ, издававшійся подъ названіемъ „Меглинской Лѣтописи", имѣли огромное вліяніе на уясненіе понятій помѣстнаго дворянства о хозяйственной цѣнности крѣпостнаго права. Многочисленные читатели и слушатели его пріучались мало-по-малу отдавать себѣ строгій отчетъ въ обычаяхъ и пріемахъ, которымъ слѣдовали безсознательно ихъ отцы и дѣды. Мысленно отрѣшаясь отъ вѣковой рутины, они съ изумленіемъ убѣждались его неопровержимыми доводами въ возможности извлеченія такихъ выгодъ, которыхъ прежде и не подозрѣвали, и въ тоже время въ нихъ пробуждалось сознаніе, что обоюдная зависимость, въ которой находились помѣщики и крестьяне, полагала непреодолимое препятствіе къ установленію правильнаго отношенія между землею, оборотнымъ капиталомъ и трудомъ; что первое условіе ко введенію улучшеннаго полеводства заключалось въ пріобрѣтеніи возможности распоряжаться свободно потребнымъ коли-

чествомъ рабочихъ силъ, иными словами: въ замѣнѣ принудительной барщины вольнымъ трудомъ. Такимъ образомъ, къ убѣжденію въ непрочности крѣпостнаго права присоединилось убѣжденіе въ его невыгодности. Это былъ огромный успѣхъ. Наука, предоставленная себѣ самой, оправдала стремленіе законодательства, и совпаденіе требованій свободной мысли съ мѣрами правительства придало послѣднему новую силу.

Перейдемъ теперь на другую сторону и посмотримъ, что̀ думалъ и чувствовалъ простой народъ. Понимая не хуже дворянства, что старый порядокъ вещей доживалъ свой вѣкъ и съ нетерпѣніемъ ожидая скорой перемѣны въ своей участи, онъ уже не могъ нести по прежнему лежавшихъ на немъ тягостей. Повинности, которымъ онъ нѣкогда подчинялся молча, теперь казались ему невыносимыми; всякое требованіе помѣщика, законное и незаконное, одинаково раздражало его и встрѣчало, если не сопротивленіе, то глухой ропотъ и систематическую уклончивость. Въ понятіяхъ крестьянъ вся старина, со всѣми ея учрежденіями, правами и обычаями, потеряла нравственную обязательность; а что̀ должно было замѣнить ее, гдѣ былъ законный предѣлъ чаемыхъ льготъ—въ этомъ, разумѣется, они не въ состояніи были отдать себѣ ясный отчетъ.

Перебирая журнальныя статьи, записки, донесенія областныхъ администраторовъ, сословныя постановленія конца XVIII и начала XIX вѣковъ, мы встрѣчаемъ на каждой страницѣ стереотипныя жалобы на неисправность крестьянъ, на ихъ лѣность, злонамѣренность и возрастающую непокорность. Кречмеръ, который всю жизнь свою провелъ въ деревняхъ, надъ размежеваніемъ и разводомъ (Auseinandersetzung) помѣщиковъ съ ихъ крестьянами, говоритъ слѣдующее: „Нигдѣ я не нашелъ и слѣдовъ патріархальности; напротивъ, на каждомъ шагу я встрѣчалъ въ крѣпостныхъ крестьянахъ до высшей степени развитой духъ подозрительности, недовѣрчивости къ помѣщикамъ и глубокаго противъ нихъ озлобленія. Если гдѣ можно повредить помѣщику, нанести ему ущербъ, крестьянинъ не упуститъ случая, даже и безъ всякой пользы для самого себя; если представляется

хоть какой-нибудь предлогъ ослушаться, не исполнить требованія вотчиннаго начальства, крестьянинъ непремѣнно заведетъ тяжбу. Присутственныя мѣста завалены ихъ жалобами. Этотъ духъ исчезнетъ развѣ въ будущемъ поколѣніи, а теперешнее неисправимо". О казенныхъ крестьянахъ мы имѣемъ другое свидѣтельство неизвѣстнаго автора двухъ замѣчательныхъ записокъ, составленныхъ въ послѣднихъ годахъ XVIII вѣка. Въ нихъ изображается переходное состояніе отъ крѣпостной зависимости къ гражданской свободѣ, собственно въ Помераніи; но мы имѣемъ полное право, основанное на другихъ свидѣтельствахъ, предположить, что и въ прочихъ провинціяхъ Прусскаго королевства повторялись тѣже явленія: ибо въ нихъ дѣйствовали одни и тѣже причины, потому и послѣдствія, въ сущности, были одинаковы; разница могла быть только въ степеняхъ. Мы представимъ не переводъ, а извлеченіе изъ упомянутыхъ записокъ, впрочемъ придерживаясь, по возможности, подлинныхъ выраженій автора.

Крестьяне въ казенныхъ имѣніяхъ исправляютъ барщину на арендаторовъ, снимающихъ фольварки. Нельзя сказать, чтобы повинность эта была слишкомъ тяжела; въ сравненіи съ тѣмъ, чтó было прежде и чтò ведется досел ѣ въ дворянскихъ имѣніяхъ, она даже легка. Въ послѣднее время положеніе казенныхъ крестьянъ значительно улучшилось; но льготы, полученныя ими отъ правительства, не только не удовлетворили ихъ, а напротивъ, возбудили новыя, нетерпѣливыя ожиданія. Странно, что по мѣрѣ того, какъ правительство уменьшало законную мѣру барщины, тягость ея въ глазахъ крестьянъ какъ будто увеличивалась. Принудительныя работы, еще не отмѣненныя, кажутся имъ невыносимыми и оскорбительными; они исправляютъ ихъ нехотя, дурно, съ неумолкающимъ ропотомъ, стараясь отдѣлаться отъ нихъ подъ самыми вздорными предлогами. Значитъ, въ самой барщинѣ, независимо отъ большей или меньшей ея обременительности, въ самомъ существѣ отношеній между невольнымъ работникомъ и хозяиномъ, заключается зло, и оно тѣмъ яснѣе сознается, тѣмъ болѣзненнѣе ощущается, чѣмъ быстрѣе поднимается рабочій классъ въ матеріальномъ

и нравственномъ отношеніи. Дѣйствительно, барщина есть постоянно открытая школа лѣности, нерадѣнія и недобросовѣстной уклончивости отъ исполненія обязанностей. Изъ простаго сравненія своего недавняго положенія съ настоящимъ крестьянинъ понялъ, чтò значитъ свободное распоряженіе временемъ и рабочими силами; онъ позналъ цѣну собственнаго своего труда, и отъ того неохотно отдаетъ его другому. Ему кажется, что арендаторъ беретъ съ него много, слишкомъ много, и въ этомъ онъ правъ; ибо дѣйствительно, въ два дня крестьянинъ на своемъ полѣ или въ своей ригѣ сдѣлалъ бы очень много. Съ другой стороны, правъ и арендаторъ, когда жалуется, что крестьянинъ даетъ ему мало: ибо работникъ, выгоняемый на барщину, поворачивается вяло, нехотя, исполняетъ урокъ свой небрежно, лишь бы какъ-нибудь дотянуть несносный день. Воображеніе нѣмѣетъ при одной мысли, что изъ 100,000 работниковъ и двойнаго числа рабочаго скота, ежедневно выгоняемыхъ на барщину въ казенныхъ имѣніяхъ (одной Помераніи), половина даромъ проѣдаетъ свой хлѣбъ и свой кормъ; что 100 моргеновъ не даютъ того дохода, который при другихъ условіяхъ получается съ 25, а между тѣмъ это не преувеличеніе, а сущая правда. Независимо отъ безплодной растраты силъ и времени, барщина влечетъ за собою другаго рода вредъ и даже опасность: она подаетъ поводъ къ ежедневнымъ, враждебнымъ столкновеніямъ, оставляющимъ по себѣ злокачественный осадокъ, но которыхъ нѣтъ возможности ни предупредить, ни ослабить. Въ умахъ крестьянъ глубоко засѣло убѣжденіе, что арендаторы казенныхъ имѣній наживаются на ихъ счетъ, по стачкѣ съ палатами государственныхъ имуществъ, но безъ вѣдома государей и даже вопреки ихъ волѣ. По низкой степени своего умственнаго образованія крестьяне не могутъ возвыситься до общихъ соображеній и взвѣсить всѣ причины, обусловливающія тотъ или другой порядокъ вещей; но изъ немногихъ данныхъ, имъ доступныхъ, слагается въ ихъ умахъ такое стройное цѣлое, такая неразрывная цѣпь выводовъ, что спорить съ ними и убѣждать ихъ почти невозможно. Они теперь разсуждаютъ такъ: „Короли наши предлагали намъ не разъ откупиться на волю и

пріобрѣсти въ собственность наши дворы и земли. Правда, что немногіе счастливцы въ состояніи были воспользоваться этимъ правомъ; въ то время мы были слишкомъ бѣдны; но теперь обстоятельства измѣнились: мы стали зажиточнѣе, и никто не скажетъ, чтобы необходимость заставляла выгонять насъ на барщину по невозможности получать съ насъ оброкъ. Мы готовы вносить его; но арендаторы находятъ для себя болѣе выгоднымъ наряжать насъ на работу, зачитывая день по ничтожной, далеко несоразмѣрной таксѣ. Намъ предлагали полную свободу вмѣстѣ съ собственностью въ то время, какъ мы не въ состояніи были принять ее; такъ неужели насъ только дразнили и не дадутъ ея теперь, когда мы просимъ ея и можемъ пріобрѣсти?...“

Правительство не только сознавало, но даже не разъ, и въ самыхъ ясныхъ выраженіяхъ, высказывало свое убѣжденіе въ безнравственности, невыгодахъ и опасности крѣпостнаго права. На старости лѣтъ, Фридрихъ II писалъ: „Нѣтъ сомнѣнія, что состояніе раба и крѣпостнаго есть самое невыносимое; оно возмущаетъ человѣка болѣе, чѣмъ всякое другое, ибо никто не родится съ назначеніемъ быть рабомъ равнаго себѣ.“ Такія слова, разумѣется, разносились далеко; но если мы откинемъ въ сторону громкія фразы, вычитанныя изъ Французскихъ энциклопедистовъ, эти отголоски ученія sur les droits de l'homme, и всмотримся внимательнѣе въ характеръ законовъ, изданныхъ въ продолженіе XVIII вѣка Прусскими королями, то мы увидимъ ясно, что, дѣйствуя противъ крѣпостнаго права, они сами невольно подчинялись вытекавшему изъ него воззрѣнію на простой народъ, на его нужды и на его права. Они понимали, что присутствіе почти полновластныхъ царьковъ въ дворянскихъ вотчинахъ не мирилось съ единствомъ государственной власти и, такъ сказать, перерывало дѣйствія государственнаго управленія; но они отрицали крѣпостное право не столько во имя гражданской свободы, сколько во имя казенной администраціи. Имъ хотѣлось упразднить помѣщичій произволъ и на мѣсто его учредить надъ крестьянами чиновничью опеку. Мысль, что можно и должно предоставить крестьянину свободу жить своимъ умомъ, распоряжаться какъ знаетъ

своею личностью, своимъ временемъ, своимъ трудомъ и имуществомъ—въ то время все еще казалась дикою и несбыточною. Противоположное ей стремленіе: подчинить обязательнымъ правиламъ каждый шагъ крестьянина, обдумать за него и опредѣлить заранѣе всѣ его дѣйствія, все прибрать, всему отвести мѣсто въ его домашнемъ хозяйствѣ, особенно ярко бросается въ глаза въ уставахъ Фридриха II, который вообще невысоко уважалъ человѣка, мало вѣрилъ въ нравственное его достоинство и не ожидалъ большаго добра отъ свободныхъ, незаказныхъ побужденій. Таковъ вообще характеръ всего законодательства XVIII вѣка и главное отличіе его отъ послѣдующаго. Понятно, что съ этой точки зрѣнія, правительство, при всемъ его желаніи вывести сельское сословіе изъ положенія очевидно ненадежнаго, не находило въ себѣ самомъ достаточной увѣренности, чтобъ устранить опасенія разнаго рода, которыми партія, защищавшая старину, старалась поколебать его. „Упраздните только барщину, и производительность уменьшится, земледѣліе упадетъ, поля останутся невоздѣланными по недостатку рукъ; крестьянинъ привыкъ къ понужденію, безъ этого онъ облѣнится, не станетъ вовсе работать, или погонится за соблазнительными прибытками, оставитъ навсегда деревню и уйдетъ въ городъ; крестьянину опасно дать волю: онъ не пойметъ своихъ правъ, не сообразитъ, что̀ позволено и что̀ запрещено; чувство законности въ немъ не развито; онъ можетъ только повиноваться безпрекословно или буйствовать.“ Эти возраженія повторялись чаще другихъ и ставили правительство въ затрудненіе. Къ чести Пруссіи мы должны прибавить, что въ числѣ доводовъ въ пользу крѣпостнаго права, мы нигдѣ не встрѣтили опасенія подорвать монархическое начало удовлетвореніемъ справедливыхъ ожиданій народа и что никому не пришло въ голову, по крайней мѣрѣ никто не посмѣлъ увѣрять правительство, будто бы выгоды власти требуютъ удержанія порядка вещей, бѣдственнаго для большинства ея подданныхъ.

Итакъ, общественное мнѣніе было подготовлено, ожиданія народа были сильно возбуждены, путь къ дальнѣйшимъ преобразованіямъ былъ проложенъ законодательствомъ Фрид-

риха Вильгельма I и Фридриха II; но при всемъ томъ, можетъ быть, правительство нескоро бы рѣшилось отказаться отъ прежней системы частныхъ ограниченій и полумѣръ, еслибы политическая катастрофа, разразившаяся надъ Пруссіею въ 1807 году, не настроила общественнаго духа къ чрезвычайнымъ усиліямъ и пожертвованіямъ.

Нравственное дѣйствіе этой катастрофы было необъятно. Вся Пруссія какъ будто пробудилась отъ нетрезваго усыпленія; у всѣхъ прояснились умы, очистились глаза, отуманенные самообольщеніемъ, и вдругъ узрѣли то, чего не видѣли наканунѣ. Люди, разлученные воспитаніемъ и занятіями, незнавшіе другъ друга, не сговариваясь, указали пальцемъ на крѣпостное право и назвали его общественною язвою. Молодые генералы, свидѣтели крушенія старой военной славы своей родины, говорили громко, что униженное знамя Пруссіи поднимется только тогда, когда около него соберутся свободные граждане, воспитанные въ сознаніи своего долга и воинской чести, а не послушные истуканы, движимые пружиною дисциплины и страхомъ шпицрутеновъ. Государственные люди, призванные на совѣщаніе о средствахъ къ уплатѣ тяжелой контрибуціи, наложенной Наполеономъ, соглашались между собою только въ томъ, что нѣтъ наличныхъ капиталовъ и что нужно создать ихъ возбужденіемъ производительныхъ силъ, скованныхъ крѣпостнымъ правомъ. Помѣщики заявляли свою готовность сдѣлать необходимыя уступки и говорили, что теперь не время одному сословію тягаться съ другимъ, а пора всѣмъ сословіямъ забыть старыя притязанія и старыя обиды, сомкнуться въ одинъ народъ.

Такія минуты повторяются нечасто; нужно было только сосредоточить въ одинъ фокусъ всѣ желанія, всѣ порывы и надежды, направить ихъ къ общимъ цѣлямъ, заключить ихъ въ опредѣленныя формулы.... И къ счастью для Пруссіи, Провидѣніе послало ей на то время великаго политическаго дѣятеля, въ которомъ, посреди отчаянныхъ обстоятельствъ, никогда не оскудѣвала вѣра въ чудодѣйственную силу свободной мысли и вольнаго труда.

II.

Законодательная дѣятельность Штейна: упраздненіе личной крѣпостной зависимости и постановленій, стѣснявшихъ пріобрѣтеніе недвижимой собственности.

Фрейгеръ фонъ-и цумъ-Штейнъ родился въ Нассавскомъ герцогствѣ и провелъ свое дѣтство въ родительскомъ за̀мкѣ, на широкомъ просторѣ, подъ благотворнымъ вліяніемъ природы и строгаго семейнаго быта. Рано пробудившаяся въ немъ любознательность обратилась къ исторіи и преимущественно къ исторіи Англіи. Извѣстно, что первая книга, попадающаяся въ руки даровитаго ребенка, дѣйствуетъ на него такъ же сильно, какъ первое близкое знакомство съ чужимъ человѣкомъ, не принадлежащимъ къ семьѣ, иногда даже сильнѣе. Въ этомъ отношеніи Штейнъ былъ счастливѣе многихъ; понятія его о достоинствѣ и призваніи человѣка въ обществѣ сложились по величавымъ и крѣпкимъ личностямъ, которыми такъ богата исторія Англіи; породнившись съ ними, онъ пріучился къ строгой нравственной оцѣнкѣ самого себя и другихъ, сдѣлался крайне разборчивъ въ выборѣ друзей и понялъ жизнь не какъ наслажденіе, а какъ подвигъ, требующій постояннаго напряженія воли. По характеру своихъ способностей, онъ былъ рожденъ для практической дѣятельности; но нѣтъ сомнѣнія, что раннее его сочувствіе къ землѣ, гдѣ именно эта сторона жизни развита такъ сильно, ему самому уяснило, къ чему влекла его природа; что̀ прежде всего полюбилъ ребенокъ и съ чѣмъ сроднилось его воображеніе, то сдѣлалось впослѣдствіи для мужа потребностью и сознательною цѣлью.

Когда ему минуло 16 лѣтъ, Штейнъ отправился въ Геттингенскій университетъ. Тамъ, по волѣ своихъ родителей, онъ занимался правомъ, а по собственной охотѣ, продолжалъ изучать творенія Англійскихъ писателей, народное хозяйство и исторію. Одинъ изъ немногихъ товарищей, съ которыми въ то время онъ подружился, оставилъ слѣдующую характеристику его: „Какая-то страстность замѣтна была

въ его впечатлѣніяхъ и въ его обхожденіи, но какая благородная страстность! Живой, неудержимой его воспріимчивости ко всему высокому и прекрасному уступала даже сильно въ немъ развитая потребность властвовать... Кому онъ отдавался душою, тотъ не могъ не любить его также страстно“. Къ этому надобно прибавить, что горячность, сохранившаяся до поздней его старости, и эта способность увлекаться высокими цѣлями, никогда не уносили его за предѣлы строгой дѣйствительности. Отвлеченная философія не интересовала его; онъ даже питалъ къ ней пренебреженіе; мечтательность и нравственная распущенность, господствовавшія въ Германіи въ началѣ прошлаго вѣка, рѣшительно къ нему не прививались. Его манила общественная дѣятельность, и всѣ помыслы его обращались къ благу и пользѣ его родины.

Окончивъ въ 1778 году курсъ университетскихъ занятій, Штейнъ опредѣлился частнымъ образомъ къ ученому ассесору судебной палаты въ Ветцларѣ, съ цѣлью, подъ его руководствомъ, ознакомиться, до вступленія въ службу, съ порядкомъ дѣлопроизводства въ имперскихъ судебныхъ инстанціяхъ. Онъ работалъ усердно, но сердце его не лежало къ этого рода занятіямъ; онъ почувствовалъ рано, что не было ничего живаго, никакихъ зачатковъ для будущаго въ старыхъ, пережившихъ свое время учрежденіяхъ Германской имперіи, и что народное единство гибло отъ язвы многоначальства и раздробленности интересовъ. Ему нужно было поприще болѣе широкое, менѣе загроможденное историческимъ хламомъ, и взоры его естественно обратились къ Пруссіи, гдѣ Фридрихъ II такъ высоко держалъ въ своихъ рукахъ знамя Германіи.

Въ 1780 году Штейнъ вступилъ въ Прусскую службу докладчикомъ по департаменту горныхъ дѣлъ или бергъ-коллегіи; черезъ годъ онъ получилъ въ ней мѣсто засѣдателя, потомъ оберъ бергъ-совѣтника, и, наконецъ, король ввѣрилъ ему Вестфальскіе и Минстерскіе горные заводы, съ правомъ голоса въ мѣстномъ провинціальномъ правленіи. Здѣсь Штейнъ впервыя принялъ въ свои руки власть и почувствовалъ себя начальникомъ. Умѣнье обращаться съ

властью далось ему не вдругъ. Работая неутомимо, не щадя себя для дѣла, онъ требовалъ и отъ подчиненныхъ своихъ полнѣйшаго самоотверженія; привыкнувъ дѣйствовать во всемъ отчетливо и сознательно, никогда не отворачиваться отъ недостатковъ, вызывающихъ на новыя усилія, и не пугаться увеличенія хлопотъ, когда можно было достигнуть въ чемъ либо улучшенія, онъ не довольствовался безпрекословнымъ послушаніемъ; онъ на столько уважалъ человѣческую личность вообще, что не могъ смотрѣть на своихъ подчиненныхъ, какъ на мертвыя орудія, и цѣнить въ нихъ безмысліе. Напротивъ, ему хотѣлось все объяснить, всѣхъ убѣдить, добиться свободнаго согласія во взглядахъ; а вмѣсто этого, онъ встрѣчалъ на каждомъ шагу, подъ личиною смиренной покорности, закоренѣлые предразсудки, механическую рутину и тупую недовѣрчивость въ союзѣ съ лѣнью. Конечно, эти препятствія не въ состояніи были убить въ немъ живость ума и твердость воли; но его нетерпѣливый и пылкій характеръ, часто вопреки уму и волѣ, увлекалъ его въ непріятныя столкновенія. Поздно, и то не вполнѣ, пріобрѣлъ онъ неоцѣненную для администратора способность, ставши сперва въ уровень съ своимъ окруженіемъ, мало-по-малу поднимать его на высшую точку зрѣнія и не обращаться къ людямъ съ требованіями, въ исполнимости которыхъ они не убѣждены. Эта внутренняя борьба съ собою была послѣднею школою, черезъ которую надлежало ему пройти. Въ 1788 году, при Фридрихѣ Вильгельмѣ II, Штейнъ назначенъ былъ первымъ директоромъ палаты военныхъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ *) въ герцогствахъ Клевскомъ и Гамскомъ, а черезъ восемь лѣтъ, въ 1796 году, президентомъ четырехъ Вестфальскихъ палатъ. Эта должность соотвѣтствовала, по степени власти и кругу дѣятельности, должности нашихъ намѣстниковъ. Кромѣ направленія и разрѣшенія текущихъ дѣлъ областной администраціи, въ самомъ обширномъ смыслѣ слова, Штейну до-

*) Это коллегіальное учрежденіе составляло высшую изъ областныхъ административныхъ инстанцій и обнимало вѣдомства нашихъ губернскихъ правленій, строительныхъ коммисій, палатъ казенной и государственныхъ имуществъ

велось заняться очищеніемъ рѣкъ для торговаго судоходства, постройкою шоссейныхъ дорогъ, введеніемъ новой системы взиманія налоговъ на потребленіе (акциза), и обезпеченіемъ продовольствія Прусской арміи во время военныхъ дѣйствій противъ Франціи, до Базельскаго мира. Всѣ эти сложныя операціи ставили его въ непосредственныя и самыя близкія сношенія съ рабочимъ, промышленнымъ и торговымъ классами, знакомили его со всѣми обстоятельствами, какъ благопріятствующими развитію производительныхъ силъ, такъ и замедляющими его, давали ему возможность испытать на практикѣ выгоды свободнаго труда и повѣрить на дѣлѣ теоріи, почерпнутыя имъ изъ Англійскихъ экономистовъ. Въ этомъ отношеніи, долговременное его пребываніе въ западныхъ Прирейнскихъ провинціяхъ имѣло самое благотворное вліяніе на его образованіе. Край этотъ составлялъ совершенно отдѣльное цѣлое и во многомъ не походилъ на Восточную Германію. Благодаря географическому его положенію и особенностямъ его историческаго развитія, онъ не поддавался мертвящему давленію крѣпостнаго права и не могъ быть подведенъ казенною бюрократіею подъ однообразный уровень; въ немъ сохранялось гораздо больше независимости, движенія, жизни, чѣмъ въ Помераніи или Пруссіи; личныя и общественныя права были яснѣе опредѣлены, капиталы обращались быстрѣе, трудъ развивался свободнѣе. Эта разница не укрылась отъ Штейна. Когда онъ выѣхалъ изъ Вестфальской области, его поразило оцѣпенѣніе и мертвенность восточныхъ провинцій. Вотъ что́ мы читаемъ въ одномъ изъ его писемъ: „Я объѣхалъ Мекленбургскую область во всю длину, вдоль моря, и прицѣнялся къ двумъ имѣніямъ, казавшимся мнѣ выгодными. Но видъ этой земли такъ же мало приходился мнѣ по сердцу, какъ и сѣверное, туманное небо; огромныя поля, изъ которыхъ значительная часть лежитъ подъ паромъ и пастбищемъ, скудное народонаселеніе, рабочее сословіе, сдавленное гнетомъ крѣпостнаго права, отдѣльно-стоящіе дворы, къ которымъ прирѣзаны поля, большею частію небрежно воздѣланныя, однообразіе, мертвая тишина, отсутствіе жизни и дѣятельности во всей этой обширной области — все это давило меня и настроивало

грустно. Домъ Мекленбургскаго помѣщика, такъ мало заботящагося объ улучшеніи быта своихъ крестьянъ, напоминаетъ мнѣ нору хищнаго звѣря, опустошающаго окрестность и окружающаго себя гробовымъ безмолвіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и выгоды, имъ извлекаемыя, въ сущности ничтожны; ибо хлѣбопашество не можетъ достигнуть полноты своего развитія и совершенства, при недостаткѣ людей и напряженія человѣческихъ силъ. Въ земляхъ, гдѣ народонаселеніе гуще и гдѣ промышленность движется свободнымъ усердіемъ, цѣнность имѣній выше, доходы изобильнѣе, сбытъ вѣрнѣе, и гораздо легче приводятся въ исполненіе общеполезныя предпріятія, чѣмъ тамъ, гдѣ человѣкъ причисляется къ животному инвентарю имѣнія“.

Въ 1804 году Штейнъ переведенъ былъ изъ провинціальной службы въ высшую сферу государственнаго управленія, въ качествѣ главноуправляющаго департаментомъ по части таможень, акциза, торговли, мануфактуръ, горныхъ и соляныхъ дѣлъ. Въ то время, высшее государственное управленіе подраздѣлялось частью по вѣдомствамъ, частью по областямъ, между нѣсколькими министерствами, разновременно основанными. Рядомъ съ министерствами военнымъ, иностранныхъ дѣлъ и юстиціи, существовали министерства Шлезіи, Помераніи и Вестфаліи. Дѣла внутренняго управленія, какъ-то: полиція, финансы, пути сообщенія, торговля, сосредоточивались въ генеральной директоріи. Это коллегіальное присутствіе состояло изъ главноуправляющихъ отдѣльными департаментами, подъ предсѣдательствомъ одного изъ министровъ, по назначенію короля. Одинъ изъ этихъ департаментовъ достался Штейну. Особенно важныя дѣла, касавшіяся нѣсколькихъ вѣдомствъ, обсуждались въ государственномъ совѣтѣ, гдѣ присутствовали, кромѣ министровъ и главноуправляющихъ, еще другіе члены. Это учрежденіе, до нѣкоторой степени, могло бы восполнить недостатокъ единства, происходившій отъ неправильнаго разграниченія вѣдомствъ; но кругъ дѣйствія его былъ тѣсно ограниченъ, а значеніе его, въ общемъ составѣ государственнаго управленія, было ослаблено другимъ учрежденіемъ, въ сущности составлявшимъ высшую государственную инстанцію по

всѣмъ вопросамъ законодательства и управленія, именно, кабинетомъ. Первоначально кабинетъ былъ не болѣе, какъ королевская канцелярія; обязанности кабинетъ-совѣтниковъ ограничивались докладами государю текущихъ дѣлъ, изготовленіемъ и передачею, по принадлежности, высочайшихъ повелѣній; но впослѣдствіи это учрежденіе, такъ сказать, втерлось между королемъ и министрами и перервало непосредственныя, прямыя между ними сношенія. Члены кабинета изъ секретарей превратились въ государственныхъ совѣтниковъ, которые, при докладѣ проэктовъ и отчетовъ, поступавшихъ изъ министерствъ, имѣли полную возможность возбуждать сомнѣнія, противодѣйствовать видамъ министровъ и проводить свои собственныя идеи. Къ естественному, служебному антагонизму между министрами и членами кабинета присоединялась сословная вражда. Министерскія должности замѣщались исключительно изъ дворянъ, а мѣста совѣтниковъ большею частію были заняты людьми неродословными, вышедшими изъ среднихъ слоевъ общества. Они выдавали себя за представителей либерализма, тогда какъ въ сущности они были представителями чиновничьяго направленія и канцелярскаго взгляда на вещи. Но всего вреднѣе и хуже было то, что совѣтники, не принимая дѣятельнаго участія въ управленіи, не несли никакой отвѣтственности ни за подаваемые ими совѣты, ни за направленіе, сообщаемое ими дѣламъ, переходившимъ черезъ ихъ руки. Королевская подпись покрывала ихъ безгласное участіе, а исполненіе и вся тяжесть отвѣтственности падала на министровъ, вынужденныхъ руководствоваться видами, часто противоположными ихъ собственнымъ убѣжденіямъ.

Эта неурядица на первыхъ же порахъ бросилась Штейну въ глаза. Встрѣчая на каждомъ шагу препятствія, проволочки и злонамѣренное противодѣйствіе, онъ неоднократно, съ откровенностью ему свойственною, докладывалъ Фридриху-Вильгельму III о необходимости кореннаго преобразованія въ устройствѣ государственнаго управленія и удаленія лицъ, подобныхъ графу Гаугвицу, Ломбарду и Бейме, которыхъ личное вліяніе на короля подрывало довѣренность народа къ правительству. Эти совѣты произвели непріят-

ное впечатлѣніе. Къ этому присоединилась другая причина неудовольствія Внѣшняя политика Пруссіи, начиная съ Базельскаго мира до несчастной для нея войны съ Наполеономъ (1803—1807),—это сцѣпленіе постыдныхъ сдѣлокъ съ честью и совѣстью, несвоевременныхъ уступокъ и полумѣръ, возбуждало всеобщее негодованіе въ народѣ и презрѣніе въ сосѣднихъ державахъ. Штейнъ долѣе всѣхъ хранилъ надежду на поворотъ къ лучшему и убѣждалъ своихъ друзей не поддаваться малодушному отчаянію; но когда опасность, угрожавшая государству, представилась ему съ сокрушительною ясностью, въ немъ заговорило чувство гражданскаго долга, и онъ рѣшился, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, обнаружить передъ королемъ настроеніе общественнаго мнѣнія и предостеречь его противъ злонамѣренности или ослѣпленія людей, направлявшихъ Пруссію къ неминуемому крушенію. Король глубоко оскорбился этимъ невызваннымъ вмѣшательствомъ. Въ то время онъ еще не понималъ Штейна, также какъ и Штейнъ не понималъ короля, и оба были другъ къ другу несправедливы. Король какъ будто боялся Штейна; отдавая полную справедливость его геніальнымъ способностямъ, онъ видѣлъ въ немъ человѣка самоувѣреннаго, болѣе способнаго ломать, чѣмъ поддерживать; онъ не вѣрилъ, чтобы смѣлое вѣщаніе рѣзкой правды могло быть совмѣстно съ покорностью и самоотверженіемъ; настойчивость Штейна представлялась ему какъ признакъ преднамѣренной оппозиціи, и онъ считалъ своимъ долгомъ отражать все, что̀ имѣло видъ посягательства на свободу правительства. Съ своей стороны, Штейнъ приписывалъ политическую уступчивость короля слабости его характера и вліянію на него ограниченныхъ людей, не угадывая, что Фридрихъ-Вильгельмъ всѣми мѣрами избѣгалъ войны, имѣя основательныя причины сомнѣваться въ ея успѣхѣ. Въ то время, можетъ быть, одинъ король сознавалъ слабость военной организаціи Пруссіи, между тѣмъ какъ армія и вся нація, ослѣпленныя прежнею славою, твердо вѣрили въ свою непобѣдимость.

Разрывъ между Штейномъ и королемъ былъ неминуемъ; онъ послѣдовалъ по поводу какого-то случайнаго недора-

зумѣнія, въ то время, какъ Штейнъ, спасши государственную казну, больной, собирался слѣдовать въ Мемель, а оттуда въ Россію за королевскою фамиліею, уходившею отъ Французской арміи. Это было въ началѣ 1807 года.

Между тѣмъ, бѣдственное положеніе государства и совѣты Императора Александра I, котораго безкорыстное заступничество спасло Пруссію, наконецъ, вынудили тѣ перемѣны въ организаціи и личномъ составѣ управленія, которыхъ напрасно добивался Штейнъ. Король учредилъ тайный совѣтъ изъ четырехъ министровъ, приблизилъ къ себѣ князя Гарденберга и поручилъ ему министерства иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, и хозяйственную часть военнаго управленія. Гарденбергъ принялъ на себя это бремя въ надеждѣ половиною подѣлиться съ Штейномъ; въ то время, они дѣйствовали во всемъ за-одно. Управленіе Гарденберга принесло огромную, хотя доселѣ не вполнѣ оцѣненную пользу; почти всѣ законодательные вопросы, съ такимъ блистательнымъ успѣхомъ разрѣшенные въ первой четверти нашего вѣка, были имъ возбуждены, и честь открытія пути къ дальнѣйшимъ преобразованіямъ, которымъ Пруссія обязана своимъ обновленіемъ, принадлежитъ несомнѣнно ему. Но онъ не долго стоялъ во главѣ управленія. Наполеонъ потребовалъ его удаленія еще до заключенія Тильзитскаго мира, и Гарденбергъ, прощаясь съ королемъ, далъ ему совѣтъ призвать Штейна, какъ единственнаго человѣка, который еще могъ поднять государство. Замѣчательно, что такой же совѣтъ поданъ былъ королю самимъ Наполеономъ, конечно въ то время не подозрѣвавшимъ, что онъ открывалъ дорогу человѣку, котораго могучее вліяніе на умы молодаго поколѣнія подготовило и направило народное возстаніе всей Германіи.

Единовременно обратились къ Штейну принцесса Луиза, Блюхеръ и Гарденбергъ, отъ имени короля. Ихъ письма застали его больнымъ: онъ слегъ при полученіи извѣстія о Тильзитскомъ мирѣ. Его призывали на тяжелый, по видимому, неблагодарный подвигъ, на почти безнадежную борьбу съ тѣми бѣдствіями, отъ которыхъ, не за долго передъ тѣмъ, онъ предостерегалъ безплодно; но ничто не могло остановить

его. Сладость мести была недоступна его благородной душѣ. Безъ упрековъ, безъ напоминаній о прошломъ, не колеблясь ни минуты, онъ отдалъ себя въ полное распоряженіе короля и даже не выговорилъ себѣ никакихъ условій. Вотъ отрывокъ изъ его отвѣта: „Вашего Королевскаго Величества высочайшее повелѣніе о вторичномъ вступленіи моемъ въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ сообщено мнѣ кабинетъ-министромъ, княземъ Гарденбергомъ. Я повинуюсь ему безусловно, предоставляя Вашему Величеству опредѣленіе будущихъ моихъ отношеній къ дѣламъ и къ лицамъ, съ которыми Вамъ угодно будетъ приказать мнѣ заниматься“.

Съ этой минуты, и здоровье Штейна быстро начало поправляться. Сила духа, оживленнаго призывомъ къ новымъ, благороднымъ трудамъ, подняла ослабѣвшее тѣло, и онъ выпрямился во всю вышину свою, которой до этой поры самые ревностные его цѣнители не имѣли случая измѣрить.

При первомъ свиданіи съ Штейномъ, въ Мемелѣ, король объявилъ ему, что онъ намѣренъ ввѣрить ему управленіе всѣми гражданскими дѣлами. Оно было тогда довольно немногосложно, ибо бо́льшая часть королевства была во власти Французовъ, и подраздѣлялось между областнымъ министерствомъ Пруссіи, которымъ завѣдывалъ Шрёттеръ, министерствами юстиціи, иностранныхъ дѣлъ, коммисіею, учрежденною для приведенія въ исполненіе статей Тильзитскаго мира (Friedens-Commission), и коммисіею, основанною Гарденбергомъ (Immediat-Commission), въ которой сосредоточивались дѣла департаментовъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ. Въ ней засѣдали тайные совѣтники Клевицъ, Альтенштейнъ, Шёнъ, Штегеманъ и — будущее свѣтило исторической науки — Нибуръ. Всѣ эти лица пріобрѣли почетную извѣстность своимъ участіемъ въ преобразованіяхъ Штейна.

На первой чредѣ законодательныхъ вопросовъ, возбужденныхъ Гарденбергомъ, стоялъ вопросъ о помѣщичьихъ крестьянахъ. Вотъ въ какомъ положеніи Штейнъ засталъ это дѣло. Король принялъ мысль объ упраздненіи крѣпостнаго права съ живѣйшимъ одобреніемъ. Она совпадала съ благородными, человѣколюбивыми стремленіями его высокой души. По собственнымъ его словамъ, мысль эта занимала его съ

самаго дня вступленія его на престолъ, и онъ надѣялся достигнуть своей цѣли, положивъ предѣлъ потомственной передачѣ крѣпостной зависимости отъ настоящаго поколѣнія будущимъ и объявивъ заранѣе свободными всѣхъ, имѣющихъ родиться послѣ извѣстнаго срока. Хозяйственныхъ отношеній между крестьянами и помѣщиками и обязательныхъ повинностей онъ не хотѣлъ касаться, опасаясь, чтобы съ упраздненіемъ или уменьшеніемъ барщины, господскія поля не остались невоздѣланными; но онъ думалъ, что принудительныя отношенія сами собою перейдутъ въ добровольныя сдѣлки, когда новое поколѣніе свободныхъ поселянъ заступитъ мѣсто крѣпостныхъ. Эти предположенія, выраженныя Фридрихомъ-Вильгельмомъ III еще въ 1798 году, не были исполнены; король не далъ имъ хода, уступивъ возраженіямъ своего министерства, а теперь, въ 1807 году, онъ самъ отъ нихъ отрекся, признавая, что бѣдственное положеніе государства требовало болѣе рѣшительныхъ мѣръ.

Другой вопросъ, подлежавшій единовременному разрѣшенію, по тѣсной его связи съ вопросомъ о крѣпостномъ состояніи, обнималъ совокупность правъ и юридическихъ отношеній, ограничивавшихъ свободу частныхъ лицъ всѣхъ безъ изъятія сословій въ пріобрѣтеніи и отчужденіи недвижимой собственности, въ распоряженіи ею и въ производствѣ промысловъ. Рѣзкое разграниченіе сословій, лежавшее въ основаніи средневѣковой жизни, не только обусловливало политическія и гражданскія права частныхъ лицъ въ составѣ общества, но вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляло, до мелочныхъ подробностей, формы ихъ домашняго быта и сферы ихъ занятій; оно распространялось даже на матеріальную природу, усвоенную человѣкомъ, и, такъ сказать, отражалось на землѣ и на всякой недвижимой собственности. Существовали земли дворянскія, мѣщанскія и крестьянскія. Каждому изъ этихъ разрядовъ были присвоены особенныя принадлежности, особенныя права и служебныя обязанности или повинности, соотвѣтствовавшія назначенію высшаго, средняго и низшаго сословій въ составѣ общества. Единожды отмѣченная какимъ-либо сословнымъ клеймомъ, земля оставалась навсегда крѣпкою тому сословію и, въ свою очередь, пріобрѣтала какъ бы

способность до нѣкоторой степени передавать свое сословное опредѣленіе всякому новому владѣльцу, которому она доставалась, поднимая или понижая его на общественной лѣстницѣ. Мы видѣли выше, что дворянину запрещено было пріобрѣтать въ свое непосредственное распоряженіе крестьянскіе участки; въ тѣхъ же рѣдкихъ случаяхъ, когда это дозволялось ему, онъ самъ какъ будто дѣлался крестьяниномъ и принималъ на себя нѣкоторыя изъ обязанностей податнаго сословія. Точно также не могъ дворянинъ пріобрѣтать мѣщанской собственности, а мѣщанинъ не могъ пріобрѣтать ни крестьянскихъ участковъ, ни дворянскихъ имѣній. Въ видѣ лишь рѣдкаго изъятія изъ общаго правила, разрѣшалось иногда лицамъ, принадлежавшимъ къ среднему сословію, пріобрѣтать дворянскія вотчины; но и тогда они не пользовались сопряженными съ этимъ владѣніемъ особенными правами охоты, патримоніальной юридикціи, сословнаго представительства въ собраніяхъ земскихъ чиновъ и патронагства надъ церквами. Къ этому едва ли нужно присовокуплять, что пріобрѣтеніе какъ дворянскихъ, такъ и мѣщанскихъ земель было одинаково воспрещено крестьянамъ. Дробленіе имѣній и поземельныхъ участковъ, равно какъ и выкупъ повинностей, лежавшихъ на землѣ, подвергались также строгимъ ограниченіямъ. Подобно землѣ, область промышленныхъ занятій была размежевана по сословіямъ; торговля и фабричная промышленность почитались несовмѣстными съ достоинствомъ дворянина; а крестьянамъ, какъ сословію предопредѣленному на воздѣлываніе земли, запрещалось заниматься ремеслами и мелкими городскими промыслами. Наконецъ, независимо отъ ограниченій, истекавшихъ изъ глубокаго разобщенія сословій, свободное обращеніе недвижимой собственности и избраніе способовъ къ извлеченію изъ нея наибольшихъ выгодъ затруднялось совмѣстностью правъ многихъ лицъ, цѣлыхъ родовъ и обществъ, на одни и тѣже имѣнія и участки. Таково было положеніе лицъ, владѣвшихъ пожизненно или срочно маіоратствами и вообще такъ называемыми фидеи-комиссами (имуществами, ввѣренными чужой совѣсти), равно какъ имѣніями ленными и состоявшими въ заставномъ владѣніи, въ отношеніи въ ихъ родствен-

никамъ (Agnaten), къ лицамъ, выжидавшимъ своей очереди (Anwarter), и къ вотчинникамъ (Ober-Eigenthümer). Понятно, что всѣ указанныя ограниченія вводили и узаконивали искусственное разобщеніе въ области интересовъ, по существу своему однородныхъ, мѣшали сближенію и совокупному дѣйствію капиталовъ, земли и труда, удерживали цѣнность недвижимыхъ имѣній на очень низкой степени устраненіемъ богатыхъ покупщиковъ, лишали владѣльцевъ возможности пріобрѣтать средства къ улучшенію сельскаго хозяйства и вообще убивали предпріимчивость, связывая развитіе производительныхъ силъ.

Невыгодность и несправедливость насильственнаго прикрѣпленія лица къ лицу, лица къ землѣ и земли къ сословію сознавались всѣми; никто не оспоривалъ необходимости измѣнить этотъ порядокъ вещей; но когда дѣло дошло до развитія предварительно-одобренныхъ предположеній, между высшими сановниками Пруссіи обнаружилось существенное разногласіе. Одни, руководствуясь безусловно общими законами и отвлеченными требованіями политической экономіи, съ которою Прусская публика только что ознакомилась на лекціяхъ Кенигсбергскаго профессора Краузе, смотрѣли на государство, какъ на огромную мастерскую, а на сословія и личности—какъ на орудія промышленныхъ силъ. Извлеченіе наибольшей прибыли, посредствомъ выгоднѣйшаго, въ хозяйственномъ отношеніи, распредѣленія труда и собственности, казалось имъ высшею цѣлью государственнаго союза; для достиженія ея, они требовали полнѣйшей свободы и устраненія всякихъ охранительныхъ мѣръ, не спрашивая, до какой степени благосостояніе и самостоятельность цѣлыхъ сословій могли черезъ это быть поколеблены, и какія политическія и нравственныя послѣдствія могли произойти отъ допущенія неограниченнаго состязанія между всѣми классами народонаселенія, при неравенствѣ матеріальныхъ средствъ и умственнаго образованія. Другіе принимали за исходную точку государство съ его опредѣленною, историческою физіономіею; народъ, какъ живую личность со всею разносторонностью ея стремленій и цѣлей; сословія, какъ необходимыя части живаго, общественнаго организма, и ко

всѣмъ этимъ даннымъ, по ихъ мнѣнію неприкосновеннымъ, старались примѣнить общіе законы развитія народнаго богатства. Перваго взгляда придерживался Шёнъ, втораго—Штегеманъ и Нибуръ. Противоположность этихъ двухъ воззрѣній проявилась во всей рѣзкости, когда дошло дѣло до обсужденія вопроса о крестьянскихъ участкахъ, или о правѣ крестьянъ на землю. Нѣкоторые изъ членовъ коммисіи опасались, чтобы съ упраздненіемъ законовъ, которыми обезпечивалась неприкосновенность этихъ участковъ, значительная часть крестьянскихъ земель не перешла въ однѣ руки, и чтобы черезъ это не уменьшилось число мелкихъ владѣльцевъ, крестьянъ-хозяевъ, составлявшихъ какъ бы сердцевину націи; прочіе члены, не отрицая возможности этихъ результатовъ, считали ихъ ничтожными въ сравненіи съ усиленіемъ производительности, котораго они ожидали отъ сбереженія расходовъ и сосредоточенія недвижимаго капитала—земли—съ денежными капиталами въ рукахъ богатыхъ собственниковъ. Къ этому присовокупляли, что обязательное охраненіе крестьянскихъ участковъ, при тогдашнихъ обстоятельствахъ Пруссіи, представляло особенныя трудности. Въ провинціяхъ, опустошенныхъ войною, многочисленные крестьянскіе участки упразднились сами собою по недостатку средствъ для обработки земли, и можно было опасаться, что помѣщики не захотятъ употребить своихъ капиталовъ на возстановленіе этихъ хозяйствъ, если законъ не предоставитъ имъ права неограниченнаго ими распоряженія. Но защитники права крестьянъ на землю отвѣчали на это, что можно, не жертвуя кореннымъ закономъ о неприкосновенности крестьянской земли, дозволить помѣщикамъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ видѣ изъятія, соединять мелкіе участки и даже прирѣзывать ихъ къ своимъ полямъ, не иначе, однако, какъ съ разрѣшенія правительства.

Выслушавъ оба мнѣнія, Штейнъ присталъ къ послѣднему. Онъ допустилъ полную свободу въ употребленіи рабочихъ силъ и земли, какъ конечную цѣль; но призналъ необходимымъ удержать ограниченіе этой свободы въ пользу крестьянскаго сословія, для обезпеченія его самостоятельности. Въ этомъ духѣ были имъ составлены проэкты двухъ

положеній, вышедшихъ 9-го и 28-го Октября 1807 года, и открывающихъ собою новую эру въ исторіи Прусскаго законодательства.

Королевскій эдиктъ 9-го Октября, объ отмѣнѣ ограниченій въ пріобрѣтеніи недвижимой собственности, въ распоряженіи ею, и о личныхъ правахъ поселянъ,—начинается слѣдующими словами: „По заключеніи мира, заботы наши обратились прежде всего на скорѣйшее возстановленіе упавшаго благосостоянія нашихъ подданныхъ. Взвѣсивъ общую нужду и средства, состоящія въ нашемъ распоряженіи, мы, съ одной стороны, убѣдились въ недостаточности этихъ средствъ для принесенія помощи каждому, въ ней нуждающемуся, съ другой, мы признали, что справедливость и здравыя начала государственной экономіи настоятельно требовали устраненія всего, что̀ доселѣ препятствовало каждому лицу подняться до степени благосостоянія доступной его силамъ. Главнѣйшія изъ этихъ препятствій касаются, вопервыхъ, пріобрѣтенія недвижимой собственности и распоряженія оною, вовторыхъ, личнаго состоянія сельскаго рабочаго класса. То и другое отнимаетъ у сельской промышленности необходимыя для ея возстановленія силы, роняетъ цѣнность имѣній, лишая землевладѣльцевъ кредита и въ тоже время парализируя производительность труда. Въ видахъ устраненія всѣхъ указанныхъ ограниченій, за исключеніемъ тѣхъ, которыхъ сохраненіе требуетъ общественная польза, постановляется нижеслѣдующее:

1) Разрѣшается всѣмъ гражданамъ, безъ различія состояній, пріобрѣтать недвижимыя имѣнія всякаго рода въ собственность или въ заставное владѣніе; а именно: дворянамъ дозволяется пріобрѣтать не только дворянскія земли, но и мѣщанскія и крестьянскія, а городскимъ обывателямъ и крестьянамъ *)—дворянскія вотчины. Преимущества, которыми пользовались дворяне передъ лицами другихъ званій

---

*) Позднѣйшими законами, 25 Января 1831 и 18 Декабря 1832, запрещено крестьянамъ покупать дворянскія вотчины за круговою и нераздѣльною отвѣтственностью цѣлой сельской общины или части оной (Correal-Verpflichtung) въ исправномъ взносѣ недоплаченныхъ при покупкѣ суммъ.

въ правахъ наслѣдованія по недвижимой собственности, равно какъ и ограниченіе или прекращеніе нѣкоторыхъ владѣльческихъ правъ (такъ называемыхъ дворянскихъ почетныхъ правъ, Ehren - Rechte), при переходѣ дворянской вотчины во владѣніе не-дворянина, упраздняются навсегда.

2) Каждому дворянину предоставляется, безъ ущерба сословной его чести, заниматься городскими промыслами, а городскимъ обывателямъ и крестьянамъ дозволяется свободный переходъ изъ городскаго въ сельское сословіе и изъ послѣдняго въ первое.

3) Правомъ перекупа недвижимой собственности и ближайшимъ правомъ на пріобрѣтеніе ея при продажѣ оной впредь имѣютъ пользоваться только вотчинники, по имѣніямъ, состоящимъ въ ленномъ владѣніи (Lehns-Obereigenthümer) и отданнымъ въ потомственное арендное содержаніе (Erbzinsherr, Erbverpächter),—совладѣльцы, по нераздѣльнымъ имѣніямъ, и ближайшіе сосѣди по имѣніямъ, состоящимъ въ черезполосномъ владѣніи или въ серединѣ чужаго владѣнія.

4) Всякому владѣльцу недвижимаго имущества городскаго или сельскаго, если оно по существу своему можетъ быть отчуждаемо, дозволяется, впрочемъ безъ нарушенія законныхъ правъ кредиторовъ и лицъ, пользующихся правомъ перекупа, выдѣлять изъ него оброчныя статьи (Trennung der Radicalien und Pertinenzien) *) и вообще отчуждать его по частямъ. Дозволяется также требовать раздѣла въ общемъ владѣніи.

5) Всякій вотчинникъ, а равно владѣлецъ имѣнія леннаго или фидеи-комисса, властенъ отдать въ наслѣдственное арендное содержаніе не только крестьянскіе дворы, шинки, мельницы и другія оброчныя статьи, но и господскую землю (Vorwerksland), какъ въ общемъ ея составѣ, такъ и по частямъ, безъ всякаго ограниченія; противиться этому

*) Въ дворянскихъ вотчинахъ господскій домъ, хозяйственныя строенія и господская земля составляли какъ бы основу, корень имѣнія; крестьянскіе дворы и земли разсматривались какъ отдѣльныя принадлежности. Поэтому 4-ю статьею помѣщику предоставлялось продавать ихъ крестьянамъ въ собственность, по частямъ.

не имѣютъ права ни вотчинники въ ленныхъ имѣніяхъ, ни наслѣдники въ имѣніяхъ ленныхъ и фидеи-комиссахъ, ни кредиторы въ имѣніяхъ заложенныхъ; но при этомъ соблюдаются слѣдующія условія: первый денежный взносъ, полученный отъ арендатора при вступленіи его во владѣніе заоброченною ему статьею, или вкупъ (Erbstands-oder Einkaufsgeld) долженъ быть обращенъ на погашеніе старшаго займа *), а за отсутствіемъ обезпеченныхъ долговъ въ имѣніяхъ ленныхъ и фидеи-комиссахъ—на улучшеніе имѣнія; сверхъ того, должно быть представлено удостовѣреніе мѣстнаго полицейскаго начальства или провинціальнаго земскаго банка (landschaftliche Credit-direction), что заоброченіе имѣнія непредосудительно для прочихъ кредиторовъ.

6 и 7) Если помѣщикъ разсудитъ, что возстановленіе или поддержаніе нѣкоторыхъ изъ крестьянскихъ участковъ и мелкихъ хозяйствъ, находящихся въ его имѣніи, превышаетъ средства, состоящія въ его распоряженіи, то онъ обязанъ лично заявить о томъ мѣстному областному начальству, которое уполномочивается давать отъ себя разрѣшенія на соединеніе нѣсколькихъ таковыхъ участковъ въ одинъ или на упраздненіе ихъ съ прирѣзкою земли къ господскимъ полямъ, если только крѣпостное право въ томъ имѣніи уже упразднено и если участки, о которыхъ идетъ дѣло, не розданы въ потомственное пользованіе. Подобнаго рода распоряженія относительно участковъ, состоящихъ въ потомственномъ пользованіи, могутъ быть только тогда допускаемы, когда помѣщикъ выкупитъ ихъ у хозяевъ или когда права послѣднихъ сами собою законнымъ образомъ прекратятся.

---

*) Извѣстно, что во всей Европѣ и въ нашихъ Остзейскихъ губерніяхъ дозволяется обезпечивать залогомъ одного и того же имѣнія займы, разновременно сдѣланные у нѣсколькихъ лицъ, въ иныхъ земляхъ до неограниченной суммы, а въ другихъ до той суммы, въ которую имѣніе оцѣнено. Ссуды записываются въ послѣдовательномъ порядкѣ въ гипотечную книгу; это дѣйствіе называется *интроссаціей*. Въ случаѣ несостоятельности должника, кредиторы удовлетворяются посредствомъ продажи заложеннаго имъ имѣнія, притомъ не въ пропорціи претензій, а по ихъ старшинству, такъ что вырученною суммою сперва погашается старшій долгъ съ процентами, потомъ изъ остатковъ второй долгъ и т. д.

8) Владѣльцу имѣнія леннаго или фидеи-комисса дозволяется, для исправленія происшедшихъ въономъ во время войны поврежденій, занимать деньги подъ залогъ не только доходовъ, но и капитальной стоимости имѣнія (die Substanz der Güter), если мѣстное начальство удостовѣрится въ дѣйствительной необходимости предположеннаго расхода. По истеченіи трехъ льготныхъ годовъ, владѣлецъ и его наслѣдники обязаны ежегодно уплачивать, по крайней мѣрѣ, $^1/_{15}$ занятаго капитала.

9) Всякое ленное отношеніе по имѣнію, не составляющему чьей-либо личной собственности, и всякое постановленіе, ограждающее неприкосновенность и недѣлимость имѣнія, принадлежащаго цѣлому роду (Familien und Fidei-Commis-Stiftung), можетъ быть измѣнено и даже вовсе отмѣнено полюбовною, фамильною сдѣлкою.

10, 11, 12) Со дня изданія сего эдикта, личная крѣпостная зависимость (Unterthänigkeist Verhältniss) вновь не устанавливается ни рожденіемъ, ни бракомъ, ни принятіемъ податнаго участка, ни какою-либо сдѣлкою. Съ этого же времени упраздняется личная крѣпостная зависимость крестьянъ, владѣющихъ своими участками на правѣ собственности или потомственнаго пользованія, равно какъ и женъ ихъ и дѣтей, а съ будущаго Мартынова дня (день рожденія Лютера) 1810 года, всякая личная крѣпостная зависимость вообще прекращается безусловно въ цѣломъ государствѣ; всѣ бывшіе крѣпостные люди получаютъ гражданскую свободу; но, само собою разумѣется, что обязанности, на нихъ лежащія по владѣнію землею, или добровольно ими на себя принятыя *), остаются въ силѣ.

Второй эдиктъ 1807 года, изданный 28 Октября, относится исключительно до казенныхъ имѣній. Мы упомянули

*) Здѣсь, какъ это было пояснено циркуляромъ 8 Ноября 1808 г., подразумѣваются не только повинности пахатныхъ крестьянъ-хозяевъ, имѣвшихъ право на землю (каковыя повинности были опредѣлены обоюду-обязательными положеніями и не могли быть произвольно измѣняемы), но и повинности огородниковъ, бобылей и такъ называемыхъ мелкихъ людей, которые не имѣли права на землю и селились по частнымъ, добровольнымъ сдѣлкамъ съ вотчинниками.

выше, что рабство и личная крѣпостная зависимость отмѣнены были въ казенныхъ имѣніяхъ Восточной Пруссіи и Литвы патентами 10 Іюня 1719 и 24 Марта 1723, что нѣсколько спустя (въ 1763 и 1767), въ тѣхъ же вотчинахъ, казна отказалась отъ права своего на обязательную службу затяглыхъ рабочихъ и что Фридрихъ-Вильгельмъ III, высочайшимъ повелѣніемъ 29 Декабря 1804 подтвердилъ всѣ исчисленныя льготы, разрѣшивъ крестьянамъ и свободный выходъ изъ имѣнія безъ выкупа (Loskaufsgeld). Но все это касалось только Пруссіи и Литвы. Теперь сила этихъ постановленій распространена была на казенныя вотчины всего королевства; всѣмъ водворенным въ нихъ крестьянамъ дарована была полная личная свобода, съ увольненіемъ отъ всѣхъ службъ и повинностей разнаго рода, истекавшихъ изъ прежней ихъ крѣпостной зависимости, съ удержаніемъ лишь повинностей, исправлявшихся съ земли или добровольно ими на себя принятыхъ, въ силу особенныхъ договоровъ *)

Итакъ, свобода личная и право располагать собою и своимъ трудомъ съ удержаніемъ права на землю — для земледѣльческаго класса; свобода въ пріобрѣтеніи, отчужденіи и употребленіи недвижимой собственности—для всѣхъ сословій: вотъ первыя блага, которыми вознаградила себя Пруссія за помраченіе своей военной славы и за утрату прежняго своего могущества.

Плодотворныя начала были объявлены, но только объявлены; оставалось провести ихъ въ жизнь, взрастить сѣмена, разбросанныя по разнымъ почвамъ, и не дать имъ заглохнуть или выродиться. Далеко не всѣ государственные люди, одаренные блистательными способностями и широкими взглядами, охотно принимаютъ на себя эту трудную и скучную долю служебныхъ обязанностей, нерѣдко ускользающую отъ вниманія потомства. Случается часто, что стоящіе во главѣ управленія, пустивъ законъ на всѣ четыре стороны, довольствуются провозглашеніемъ широкихъ идей и многообъемлющихъ требованій, а дальнѣйшій за ними уходъ ввѣ-

*) См. выше поясненіе въ примѣчаніи.

ряютъ нечистымъ или неспособнымъ рукамъ. Громкое слово произнесено, дѣло какъ будто сдѣлано, и съ этой минуты, участіе къ нему самихъ начинателей охладѣваетъ. Черная работа мелочнаго примѣненія, устраненія препятствій, разъясненія недоумѣній, до нихъ какъ будто и не касается. Что-жъ выходитъ? Минуетъ годъ, другой, и оказывается, что на практикѣ ничто не измѣнилось, ничто не улучшилось. Слово осталось словомъ; оно уцѣлѣетъ въ собраніи законовъ, какъ свидѣтельство добрыхъ намѣреній и практической немощи; но нечего дивиться, что оно не перешло въ жизнь и нечего укорять народъ въ недостаткѣ воспріимчивости: ибо народъ воспитывается не словами, а жизненнымъ опытомъ. Бывали такіе примѣры жалкаго исхода громкихъ начинаній; но законы 1807 года не подверглись этой участи. По существовавшему въ Пруссіи порядку, въ редакцію закона входили только коренныя постановленія, подлежавшія къ постоянному и непремѣнному исполненію; а правила, которыми опредѣлялись способы ихъ примѣненія, и нужныя къ нимъ толкованія исходили въ видѣ особыхъ высочайшихъ повелѣній, министерскихъ инструкцій и судебныхъ приговоровъ. Мы имѣемъ передъ глазами цѣлый сводъ матеріаловъ этого рода, изъ котораго мы извлечемъ только необходимое для яснаго уразумѣнія силы и дѣйствія двухъ вышеприведенныхъ эдиктовъ.

Прежде всего, нужно было снабдить инструкціею областныя правленія (палаты государственныхъ имуществъ и военныхъ дѣлъ), которымъ по закону (§§ 6 и 7) предоставлялось право разрѣшать по ходатайству помѣщиковъ, или воспрещать соединеніе нѣсколькихъ крестьянскихъ участковъ въ одно хозяйство и прирѣзку крестьянскихъ земель къ господскимъ. Штейнъ сперва поручилъ самимъ правленіямъ составить объ этомъ важномъ предметѣ проэкты инструкцій для собственнаго ихъ руководства. По внимательномъ ихъ разсмотрѣніи, даны были слѣдующія правила: крестьянскіе участки были раздѣлены на двѣ категоріи, по давности ихъ существованія и по свойству права крестьянъ на землю; въ первомъ отношеніи участки подраздѣлялись на два разряда: изстари состоявшіе во владѣніи крестьянъ и образованные въ

новѣйшее время, то-есть во второй половинѣ XVIII вѣка *); во второмъ отношеніи на участки, состоявшіе въ потомственномъ владѣніи крестьянъ и отданные въ пожизненное или временное пользованіе. Участки новѣйшаго образованія и сданные во временное пользованіе дозволялось соединять и упразднять безоговорочно, по усмотрѣнію помѣщика, но, разумѣется, не прежде, какъ по истеченіи условленнаго въ контрактѣ срока содержанія. Участки древнѣйшіе, состоявшіе во временномъ пользованіи, отдавались также въ распоряженіе помѣщика, но съ слѣдующими ограниченіями: когда помѣщикъ испрашивалъ разрѣшенія на упраздненіе нѣсколькихъ таковыхъ хозяйствъ для лучшаго ихъ устройства, то ему вмѣнялось въ обязанность, по соединеніи старыхъ участковъ въ одну массу, разбить ее на новые участки, которыхъ размѣръ не долженъ былъ превышать опредѣленной нормы; а когда помѣщикъ намѣревался увеличить свои собственныя поля на счетъ крестьянскихъ, то ему дозволялось прирѣзать къ своей землѣ не болѣе половины крестьянской земли, состоявшей подъ упраздненными участками (при чемъ, для опредѣленія половины, принималось въ соображеніе не только количество, но и качество земли), а другую, равную часть онъ долженъ былъ разбить на новые участки по тѣмъ же правиламъ и немедленно сдать ихъ желающимъ изъ крестьянъ въ потомственное пользованіе, изъ платежа денежнаго оброка. Въ условіяхъ сдачи запрещалось обязывать крестьянъ нести барщину, молоть хлѣбъ на господскихъ мельницахъ и покупать напитки въ его шинкахъ. Участки новѣйшаго образованія, но состоявшіе въ потомственномъ пользованіи крестьянъ, могли быть упраздняемы помѣщикомъ только съ согласія хозяевъ, если они добровольно уступали ему свои права. Наконецъ, участки древнѣйшаго образованія и состоявшіе въ потомственномъ пользованіи также должны были предварительно быть выкуплены помѣщикомъ, и только половина состоявшей подъ ними земли могла быть прирѣзана къ господскимъ полямъ, а дру-

*) Въ различныхъ областяхъ приняты были различные сроки: въ Западной Пруссіи 1752 годъ, въ Восточной 1771, въ Шлезіи 1749, въ Помераніи 1763 годъ и т. д.

гая половина подлежала непремѣнной сдачѣ крестьянамъ на прописанныхъ выше условіяхъ. Всѣ эти правила относились не только къ пахатнымъ участкамъ, но вообще ко всѣмъ, даже мелкимъ хозяйствамъ. Вотъ до какой степени Штейнъ призналъ нужнымъ оградить право крестьянъ на землю и ограничить свободную конкурренцію въ пріобрѣтеніи недвижимой собственности въ пользу бѣднѣйшаго и самаго многочисленнаго класса сельскихъ обывателей. Затѣмъ, онъ надѣялся, что извѣстная привязанность земледѣльцевъ къ нивамъ, оплодотвореннымъ ихъ трудами, такъ высоко подниметъ цѣнность крестьянскихъ участковъ, что дороговизна ихъ помѣшаетъ помѣщикамъ пріобрѣтать и упразднять ихъ въ большомъ количествѣ; но, по увѣренію Кречмера, который ближе всѣхъ слѣдилъ за вліяніемъ новѣйшаго законодательства на судьбу поселянъ, эта надежда не вполнѣ оправдалась, и всѣ установленныя Штейномъ огражденія не предотвратили бы опасности, угрожавшей поселянамъ, еслибы позднѣйшія законоположенія 1811 и 1816 гг. не упрочили правъ крестьянъ на землю.

При допущенномъ дробленіи дворянскихъ имѣній, нужно было рѣшить вопросъ о разныхъ принадлежностяхъ дворянскаго вотчиннаго права. Нѣкоторыя имѣли характеръ доходныхъ статей, напримѣръ, право охоты и пивоваренія; другія—почетныхъ преимуществъ, напримѣръ, право суда и попечительства. Правительство опредѣлило, что права перваго рода подлежали раздѣлу и могли переходить ко всѣмъ пріобрѣтателямъ имѣнія; а права втораго рода, по существу своему недѣлимыя, должны были оставаться принадлежностью совокупности покупщиковъ, принятыхъ за одну юридическую личность, съ тѣмъ, чтобы, избравъ съ общаго согласія уполномоченнаго для отправленія судебно-полицейской должности, они представляли его на предварительное утвержденіе начальства.

Противъ §, которымъ разрѣшалось дробленіе и отчужденіе по частямъ крестьянскихъ участковъ, представлено было много возраженій; помѣщики, опасаясь, чтобы отъ этого не уменьшилось число рабочихъ лошадей, домогались воспрещенія дробить участки, съ которыхъ исправлялась бар-

щина; а мѣстные администраторы прибавляли къ этому, что сами крестьяне употребятъ себѣ же во зло предоставленное имъ право. Штейнъ отвѣчалъ на это, что, при раздробленіи участка, натуральныя повинности, на немъ лежавшія, могли быть разложены между новыми хозяевами, пріобрѣтавшими его по частямъ, по взаимному ихъ соглашенію, безъ всякаго ущерба для помѣщика; что крестьяне болѣе дорожатъ землею и лучше знаютъ ей цѣну, чѣмъ всѣ чиновники, отрицающіе въ нихъ здравый толкъ и разумѣніе своихъ выгодъ, и наконецъ, что поступятъ въ раздробительную продажу развѣ только небольшіе и удаленные отъ дворовъ куски земли, которые хозяевамъ были не къ рукамъ.

Изъ той же системы административнаго вмѣшательства въ домашнія дѣла частныхъ лицъ, не мирившейся съ мыслью о свободномъ выборѣ занятій, возникло предположеніе Шлезскаго областнаго правленія допускать къ переселенію въ города только тѣхъ крестьянъ, которые въ состояніи будутъ заявить, передъ лицемъ бывшаго своего помѣщика, достаточныя средства къ существованію. Разумѣется, что это ограниченіе было отвергнуто, какъ совершенно противное духу закона 1807 года

Нѣкоторые изъ земскихъ провинціальныхъ банковъ, выдававшихъ ссуды подъ залогъ дворянскихъ имѣній, возбудили опасеніе, чтобы дозволенное раздробленіе этихъ имѣній не поколебало ихъ операцій: вопервыхъ, уронивъ цѣнность залоговъ, подвергнутыхъ раздробленію; вовторыхъ, ослабивъ дѣйствительность круговой гарантіи всѣхъ землевладѣльцевъ, которые, какъ общество, обезпечивали въ каждой провинціи всѣмъ своимъ недвижимымъ имуществомъ исполненіе обязательствъ, принятыхъ банками. Это возраженіе не было лишено основанія, ибо земскіе банки учредились и начали принимать подъ залогъ имѣнія въ то время, когда дворянскія вотчины, въ силу общихъ законовъ, почитались по существу своему нераздробимыми. Правительство, однакоже, не признало нужнымъ предоставлять банкамъ какія-либо особенныя права на принятые ими залоги, кромѣ права, присвоеннаго всѣмъ частнымъ кредиторамъ, охранять свои интересы всѣми законными способами при

раздробительной продажѣ имѣній, служившихъ обезпеченіемъ ссудъ. Земскіе банки разсматривались какъ частныя, а не какъ казенныя учрежденія. Что же касается до гарантіи дворянскаго сословія, то, по общимъ законамъ, и раздробленное имѣніе не освобождалось отъ круговой отвѣтственности; наконецъ, правительство поставило на видъ банкамъ, что эта гарантія уже потому не имѣла того существеннаго значенія, какое ей придавали, что каждый членъ дворянскаго общества могъ, безпрепятственно, обременять свое имѣніе долгами свыше его цѣнности, чему было немало примѣровъ въ Шлезіи. При всемъ томъ, нельзя, однакоже, не признать, что правительство въ этомъ случаѣ поступило, по крайней мѣрѣ, смѣло; но оно руководствовалось убѣжденіемъ, что съ раздробительною продажею и съ привлеченіемъ новыхъ капиталовъ къ пріобрѣтенію недвижимыхъ имѣній, по частямъ, цѣнность ихъ, въ общей сложности, должна была возвыситься, и въ этомъ отношеніи ожиданія его вполнѣ оправдались.

Шлезскіе помѣщики представили выведенный ими разсчетъ убытковъ, понесенныхъ отъ упраздненія обязательной службы затяглыхъ рабочихъ, непользовавшихся поземельнымъ надѣломъ (Gesinde-Zwangs-Dienst *), и, сознаваясь наивно, что вольные батраки никогда не согласятся довольствоваться тою пищею, какая выдавалась крѣпостнымъ, домогались денежнаго вознагражденія за отнятое у нихъ право на личность крестьянъ. Вотъ чтó они получили въ отвѣтъ: „Крѣпостное право, по существу своему, имѣло всегда характеръ полицейскаго учрежденія, власти ввѣренной отъ правительства, а не частной собственности, въ чемъ сами помѣщики сознаются; поэтому во всѣ времена это право ограничивалось другими полицейскими же учрежденіями; предѣлы помѣщичьей власти надъ крѣпостными людьми, формы и способы ея дѣйствія, опредѣлялись, расширялись и стѣснялись общимъ законодательнымъ поряд-

*) Эта повинность, въ отличіе отъ барщины, исправлявшейся съ земли (onus reale), разсматривалась какъ личная тягость (onus personale) и потому отмѣнялась §§ 10—12 закона 1807 года

комъ, въ видахъ общественной пользы, а не частныхъ выгодъ; такъ, напримѣръ, изданное недавно Земское Уложеніе отняло у помѣщиковъ много древнихъ правъ, приносившихъ имъ доходы, отнюдь, однакоже, не признавая, чтобы подобнаго рода потери давали имъ поводъ требовать вознагражденія. Тѣмъ же порядкомъ, на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, могли быть отмѣнены послѣдніе остатки права лица на лице или непосредственной крѣпостной зависимости“.

Но на практикѣ очень нелегко было разграничить ясною чертою повинности личныя, истекавшія изъ крѣпостной зависимости, отъ повинностей поземельныхъ, onera personalia отъ onera realia. Трудность заключалась въ томъ, вопервыхъ, что очень многіе виды денежныхъ сборовъ и работъ, по существу своему явно относившихся къ первому разряду, возлагались на крестьянъ при вступленіи ихъ во владѣніе участкомъ земли, заносились въ графы гипотечныхъ книгъ, гдѣ перечислялись доходы, приносимые имѣніемъ, и чрезъ это получали видъ повинностей поземельныхъ. Вовторыхъ, въ силу предоставленнаго ему права вознаграждать себя на счетъ сельскихъ обывателей, ему подчиненныхъ, за расходы и хлопоты, сопряженные съ патримоніальною юридикціею (которой эдиктъ 1807 года не коснулся) помѣщикъ имѣлъ законное основаніе облагать крестьянъ пошлинами разнаго рода, отнюдь не имѣвшими характера поземельныхъ и падавшими прямо на движимое имущество, на промыслы и на самую личность. Изъ этого видно, какъ было нетрудно помѣщикамъ подвести любой видъ денежной или натуральной повинности подъ которую-нибудь изъ этихъ двухъ, дозволенныхъ закономъ, категорій, и какъ, напротивъ того, мудрено было распутать сущность дѣла и опредѣлить твердые, ясные признаки, по которымъ бы общее правило могло быть примѣняемо въ частностяхъ. Мы не вдадимся въ многосложную полемику, завязавшуюся по этому поводу, и ограничимся простымъ перечнемъ правъ и доходовъ окончательно отмѣненныхъ, и тѣхъ, которые навсегда или на время были оставлены въ силѣ.

Крестьяне были освобождены отъ обязанности испрашивать согласія помѣщика на вступленіе въ бракъ, на отдачу

дѣтей въ обученіе ремесламъ, на наемъ вольныхъ батраковъ, на продажу участковъ, принадлежавшихъ имъ на правѣ собственности, на передачу участковъ, состоявшихъ въ потомственномъ ихъ пользованіи, и на займы подъ залогъ участковъ. Помѣщики должны были отказаться, безъ всякаго вознагражденія, отъ права: приводить своихъ подданныхъ къ присягѣ; принуждать крестьянъ, по достиженіи ими извѣстнаго возраста, къ принятію тяглыхъ участковъ съ обязанностію нести лежавшія на землѣ повинности; по смерти хозяина, выбирать наслѣдника по участку изъ числа его сыновей и родственниковъ; измѣнять волю завѣщателя въ распредѣленіи его наслѣдства *); требовать отъ безтяглыхъ работниковъ и вольныхъ людей, проживавшихъ въ имѣніи, обязательной службы или денежнаго отъ нея откупа; взыскивать выкупъ съ лицъ, выходившихъ изъ имѣнія на сторону (lytrum personale) и съ вывозимаго имущества (lytrum reale). Помѣщики сохранили:

1. Право домашней расправы и тѣлеснаго наказанія надъ батраками и поденщиками, служившими при господскихъ экономіяхъ по найму, и выходившими на барщину вмѣсто тяглыхъ хозяевъ. Это право существенно отличалось отъ патримоніальной юридикціи: первое допускало расправу на скорую руку, безъ всякаго предварительнаго изслѣдованія или суда, безъ всякихъ формальностей; оно, въ строгомъ смыслѣ, не составляло даже принадлежности помѣщичьей власти; ибо имъ пользовались всѣ вообще хозяева, и недворянскаго происхожденія, надъ вольнонаемною своею прислугою, и въ нѣкоторыхъ Германскихъ государствахъ это право держалось долго послѣ уничтоженія послѣднихъ слѣ-

---

*) Такъ какъ участокъ не дробился и переходилъ всегда въ полномъ составѣ къ одному изъ наслѣдниковъ, а движимость, которою крестьянинъ могъ располагать, была недостаточна для надѣленія другихъ сыновей его, то онъ обыкновенно оцѣнивалъ участокъ и, для уравненія дѣтей своихъ, возлагалъ обязанность на того изъ своихъ наслѣдниковъ, которому доставалась земля, удовлетворить деньгами прочихъ наслѣдниковъ. Такого рода обязанности ставили часто новыхъ хозяевъ въ затруднительное положеніе; а такъ какъ интересъ помѣщиковъ требовалъ поддержанія ихъ, то помѣщики присвоили себѣ право понижать оцѣнки, сдѣланныя для домашнихъ крестьянскихъ раздѣловъ.

довъ крѣпостнаго права. Въ пояснительномъ указѣ было сказано, что правительство оставляло его въ силѣ *до времени;* однако, домашнія наказанія палками, тюремнымъ заключеніемъ и привязываніемъ къ столбамъ, были формально отмѣнены только закономъ 9 Ноября 1832 года.

2. Доходы и повинности, истекавшія изъ вотчинныхъ правъ на землю, которою пользовались крестьяне, какъ-то: барщину, конную и пѣшую, денежные оброки, сборы натуральными произведеніями, на основаніи общихъ положеній, контрактовъ и старыхъ обычаевъ.

3. Патримоніальную юридикцію и доходы, истекавшіе изъ судебно-полицейской власти вотчинниковъ (Nutzungen der Civil-Gerichtsbarkeit). Сюда отнесены были пошлины, взимавшіяся при покупкахъ и всякаго рода переходахъ недвижимаго имущества, по стоимости онаго (Laudemnium, Marktgroschen); пошлины, по 10°/₀ съ цѣнности всякаго имущества, выходившаго изъ предѣловъ патримоніальной юридикціи (Abzug, Abschoss, Abfarts-Geld); пошлины съ ремеслъ (Handwerkszins) тамъ, гдѣ онѣ изстари существовали на основаніи привиллегій; пошлины за покровительство, которымъ пользовались вольные люди и поденщики (Schutzgeld). Объявлено было, что всѣ сіи повинности оставлялись на время, пока вотчинники и крестьяне, путемъ добровольныхъ сдѣлокъ, не условятся о замѣнѣ ихъ денежнымъ или хлѣбнымъ оброкомъ, или о единовременномъ ихъ выкупѣ. Впослѣдствіи, эдиктомъ 2 Ноября 1810 года о промысловомъ налогѣ (Gewerbesteueredict), всѣ пошлины, поступавшія въ пользу помѣщиковъ отъ ремеслъ и ремесленниковъ, были упразднены. Поселянамъ подтверждено было, чтобъ они повиновались вотчинникамъ, какъ мѣстнымъ законнымъ властямъ, и не отлучались изъ имѣній, не взявши у нихъ письменныхъ видовъ.

Съ помѣщиковъ сняты были обязанности пускать въ свои лѣса вольныхъ людей, водворенныхъ въ имѣніяхъ, для сбора сушняка и валежника, дозволять имъ пасти свою скотину на господскихъ выгонахъ. Содержаніе бѣдныхъ, прежде лежавшее на отвѣтственности одного помѣщика, разложено было на все сельское общество.

Возникали еще и другіе вопросы: въ какихъ случаяхъ, при уклоненіи крестьянъ отъ исправленія повинностей или при предъявленіи съ ихъ стороны споровъ, помѣщикъ могъ производить съ нихъ взысканіе исполнительнымъ порядкомъ, до окончательнаго судебнаго рѣшенія; какую обязательную силу и относительную важность слѣдовало приписывать документамъ, на которые ссылались обыкновенно спорившія между собою стороны и т. д.? Всѣ эти вопросы и многіе подобные, равно какъ и примѣненіе изданныхъ правилъ къ частнымъ случаямъ, когда возникали изъ этого споры, предоставлялись обсужденію и рѣшенію общихъ судебныхъ инстанцій. Сначала, по запутанности предметовъ, онѣ не разъ впадали въ противорѣчія съ законами, другъ съ другомъ и даже сами съ собою; но впослѣдствіи, благодаря допущенной гласности и стародавнему обычаю судебныхъ мѣстъ въ Германіи, сноситься между собою въ затруднительныхъ вопросахъ и помогать одно другому совѣтами и справками, установилась и по этимъ вопросамъ твердая судебная практика, прочнымъ образомъ обезпечившая неприкосновенность обоюдныхъ правъ.

Что касается собственно до крестьянъ, до дѣйствія произведеннаго на нихъ эдиктами 1807 года, то изъ актовъ того времени видно, что правительству доводилось не одинъ разъ устранять недоразумѣнія и притязанія, происходившія отъ ошибочнаго и слишкомъ широкаго толкованія дарованныхъ имъ правъ. Простые люди не въ состояніи были съ разу понять тонкаго различія между зависимостью личною и поземельною, повинностями личными и поземельными. Множество возникало со стороны крестьянъ неосновательныхъ споровъ и несправедливыхъ жалобъ, но о сопротивленіяхъ, безпорядкахъ, возстаніяхъ не было помину, и кажется, что правительство нигдѣ не было вынуждено дѣйствовать силою.

Эдикты 1807 года первоначально относились только къ тѣмъ областямъ, которыя удержала за собою Пруссія по Тильзитскому миру. Впослѣдствіи, 18 Января 1819 г., они были распространены на области, пріобрѣтенныя отъ Саксонскаго королевства (Котбушскій округъ и обѣ Лузаціи).

Въ Познанскомъ герцогствѣ, личное крѣпостное право было отмѣнено конституціею, данною Наполеономъ Варшавскому герцогству въ 1807 году, а въ Прирейнскихъ и Вестфальскихъ областяхъ, въ эпоху владычества надъ ними Французовъ, при введеніи въ нихъ Наполеонова кодекса. Здѣсь Прусскому правительству осталось только признать и подтвердить реформу, произведенную безъ его участія.

Представленный нами очеркъ дѣлопроизводства, возбужденнаго закономъ 1807 года, до нѣкоторой степени даетъ понятіе о томъ, какого терпѣнія и какихъ постоянныхъ въ разныя стороны направленныхъ усилій стоило проведеніе его въ жизнь; а это былъ еще только приступъ къ дѣлу. Главная его сила заключалась въ отрицаніи стараго порядка вещей и въ очисткѣ мѣста; новаго, положительнаго, онъ ничего не ставилъ. Само собою разумѣется, что и Штейнъ смотрѣлъ на него какъ на первый шагъ; конечная его цѣль стояла далеко дальше. Онъ видѣлъ впереди отмѣну барщины, полный выкупъ крестьянской земли, упраздненіе частной, патримоніальной юридикціи и многочисленное сословіе крестьянъ-собственниковъ, введенное посредствомъ организаціи свободныхъ сельскихъ общинъ въ развитіе жизни гражданской и политической.

Скоро представился ему случай ступить еще одинъ шагъ. Предположеніе объ отдачѣ казеннымъ крестьянамъ земли, которою они владѣли, въ полную собственность, преждевременно и потому безуспѣшно испытанное на практикѣ при Фридрихѣ II, возбуждено было вновь запискою, неизвѣстно кѣмъ составленною и поданною королю. Штейнъ схватился за эту мысль съ жаромъ и поручилъ ея разработку своимъ сотрудникамъ по правительственной коммисіи. Всѣ одобрили ее въ существѣ, но разошлись въ понятіяхъ о способѣ исполненія. Нѣкоторые предполагали вмѣнить крестьянамъ въ непремѣнную обязанность выкупить свои участки въ установленный срокъ, или отказаться отъ дальнѣйшаго ими пользованія, чтò неминуемо повело бы къ упраздненію значительнаго числа бѣдныхъ хозяйствъ. Другіе совѣтовали предварительно покончить размежеваніе, выкупъ натуральныхъ повинностей и раздѣлъ земель, состоявшихъ

въ общемъ пользованіи (Gemein-Nutzungen). Шрёттеръ хотѣлъ немедленно отдать крестьянамъ ихъ земли въ собственность, не требуя съ нихъ выкупа и даже не возвышая ихъ повинностей, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ они отказались на будущее время отъ льготъ и отсрочекъ въ платежѣ оброка, отъ безплатнаго пользованія топливомъ и отъ права пасти скотину въ казенныхъ рощахъ. Когда вопросъ этотъ дошелъ до Штейна, онъ изучилъ его не только съ хозяйственной, но и съ исторической точки зрѣнія, и убѣдился, что казенные крестьяне Пруссіи въ старину почитались собственниками земли, и что ихъ право на землю, формально признанное въ XIII вѣкѣ, впослѣдствіи лишь обветшало и впало какъ бы въ забвеніе. Поэтому онъ остановился на мысли Шрёттера, съ нѣкоторыми измѣненіями. Іюня 27-го, 1808 года, вышелъ высочайшій указъ слѣдующаго содержанія.

Доселѣ крестьяне, водворенные въ казенныхъ имѣніяхъ Литвы и обѣихъ Пруссій, не имѣли права собственности на свои земли. Казна, какъ вотчинница, могла распоряжаться участками и, по своему усмотрѣнію, измѣнять лежавшія на нихъ повинности. Въ случаѣ сдачи двора, крестьянинъ могъ требовать вознагражденія только за сдѣланныя имъ улучшенія и за движимость, заведенную имъ сверхъ законнаго инвентаря *); занимать деньги подъ залогъ участка запрещалось. Эта необезпеченность права на землю и это стѣсненіе въ средствахъ къ пріобрѣтенію оборотнаго капитала не вознаграждались льготами и разными преимуществами, которыми пользовались крестьяне; напротивъ, мысль о готовой помощи со стороны казны усыпляла заботливость хозяевъ о самихъ себѣ и пріучала ихъ пробиваться на чужой счетъ.

Нынѣ крестьяне какъ издѣльные, такъ и оброчные (Hochzinser, Zinsbauer, Schaarwerksfreie, Schaarwerksbauern), которымъ декларацією 25 го Марта 1790 года предоставлены были ихъ участки въ потомственное пользованіе, получаютъ ихъ въ полную собственность, съ правомъ залога, отчужде-

*) Подъ инвентаремъ разумѣлось опредѣленное количество сѣмянъ, орудій и рогатаго скота; все, что̀ пріобрѣталъ крестьянинъ сверхъ положенія, оставалось при участкѣ, но отплачивалось ему при его удаленіи.

нія и неограниченнаго ими распоряженія, на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Право собственности уступается даромъ; но крестьяне, получившіе это право, должны нести, наравнѣ съ другими вотчинниками, всѣ государственныя и общественныя повинности. 2—4) Льготы, пособія: отпускомъ, безденежнымъ или по низкой оцѣнкѣ, топлива и строеваго лѣса, пользованіе пастбищемъ въ казенныхъ рощахъ и другія бенефиціи должны прекратиться; но, въ видѣ особенной милости, оставляются еще на два года тѣмъ крестьянамъ, которые добровольно примутъ всѣ предлагаемыя имъ условія. Тамъ, гдѣ это окажется необходимымъ, срокъ пользованія пастбищемъ въ рощахъ можетъ даже быть продолженъ на ограниченномъ пространствѣ. 5) Рабочій инвентарь поступаетъ также въ собственность хозяевъ, по прежней оцѣнкѣ, и они обязываются выплачивать ежегодно, съ капитальной его стоимости, по 5%, сверхъ поземельнаго оброка. 6 и 7) Хозяйственныя повинности въ пользу казны остаются въ прежнемъ размѣрѣ, но барщина и другія частныя, натуральныя повинности перекладываются на деньги. 8 и 9) Изъ общей суммы выведеннаго денежнаго оброка 1/4 остается на участкѣ какъ неподлежащій выкупу поземельный налогъ (Contribution, Grundsteuer). Этотъ налогъ переводится на рожь, по средней торговой цѣнѣ, на мѣстныхъ пристаняхъ, за истекшее 30-ти лѣтіе, и полученное такимъ образомъ количество ржи вносится не зерномъ, а деньгами, по выведенной оцѣнкѣ имѣющей возобновляться черезъ каждыя 30 лѣтъ *). Отъ остальныхъ 3/4 оброка крестьяне могутъ во всякое время откупаться взносомъ въ казну соотвѣтственнаго капитала, исчисленнаго изъ 5%. Крайній срокъ уплаты полагается двадцати-четырехлѣтній. Вносящіе весь капиталъ въ первый годъ получаютъ

*) Напримѣръ, сумма всѣхъ повинностей, лежащихъ на участкѣ, оцѣнена въ 32 рубл. ежегоднаго оброка. Изъ этой суммы 1/4, или 8 рубл. сер., не подлежатъ выкупу. На ближайшей пристани средняя цѣна ржи съ 1778 по 1808 годъ была 4 рубл. за четверть, слѣдовательно 8 рубл. равняются двумъ четвертямъ. Хозяинъ обязывается вносить ежегодно за 2 четверти по 8 рубл. въ теченіе будущаго 30-лѣтія, т. е. съ 1808 по 1838 г. Въ продолженіи этого времени, средняя цѣна ржи поднимается на 50 коп. за четверть; слѣдовательно 2 четверти = 9 рубл. чѣмъ и опредѣляется ежегодный взносъ на тридцатилѣтіе съ 1838 по 1868 годъ

уступку 15%, вносящіе во второй годъ—14% и такъ далѣе до 1818 года. Проценты, наростающіе на вносимыя по частямъ суммы, зачитаются въ оброкъ. 12, 13, 14) На этихъ основаніяхъ, имѣетъ быть составленъ по каждому крестьянскому участку особый разсчетъ, и хозяинъ обяжется объявить въ теченіе 6 недѣль: принимаетъ ли онъ предлагаемыя ему условія или нѣтъ? Въ первомъ случаѣ онъ немедленно получаетъ отъ мѣстнаго начальства письменное свидѣтельство о пріобрѣтенномъ имъ правѣ собственности; во второмъ — участокъ со всѣми къ нему принадлежностями поступаетъ въ продажу съ торговъ, на тѣхъ же условіяхъ, и вырученная сумма, за вычетомъ расходовъ, идетъ въ пользу сведеннаго хозяина. 18) При продажѣ выморочнаго или опустѣлаго во время войны участка, предоставляются особыя преимущества осѣдлымъ хозяевамъ того же селенія. 19) Въ заключеніе обѣщано было распространить со временемъ дѣйствіе этихъ правилъ на казенныхъ крестьянъ, пользовавшихся участками пожизненно или срочно.

Въ особой инструкціи, данной палатамъ государственныхъ имуществъ и военныхъ дѣлъ 22-го Августа 1808 г., опредѣлены были подробности и способы исполненія прописаннаго указа.

Весьма можетъ быть, что многимъ изъ Русскихъ читателей, невполнѣ оторвавшимся отъ нашихъ народныхъ представленій о крестьянинѣ, объ отношеніи его къ землѣ, о его потребностяхъ и нуждахъ, покажется страннымъ, какимъ образомъ уступка отвлеченнаго права собственности, почти ничего не прибавлявшаго къ праву обезпеченнаго и потомственнаго владѣнія (которымъ казенные крестьяне уже пользовались), притомъ уступка, сопряженная съ отнятіемъ у нихъ существенныхъ хозяйственныхъ выгодъ и съ принудительнымъ выкупомъ повинностей, могла быть объявлена какъ высочайшая милость? Но здѣсь мы должны напомнить сказанное въ первой главѣ о различіяхъ поземельныхъ отношеній въ Россіи и въ Германіи. У насъ земля состоитъ въ общественномъ, мірскомъ владѣніи, и работникъ, нуждающійся въ землѣ, получаетъ *безплатно* надѣлъ, соразмѣрный съ его средствами; въ Германіи крестьянинъ не иначе могъ

сдѣлаться самостоятельнымъ хозяиномъ и получить въ свое распоряженіе участокъ земли, какъ заплативъ за него тяжелый, денежный взносъ—Einkauf, независимо отъ ежегоднаго оброка или барщины. При нашемъ мірскомъ владѣніи землею, пріобрѣтеніе права личной на нее собственности, права дробить ее, продавать и закладывать, не составляетъ потребности для крестьянина и, можно сказать, рѣдко приходитъ ему на умъ; тамъ, напротивъ, по характеру развившихся въ Германіи юридическихъ и хозяйственныхъ отношеній земледѣльцевъ къ землѣ, личное, полное на нее право, отрѣшенное отъ всякаго посторонняго вліянія или вмѣшательства, составляло цѣль горячихъ желаній каждаго зажиточнаго хозяина. Дѣлаясь вотчинникомъ, онъ, вопервыхъ, освобождался самъ и освобождалъ своихъ наслѣдниковъ отъ единовременныхъ вкуповъ при вступленіи во владѣніе, вовторыхъ, онъ пріобрѣталъ всю движимость, считавшуюся неотъемлемою принадлежностью участка, и наконецъ—возможность занимать деньги подъ залогъ своей земли, чтó также было очень важно для пахатныхъ крестьянъ, которые, какъ мы замѣтили въ первой главѣ, ближе походили на мелкихъ фермеровъ, чѣмъ на нашихъ тяглецовъ. По свидѣтельству всѣхъ Прусскихъ экономистовъ, законъ 1808 года увѣнчался полнымъ успѣхомъ: 47 тысячъ семействъ воспользовались предоставленнымъ имъ правомъ и пріобрѣли въ собственность 195 квадратныхъ миль, оцѣненныхъ въ 17 милліоновъ талеровъ.

Штейну не было суждено повести далѣе организацію сельскаго сословія. Надъ нимъ разразился неожиданный ударъ. Секретное письмо, писанное имъ къ князю Витгенштейну, было перехвачено, по распоряженію маршала Сульта, и появилось цѣликомъ въ Journal de l'Empire, а потомъ и въ Берлинскихъ Вѣдомостяхъ. Въ немъ говорилось о надеждахъ, возбужденныхъ Испанскимъ возстаніемъ, и о необходимости, посредствомъ секретныхъ сношеній, поддерживать въ Вестфаліи народное ожесточеніе противъ Французовъ. Обстоятельства, предшествовавшія перехваченію этого письма и сопровождавшія его, почти несомнѣнно указывали на предательство, исподоволь подготовленное домашними врагами; но кто именно были зачинщики? — осталось тай-

ною. Французское правительство немедленно воспользовалось важнымъ орудіемъ, неожиданно попавшимъ въ его руки. Самъ Наполеонъ, съ безпокойствомъ слѣдившій за движеніемъ умовъ въ Германіи, не терялъ изъ виду Штейна и не могъ простить его дальновидности человѣку, который первый выразилъ мысль о подъемѣ угнетенныхъ народностей противъ военнаго деспотизма Франціи. Въ приказѣ, напечатанномъ въ Монитерѣ по случаю взятія штурмомъ Бургоса, было напечатано слѣдующее: „Можно бы пожелать, чтобы тѣ, которые, подобно г. Штейну, за недостаткомъ регулярныхъ войскъ, нами сокрушенныхъ, задумываютъ поднять народныя массы, могли увидѣть сами, какія бѣдствія онѣ ведутъ за собою и какъ онѣ безсильны противъ правильно-устроенной арміи". Понятно и извинительно, что Французское правительство клеймило Штейна прозвищемъ врага общественнаго порядка и злаго революціонера; но, къ стыду высшаго Берлинскаго общества, должно сказать, что эти обвиненія были ревностно подхвачены и пущены въ ходъ домашними противниками министра, уже сходившаго съ политическаго поприща.

Какъ ни больно было думать Штейну, что съ его паденіемъ сокрушалась, повидимому, цѣлая система законодательства, только что имъ намѣченная; однако онъ не переставалъ до послѣднихъ минутъ ободрять своихъ друзей, упрашивать ихъ не покидать службы, не требовать невозможнаго при тогдашнихъ обстоятельствахъ и не бросать великихъ начинаній, отъ которыхъ онъ долженъ былъ по необходимости преждевременно отнять свою крѣпкую руку. Ноября 24-го 1808 года, получивъ отставку, наканунѣ своего выѣзда изъ Кёнигсберга, онъ разослалъ всѣмъ своимъ сослуживцамъ и друзьямъ достопамятное циркулярное письмо, или политическое свое завѣщаніе, какъ справедливо называетъ его біографъ, этотъ памятникъ, въ которомъ вся Германія долго признавала вѣрнѣйшее выраженіе своихъ лучшихъ надеждъ.

Вотъ, между прочимъ, что̀ мы въ немъ читаемъ по предмету устройства отношеній землевладѣльцевъ къ поселянамъ. „Я взялъ на свою долю внутреннее управленіе. Нужно бы-

ло примирить домашнюю вражду въ самомъ народѣ, положить конецъ губящей насъ борьбѣ сословій, предоставить каждой личности законную свободу развитія всѣхъ ея силъ и этимъ поднять въ народѣ любовь къ государю и отечеству до полной готовности пожертвовать за нихъ имуществомъ и жизнью.... Многое уже сдѣлано. Послѣднее проявленіе рабства, крѣпостное право, упразднено, и воля свободныхъ гражданъ признана краеугольнымъ камнемъ, на которомъ держится престолъ. Даровано неограниченное право пріобрѣтенію недвижимой собственности. Народу предоставлена возможность собственными средствами добывать свой хлѣбъ.... Немного шаговъ остается сдѣлать, и я беру смѣлость указать на нихъ. 1) Администрація должна исходить единственно отъ верховной власти. Какъ скоро право опредѣлять и ограничивать дѣйствія согражданъ передается и покупается вмѣстѣ съ клочкомъ земли, верховная власть теряетъ свое достоинство, а въ оскорбленномъ подданномъ слабѣетъ привязанность къ государю. Одинъ король да будетъ государемъ, на сколько это слово выражаетъ понятіе о лицѣ, облеченномъ правительственною властью; и правомъ, ему принадлежащимъ, да пользуется только тотъ, кому онъ передастъ его. 2) Судьи пусть зависятъ исключительно отъ верховной власти. Когда эта власть ставитъ кого-либо изъ своихъ подданныхъ въ необходимость искать защиты у такого судьи, который зависитъ отъ противной стороны, она сама подрываетъ вѣру въ правду. Первый шагъ къ упраздненію патрімоніальныхъ юридикцій уже сдѣланъ. 3) Хотя крѣпостное право отмѣнено, но въ нѣкоторыхъ краяхъ существуютъ еще уставы о батракахъ и слугахъ, стѣсняющіе личную свободу. Изъ донесеній бывшихъ въ Шлезіи коммисаровъ видно также, что сдѣланы были попытки возстановить крѣпостное право въ формѣ новыхъ уставовъ такого же рода. Съ этой стороны неминуемо будетъ поведено сильное нападеніе на первый изъ коренныхъ государственныхъ законовъ, на нашъ актъ habeas-corpus. По моему мнѣнію, нужно заботиться не о сочиненіи новыхъ положеній относительно содержанія батраковъ и крестьянъ, а объ отмѣнѣ всѣхъ доселѣ еще дѣйствующихъ.... 4) Нужно принять мѣры для

упраздненія барщины. Обязательныя работы, когда онѣ основаны не на добровольномъ соглашеніи, влекутъ за собою, съ одной стороны, личную зависимость, съ другой—произвольное обращеніе; а это развращаетъ народъ. Достаточно будетъ на первое время, если правительство *поощритъ упраздненіе барщины* и предоставитъ какъ сторонѣ, несущей эту повинность, такъ и той, которая ею пользуется, *право требовать* переложенія ея на деньги. Народъ скоро на столько подвинется впередъ, что не преминетъ воспользоваться этимъ открытымъ для него способомъ избавиться отъ тягостной обязанности".

Предсказывая друзьямъ своимъ скорую реакцію, Штейнъ не ошибался. Партія, завлекшая Пруссію въ безвыходную политику и утѣшавшаяся надеждою купить постыдный покой безусловною уступчивостью въ дѣлахъ внѣшнихъ и систематическимъ поддержаніемъ застоя внутри государства, вывела, какъ представителя своего, бездарнаго Альтенштейна, котораго на сей разъ поддерживалъ Гарденбергъ, знавшій напередъ, что онъ не удержится. Характеръ этой партіи заключенъ весь въ выразительномъ словѣ—Junkerthum, по нашему: барство. Она неспособна была предъявить новую политическую идею, ни даже систематически проводить старую; въ ней олицетворялась не идея, а старческая болѣзнь исхудавшаго рыцарства: умственная лѣнь въ союзѣ съ мелкою, ничѣмъ неоправданною спѣсью.

По мѣрѣ того, какъ верховная королевская власть усиливалась въ теченіе всего XVIII вѣка, древнее феодальное дворянство, мало-по-малу, теряло свое политическое значеніе и свои политическія права; ландтаги, или провинціальныя собранія земскихъ чиновъ, собирались по прежнему, но сфера ихъ занятій стѣснялась; самые важные вопросы рѣшались помимо ихъ въ королевскомъ совѣтѣ; государственное и областное управленіе сосредоточивалось въ новоучрежденныхъ инстанціяхъ и переходило въ руки коронныхъ чиновниковъ. Кругъ дѣятельности помѣстнаго дворянства, проживавшаго внѣ городовъ, вдали отъ общественныхъ центровъ, постепенно съуживался; понятія его, неоживляемыя постояннымъ притокомъ свѣжихъ идей, подвергались процессу умственной

кристаллизаціи и передавались изъ рода въ родъ, по преданію, какъ нѣчто непреложное, неприкосновенное, но въ тоже время мертвое. Постепенная утрата политическаго смысла и способности живаго пониманія современной исторіи шла рука объ руку съ ослабленіемъ воли и паденіемъ энергіи. Измѣнившаяся обстановка не допускала развитія тѣхъ цѣльныхъ, необузданныхъ, но преисполненныхъ силы характеровъ, которыми было такъ богато средневѣковое рыцарство; для нихъ не оставалось ни мѣста, ни дѣла, потому что нравы, занятія, образъ жизни—все измѣнилось. Но если рѣдко человѣкъ сознаётъ постепенное ослабленіе своихъ способностей, то еще труднѣе цѣлому сословію понять свое паденіе и покориться его неизбѣжнымъ послѣдствіямъ. Почти всегда неисцѣльное ослѣпленіе бываетъ однимъ изъ признаковъ одряхленія; право и сила вымираютъ, а ничѣмъ уже неоправданныя притязанія долго ихъ переживаютъ; гордость превращается въ спѣсь. Такъ и Прусское помѣстное дворянство находилось въ полномъ самообольщеніи. Оно слѣпо вѣрило въ свое величіе, почитало себя краеугольнымъ камнемъ государства, спѣсиво смотрѣло на другія сословія и въ постепенномъ ихъ возвышеніи видѣло какое-то преступное нарушеніе закона, предустановленнаго природою. Партія, несмѣвшая громко роптать, пока раздавался твердый голосъ Штейна и поднявшая голову послѣ его удаленія, была послѣднимъ и необходимымъ выраженіемъ этихъ понятій. Но ея антагонизмъ былъ безплоденъ; она отрицала движеніе во имя косненія; и потому можно было ожидать отъ нея только препятствій, интригъ, козней, а не живыхъ начинаній и прочныхъ созданій. Эта чисто отрицательная роль ея не замедлила обнаружиться при вторичномъ вступленіи въ министерство Гарденберга, которому было предназначено принять на свои руки и повести далѣе начатыя Штейномъ преобразованія.

III.

Законодательная дѣятельность князя Гарденберга. Устройство поземельныхъ отношеній между землевладѣльцами и крестьянами: регулированіе и сепарація.

Князь Гарденбергъ, уроженецъ Ганноверскій, по окончаніи университетскаго курса въ Геттингенѣ и Лейпцигѣ, началъ, подобно Штейну, свое служебное поприще въ имперскихъ судебныхъ инстанціяхъ, объѣхалъ Францію, Англію и Голландію и, наконецъ, поселился въ Пруссіи, привлеченный личностью Фридриха II, властвовавшаго надъ всею Германіею. Его происхожденіе (родъ Гарденберговъ принадлежалъ къ древнѣйшему имперскому дворянству), его богатство, обворожительность его обращенія и блистательныя его способности скоро открыли ему дорогу на дипломатическомъ поприщѣ, для котораго, казалось, онъ былъ рожденъ. Политическія убѣжденія его во многомъ совпадали съ убѣжденіями Штейна. Какъ Нѣмецъ, дорожившій достоинствомъ своей родины, какъ практическій дѣятель, понимавшій, что политическая организація народа должна имѣть свой корень въ его исторической жизни, Гарденбергъ стоялъ на сторонѣ противниковъ Французской революціи, вліяніе которой разносилось по всей Европѣ; но въ тоже время онъ сознавалъ, что средневѣковыя общественныя учрежденія, разбитыя революціею во Франціи, не могли противопоставить ей надежнаго оплота въ Германіи и что ей предстояло предупредить у себя крутой переворотъ — введеніемъ въ законодательство новыхъ началъ, которыхъ потребность издавна ощущалась, хотя Нѣмецкія правительства упорно ее отвергали. Уравненіе всѣхъ состояній передъ закономъ, равномѣрное участіе всѣхъ гражданъ въ государственныхъ тягостяхъ, упраздненіе крѣпостной зависимости и господства одного сословія надъ другимъ, освобожденіе труда и отмѣна законовъ, стѣснявшихъ свободное распоряженіе недвижимою собственностью — казались ему существенными условіями возстановленія производительныхъ силъ государства и единственнымъ, надежнымъ залогомъ его

преуспѣянія въ будущемъ. Штейнъ и Гарденбергъ могли бы подписать одну программу законодательныхъ мѣръ, которыхъ требовала Пруссія того времени; но ихъ согласіе не простиралось далѣе этой черты. Конечныя цѣли ихъ были различны. Гарденбергъ смотрѣлъ на общественное преобразованіе Пруссіи какъ на средство умножить силы, которыми располагало правительство; Штейнъ дорожилъ имъ какъ существеннымъ условіемъ всякаго человѣческаго развитія. Внѣ служебной сферы, трудно было найти двѣ болѣе противоположныя личности. Суровое прямодушіе Штейна, не допускавшее никакихъ сдѣлокъ съ ложью, его непреклонная настойчивость во всѣхъ предпріятіяхъ, легко раздражавшаяся, когда пошлая бездарность или своекорыстная злонамѣренность становилась ему поперекъ, безукоризненная чистота его домашней, семейной жизни, рѣдкое и оригинальное сочетаніе аристократическаго достоинства съ пуританскою строгостью — всѣ этѣ черты напоминали благороднѣйшіе типы Британскихъ государственныхъ людей. Совершенно инаго склада былъ Гарденбергъ. Дѣло, которому онъ служилъ, никогда не овладѣвало имъ безусловно; борьба съ препятствіями занимала его независимо отъ цѣли, какъ фехтованье, въ которомъ онъ не зналъ себѣ равнаго. Обладая необыкновенною гибкостью ума и изворотливостью воли, онъ никогда не забывался и рѣдко шелъ на проломъ; но онъ умѣлъ обходить своихъ противниковъ, привлекать къ себѣ людей нерѣшительныхъ своимъ обращеніемъ, и въ высшей степени дорожилъ этимъ даромъ; наконецъ, его эпикурейскія наклонности и нравственная его распущенность, не знавшая другой узды кромѣ свѣтскаго приличія обличали въ немъ сильное вліяніе Французской общественности XVIII вѣка. Штейнъ отдавалъ полную справедливость Гарденбергу, но не любилъ и мало уважалъ его какъ человѣка; онъ называлъ его довольно вѣрно: полулисою, полукозломъ (halb-Fuchs, halb-Bock). Гарденбергъ также не питалъ сочувствія къ Штейну. Они избѣгали другъ друга, зная хорошо, что имъ вмѣстѣ трудно было ужиться, и что ни одинъ изъ нихъ не захочетъ подчиниться другому; но къ счастью для Пруссіи, несовмѣстность этихъ двухъ дѣя-

телей не перешла въ политическую борьбу. Штейнъ не разъ рекомендовалъ королю Гарденберга и содѣйствовалъ его назначенію; а Гарденбергъ, передъ вторичнымъ своимъ вступленіемъ въ министерство, выпросилъ у Штейна тайнаго совѣщанія, чтобы принять отъ него совѣты.

Первыя дѣйствія новаго министра ясно обнаружили передъ всѣми твердое его намѣреніе продолжать внутреннія преобразованія, начатыя Штейномъ и прерванныя по его удаленіи отъ дѣлъ, въ промежутокъ времени отъ 1809 до 1810 года, пока во главѣ управленія стоялъ безхарактерный Альтенштейнъ.

Эдиктомъ 27-го Октября 1810 г. объ устройствѣ государственныхъ финансовъ, упразднено было изъятіе привиллегированныхъ сословій, дворянства и духовенства, отъ платежа окладныхъ податей и объявлена была уравнительная раскладка поземельнаго сбора на всѣ безъ изъятія земли, въ томъ числѣ и казенныя.

Послѣдующими эдиктами, 28-го и 30-го Октября 1810 года, упразднено было исключительное право казны и нѣкоторыхъ вотчинниковъ строить и содержать мельницы (Mühlgerechtigkeit, Mühlregal), равно какъ и монополія, въ силу которой вотчинники принуждали мѣстныхъ обывателей молоть хлѣбъ на господскихъ мельницахъ и покупать питья въ господскихъ шинкахъ (Mühlen-Brand und Brandwein-Zwang). Единовременно были отмѣнены двѣ повинности, крайне обременительныя для жителей селъ: поставка натурою зерна, хлѣба и фуража на продовольствіе арміи и подводъ для разъѣздовъ чиновниковъ гражданскихъ и военныхъ, въ мирное время. При введеніи общей подати съ ремеслъ, дозволено было сельскимъ обывателямъ заниматься многими промыслами, въ прежнее время составлявшими исключительное и строго-оберегаемое отъ всякаго подрыва кормленіе городовъ *).

*) Напримѣръ, запрещено было въ селахъ водворяться столярамъ, шорникамъ, сапожникамъ, даже, въ иныхъ округахъ, ткачамъ; крестьянамъ не дозволялось заниматься этими промыслами даже для своей домашней потребы. Они были въ необходимости отправляться въ городъ, часто отдаленный, ради починки изломаннаго орудія или порванной сбруи.

8-го Ноября 1810 года вышелъ уставъ о рабочихъ и слугахъ (Gesinde-Ordnung) замѣчательный, какъ указаніе на понятія и нравы того времени. [1] Такихъ уставовъ, болѣе или менѣе проникнутыхъ духомъ презрѣнія и подозрительнаго недоброжелательства къ рабочему классу, существовало великое множество для разныхъ провинцій, округовъ, городовъ, и тому же предмету посвящена была особая глава въ Земскомъ Уложеніи. Естественно, что между мѣстными правилами, не отмѣненными Уложеніемъ, и общими постановленіями, въ немъ содержавшимися, происходили безпрестанныя столкновенія, что̀ и подало мысль пересмотрѣть и слить въ одинъ уставъ всѣ положенія о батракахъ и слугахъ. Штейнъ рѣшительно этому противился. Онъ предчувствовалъ, что хотя бы и удалось смягчить суровость старыхъ постановленій, но правительству все-таки пришлось бы утвердить надолго отношенія, еще сильно отзывавшіяся крѣпостнымъ правомъ. Въ этомъ онъ не ошибался. Изданный при Гарденбергѣ уставъ дѣйствительно отличался отъ прежнихъ гораздо большею заботливостью о рабочемъ сословіи — что̀ и бросилось въ глаза современникамъ — и несмотря на то, мы въ немъ находимъ слѣдующія статьи. § 77: „Если слуга дурнымъ поведеніемъ раздражитъ своего господина и послѣдній выругаетъ его или дастъ ему нѣсколько тычковъ (mit Scheltworten oder geringen Thätlichkeiten behandelt) [2]), то этого не считать законнымъ поводомъ къ жалобѣ. § 78: Равномѣрно, выраженія и поступки, между людьми другаго званія, принимаемыя за оскорбленія, когда относятся къ слугѣ, не могутъ служить доказательствомъ, что господинъ имѣлъ намѣреніе нанести ему обиду. § 79: Кромѣ тѣхъ случаевъ, когда жизнь или здоровье слуги подвергается опасности отъ истязаній, онъ не въ правѣ оказывать дѣломъ сопротивленія своему господину. § 80: Провинности слуги противъ господина наказываются тюрьмою и наря-

[1]) Подъ названіемъ Gesinde разумѣлись какъ городскіе или домашніе слуги въ тѣсномъ смыслѣ, такъ и сельскіе батраки.

[2]) По толкованію Фӧрстера, это переводилось на практикѣ слѣдующимъ образомъ: если барыня отдуетъ своего слугу по щекамъ, если баринъ хлеснетъ его арапникомъ, назоветъ собакою, и т. п.

домъ въ публичную работу, на основаніи уголовныхъ законовъ".

Тѣмъ же уставомъ, §§ 136, 142, дозволялось однако работнику, безъ предварительнаго оповѣщенія, оставить хозяина, у котораго онъ нанялся: когда суровое обращеніе послѣдняго подвергало опасности жизнь или здоровье перваго; когда поступки хозяина доходили до дикой и необыкновенной жестокости (ausschweifende und ungewöhnliche Härte); когда самъ хозяинъ или домашніе его налагали на слугу обязанности противныя законамъ или доброй нравственности; когда хозяинъ не выдавалъ ему харчевыхъ денегъ или отказывалъ ему въ необходимомъ продовольствіи; наконецъ, когда тяжелая болѣзнь мѣшала работнику продолжать свою службу.

Трудно бы теперь повѣрить, еслибъ мы не имѣли подъ рукою свидѣтельства современниковъ, что всѣ исчисленные законы возбудили негодованіе дворянства. По поводу уравнительной раскладки поземельнаго налога, помѣщики подняли тревогу, смутившую на время короля; для нихъ не столько чувствителенъ былъ денежный ущербъ, сколько рѣшительный ударъ, нанесенный средневѣковому понятію о безусловномъ превосходствѣ одного сословія надъ другимъ. Разсказываютъ, что какой-то землевладѣлецъ объявилъ, что онъ откажется отъ уплаты своихъ долговъ, если наложатъ хоть грошъ на его имѣніе, «ибо подать съ земли должны платить исключительно крестьяне». Другой, по выходѣ устава о батракахъ, проповѣдывалъ гласно, что онъ не признаётъ никакихъ обязательныхъ постановленій въ отношеніяхъ землевладѣльцевъ къ крестьянамъ и что первые могутъ обращаться съ послѣдними, какъ вздумаютъ. Третій, богатый и знатный помѣщикъ, написалъ самому Гарденбергу, что проводники идей, подъ вліяніемъ которыхъ составленъ законъ, давшій волю работникамъ оставлять своихъ хозяевъ (мы видѣли, какова была эта воля и въ какихъ предѣлахъ она была допущена), должны быть своего рода Катилины, замышляющіе зарѣзать короля и дворянъ. Онъ оканчивалъ такъ: «пора государю призвать благородное рыцарство на усмиреніе крестьянъ и мѣщанъ, грозящихъ ниспроверженіемъ государству". Надобно замѣтить,

что мѣщане и крестьяне вовсе и не думали трогаться, а бушевало одно дворянство, конечно, только на словахъ.

Всѣ эти возгласы раздавались въ высшемъ Берлинскомъ обществѣ и въ ближайшемъ окруженіи короля. При всей ихъ нелѣпости, они оглушали публику и могли бы, наконецъ, парализировать дѣйствія самаго правительства. Поэтому, Гарденбергъ рѣшился предупредить своихъ противниковъ, вызвавъ ихъ на открытое объясненіе. Онъ созвалъ въ Берлинѣ, для совѣщанія по разнымъ законодательнымъ вопросамъ, генеральную коммисію (въ родѣ нашихъ древнихъ земскихъ думъ) изъ представителей всѣхъ областей. Депутатовъ было около шестидесяти; между ними, дворяне составляли значительное большинство; нѣкоторые члены принадлежали къ среднему сословію; нѣкоторые даже были взяты изъ крестьянъ, чѣмъ особенно оскорблялись депутаты отъ высшихъ сословій. Ненависть послѣднихъ къ Гарденбергу тотчасъ же обнаружилась въ двухъ запискахъ, изъ которыхъ одна, мастерски составленная профессоромъ Адамомъ Мюллеромъ, въ мягкихъ формахъ и съ примѣсью ядовитой лести, выражала рѣшительное осужденіе направленія законодательства; а другая, поданная королю отъ лица нѣсколькихъ только помѣщиковъ, въ томъ же духѣ сосоставленная, но выходившая изъ предѣловъ всякаго приличія, обличала всю неисцѣльность сословнаго эгоизма и вмѣстѣ всю политическую несостоятельность партіи отсталаго рыцарства. Здѣсь, въ первый разъ, высказывалась мысль, что революціонное направленіе, данное правительству вѣтренниками и выскочками (это аттестація Штейна и Гарденберга) неминуемо поколеблетъ вѣрность дворянства и отниметъ у престола лучшую его опору; далѣе, съ точки зрѣнія ложнаго и притворнаго консерватизма, критиковалось все, что̀ было въ послѣднее время сдѣлано, и прославлялась благодѣтельность крѣпостнаго права, барщины, патримоніальной юридикціи, неотчуждаемости дворянскихъ вотчинъ, даже нераздѣльнаго пользованія угодьями, котораго невыгоды, задолго до Штейна, еще въ началѣ XVIII вѣка, были почти единогласно признаны. Случай казался благопріятнымъ, и требованія недовольной партіи возрасли до дер-

зости: она уже не ограничивалась испрошеніемъ пощады для уцѣлѣвшихъ остатковъ средневѣковыхъ учрежденій, а настойчиво домогалась возстановленія всей, только-что упраздненной старины.

При вѣрномъ политическомъ тактѣ, которымъ въ высокой степени обладалъ Гарденбергъ, злоба его противниковъ, конечно, не могла принудить его къ попятному шагу. Выдержавъ спокойно первый натискъ, онъ распустилъ собраніе и, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, созвалъ его вторично. Многіе изъ его друзей осуждали эту мѣру. «Къ чему»—говорили они—«добровольно и безъ крайней необходимости вызывать безпокойную оппозицію, пока, благодаря Бога, можно еще всѣ вопросы разрѣшать высочайшими повелѣніями, никого не спрашивая и никому не давая отчета? Опытъ уже доказалъ, что ни добросовѣстнаго содѣйствія, ни даже толковитой критики, по крайней мѣрѣ по вопросамъ занимающимъ теперь правительство, отъ дворянства ожидать нельзя; зачѣмъ же вторично къ нему обращаться?»—«А вотъ за чѣмъ»,—спокойно отвѣчалъ имъ Гарденбергъ: «во-первыхъ, оппозиція есть всегда и вездѣ, выражается ли она гласно и законно, или въ тихомолку и помимо законовъ; мало того, оппозиція должна быть, чтобъ не дремало правительство и не считало себя непогрѣшительнымъ; если оппозиція тупа, придирчива и оскорбительна—кого винить? Разсудите сами... Гражданскій смыслъ въ народѣ развивается подъ вліяніемъ государственныхъ учрежденій; навыкъ отдавать себѣ отчетъ въ своихъ требованіяхъ, умѣнье жертвовать ими въ пору и уваженіе къ чужому мнѣнію пріобрѣтаются не со дня на день. Правительству надлежало все это посѣять и воспитать, и только тогда оно могло бы ожидать вкусныхъ плодовъ, а до тѣхъ поръ—не мѣшаетъ отвѣдать и горькихъ. Вы говорите, что дворянство заявило свою злонамѣренность, пусть такъ. Но неужели вы думаете, что, предпринимая реформу такого устройства, въ которомъ все было придумано для упроченія первенства, выгодъ и покоя дворянства, мы не знали напередъ, что встрѣтимъ противодѣйстіе? Какое право и какой поводъ имѣлибъ мы ожидать, что цѣлое сословіе, не задумываясь, нало-

житъ само на себя руку и съ граціозною улыбкою уступитъ часть своихъ правъ, часть своихъ доходовъ и промѣняетъ соблазнительный покой на труды и риски? Гдѣжъ вы видѣли этому примѣры? Жалко бы было правительство, еслибъ оно не предусмотрѣло ожесточенной борьбы и не приготовилось къ ней! Вовторыхъ, вы говорите, что неспособность дворянства содѣйствовать правительству доказана первымъ опытомъ, а я такъ этого не признаю. Правда, огромное большинство было противъ насъ; но развѣ вы не чувствуете, что оппозиція, выбалтываясь, быстро изнемогаетъ? Мы имѣли за себя не болѣе 6 или 7 голосовъ; но на чьей сторонѣ были просвѣщеніе, дарованія, безукоризненность характеровъ, чистота побужденій? Вы думаете это бездѣлица? Эти 6 голосовъ черезъ годъ перетянутъ ихъ сотни на нашу сторону, и сила правды возьметъ свое! То самое, что̀ говорилось противъ насъ самоувѣренно и нагло въ прошломъ собраніи, завтра, если и повторится, то уже гораздо тише, скромнѣе и съ большею оглядкою. Къ чему же намъ зажимать уста нашимъ противникамъ, когда они сами скоро умолкнутъ? Мы подвигаемся впередъ, и общественное сознаніе склоняется на нашу сторону—я говорю вамъ это: умѣйте только испытывать знаменія времени и не смущаться. Наконецъ, вотъ вамъ мое послѣднее слово: еслибъ даже, кромѣ безплоднаго порицанія и замедляющаго противодѣйствія, ничего не должно было выдти изъ совѣщаній съ дворянствомъ, я все-таки не рѣшился бы обойтись безъ нихъ. Пусть заявитъ дворянство свою неспособность, и тогда мы будемъ оправданы; но я не хочу, чтобы потомство въ правѣ было сказать про меня: «онъ задумалъ коренное преобразованіе земскаго устройства, и, боясь свѣта Божьяго, онъ совершилъ все дѣло въ тишинѣ и мракѣ своей канцеляріи, въ дали отъ взоровъ публики, посредствомъ покорныхъ и безгласныхъ орудій. Рѣшая на многіе вѣка судьбу земли, правительство не призвало ея къ совѣту... Нѣтъ, господа, этого укора я не приму на свою голову и оберегу отъ него правительство...»

Гарденбергъ былъ правъ. Оппозиція дворянства, хотя и отвлекала его отъ дѣла, но не помѣшала ему достигнуть

своей цѣли, и годъ вторичнаго созыва депутатовъ остался навсегда памятнымъ въ исторіи Прусскаго законодательства изданіемъ трехъ капитальныхъ положеній: о выкупѣ всякаго рода повинностей въ казенныхъ имѣніяхъ (über die Ablösung der Domanialabgaben jeder Art), 16 Марта; о поощреніи земледѣлія (Edict zur Beförderung der Landcultur), 14-го Сентября; о регулированіи отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ (Edict, die Regulirung der gutsherrlichen und bäuerlichen Verhältnisse betreffend), 11-го Сентября. Первое изъ сихъ положеній есть приступъ къ сложной операціи, примѣненной позднѣе къ частнымъ имѣніямъ и продолжающейся до нашихъ временъ. Какъ заключительная мѣра, которою увѣнчались всѣ дѣйствія правительства по вопросу объ устройствѣ земледѣльческаго сословія, выкупъ повинностей потребуетъ особаго разсмотрѣнія, и мы посвятимъ ему послѣднюю главу настоящаго изслѣдованія.

Эдиктъ о поощреніи земледѣлія имѣетъ видъ довольно безсвязнаго сборника разнообразныхъ постановленій, болѣе или менѣе относящихся къ сельской промышленности *). Въ немъ подтверждается, какъ бы въ отвѣтъ на вызванныя преобразованіями Штейна нареканія, свободное распоряженіе недвижимою собственностью; дозволяется всѣмъ полнымъ собственникамъ неограниченное дробленіе цѣлыхъ имѣній и отдѣльныхъ участковъ (крестьянскихъ дворовъ), равно какъ и отчужденіе ихъ по частямъ. Отмѣняя законы, которыми оберегалась цѣльность дворянскихъ вотчинъ и крестьянскихъ участковъ, правительство имѣло въ виду троякую цѣль: дать способъ землевладѣльцамъ избавиться отъ долговъ и расплатиться съ своими кредиторами, облегчить раздѣлы между наслѣдниками, поощрить такъ называемыхъ мелкихъ людей (Kleine Leute), т. е. огородниковъ, бобылей, къ пріобрѣтенію недвижимой собственности и заведенію прочнаго хозяйства. При дробленіи имѣнія или участка, государственныя подати раскладывались пропорціонально на части. Постановленія, которыми требовалось постоянное замѣщеніе крестьянскихъ дворовъ, были отмѣ-

*) Въ составленіи его принималъ дѣятельное участіе Тэеръ.

нены. При водвореніи помѣщиками въ ихъ имѣніяхъ на особыхъ участкахъ рабочихъ семействъ (Dienst-Familien-Etablissements), принято было за правило, чтобъ условія, которыми батраки обязывались расплачиваться работою за отданную имъ землю, заключались не болѣе, какъ на 12 лѣтъ, дабы не увѣковѣчивалась барщина; сдача таковыхъ же участковъ изъ денежнаго или хлѣбнаго оброка допускалась на вѣчныя времена.

Третье изъ упомянутыхъ выше положеній—эдиктъ о регулированіи — составляетъ, можно сказать, центральный пунктъ всего законодательства по вопросу о крѣпостномъ правѣ; предшествовавшія мѣры служили къ нему приготовленіемъ, а послѣдующія изъ него вытекли.

Мы видили выше, что эдиктомъ 9 Октября 1807 года крѣпостные крестьяне пріобрѣли личную свободу, сохранивъ при этомъ право пользованія землею, изстари носившею названіе крестьянской. Личныя повинности, истекавшія изъ крѣпостной зависимости, были упразднены; но всѣ повинности поземельныя, которыми дворяне пользовались въ качествѣ вотчинниковъ (какъ-то, барщина обыкновенная и чрезвычайная, денежный оброкъ, десятина и т. п.), оставались въ полной силѣ и ни въ чемъ измѣнены не были. Такой порядокъ вещей, какъ временное, переходное состояніе, никого не удовлетворялъ. Правительству стоило большихъ трудовъ убѣдить крестьянъ, что, несмотря на упраздненіе ихъ личной зависимости отъ помѣщиковъ, послѣдніе въ правѣ по прежнему располагать ихъ рабочими силами и изнурять ихъ; народный смыслъ не понималъ отвлеченной свободы безъ ощутительнаго улучшенія въ матеріальныхъ условіяхъ жизни; а землевладѣльцы, стѣсненные въ своемъ произволѣ, не находили достаточныхъ средствъ къ понужденію крестьянъ; нарядъ въ обязательныя работы и взысканіе повинностей встрѣчали съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе затрудненій, раздражали поселянъ и подавали поводъ къ безконечнымъ процессамъ. Такъ, вслѣдствіе упраздненія крѣпостной зависимости, возникалъ самъ собою другой, болѣе сложный и щекотливый вопросъ—объ устройствѣ хозяйственныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщи-

камъ. Въ строгомъ смыслѣ, это былъ не другой вопросъ, а другая сторона того же вопроса; ибо вся система хозяйственныхъ повинностей, существовавшая въ Пруссіи, представляла собою примѣненіе къ сельской промышленности общихъ началъ крѣпостнаго права и носила на себѣ печать принудительности. Чтобы провести въ жизнь провозглашенное начало личной гражданской свободы, надлежало установить на правилахъ справедливой взаимности, регулировать (мы удерживаемъ техническій терминъ, принятый въ Прусскомъ законодательствѣ) хозяйственныя отношенія крестьянъ, владѣвшихъ землею, къ помѣщикамъ, которымъ она принадлежала на правѣ собственности.

Составленный съ этою цѣлью законъ 14 Сентября 1811 года вышелъ, какъ мы видѣли, не изъ мирнаго совѣщанія, а изъ ожесточенной борьбы, и встрѣтилъ не добросовѣстную критику, а безплодное порицаніе; онъ былъ задуманъ превосходно, но въ тоже время онъ былъ далеко не полонъ, недостаточно соображенъ въ подробностяхъ, мѣстами сбивчиво изложенъ и вообще носилъ на себѣ явные слѣды излишней поспѣшности. При первыхъ же его примѣненіяхъ обнаружились эти недостатки. Министерства внутреннихъ дѣлъ и юстиціи были въ буквальномъ смыслѣ закиданы множествомъ запросовъ, возраженій, жалобъ и ходатайствъ объ измѣненіяхъ разнаго рода, притомъ въ то самое время, когда судьба Пруссіи и всей Германіи рѣшалась на поляхъ сраженій и на дипломатическихъ конгрессахъ. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ регулированіе подвигалось медленно и безуспѣшно. По водвореніи мира, правительство опять обратило свое вниманіе на внутреннія дѣла и созвало депутатовъ изъ всѣхъ областей для совѣщанія объ исправленіи закона 1811 года. Нѣкоторые депутаты требовали отмѣны его, другіе предложили существенныя измѣненія, благопріятныя для помѣщиковъ и весьма невыгодныя для крестьянъ. Пора тяжелыхъ испытаній была благополучно пережита; въ чрезвычайныхъ пожертвованіяхъ, въ содѣйствіи народныхъ силъ, правительство, повидимому, болѣе не нуждалось; оно даже начинало поглядывать съ нѣкоторымъ безпокойствомъ на могучаго союзника, вызваннаго

имъ въ годину опасности. Подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній, сдѣлано было помѣщикамъ много уступокъ противъ самыхъ важныхъ статей закона, и онѣ были внесены въ формѣ дополненій и поясненій въ высочайшую декларацію, изданную 23 Мая 1816 г. (Declaration des Edicts vom 14 September 1811 wegen Regulirung). На другой годъ вышло положеніе объ организаціи инстанцій, учрежденныхъ для регулированія, и о порядкѣ дѣлопроизводства въ оныхъ (Verordnung wegen Organisation der General-Commissionen und der Revisions-Collegien, etc., vom 20 Juni 1817). Эти три положенія, 1811, 1816 и 1817 годовъ, со всѣми законами, рескриптами и циркулярами, служащими къ нимъ дополненіемъ, составляютъ одно цѣлое по единству основной мысли, и потому мы представимъ обозрѣніе ихъ содержанія, не отдѣляя одного отъ другаго и придерживаясь систематическаго порядка предметовъ, преимущественно передъ хронологическимъ порядкомъ обнародованія. Нужныя поясненія мы будемъ заимствовать изъ комментаріевъ и разнаго рода изслѣдованій, которыми постоянно сопровождалось въ Пруссіи движеніе законодательства.

Въ первыхъ же строкахъ эдикта 1811 года правительство заявляло, безъ всякой утайки, цѣль свою: сдѣлать крестьянъ собственниками земли и отмѣнить барщину, вознаградивъ вотчинниковъ за ихъ потери. Законъ не касался ни крестьянъ, имѣвшихъ уже право собственности на свои дворы, ни тѣхъ, которые владѣли ими потомственно изъ оброчной платы (Erbzinsgüter), ни арендаторовъ, которыхъ права на землю вытекали изъ частныхъ договоровъ съ вотчинниками (Erbpacht-Recht) Подлежали регулированію собственно крестьянскіе участки или тяглые дворы въ имѣніяхъ казенныхъ, частныхъ, городскихъ и общественныхъ. Здѣсь, прежде всего, слѣдовало опредѣлить отличительные признаки крестьянскаго участка. По чрезвычайному разнообразію дворовъ, въ отношеніи ихъ объема, способа хозяйничанья, давности ихъ существованія, состоянія и личныхъ правъ хозяевъ на землю, эта задача представляла большія трудности. Законъ 1811 года разрѣшалъ ее въ самомъ широкомъ, слѣдственно, въ самомъ благопріятномъ смы-

слѣ для крестьянъ; онъ допускалъ къ регулированію всѣхъ хозяевъ, каковъ бы ни былъ объемъ ихъ участка и какое бы они ни носили провинціальное названіе (Ganz-Halb-Bauern, Einhüfner, Kossäthen, etc.). Собственно въ Шлезіи, даже огородниковъ, занесенныхъ въ кадастръ, предписывалось оставить навсегда при 3 или 4 моргенахъ земли. Впослѣдствіи, деклараціею 1816 года, постановлено было: допускать къ регулированію только тѣ участки, которые 1) по объему своему требовали содержанія рабочаго скота, или несли конную барщину и обезпечивали прокормленіе хозяевъ съ ихъ семьями, безъ пособія постороннихъ заработковъ, одними продуктами хлѣбопашества; 2) занесены были въ провинціальныхъ податныхъ спискахъ, по которымъ собиралась поземельная подать, подъ рубрикою пахатныхъ (bäuerliche Stellen въ тѣсномъ смыслѣ, или Ackernahrungen); 3) состояли во владѣніи у крестьянъ до того года, который считался нормальнымъ для каждой провинціи (1740—1774) и, наконецъ, 4) тѣ, которыхъ непремѣнное замѣщеніе хозяевами изъ сословія крестьянъ лежало на обязанности вотчинника въ эпоху изданія закона 1811 года. Чтобы причислить участокъ къ разряду подлежавшихъ регулированію, требовалась совокупность упомянутыхъ четырехъ условій. Особенное изъятіе, сдѣланное въ пользу Шлезскихъ огородниковъ, было отмѣнено деклараціею 1816 года, и въ этой провинціи, понятіе пахатнаго участка, по просьбѣ мѣстныхъ чиновъ, было опредѣлено еще тѣснѣе, чѣмъ въ другихъ областяхъ. Вообще всѣ хозяйства средней величины и мелкія, для которыхъ хлѣбопашество составляло только подспорье или не единственный промыселъ, дворы, въ которыхъ были водворены должностныя лица, состоявшія при господскихъ имѣніяхъ (оффиціанты, слуги, батраки), участки, образованные въ послѣднее время изъ господской земли или почему-либо занесенные въ кадастры, были вовсе отстранены, черезъ это значительная часть сельскаго народонаселенія на первое время не пріобрѣла права собственности, а впослѣдствіи утратила даже пользованіе землею и вовсе лишилась осѣдлости.

Тяглые или пахатные участки въ тѣсномъ смыслѣ, тѣ, которые подлежали регулированію, согласно древнему обы-

чаю, раздѣлены были на два разряда: состоящіе въ потомственномъ владѣніи хозяевъ (erbliche Besitzungen) и состоящіе во владѣніи временномъ, пожизненномъ, срочномъ или безсрочномъ, но не наслѣдственномъ (unerbliche). Существенная разница между ними заключалась въ томъ, что помѣщикъ не вправѣ былъ возвышать по своему усмотрѣнію повинности, лежавшія на участкахъ перваго разряда, владѣльцы же сихъ участковъ могли требовать пониженія повинностей въ случаѣ дознанной ихъ обременительности.

I. Объ участкахъ перваго разряда.

Принято было за правило, согласно съ общимъ обычаемъ, что стоимость повинностей, исправляемыхъ на помѣщика, не должна ни въ какомъ случаѣ превышать одной трети получаемаго хозяиномъ чистаго дохода; изъ этого выведено слѣдующее примѣненіе къ регулированію.

Крестьянинъ пріобрѣтаетъ право полной собственности на $^2/_3$ своего участка и освобождается отъ повинностей въ пользу вотчинника; остальная $^1/_3$ отходитъ къ послѣднему, въ полное его распоряженіе, какъ вознагражденіе за теряемое имъ право собственности на $^2/_3$ и за упраздняемыя повинности. Съ тѣмъ вмѣстѣ, слагается съ помѣщика обязанность оказывать крестьянину пособія, обстраивать его, снабжать скотомъ и орудіями, отвѣчать за него въ случаѣ несостоятельности передъ казною. Вмѣсто уступки земли въ натурѣ, допускаются еще слѣдующіе способы вознагражденія: 1) Ежегодный взносъ ренты (хлѣбной или денежной) въ количествѣ равномъ трети чистаго дохода со всего участка. 2) Единовременная уплата капитала соотвѣтственнаго стоимости этой трети. 3) Сочетаніе упомянутыхъ способовъ.

При выдѣлѣ $^1/_3$ земли въ натурѣ, принимается въ соображеніе не только количество, но и качество земли; недостатокъ въ количествѣ пополняется качествомъ, и наоборотъ. По общему правилу: вырѣзывается треть изъ пашни, выгона, луговъ, рощей, гдѣ крестьяне владѣютъ лѣсомъ, и обнесенныхъ изгородью мѣстъ, лежащихъ за дворами *);

---

*) Wörthen, Worden.

при чемъ, однакоже, вмѣняется въ обязанность исполнителямъ, по возможности, размежевывать помѣщиковъ съ крестьянами къ однимъ мѣстамъ, округлять участки, уничтожать совокупное пользованіе угодіями, какъ-то: выгономъ, паромъ, особенно же пастбищемъ въ рощахъ. Если выдѣляется помѣщику цѣлое поле или смежныя части изъ разныхъ полей, то крестьяне лишаются права пасти свой скотъ на всей уступленной помѣщику пашнѣ, а помѣщикъ на третьей части присвоенныхъ крестьянамъ въ собственность участковъ. Помѣщикъ можетъ уменьшить на $^1/_3$ пастбище въ своихъ рощахъ или количество пасущагося въ нихъ крестьянскаго скота. Въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ крестьяне пользуются безплатно топливомъ изъ помѣщичьяго лѣса, это право не можетъ быть у нихъ отнято безъ ихъ согласія; но помѣщикъ можетъ избавиться отъ обязанности пускать въ свой лѣсъ крестьянъ, отведя имъ навсегда особый лѣсной участокъ, или обязавшись выдавать имъ опредѣленное количество дровъ. Количество получаемаго топлива, мѣсто, время и порядокъ его добыванія имѣютъ быть опредѣлены въ точности.

Крестьянскій дворъ (разумѣя подъ этимъ усадебную землю, всѣ строенія и огородъ) не подлежитъ раздѣлу между помѣщикомъ и крестьяниномъ, а въ цѣлости поступаетъ въ собственность хозяина. Для облегченія регулированія и удобнѣйшаго размежеванія, дозволяется переносить крестьянскія строенія на новыя, подъ усадьбы отводимыя мѣста; но въ таковыхъ случаяхъ, всѣ издержки по переселенію относятся на счетъ помѣщика и, сверхъ того, онъ обязанъ выдать переселяемымъ хозяевамъ приличное вознагражденіе. Въ случаѣ спора, когда выгоды помѣщика противоположны выгодамъ крестьянъ, первыя уступаютъ послѣднимъ. Рабочій инвентарь, если принадлежитъ помѣщику, возвращается ему въ натурѣ или, по желанію помѣщика, выкупается крестьяниномъ по учиненной оцѣнкѣ. Помѣщикъ получаетъ также натурою или деньгами столько навоза и сѣмянъ, сколько нужно для засѣва прирѣзанной ему отъ крестьянъ пашни.

Чтобы не разстроивать помѣщичьяго хозяйства единовременнымъ упраздненіемъ барщины и облегчить переходъ къ хозяйству вольнонаемному, дозволяется помѣщику выгово-

рить себѣ, какъ вознагражденіе за уступку усадьбы и выдачу топлива, вспомогательную, безплатную работу въ страдное время посѣва и жнитва, въ количествѣ 10-ти трехконныхъ дней, и 10-ти пѣшихъ мужскихъ съ каждаго участка, исправлявшаго конную барщину, и 10-ти мужскихъ и такого-жъ числа женскихъ дней пѣшихъ съ участка, исправлявшаго барщину безъ упряжи [1]. Хозяева, до начала регулированія вовсе уволенные отъ барщины, не подлежатъ этой вспомогательной повинности; ибо принято за правило отнюдь нигдѣ не вводить вновь и не увеличивать барщины. Помѣщикъ не въ правѣ требовать отъ хозяина отработки болѣе двухъ дней въ одну недѣлю и при томъ не къ ряду, за исключеніемъ лишь случаевъ, требующихъ сосредоточенія значительной массы силъ на какое-нибудь спѣшное дѣло, напр. на починку зданія, рыбную ловлю и пр. Сверхъ упомянутой безплатной барщины, дозволяется помѣщикамъ, въ имѣніяхъ, гдѣ это будетъ признано совершенно необходимымъ, выговорить въ свою пользу еще нѣсколько пѣшихъ дней, срокомъ не болѣе какъ на 12 лѣтъ и за опредѣленную плату [2]. Послѣдняя повинность допускается, по желанію помѣщиковъ, и въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ усадьбы еще до начала регулированія пріобрѣтены крестьянами въ собственность и гдѣ они не получаютъ топлива.

Сверхъ того, всѣ безъ различія крестьяне обязываются перевести безплатно на своихъ подводахъ строевые матеріалы, потребные на новыя хозяйственныя сооруженія, какія окажутся для помѣщика необходимыми вслѣдствіе произведеннаго регулированія. Крестьяне, получающіе топливо, обязаны еще исправлять безплатно разныя работы на содержаніе лѣсовъ въ порядкѣ. Исчисленныя натуральныя повинности могутъ быть выкуплены крестьянами не прежде, какъ по истеченіи 12 лѣтъ, а помѣщикъ можетъ требовать выкупа ихъ во всякое время, на основаніи особо-изданныхъ правилъ.

---

[1]) Изъ этого видно, что въ Пруссіи усадьба, вмѣстѣ съ правомъ на полученіе топлива, оплачивались отработкою 20-ти дней въ году.

[2]) Цѣнность рабочаго дня опредѣлялась зерномъ, а выплачивалась деньгами по таксѣ, утвержденной на 10 лѣтъ впередъ.

Вмѣстѣ съ выдѣломъ $^1/_3$ земли въ натурѣ, всѣ государственныя поземельныя подати (Real-Abgaben), какъ взимавшіяся съ крестьянъ (Contribution, Grund-Steuer), такъ и лежавшія на помѣщикѣ (Dominial-Steuer), складываются въ одну массу и потомъ разлагаются между ними соразмѣрно съ количествомъ поступающей во владѣніе тѣхъ и другихъ земли; общественныя же повинности (Communal-Lasten) какъ-то: на содержаніе дорогъ, мостовъ, канавъ, на постройку и ремонтъ кузницъ, колодцевъ, на наемъ пастуховъ и разныхъ должностныхъ лицъ, на содержаніе и провозъ арестантовъ, на пожарный инструментъ и т. д., остаются на крестьянахъ въ прежнемъ количествѣ.

Когда вмѣсто земли назначается помѣщику вознагражденіе постоянною рентою, если заинтересованныя стороны не согласятся между собою въ опредѣленіи неизмѣннаго ея количества деньгами или хлѣбомъ, то выводится чистый средній доходъ, получаемый крестьяниномъ съ одного изъ трехъ полей (средняго по качеству грунта) или треть дохода со всего участка. Этотъ доходъ исчисляется зерномъ и переводится на деньги по средней цѣнѣ на хлѣбъ, существовавшей на ближайшей пристани за послѣднее десятилѣтіе. Выведенная цѣна принимается за норму на 10 лѣтъ впередъ, и по ней исчисляется денежная рента. Черезъ каждое десятилѣтіе возобновляется этотъ разсчетъ. Подати и повинности исключаются изъ валоваго дохода, для вывода чистой прибыли, и потому остаются безъ раздѣла на крестьянскомъ участкѣ, который не измѣняется въ своемъ составѣ. Прочія постановленія: о выдачѣ топлива, вспомогательной барщинѣ, объ инвентарѣ, примѣняются и къ этому способу вознагражденія. Въ случаѣ неисправности хозяина въ платежѣ хлѣбной или денежной ренты, помѣщикъ можетъ понудить его къ отработкѣ недоимки, зачитывая ему дни по установленной таксѣ.

Поелику въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, составляющихъ изъятіе изъ общихъ условій, уступка $^1/_3$ земли или назначеніе соотвѣтственной ренты могло бы быть сопряжено съ чувствительнымъ ущербомъ для помѣщика или для крестьянина: то, въ видахъ предупрежденія всякой несправедливости,

дозволяется первому требовать возвышенія, а второму пониженія нормы вознагражденія. Въ такомъ случаѣ, назначаются посредники для рѣшенія предварительнаго вопроса (Vorfrage): есть ли достаточный поводъ къ отступленію отъ общаго правила? По полученіи утвердительнаго отвѣта, производится на мѣстѣ спеціальное изслѣдованіе для опредѣленія, посредствомъ оцѣнки и сравненія обоюдныхъ выгодъ, на сколько нормальное вознагражденіе превышаетъ стоимость упраздняемыхъ повинностей или не покрываетъ ее. Только въ случаѣ производства такого рода спеціальнаго изслѣдованія, кладется въ цѣну пріобрѣтаемое крестьяниномъ право собственности, а именно въ 5%, которые причисляются къ чистому доходу съ участка. Спеціальное изслѣдованіе производится независимо отъ регулированія, и по окончаніи того и другаго, сторона, понесшая дознанный ущербъ, вознаграждается на счетъ противной стороны дополнительною денежною рентою.

Выборъ способа вознагражденія предоставляется обоюдному соглашенію; въ случаѣ разногласія, помѣщикъ можетъ требовать вознагражденія хлѣбною рентою; если онъ потребуетъ земли, а крестьяне откажутся отъ уступки оной, то споръ между ними рѣшаетъ исполнительная коммисія и назначаетъ удобнѣйшій по мѣстнымъ обстоятельствамъ способъ, руководствуясь при этомъ слѣдующими правилами. Выдѣлъ $^1/_3$ земли натурою предпочитается всѣмъ другимъ способамъ, когда участокъ заключаетъ въ себѣ болѣе 50 моргеновъ земли средняго достоинства (12 десятинъ безъ малаго); если участокъ такъ малъ, что, по выдѣлѣ $^1/_3$, хозяинъ не могъ бы содержать на немъ пары воловъ, назначается вознагражденіе рентою; вообще, помѣщику, противъ воли его, не можетъ быть присуждено вознагражденіе ни землею, ни неизмѣннымъ денежнымъ оброкомъ, ни капиталомъ. Безусловно-обязательною для обѣихъ сторонъ формою регулированія остается хлѣбная рента съ переводною таксою на деньги, возобновляемою черезъ каждое десятилѣтіе.

II. Объ участкахъ втораго разряда.

Здѣсь вознагражденіе помѣщику производится выдѣломъ изъ участка цѣлой половины; другую пріобрѣтаетъ крестьянинъ въ собственность и освобождается отъ повинностей въ пользу вотчинника. Если крестьянинъ откажется отъ пріобрѣтенія собственности на этихъ условіяхъ, или если помѣщикъ представитъ къ его удаленію законныя причины, то дозволяется помѣщику передать участокъ другому крестьянину, не взыскивая съ него вкупнаго взноса (Kaufgeld). За исключеніемъ этихъ случаевъ хозяинъ вступаетъ въ права собственника или сдаетъ отъ себя участокъ одному изъ своихъ сыновей. Регулированіе производится выдѣломъ половины земли натурою, назначеніемъ постоянной ренты, или сочетаніемъ обоихъ этихъ способовъ. Выборъ вознагражденія предоставляется обоюдному соглашенію; но если оно не состоится, то помѣщикъ имѣетъ рѣшительный голосъ, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что изъ участковъ малаго объема не допускается выдѣла земли. Когда примѣняется первый способъ, помѣщикъ, по своему усмотрѣнію, дѣлитъ всю землю, какъ господскую, такъ и крестьянскіе участки, на двѣ половины и мечетъ жеребій съ уполномоченнымъ отъ крестьянъ. Половина, доставшаяся крестьянамъ, дѣлится на три поля, и въ каждомъ вырѣзывается столько участковъ, сколько въ каждомъ обществѣ состоитъ въ наличности крестьянъ-хозяевъ втораго разряда. Распредѣленіе между ними участковъ дѣлается также по жеребью. Какъ помѣщикъ, такъ и крестьяне лишаются права пасти свою скотину на чужой половинѣ. Впрочемъ, не воспрещается производить раздѣлъ и другимъ порядкомъ, смотря по мѣстнымъ удобствамъ, и особенно въ видахъ упраздненія совокупнаго пользованія угодіями. Всѣ прочія правила, изложенныя въ статьѣ объ участкахъ перваго разряда, примѣняются и ко второму разряду, съ слѣдующими только отъ нихъ отступленіями: крестьяне, не пользующіеся правомъ потомственнаго владѣнія, обязываются отработывать безплатно оставленное въ пользу помѣщика число дней, хо-

тя бы и не получали отъ него топлива; помѣщикъ можетъ требовать вознагражденія свыше нормальнаго, а отъ крестьянъ не принимается просьбъ о пониженіи нормы. Право собственности, пріобрѣтаемое крестьянами, цѣнится не въ 5, а въ 7% съ чистаго дохода.

III. О срокахъ для производства регулированія и приведенія его въ исполненіе.

Положеніемъ 1811 года данъ былъ помѣщикамъ и крестьянамъ двухлѣтній срокъ, со дня обнародованія его, для полюбовныхъ соглашеній, не стѣсняясь изданными правилами. По истеченіи этого срока правительство предоставляло себѣ приступить къ обязательному регулированію, на вышеизложенныхъ основаніяхъ, не ожидая на то вызова отъ заинтересованныхъ сторонъ; но въ декларацін 1816 года объявлено было, что правительство отлагаетъ на неопредѣленное время обязательное и повсемѣстное регулированіе, а будетъ приступать къ нему немедленно въ тѣхъ имѣніяхъ, изъ которыхъ поступятъ о томъ просьбы отъ помѣщика или хотя бы отъ одного изъ мѣстныхъ крестьянъ. Къ этому прибавлено, что, и по начатіи казеннаго регулированія, заинтересованныя стороны не лишаются права прекращать формальное дѣлопроизводство полюбовною сдѣлкою, представивъ ее на разсмотрѣніе и утвержденіе установленной на то инстанціи. Опредѣленіе срока, въ который утвержденная сдѣлка или составленное правительствомъ положеніе имѣетъ быть приведено въ исполненіе, предоставляется также обоюдному соглашенію, чтобы дать время крестьянамъ и особенно помѣщику приготовиться и устроить свое хозяйство сообразно съ новымъ порядкомъ вещей. Въ случаѣ спора, назначается отъ правительства срокъ не далѣе годоваго, считая со дня, въ который по обычаю нанимались и сходили съ мѣстъ сельскіе батраки. До окончательнаго введенія въ дѣйствіе утвержденнаго постановленія (Recess) о регулированіи, всѣ обоюдныя обязательства крестьянъ и помѣщиковъ, истекающія изъ прежнихъ ихъ отношеній, остаются въ полной силѣ, и всякое самовольное уклоненіе отъ

ихъ исполненія подвергаетъ виновнаго всей строгости законовъ. Это предостереженіе повторено нѣсколько разъ въ высочайшихъ повелѣніяхъ и министерскихъ циркулярахъ.

IV. О послѣдствіяхъ оконченнаго регулированія.

Каждая сторона пріобрѣтаетъ полное право собственности и распоряженія доставшеюся ей землею. Какъ помѣщикъ, такъ и крестьянинъ, можетъ продать ее въ цѣломъ составѣ и по частямъ, раздѣлить, отказать по завѣщанію и т. п., лишь бы этимъ не нарушались права и интересы другихъ лицъ, напримѣръ, кредиторовъ въ имѣніяхъ заложенныхъ, однородцевъ въ фидеи - коммиссахъ и т. д. При раздѣлѣ или отчужденіи по частямъ крестьянскаго участка, государственныя подати и рента разлагаются на части по количеству и качеству состоящей въ нихъ земли. Крестьянскій участокъ, пріобрѣтенный въ собственность, не можетъ быть обремененъ долгомъ свыше $^1/_4$ его стоимости по оцѣнкѣ, произведенной при регулированіи. Изъятія, однакоже, допускаются съ разрѣшенія правительства въ пользу участковъ особенно-цѣнныхъ, напримѣръ, подгородныхъ или такихъ, на которыхъ устроены фабрики или другія доходныя статьи. Это правило, введенное для предупрежденія со стороны крестьянъ рискованныхъ операцій, существовало до 1832 года, и тогда разрѣшено было, вопервыхъ, закладывать крестьянскіе участки во всю капитальную ихъ стоимость, вовторыхъ, продавать заложенные участки, съ тѣмъ, чтобы $^1/_4$ вырученной суммы при продажѣ съ публичнаго торга и $^1/_2$ при вольной продажѣ употреблялась на погашеніе старшей претензіи, занесенной въ гипотечную книгу. По всѣмъ займамъ, учиненнымъ крестьяниномъ, онъ отвѣчаетъ одинъ. Хлѣбные долги, состоящіе на немъ, взыскиваются въ пользу помѣщика съ разсрочкою на пять лѣтъ.

Помѣщикъ освобождается отъ обязанности помогать крестьянамъ ссудами, оказывать имъ льготы, заботиться о замѣщеніи участковъ; съ него слагается всякая отвѣственность за исправность крестьянскаго хозяйства и за уплату лежащихъ на немъ податей. Разрѣшается помѣщикамъ пріобрѣтать въ собственность крестьянскіе участки покупкою

или инымъ законнымъ образомъ, въ цѣломъ составѣ и по частямъ. Относительно упраздненія участковъ, въ законѣ 1811 года было постановлено, что помѣщикъ можетъ невозбранно присоединить къ господской землѣ крестьянскій участокъ выморочный или опустѣвшій во время войны и до 1809 года, если нѣтъ въ виду лица, имѣющаго право занять его, и если на публичный вызовъ объ отдачѣ его съ торговъ не явится желающаго и способнаго снять его съ текучими платежами и старыми недоимками. Затѣмъ, въ пользу помѣщиковъ декларація 1816 года отмѣнила вызовы и торги, распространивъ право упраздненія на всѣ дворы, опустѣвшіе въ прошлое время и впредь имѣющіе оставаться безъ хозяевъ. Присоединяя землю отъ упраздненнаго участка къ своей землѣ, вотчинникъ принимаетъ на себя и уплату всѣхъ лежащихъ на первой податей и повинностей. Право охоты остается исключительною принадлежностью помѣщика. Юридикція и полицейская власть его удерживается безъ всякихъ измѣненій.

V. Объ особенныхъ льготахъ, предоставленныхъ помѣщикамъ для облегчен я регулирован я.

Легко было предвидѣть, что дѣло, предпринятое правительствомъ, встрѣтитъ препятствія: со стороны арендаторовъ, располагавшихъ рабочими силами крестьянъ, на основаніи заключенныхъ съ вотчинниками контрактовъ, со стороны кредиторовъ, которыхъ ссуды были обезпечены имѣніями и, наконецъ, агнатовъ, анвартеровъ и другихъ лицъ въ имѣніяхъ, состоявшихъ въ пожизненномъ или срочномъ владѣніи и составлявшихъ неотчуждаемую собственность цѣлаго рода. Совмѣстность правъ нѣсколькихъ лицъ на одно и тоже имѣніе ставила, по окончаніи регулированія, самого помѣщика въ затруднительное положеніе, особливо когда онъ получалъ вознагражденіе отводомъ земли въ натурѣ: ибо по законамъ нельзя было ни продать, ни заложить этой земли для пріобрѣтенія оборотнаго капитала. Чтобъ устранить по возможности сіи затрудненія, правительство издало разновременно слѣдующія правила.

Кредиторы и однородцы не допускаются къ непосредственному участію въ производствѣ регулированія; охраненіе ихъ правъ возлагается на инстанціи, отъ которыхъ зависитъ опредѣленіе или утвержденіе условій регулированія.

Пріобрѣтаемая помѣщикомъ земля или рента есть вознагражденіе за его потери, и оно вступаетъ на мѣсто уступленнаго въ тѣже отношенія къ лицамъ, имѣющимъ законныя притязанія на фидеи-коммиссы. Поэтому они въ правѣ требовать, чтобы вознагражденіе (землею или рентою) было употреблено на выкупъ старшаго долга или на улучшеніе имѣнія.

Состояніе имѣнія въ арендномъ владѣніи не можетъ препятствовать регулированію, и арендаторъ не въ правѣ домогаться вознагражденія свыше того, которымъ довольствуется вотчинникъ; но послѣдній обязанъ предоставить первому въ продолженіе всего контрактнаго срока свободное распоряженіе полученнымъ отъ крестьянъ инвентаремъ или капиталомъ, внесеннымъ для его выкупа; сверхъ того, новыя постройки и перестройка старыхъ зданій, если въ нихъ окажется существенная необходимость, производятся на счетъ вотчинника; наконецъ, арендатору предоставляется право отказаться отъ дальнѣйшаго содержанія имѣнія, разсчитавшись съ вотчинникомъ за все прошлое время, если присужденное вознагражденіе покажется ему недостаточнымъ.

По окончаніи регулированія, дозволяется помѣщикамъ, для пріобрѣтенія денежныхъ средствъ на постройку новыхъ зданій, на покупку орудій, рабочаго скота, на наемъ батраковъ, на переселеніе крестьянъ (гдѣ оно допущено) и вообще на покрытіе расходовъ, происходящихъ отъ упраздненія барщины и отъ производства самаго регулированія, дѣлать особые займы подъ залогъ полученныхъ въ вознагражденіе земель; при чемъ кредиторамъ, въ случаѣ взысканія долга посредствомъ продажи сихъ земель, предоставляется право старшинства въ удовлетвореніи ихъ претензій изъ вырученной суммы передъ старшими кредиторами, которыхъ ссуды обезпечены имѣніемъ въ полномъ его со-

ставѣ (prioritätische Verpfändung)*). Впослѣдствіи это право было еще расширено дозволеніемъ дѣлать займы подъ залогъ не только новопріобрѣтенныхъ участковъ, но и капитальной стоимости кореннаго имѣнія (т. е. господской земли, die Substanz des Hauptgutes), на сумму равную половинѣ стоимости земли, полученной въ вознагражденіе, притомъ даже въ имѣніяхъ уже заложенныхъ въ земскихъ банкахъ (bei der Landschaft), и не испрашивая согласія анвартеровъ и однородцевъ по фидеи-коммиссамъ.

Дозволяется помѣщику на покрытіе вышеупомянутыхъ расходовъ продать часть земли, выдѣленной ему изъ крестьянскаго владѣнія, или употребить на это часть капитала, выданнаго ему въ замѣнъ земли и на выкупъ рабочаго инвентаря, также не испрашивая согласія ни кредиторовъ, ни другихъ лицъ, имѣющихъ притязанія на имѣніе.

Впрочемъ, ни тѣмъ ни другимъ правомъ помѣщикъ воспользоваться не можетъ безъ разрѣшенія правительства, которое установленнымъ порядкомъ удостовѣряется въ дѣйствительной необходимости предполагаемыхъ расходовъ, опредѣляетъ, до какой именно суммы они могутъ быть допущены, и повѣряетъ помѣщика въ употребленіи денежныхъ капиталовъ, этими способами пріобрѣтенныхъ. Агнатамъ и анвартерамъ дозволяется участвовать въ этой повѣркѣ. Сверхъ того, если правительство удостовѣрится, что

---

*) Для большей ясности приведемъ примѣръ. Положимъ, что въ имѣніи числится 25 т. десятинъ; изъ нихъ 15 т. состоятъ въ непосредственномъ распоряженіи помѣщика, а 10 т. во владѣніи крестьянъ. Все имѣніе обременено долгомъ по разнымъ займамъ на сумму 70 т. рубл. и заложено кредиторамъ А, В, С. Производится регулированіе. Изъ 10 т. десятинъ крестьянской земли, 5 т. отходятъ въ собственность крестьянъ, а 5 т. получаетъ отъ нихъ помѣщикъ въ видѣ вознагражденія. Этотъ новопріобрѣтенный имъ участокъ онъ закладываетъ, въ силу предоставленнаго ему права, въ 30 т. рубл., и претензія новаго кредитора Д вносится впереди старшихъ, А, В, С, *собственно по этому участку*. Помѣщикъ дѣлается несостоятельнымъ; имѣніе продается съ публичнаго торга; за выдѣленныя изъ крестьянскаго владѣнія 5 т. десятинъ выручается 38 т. рубл. Изъ оныхъ 30 т. съ процентами поступаютъ на удовлетвореніе послѣдняго кредитора Д, а 8 т. присоединяются къ выручкѣ отъ продажи остальнаго имѣнія на удовлетвореніе кредиторовъ А, В, С, по старшинству.

отъ допущенныхъ имъ расходовъ получится только временная польза, ничего не прибавляющая къ цѣнности имѣнія, то помѣщикъ, владѣющій леннымъ имѣніемъ или фидеикоммиссомъ, обязывается возвратить израсходованный имъ капиталъ, выплачивая изъ него ежегодно не менѣе $^{1}/_{15}$.

VI. Объ инстанціяхъ, учрежденныхъ для регулированія, и о порядкѣ дѣлопроизводства.

Для производства регулированія учреждаются центральныя или генеральныя коммисіи въ числѣ шести; позднѣе ихъ было девять, а потомъ одна. Въ каждой засѣдаетъ генеральный коммисаръ, въ должности предсѣдателя, оберъкоммисаръ, спеціально свѣдущій по части сельскаго хозяйства, и юристъ для судебной части. Въ распоряженіи центральныхъ коммисій состоятъ особые коммисары съ ихъ помощниками; а за недостаткомъ ихъ, коммисіи располагаютъ экономическими коммисарами, учрежденными въ каждомъ уѣздѣ для межеванія и сепарацій. Всѣ коммисары, до опредѣленія ихъ въ должность, обязаны выдержать испытаніе.

Для разсмотрѣнія и рѣшенія дѣлъ по аппелляціямъ на постановленія центральныхъ коммисій, учреждаются высшія надъ ними инстанціи въ числѣ пяти, потомъ семи — подъ названіемъ ревизіонныхъ коллегій. Каждая изъ нихъ составляется изъ членовъ, отряжаемыхъ изъ высшихъ областныхъ мѣстъ судебныхъ и правительственныхъ (оберъландгерихта и областнаго правленія).

Центральныя коммисіи подвѣдомы министру внутреннихъ дѣлъ, который назначаетъ предсѣдателей и членовъ. Ревизіонныя коллегіи подчиняются ему же, но совокупно съ министромъ юстиціи, и каждый изъ нихъ отряжаетъ въ коллегіи членовъ изъ инстанцій своего вѣдомства.

Всѣ изслѣдованія и распоряженія на мѣстахъ, въ имѣніяхъ, производятся посредствомъ спеціальныхъ или исполнительныхъ коммисій, наряжаемыхъ центральною. Онѣ состоятъ изъ коммисара и его помощника; въ нужныхъ случаяхъ къ нимъ присоединяются чиновники судеб-

наго вѣдомства, землемѣры, эксперты, оцѣнщики. Въ тѣхъ случаяхъ, когда назначаются посредники, помѣщикъ и крестьяне выбираютъ по одному, а третьяго—центральная коммисія.

Обязанности спеціальныхъ коммисій: 1) изслѣдовать фактическое положеніе имѣнія и юридическія отношенія заинтересованныхъ въ регулированіи лицъ, собрать всевозможныя статистическія данныя и справки, нужныя для производства регулированія, изучить мѣстность, отобрать отзывы отъ кого нужно; 2) употребить всѣ мѣры для приведенія заинтересованныхъ сторонъ къ полюбовному соглашенію, подготовить къ рѣшенію спорные между ними пункты; 3) составить проэктъ регулированія и представить на утвержденіе центральной коммисіи; наконецъ, 4) привести его въ исполненіе посредствомъ выдѣла земель, размежеванія, раскладки податей и повинностей.

Центральныя коммисіи наставляютъ спеціальныхъ коммисаровъ и направляютъ ихъ дѣйствія; въ нужныхъ случаяхъ истолковываютъ законы о регулированіи и примѣняютъ ихъ къ обстоятельствамъ, въ нихъ не предусмотрѣннымъ, руководствуясь аналогіею; рѣшаютъ всѣ вопросы и споры, какъ юридическіе, подлежащіе вѣдѣнію судебныхъ мѣстъ (о правахъ владѣнія, о законности предъявляемыхъ притязаній), такъ и административные (о свойствѣ участковъ, о способахъ вознагражденія, о допущеніи вспомогательной барщины, о присужденіи вознагражденія въ размѣрѣ свыше или ниже нормальнаго); разсматриваютъ поступающіе къ нимъ проэкты; утверждаютъ постановленія о регулированіи и сепараціи (Auseinandersetzungs-Recessen); назначаютъ сроки и дѣлаютъ распоряженія объ исполненіи; оберегаютъ интересы казны и лицъ, не участвующихъ непосредственно въ регулированіи; даютъ разрѣшенія на залогъ и продажу земель, равно какъ на расходованіе капиталовъ, присуждаемыхъ помѣщикамъ въ вознагражденіе; повѣряютъ правильность ихъ употребленія; опредѣляютъ вознагражденія въ случаѣ экспропріаціи постороннихъ лицъ, владѣющихъ участками посреди имѣній, но по состоянію своему не подлежащихъ дѣйствію обязательнаго регули-

рованія; въ случаяхъ затруднительныхъ, члены центральныхъ коммисій и самъ председатель обязаны отправляться на мѣста. Дѣла въ центральныхъ коммисіяхъ обсуживаются коллегіально и рѣшаются по большинству голосовъ, но въ рѣшеніи вопросовъ судебныхъ не участвуютъ засѣдатели по части экономической.

На постановленія и распоряженія центральныхъ коммисій (въ случаяхъ довольно ограниченныхъ) могутъ быть подаваемы аппелляціи въ ревизіонныя коллегіи и жалобы на имя министра внутреннихъ дѣлъ. Коллегіи отмѣняютъ только тѣ постановленія коммисій, которыми нарушается законъ; а сдѣланныя ими ошибки и упущенія исправляютъ присужденіемъ дополнительныхъ денежныхъ вознагражденій въ пользу обиженныхъ, не касаясь условій утвержденныхъ рецессовъ. Постановленія коллегій приводятся въ исполненіе черезъ центральныя коммисіи. Дѣла въ коллегіяхъ рѣшаются по большинству голосовъ.

Все дѣлопроизводство по дѣламъ регулированія изъемлется отъ платежа гербовыхъ и канцелярскихъ пошлинъ. Прочіе расходы на мѣстахъ по каждому имѣнію дѣлятся поровну между помѣщикомъ и крестьянами; но отводъ помѣщенія для коммисаровъ возлагается на помѣщика.

Впослѣдствіи, въ учрежденіи инстанцій и въ порядкѣ дѣлопроизводства сдѣланы были слѣдующія перемѣны.

По вопросамъ судебнымъ, когда предметъ спора стоилъ не менѣе 200 талеровъ, допущена была аппелляція на рѣшенія ревизіонныхъ коллегій въ третью инстанцію—верховный трибуналъ, чтобъ оградить вполнѣ интересы тяжущихся и установить единство судебной практики въ примѣненіи законовъ.

Введенъ былъ строгій порядокъ экзаменовъ и предварительныхъ испытаній, для удостовѣренія въ способностяхъ и спеціальныхъ познаніяхъ претендовавшихъ на мѣста оберъ-коммисаровъ и коммисаровъ по экономической части.

Учрежденіе посредниковъ и третейскихъ судей (Schieds-Richter), которыхъ первоначальное назначеніе было ничтожно, впослѣдствіи получило полнѣйшее развитіе и широкій кругъ дѣятельности. Въ 1834 году издано, вслѣдствіе хо-

датайства о томъ многихъ ландтаговъ, особое положеніе объ учрежденіи уѣздныхъ посредническихъ коммисій (Kreis-Vermittelungs-Behörden) для поощренія и облегченія полюбовныхъ сдѣлокъ. Каждая коммисія состоитъ изъ 2—6 осѣдлыхъ обывателей, избранныхъ уѣздными чинами и утвержденныхъ провинціальною инстанціею, вѣдающею регулированіе. Посредническая коммисія дѣйствуетъ подъ руководствомъ уѣзднаго ландрата (котораго голосъ даетъ перевѣсъ въ случаѣ равенства голосовъ) и генеральной коммисіи. Экономическіе коммисары и стряпчіе (Justiz-Comissarien) оказываютъ ей въ нужныхъ случаяхъ содѣйствіе. Всякій, желающій приступить къ регулированію или сепараціи, можетъ обратиться въ посредническую инстанцію; но это обращеніе необязательно, и противная сторона можетъ отвергнуть участіе посредниковъ. Когда между заинтересованными лицами возникаетъ по этому поводу разногласіе, то вопросъ рѣшается по большинству голосовъ. Обѣ стороны выбираютъ одного посредника, или каждая по одному, изъ членовъ коммисіи. Соглашенія, составленныя посредниками, идутъ на дальнѣйшее разсмотрѣніе и утвержденіе. Министръ внутреннихъ дѣлъ по временамъ устроиваетъ совѣщанія между членами разныхъ коммисій для достиженія возможнаго единства въ ихъ дѣйствіяхъ.

Члены коммисій дѣйствуютъ не только въ качествѣ посредниковъ путемъ соглашенія, но и въ качествѣ третейскихъ судей, постановляющихъ приговоры. Третейскіе судьи избираются сторонами, по одному, изъ числа членовъ уѣздныхъ коммисій, а уѣздный ландратъ присоединяется къ двумъ избраннымъ, въ случаѣ, если стороны не сойдутся въ выборѣ третьи (Obmann). Слѣдующіе предметы, въ случаѣ спора, непремѣнно, и въ силу закона подлежатъ рѣшенію третейскаго суда: опредѣленіе разряда, къ которому долженъ быть причисленъ новый пріобрѣтатель крестьянскаго участка; разнаго рода оцѣнки; предварительное рѣшеніе вопроса, есть ли основаніе къ увеличенію или пониженію нормы вознагражденія; наконецъ, всѣ тѣ случаи, гдѣ необходимо наглядное знакомство съ предметомъ. Приговоры третейскаго суда въ рѣдкихъ только случаяхъ подле-

жать аппелляціи или обжалованію, а именно—по дѣламъ, которыя могли бы возникнуть и помимо регулированія, и въ такомъ случаѣ подлежали бы вѣдѣнію общихъ судебныхъ инстанцій, по приговорамъ о способѣ и количествѣ вознагражденія, опредѣляемаго не денежною рентою и не капиталомъ. Инстанціи, производящія регулированіе, обращаются къ третейскому суду даже помимо сторонъ и полагаются безусловно на оцѣнки, имъ сдѣланныя, и на отвѣты, данные имъ на *предварительные* вопросы—напримѣръ, на вопросъ: въ правѣ ли одна сторона требовать отъ другой вознагражденія?—какъ предшествующій вопросу: въ чемъ должно состоять это вознагражденіе? Разница между приговорами третейскихъ судей и отзывами экспертовъ заключается въ томъ, что высшія инстанціи отнюдь не связываются послѣдними, тогда какъ онѣ основываются безусловно на первыхъ, не подвергая ихъ никакой дальнѣйшей повѣркѣ.

Пройденное нами положеніе о регулированіи издано было первоначально для провинцій, оставшихся за Пруссіею по Тильзитскому договору; потомъ оно было примѣнено къ прочимъ областямъ королевства, частью возвращеннымъ послѣ паденія Наполеона, частью вновь пріобрѣтеннымъ Пруссіею. При этомъ допущены были, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, довольно важныя отступленія отъ прежнихъ нормъ.

Въ Познани крѣпостное право было упразднено однимъ почеркомъ пера (конституціею, изданною Наполеономъ для учрежденнаго имъ Варшавскаго герцогства, 21 Декабря 1807 г.). Крестьянамъ дана была полная личная свобода, съ правомъ сходить съ мѣста, по оповѣщеніи помѣщика за годъ до оставленія его имѣнія; на томъ же условіи и помѣщики могли удалять крестьянъ. Съ пріобрѣтеніемъ личныхъ гражданскихъ правъ, поселяне утратили всякое право на землю, на дома свои и на рабочій инвентарь; повинностей ихъ законъ не коснулся, предоставивъ опредѣленіе взаимныхъ отношеній между земледѣльцами и вотчинниками свободнымъ сдѣлкамъ, ничѣмъ неограниченнымъ.

Прусское правительство (5 Мая 1815 года) утвердило этотъ порядокъ вещей безъ всякаго измѣненія; но вслѣдъ

за тѣмъ, при распространеніи на Познанское герцогство общаго Земскаго Уложенія, оно объявило патентомъ 9 Ноября 1816 г., что примѣненіе къ этому краю положенія о регулированіи составитъ предметъ особаго закона. Понятно, что такое предварительное оповѣщеніе объ угрожавшей помѣщикамъ опасности осталось не безъ послѣдствій. Не будучи стѣснены (какъ въ другихъ провинціяхъ) никакими законными ограниченіями въ распоряженіи крестьянскою землею, они тотчасъ же наложили на нее руку и усердно принялись сгонять крестьянъ съ лучшихъ участковъ для присоединенія ихъ къ своимъ полямъ *). И тогда испытали крестьяне во всей силѣ, что̀ значитъ личная свобода безъ обезпеченной осѣдлости. Къ ихъ счастью, правительство скоро узнало объ этой операціи и поспѣшило положить ей конецъ (6 Мая и 30 Декабря 1819 г.), примѣнивъ къ Познанскому герцогству статьи Уложенія, воспрещавшія помѣщикамъ произвольно сгонять крестьянъ и предоставивъ право мѣстному начальству, въ видѣ временной мѣры, уменьшать крестьянскія повинности въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ онѣ превышали ихъ силы. Итакъ, правительство вынуждено было допустить совершенно беззаконное вмѣшательство власти, чтобы съ ложнаго пути личнаго освобожденія безъ земли своротить на прежній путь и возстановить поколебленную осѣдлость поселянъ.

Четыре года спустя (8 Апрѣля 1823 г.), издано было, по предварительномъ отобраніи отзывовъ отъ мѣстнаго начальства и свѣдущихъ людей, составленное для Познанскаго герцогства, Кульмскаго и Михелавскаго уѣздовъ и для округа города Торсуня положеніе о регулированіи и сепараціи; а въ 1836 году 10 Іюля вышла къ нему пояснительная декларація, содержащая въ себѣ нѣсколько важныхъ уступокъ, сдѣланныхъ тамошнимъ помѣщикамъ. Отличительныя особенности этихъ законоположеній заключаются въ нижеслѣдующихъ:

1) Опредѣленіе участка, подлежащаго регулированію, гораздо шире и, слѣдовательно, благопріятнѣе для крестьянъ,

*) Въ 1824 году ревизіонная коммисія, при поверхностномъ обозрѣніи нашла 1161 праздный дворъ; впослѣдствіи, оказалось ихъ еще больше.

чѣмъ въ положеніяхъ 1811 и 1816 годовъ. Занесеніе въ провинціальный кадастръ вовсе не составляетъ необходимаго условія для включенія участка въ разрядъ подлежащихъ регулированію; но признается вполнѣ для этого достаточнымъ, если участокъ, хотя бы по одному только признаку, подходитъ подъ категорію крестьянскихъ, а по другому—подъ категорію пахатныхъ.

2) Между потомственными и срочными владѣльцами участковъ законъ не дѣлаетъ никакого различія, ибо обычное право Познанскаго герцогства его не знало.

3) Общей предустановленной нормы вознагражденія въ пользу помѣщиковъ не полагается; но количество и видъ вознагражденія опредѣляется особымъ розысканіемъ для каждаго участка. Крестьянскія повинности и обязанности, лежащія на помѣщикѣ *), оцѣниваются; вторыя выключаются изъ первыхъ, и выведенный остатокъ опредѣляетъ слѣдующее владѣльцу вознагражденіе. При этомъ право собственности на дворы уступается крестьянамъ даромъ. Вознагражденіе производится прирѣзкою земли отъ крестьянскаго участка, уступкою инвентаря и рентою. Количество отрѣзываемой земли ни въ какомъ случаѣ не должно превышать половины участка, и то, если, за выдѣломъ ея, объемъ хозяйства остается достаточнымъ для содержанія, по малой мѣрѣ, пары воловъ. Помѣщику дозволяется выговорить въ свою пользу гораздо больше рабочихъ дней, чѣмъ въ другихъ провинціяхъ, и на срокъ болѣе продолжительный—до 24-хъ лѣтъ. Крестьянамъ дозволяется оставить за собою на 10 лѣтъ право получать топливо отъ помѣщика и пасти скотину въ его рощахъ.

4) Помѣщики обязываются возстановить и отдать крестьянамъ всѣ участки, упраздненные или опустѣлые, начиная съ 1819 года.

5) Регулированіе начинается не иначе, какъ по вызову одной изъ заинтересованныхъ сторонъ; для начала обяза-

*) Напримѣръ: пособія разнаго рода, льготы, ремонтъ строеній и т. д. Все это вмѣстѣ ставилось иногда въ 30%, и рѣдко ниже 10% цѣнности всѣхъ крестьянскихъ повинностей.

тельнаго регулированія, по распоряженію правительства, срока не полагается.

6) Первоначально вмѣнялось въ непремѣнную обязанность помѣщикамъ и крестьянамъ обращаться сперва въ уѣздныя посредническія инстанціи, которыя должны были стараться, путемъ взаимнаго соглашенія, привести ихъ къ желанному результату, и въ тѣхъ только случаяхъ, когда это не удавалось, генеральныя коммисіи приступали къ регулированію на законномъ основаніи. Но посредническія коммисіи не принесли ожидаемой пользы, и потому впослѣдствіи (27 Августа 1831 года) разрѣшено было начинать дѣло, минуя ихъ, прямо съ коммисій.

7) Вмѣстѣ съ регулированіемъ непремѣнно производится и сепарація, или упраздненіе совокупнаго владѣнія и сервитутъ.

8) Расходы, сопряженные съ сими двуми операціями, раскладываются на помѣщика и крестьянъ не поровну, а слѣдующимъ образомъ: $1/3$ обращается исключительно на помѣщика, а $2/3$ разлагаются на помѣщика и на крестьянъ по количеству остающихся въ ихъ владѣніи земли.

9) По окончаніи регулированія, хозяева, хотя и получившіе на свои участки право полной собственности, подчиняются, пока несутъ барщину, нѣкоторымъ особеннымъ ограниченіямъ въ правѣ отчуждать свои земли и обременять ихъ долгами. Эти ограниченія допущены въ пользу помѣщиковъ, какъ дополнительныя гарантіи исправнаго отработыванія барщины.

Разсматривая сіи начала и сравнивая ихъ съ тѣми, которыя приняты были для другихъ провинцій, нельзя не признать, что отступленія отъ общихъ правилъ регулированія, допущенныя въ Познанскомъ герцогствѣ, были не произвольны, а основывались на вѣрномъ соображеніи потребностей тамошняго народонаселенія и его относительной неразвитости. Въ Познанскомъ герцогствѣ система натуральныхъ повинностей, барщина, была не только господствующею, но почти единственною формою вознагражденія за отведенную крестьянамъ землю; поэтому переходъ отъ хозяйства, основаннаго на обязательномъ трудѣ, къ

хозяйству вольнонаемному представлялъ гораздо больше затрудненій для землевладѣльцевъ, чѣмъ въ другихъ областяхъ королевства, и помѣщики имѣли основаніе требовать временнаго удержанія вспомогательной барщины въ большемъ количествѣ дней, чѣмъ въ Пруссіи, Помераніи и Шлезіи. Далѣе, по той же самой причинѣ, то-есть вслѣдствіе долговременнаго тяготѣнія барщинской системы и строгой опеки, неразлучно сопровождающей эту форму хозяйства, Познанскіе крестьяне, въ матеріальномъ и умственномъ отношеніи, стояли гораздо ниже крестьянъ другихъ провинцій. Большинство, по недостатку средствъ, навыка и оборотливости, было еще неспособно оцѣнить выгоды собственности и управиться съ нею; вслѣдствіе чего и правительство не рѣшилось назначить срокъ для обязательнаго регулированія, а предоставило крестьянамъ пользоваться открытымъ для всѣхъ исходомъ, по мѣрѣ того, какъ они сами будутъ ощущать потребность сдѣлаться самостоятельными хозяевами. Наконецъ, для ускоренія этой минуты, и чтобы не оставить въ безпомощности ту часть сельскаго народонаселенія, для которой собственность была бы преждевременнымъ даромъ, правительство разрѣшило крестьянамъ, не приступая къ регулированію, требовать точнѣйшаго опредѣленія ихъ повинностей и введенія урочнаго положенія (Verwandlung der ungemessenen Dienste in gemessene).

Опытъ вполнѣ оправдалъ эту благоразумную постепенность (какъ мы увидимъ впослѣдствіи, когда обратимся къ самому ходу регулированія) и доказалъ еще разъ, что, когда дѣло идетъ объ устройствѣ цѣлаго сословія, задача правительства состоитъ не въ томъ, чтобы навязать ему лучшее, а въ томъ, чтобы открыть ему широкій путь къ лучшему и дать ему средства собственнымъ трудомъ подвигаться впередъ, въ мѣру его силъ и потребностей.

Въ областяхъ, присоединенныхъ къ Пруссіи отъ бывшихъ королевствъ Вестфальскаго и Ганноверскаго, герцогства Бергскаго и Прирейнскихъ Французскихъ департаментовъ, крѣпостное право было отмѣнено законами, изданными въ промежутокъ времени отъ 1808 до 1813 годовъ. Тогда же упразднены были всѣ ленныя отношенія, помѣ-

стное владѣніе обращено въ вотчинное, крестьяне получили право полной собстенности на свои земли, а помѣщики сохранили опредѣленный съ нихъ доходъ; патримоніальная юридикція была уничтожена. Прусское правительство, въ свою очередь, отмѣнило законы, изданные во время владычества Франціи; но существенныя постановленія, въ нихъ содержавшіяся, нашли мѣсто въ новыхъ положеніяхъ, изданныхъ для упомянутыхъ областей 25 Сентября 1820 года, потомъ передѣланныхъ и изданныхъ вновь 21-го Апрѣля 1825 года.

Крѣпостное право, въ смыслѣ власти лица надъ лицомъ, было упразднено безъ всякаго вознагражденія для помѣщиковъ, со всѣми истекавшими изъ него правами и доходами. Сюда отнесены были всѣ личныя повинности, барщина неопредѣленная урочными положеніями, право тѣлесными наказаніями и денежными штрафами понуждать крестьянъ-хозяевъ къ исправленію повинностей. На лѣнивыхъ и уклонявшихся помѣщикъ долженъ былъ искать расправы судебнымъ порядкомъ; впрочемъ, изъятіе отъ тѣлесныхъ наказаній и штрафовъ не распространялось на батраковъ, которыхъ хозяева высылали за себя на господскую барщину. Отмѣнены были также: сборы съ вольныхъ людей, ремесленниковъ и промышленниковъ, проживавшихъ въ имѣніяхъ, привиллегіи на исключительное производство какихъ-либо промысловъ, повинности и службы, истекавшія изъ личнаго подчиненія помѣщику, какъ мѣстному господину, обладавшему судебно-полицейскою властью, право наряжать обывателей на охоту, право на вычетъ извѣстной доли изъ крестьянскаго наслѣдства.

Что касается до устройства поземельныхъ отношеній, то законы, изданные для западныхъ областей, были съ одной стороны тѣснѣе, съ другой—шире положеній 1811, 1816 и 1823 годовъ. Крестьяне, владѣвшіе участками пожизненно или на срокъ менѣе ста лѣтъ, не получили никакого права на землю. Правительство уравняло ихъ съ арендаторами, державшими участки по вольному найму, и не коснулось ни въ чемъ ихъ отношеній къ вотчинникамъ; за то, при регулированіи отношеній крестьянъ-потомствен-

ныхъ владѣльцевъ, оно не устранило мелкихъ хозяевъ и не стѣснило примѣненія закона ни объемомъ участковъ, ни доказательствами давности ихъ существованія. Въ Бергскомъ герцогствѣ и въ бывшихъ Французскихъ департаментахъ всѣ крестьяне, владѣвшіе на правѣ потомственномъ, какъ полными пахатными участками, такъ и небольшими клочками земли или однѣми усадьбами, пріобрѣли ихъ въ полную собственность (volles Eigenthum); въ округахъ, присоединенныхъ отъ Вестфальскаго королевства, право собственности было предоставлено только крестьянамъ, платившимъ оброкъ денежный или натуральный, а издѣльнымъ дано было право неотъемлемаго пользованія (nutzbares Eigenthum). Впрочемъ, и тѣ и другіе подлежали въ распоряженіи своимъ недвижимымъ имуществомъ извѣстнымъ ограниченіямъ. Безъ согласія помѣщика, первые не могли дробить свои участки, вторые, кромѣ того, не могли отчуждать ихъ; въ нѣкоторыхъ округахъ помѣщики удержали за собою право перекупа, обратнаго полученія выморочныхъ участковъ и преимущества въ удовлетвореніи своихъ претензій при продажѣ участка за долги. Вообще въ Вестфальской области осталось въ силѣ такъ называемое верховное вотчинное право (Obereigenthums-Recht), которое, хотя и не допускало прямаго вмѣшательства въ распоряженія владѣльца, но стѣсняло его постоянною опекою. Законъ, однакоже, по возможности, ограждалъ крестьянъ отъ произвола вотчинника перечисленіемъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ онъ не могъ отказать въ своемъ согласіи на отчужденіе, раздробленіе или залогъ участка.

Помѣщики были освобождены отъ обязанности дѣлать крестьянамъ льготы, отсрочки и на свой счетъ обстроивать ихъ; они сохранили право на всѣ повинности, какъ натуральныя, такъ и денежныя, имѣвшія свойство поземельныхъ, а не личныхъ налоговъ, равно какъ на доходы, которыми они пользовались изстари, по мѣстному обычаю, въ качествѣ начальниковъ сельскихъ общинъ и попечителей общественнаго имущества (Marken-Herr, Marken-Richter, Holzgraf). Спорный вопросъ о томъ: можетъ ли быть допущено послѣ упраздненія крѣпостнаго права взысканіе

вкупа (при смѣнѣ владѣльца) рѣшенъ былъ въ пользу помѣщиковъ. Относительно барщины введены были нѣкоторыя ограниченія; тамъ, гдѣ она опредѣлялась обязанностью крестьянъ обработывать господскую землю, запрещено было наряжать ихъ на работы инаго рода, напримѣръ фабричныя, равно какъ и передавать другому лицу право на крестьянскій трудъ отдѣльно отъ господской земли; въ условіяхъ и контрактахъ, вновь заключаемыхъ, вмѣнялось въ обязанность въ точности опредѣлять работы уроками и числомъ дней.

Особенную трудность представляла раскладка поземельной подати съ крестьянскихъ участковъ. По давнему обычаю, въ иныхъ мѣстахъ ее уплачивали крестьяне безъ участія помѣщика; въ другихъ, наоборотъ, эту тягость принималъ на себя послѣдній; въ третьихъ, часть подати уплачивали крестьяне, а другую помѣщикъ; собразно съ этимъ возвышались и понижались частныя повинности крестьянъ въ пользу помѣщиковъ, денежныя и натуральныя. Вѣрное своей системѣ, Прусское правительство возложило повсемѣстно на однихъ крестьянъ взносъ подати съ ихъ земель; поэтому, чтобы не нарушать справедливости и уровнять крестьянъ между собою, оно вынуждено было въ нѣкоторыхъ случаяхъ установить вознагражденіе въ ихъ пользу за прибавочную тягость, вычетомъ $1/5$ доли изъ ихъ частныхъ повинностей.

Таковы были общія правила, примѣненныя къ устройству хозяйственнаго быта поселянъ въ западныхъ областяхъ королевства; но изъ нихъ допущено было множество частныхъ изъятій, которыя, по самой ихъ дробности, не могутъ найти мѣста въ общемъ обозрѣніи. Такъ, напримѣръ, вопреки общему правилу, въ округахъ, присоединенныхъ отъ Ганноверскаго королевства, обращеніе повинностей неопредѣленныхъ въ урочныя не было обязательно. Тамъ же, равно какъ и въ герцогствѣ Бергскомъ, помѣщики сохранили право на извѣстную долю въ крестьянскомъ наслѣдствѣ—право, признанное за одно изъ самыхъ оскорбительныхъ проявленій личной, крѣпостной зависимости. Въ Бергскомъ герцогствѣ, неотработанные барщинскіе дни,

числившіеся за крестьянами въ долгу, были имъ прощены и скинуты со счетовъ; а въ бывшихъ Французскихъ департаментахъ, крестьянамъ вмѣнено было въ обязанность отработать всѣ долговые дни, или разсчитаться за нихъ. Вообще въ положеніяхъ 1825 года бросается въ глаза недостатокъ или невыдержанность твердыхъ началъ, обиліе мелочныхъ правилъ, изъятій и отступленій, ничѣмъ не оправданныхъ и свидѣтельствующихъ только о безсиліи законодательства и о силѣ частныхъ вліяній и домогательствъ. Можно сказать, что на Рейнѣ правительство ограничилось упраздненіемъ прямыхъ послѣдствій личнаго крѣпостнаго права—и то не всѣхъ—и дарованіемъ крестьянамъ—далеко также не всѣмъ—номинальнаго права собственности на землю; но собственно регулированія произведено не было, ибо повинности крестьянъ не были соразмѣрены съ количествомъ и цѣнностью ихъ земель, а барщина не была отмѣнена. Дальнѣйшій шагъ сдѣланъ былъ, 4 года спустя, изданіемъ закона о переложеніи барщины на оброкъ и о выкупѣ повинностей (Ablösungs-Ordnung 13 Іюня 1829 г.).

На округъ города Данцига распространено было положеніе о регулированіи, изданное для Познанскаго герцогства (8 Апрѣля 1823 г.); на Котбушскій округъ и обѣ Лузаціи—положенія 1811 и 1816 годовъ, безъ всякихъ заслуживающихъ вниманія отступленій (18 Ноября 1819 и 21 Іюля 1821 годовъ).

Въ дополненіе къ обозрѣнію мѣръ, принятыхъ Прусскимъ правительствомъ въ различныхъ провинціяхъ королевства къ устройству поземельныхъ отношеній освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости крестьянъ къ бывшимъ ихъ владѣльцамъ, мы должны, для уразумѣнія объема этого обширнаго предпріятія, показать отношеніе его къ другой законодательной и административной задачѣ, которая шла параллельно съ регулированіемъ и обыкновенно даже сливалась съ нимъ. Мы разумѣемъ: упраздненіе совокупнаго пользованія угодіями, посредствомъ развода или сепараціи — Separation, Auseinandersetzung der Gemeinheiten, Aufhebung der Servituten.

Совокупное пользованіе велось изстари и встрѣчалось въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Иногда угодье принадлежало обществу или совокупности нѣсколькихъ лицъ пользовавшихся имъ вмѣстѣ, сообща (Gemeinschaftliches Eigenthum); иногда оно принадлежало многимъ лицамъ, изъ которыхъ каждое подчинялось разнымъ стѣснительнымъ ограниченіямъ, истекавшимъ изъ общественнаго права пользованія (Gesammt-Eigenthum); иногда предметъ принадлежалъ одному лицу, а другое лицо имѣло на тотъ же предметъ право болѣе или менѣе ограниченнаго пользованія (Gerechtigkeit, Dienstbarkeit, Servitut) *). Послѣднее право обыкновенно составляло принадлежность не лица, а недвижимости, земли (Grundgerechtigkeit); иногда оно было взаимно (wechselseitig), а иногда присвоено было одной сторонѣ (einseitig).

На практикѣ, всѣ упомянутыя формы совокупнаго пользованія встрѣчались преимущественно въ примѣненіи къ выгонамъ, пастбищамъ и лѣсамъ. Напримѣръ, къ цѣлой деревнѣ былъ прирѣзанъ общій выгонъ, на которомъ каждый крестьянинъ держалъ свою скотину. Пахатная земля не передѣлялась никогда; но по участкамъ, лежавшимъ въ пару, бродилъ табунъ всего селенія. Скотина крестьянская выгонялась и на господское паровое поле, а господскія овечьи стада—на крестьянскія поля. Лѣсъ обыкновенно принадлежалъ помѣщику, а крестьяне имѣли право пасти въ немъ свою скотину, собирать валежникъ сушнякъ, жолуди на откормъ свиней (Mastberechtigung), часто также могли добывать изъ него дернъ (Plaggenhieb), постилку для скота (Streuholen), дрова и строевыя деревья. Иногда, наоборотъ, помѣщикъ пользовался правомъ разводить на крестьянской землѣ лѣсъ, который принадлежалъ ему исключительно. Случалось, что рѣчка протекала по крестьянскимъ лугамъ, а помѣщикъ одинъ ловилъ въ ней рыбу; за то въ другомъ мѣстѣ по-

*) Раздробленіе недвижимой собственности на мелкія участки, между собою несвязанные и перерѣзанные чужими владѣніями (черезполосность), встрѣчавшееся почти во всѣхъ провинціяхъ и особенно въ Вестфаліи, строго отличалось отъ совокупнаго пользованія, и законы, изданные для прекращенія послѣдняго, не относились къ черезполосности.

мѣщикъ на своей землѣ добывалъ торфъ, а крестьяне оттуда же брали нужное себѣ на отопленіе (Bültenhieb).

Разсматривая вопросъ о совокупномъ пользованіи съ точки зрѣнія хозяйственной, нельзя отрицать, что, при явныхъ, бросающихся въ глаза невыгодахъ, оно въ извѣстныхъ случахъ, для бѣднѣйшаго класса, можетъ имѣть и хорошія стороны; но на той степени развитія, на которой уже стояла Пруссія въ исходѣ XVIII вѣка, ощущались преимущественно его неудобства, и по общему убѣжденію, вредъ его значительно перевѣшивалъ его пользу. Администраторы, юристы, образованные хозяева указывали на него, какъ на главное препятствіе къ усовершенствованію земледѣлія, ко введенію плодоперемѣнной системы, къ сбереженію лѣсовъ, правильному за ними уходу, наконецъ, и къ предупрежденію раздражительныхъ столкновеній и разорительныхъ тяжбъ, питавшихъ въ крестьянскомъ сословіи наклонность къ ябедничеству. Народная поговорка: gemein — selten ein или gesammt Gut—verdammt Gut, выражала тоже убѣжденіе. Правительство издавна обращало на этотъ предметъ особенное вниманіе, и никто такъ настойчиво надъ нимъ не трудился, какъ Фридрихъ II. Онъ поставилъ производство сепарацій во главѣ обязанностей, возложенныхъ имъ на ландколлегіи, назначилъ по уѣздамъ особыхъ коммисаровъ, которымъ велѣно было исключительно заниматься этимъ предметомъ, издалъ для руководства ихъ болѣе двадцати положеній, указовъ и инструкцій.

Начавшееся въ 1811 году регулированіе, въ строгости, могло бы быть произведено и безъ упраздненія совокупнаго пользованія; но примѣненіе способовъ вознагражденія помѣщиковъ, особенно когда отъ крестьянъ отбиралась часть земли въ натурѣ, требовало почти безусловно единовременной сепараціи. Къ тому же, повсемѣстная перестановка границъ и ломка прежнихъ хозяйственныхъ отношеній представляли самый благопріятный, даже единственный въ своемъ родѣ поводъ произвести за-одно и полнѣйшую сепарацію. Правительство, желая этимъ путемъ достигнуть двоякой пользы, въ эдиктѣ о регулированіи и въ дополнительной къ нему декларацій, ссылалось неоднократ-

но на изданныя прежде для сепараціи правила, совѣтовало примѣнять ихъ и вмѣняло въ обязанность коммисіямъ склонять помѣщиковъ и крестьянъ къ полнымъ раздѣламъ, съ упраздненіемъ всякихъ притязаній на чужую собственность, что́ почти всегда и удавалось. Декларацiею 1816 года предоставлено было право, какъ помѣщику, такъ и крестьянамъ, требовать, чтобы вмѣстѣ съ регулированіемъ произведена была и сепарація; а въ Познанскомъ герцогствѣ упраздненіе совокупнаго владѣнія и сервитутъ, за исключеніемъ немногихъ, оставленныхъ на 12 лѣтъ, вмѣнялось даже въ непремѣнную обязанность, независимо отъ желанія сторонъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда производилось вознагражденіе отводомъ земли въ натурѣ. Наконецъ, въ новомъ положеніи о производствѣ сепарацій, изданномъ при Гарденбергѣ (Gemeinheits-Theilungs-Ordnung, Gesetz über die Ausführung, 7 Іюня 1821 года), выставлено какъ общее правило, что просьбы о регулированіи принимаются только тогда, когда просящіе въ тоже время изъявляютъ готовность на полную сепарацію. Итакъ, начавшееся регулированіе переходило въ сепарацію, и наоборотъ—сепарація вела къ регулированію. Единовременное и совокупное производство обѣихъ операцій значительно подвигало къ окончательной развязкѣ поземельныхъ отношеній; но за то этимъ значительно увеличивались труды и расширялся кругъ занятій исполнительныхъ инстанцій. Намъ нѣтъ надобности входить въ подробное разсмотрѣніе упомянутаго выше положенія о сепараціяхъ, изданнаго Гарденбергомъ, а достаточно будетъ извлечь изъ него и изъ позднѣйшихъ къ нему дополненій основныя правила, касающіяся собственно до отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ и состоящія въ связи съ регулированіемъ. Здѣсь почти никогда не могло быть надобности разбивать общественную собственность на части *), ибо помѣщичьи и крестьянскія земли были издревле раздѣлены; цѣль сепараціи

*) Подобные случаи могли, какъ рѣдкія исключенія, имѣть мѣсто тамъ, гдѣ помѣщикъ, покупкою или инымъ способомъ пріобрѣтя крестьянскій участокъ, черезъ это дѣлался членомъ крестьянскаго общества и пріобрѣталъ сопряженныя съ этимъ званіемъ права на общественные участки.

заключалась собственно въ упраздненіи различныхъ видовъ пользованія чужою собственностію. Требовать сепараціи могла какъ та сторона, которая извлекла выгоду изъ этого права (der Berechtigte), напримѣръ—крестьянинъ, подбиравшій валежникъ въ господскомъ лѣсу, или помѣщикъ, нагуливавшій своихъ овецъ на крестьянскомъ пару, такъ и противная сторона, терпѣвшая отъ того ущербъ (der Belastete). Сторона, вызванная на сепарацію, когда совокупное пользованіе имѣло для нея значеніе выгоды, могла по своему усмотрѣнію избрать способъ вознагражденія; а когда совокупное пользованіе сопряжено было для нея съ ущербомъ, то ей предоставлялось избрать способъ оцѣнки упраздняемаго права, т.-е. по убыткамъ, которымъ должна была подвергнуться сторона, пользовавшаяся этимъ правомъ, или по тѣмъ выгодамъ, которыя могли произойти отъ его упраздненія для противной стороны *). Дѣлопроизводство начиналось повѣркою законности предъявленныхъ на чужую собственность притязаній (Legitimations-Punct); затѣмъ опредѣлялись предѣлы этихъ притязаній и формы пользованія, напримѣръ: если дѣло шло о пастбищѣ, то сколько штукъ, какого именно скота, въ какое время года, въ продолженіе какого срока, одна сторона могла держать на чужой землѣ? Если дѣло шло о добываніи топлива, то сколько именно потребно было дровъ или торфа на удовлетвореніе ежегодной потребности, и т. д.? Потомъ доказанное и опредѣленное право оцѣнивалось на основаніи мѣстныхъ свѣдѣній и отзывовъ, отобранныхъ отъ экспертовъ. Наконецъ, если не было возможности уравнять выгоды и потери обѣихъ сторонъ упраздненіемъ ихъ взаимныхъ при-

*) Пояснимъ это примѣромъ: крестьянинъ, пользующійся правомъ добывать торфъ на господской землѣ, вызываетъ помѣщика на сепарацію; помѣщикъ, какъ сторона вызванная и для которой упраздненная сервитута есть тягость, рѣшаетъ по своему усмотрѣнію, чтó полагать въ основаніе оцѣнки: выгоды, которыми жертвуетъ крестьянинъ, или ущербъ, отъ котораго имѣетъ быть избавленъ самъ помѣщикъ? Помѣщикъ пользуется правомъ пасти своихъ овецъ на крестьянскомъ пару; крестьяне требуютъ сепараціи; въ этомъ случаѣ, помѣщикъ, въ качествѣ стороны, вызванной и извлекающей выгоду изъ пользованія чужимъ полемъ, избираетъ одинъ изъ нижеупомянутыхъ способовъ вознагражденія.

тязаній, назначалось одной изъ нихъ вознагражденіе отводомъ земли въ собственность (при чемъ, по возможности, старались избѣгать черезполосности), постоянною рентою, натуральными произведеніями, или капиталомъ. Рента исчислялась рожью, а выплачивалась деньгами. Переложеніе хлѣба на деньги дѣлалось не по тѣмъ правиламъ, которыми руководствовались при регулированіи, а слѣдующимъ образомъ: собирались цѣны на рожь за послѣднія 14 лѣтъ; исключались два самые дешевые и два самые дорогіе года; изъ остальныхъ десяти выводилась средняя цѣна, которая и принималась за норму на одинъ годъ впередъ. На слѣдующій годъ $^{9}/_{10}$ ренты вносились по той же нормальной цѣнѣ, а $^{1}/_{10}$ по средней цѣнѣ ржи за истекшій годъ *); такимъ образомъ переложеніе ржи на деньги возобновлялось ежегодно, и каждый разъ принималась для разсчета одна новая данная и откидывалась одна старая. Сверхъ постоянной ренты, допускалась иногда дополнительная, мѣстными произведеніями, или денежная, какъ временная мѣра вознагражденія за временныя потери (напримѣръ, когда участокъ земли, сильно удобренной, вымѣнивался на запольный); вознагражденіе работою допускалось срокомъ не болѣе, какъ на 12 лѣтъ, собственно для покрытія хозяйственныхъ потребностей, возникшихъ вновь, вслѣдствіе сепараціи. Сторонѣ, въ пользу которой присуждалось вознагражденіе, дозволялось требовать денегъ, вмѣсто натуральнаго оброка и работъ.

---

*) Напримѣръ: по произведенной въ 1855 году сепараціи, обязалось общество крестьянъ вносить ежегодно 100 четвертей ржи; съ 1840 по 1854 годъ включительно, рожь продавалась два года по 4 р., два года по 3, а остальные 10 лѣтъ отъ 3 р. 50 к. до 3 р. 75 к. За отчисленіемъ четырехъ изъ ряду выходящихъ по дешевизнѣ и дороговизнѣ годовъ, изъ остальныхъ десяти выводится средняя стоимость четверти ржи, положимъ: 3 р. 60 к. Итакъ, въ 1855 году крестьяне должны внести за 100 четвертей, по 3 р. 60 к., 360 р. сер. Въ 1855 году цѣна ржи на рынкѣ колебалась между 3 р. и 3 р. 25 к.; средняя цѣна 3 р. 20 к. Изъ 100 четвертей $^{9}/_{10}$, или 90 четвертей, положатся въ цѣну по прежней нормѣ, т.-е. по 3 р. 60 к., что̀ составитъ 324 р., а 10 четвертей по новой цѣнѣ 1855 года, т.-е. по 3 р. 20 к., что̀ составитъ 32 рубля. Въ 1856 году крестьяне должны будутъ внести 324 р. + 32 р. = 356 рубл. сер.

Право совокупнаго пользованія подлежало не только окончательному упраздненію, но и простому ограниченію. Эта полумѣра, какъ переходная ступень, имѣла также свою пользу и примѣнялась въ тѣхъ случаяхъ, когда упраздненіе встрѣчало непреодолимыя препятствія. Требовать ограниченія сервитуты могла только сторона, терпѣвшая отъ нихъ ущербъ, а не та, которая ими пользовалась. Напримѣръ, землевладѣлецъ могъ требовать обязательнаго для сосѣдей его постановленія о томъ: въ какое именно время года они въ правѣ пользоваться пастбищемъ въ его имѣніи, для какого числа головъ рогатаго скота, сколько именно хворосту они могутъ вывозить изъ его рощи и т. д.

Все дѣлопроизводство по предмету сепарацій возлагалось на тѣже генеральныя и спеціальныя коммисіи, которымъ поручено было регулированіе.

Теперь обратимся нѣсколько назадъ и, по доступнымъ намъ источникамъ, постараемся представить, какъ были встрѣчены вышеизложенныя мѣры.

Эдиктъ о регулированіи, несмотря на то, что публика была подготовлена къ рѣшительнымъ преобразованіямъ какъ закономъ 1807 года, такъ и совѣщаніями съ вызванными изъ провинцій депутатами, произвелъ въ помѣстномъ дворянствѣ сильнѣйшую тревогу. Ближайшимъ послѣдствіемъ опасеній, этимъ эдиктомъ возбужденныхъ, явился цѣлый рядъ противозаконныхъ покушеній вытѣснить крестьянъ изъ ихъ дворовъ и отобрать у нихъ наскоро какъ можно больше земли. Въ этомъ отношеніи особенно отличились помѣщики Восточной Пруссіи и Помераніи. Пользуясь невѣжествомъ крестьянъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и послабленіемъ со стороны мѣстныхъ начальствъ, помѣщики приступали къ хозяевамъ съ угрозою согнать ихъ съ участковъ и заставляли ихъ заключать съ ними новыя условія на кратковременные сроки, притомъ съ увеличеніемъ повинностей, особенно барщины; иными словами, они переводили потомственныхъ владѣльцевъ, которымъ по закону предоставлялось право собственности на двѣ трети участковъ,

въ разрядъ владѣльцевъ срочныхъ, долженствовавшихъ пріобрѣсти въ собственность только половину земли. Правительство, однакоже, скоро усмотрѣло эту продѣлку и объявило циркулярно, что, при регулированіи, на подобнаго рода вновь составленные и вынужденные контракты не будетъ обращено никакого вниманія; что повинности крестьянъ не должны быть возвышаемы противъ положеній, существовавшихъ до 1811 года; что общій и коренной законъ, по которому хозяева могутъ быть удаляемы не иначе, какъ по судебнымъ приговорамъ, остается въ полной силѣ; что декларацією 1816 года предоставлено помѣщикамъ лишь условное право присоединять къ своимъ полямъ тѣ участки, которые упразднятся законнымъ образомъ, притомъ съ обязанностью всякій разъ испрашивать разрѣшеніе у правительства. Мѣстнымъ начальствамъ подтверждено было имѣть попрежнему строгое наблюденіе за неприкосновенностью крестьянской земли, заботиться о замѣщеніи дворовъ и подвергать взысканіямъ помѣщиковъ за всякое противозаконное покушеніе. „При изданіи положенія о регулированіи"— сказано въ одномъ изъ циркуляровъ—„правительство вовсе не думало отдать отнынѣ на произволъ владѣльцевъ самостоятельность крестьянскаго сословія и его осѣдлость" (13 Февраля, 20 Мая 1817, 26 Мая 1819 годовъ).

Крестьяне приняли вообще съ радостью вѣсть объ упраздненіи барщины и о дарованіи имъ недвижимой собственности. Со всѣхъ сторонъ посыпались просьбы отъ сельскихъ общинъ о немедленномъ приступѣ къ регулированію, такъ что, судя по ихъ нетерпѣнію, можно было ожидать съ ихъ стороны уступчивости и готовности на всякаго рода сдѣлки, лишь бы скорѣе развязаться. Но какъ ни соблазнительна была мысль навсегда расквитаться съ барщиною и зажить полнымъ хозяиномъ на своемъ уголкѣ, примѣненіе самаго простаго и притомъ окончательнаго способа вознагражденія, а именно: уступка трети или половины земли—встрѣчало величайшее затрудненіе въ фанатической привязанности крестьянъ къ землѣ. Правда, что по закону они могли избавиться отъ этой жертвы, принявъ на себя ежегодный взносъ хлѣбной ренты, и крестьяне предпочитали эту форму воз-

награжденія, хотя она оставляла ихъ въ положеніи вѣчныхъ должниковъ; но, къ несчастію, принятый способъ переложенія хлѣбной ренты на деньги оказался для крестьянъ чрезвычайно невыгоднымъ.

Къ основательнымъ надеждамъ, согласнымъ съ точнымъ смысломъ изданныхъ законовъ, кое-гдѣ примѣшивались и преувеличенныя, за которыми слѣдовало горькое разочарованіе. Положеніе о регулированіи не вездѣ было понято; особенно въ Помераніи долго бродили превратные толки; такъ, напримѣръ, нѣкоторые крестьяне воображали себѣ, что правительство дарило имъ половину земли, и очень изумлялись, когда коммисіи, окончивъ размежеваніе, объявляли имъ, какія повинности на нихъ возлагались; часто случалось, что крестьяне добровольно отказывались отъ своихъ правъ на господскія угодья и вызывали помѣщика на сепарацію, въ томъ убѣжденіи, что права ихъ будутъ оцѣнены по выгодамъ, которыми они пользовались, и что они получатъ именно то вознагражденіе, какого желали; но въ этихъ ожиданіяхъ они обманывались, ибо въ подобныхъ случаяхъ, отъ помѣщика зависѣло избрать способъ оцѣнки или родъ вознагражденія. По этой причинѣ, сепараціи нерѣдко оканчивались чистою потерею для крестьянъ, съ чѣмъ никакъ не мирилась глубокая ихъ увѣренность, что правительство издавало законы собственно для *ихъ* блага, съ цѣлью улучшить *ихъ* бытъ. Но ничто такъ не оскорбляло крестьянъ, какъ обязательная барщина, оставленная на время, въ видѣ вспомогательной повинности; коммисіи и провинціальныя палаты должны были повторять по нѣскольку разъ, что на то есть непремѣнная воля правительства. Для предупрежденія убытковъ, происходившихъ вслѣдствіе произвольнаго уклоненія крестьянъ отъ исполненія спѣшныхъ работъ, Кёнигсбергская генеральная коммисія разрѣшила помѣщикамъ, мимо судебныхъ инстанцій, понуждать крестьянъ порядкомъ исполнительнымъ (die Execution zu verfügen) черезъ посредство патримоніальныхъ судовъ, съ тѣмъ однакоже, чтобъ законность требованій вотчиннаго начальства была предварительно засвидѣтельствована мѣстною спеціальною коммисіею. Въ одномъ министерскомъ рескриптѣ

упоминается даже о цѣломъ селеніи, противъ котораго начальство должно было прибѣгнуть къ военной экзекуціи; крестьяне долго и упорно отказывались отъ исправленія работъ на помѣщика; на нихъ накопилась неоплатная недоимка и, для пополненія ея, дворы и земли были у нихъ отобраны и проданы съ торговъ, а хозяева, за ослушательство, отданы въ смирительный домъ.

Это былъ, кажется, единственный въ своемъ родѣ случай, надѣлавшій много шума. И вотъ все, чтó можно было извлечь изъ множества оффиціальныхъ актовъ для изображенія дурныхъ послѣдствій и печальной стороны великаго предпріятія, которому болѣе, чѣмъ всякому другому, обязана Прусская нація своимъ возрожденіемъ. Вспомнивъ, что дѣло шло объ измѣненіи всей системы повинностей, о вознагражденіи всѣхъ помѣщиковъ и о надѣленіи всего сословія крестьянъ-хозяевъ недвижимою собственностію, безпристрастный читатель, конечно, согласится, что временныя замѣшательства, происшедшія большею частью отъ недоразумѣній со стороны простаго народа, и вынужденныя мѣры строгости со стороны правительства, были неизбѣжны и ничего не значили въ сравненіи съ прежнимъ волненіемъ недовольныхъ массъ и съ тѣми мѣрами, къ которымъ ежегодно прибѣгали прежде только для поддержанія вреднаго порядка вещей.

Теперь обратимся къ сужденіямъ современниковъ о самомъ существѣ закона 1811 года.

Біографъ Штейна, Перцъ, называетъ положеніе о регулированіи ein schneidendes Gesetz и прибавляетъ, что Штейнъ не только не принималъ участія въ его составленіи, но даже положительно осуждалъ его, предчувствуя гибельное потрясеніе какъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, такъ и семейнаго быта поселянъ, что̀ впослѣдствіи будто бы вполнѣ оправдалось *).

Трудно понять, какимъ образомъ законъ, имѣвшій цѣлью упраздненіе барщины и дарованіе крестьянамъ права собственности на землю, могъ поколебать семейный бытъ по.

---

*) Steins-Leben v. Pertz, т. II, стр. 570—571.

селянъ, и хотя Перцъ, приводя мнѣніе Штейна, основывается на автобіографіи, имъ составленной [1]), но мы знаемъ, что этотъ неблагопріятный отзывъ о законѣ 1811 года, брошенный имъ вскользь, принадлежитъ къ послѣднимъ годамъ великаго министра, когда образъ мыслей его во многихъ отношеніяхъ измѣнился не къ лучшему. Иныя были его понятія въ эпоху зрѣлаго мужества. Намъ извѣстно, что передъ личнымъ свиданіемъ своимъ съ княземъ Гарденбергомъ, въ 1810 году, онъ писалъ, между прочимъ, слѣдующее, по поводу разныхъ, сообщенныхъ ему проэктовъ: „Къ самымъ существеннымъ улучшеніямъ въ состояніи поселянъ принадлежитъ предложенная мѣра о надѣленіи ихъ поземельною собственностью съ предоставленіемъ помѣщикамъ права взять у нихъ половину земли и прирѣзать ее къ своимъ полямъ; нужно только заблаговременно принять мѣры для предупрежденія со стороны владѣльцевъ извѣстной операціи предварительнаго упраздненія дворовъ, состоящихъ въ срочномъ или пожизненномъ пользованіи у крестьянъ" [2]). Не ясно ли выражено въ этихъ словахъ полное одобреніе основной мысли регулированія? Впрочемъ, каково бы ни было личное мнѣніе Штейна, несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, то, что онъ ничего не предложилъ отъ себя въ замѣнъ Гарденбергова проэкта; да и трудно было, при тогдашнемъ положеніи государства, изнемогавшаго подъ тяжестію военной контрибуціи, обойтись безъ радикальной мѣры, для осуществленія преобразованія, въ необходимости котораго никто не сомнѣвался.

Дворянство, какъ этого слѣдовало ожидать, назвало почти въ одинъ голосъ положеніе о регулированіи насильственнымъ посягательствомъ на священное право собственности. На это обвиненіе нетрудно было отвѣчать. Правительство разъяснило дворянству, что право его на землю, издревле выдѣленную въ вѣчное и неотъемлемое пользованіе крестьянскаго сословія, ограничивалось (въ силу древнихъ законовъ, извлеченныхъ по большей части изъ поста-

---

1) Тамъ же, Т. VI. Приложеніе стр. 165.

2) Тамъ же, стр. 515.

новленій самаго же дворянства) единственно взысканіемъ опредѣленныхъ поземельныхъ повинностей, натуральныхъ и денежныхъ; что рядомъ съ этимъ неоспоримымъ правомъ, существовало другое, равносильное право пользованія, признанное издревле за крестьянами, и наконецъ, что самое вознагражденіе, присуждаемое помѣщикамъ за потерю дохода отъ крестьянской земли, служило лучшимъ доказательствомъ, что правительство не отрицало и не упраздняло права вотчинной собственности и выкупало его.

Несравненно бо̀льшую силу имѣли возраженія, предъявленныя съ точки зрѣнія хозяйственной, не противъ цѣли, а противъ избранныхъ способовъ исполненія. Вотъ важнѣйшія изъ нихъ:

1) Право личной собственности на дворъ и участокъ, само по себѣ, имѣло для крестьянина высокую цѣнность, ибо предоставляло ему существенныя, матеріальныя выгоды. Съ нимъ связана была возможность пріобрѣтенія денежныхъ капиталовъ посредствомъ займовъ и неограниченнаго распоряженія землею при дѣлежахъ. До какой степени дорожили имъ зажиточные крестьяне, видно уже изъ того, что при сдачѣ участка пріобрѣтеніе одного права пользованія оплачивалось единовременнымъ вкупомъ (Kaufgeld), независимо отъ текучей ренты. Сумма вкупа доходила иногда до 3,000 талеровъ и кругомъ, конечно, составляла не менѣе 1,000 талеровъ. Зачѣмъ же столь дорогое право отдано крестьянамъ даромъ? Ибо уступка половины или трети земли служила вознагражденіемъ только за упраздняемыя повинности. Зачѣмъ правительство не поставило его въ цѣну, разумѣется, умѣренную? Давши крестьянамъ нѣсколько льготныхъ годовъ и разсрочивъ имъ платежи, оно, не обременяя ихъ, выручило бы значительный капиталъ, который бы могъ отчасти замѣнить внѣшніе займы, въ самое то время заключенные на крайне невыгодныхъ условіяхъ.

2) Повсемѣстное и обязательное примѣненіе однообразной нормы вознагражденія во многихъ случаяхъ было сопряжено съ нарушеніемъ справедливой уравнительности и съ ущербомъ, какъ для помѣщиковъ, такъ и для кресть-

янъ. Помѣщикъ несъ убытокъ несоразмѣрный съ потерями своего сосѣда, когда земля ему уступленная, по своему положенію, не могла быть прирѣзана къ господскимъ полямъ; когда для обработки ея нужно было заводить новые хутора; наконецъ, когда, передъ самымъ началомъ регулированія, помѣщикомъ употреблены были значительные расходы (напримѣръ, на перестройку цѣлой деревни), остававшіеся безъ соразмѣрнаго вознагражденія. Что касается до крестьянъ, то одинъ получалъ новый, крѣпкій домъ и прочное надворное строеніе, а другой—развалившуюся хижину; иной хозяинъ еще до начала регулированія пріобрѣлъ покупкою свои строенія, другой пріобрѣталъ ихъ въ собственность при самомъ регулированіи; крестьянинъ, состоявшій на оброчномъ положеніи, или отработывавшій самое незначительное число дней, въ силу статьи, воспрещавшей безусловно всякое увеличеніе натуральныхъ повинностей, оставался на томъ же положеніи, тогда какъ сосѣдъ его, получая одинаковый дворъ и равную пропорцію земли, обязывался отработывать двойное количество дней потому единственно, что прежде онъ состоялъ на барщинѣ. Отчего законъ не принялъ въ соображеніе всѣхъ этихъ обстоятельствъ? Правда, заинтересованнымъ сторонамъ дозволялось требовать спеціальнаго изслѣдованія, съ цѣлью возвысить или понизить вознагражденіе; но отчего же лишены были этого права крестьяне, отнесенные ко второму разряду, то-есть срочные, не-потомственные владѣльцы участковъ? Не лучше ли было для выигранія времени начинать прямо съ оцѣнки обоюдныхъ выгодъ, не стѣсняясь предустановленными нормами?

3) Хлѣбная рента перекладывалась на деньги по средней цѣнѣ, выведенной изъ десятилѣтней сложности, на десять лѣтъ впередъ. Къ несчастью для крестьянъ, до 1820 года, цѣны на хлѣбъ стояли необыкновенно высоко, а затѣмъ упали вдругъ на половину; каково же было хозяевамъ выплачивать помѣщикамъ за хлѣбъ двойную цѣну противъ той, по которой онъ продавался на рынкѣ?

4) Правительство ограничилось изъявленіемъ желанія, чтобы вмѣстѣ съ регулированіемъ производилась полная

сепарація и разводъ къ однимъ мѣстамъ. Дѣйствительно, болѣе благопріятнаго случая нельзя было ожидать для упраздненія совокупнаго права пользованія и черезполосности; ибо, при общемъ передѣлѣ земель, притомъ имѣя дѣло съ владѣльцами, еще не имѣвшими права полной собственности на свои участки, гораздо легче было согласить ихъ притязанія и можно было дѣйствовать рѣшительнѣе. Отчего же правительство не вмѣнило помѣщикамъ и крестьянамъ съ самаго начала въ непремѣнную обязанность, при регулированіи, разводиться окончательно и къ однимъ мѣстамъ? Отчего, дозволивъ отводить помѣщикамъ въ натурѣ часть огороженныхъ мѣстъ (Wörthen), прилегающихъ повсемѣстно вплоть къ дворамъ, оно узаконило новый, небывалый видъ черезполосности?

5) Отчего, предоставивъ помѣщикамъ льготы для учиненія займовъ подъ залогъ выдѣленныхъ имъ земель, съ отступленіемъ отъ общихъ началъ земскаго кредита, правительство, если оно признавало это отступленіе безопаснымъ для кредиторовъ, не успокоило ихъ принятіемъ на себя гарантіи за исправность платежей?

6) Наконецъ, отчего примѣненіе закона о регулированіи ограничено было одними пахатными участками, и ничего не сдѣлано для улучшенія участи бобылей, батраковъ и мелкихъ людей? Оказано было благодѣяніе тѣмъ, которыхъ осѣдлость и благосостояніе были обезпечены; а бѣдные и безпріютные, наиболѣе нуждавшіеся въ покровительствѣ закона, были принесены въ жертву. Выдѣливъ собственно для нихъ нѣсколько моргеновъ въ каждомъ имѣніи, правительство открыло бы имъ возможность, со временемъ, пріобрѣсти себѣ на заработанныя деньги собственный пріютъ и клочекъ земли. Но правительство не только упустило это изъ виду, а даже косвеннымъ образомъ нанесло смертельный ударъ хозяйственной самостоятельности цѣлаго класса сельскихъ батраковъ, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ; ибо нельзя было не предвидѣть, что помѣщики, встревоженные потерею, гдѣ половины, а гдѣ двухъ третей крестьянской земли, поспѣшатъ всѣми положительно невоспрещенными способами упразднить и срыть мелкіе дворы,

существовавшіе въ эпоху изданія закона 1811 года и которыми законъ пренебрегъ. Столь несправедливое равнодушіе къ интересамъ многочисленнаго класса, наровнѣ съ другими обложеннаго государственными тягостями и принесшаго не менѣе жертвъ во время войны, возбудило въ немъ чувство зависти и тоски; многіе, покинувъ навсегда неблагодарную свою родину, пошли искать лучшей участи за моремъ, и государство лишилось работящихъ, неутомимыхъ, надежныхъ подданныхъ.

Мы не думаемъ оспаривать полновѣсности приведенныхъ обвиненій, особенно послѣдняго, и даже увѣрены, что много возраженій, одинаково основательныхъ, до насъ не дошло. Само правительство признало справедливость нѣкоторыхъ изъ нихъ и воспользовалось общественною критикою при изданіи позднѣйшихъ законовъ. Многія ошибки, сдѣланныя въ положеніи 1811 года, были исправлены декларацією 1816 года, эдиктомъ о регулированіи въ герцогствѣ Познанскомъ и положеніемъ о сепараціяхъ; сравнивъ предпосланное нами изложеніе послѣднихъ съ обзоромъ перваго, читатель легко въ этомъ убѣдится. Бо́льшаго, кажется, нельзя и требовать. Когда вводятся законодательнымъ порядкомъ новыя хозяйственныя и юридическія отношенія между двумя сословіями въ цѣломъ государствѣ, нѣтъ возможности избѣгнуть частныхъ несправедливостей и ошибокъ. Въ такихъ случаяхъ, какъ въ генеральномъ сраженіи, излишняя заботливость объ участи каждаго помѣшала бы даже достиженію главной цѣли, благодѣтельной для всѣхъ; ибо, какъ ни желательно, съ одной стороны, соблюсти возможную уравнительность въ отношеніи къ лицамъ, которыхъ средства, потребности и права разнообразны до безконечности, однакоже съ другой, необходимо для успѣха самаго предпріятія, выставить общія правила, по возможности простыя и легко примѣнимыя. Послѣднее требованіе, въ государственныхъ соображеніяхъ, очевидно, должно перевѣшивать первое.

Разсматривая съ этой точки зрѣнія всю операцію регулированія, мы не можемъ не признать ее удачною и благодѣтельною. Комментаторы Прусскихъ земскихъ законовъ, юристы, экономисты и историки, за исключеніемъ немно-

гихъ, которыхъ неблагопріятные отзывы, очевидно, исходятъ изъ политическихъ пристрастій, единогласно признаютъ ее за великую и счастливую мѣру, которая одна могла бы обезпечить славу Фридриха - Вильгельма III и его министра. Послѣдствія оправдали ее вполнѣ. По тѣмъ же, почти единогласнымъ свидѣтельствамъ, помѣщики въ общей сложности не только не разорились, а напротивъ, значительно возвысили свои доходы толковитымъ употребленіемъ земли, отведенной имъ въ вознагражденіе и сбереженіемъ расходовъ; земледѣльческая промышленность Пруссіи съ этого времени сдѣлала гигантскіе успѣхи; хозяйственный бытъ сельскаго сословія, народа въ тѣсномъ смыслѣ, этого по преимуществу консервативнаго элемента, былъ прочнымъ образомъ обезпеченъ *).

Повторяя отзывы Прусскихъ писателей, ближайшихъ судей въ своемъ народномъ дѣлѣ, мы, однакоже, отнюдь не думаемъ выдавать систему, придуманную Гарденбергомъ, за формулу общепримѣнимую къ вопросу, занимавшему Пруссію въ началѣ нынѣшняго вѣка и теперь возбужденному у насъ. Да и нѣтъ такихъ формулъ въ практическомъ дѣлѣ. Задача законодательства заключается въ изысканіи лучшихъ мѣръ для данной эпохи, для данной мѣстности, при данныхъ условіяхъ, и успѣхъ регулированія въ Пруссіи объясняется именно удачнымъ выборомъ средствъ, приличныхъ положенію цѣлой страны, и своевременнымъ ихъ примѣненіемъ.

Гарденбергъ задумалъ сдѣлать крестьянъ собственниками съ вознагражденіемъ помѣщиковъ уступкою нѣкоторой части крестьянской земли, и онъ могъ достигнуть своей цѣли посредствомъ регулированія, порученнаго коммисіямъ, состоявшимъ изъ чиновниковъ, потому что Пруссія того времени представляла четыре условія, ручавшіяся за успѣхъ.

Вопервыхъ, законодатель нашелъ твердую точку отправленія. Порядокъ вещей, который онъ засталъ на дѣлѣ и который подлежалъ улучшенію, былъ опредѣленъ пред-

*) Въ одной изъ послѣдующихъ статей мы надѣемся сообщить нѣсколько статистическихъ данныхъ о результатахъ регулированія, сепарацій и выкупа, которыя послужатъ тому доказательствомъ.

шествовавшимъ законодательствомъ въ главныхъ его началахъ, а именно: границы крестьянской земли были очерчены, и помѣщики не могли ихъ переступать; повинности крестьянъ были въ точности опредѣлены; обоюдныя обязанности помѣщиковъ и поселянъ внесены были въ Земское Уложеніе, притомъ не въ видѣ общихъ, по своей неопредѣленности безсильныхъ правилъ, или человѣколюбивыхъ внушеній, а въ строго обязательной формѣ положительныхъ законовъ, съ точнымъ исполненіемъ которыхъ связанъ былъ интересъ казны. Итакъ, труднѣйшая половина дѣла была исполнена до Гарденберга.

Вовторыхъ, тѣ поселяне, которыхъ законодатель имѣлъ исключительно въ виду, тяглые крестьяне или владѣльцы пахатныхъ участковъ въ тѣсномъ смыслѣ, были во всѣхъ отношеніяхъ зрѣлы для вступленія въ высшій разрядъ полныхъ вотчинниковъ и совершенно способны принять на себя личную, всецѣлую отвѣтственность, сопряженную съ правомъ собственности. Они составляли лучшій цвѣтъ, какъ бы аристократію сельскаго сословія,—и правительство, имѣя дѣло съ этимъ избраннымъ, немногочисленнымъ *) классомъ, не рисковало сбить его съ знакомаго пути на новую дорогу и преждевременнымъ даромъ подорвать прочность его состоянія.

Втретьихъ, Пруссія находилась уже въ томъ періодѣ экономическаго развитія, когда не праздная земля требуетъ рукъ, а праздныя руки ищутъ земли. Во многихъ мѣстахъ высокая ея цѣнность, удвоившаяся въ послѣднія 50 лѣтъ до начатія регулированія, значительно превышала стоимость повинностей, лежавшихъ на крестьянскихъ участкахъ, чтд и давало возможность, посредствомъ уступки нѣкоторой части земли, вознаградить помѣщиковъ за потерю остальной и за упраздненіе повинностей.

Вчетвертыхъ, правительство имѣло подъ рукою достаточное, по пространству Пруссіи, число надежныхъ исполнителей, которымъ оно могло поручить на мѣстахъ

*) По исчисленію Круга, во всей тогдашней Пруссіи пахатныхъ хозяйствъ было не болѣе 255,740.

многосложную и трудную операцію регулированія. По изложенному выше перечню обязанностей ревизіонныхъ и спеціальныхъ коммисій, не трудно составить себѣ понятіе о томъ, сколько требовалось отъ нихъ навыка къ труду, вниманія, добросовѣстности, спеціальныхъ познаній, и сколько представлялось имъ на каждомъ шагу поводовъ къ самымъ легкимъ, неизобличимымъ злоупотребленіямъ. Можно сказать, что состояніе помѣщиковъ и крестьянъ отдано было въ руки коронныхъ чиновниковъ, и между ними до учрежденія третейскихъ и посредническихъ инстанцій не было ни одного, который бы назначался по выборамъ. Эта черта весьма замѣчательна. Значитъ, что, при тогдашнемъ составѣ служилаго сословія, правительство—и притомъ такое правительство, которое не мѣшало гласному обнаруженію злоупотребленій — надѣялось найти нужное число людей, заслуживающихъ довѣрія и хорошо подготовленныхъ. Дѣйствительно, судебное разбирательство частыхъ тяжбъ крестьянъ съ помѣщиками, многосложныя дѣлопроизводства по размежеваніямъ, по упраздненію сервитутъ и совокупнаго пользованія угодіями, по составленію и пересмотру урбаріумовъ и кадастровъ, которыми издавна занимались уѣздныя и областныя инстанціи, служили школою для образованія опытныхъ и надежныхъ коммисаровъ. Прибавимъ къ этому, что раціональныя познанія по части сельскаго хозяйства въ то время уже были нерѣдки, что въ каждомъ приходѣ легко было отыскать людей грамотныхъ и достаточно образованныхъ для полученія отъ нихъ нужныхъ справокъ, для производства оцѣнокъ, для исправленія должности понятыхъ, и, наконецъ, что, по объему тогдашней Пруссіи, достаточно было шести центральныхъ коммисій.

Кажется по всему, что довѣренность правительства къ чиновникамъ оправдалась. Мы перечитали болѣе полутораста циркуляровъ, исшедшихъ отъ коммисій и адресованныхъ къ нимъ, также немалое количество представленій земскихъ сословій, и мы нашли въ нихъ жалобы на медленность, иногда на умышленныя проволочки спеціальныхъ коммисаровъ, не получавшихъ окладнаго жалованья, а толь-

ко суточныя деньги во время ихъ командировокъ. Въ книгѣ Геринга *), который съ безпощадною строгостью разбиралъ дѣйствія коммисаровъ, мы встрѣтили указанія на промахи и ошибки особенно тѣхъ изъ нихъ, которые, получивъ односторонно-юридическое образованіе, приступали къ регулированію и сепараціямъ, не имѣя достаточныхъ свѣдѣній по части сельскаго хозяйства—и только. Даже въ отзывахъ, явно пристрастныхъ, противной партіи, нигдѣ не встрѣчается обвиненій въ безпечности, въ злоупотребленіяхъ, или вымогательствахъ со стороны исполнителей. Въ пользу добросовѣстности чиновниковъ, на которыхъ возложено было производство регулированія, есть еще одно важное свидѣтельство: это многотомные комментаріи на законы, своды судебныхъ рѣшеній и циркуляровъ, разсужденія объ отдѣльныхъ предметахъ, изслѣдованія о частныхъ вопросахъ, составленныя большею частью людьми, проведшими всю жизнь свою надъ примѣненіемъ положеній объ устройствѣ поземельныхъ отношеній. И эти труды исполнены не по заказу, а по собственному желанію, въ свободное время; изданы не на казенныя деньги, а на счетъ самихъ сочинителей, конечно не изъ денежной прибыли, а съ цѣлью отдать себѣ и публикѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и послужить другимъ своею опытностью.

Счастлива земля, гдѣ подобнаго рода скромные труды предпринимаются и находятъ достойную оцѣнку!

---

*) Ueber die agrarische Gesetzgebung in Preussen etc.

IV.

Переложеніе натуральныхъ повинностей въ денежныя и выкупъ тѣхъ и другихъ.

Крестьяне были свободны; вся земля, изстари находившаяся въ ихъ пользованіи, или часть этой земли, по мѣрѣ того, какъ подвигалось регулированіе, поступала въ ихъ собственность; совокупное пользованіе лѣсами, пастбищами, угодьями, постепенно упразднялось; но многосложная система частныхъ повинностей все еще связывала помѣщиковъ съ бывшими ихъ крѣпостными крестьянами и съ другими сельскими обывателями, водворенными въ дворянскихъ имѣніяхъ, узами обоюдной зависимости.

Мы видѣли, что положенія о регулированіи 1811, 1816, 1823 и 1825 годовъ не коснулись тѣхъ крестьянъ, которые до изданія ихъ успѣли уже пріобрѣсти на свои участки право собственности, съ обязанностью уплачивать съ нихъ неизмѣнный денежный оброкъ или извѣстный процентъ съ получаемаго съ нихъ дохода *). Ихъ повинности ни въ чемъ измѣнены не были. Самые законы о регулированіи и о се-

*) Для предупрежденія вопроса: какъ согласить право *собственности* на землю съ *обязанностью* нести съ нея повинности въ пользу *вотчинника?* — считаемъ не лишнимъ напомнить читателямъ сказанное нами въ первой статьѣ о разнообразіи юридическихъ отношеній къ землѣ. По Земскому Уложенію право собственности разсматривалось какъ сложность различныхъ правъ, которыя могли находиться, какъ въ однѣхъ, такъ и въ нѣсколькихъ рукахъ. Въ первомъ случаѣ, когда права пользованія, владѣнія и отчужденія принадлежали одному лицу, являлась *полная* собственность (das volle Eigenthum, dominium plenum); во второмъ случаѣ—собственность *раздѣльная* (getheiltes Eigenthum); тотъ, кто называлъ предметъ *своимъ*, но не имѣлъ права *пользоваться* имъ *непосредственно*, именовался *верховнымъ* собственникомъ (Eigner, Ober-Eigenthümer, dominus directus); а кто *пользовался* и отчасти *располагалъ* предметомъ, тому присвоивалось право, для котораго мы не находимъ на Русскомъ языкѣ соотвѣтственнаго термина: *nutzbares Eigenthum*. Кромѣ того, встрѣчалось право собственности *ограниченное* (eingeschränktes Eigenthum), когда одному лицу принадлежали всѣ права, изъ коихъ слагалась полная собственность, но съ извѣстными ограниченіями въ опредѣленныхъ способахъ употребленія котораго-либо изъ этихъ правъ.

параціяхъ допускали между заинтересованными сторонами разнаго рода сдѣлки. Когда потери помѣщика при отводѣ крестьянамъ земли въ собственность вознаграждались *сполна* единовременною уступкою въ его пользу части (половины или трети) всей крестьянской земли, или уплатою денежнаго капитала, разводъ оканчивался разомъ, и дальнѣйшихъ притязаній не могло быть ни съ той, ни съ другой стороны; но подобные случаи составляли рѣдкія исключенія. Обыкновенно крестьяне удерживали за собою *всю* свою землю, а иногда и право на добываніе топлива въ господскомъ лѣсу, за то принимали на себя уплату постоянной ренты денежной или хлѣбной; съ своей стороны помѣщики, пользуясь предоставленнымъ имъ правомъ, выговаривали въ свою пользу вспомогательную барщину, право пасти своихъ овецъ на крестьянскомъ паровомъ полѣ, и т. п. Въ западныхъ областяхъ королевства, гдѣ способъ вознагражденія уступкою земли не находилъ примѣненія, вся прежняя, многосложная система крестьянскихъ повинностей осталась почти нетронутою. Сепараціи также очень рѣдко оканчивались на чистоту. При упраздненіи сервитутовъ, одна сторона отказывалась отъ своего права пасти скотину въ чужомъ лѣсу или добывать торфъ въ чужомъ болотѣ, а другая обязывалась уплачивать первой постоянную ренту и въ добавокъ, нѣсколько лѣтъ къ ряду, исполнять разныя работы, или ставить опредѣленное количество сѣна. Такія же отношенія существовали въ государственныхъ имѣніяхъ между казною и крестьянами, которымъ ихъ участки давно уже отданы были въ собственность.

Казна, какъ вотчинница, дворяне, крестьяне, всѣ были другъ передъ другомъ въ постоянномъ, неоплатномъ долгу, и всѣ имѣли на другихъ безсрочныя претензіи; трудно было найти, въ какомъ бы то ни было сословіи, землевладѣльца, который бы не тяготился какими-нибудь обязанностями къ другому лицу, и, въ свою очередь, не стѣснялъ когонибудь своими притязаніями на чужую недвижимую собственность.

Ослабить и потомъ развязать эти узлы, облегчить исполненіе признанныхъ закономъ обязанностей посредствомъ пе-

реложенія натуральныхъ повинностей въ денежныя, безсрочныхъ и неопредѣленныхъ въ постоянныя и урочныя, затѣмъ предоставить всѣмъ желающимъ возможность расквитаться единожды навсегда уплатою капитала, соразмѣрнаго съ цѣнностью упраздняемыхъ повинностей — вотъ послѣдняя задача, разрѣшеніемъ которой замыкался самъ собою кругъ законодательныхъ преобразованій въ юридическихъ и хозяйственныхъ отношеніяхъ земскихъ сословій.

Мы назвали ее послѣднею, вопервыхъ, потому что по самому существу своему она предполагала предварительное разрѣшеніе вопросовъ объ освобожденіи личности, труда и о предоставленіи земли въ собственность поселянамъ; вовторыхъ, потому что въ хронологическомъ порядкѣ изданія узаконеній ей посвящены послѣднія положенія, вышедшія въ пятидесятыхъ годахъ; но мысль о выкупѣ возникла гораздо раньше: она была съ самаго начала присуща правительству, какъ конечная цѣль, и попытки ускорить ея достиженіе восходятъ къ самому началу нынѣшняго столѣтія.

Первая изъ нихъ сдѣлана была еще при Штейнѣ, въ казенныхъ имѣніяхъ Прусской области и Литвѣ, изданіемъ положенія 27-го Іюня и инструкціи 22-го Августа 1808 года. Мы упомянули объ ней во второй статьѣ этого обозрѣнія*).

Три года спустя, высочайшимъ повелѣніемъ 16-го Марта 1811 года, право выкупа было распространено на казенныя имѣнія всего королевства, на слѣдующихъ основаніяхъ.

Подлежали выкупу всѣ сервитуты, монополіи, всякаго рода сборы и повинности денежныя и натуральныя, притомъ по каждой статьѣ, какъ доходъ, получаемый казною по праву верховной вотчинной собственности, такъ и обязанности казны въ отношеніи къ сельскимъ обывателямъ, напримѣръ, льготы, пособія разнаго рода, выдача топлива и т. п.

Не подлежали выкупу: совершенно случайные доходы казны; доходы, сопряженные съ правомъ суда, съ правомъ патронатства или попечительства надъ церковью; натуральные

*) См. выше стр. 266 и 267.

поборы въ пользу школъ, церквей, духовенства, учителей; общественныя, мірскія повинности; наконецъ, опредѣленная доля чистаго дохода казны съ каждаго имѣнія, которая оставалась на немъ, какъ неизмѣнный поземельный налогъ (по закону 1808 года — $^1/_4$, по закону 30-го Мая 1820 года — $^1/_6$, а на Рейнѣ — $^1/_5$).

Каждая повинность или денежная статья оцѣнивалась особо и обращалась въ окладную, денежную ренту; хлѣбный оброкъ оцѣнивался по средней цѣнѣ хлѣба, выведенной изъ тридцати-лѣтней сложности на ближайшей пристани; другіе мелкіе сборы сельскими произведеніями разнаго рода по мѣстнымъ, обыкновеннымъ цѣнамъ, а впослѣдствіи (съ 1825 года) по средней цѣнѣ, выведенной изъ четырнадцати-лѣтней сложности, за исключеніемъ двухъ самыхъ дорогихъ и двухъ самыхъ дешевыхъ годовъ. Этотъ же способъ оцѣнки примѣнялся въ Прирейнскомъ краѣ и къ хлѣбному оброку. Сноповая десятина переводилась въ сборъ зерномъ, при чемъ принималось за правило, что солома и мякина, остававшіяся въ пользу крестьянина, покрывали расходъ на обмолотъ и провозъ зерна. Сборы неокладные оцѣнивались по десяти-лѣтней сложности полученнаго отъ нихъ дохода и обращались въ окладную, денежную ренту. Когда выведенная оцѣнка хлѣба оказывалась чрезмѣрно высокою, дозволялось скидывать съ нея до 10%; съ оцѣнки другихъ произведеній скидывалось до $^1/_8$. Въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ по контрактамъ казна пользовалась правомъ увеличивать денежную ренту по истеченіи извѣстнаго періода, 12, 15, 20 или 30 лѣтъ, пропорціонально возвышенію цѣнъ на хлѣбъ, тамъ для вывода окладной неизмѣнной ренты принималась средняя цѣна хлѣба за такой же періодъ времени; но поселяне, державшіе участки на правѣ потомственнаго владѣнія, выкупали ренту по послѣднему установленному окладу. Для оцѣнки денежнаго сбора, извѣстнаго подъ названіемъ лаудеміи или вкупа (Einkauf), предполагался одинъ взносъ на извѣстное число лѣтъ, отъ 15 до 25; на это число дѣлилась сумма взноса, и полученное частное число опредѣляло соотвѣтственную окладную ренту. Разныя ограниченія, которымъ подвергались хозяева въ видахъ огражденія казен-

наго интереса, въ правѣ занимать деньги подъ залогъ земли, дѣлать завѣщанія, въ продажахъ и т. п., оцѣнивались по обоюдному соглашенію сторонъ. Круговая другъ за друга порука, которою въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ связаны были между собою хозяева, въ случаѣ выкупа повинностей, упразднялась.

Капитализація выведеннаго по каждой статьѣ дохода производилась не однообразно, а смотря по значительности суммы и по бо́льшей или меньшей вѣроятности возвышенія дохода въ будущемъ времени; сперва (по закону 1811 года) капитализація производилась изъ 4%, или помноженіемъ дохода на 25, потомъ изъ 5%, помноженіемъ на 20 (по законамъ 27 Февраля 1820 и 22 Февраля 1824 г.). Въ Прирейнскомъ краѣ Французскимъ правительствомъ введена была капитализація помноженіемъ на 15 или изъ $6^2/_3$%; Прусское правительство отмѣнило это правило (25 Сентября 1821 года), потомъ возстановило и даже распространило его въ видѣ временной льготы на все королевство, впрочемъ только въ примѣненіи къ мелкимъ статьямъ, дававшимъ менѣе талера дохода, и ко всѣмъ мелкимъ суммамъ, не составлявшимъ полнаго талера (30 Ноября 1824 года). На лѣвомъ берегу Рейна, денежная рента помножалась на 20, а натуральный оброкъ на 25; на правомъ берегу тотъ и другой помножался на 25. Доходъ отъ права охоты капитализировался изъ 3%; доходъ отъ лаудемій и леннаго права, смотря по большей или меньшей надежности его, изъ 1% и до 5%.

Срока для выкупа не полагалось, и дозволялось вносить капиталъ по частямъ. Вообще выкупъ не имѣлъ въ себѣ ничего принудительнаго для крестьянъ и предоставлялся вполнѣ на волю того, кто исполнялъ повинность.

Примѣненіе положенія 1811 года, отличающагося, съ одной стороны, своею неполнотою, съ другой, излишнею дробностью правилъ, было сопряжено съ большими затрудненіями и подавало поводъ къ безчисленнымъ недоразумѣніямъ, какъ это видно изъ множества пояснительныхъ къ нему циркуляровъ. Скоро оно было вытѣснено изъ употребленія, хотя и не отмѣнено формально, новымъ положеніемъ

о выкупѣ (Ablösungs-Ordnug), изданнымъ, какъ для казенныхъ, такъ и для частныхъ дворянскихъ вотчинъ всего королевства, за исключеніемъ Познанскаго герцогства, Вестфальской и Прирейнскихъ областей.

Въ этомъ законѣ ясно различаются двѣ операціи: переложеніе и выкупъ.

Подлежали переложенію въ неизмѣнную окладную ренту: вопервыхъ, натуральныя повинности всякаго рода (барщина, хлѣбный оброкъ, десятины всякаго рода, мелкіе поборы и т. п.); вовторыхъ, случайные и безсрочные сборы, напримѣръ лаудеміи; втретьихъ, пособія, льготы и вознагражденія разнаго рода, которыми крестьяне пользовались отъ вотчинниковъ.

Подлежали выкупу: вопервыхъ, всѣ повинности, перелагаемыя въ денежную ренту, вовторыхъ, самыя ренты и денежныя повинности всякаго рода; исключались изъ этого только повинности государственныя, общественныя, въ пользу церквей и школъ.

Какъ переложеніе, такъ и выкупъ, могли производиться по обоюдному соглашенію сторонъ и по требованію одной стороны; въ первомъ случаѣ правительственныя инстанціи ограничивались утвержденіемъ сдѣлки, если въ ней не встрѣчалось ничего противозаконнаго, во второмъ — онѣ принимали на себя все дѣлопроизводство по изданнымъ правиламъ.

Право требовать переложенія предоставлено было какъ крестьянамъ, такъ и вотчинникамъ, но съ разными ограниченіями. Вопервыхъ, изъ крестьянъ пользовались имъ только тѣ, которые владѣли своими участками на правѣ собственности, изъ платежа оброка или процента съ дохода. Это было общее правило. Вовторыхъ, переложенія или выкупа барщины могли требовать только крестьяне тяглые, владѣвшіе полными пахатными участками. Законъ не предоставлялъ этого права владѣльцамъ мелкихъ участковъ, напримѣръ Шлезскимъ огородникамъ (Dreschgärtner), въ томъ уваженіи, что между ними могли встрѣчаться семейства рабочихъ, водворенныхъ помѣщикомъ на своей землѣ единственно для того, чтобъ имѣть всегда подъ рукою по-

требное число батраковъ (Dienstfamilien - Etablissements). Обязательныя работы мелкихъ хозяевъ не иначе подлежали переложенію и выкупу, какъ по обоюдному соглашенію съ вотчинникомъ. Это крайне стѣснительное для цѣлаго класса поселянъ и несправедливое ограниченіе было отмѣнено не прежде какъ въ 1845 году для Саксонской области (зак. 18 Іюля) и для Шлезіи (зак. 31 Октября), а для прочихъ областей только въ 1850 году. Втретьихъ, также единственно изъ снисхожденія къ просьбамъ помѣщиковъ, имъ дано было право отсрочивать упраздненіе барщины, вопреки желанію крестьянъ, на довольно продолжительные сроки, а именно: вспомогательная барщина, выговоренная при регулированіи, не подлежала выкупу безъ согласія помѣщиковъ до истеченія 12 лѣтъ со дня утвержденія рецесса; а если барщина была установлена при сдачѣ участка до изданія эдикта о регулированіи и съ обязанностью нести ее вѣчно, то счетъ тѣхъ же 12 лѣтъ начинался со дня изданія положенія 1821 года. Вчетвертыхъ, выкупъ денежной ренты зависѣлъ исключительно отъ воли того, кто вносилъ ее, то-есть крестьянина; помѣщикъ же ни въ какомъ случаѣ не могъ вмѣнить ему этого въ обязанность.

Выкупа и переложенія могъ требовать каждый хозяинъ, не выжидая согласія на то другихъ крестьянъ. Впослѣдствіи, когда въ двухъ вышеупомянутыхъ провинціяхъ право выкупа повинностей было предоставлено и мелкимъ хозяевамъ, принято было за правило, чтобъ помѣщикъ, когда требованіе о выкупѣ шло отъ него, отказывался непремѣнно отъ всей совокупности работъ, исправляемыхъ этими хозяевами; тому же условію подчинялись и крестьяне, причемъ требованіе большинства дѣлалось обязательнымъ для всѣхъ. Каждая повинность, порознь взятая (напримѣръ, барщина, хлѣбный оброкъ и проч.), подлежала переложенію и выкупу отдѣльно отъ прочихъ. Помѣщику предоставлялось неограниченное право требовать переложенія натуральныхъ повинностей въ денежную ренту; онъ могъ также сложить съ себя лежавшія на немъ обязанности, какъ напримѣръ: оказывать крестьянамъ льготы, пособія, выдавать имъ строевой матеріалъ и т. д. Въ послѣднемъ

случаѣ крестьяне получали отъ помѣщика вознагражденіе въ видѣ денежной ренты. Независимо отъ этого, такъ какъ предполагалось, что каждая обязанность, на помѣщикѣ лежавшая, служила какъ бы вознагражденіемъ за опредѣленную крестьянскую повинность (напримѣръ, огородникъ, обязанный молотить господскій хлѣбъ, получалъ опредѣленное количество зерна и соломы съ копны), и что цѣнность повинности превышала цѣнность вознагражденія, то помѣщикъ могъ во всякое время освободиться отъ послѣдняго, отказавшись отъ первой. Опытъ, однакоже, доказалъ, что второе предположеніе не всегда и не вездѣ оправдывалось, и что выведенное изъ него правило часто влекло за собою несправедливости. Такъ, на практикѣ, обнаружилось, что во многихъ имѣніяхъ Щлезской и Саксонской областей обязательныя пособія со стороны помѣщиковъ превышали стоимость повинностей, и что крестьяне, при упраздненіи тѣхъ и другихъ, оставались въ накладѣ. Вслѣдствіе этого, вышеприведенное правило было отмѣнено, и постановлено было, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда, по произведенной оцѣнкѣ, стоимость льготъ и пособій будетъ превышать стоимость повинностей, помѣщики выкупали разницу денежною рентою въ пользу крестьянъ.

Оцѣнка повинностей для переложенія ихъ производилась различными способами.

1) Барщина. Когда количество рабочихъ дней конныхъ и пѣшихъ не превышало 50-ти мужскихъ пѣшихъ дней въ году *), стоимость ихъ опредѣлялась сообразно съ мѣстною поденною платою вольнонаемнымъ батракамъ, по свойству работъ и времени года. Здѣсь принято было 50 дней и не болѣе; потому что вспомогательная барщина, которую по силѣ эдикта о регулированіи помѣщикъ имѣлъ право выговорить себѣ на 12 лѣтъ, очень близко подходила къ этому числу дней и никогда не превышала его, такъ что правительство могло напередъ знать, что этотъ способъ оцѣнки

*) Конные и женскіе дни, для упрощенія разсчетовъ, переводились въ мужскіе пѣшіе по единожды навсегда установленной табели.

чаще другихъ будетъ примѣняться къ дѣлу. Въ предупрежденіе слишкомъ высокихъ оцѣнокъ, сперва положена была въ законѣ высшая нормальная оцѣнка рабочаго дня; потомъ, по домогательству провинціальныхъ Померанскихъ чиновъ, принята была предложенная ими возвышенная такса; а въ Бранденбургской области установленіе таксы предоставлено было, подъ руководствомъ генеральной коммисіи, окружнымъ коммисіямъ, состоявшимъ изъ депутатовъ отъ помѣщиковъ и отъ крестьянъ. Когда же количество рабочихъ дней превышало вышеупомянутое число дней, барщина оцѣнивалась по тѣмъ расходамъ, которые должны были пасть на помѣщика при замѣнѣ обязательной работы вольнонаемною. Этотъ же способъ оцѣнки примѣнялся къ оцѣнкѣ работъ строительныхъ и къ нарядамъ, неподведеннымъ подъ урочное положеніе (Ungemessene Dienste). Изъ выведенной оцѣнки исключались: вознагражденіе за труды, продовольствіе, угощеніе и проч., если по мѣстнымъ обычаямъ или условіямъ, крестьяне имѣли на все это право. Когда вознагражденіе превышало стоимость работъ, повинность упразднялась безвозмездно. Исключеніе изъ этого правила упомянуто выше.

2) Хлѣбный оброкъ переводился на деньги по средней цѣнѣ хлѣбу, выведенной изъ четырнадцати-лѣтней сложности, за исключеніемъ четырехъ годовъ, по общему правилу. Оно же примѣнялось во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда за какую бы то ни было упраздняемую повинность назначалось вознагражденіе рентою, если только она должна была упадать и подниматься вмѣстѣ съ цѣною на хлѣбъ.

3) Неизмѣнный оброкъ натуральными произведеніями: сыромъ, масломъ, яицами, курами, телятами, издѣліями домашней промышленности и т. п., переводился на деньги по той цѣнѣ, за которую, по мѣстнымъ обычаямъ, крестьяне откупались отъ этихъ сборовъ.

4) Десятины разнаго рода оцѣнивались приблизительно, по соображенію средняго дохода, получаемаго владѣльцемъ отъ каждой статьи, соображаясь съ состояніемъ имѣнія и зажиточностью крестьянъ. Сноповая десятина переводилась въ сборъ зерномъ.

5) Случайные доходы ограничивались лаудеміями. Смотря по тому, въ какихъ случаяхъ взималась эта пошлина, полагалось отъ одного до шести взносовъ на столѣтіе, а сумма опредѣлялась по мѣстнымъ законамъ, обычаямъ, или по примѣру прежнихъ годовъ. Выведенная сумма помножалась на число предположенныхъ случаевъ, произведеніе дѣлилось на 100, и частное число принималось за ежегодную ренту, равноцѣнную лаудеміи.

За каждую упраздняемую повинность назначалось вознагражденіе ежегодное, когда производилось простое переложеніе (Verwandlung), и единовременное, когда повинность выкупалась (Abfindung). Въ первомъ случаѣ вознагражденіе соразмѣрялось съ доходомъ, отъ повинности получаемымъ, во второмъ—съ капитальною ея стоимостью. Постоянное вознагражденіе имѣло троякій видъ. Иногда на мѣсто повинности измѣнявшейся вводилась однородная, но неизмѣнная, напримѣръ, вмѣсто десятины съ урожая—окладной сборъ зерномъ, вмѣсто лаудеміи—денежная рента; иногда натуральная повинность замѣнялась рентою; иногда, наконецъ, натуральная или денежная повинность, неопредѣленнаго количества, замѣнялась рентою, которая поднималась и опускалась вмѣстѣ съ цѣною на хлѣбъ.

Единовременное вознагражденіе производилось двоякимъ образомъ: уступкою земли и уплатою капитала. Въ томъ и другомъ случаѣ, повинность, предварительно переложенная въ ренту, капитализировалась изъ 5% или помноженіемъ на 20. Право избрать способъ вознагражденія, когда не было на то обоюднаго согласія, предоставлялось той сторонѣ, которая, вопреки собственному желанію, по требованію другой стороны, подчинялась отмѣнѣ стараго порядка; но свобода выбора подчинялась нѣкоторымъ ограниченіямъ. Вспомогательная барщина (не свыше 50-ти дней въ году) всегда перекладывалась въ ренту и выкупалась деньгами; обыкновенная барщина выкупалась или деньгами или уступкою земли; во второмъ случаѣ отводилась извѣстная доля полей, луговъ и пастбищъ. Предъ выкупомъ какой бы то ни было повинности, намѣревавшійся сложить ее съ себя обязанъ былъ увѣдомить о томъ за 6 мѣсяцевъ противную сторону.

Утвержденное коммисіею постановленіе объ упраздненіи повинности приводилось въ исполненіе по истеченіи назначеннаго срока, обыкновенно годоваго.

Когда въ замѣнъ натуральной или случайной повинности вводилась ежегодная, окладная рента, тотъ, въ чью пользу она назначалась, имѣлъ право требовать отъ лица, обязаннаго вносить ее, безсрочныхъ облигацій (или заемныхъ писемъ, по которымъ не полагалось обязательной уплаты капитала, unkündbare Obligationen), на всю капитальную ея стоимость.

Ни кредиторы, которыхъ ссуды были обезпечены залогомъ имѣній, ни однородцы (въ имѣніяхъ ленныхъ, родовыхъ и фидеи коммиссахъ), ни арендаторы, содержавшіе имѣнія по контрактамъ, не имѣли права препятствовать ни переложенію, ни выкупу повинностей; но послѣднимъ (т.-е. арендаторамъ) предоставлено было право пользоваться, въ продолженіе всего контрактнаго срока, присужденнымъ помѣщику за упраздненныя повинности вознагражденіемъ, а всѣмъ прочимъ лицамъ, имѣвшимъ какія-либо законныя претензіи на имѣніе, право требовать, чтобы полученное вознагражденіе было употреблено на улучшеніе имѣнія, подъ надзоромъ мѣстнаго начальства, или на погашеніе лежавшихъ на немъ долговъ, начиная съ старшихъ. Впрочемъ, когда упраздненіе повинностей вовлекало помѣщиковъ въ значительные единовременные расходы, они могли, съ разрѣшенія генеральныхъ коммисій и подъ ихъ наблюденіемъ, занимать потребные капиталы, на основаніи облегчительныхъ правилъ и особенныхъ преимуществъ, которыми по эдикту о регулированіи пользовались владѣльцы участковъ, обремененныхъ долгами, занесенными въ гипотечную книгу.

При взысканіи присужденныхъ ему вознагражденій за переложеніе и упраздненіе повинностей, помѣщикъ пользовался первенствомъ передъ всѣми другими претензіями.

Дѣлопроизводство по предмету переложенія и выкупа возложено было на тѣже генеральныя коммисіи, которымъ были поручены регулированія и сеперацiи, при содѣйствіи подчиненныхъ имъ уѣздныхъ коммисій. Послѣднія имѣли двоякое назначеніе: посредническихъ инстанцій, къ кото-

рымъ могли обращаться помѣщики и крестьяне для заключенія полюбовныхъ сдѣлокъ, и собраній экспертовъ, которымъ поручались всякаго рода оцѣнки.

Положеніе 1821 года распространено было на Познанское герцогство (8 Апрѣля 1823 года) съ нѣкоторыми, однакоже, видоизмѣненіями, притомъ больше въ пользу помѣщиковъ, чѣмъ крестьянъ, а именно:

Барщина, не подведенная подъ опредѣленное урочное положеніе, оцѣнивалась двоякимъ образомъ: по числу рабочихъ дней и по стоимости производимой работы. Въ первомъ случаѣ вознагражденіе опредѣлялось по таксѣ поденной платы, которая составлялась депутатами отъ дворянства; во второмъ—по расходамъ, предстоявшимъ владѣльцу для замѣны обязательнаго труда наемнымъ. Выборъ того или другаго способа предоставлялся помѣщику. Урочная барщина оцѣнивалась всегда по второму способу.

Крестьянамъ дозволялось требовать переложенія барщины неопредѣленнаго размѣра и свойства въ урочную, и если хотя одинъ хозяинъ предъявлялъ такое требованіе, то переложеніе дѣлалось обязательнымъ для всѣхъ крестьянъ, въ томъ же имѣніи водворенныхъ. Когда въ одномъ имѣніи нѣкоторые хозяева изъявляли желаніе, вмѣсто исправленія барщины, платить должный оброкъ, а другіе отъ этого отказывались, то помѣщикъ въ правѣ былъ не принимать отъ нихъ оброка, а наряжать ихъ по прежнему на работу, если число ихъ не превышало $1/4$ всѣхъ хозяевъ, въ имѣніи водворенныхъ; но они сохраняли право откупаться отъ барщины, внеся единовременно весь причитающійся за нее капиталъ, или, по крайней мѣрѣ, такую часть, которая давала бы средство вотчиннику замѣнить ихъ работу вольнонаемною.

При переложеніи хлѣбнаго оброка на денежный и при выкупѣ послѣдняго, помѣщикъ имѣлъ право требовать, чтобы средняя цѣна хлѣба выведена была изъ четырнадцатилѣтія, предшествовавшаго не предъявленію просьбы о выкупѣ (какъ дѣлалось въ другихъ провинціяхъ), а изданію положенія о регулированіи въ Познанской области, то-есть

начиная съ 1823 года, назадъ до 1809 года. Повидимому обстоятельство неважное, но на практикѣ это правило равнялось положительному запрещенію выкупа безъ согласія помѣщиковъ: ибо, въ продолженіе всего періода времени съ 1809 по 1824 годъ, стояли чрезмѣрно высокія цѣны, совершенно недоступныя крестьянамъ.

Въ западныхъ областяхъ королевства (присоединенныхъ отъ Вестфальскаго и Ганноверскаго королевствъ, отъ герцогства Бергскаго и Прирейнскихъ департаментовъ) единовременно съ упраздненіемъ крѣпостнаго состоянія введена была Французскимъ правительствомъ облегчительная и выгодная для крестьянъ система выкупа повинностей. Прусское правительство отмѣнило ее, такъ что всѣ начатыя сдѣлки пріостановились, и просьбы крестьянъ, которыхъ надежды были сильно возбуждены, цѣлыхъ четыре года оставались безъ удовлетворенія. Наконецъ, 13 Іюля 1829 года, вышло нетерпѣливо-ожидаемое положеніе, общее для всѣхъ западныхъ областей. Оно также отличалось во многомъ отъ прежде изданныхъ для западныхъ провинцій королевства.

Право требовать переложенія и выкупа предоставлялось не однимъ тяглымъ хозяевамъ, а всѣмъ сельскимъ обывателямъ, каковъ бы ни былъ объемъ ихъ участковъ, притомъ не только владѣвшимъ землею на правѣ собственности, но и на правѣ потомственнаго пользованія. За то правомъ выкупа могъ пользоваться только хозяинъ, за которымъ не состояло никакихъ недоимокъ. Повинности, лежавшія на цѣлыхъ обществахъ, исправлявшіяся за круговою порукою всѣхъ хозяевъ, напримѣръ десятинные сборы, признавались недѣлимыми и подлежали выкупу, противъ воли помѣщика, только въ сложности, цѣлымъ обществомъ, а не каждымъ домохозяиномъ порознь; но воля большинства была въ этомъ случаѣ обязательна для меньшинства. Большинство исчислялось не по числу душъ или дворовъ, а по количеству тягостей, на нихъ лежавшихъ. Помѣщикъ въ правѣ былъ требовать примѣненія этого правила, то-есть выкупа цѣлымъ обществомъ, и къ барщинѣ, если только она исправлялась изстари въ предѣлахъ одного имѣнія и сосредоточивалась

на одной господской экономіи. Ни крестьянинъ, ни помѣщикъ не могъ требовать выкупа или переложенія какой бы то ни было повинности, въ неполномъ ея объемѣ, напримѣръ, половины рабочихъ дней, трети хлѣбнаго оброка. Контракты, заключенные до введенія Французскаго кодекса, которыми одна сторона обязывалась исправлять вѣчно какія-либо повинности, теряли свою силу черезъ 12 лѣтъ со дня обнародованія положенія 1829 года. Барщина, въ позднѣйшую эпоху введенная, но съ тѣмъ же условіемъ, т.-е. на вѣчныя времена, не подлежала выкупу только до смерти помѣщика, заключившаго контрактъ, или до истеченія 12-ти лѣтъ.

За изложенными ограниченіями, всѣ частныя повинности и тягости подлежали переложенію въ денежную ренту, по требованію одной стороны, кромѣ хлѣбнаго оброка, который переводился въ неизмѣнную денежную ренту, по обоюдному лишь соглашенію. Всѣ безъ изъятія повинности подлежали выкупу по требованію крестьянъ; помѣщикъ же могъ требовать выкупа только хлѣбнаго оброка и десятиннаго сбора продуктами земли.

Относительно оцѣнокъ и условій, какъ переложенія, такъ и выкупа, обѣимъ сторонамъ предоставлена была свобода заключать между собою всякаго рода сдѣлки, не стѣсняясь изданными правилами; установленныя для дѣлъ этого рода инстанціи вступались въ нихъ не иначе, какъ по вызову одной стороны или обѣихъ вмѣстѣ, по засвидѣтельствованіи ими, что добровольной сдѣлки не состоялось.

Оцѣнка повинностей производилась по доходу, на основаніи выше-изложенныхъ правилъ, съ слѣдующими лишь отступленіями. Хлѣбный оброкъ оцѣнивался по системѣ, сложенной изъ принятой въ коренныхъ провинціяхъ королевства и изъ введенной въ Познанской области. Сперва выводилась средняя цѣнность изъ четырнадцатилѣтія, начиная счетъ съ 1829 года (т.-е. съ обнародованія закона о выкупѣ); потомъ изъ четырнадцатилѣтія со дня предъявленія просьбы о выкупѣ; наконецъ, изъ двухъ полученныхъ цифръ выводилась средняя.

Барщина урочная оцѣнивалась по количеству исполняемыхъ работъ, а барщина неопредѣленнаго размѣра—по стои-

мости рабочаго дня, заранѣе опредѣленной. Цѣнность мелкихъ поборовъ разными произведеніями выводилась изъ 14-ти лѣтней сложности и служила нормою на 10 лѣтъ впередъ. Право на выморочные участки (Heimfallsrecht) оцѣнивалось въ 2, въ 5 и въ 10% съ чистаго дохода, отъ участка получаемаго, смотря по тому, сколько у хозяина состояло на виду законныхъ наслѣдниковъ; это правило введено въ 1835 году. Изъ дохода, получаемаго отъ десятины, выключался расходъ на подвозъ продуктовъ, молотьбу, очистку зерна, и пр.

Капитализація всѣхъ доходовъ производилась изъ 4% или помноженіемъ на 25.

По закону, вознагражденіе постоянное, при переложеніи, назначалось денежною рентою; а единовременное, при выкупѣ, въ троякой формѣ: денежнаго капитала, земли, капитала и земли вмѣстѣ. Первая форма примѣнялась ко всѣмъ случаямъ и была безусловно-обязательна для помѣщика, который не въ правѣ былъ не принять капитала, если крестьянинъ вносилъ его сполна. Прочія имѣли ограниченное примѣненіе. Если помѣщикъ требовалъ выкупа хлѣбнаго оброка или хлѣбной десятины, то крестьянинъ могъ расквитаться съ нимъ, уступивъ ему часть своей земли, или уплативъ ему въ 4 года денежный капиталъ, внося ежегодно не менѣе 100 талеровъ на погашеніе долга и по 4% на остальную сумму. Если выкупа требовалъ крестьянинъ, то выборъ того или другаго вознагражденія предоставлялся помѣщику. Въ обоихъ случаяхъ крестьянинъ имѣлъ право не отдавать болѣе $^{1}/_{3}$ принадлежавшей ему земли, или вообще право оставить за собою количество земли, потребное для упряжнаго хозяйства. Когда при этомъ условіи уступленный клочекъ земли не представлялъ достаточнаго для помѣщика вознагражденія, то онъ въ правѣ былъ требовать доплаты хлѣбнымъ оброкомъ или денежною рентою.

Впрочемъ, это правило о неотчужденіи болѣе $^{1}/_{3}$ земли было обязательно только для помѣщиковъ и не связывало крестьянъ. По собственному желанію, они могли уступить земли и больше. Отводъ земли въ натурѣ допускался еще въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьянинъ, выкупая хлѣбный

оброкъ, изъявлялъ желаніе за одинъ разъ упразднить и всѣ другія, на немъ лежавшія повинности. Если же послѣднія упразднялись каждая отдѣльно, то вознагражденіе назначалось не иначе, какъ деньгами *).

Итакъ, съ 1830 года во всѣхъ провинціяхъ королевства производились единовременно четыре операціи, въ сущности различныя, но клонившіяся къ одной, общей цѣли и очень часто сливавшіяся въ одну:

I. Регулированіе — отводъ крестьянамъ земли въ собственность и опредѣленіе ихъ повинностей.

II. Сепарація или разводъ—упраздненіе общаго владѣнія и сервитутовъ;

III. Переложеніе натуральныхъ, безурочныхъ и случайныхъ повинностей въ денежныя, урочныя и неизмѣнныя; наконецъ, —

IV. Выкупъ повинностей.

Законодательство, повидимому, завершило свое дѣло, и точно, пройденное нами время отъ 1807 до 1830 года, заключаетъ въ себѣ самый богатый періодъ его развитія; но мы уже неразъ имѣли случай замѣтить, что конецъ его далеко не соотвѣтствовалъ началу. На первыхъ порахъ, до 1815 года, законодательная иниціатива шла постоянно сверху, подъ вліяніемъ того могучаго, почти лирическаго настроенія, которымъ охвачена была воспрянувшая нація. Во всѣхъ изданныхъ въ то время эдиктахъ ставились ясныя, широкія начала, высказывались смѣло и безъ утайки высокія цѣли, къ которымъ стремилось правительство, частности и подробности подчинялись общимъ видамъ, потому что въ самой націи сильно ощущалась потребность принести въ жертву общему благу личныя и сословныя выгоды. Съ 1814 года творческая сила законодательства начинаетъ, какъ будто, упадать. Движеніе впередъ замедляется; вмѣ-

* Сверхъ разсмотрѣнныхъ нами положеній изданы были еще другіе частные законы о выкупѣ повинностей, впрочемъ не представляющіе никакихъ замѣчательныхъ особенностей, а именно для княжества Зигенскаго (13 Іюня 1840 года), для герцогства Вестфальскаго (того жъ числа и года) и для обоихъ графствъ Витхенштейнскихъ (22 Декабря 1839 года). О послѣднемъ будетъ говорено ниже.

его прежней, строгой послѣдовательности, мы встрѣчаемъ уступки, исторгаемыя частными домогательствами, даже попятные шаги, какъ будто нехотя, невольно сдѣланные, подъ вліяніемъ какихъ-то темныхъ опасеній, громче и громче раздающихся голосовъ недовольной партіи, и очень ощутительной робости передъ борьбою съ препятствіями.

Первые признаки этой реакціи замѣтны уже въ декларація 1816 года къ эдикту о регулированіи и становятся еще ощутительнѣе въ положеніяхъ, изданныхъ для Познанскаго герцогства, для западныхъ областей, и, наконецъ, въ законахъ о выкупѣ повинностей. Законодательная инціатива видимо переходитъ въ руки мѣстныхъ чиновъ и высшихъ сословій; они дѣлаются вожаками реакціоннаго движенія, а правительство постепенно переходитъ къ оборонительной, отрицательной роли. Въ законахъ мелочной партикуляризмъ подавляетъ общія начала, и каждая статья ведетъ за собою цѣлый рядъ ограниченій, оговорокъ, изъятій, почти окончательно лишающихъ ее всякой силы. Правда, нѣтъ нигдѣ формальнаго отреченія отъ началъ, провозглашенныхъ Штейномъ и Гарденбергомъ, нельзя сказать, чтобы дѣло стало, но оно идетъ въ затяжку.

Отчего это произошло? — Очевидно, что Пруссія испытала дѣйствіе того неотразимаго закона, одинаково властвующаго надъ матеріальною природою и надъ человѣкомъ, въ силу котораго, за каждымъ могучимъ напряженіемъ, наступаетъ какъ бы отдыхъ или временный упадокъ силъ. Но, разумѣется, этотъ общій законъ проявился не самъ собою, а черезъ посредство тѣхъ особенныхъ историческихъ условій, которыми опредѣлялись отношенія правительства къ обществу въ тогдашней Пруссіи. Онѣ, конечно, памятны читателямъ, и потому мы коснемся ихъ только слегка.

Минута возстанія противъ Наполеона была минутою разцвѣта всякаго рода свѣтлыхъ надеждъ, и правительство не только не старалось охладить ихъ, но, напротивъ того, поддерживало всѣми мѣрами восторженное настроеніе молодаго поколѣнія. Изъ устъ короля и ближайшихъ его сподвижниковъ вырывались поощрительныя слова—эти слова принимались за обѣщанія. Впереди рисовалось преобразованное

политическое устройство всей земли, и можно было думать, что само правительство добровольно пойдетъ на встрѣчу привлекательной будущности, — но правительство призадумалось...

Франція была побѣждена и заключена въ свои собственные предѣлы; оскорбленная Германская народность получила полное удовлетвореніе, главная цѣль была достигнута, и стремленіе къ ней уступило мѣсто новой заботѣ: какъ бы обезпечить миръ, доставшійся такъ дорого, и успокоить внутреннее броженіе умовъ? Эта забота, какъ извѣстно, набросила тѣнь грустной думы на послѣдніе года самаго Штейна. Но слова, произнесенныя за нѣсколько лѣтъ, не забывались; безпрестанные намеки на неудовлетворенныя ожиданія слышались на ландтагахъ, съ каѳедръ, въ журналахъ, книгахъ и разговорахъ. Правительство всѣми мѣрами старалось убѣдить публику, что Вѣнскимъ Конгрессомъ кончилась великая народная драма, начавшаяся подъ Іеною, а публика не расходилась, настоятельно требуя обѣщаннаго эпилога. Мало-по-малу прежнее сочувствіе и откровенныя отношенія между правительствомъ и обществомъ уступили мѣсто какому-то напряженному и недовѣрчивому ожиданію съ той и другой стороны, и въ тоже время обѣ стороны избѣгали объясненій. Естественно, что при этихъ обстоятельствахъ правительство утратило прежнюю свободу дѣйствій. Представители власти открывали провинціальные сеймы (учрежденные въ 1823 году) съ озабоченнымъ видомъ, какъ будто сознавая за собою тягость невыполненнаго обязательства; они выслушивали ходатайства мѣстныхъ чиновъ недовѣрчиво, думая только о томъ, какъ бы сдержать ихъ въ извѣстныхъ предѣлахъ и не дать имъ переступить завѣтной черты. Съ этимъ условіемъ все остальное уступалось имъ легко, а между тѣмъ это остальное заключало въ себѣ судьбу простаго народа.

Такимъ образомъ, исключительное стремленіе—заглушить политическій вопросъ или, по крайней мѣрѣ, отсрочить его на возможно-долгое время—заставило правительство отказаться отъ прежней настойчивости въ довершеніи тѣхъ внутреннихъ преобразованій, гдѣ выгоды дворянства, въ то

время почти единственнаго представителя еще робкой оппозиціи, сталкивались съ благомъ крестьянъ. Съ своей стороны, дворянство, первенствуя на ландтагахъ, естественно воспользовалось перемѣною обстоятельствъ и приняло совершенно новое положеніе: наступательно-либеральное въ отношеніи къ правительству и въ тоже время реакціонное въ отношеніи къ низшему сословію поселянъ.

Это было великое несчастіе для Пруссіи, ибо начатыя преобразованія никакъ не могли окончиться полюбовною сдѣлкою между запуганнымъ правительствомъ и пріосанившимся дворянствомъ. Было еще третье лицо, заинтересованное болѣе всѣхъ другихъ въ этомъ дѣлѣ — простой народъ, который также, какъ и дворянство, въ эпоху всеобщаго возстанія, жертвовалъ состояніемъ и жизнію, также надѣялся, ждалъ, просилъ, которому опредѣлительнѣе, чѣмъ другимъ сословіямъ, даны были формальныя обѣщанія, для котораго, наконецъ, было уже сдѣлано много, такъ много, что не додѣлать всего было гораздо опаснѣе, чѣмъ вовсе не начинать дѣла. Но именно этого, какъ кажется, не понимало правительство. Оно какъ будто опускало изъ виду, что, по мѣрѣ улучшенія матеріальнаго быта поселянъ и идущаго въ уровень съ нимъ развитія понятій о правѣ и законности, послѣдніе остатки прежней зависимости лица отъ лица, прежняго домашняго произвола, становились невыносимѣе со дня на день. Хозяйственное и юридическое положеніе крестьянъ въ сороковыхъ годахъ было таково, что удержать его надолго не было никакой возможности.

Они были свободны, и въ тоже время обязательная барщина, продолжавшаяся почти повсемѣстно, а въ нѣкоторыхъ провинціяхъ въ значительныхъ размѣрахъ (напримѣръ въ Познанскомъ герцогствѣ), стѣсняла ихъ въ распоряженіи своимъ временемъ и своимъ трудомъ. Даже такъ называемые безурочные наряды, совершенно зависѣвшіе отъ усмотрѣнія помѣщиковъ, далеко не вездѣ были отмѣнены. Въ западныхъ областяхъ, какъ и въ цвѣтущее время крѣпостнаго права, помѣщикъ входилъ на дворъ умершаго хозяина и уводилъ къ себѣ лучшую корову или лошадь (Besthaupt, Kurmede). Нѣкоторыя повинности стали даже тягост-

нѣе прежняго. Напримѣръ, лаудеміи въ старину взимались рѣдко и не составляли для крестьянъ значительнаго расхода, пока дворянскія имѣнія не были предметомъ торга и, принося небольшой доходъ, цѣнились дешево. Но когда, вслѣдствіе новыхъ законовъ, тѣже имѣнія стали чаще переходить изъ рукъ въ руки и доходы съ нихъ удвоились, лаудеміи обратились въ разорительный и притомъ непредвидимый налогъ.

Правительство провозгласило право крестьянъ на землю, а послѣдствіемъ его распоряженій (какъ мы видѣли при разборѣ эдиктовъ о регулированіи) было то, что многочисленный классъ огородниковъ, хатниковъ и мелкихъ хозяевъ, остался вовсе безъ земли, лишился всякой осѣдлости и низведенъ былъ на степень сельскихъ пролетаріевъ или бездомныхъ батраковъ.

Крестьяне тяглые, владѣльцы пахатныхъ участковъ, получили землю въ собственность; но съ этой самой земли они исправляли повинности и въ распоряженіи ею подчинялись разнымъ ограниченіямъ, истекавшимъ изъ такъ называемаго верховнаго права вотчинной собственности, которое все еще оставалось за помѣщиками (Ober-Eigenthums-Herrn-Recht).

Крестьянамъ, и то далеко не всѣмъ, было предоставлено право выкупать лежавшія на нихъ повинности, но мы видѣли на какихъ условіяхъ. Помѣщикъ избиралъ способъ оцѣнки и способъ вознагражденія, разумѣется, самый выгодный для себя, а не для крестьянина. Коммисіи для опредѣленія вознагражденія за барщину цѣнили ее наравнѣ съ вольнымъ трудомъ; для опредѣленія средней цѣны на хлѣбъ принимали періодъ времени, составлявшій рѣзкое исключеніе по необыкновенной дороговизнѣ, и выводили такую ренту, которая рѣшительно была не по силамъ крестьянамъ; наконецъ, когда послѣдніе доказывали, что предлагаемыя условія слишкомъ для нихъ невыгодны, они получали одинъ отвѣтъ: „внесите капиталъ наличными деньгами" — но откуда же было взять его, когда ни казенные, ни частные банки не открывали крестьянамъ кредита? Очевидно, что при этихъ условіяхъ право выкупа было ничто иное, какъ

соблазнительная приманка. Оно дразнило, но не удовлетворяло.

Ко всему этому должно прибавить, что, по чрезвычайной запутанности изданныхъ правилъ *), по сложности дѣлопроизводства, проходившаго черезъ три инстанціи, а часто черезъ четыре и пять, когда къ хозяйственнымъ и административнымъ вопросамъ примѣшивались судебные, дѣла о сепараціяхъ и выкупахъ тянулись необычайно долго и стоили крестьянамъ огромныхъ денегъ. Трудно было ожидать отъ простыхъ людей, не посвященныхъ въ тайны служебнаго механизма, спокойнаго признанія этой, почти неизбѣжной медленности. Все, что казалось имъ справедливымъ и яснымъ, могло, по ихъ понятіямъ, разрѣшиться легко и скоро, а потому несносныя для нихъ проволочки они относили къ проискамъ помѣщиковъ, къ недоброжелательству чиновниковъ и къ равнодушію правительства.

Народъ былъ недоволенъ, и не безъ основанія; но явныхъ признаковъ перемѣны въ его внутреннемъ настроеніи не было замѣтно, и люди, стоявшіе во главѣ управленія, какъ кажется, не подозрѣвали, что правительство мало-по-малу теряло довѣріе и сочувствіе массъ. Этотъ печальный фактъ обнаружился во всей ясности только въ критическую эпоху 1848 года.

Движеніе пошло, какъ извѣстно, не отъ селъ и не отъ крестьянъ, а отъ городовъ и средняго сословія; оно имѣло въ основѣ своей не соціальный, а политическій характеръ. На первомъ планѣ стоялъ вопросъ объ ограниченіи верховной власти конституціонными учрежденіями (die Verfassungs-Frage), къ которымъ, конечно, простой народъ былъ совершенно равнодушенъ; онъ былъ увлеченъ не причиною волненій, а самымъ волненіемъ, которое расшевелило его, и онъ присталъ къ нему по инымъ, собственнымъ своимъ побужденіямъ. Въ четырехъ Падерборнскихъ округахъ поселяне потребовали прекращенія сепарацій, незадолго передъ

*) Само министерство въ 1850 году объявило въ собраніи первой камеры, что даже Прусскому уроженцу нѣтъ почти никакой возможности найти толкъ въ отечественномъ законодательствѣ по вопросамъ объ отношеніяхъ землевладѣльцевъ къ крестьянамъ и о правахъ на землю.

тѣмъ начатыхъ въ томъ краѣ; въ нѣкоторыхъ Саксонскихъ округахъ они протестовали противъ чрезмѣрной обременительности повинностей въ пользу помѣщиковъ; въ Шлезіи они домогались безвозмезднаго упраздненія барщины, сложенія рентъ и капиталовъ, законнымъ порядкомъ исчисленныхъ, на выкупъ повинностей; кое-гдѣ они требовали возстановленія прежняго своего права въѣзда въ господскіе лѣса, и когда встрѣчали въ томъ отказъ, безпощадно истребляли заповѣдныя рощи. Во многихъ мѣстахъ раздраженіе доходило до того, что цѣлыя толпы, подъ страшными угрозами, начали исторгать у помѣщиковъ формальныя отреченія отъ ихъ законныхъ правъ, такъ что правительство, безсильное обуздать своеволіе, вынуждено было объявить заранѣе совершенно недѣйствительными всѣ уступки, вынужденныя насиліемъ. Тогда же обнародованъ былъ манифестъ къ поселянамъ (20-го Апрѣля 1848 года), которымъ правительство принимало на себя обязательство, въ самомъ непродолжительномъ времени, подвергнуть тщательному пересмотру всѣ законы объ отношеніяхъ крестьянъ къ землѣ и къ помѣщикамъ, съ цѣлью удешевить и ускорить упраздненіе повинностей, а на первыхъ порахъ обѣщало тамъ, гдѣ была крайняя въ томъ нужда, ввести немедленно временныя, облегчительныя положенія. Отъ всѣхъ областныхъ правленій и центральныхъ коммисій потребованы были въ наикратчайшій 14-ти дневный срокъ свѣдѣнія по этимъ предметамъ и предположенія о новыхъ мѣрахъ (27-го Апрѣля 1848 года). Опасность была такъ очевидна, что на сей разъ и оппозиція пріумолкла; сами помѣщики и притомъ Шлезскіе, тѣ самые, которые дальше и удачнѣе всѣхъ противодѣйствовали мѣрамъ правительства и за то больше всѣхъ потерпѣли отъ взрыва народнаго негодованія, обратились въ министерство съ убѣдительными просьбами, не теряя ни минуты, порѣшить вопросъ о повинностяхъ и удовлетворить крестьянъ, вызываясь добровольно на всевозможныя жертвы.

Итакъ, по истеченіи сорока лѣтъ послѣ Наполеоновскаго разгрома, понадобился второй, тяжелый урокъ, напомнившій страшныя, средневѣковыя возстанія крестьянъ

(Bauern-Kriege), чтобъ обратить правительство и высшее сословіе на прежній путь, къ сожалѣнію, съ 1815 года ими покинутый.

Мы не станемъ обременять вниманіе читателей изложеніемъ временныхъ, но радикальныхъ мѣръ, принятыхъ въ 1848 и 1849 годахъ для укрощенія народнаго броженія; достаточно сказать, что въ эти два года помѣщики потеряли и отдали гораздо больше, чѣмъ сколько они успѣли отстоять съ самаго начала регулированія. Теперь приступимъ къ изученію послѣднихъ законовъ, вызванныхъ событіями 1848 года.

Вскорѣ по открытіи перваго національнаго собранія, въ томъ же году, тогдашній министръ торговли, промышленности и публичныхъ работъ, фрейгеръ фонъ-Патовъ, внесъ на обсужденіе депутатовъ очень замѣчательную записку о недостаткахъ дѣйствовавшихъ узаконеній и о мѣрахъ къ ускоренію выкупа повинностей.

Она начиналась откровеннымъ признаніемъ тѣхъ ошибокъ, въ которыя правительство было вовлечено начавшеюся въ 1815 году реакціею.

Положеніе о регулированіи, изданное въ 1811 году, писалъ фонъ-Патовъ, имѣло цѣлью даровать право собственности на землю всѣмъ владѣвшимъ ею осѣдлымъ крестьянамъ. При опредѣленіи вознагражденія въ пользу помѣщиковъ, оно принимало въ соображеніе, съ одной стороны, стоимость упраздняемыхъ повинностей и потери отъ этого проистекавшія для вотчинниковъ, а съ другой—рабочія силы и матеріальныя средства крестьянъ. На основаніи этихъ двухъ данныхъ постановлены были нормы вознагражденія, которыхъ исполнительныя инстанціи не могли переступать. Такимъ образомъ старинное правило, по которому каждый крестьянскій дворъ долженъ былъ непремѣнно обезпечивать безбѣдное существованіе хозяина, его семьи и уплату лежавшихъ на немъ податей, было удержано. Но впослѣдствіи правительство измѣнило ему; оно ограничило примѣненіе закона одними пахатными или тяглыми участками, и въ то же время пожертвовало интересами всѣхъ вообще поселянъ, разрѣшивъ помѣщикамъ требовать вознагражденіе свыше

нормальнаго и полагая въ основаніе исчисленій только цѣнность повинностей и сумму потерь, а не средства крестьянъ. Оттого во многихъ случаяхъ регулированіе и выкупъ повинностей имѣли послѣдствіемъ чрезмѣрное обремененіе и даже разореніе поселянъ. Эти ошибки надобно теперь исправить, и для этого: 1) упразднить безвозмездно всѣ повинности, имѣющія характеръ личныхъ, а не поземельныхъ налоговъ, и всѣ ограниченія, не приносящія помѣщикамъ никакого дохода. Фонъ-Патовъ насчитывалъ до 12-ти видовъ таковыхъ повинностей и между ними нѣсколько такихъ, о которыхъ прежде нигдѣ не упоминалось. Изъ этого перечня мы узнаемъ, между прочимъ, что, несмотря на неоднократное повтореніе въ разныхъ законахъ основнаго правила, въ силу котораго всѣ обязанности крестьянъ, истекавшія изъ крѣпостнаго права на личность, подлежали безоговорочному упраздненію, на практикѣ все еще существовалъ особый сборъ съ крестьянъ на приданое помѣщичьимъ дочерямъ, исправлялись безплатные караулы при господскомъ имуществѣ, ставились подводы и отпускалось продовольствіе, также безвозмездно, на господскую прислугу и т. п. 2) Право требовать регулированія и выкупа возвратить всѣмъ осѣдлымъ хозяевамъ, каковъ бы ни былъ объемъ ихъ участковъ. 3) Принять за правило, что вознагражденіе въ пользу помѣщика не должно никогда превышать $^{2}/_{3}$ чистаго дохода, получаемаго съ участка. 4) Барщину цѣнить *ниже* вольнонаемной работы; вознагражденіе работою допускать не иначе, какъ по обоюдному соглашенію сторонъ, не далѣе какъ на 12 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи этого срока она упразднялась безвозмездно; избраніе способа вознагражденія предоставить крестьянамъ; при поступленіи просьбы о выкупѣ какой бы то ни было повинности и съ чьей бы то ни было стороны, немедленно приступать къ переложенію и упраздненію всѣхъ, и т. д. 5) Капитализацію денежныхъ рентъ, происшедшихъ отъ переложенія натуральныхъ повинностей, производить помноженіемъ не на 20, а на 18, то-есть изъ $5^{5}/_{9}$ %. 6) Для облегченія и ускоренія выкупа учредить банки, которые выдавали бы помѣщикамъ причитающіеся въ воз-

награжденіе имъ капиталы облигаціями, приносящими 4 %, а съ крестьянъ получали бы исчисленныя ренты, за вычетомъ изъ нихъ $^{1}/_{10}$ на уплату процентовъ предъявителямъ облигацій и на погашеніе долга въ 41 годъ.

На изложенныхъ основаніяхъ составлены были проэкты двухъ законовъ о выкупѣ повинностей и о банкахъ, которые безъ малаго два года разсматривались въ обѣихъ камерахъ. Между тѣмъ, самые важные вопросы, отъ которыхъ зависѣла будущность сельскаго сословія, были рѣшены въ 42 статьѣ государственной конституціи, обнародованной въ 1850 году. Въ ней объявлялось право неограниченнаго распоряженія недвижимою собственностію, дробленія имѣній и выкупа повинностей; безвозмездное упраздненіе вотчинной юрисдикціи и полицейской расправы, всѣхъ особенныхъ политическихъ привиллегій, присвоенныхъ нѣкоторымъ вотчинамъ; упраздненіе всѣхъ обязанностей, повинностей и ограниченій, истекавшихъ изъ подчиненности сельскихъ обывателей верховнымъ владѣльцамъ; наконецъ, тою же статьею требовалось, чтобы, на будущее время, земля сдавалась въ наслѣдственное владѣніе не иначе, какъ на правѣ полной собственности, при чемъ, однакоже, дозволялось вотчинникамъ выговаривать въ свою пользу денежную неизмѣнную ренту, впрочемъ подлежавшую выкупу *).

Опираясь на эту статью, правительство настаивало на необходимость примѣнить безотлагательно къ юридическимъ отношеніямъ и хозяйственному устройству поселянъ общія начала, признанныя представителями всей націи, и выражало надежду, что помѣщики поймутъ необходимость, для собственнаго ихъ блага, подчиниться нѣкоторымъ пожертвованіямъ.

Тѣмъ не менѣе, въ камерахъ обнаружилась довольно сильная оппозиція, особенно въ первой. Коммисія второй камеры одобрила переданные ей на разсмотрѣніе проэкты за-

*) Впослѣдствіи эти общія положенія подверглись изъятіямъ и ограниченіямъ, помѣстному дворянству возвращены были нѣкоторыя полицейскія права, дозволено было отдавать земли въ потомственное владѣніе, учреждать ленныя имѣнія и фидеи-коммисы. Смотри: Die Vertheilung des Grundeigenthums etc. v. Lette, Berlin, 1858.

коновъ, предложивъ къ нимъ нѣкоторыя измѣненія въ частностяхъ, но безъ всякихъ оговорокъ относительно основныхъ положеній; а коммисія первой камеры, отрицая, съ точки зрѣнія экономической, выгодность всеобщаго переложенія повинностей въ денежный процентъ, признала однакоже, необходимость этой мѣры съ точки зрѣнія политической. Аргументація дворянской оппозиціи основывалась главнѣйшимъ образомъ на томъ, что повинность, лежавшая на землѣ, доставляла готовый, неподверженный никакимъ биржевымъ кризисамъ, капиталъ, который, при разсчетливомъ употребленіи, оказывался болѣе производительнымъ, чѣмъ всякая нарицательная цѣнность, и доставлялъ такія выгоды, какихъ нельзя было извлечь изъ облигацій самыхъ вѣрныхъ и надежно обезпеченныхъ. Это былъ, можно сказать, послѣдній, прощальный залпъ партіи, окончательно сбитой съ позиціи. Законы, внесенные правительствомъ, были приняты огромнымъ большинствомъ и вышли 2 Марта 1850 года; они дѣйствуютъ доселѣ и требуютъ подробнаго разсмотрѣнія. Мы начнемъ съ перваго — о выкупѣ повинностей и регулированіи отношеній между помѣщиками и крестьянами.

Къ предшествовавшимъ ему положеніямъ о тѣхъ же предметахъ этотъ законъ относится не какъ новое къ нимъ дополненіе или частное измѣненіе, а какъ полный выводъ, въ которомъ все то нашло мѣсто, что было въ нихъ лучшаго, что выдержало долголѣтнее испытаніе, а все неудачное, ошибочное или непримѣнимое исключено. Замѣняя собою цѣлый рядъ прежнихъ постановленій, положеніе 1850 года исключаетъ ихъ изъ круга дѣйствующаго законодательства. Далѣе, отъ предшествовавшихъ ему положеній оно отличается тѣмъ, что первыя носили всѣ безъ изъятія характеръ мѣстныхъ, провинціальныхъ законовъ, имѣвшихъ болѣе или менѣе ограниченное примѣненіе, тогда какъ послѣднее издано для всего королевства, за исключеніемъ лѣваго берега Рейна, гдѣ предположенная цѣль была уже почти повсемѣстно достигнута, на гораздо выгоднѣйшихъ для крестьянъ условіяхъ, при дѣйствіи Французскаго гражданскаго уложенія. Наконецъ, законъ 1850 года самъ по себѣ

имѣетъ самостоятельное значеніе, какъ приложеніе финансовой операціи къ полному освобожденію крестьянъ отъ личной зависимости и упраздненію поземельныхъ повинностей.

Для ясности послѣдующаго изложенія, повторяемъ еще разъ: эдиктъ 1811 года о выкупѣ повинностей въ казенныхъ имѣніяхъ, эдиктъ тогоже года о регулированіи въ коренныхъ областяхъ королевства, декларація къ нему 1816 года, законы 1819 и 1823 годовъ о регулированіи въ Котбушскомъ округѣ, въ Познанскомъ герцогствѣ, въ округѣ города Данцига, съ пояснительными къ нему декларація ми, положенія 1821, 1829, 1837, 1839, 1840 и 1845 годовъ о выкупѣ повинностей, временныя положенія, изданныя въ 1848 и 1849 годахъ, со всѣми къ нимъ пояснительными и дополнительными указами и циркулярами, отмѣнены безусловно. Вмѣсто ихъ дѣйствуютъ теперь слѣдующія правила, предлагаемыя нами въ извлеченіи и въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ они изложены въ подлинникѣ *).

I. Объ упраздненіи повинностей.

Упраздняются безвозмездно: а) Всѣ права, обязанности и повинности, носящія характеръ остатковъ прежней личной зависимости, стѣсняющія свободное распоряженіе недвижимою собственностью, наконецъ, неприносящія владѣльцамъ никакого дохода или самый незначительный. Сюда относятся, кромѣ правъ и повинностей уже упраздненныхъ прежними узаконеніями: верховное ленное право и право верховной вотчинной собственности (какъ юридическое право, а не въ смыслѣ доходной статьи); право на обратное полученіе участковъ выморочныхъ или обремененныхъ недоимкою; право возвышать оброкъ или процентъ, получаемый съ хозяина, владѣющаго участкомъ потомственно; право перекупа, какъ принадлежность помѣщичьяго права на крестьянскую землю, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ перекупъ допускается общими законами; обязанность, сопряжен-

*) Нѣкоторыя, не встрѣчающіяся въ подлинникѣ поясненія и дополненія заимствованы изъ коментаріевъ Летте и Рӧнне, Вулѣтена, Фрея и изъ разсужденій обѣихъ камеръ.

ная съ владѣніемъ крестьянскимъ участкомъ, исполнять, по требованію помѣщика, извѣстнаго рода работы за обычное вознагражденіе; право понуждать хозяина участка къ разведенію и поддержанію шелковичныхъ плантацій. b) Право на часть изъ крестьянскаго движимаго наслѣдства; право противиться раздробленію крестьянскихъ участковъ: всѣ повинности и службы неосѣдлыхъ обывателей, исполняемыя въ пользу помѣщика, въ качествѣ попечителя и мѣстнаго судьи; всѣ доходы и пошлины, истекающія изъ вотчинной юридикціи и полицейской расправы; всѣ повинности, связанныя съ исключительнымъ правомъ охоты; караулъ господскихъ домовъ и полей; службы разнаго рода и поставка подводъ для личныхъ надобностей помѣщика, его прислуги и должностныхъ лицъ по вотчинѣ; поборы на приданое для господскихъ дочерей (въ томъ числѣ, право помѣщика общипывать крестьянскихъ гусей на перины); приношенія на крестины помѣщичьихъ дѣтей; пошлины, имѣющія характеръ налоговъ или истекающія изъ монополій, какъ то: за пользованіе водою, за содержаніе пчельниковъ, извѣстныхъ родовъ рогатаго скота, обязательная продажа воска и другихъ продуктовъ помѣщику, а не кому-либо другому; право помѣщика пользоваться деревьями и кустами, растущими не сплошною массою, а разрозненно на крестьянской землѣ; право помѣщика распоряжаться незастроенными и нележащими подъ дорогами пустыми мѣстами посреди селеній (Anen—часть выгона): всѣ таковыя мѣста поступаютъ въ общественную собственность поселянъ, которые обязываются за то содержать на свой счетъ дороги, мосты, гати, и проч. Единовременно съ исчисленными крестьянскими повинностями, упраздняются обязанности, лежавшія на помѣщикахъ и служившія вознагражденіемъ для крестьянъ, въ томъ числѣ: обязанность давать крестьянамъ подводы для похоронъ, крестинъ, свадебъ, для привоза и отвоза врача, повивальной бабки и т. д. Но обязанность помѣщика, въ случаѣ неурожаевъ и другихъ бѣдствій, оказывать крестьянамъ льготы (Remissionen) остается въ прежней силѣ. Не подлежатъ безвозмездной отмѣнѣ тѣ повинности изъ числа упомянутыхъ подъ буквою b, которыя

положительно выговорены, по обоюдному соглашенію между вотчинникомъ и крестьяниномъ, въ самомъ актѣ о сдачѣ участка первымъ второму. Слѣдовательно, въ строгомъ смыслѣ, отмѣнено только то, чѣмъ пользовался помѣщикъ какъ прирожденнымъ ему правомъ, а не въ силу договора. Это важное ограниченіе вошло въ законъ вопреки сильному противодѣйствію второй камеры.

II. О выкупѣ повинностей.

Упраздняются съ вознагражденіемъ всѣ прочія поземельныя повинности и тягости, лежащія на участкахъ, принадлежащихъ хозяевамъ на правѣ неполной собственности или потомственнаго владѣнія изъ платежа денежнаго оброка или процента, за исключеніемъ: повинностей государственныхъ, земскихъ, общественныхъ и предназначенныхъ на постройку и ремонтъ церквей, церковно-служительскихъ домовъ и школъ; прочія повинности въ пользу церквей, духовенства и школъ подлежатъ переложенію въ денежную ренту, но не выкупу [1]). Сервитуты (Servituten, Grundgerechtigkeiten) или права̀ ограниченнаго пользованія чужою собственностію [2]) выкупаются на основаніи не настоящаго положенія, а особыхъ прежде изданныхъ правилъ (Gemeinheit-Theilungs Ordnungen). Для опредѣленія вознагражденія исчисляется на деньги доходъ отъ каждой повинности, получаемый вотчинникомъ.

---

[1]) Переложеніе этихъ повинностей пріостановлено высочайшимъ повелѣніемъ 13 Іюля 1850 года.

[2]) Опредѣленіе признаковъ, которыми отличается поземельная повинность (Reallast) отъ сервитуты—одинъ изъ самыхъ сложныхъ и трудныхъ вопросовъ Нѣмецкой юриспруденціи. Хотя объ этомъ предметѣ было писано много, но еще вопросъ удовлетворительно не разрѣшенъ. Изъ судебной практики выработалось слѣдующее приблизительное опредѣленіе. Подъ словомъ Reallast подразумѣвается обязанность что-нибудь сдѣлать или внести за владѣніе землею, напримѣръ, отработать нѣсколько дней, заплатить оброкъ и т. п. Подъ словомъ Grundgerechtigkeit—обязанность допустить къ чему-нибудь другаго, не мѣшать ему пользоваться землею, напримѣръ, подобрать колосья на полѣ по уборкѣ хлѣба, пасти скотину въ лѣсу и т. п.

a) Барщина. Если въ имѣніи уплачивался и принимался безспорно денежный оброкъ въ теченіе 10-ти лѣтъ, въ замѣнъ постоянной барщины, и въ теченіе 20-ти лѣтъ, въ замѣнъ барщины чрезвычайной или вспомогательной (считая оба срока назадъ со дня объявленія о выкупѣ этой повинности), то этотъ оброкъ или средняя цифра ежегоднаго оброка, если онъ измѣнялся въ теченіе этого времени, принимается за готовую оцѣнку барщины. Въ прочихъ случаяхъ, за неимѣніемъ таковой данной, допускается двоякій способъ оцѣнки. Барщина, опредѣленная числомъ дней, переводится въ ренту по таксамъ рабочихъ дней, заранѣе составленнымъ для каждаго округа; при оцѣнкѣ принимается въ соображеніе число рабочихъ часовъ, свойство работы, время года, количество и свойство употребляемыхъ орудій и рабочихъ силъ. Барщина, опредѣленная количествомъ требуемой работы или не подведенная подъ урочное положеніе, оцѣнивается третейскими судьями по соображенію расходовъ, потребныхъ на производство тѣхъ же работъ вольными батраками или поденьщиками съ помощью собственныхъ или наемныхъ лошадей и орудій. При этомъ берется въ разсчетъ, что барщина или обязательная работа никогда не равняется достоинствомъ съ вольнонаемною, и потому должна быть оцѣниваема ниже. Продовольствіе вольныхъ работниковъ и содержаніе упряжи оцѣнивается также по таксамъ, которыхъ третейскіе судьи обязаны придерживаться. Работы, опредѣленныя какъ числомъ дней, такъ и уроками, а равно строительныя работы, оцѣниваются вторымъ способомъ. Наряды, которыхъ количество и свойство измѣняется сообразно съ средствами и силами крестьянъ (Walzenden-Dienste) *) оцѣниваются гуртомъ, по 10-ти или 20-ти лѣтней сложности исполненныхъ ими работъ; затѣмъ, если нѣтъ другихъ положительныхъ данныхъ для раскладки этой повинности по хозяйствамъ, сумма при-

*) Къ этому разряду относились повинности, выраженныя слѣдующимъ образомъ: въ имѣніи А крестьяне, содержащіе пару воловъ, обязаны доставить, куда укажутъ, 2 сажени дровъ. Содержащіе двѣ пары—перевести все нужное количество сѣна на скотный дворъ; пѣшіе, не имѣющіе рабочаго скота—очищать отъ снѣга и навоза скотный дворъ и т. п.

сужденнаго вознагражденія за конныя работы распредѣляется на всѣ тяглые дворы, по количеству прирѣзанной къ нимъ пахатной земли, а за пѣшіе дни—на всѣ пѣшіе дворы, поровну. Тѣмъ же порядкомъ дѣлается зачетъ вознагражденія за работу, получаемаго хозяевами отъ помѣщика. Вообще подлежитъ оцѣнкѣ и выкупу не вся масса работъ, на которую помѣщикъ имѣетъ право, а только то количество, которое дѣйствительно исправляется и въ которомъ помѣщикъ нуждается по свойству мѣстнаго хозяйства; потребность каждаго хозяйства опредѣляется третейскими судьями *). Не примѣняется это правило только къ тѣмъ имѣніямъ, гдѣ помѣщикъ пользуется особеннымъ правомъ сдавать постороннимъ лицамъ ненужный ему, обязательный трудъ крестьянъ (напримѣръ, по условіямъ ставить работниковъ), или требовать отъ крестьянъ денежнаго вознагражденія за работы, ими невыполненныя.

b) Хлѣбный неизмѣнный оброкъ переводится въ денежную ренту по средней цѣнѣ хлѣба на ближайшей пристани; эта цѣна выводится изъ сложности 24-хъ лѣтнихъ цѣнъ, за исключеніемъ 4-хъ годовъ, представляющихъ крайнія по дороговизнѣ и по дешевизнѣ цифры. Съ полученной средней цѣны скидывается 5% на томъ основаніи, что получаемый съ крестьянъ (сборный) хлѣбъ бываетъ всегда ниже товарнаго по достоинству. Если хлѣбный оброкъ, установленный въ замѣнъ другихъ повинностей (по прежде дѣйствовавшимъ правиламъ), уплачивался не натурою, а деньгами, по средней цѣнѣ хлѣба, выведенной изъ 10-ти или болѣе продолжительной сложности годовъ, то для переложенія его въ неизмѣнную денежную ренту принимается оброчная сумма, внесенная въ послѣдній платежный срокъ, предшествовавшій подачѣ объявленія о выкупѣ. Если же

*) Эта статья содержитъ въ себѣ чрезвычайно важное правило. Въ примѣненіи къ нашему хозяйству оно привело бы, напримѣръ, къ слѣдующему результату: по закону, помѣщикъ имѣетъ право требовать отъ каждой тягловой женщины, за вычетомъ праздниковъ, около 140 дней въ году; но по опыту дознано, что женщина рѣдко отработываетъ болѣе 80 дней, и потому помѣщикъ только за это послѣднее число дней можетъ получить вознагражденіе при упраздненіи барщины.

цѣна хлѣба выводилась не изъ десятилѣтней сложности, а изъ кратчайшаго періода, или опредѣлялась ежегодно вновь, то переложеніе оброка въ неизмѣнную ренту производится вышеуказаннымъ порядкомъ, изъ сложности цѣнъ, взятыхъ за 24 года.

c) Прочіе сборы натуральными произведеніями, поступающіе въ неизмѣнномъ количествѣ, переводятся въ ренту по той цѣнѣ, по которой крестьяне отъ нихъ откупались въ прежнее время, слѣдуя правилу, установленному для оцѣнки барщины. Гдѣ этотъ способъ, по неимѣнію данныхъ, примѣненъ быть не можетъ, тамъ стоимость продуктовъ опредѣляется по нормальнымъ цѣнамъ, выведеннымъ для каждаго округа изъ 20-ти лѣтней сложности. Предполагается, что получаются продукты низшаго сорта. Если же качество ихъ опредѣлительно обозначено въ документахъ, то нормальныя цѣны къ нимъ не примѣняются, а производится оцѣнка третейскими судьями. По послѣднему способу, во всѣхъ случаяхъ, производится оцѣнка виннаго сбора*).

d) Десятинные сборы натуральными произведеніями оцѣниваются также какъ барщина и сборы тѣми же произведеніями, въ неизмѣнномъ количествѣ поступающіе, если до обнародованія настоящаго положенія въ замѣнъ десятины получался съ крестьянъ извѣстный процентъ деньгами или хлѣбный оброкъ. Въ другихъ случаяхъ экспертамъ поручается опредѣлить, по соображенію хозяйственнаго положенія участковъ, обложенныхъ десятиннымъ сборомъ, среднее количество произведеній, съ нихъ получаемыхъ. Оцѣнка же произведеній производится по правиламъ, изложеннымъ выше, съ тою разницею, что съ цѣнности зерноваго хлѣба не дѣлается скидки 5%, а вычитывается изъ валоваго дохода расходъ на сборъ десятины. Такимъ же образомъ оцѣнивается и сноповая десятина. Со дня введенія въ дѣйствіе настоящаго закона, участки, доселѣ не подлежавшіе десятинному сбору, не могутъ быть облагаемы имъ вновь; поэтому десятинный сборъ съ новыхъ земель,

*) Здѣсь разумѣется виноградное вино.

поступающихъ въ распашку, упраздняется самъ собою, безъ вознагражденія.

е) Лаудеміи, взимаемыя при вводѣ во владѣніе новаго помѣщика, равно какъ и лаудеміи неопредѣленнаго количества, введенныя послѣ изданія эдикта 14 Сентября 1811 г., упраздняются безъ вознагражденія. Отнынѣ съ каждаго участка дозволяется брать только одинъ какой бы то ни было видъ лаудеміи *). Въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ доселѣ эта пошлина взыскивалась въ различныхъ случаяхъ и въ количествѣ неодинаковомъ, высшій взносъ обращается въ ренту, а прочіе отмѣняются. Мелкія канцелярскія пошлины, поступавшія вмѣстѣ съ лаудеміями (за приложеніе печати, за изготовленіе акта, за подпись и т. п.), также отмѣняются безъ вознагражденія, какъ принадлежности упраздненной патримоніальной юридикціи. Право взыскивать лаудемію должно быть доказано помѣщикомъ: обычай не принимается за доказательство, а требуется предъявленіе какого бы то ни было документа, содержащаго въ себѣ формальное признаніе этого права за помѣщикомъ со стороны, по крайней мѣрѣ, одного изъ хозяевъ, владѣвшихъ участкомъ. Для опредѣленія выкупа приводится въ извѣстность, вопервыхъ, число взносовъ въ теченіе ста лѣтъ; вовторыхъ, количество взносовъ. Случаевъ, подающихъ законный поводъ къ полученію лаудеміи, смотря по виду ея, полагается отъ одного до трехъ. Если количество взноса опредѣлено единожды навсегда неизмѣнною цифрою, то эта цифра принимается за данную для оцѣнки; если она опредѣлена извѣстнымъ процентомъ съ капитальной стоимости

*) Лаудеміи (Laudemien, Besitz-Veränderungs-Abgaben) дѣлились на виды по тѣмъ случаямъ, которые подавали поводъ къ ихъ взысканію, какъ то: при вступленіи во владѣніе новаго помѣщика (Abgabe in der herrschenden Hand)—этотъ видъ отмѣненъ безусловно и безвозмездно; при вступленіи каждаго новаго хозяина во владѣніе участкомъ (in der dienenden Hand)—это второй видъ; при вступленіи во владѣніе не прямаго, а боковаго наслѣдника—третій видъ; при женитьбѣ хозяина—четвертый видъ; при сдачѣ или при продажѣ участка—пятый видъ, и т. д. Подъ лаудеміями неопредѣленнаго количества разумѣлись тѣ, которыя составлялъ извѣстный процентъ съ дохода, получаемаго хозяиномъ, или съ капитальной стоимости участка.

участка или съ суммы, внесенной на пріобрѣтеніе права владѣнія участкомъ, то экспертамъ поручается произвести оцѣнку крестьянскаго двора: при этомъ, съ цѣнности земли скидывается 20%, а съ цѣнности рабочаго инвентаря и строеній—50%. Если количество взноса не опредѣлено ни тѣмъ, ни другимъ способомъ, то выводится средній доходъ, полученный помѣщикомъ отъ лаудемій, достовѣрно имъ взысканныхъ въ послѣднее время. Сумма средняго дохода, полученнаго имъ отъ каждаго взноса, помножается на число случаевъ, положенныхъ на столѣтіе, и дѣлится на сто. Частное число принимается за ежегодную ренту, равноцѣнную праву на взысканіе лаудеміи *). Со дня подачи хо-

*) Напримѣръ, предположимъ, что съ участка взыскивается равныхъ лаудемій:

1) При вступленіи новаго помѣщика во владѣніе участкомъ—этотъ сборъ отмѣняется.

2) При всякой сдачѣ участка помимо прямаго наслѣдника, по 20% съ капитальной стоимости двора. Таковыхъ случаевъ было въ сто лѣтъ. . 3

3) При поступленіи участка къ прямому наслѣднику, по 10%; таковыхъ случаевъ въ сто лѣтъ было. 4

4) При вступленіи хозяина въ бракъ, по 10 р. с.; таковыхъ случаевъ было въ сто лѣтъ. 7

Итого случаевъ 14

Участокъ оцѣненъ въ 1000 рубл., а именно: земля въ 800 рубл., а строенія, рабочій скотъ и орудія въ 200 рубл. Скидывается съ 800 р. 20%, что составитъ 160 р.; съ 200 р. 50%, что составитъ 100 р., а всего—260 р., затѣмъ остается 740 р., представляющихъ капитальную стоимость участка. Выходитъ:

На лаудемію № 2 три случая по 20%.	438 р.
На лаудемію № 3 четыре случая по 10%.	292 „
На лаудемію № 4 семь случаевъ по 10 р. сер.	70 „
Итого дохода въ 100 лѣтъ:	800 р.,
а ежегодно, по —	8 р.

Но какъ по закону допускается только одинъ видъ лаудемій, а именно тотъ, который приноситъ высшій доходъ, то въ этомъ случаѣ удерживается № 2, дающій 438 руб., а прочіе упраздняются. Далѣе, по закону наслѣдованій въ боковой линіи полагается на сто лѣтъ не болѣе двухъ случаевъ, слѣдовательно, два взноса по 20% съ 740 рубл. составятъ: 296. Эта сумма представляетъ доходъ за цѣлое столѣтіе; раздѣливши ее на сто, получится 2 р. 96 к., сумма, равная ежегодной рентѣ, служащей вознагражденіемъ за упраздненную лаудемію. Помѣщикъ теряетъ $63^1/_2$%, не считая потери отъ пониженной оцѣнки участка.

зяиномъ участка объявленія о желаніи его выкупить эту пошлину, право помѣщика на взысканіе оной прекращается, а хозяинъ обязывается вносить за нее ежегодную ренту, вышеизложеннымъ способомъ исчисленную. Эта рента взыскивается со дня ея установленія, а не со дня послѣдняго очищеннаго взноса лаудеміи. Каждому хозяину предоставляется право искать вознагражденія за неправильно съ него взысканныя лаудеміи въ прошлое время, только въ томъ случаѣ, если при взносѣ ихъ онъ письменно выговорилъ себѣ это право и если онѣ были взысканы съ него порядкомъ исполнительнымъ, уже по предъявленіи съ его стороны спора противъ законности помѣщичьяго требованія.

f) Неизмѣнныя денежныя повинности принимаются при выкупѣ въ полную сумму приносимаго ими дохода, безъ всякой скидки. Если денежная повинность уплачивается не ежегодно, а черезъ нѣсколько лѣтъ, то сумма, каждый разъ поступающая, дѣлится на число годовъ, составляющихъ установленный періодъ времени, и этимъ способомъ обращается въ ежегодную ренту.

На основаніи облегчительныхъ правилъ настоящаго положенія *) подлежатъ выкупу не только денежныя ренты, имѣющія образоваться впредь изъ переложенія нынѣ исправляемыхъ натуральныхъ повинностей, но кромѣ того и нѣкоторые виды денежнаго оброка, установленные въ прежнія времена, а именно: ренты и процентные сборы, при назначеніи которыхъ опредѣленъ и выкупъ за нихъ, исчисленный на общемъ законномъ основаніи, посредствомъ капитализаціи дохода изъ 4%, съ предоставленіемъ права выкупа исключительно плательщику, т.-е. крестьянину, а не помѣщику; далѣе—ренты и процентные сборы, при установленіи коихъ вовсе не опредѣлено выкупа. Не примѣняется настоящее положеніе, вопервыхъ, къ рентамъ и процентнымъ сборамъ, подлежащимъ выкупу не прежде, какъ по

---

*) Облегченія изложены будутъ ниже; они состояли въ томъ, что рента помножалась не на 25 или 20, а на 18, и что крестьянинъ сохранялъ $^1/_3$ чистаго своего дохода.

истеченіи извѣстнаго періода времени; вовторыхъ, къ рентамъ и процентнымъ сборамъ, коихъ выкупа можетъ требовать, какъ платящій, такъ и взимающій; втретьихъ, къ рентамъ и процентнымъ сборамъ, капитализированнымъ на основаніи прежнихъ правилъ или добровольныхъ сдѣлокъ не изъ 4%, а изъ инаго процента. Впрочемъ, и въ послѣднихъ трехъ случаяхъ взимающему ренту или процентъ дозволяется просить о переводѣ ихъ съ плательщика на рентный банкъ, на основаніи нижеизложенныхъ правилъ; а лицу платящему предоставляется на волю воспользоваться пособіемъ банка или отказаться отъ онаго и остаться при ежегодномъ денежномъ оброкѣ, введенномъ прежними постановленіями. Съ своей стороны, банкъ въ правѣ не принять на себя перевода ренты или процентовъ, если они превышаютъ ⅔ чистаго дохода, получаемаго съ участка. Эта довольно запутанная статья требуетъ нѣкоторыхъ поясненій. По дѣйствовавшимъ правиламъ иногда оцѣнивался сперва ежегодный доходъ, получаемый отъ какой бы то ни было повинности, напримѣръ, отъ извѣстнаго числа рабочихъ дней, отъ взноса опредѣленнаго количества хлѣба и т. д., и выведенная оцѣнка принималась за ренту. Затѣмъ рента капитализировалась, и изъ предварительно опредѣленнаго дохода выводился капиталъ или выкупъ. Иногда, наоборотъ, сперва опредѣлялся капиталъ, напримѣръ, цѣнность всего крестьянскаго участка, и съ этого капитала крестьяне обязывались платить извѣстный процентъ. Слѣдовательно, въ сущности рента и процентъ совершенно одинаково относились къ капиталу, и вся разница между ними заключалась въ способѣ исчисленія. Далѣе, по прежнимъ правиламъ, переложеніе натуральной повинности въ денежную составляло совершенно самостоятельную операцію, которая вовсе не влекла за собою ни необходимости, ни даже права выкупа; но инстанціи, производившія переложеніе, всячески старались, во избѣжаніе возобновленія довольно сложной и хлопотливой процедуры, склонить помѣщиковъ и крестьянъ къ тому, чтобы рядомъ съ рентою, въ одномъ и томъ же постановленіи, опредѣлять и выкупъ или капиталъ, которымъ рента могла быть погашена. Когда обѣ стороны

противъ этого не возражали и не предъявляли никакихъ особенныхъ условій относительно срока или суммы выкупа, тогда сумма эта опредѣлялась посредствомъ помноженія на 25 или изъ 4%, потому что таковъ былъ законный процентъ, а право требовать выкупа предоставлялось, также на основаніи общаго закона, одному плательщику. Но для нѣкоторыхъ особенныхъ случаевъ, для извѣстнаго рода повинностей, закономъ установлена была капитализація изъ иного, высшаго или низшаго процента, и право требовать выкупа предоставлялось какъ платящему, такъ и взимающему; наконецъ, случалось, что условія выкупа опредѣлялись не на законномъ основаніи, а частными, обоюдо-обязательными договорами между крестьянами и помѣщиками; такъ, напримѣръ, послѣдніе отлагали выкупъ на срокъ болѣе или менѣе продолжительный, или выговаривали въ свою пользу право понуждать крестьянъ къ выкупу, когда имъ самимъ разсудится, или, наконецъ, капитализировали иныя повинности не изъ 4, а изъ 3%. Итакъ, прежнія, вошедшія въ силу постановленія о переложеніи повинностей, дѣлились на три разряда:

1) Не содержащія въ себѣ ничего относительно суммы и правилъ выкупа.

2) Содержащія въ себѣ примѣненіе къ даннымъ случаямъ общихъ законныхъ правилъ о способѣ капитализаціи и о порядкѣ выкупа.

3) Составленныя съ отступленіемъ отъ общихъ правилъ, на основаніи частныхъ законовъ или добровольныхъ сдѣлокъ.

Законъ 1852 года вводилъ новыя, благопріятныя для крестьянъ и невыгодныя для помѣщиковъ правила выкупа; кромѣ того, онъ требовалъ, чтобы за переложеніемъ повинностей слѣдовалъ непремѣнно и выкупъ. Подъ дѣйствіе этихъ правилъ естественно подходили всѣ ренты, долженствовавшія, послѣ изданія закона 1852 года, занять мѣсто еще не упраздненныхъ въ то время натуральныхъ повинностей; кромѣ того, правительство намѣревалось распространить примѣненіе тѣхъ же правилъ и на всѣ прежде установленныя ренты, но камеры рѣшительно воспро-

тивились этому, и примѣненіе новаго закона къ прежнимъ рентамъ было ограничено двумя видами, указанными подъ №№ 1 и 2. На добровольныя же сдѣлки, всегда болѣе выгодныя для помѣщиковъ, чѣмъ для крестьянъ, закону не было дано обратнаго дѣйствія.

g) Всѣ прочія повинности, какъ-то: откормъ и нагулъ господскаго скота, разныя пошлины, сходящія съ ремесленниковъ, работы, ими исправляемыя, равно какъ пособія и вознагражденія со стороны помѣщиковъ, за все это положенныя, переводятся на деньги на основаніи тѣхъ же правилъ, а въ случаѣ ихъ недостаточности—по оцѣнкѣ, произведенной экспертами.

Изъ суммы, представляющей годовую цѣнность всѣхъ упраздненныхъ повинностей, выключается сумма всѣхъ льготъ и вознагражденій отъ помѣщика; остатокъ показываетъ цѣнность, подлежащую обязательному выкупу. Если сумма вознагражденій превышаетъ сумму повинностей, то лишекъ, остающійся на сторонѣ первыхъ, выкупается помѣщикомъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и крестьянскія повинности, но послѣднее правило не примѣняется къ тѣмъ особеннымъ случаямъ, гдѣ, въ силу частныхъ условій, помѣщикъ пользуется правомъ, во всякое время, отказавшись отъ крестьянскихъ повинностей, сложить съ себя всѣ, на немъ лежащія обязанности. Если вознагражденіе, получаемое крестьянами, заключается въ нѣкоторой долѣ собраннаго или обмолоченнаго ихъ трудами хлѣба (таково было положеніе Шлезскихъ огородниковъ-молотильщиковъ) и если стоимость этой доли превышаетъ стоимость исправляемой крестьянами работы, то помѣщикъ обязанъ вознаградить крестьянъ, преимущественно передъ другими способами, отводомъ земли въ натурѣ изъ своихъ владѣній. Если, наоборотъ, повинности оцѣнены выше вознагражденія, крестьянинъ въ правѣ требовать, чтобы положенная на него за упраздненіе первыхъ денежная рента отнюдь не превышала $^2/_3$ чистаго дохода, получаемаго имъ съ участка, такъ, чтобы $^1/_3$ этого дохода всегда оставалась свободною для обезпеченія хозяина и исправной уплаты государственныхъ податей. На этомъ основаніи, гдѣ

окажется нужнымъ, рента понижается до принятой нормы [1]). Не подходятъ подъ дѣйствіе послѣдняго правила денежныя ренты и хлѣбные оброки, установленные въ прежнія времена на основаніи дѣйствовавшихъ положеній о регулированіи, сепараціяхъ, переложеніи и выкупѣ повинностей. Чистый доходъ, получаемый съ участка, выводится слѣдующимъ образомъ. Прежде всего третейскіе судьи опредѣляютъ обыкновенную продажную цѣну участка со всѣми лежащими на немъ тягостями и со всѣми предоставленными ему выгодами; съ этой цѣны полагается 4%, и къ нимъ причисляется цѣнность ежегодно исправляемыхъ, подлежащихъ выкупу, повинностей (за вычетомъ изъ нея суммы вознагражденій отъ помѣщика); сложность двухъ упомянутыхъ цифръ (т.-е. 4% и стоимости повинностей) принимается за чистый доходъ съ участка [2]). Денежная рента, выведенная указаннымъ выше порядкомъ, должна быть

[1]) Тоже право предоставлено и владѣльцамъ мельницъ при переложеніи и выкупѣ повинностей, лежащихъ на участкахъ, къ мельницамъ прирѣзаннымъ по спеціальному закону о мельницахъ, изданному 11 Марта 1850 года.

[2]) Предположимъ, что съ участка сходитъ ежегодно:

Поземельнаго оброка	10 руб.
Ренты поземельной въ замѣнъ барщины	10 —
Ренты въ замѣнъ лаудемія	2 —
Ренты въ замѣнъ мелкихъ даней	4 —
Итого	26 руб.
Продажная цѣна участка	1,000 руб.
Чистый доходъ опредѣлится слѣдующимъ образомъ: съ 1,000 р. 4%=40	—
	+ 26 —
Итого	66 руб.

Изъ этой суммы 1/3: 22 рубл. должна оставаться въ рукахъ хозяина, а потому онъ въ правѣ требовать, чтобы рента, съ него сходящая, понижена была отъ 26 до 4 рубл. Этотъ разсчетъ основанъ на томъ соображеніи, что покупающій участокъ оплачиваетъ его не только процентомъ съ внесеннаго имъ единовременно капитала, но и принимаемыми имъ на себя повинностями. Слѣдовательно, капитальная стоимость участка слагается изъ капитала, внесеннаго наличными деньгами на пріобрѣтеніе права владѣть имъ, и изъ капитала, представляемаго повинностями, лежащими на землѣ. Въ приведенномъ примѣрѣ участокъ стоитъ 1000 рубл., да капиталъ представляемый 26-ти рублевою рентою, по 4%=650, итого=1650 рубл. Эту цѣну дѣйствительно далъ бы за него покупщикъ, еслибъ участокъ былъ свободенъ отъ всякихъ повинностей.

выкупаема крестьяниномъ взносомъ наличныхъ денегъ или переводомъ ренты на рентный банкъ. Въ первомъ случаѣ помѣщикъ получаетъ капиталъ, равный произведенію ренты, помноженной на 18, во второмъ—четырехпроцентныя облигаціи на сумму, равную произведенію той же ренты, помноженной на 20 *).

Изложенныя правила относятся во всей полнотѣ собственно только къ крестьянскимъ хозяйствамъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, и къ выкупу повинностей, истекавшихъ изъ прежнихъ, принудительныхъ отношеній крѣпостныхъ людей къ ихъ владѣльцамъ (ein gutsherrlichbäuerliches oder lassitisches Verhältniss); на участки же, розданные до обнародованія настоящаго закона, независимо отъ этихъ отношеній, въ силу свободныхъ, письменныхъ договоровъ, въ собственность или въ наслѣдственное оброчное содержаніе (zu Erbpacht, Erbzins oder Eigenthum) они примѣняются съ слѣдующими измѣненіями. Вопервыхъ, хозяева таковыхъ участковъ не могутъ требовать пониженія ренты до $^2/_3$ получаемаго ими чистаго дохода; вовторыхъ, лежащая на нихъ рента помножается всегда на 20 или капитализируется изъ 5%; втретьихъ, рента подлежитъ выкупу только по требованію обѣихъ сторонъ или одной изъ нихъ, но безъ всякаго къ тому принужденія со стороны правительства; вчетвертыхъ, банкъ вступается въ дѣло и выдаетъ облигаціи только въ томъ случаѣ, когда потребуетъ выкупа помѣщикъ; еслиже захочетъ содержатель участка освободиться отъ ренты, то онъ обязанъ за шесть мѣсяцевъ впередъ увѣдомить о томъ помѣщика, не прибѣгая къ посредничеству банка, уплатить капиталъ деньгами въ четыре года, и до окончательной расплаты вносить помѣщику 5% съ остающейся за нимъ въ долгу суммы. При исчисленіи ренты и выкупа, государственная поземельная подать не принимается къ зачету, вознагражденія за нее не полагается, перевода съ одной земли на другую не допускается; но дѣйствующія въ западныхъ областяхъ особыя по этому предмету правила (здѣсь подразумѣвается обычный въ тѣхъ

*) См. ниже законъ о рентныхъ банкахъ.

областяхъ вычетъ $^1/_8$ изъ частныхъ повинностей на государственныя подати) остаются въ силѣ до переложенія всѣхъ повинностей въ ренты.

Назначеніе торговыхъ пунктовъ или пристаней (гдѣ собираются справочныя цѣны) и установленіе нормальныхъ цѣнъ производится по распоряженію областныхъ коммисій, вѣдающихъ всѣ дѣла о регулированіи, сепараціяхъ и выкупахъ. Прежде всего каждая область дѣлится на части, и въ каждой изъ нихъ учреждается особая оцѣночная коммисія. Эта коммисія, сообразивъ ходъ мѣстной промышленности, подраздѣляетъ свою часть на округи и, на основаніи собранныхъ ею свѣдѣній, опредѣляетъ для каждаго округа нормальный торговый пунктъ (Normal-Markort) и нормальныя цѣны. Члены коммисіи или оцѣнщики избираются по большинству голосовъ мѣстными землевладѣльцами, на половину изъ лицъ, несущихъ повинности (крестьянъ, арендаторовъ), и на половину изъ своего сословія (помѣщиковъ). Областная коммисія назначаетъ къ нимъ предсѣдателя безъ права голоса. Постановленія оцѣночныхъ коммисій поступаютъ на утвержденіе; послѣдняя, въ случаѣ разногласія между оцѣнщиками, рѣшаетъ спорные вопросы, а недовольнымъ ея рѣшеніями оцѣнщикамъ предоставляется входить съ представленіями въ государственную коллегію сельскохозяйственныхъ дѣлъ *). Черезъ каждые 10 лѣтъ производится повѣрка нормальныхъ цѣнъ и избранныхъ нормальныхъ пунктовъ. При оцѣнкѣ повинностей берутся за основаніе нормальныя и торговыя цѣны того округа, въ которомъ исправляются работы или куда отвозятся произведенія, а если мѣсто доставки не опредѣлено, то—округа, въ которомъ расположено имѣніе.

*) Это учрежденіе, принесшее Пруссіи значительную пользу, по назначенію своему не административное, а ученое и совѣщательное, въ родѣ нѣкоторыхъ нашихъ спеціальныхъ комитетовъ, основано было въ 1842 году; оно обязано было собирать и поддерживать запасъ всякаго рода свѣдѣній о положеніи сельскаго хозяйства и земскихъ сословій, доводить до свѣдѣнія правительства всѣ ихъ нужды и желанія, составлять проэкты улучшеній, знакомить сельскихъ хозяевъ съ разнаго рода новыми изобрѣтеніями и улучшеніями, проводить въ массы путемъ убѣжденія и разными поощреніями мысли и виды правительства и т. д.

III. О регулированіи.

Независимо отъ мѣръ, принятыхъ для облегченія и ускоренія выкупа повинностей, исправляемыхъ съ тѣхъ участковъ, которые, по договорамъ или въ силу оконченнаго регулированія, поступили уже въ собственность хозяевъ (хотя и неполную), самое регулированіе, имѣющее цѣлью размежевать крестьянъ съ помѣщиками и дать имъ поземельную собственность, имѣетъ быть продолжаемо въ тѣхъ областяхъ, гдѣ оно начато *), на основаніи слѣдующихъ, новыхъ правилъ.

Подлежатъ регулированію всѣ участки, каковъ бы ни былъ ихъ объемъ (слѣдовательно, уже не одни пахатные, но и мелкіе); притомъ, какъ состоящіе на крестьянской землѣ, такъ и вырѣзанные изъ господской, мывной земли; если 1) участки эти, до обнародованія эдикта 14 Сентября 1811 года или высочайшаго повелѣнія 6 Мая 1819 года, розданы были крестьянамъ для обработки или въ пользованіе изъ платежа оброка или съ обязанностью исправлять барщину; если 2) крестьяне владѣли ими на правѣ потомственномъ или хотя бы и срочномъ, но въ послѣднемъ случаѣ, 3) если помѣщикъ, по закону или по обычаю, обязанъ былъ, удаливъ хозяина, сдать участокъ другому изъ крестьянскаго же сословія.

Не подлежатъ регулированію: 1) участки, розданные помѣщиками, по договорамъ, въ срочное, арендное содержаніе, безъ всякаго отношенія къ крѣпостному праву, и 2) тѣ участки, на которыхъ водворены должностныя лица, ремесленники, рабочіе, находящіеся въ услуженіи при помѣщикѣ или при его экономіи.

Всѣ тѣ крестьяне, которые, на основаніи настоящаго закона или прежнихъ положеній, захотѣли бы предъявить право на регулированіе участковъ отъ нихъ отошедшихъ, но бывшихъ нѣкогда въ ихъ владѣніи или во владѣніи

*) То-есть въ западныхъ, коренныхъ областяхъ королевства, для которыхъ изданъ былъ эдиктъ 1811 года, и въ Познанскомъ герцогствѣ.

лицъ, по которымъ они состоятъ наслѣдниками, обязаны предъявить свои требованія не позже 1-го Января 1852 года (т. е. въ теченіе года и 10-ти мѣсяцевъ). Въ противномъ случаѣ теряютъ права свои.

При регулированіи принимается въ разсчетъ: 1) со стороны помѣщика, право собственности на землю и на рабочій инвентарь, право на крестьянскій трудъ, на оброкъ натуральный и денежный, на всѣ вообще повинности, не подлежащія безвозмездному упраздненію, право пользованія крестьянскими угодіями—сервитуты. 2) Со стороны крестьянъ, право на пособія и льготы въ случаѣ бѣдствій, отвѣтственность помѣщика за нихъ передъ правительствомъ въ платежѣ податей и въ исправленіи государственныхъ повинностей, обязанность помѣщика обстроивать на свой счетъ крестьянъ и поддерживать строеніе въ исправности, всѣ подлежащія выкупу вознагражденія, получаемыя отъ помѣщика, право пользоваться господскими угодіями, какъ-то: пастбищемъ, лѣсомъ, и другія сервитуты.

Крестьянинъ, владѣлецъ участка, получаетъ право собственности на всю землю и на рабочій инвентарь; помѣщику особаго вознагражденія за это не полагается, но съ него слагается обязанность помогать крестьянину и отвѣчать за него передъ правительствомъ. Всѣ прочія права, обязанности и доходы обѣихъ сторонъ оцѣниваются на деньги третейскими судьями и переводятся въ ренту, на основаніи выше-изложенныхъ правилъ. Изъ цѣнности крестьянскихъ повинностей выключается цѣнность обязанностей, лежащихъ на помѣщикѣ; остатокъ, представляющій долгъ крестьянина, выкупается имъ порядкомъ, указаннымъ выше. Еслибы оказалось, что обязанности, на помѣщикѣ лежащія, превышаютъ цѣнность крестьянскихъ повинностей, то тѣ и другія упраздняются, но вознагражденія въ пользу крестьянина не полагается. Изъятіе изъ послѣдняго правила допускается только для крестьянъ, получающихъ за свою работу извѣстную долю изъ убраннаго и обмолоченнаго ими хлѣба (въ Шлезіи). Всякій крестьянинъ въ правѣ требовать, чтобы вознагражденіе съ него, положенное въ пользу помѣщика, не превышало $^{1}/_{3}$ чи-

стаго дохода, получаемаго съ участка. Въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ крестьянскія земли находятся въ черезполосности съ господскими, инстанціи, производящія регулированіе, обязаны единовременно и не ожидая вызова отъ заинтересованныхъ сторонъ, размежевывать ихъ къ однимъ мѣстамъ.

Пріобрѣтаемое крестьянами право собственности распространяется на лѣса, растущіе на ихъ землѣ и на ископаемыя богатства; но каменоломни, каменноугольныя копи, металлическіе пріиски, торфяныя ямы, до изданія настоящаго закона разработанныя помѣщикомъ на крестьянской землѣ, остаются въ пользу помѣщика, который обязанъ за это вознаградить крестьянина по оцѣнкѣ, произведенной третейскимъ судомъ. Помѣщикъ сохраняетъ строенія, поставленныя имъ для собственнаго своего употребленія на крестьянской землѣ, напримѣръ, жилыя избы для нанимаемыхъ имъ поденщиковъ; но онъ обязанъ перенести это строеніе на свою землю, если крестьянинъ того потребуетъ и приметъ на свой счетъ сопряженные съ переносомъ расходы. Если же самъ помѣщикъ приступитъ къ перестройкѣ этихъ зданій, то онъ обязанъ, по требованію крестьянина, перенести ихъ на свою землю и на свой счетъ. Въ обоихъ случаяхъ земля, опроставшаяся изъ-подъ снесенныхъ строеній, поступаетъ въ полную собственность крестьянина.

IV. Общія положенія.

Отнынѣ воспрещается сдавать землю въ потомственное владѣніе иначе, какъ на правѣ полной собственности. Сдающій землю можетъ выговорить въ свою пользу только денежную неизмѣнную ренту, но онъ не въ правѣ налагать на принимающаго землю никакихъ другихъ повинностей. Всякая вновь установленная при сдачѣ земли рента подлежитъ выкупу по желанію лица, обязаннаго вносить ее *);

*) Этими статьями устранялось на будущее время установленіе двойственныхъ правъ на одинъ и тотъ же участокъ, посредствомъ контрактовъ о сдачѣ земель въ потомственное владѣніе, изъ платежа оброка или процента на вѣчныя времена; но обычай этотъ былъ такъ глубоко укорененъ, что законъ долженъ былъ уступить ему, и въ 1856 году право сдавать земли изъ вѣчнаго оброка было возстановлено.

выкупъ опредѣляется капитализаціею ренты изъ 5% или помноженіемъ на 20. Капиталъ уплачивается безъ содѣйствія рентнаго банка. Сдающій землю можетъ, однакоже, по договору съ принимающимъ ее, отсрочить выкупъ ренты на извѣстное время, не далѣе 30 лѣтъ и опредѣлить впередъ сумму выкупа, которая ни въ какомъ случаѣ не должна превышать произведенія ренты, помноженной на 25. Условія, въ противность симъ правиламъ заключенныя, недѣйствительны. На будущее время запрещается также возлагать и принимать на земли вѣчные капитальные долги [1]); крайнимъ срокомъ для обязательствъ этого рода полагается 30-ть лѣтъ. Долги, въ прежнее время принятые, по истеченіи этого срока подлежатъ уплатѣ по желанію должника [2]); но это правило не относится до безсрочныхъ облигацій, выданныхъ кредитными учрежденіями.

При раздробленіи участка до окончательнаго выкупа или перевода на рентный банкъ лежащихъ на немъ повинностей, тѣ изъ нихъ, которыя подлежатъ капитализаціи посредствомъ помноженія на 18, не разлагаются на части, а остаются въ полномъ составѣ на нераздѣльной, круглой отвѣтственности всѣхъ владѣльцевъ раздробленнаго участка. Прочія же повинности раскладываются на части пропорціонально ихъ капитальной стоимости.

Право требовать регулированія, равно какъ и выкупа (Provocation) предоставляется обѣимъ сторонамъ. Когда вызовъ подаетъ отъ себя помѣщикъ, онъ не въ правѣ ограничивать своего требованія выкупомъ нѣсколькихъ повинностей извѣстнаго рода, или повинностей, лежащихъ на нѣсколькихъ хозяевахъ, но долженъ непремѣнно распространить его на всю совокупность повинностей, исправляемыхъ въ его пользу всѣми членами сельскаго общества. Въ коренныхъ областяхъ королевства, гдѣ регу-

---

[1]) Такого рода долги въ прежнее время встрѣчались часто. Напримѣръ, при раздѣлахъ, одинъ изъ наслѣдниковъ вступалъ во владѣніе участкомъ и принималъ на себя обязанность прочимъ сонаслѣдникамъ уплачивать на вѣчныя времена съ слѣдующихъ имъ частей, которыхъ они не получали (въ натурѣ), по 4 или по 5%.

[2]) Всѣ эти правила взяты изъ кодекса Наполеоновскаго.

лированіе производится независимо отъ выкупа, помѣщикъ не въ правѣ требовать одного регулированія, но поданный имъ вызовъ непремѣнно влечетъ за собою единовременное производство обѣихъ операцій. Крестьянинъ въ правѣ требовать какъ одного регулированія, такъ и выкупа, но также не нѣсколькихъ, а всѣхъ лежащихъ на его участкѣ повинностей. Вызовъ, кѣмъ бы то ни было предъявленный, не можетъ быть взятъ назадъ.

Отнынѣ всѣ вопросы и споры о правѣ на регулированіе и выкупъ повинностей рѣшаются на основаніи настоящаго закона, не взирая на давность, на свободныя отреченія (Willens-Erklärungen) и на вошедшія въ законную силу судебныя рѣшенія.

Участвующимъ въ регулированіи и въ выкупѣ повинностей сторонамъ дозволяется, по обоюдному соглашенію, избирать и другіе способы вознагражденія, въ законѣ неупомянутые, напримѣръ, отводомъ опредѣленнаго количества земли. Но ходатайства со стороны помѣщика о присужденіи свыше нормальнаго, на какомъ бы то ни было основаніи, не допускаются. Прежнія недоимки, накопившіяся на крестьянахъ, если сумма ихъ не превышаетъ двухгодовой окладной ренты, по желанію обѣихъ сторонъ, переводятся на банкъ для постепеннаго ихъ погашенія.

Расходы, сопряженные съ регулированіемъ и выкупомъ, дѣлятся пополамъ между обѣими сторонами. Генеральная коммисія и отдѣленія областныхъ правленій по сельскохозяйственнымъ дѣламъ могутъ поручать производство регулированія и оцѣнокъ всѣмъ чиновникамъ, состоящимъ на службѣ коронной и общественной, которыхъ признаютъ къ тому способными.

При выдачѣ помѣщику капитала за упраздняемыя повинности, не оповѣщаются кредиторы, которыхъ ссуды обезпечены залогомъ имѣнія и не принимается съ ихъ стороны никакихъ возраженій, если капиталъ предназначается (подъ наблюденіемъ мѣстныхъ инстанцій) на улучшеніе имѣнія, или на покрытіе чрезвычайныхъ расходовъ, происходящихъ отъ упраздненія повинностей (какъ, напр., на наемъ вольныхъ батраковъ, покупку рабочаго скота, на орудія, устрой-

ство для нихъ помѣщенія и т. п.) или на погашеніе перваго, по старшинству, долга, или, наконецъ, если капиталъ очень незначителенъ.

Настоящій законъ, кромѣ выговоренныхъ выше сего случаевъ, на окончательно-утвержденныя постановленія, на вошедшія въ силу рѣшенія и на законнымъ порядкомъ заключенные договоры, обратнаго дѣйствія не имѣетъ.

Сравнивъ положеніе 2-го Марта 1850 года съ прежними законами о регулированіи и о выкупѣ повинностей, легко усмотрѣть, что оно отличается отъ нихъ какъ въ способахъ, такъ и въ мѣрѣ вознагражденія. Въ первомъ отношеніи, прежніе законы допускали четыре способа: неизмѣнную денежную ренту, хлѣбную ренту, поднимавшуюся и опускавшуюся вмѣстѣ съ цѣнами на хлѣбъ, нарѣзку земли и, наконецъ, наличныя деньги. Только въ двухъ первыхъ случаяхъ повинности перекладывались въ ренту; выкупъ же ренты зависѣлъ исключительно отъ воли плательщика. Напротивъ, положеніе 1852 года предписываетъ обязательное переложеніе всѣхъ повинностей въ ренту и самое переложеніе допускаетъ только какъ начало выкупа, который непремѣнно долженъ слѣдовать за введеніемъ ренты, независимо отъ желанія сторонъ. Выкупъ же производится двоякимъ способомъ: уплатою капитала наличными деньгами и выпускомъ облигацій; наконецъ, какъ вспомогательный способъ, зависящій отъ добровольнаго соглашенія сторонъ, но вовсе необязательный, допускается нарѣзка земли.

Въ отношеніи къ мѣрѣ вознагражденія, очевидно, что критическія обстоятельства, подготовленныя противодѣйствіемъ дворянства и уступчивостью правительства, вынудили, наконецъ, не только крутой возвратъ къ широкимъ началамъ прежней эпохи, отъ 1807 до 1814 года, но сверхъ того много новыхъ, очень для дворянства чувствительныхъ пожертвованій. Вопервыхъ, изъ числа повинностей, подлежавшихъ выкупу, въ силу прежнихъ положеній, очень многія были упразднены безвозмездно. Вовторыхъ, прочія повинности, по новымъ правиламъ, оцѣнивались значительно ниже прежняго (напр., положено барщину класть въ цѣну ниже вольнонаемной работы; разные продукты, отъ кресть-

янъ получаемые, принимать за низшіе сорта; при оцѣнкѣ лаудемій допускать только одинъ видъ платежей и полагать не болѣе трехъ случаевъ на 100 лѣтъ; при оцѣнкѣ участка складывать съ земли 20%, а съ строеній и инвентаря 50% и т. д.). Втретьихъ, вмѣсто капитализаціи ренты, посредствомъ помноженія ея на 20 и 25, установлено помноженіе на 18, а на 20 только въ тѣхъ случаяхъ, когда вмѣсто наличныхъ денегъ помѣщику выдавались облигаціи. Слѣдовательно, и въ послѣднемъ случаѣ, рента, происшедшая отъ переложенія натуральныхъ повинностей, низко оцѣненныхъ, капитализировалась изъ 5%, а въ замѣнъ ея помѣщикъ получалъ бумаги, приносившія только 4%. Вчетвертыхъ, при исчисленіи вознагражденія, строго наблюдалось, чтобы оно не превышало двухъ третей крестьянскаго дохода и, въ случаѣ надобности, рента понижалась до этой нормы, а у помѣщика отнято было право домогаться вознагражденія свыше нормальнаго. Впятыхъ, право на пріобрѣтеніе земли въ собственность возвращено было всѣмъ владѣльцамъ, каковъ бы ни былъ объемъ участковъ, и этому правилу дано было обратное дѣйствіе, такъ что дворяне дорого поплатились за побѣду, одержанную ими въ 1816 году, когда деклараціею къ эдикту о регулированіи правительство отдало на ихъ произволъ всѣ мелкія крестьянскія хозяйства.

„Безъ этихъ пожертвованій", сказано въ пояснительной запискѣ, внесенной манифестомъ въ камеры, «цѣль новаго законоположенія не могла бы быть достигнута, и помѣщики, вникнувъ надлежащимъ образомъ въ обстоятельства времени, убѣдятся сами, что добровольною уступкою они обезпечатъ не только общественные, но и свои частные интересы.»

Крестьяне, разумѣется, выиграли все то, чего лишилось дворянство и, сверхъ того, они пріобрѣли въ посредничествѣ кредитныхъ учрежденій не только существенное облегченіе, но, можно сказать, единственное средство воспользоваться правомъ выкупа повинностей.

При обсужденіи закона 1850-го года, въ камерахъ и въ послѣдствіи, когда дошло дѣло до примѣненія его, возник-

ло немало вопросовъ и возраженій. Особенно сильнымъ нападеніямъ подверглась статья, въ силу которой вознагражденіе, присужденное помѣщику, убавлялось до $^2/_3$ дохода, получаемаго крестьяниномъ съ участка. Коммисіи 1-й камеры видѣли въ ней совершенно произвольное отступленіе предложенныхъ самимъ правительствомъ правилъ оцѣнки повинностей, словомъ — мѣру революціонную. Коммисаръ отъ правительства отвѣчалъ на это, что какъ бы широко ни было право помѣщиковъ на крестьянскій трудъ и на продукты крестьянскаго труда, но выкупается не право, а доходъ дѣйствительно получаемый помѣщиками; что этотъ доходъ никогда на практикѣ не могъ превышать мѣры хозяйственныхъ средствъ крестьянина, или того, что̀ въ состояніи былъ крестьянинъ внести или исполнить; что даже въ прежнія времена законъ допускалъ со стороны крестьянъ жалобы на чрезмѣрную обременительность повинностей, даже тогда, когда онѣ не превышали законной мѣры (Unmöglichkeits-Klagen), и въ подобныхъ случаяхъ принуждалъ помѣщика дѣлать уступки и льготы (Remissionen); наконецъ, что если не допустить этого правила, то мелкія хозяйства придутъ въ неминуемое разореніе. Далѣе, многіе находили капитализацію ренты посредствомъ помноженія на 18 слишкомъ низкою и требовали удержанія прежняго правила капитализацій помноженіемъ на 25. Правительство, защищая первый способъ, приводило въ пользу его слѣдующіе доводы: выкупъ повинностей ни въ какомъ случаѣ не долженъ имѣть послѣдствіемъ увеличеніе помѣщичьихъ доходовъ на счетъ крестьянъ. Въ настоящее время денежные обороты разсчитываются вообще изъ 5%; еслибы рента въ 10 талеровъ капитализировалась изъ 4%, или помноженіемъ на 25, помѣщикъ получилъ бы капиталъ въ 250 талеровъ, дающій по 5% $12^1/_2$ талеровъ; слѣдовательно, доходъ его увеличился бы на $2^1/_2$ талера, чего допустить нельзя. Чтобы получить 10 талеровъ при нынѣшнемъ процентѣ, достаточно помножить ренту на 20, но и это слишкомъ много; ибо нельзя не принять въ соображеніе, что, при замѣнѣ повинности капиталомъ, помѣщикъ освобождается отъ расходовъ и рисковъ, неразлучныхъ съ

прежнимъ порядкомъ вещей и потому можетъ согласиться на потерю 1 талера на 10. Къ тому же не должно упускать изъ виду, что, когда рента помножалась на 25, право требовать выкупа принадлежало исключительно крестьянину, и помѣщикъ не имѣлъ никакой возможности понудить его къ уплатѣ капитала; теперь же право это предоставлено и помѣщику.

Третье обстоятельсто, возбудившее много толковъ и споровъ, касалось принятаго въ законѣ 1850-го года раздѣленія сельскихъ участковъ на два разряда, а именно — на участки крестьянскіе, въ тѣсномъ значеніи слова, разумѣя подъ этимъ тѣ, которыхъ содержаніе влекло за собою совокупность личныхъ и вещественныхъ отношеній между хозяевами и помѣщиками, отзывавшихся крѣпостнымъ правомъ, и на участки, розданные помимо этихъ отношеній, на чисто-коммерческомъ основаніи (mit oder ohne einem gutsherrlichbäuerlichen Verhältniss). Первымъ, при регулированіи и выкупѣ повинностей, были предоставлены, какъ мы видѣли, особенныя преимущества, очень выгодныя для содержателей и убыточныя для помѣщиковъ. Спрашивалось: по какимъ несомнѣннымъ признакамъ отличить крестьянина, который въ то время былъ уже лично свободенъ и платилъ оброкъ или ренту, отъ мелкаго арендатора или фермера, который также платилъ оброкъ или процентъ съ дохода и также, какъ крестьянинъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ подчиненъ былъ помѣщику, какъ верховному владѣльцу (Ober-Eigenthümer), и какъ лицу, облеченному судебно-полицейскою властію въ предѣлахъ своей вотчины? Какъ опредѣлить въ строгомъ смыслѣ ein gutsherrlichbäuerliches Verhältniss? Земское Уложеніе не давало яснаго отвѣта на этотъ вопросъ. Члены камеръ, областныя коммисіи, судебныя мѣста предложили множество признаковъ и опредѣленій для разрѣшенія этого затрудненія; но всѣ оказались или слишкомъ широкими, или слишкомъ тѣсными. Наконецъ, съ общаго согласія рѣшились положиться на юридическое чутье судебныхъ инстанцій, не стѣсняя ихъ никакими общими правилами, а вмѣнивъ имъ въ обязанность, при обсужденіи частныхъ случаевъ, руковод-

ствоваться обстоятельствами дѣла, провинціальными законами и мѣстными обычаями. Но самые горячіе споры и даже серьезныя опасенія возбудила та статья закона 1850 года, которою постановленіямъ о регулированіи дано было обратное дѣйствіе. Въ прежнее время, съ самаго начала регулированія, то есть съ 1811-го и особенно съ 1816-го года, множество мелкихъ хозяевъ (огородниковъ, хатниковъ, коморниковъ и т. п.) лишилось прежней своей осѣдлости. Самое незначительное число изъ нихъ, по снисходительности помѣщиковъ, удержалось въ своихъ дворахъ. Обыкновенно же, какъ скоро, на основаніи дѣйствовавшихъ въ то время правилъ, рѣшеніе коммисій или судебнаго мѣста, лишавшее этихъ хозяевъ права на пріобрѣтеніе земли въ собственность посредствомъ регулированія, входило въ законную силу, помѣщикъ, не теряя ни минуты, выгонялъ ихъ изъ своего имѣнія и прирѣзывалъ ихъ участки къ своимъ мызнымъ землямъ. Теперь законъ 1850-го года, вводя новыя правила и широкое опредѣленіе участковъ, подлежащихъ регулированію, допускалъ примѣненіе ихъ, не стѣсняясь прежними рѣшеніями, ни давностью, ни даже свободными отреченіями, и налагалъ срокъ, въ продолженіе котораго хозяева могли предъявить свои права. Послѣдствія этого не трудно было предвидѣть. Посыпались тысячи прошеній о пересмотрѣ старыхъ дѣлъ, рѣшенныхъ не въ пользу крестьянъ. Присутственныя мѣста были ими завалены и крайне затруднялись примѣненіемъ новыхъ правилъ къ вопросамъ, рѣшеннымъ много лѣтъ тому назадъ, на совершенно иныхъ, но въ свое время равно законныхъ, хотя въ сущности несправедливыхъ, основаніяхъ. Возникли серьезныя опасенія, чтобы надежда, возбужденная въ поселянахъ, не простерлась слишкомъ далеко и чтобы данное закону обратное дѣйствіе не поколебало общей вѣры въ силу судебныхъ приговоровъ и вмѣстѣ не разстроило всей системы гражданскихъ и хозяйственныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами. Правительство вынуждено было, наконецъ, прибѣгнуть къ старому средству, обнародовать декларацію (24-го Мая 1853-го года), которою вышеупомянутая статья была пояснена слѣдующими постановле-

ніями: новыя правила 1850 года примѣняются безусловно къ дѣламъ, возбужденнымъ до изданія ихъ, но еще не рѣшеннымъ окончательно, а равно къ тѣмъ хозяевамъ, которые остались во владѣніи своими участками (ихъ было немного). Прежнія судебныя рѣшенія и другія постановленія, вошедшія въ законную силу, которыми хозяева лишены права пріобрѣсти свои участки въ собственность, или выкупать свои повинности, раздѣляются на два вида, смотря потому, на чемъ они основаны. Если отказъ, объявленный крестьянину, послѣдовалъ на томъ основаніи, что участокъ его самъ по себѣ, то-есть по своему объему или по другимъ объективнымъ условіямъ, не подходилъ подъ опредѣленіе участка, подлежавшаго, по прежнимъ законамъ, регулированію и выкупу, то дѣло подвергается пересмотру и перевершенію по новымъ правиламъ; еслиже отказъ основанъ былъ на личныхъ, субъективныхъ свойствахъ хозяина, на недостаточности его правъ на землю, то дѣло пересматривается съ точки зрѣнія прежнихъ законовъ, а не новаго. Вообще, за исключеніемъ статей, относящихся къ опредѣленію объективнаго характера участка, всѣ прочія статьи, даже при пересмотрѣ и отмѣнѣ рѣшенія, остаются въ своей силѣ.

Со стороны крестьянъ только одно постановленіе положенія 1850 года подало поводъ къ жалобамъ, именно то, которымъ предоставлялось помѣщику право, въ тѣхъ случаяхъ, когда цѣнность лежащихъ на немъ обязанностей превышала цѣнность отправляемыхъ въ его пользу повинностей, отказаться отъ послѣднихъ и этимъ отреченіемъ освободиться навсегда отъ первыхъ, не вознаграждая крестьянъ за оказавшуюся разницу. Крестьяне возражали на это: „Законъ признаетъ насъ равноправными съ помѣщиками, кладетъ въ цѣну права, обязанности и доходы, какъ той, такъ и другой стороны, потомъ сравниваетъ итоги, и если окажется перевѣсъ на сторонѣ нашихъ повинностей, насъ облагаютъ вознагражденіемъ въ пользу помѣщика, съ насъ взыскиваютъ ренту или капиталъ, намъ не даютъ права сказать: не хотимъ никакого вознагражденія отъ помѣщика и не платимъ ему ренту; на какомъ же основаніи, въ

обратномъ случаѣ, такое право дано помѣщику?" Безспорно, крестьяне были совершенно правы, и домогательство ихъ справедливо: само правительство и камеры признали это и все-таки оставили ихъ просьбу безъ уваженія, для того единственно, чтобы не подвергать пересмотру и измѣненіямъ положенія, недавно прошедшаго сквозь строгую критику и признаннаго за послѣдній, заключительный актъ законодательства по этой части.

Вмѣстѣ съ обнародованіемъ его, всѣ временныя льготы, отсрочки и уступки, сдѣланныя крестьянамъ въ 1848 и 1849-мъ годахъ, были упразднены, а генеральнымъ коммисіямъ вмѣнено было циркуляромъ въ обязанность, съ одной стороны строго настаивать, чтобы крестьяне отъучались отъ неисполненія повинностей, въ надеждѣ на новыя облегченія, и чтобы требованія законовъ исполнялись во всей точности; съ другой, убѣждать помѣщиковъ, чтобъ они не налегали слишкомъ строго на взысканіе недоимокъ, накопленныхъ въ продолженіе несчастныхъ, смутныхъ годовъ.

Необходимое дополненіе, какъ бы другую половину къ разсмотрѣнному нами положенію о выкупѣ повинностей, составляетъ въ одинъ и тотъ же день (2-го Марта 1850 года) обнародованный законъ объ учрежденіи рентнаго банка; но прежде, чѣмъ мы приступимъ къ нему, мы должны, хотя вкратцѣ, упомянуть о другихъ, однородныхъ учрежденіяхъ, основанныхъ раньше, съ цѣлью облегчить выкупъ повинностей.

Мысль — открыть крестьянамъ кредитъ, возникла въ тѣхъ областяхъ, гдѣ обременительность повинностей и крайнее разстройство хозяйственнаго быта поселянъ отнимали всякую возможность надѣяться, чтобы выкупъ могъ когда-либо совершиться ихъ собственными средствами. Въ помощь имъ учреждены были три погасительныя кассы (Tilgungs-Kassen): первая для четырехъ округовъ Минденской области (въ 1834 году, преобразованная въ 1836-мъ), вторая для графствъ — Витхенштейнъ-Берлебурскаго и Витхенштейнъ—Витхенштейнскаго (въ 1835 году), третья для округовъ Мюльгаузенскаго, Гейлигенштатскаго и Вербис-

скаго (въ 1845 году) *). Операціи первой изъ этихъ кассъ заключались въ слѣдующемъ. Она принимала на себя выкупъ повинностей, впрочемъ, не иначе, какъ по требованію помѣщика; повинности оцѣнивались и переводились въ денежную ренту, рента помножалась на 18 и на сумму, равную полученному произведенію, касса выдавала помѣщику облигаціи (Schuldverschreibungen), приносившія 4%. Крестьяне не могли отказаться отъ выкупа, когда этого требовалъ помѣщикъ; они обязывались вносить въ кассу $^{72}/_{100}$ ренты, съ нихъ сходившей, или положенной на нихъ за упраздненіе повинностей. Это составляло ровно 4% на выпущенныя кассою облигаціи; 1% приплачивала казна на составленіе погасительнаго фонда. Въ 41 годъ капиталъ погашался, и крестьянинъ дѣлался полнымъ собственникомъ своего участка. До этого времени, безъ согласія дирекціи кассы, онъ не долженъ былъ дробить своего участка, ни обременять его никакими иными долгами, кромѣ тѣхъ, которые онъ принималъ на себя при раздѣлахъ для удовлетворенія прочихъ сонаслѣдниковъ по участку; но и въ этомъ случаѣ долгъ, принимаемый на участокъ, не долженъ былъ превышать законной части, слѣдовавшей прочимъ наслѣдникамъ. Впрочемъ, крестьянинъ, до истеченія срока погашенія, имѣлъ право во всякое время выплатить весь капитальный долгъ единовременнымъ взносомъ суммы,

*) Впрочемъ, первый опытъ примѣненія банковыхъ операцій къ выкупу повинностей принадлежитъ не Пруссіи. Ее опередила Саксонія, учрежденіемъ въ 1832 году земскаго рентнаго банка (Land-Renten-Bank) для выкупа всѣхъ крестьянскихъ повинностей, кромѣ денежныхъ процентовъ, платимыхъ съ дохода. Банкъ этотъ вознаграждаетъ помѣщиковъ облигаціями на сумму, равную произведенію ренты, помноженной на 25; облигаціи приносятъ $3^1/_3$%. Рента переводится на банкъ, который взыскиваетъ ее сполна съ крестьянъ, до ея погашенія. Предположимъ, что помѣщикъ получалъ съ крестьянъ 90 р. Банкъ выдаетъ ему облигаціями 2,250 р. и оплачиваетъ ихъ ежегодно 78 р. 75 копѣйками, продолжая взыскивать съ крестьянъ 90 руб. Остающіеся у банка 11 р. 25 к. ($=^1/_2$%) идутъ на погашеніе, которое совершается въ 55 лѣтъ. Казна гарантируетъ операціи банка, и всѣ расходы по управленію принимаетъ на себя. Къ Іюню 1846 года роздано было облигацій на $10^1/_2$ милліоновъ талеровъ. Онѣ покупались на биржѣ 5 и 7% выше нарицательной ихъ цѣнности. *Недоборовъ съ крестьянъ не было вовсе.*

равной произведенію ренты, помноженной на 20; онъ могъ также вносить въ уплату долга по частямъ самыя незначительныя суммы. Прочіе должники кассы, какъ-то: мелкіе арендаторы и вообще лица, не принадлежавшія къ крестьянскому сословію, вносили въ казну не $72/_{100}$, а $75/_{100}$ или $^3/_4$ положенной на ихъ землю ренты, что̀ составляло не 4%, а $4^1/_6\%$ на выпущенныя подъ залогъ этой земли облигаціи. Лишекъ $^1/_6\%$ употреблялся на покрытіе расходовъ по управленію кассою. Рента взыскивалась со всѣхъ должниковъ вмѣстѣ съ государственными податями, равными частями, шесть разъ въ годъ. По мѣрѣ накопленія погасительнаго фонда (отъ 1% поступавшаго изъ казны), дирекція кассы употребляла его на выкупъ своихъ облигацій, по биржевой цѣнѣ, или на погашеніе оныхъ по жеребью и по нарицательной ихъ цѣнности. Ренты, поступавшія съ должниковъ на выкупленныя облигаціи, обращались на пополненіе погасительнаго капитала. Облигаціи кассы принимались въ залогъ и могли быть пріобрѣтаемы общественными учрежденіями на принадлежавшіе имъ капиталы; купоны, выдаваемые кассою на полученіе процентовъ, принимались мѣстными казначействами въ уплату податей. Правительство гарантировало всѣ операціи кассы и, въ случаѣ нужды, отпускало ей суммы на покрытіе расходовъ.

Вторая изъ упомянутыхъ выше кассъ учреждена была при медіатизаціи двухъ Витхенштейнскихъ графствъ, для вознагражденія бывшихъ владѣтелей этихъ двухъ небольшихъ областей. Повинности, которыми они пользовались отъ поселянъ, были переложены въ ренту; изъ нея 3% скинуто со счетовъ; остальная рента помножена на 25 и на сумму, равную произведенію; князья Витхенштейны получили изъ кассы четырехъ-процентныя облигаціи. Слѣдовательно, на 100 прежняго дохода они получали 97. Всѣ сельскіе обыватели пріобрѣли право собственности на свои земли; рента, исчисленная въ замѣнъ прежнихъ ихъ повинностей, убавлена на $^1/_5$, а $^4/_5$ обращены въ кассу. Такимъ образомъ касса, платя владѣльцамъ 97, получала съ обывателей только 80, остальные 17, сверхъ того всѣ расходы

по управленію кассою и нужную приплату, разсчитанную на погашеніе ренты въ 41 годъ, приняла на себя казна.

Третья касса основана была на тѣхъ же началахъ, какъ и первая, съ тою разницею, что рента капитализировалась помноженіемъ не на 18, а на 20, облигаціи давали $3^{1}/_{2}$%, а не 4, крестьянамъ прощалось $^{1}/_{4}$ положенной съ нихъ ренты, остальныя $^{3}/_{4}$ поступали въ кассу, что̀ составляло 4% на выпущенныя ею облигаціи; долгъ погашался не въ 41, а въ 43 года, посредствомъ 1%, поступившаго изъ казны на всѣ облигаціи, кассою выпущенныя.

Въ сущности эти три кассы не могутъ быть причислены къ самостоятельнымъ кредитнымъ учрежденіямъ; ибо онѣ не могли бы существовать собственными средствами, безъ пособія отъ казны, которая поддерживала ихъ постоянными и безвозвратными пожертвованіями, какъ на текущіе ихъ расходы, такъ и на погашеніе выпущенныхъ ими облигацій. Это были не кредитныя, а благотворительныя учрежденія, производившія не ссуды, а раздававшія милостыню отъ правительства. Понятно, что такого рода операціи возможны были только въ очень ограниченныхъ размѣрахъ; но о примѣненіи ихъ къ выкупу повинностей въ цѣломъ государствѣ нельзя было и помышлять.

Совершенно иной характеръ имѣютъ рентные банки. Основныя правила ихъ учрежденія, изложенныя въ законѣ 2-го Марта 1850 года, заключаются въ слѣдующихъ статьяхъ.

Въ каждой провинціи, за исключеніемъ лѣваго берега Рейна, учреждается рентный банкъ.

Назначеніе его, немедленно по переложеніи всѣхъ повинностей въ ренту, дать возможность помѣщикамъ и крестьянамъ развязаться окончательно. Банкъ становится между ними посредникомъ, принимая на себя роль должника въ отношеніи къ помѣщику и роль кредитора въ отношеніи къ крестьянину. Помѣщикъ получаетъ вмѣсто прежней ренты четырехъ-процентныя облигаціи, которыя постепенно выкупаются по нарицательной ихъ цѣнности, а крестьяне въ продолженіе опредѣленнаго періода вносятъ ренту въ банкъ на покрытіе процентовъ и на погашеніе капитальнаго долга. Съ переводомъ ренты на банкъ, всѣ притяза-

нія помѣщика къ крестьянамъ прекращаются; но онъ сохраняетъ право на взысканіе съ нихъ тѣхъ недоимокъ, которыхъ банкъ на себя не принимаетъ.

Правительство гарантируетъ всѣ операціи рентныхъ банковъ и обязываетъ ссужать ихъ потребными суммами.

Оцѣнка повинностей, переложеніе ихъ въ ренту, капитализація ренты, обезпеченіе претензій кредиторовъ, которыхъ ссуды обезпечены залогомъ имѣнія, всѣ могущіе при этомъ возникнуть споры и вопросы, не относятся до банковъ и подлежатъ вѣдѣнію тѣхъ инстанцій, которымъ поручены регулированія, сепараціи и разводы крестьянъ съ помѣщиками.

Прочія финансовыя операціи и управленіе банками поручаются въ каждой провинціи коллегіальному присутствію или дирекціи, при содѣйствіи мѣстъ и лицъ, на обязанности которыхъ лежитъ сборъ государственныхъ податей. Дирекція состоитъ изъ директора, двухъ членовъ, съ потребнымъ числомъ помощниковъ и подчиненныхъ; она подлежитъ контролю представителей мѣстныхъ провинціальныхъ сословій. Учрежденіе рентныхъ банковъ и направленіе ихъ дѣйствій во всемъ государствѣ поручается особой Центральной Коммисіи, состоящей изъ предсѣдателя, по назначенію короля, и нѣсколькихъ совѣтниковъ, отряжаемыхъ изъ министерствъ финансовъ и сельско-хозяйственныхъ дѣлъ, по назначенію министровъ обоихъ вѣдомствъ; на послѣднихъ же возлагается руководство Центральной Коммисіи (по закону 21 Мая 1850 года). Выкупу, посредствомъ рентныхъ банковъ, подлежатъ всѣ повинности, исчисленныя въ законѣ 2 Марта 1850 года (изложенномъ выше) и существовавшія до его изданія. На повинности послѣ этого срока принятыя и наложенныя, равно какъ на повинности, исправляемыя въ пользу казны въ государственныхъ имуществахъ, дѣйствія банковъ не распространяются.

Переводъ ренты на банкъ допускается не прежде, какъ по переложеніи всѣхъ повинностей, лежащихъ на крестьянскомъ участкѣ. Коль скоро это исполнено, перевода ренты можетъ требовать, какъ помѣщикъ, такъ и хозяинъ

участка, не выжидая окончательнаго переложенія въ ренту повинностей, которыми обложены другіе обыватели тогоже сельскаго общества.

Рента, положенная въ замѣнъ повинностей, должна быть непремѣнно выкуплена. Для сего плательщику предоставляются на выборъ два способа: внести единовременно деньгами капиталъ, равный произведенію ренты, помноженной на 18, или обратиться къ посредничеству банка.

Если онъ изберетъ первый способъ, то получающій ренту имѣетъ право, вмѣсто предложеннаго ему капитала, потребовать изъ банка облигацій на сумму, равную произведенію ренты, помноженной на 20. Въ такомъ случаѣ, капиталъ, внесенный плательщикомъ, поступаетъ прямо въ казну и употребляется на погашеніе государственнаго пятипроцентнаго займа (сдѣланнаго въ 1848 года). Рентный банкъ выдаетъ лицу, въ пользу котораго исчислена была рента, слѣдующія ему облигаціи, а казна уплачиваетъ на нихъ по $4^1/_2$% въ теченіе 56 лѣтъ съ мѣсяцемъ. Слѣдовательно казна выигрываетъ $^1/_2$%, и рентный банкъ (платящій своимъ кредиторамъ только 4%) выигрываетъ также $^1/_2$%.

Если плательщикъ объявитъ, что онъ не намѣренъ выкупить ренты наличными деньгами, то мѣстное начальство приступаетъ къ обязательному переводу ренты на банкъ. Здѣсь опять плательщику предоставляется на выборъ вносить ежегодно въ банкъ $^9/_{10}$ исчисленной ренты, или всю ренту, безъ вычета. Въ первомъ случаѣ капитальный долгъ погашается въ 56 лѣтъ съ мѣсяцемъ, во второмъ въ 41 годъ съ мѣсяцемъ. Избравъ одинъ изъ этихъ способовъ, онъ уже не можетъ отъ него отказаться; но когда, сверхъ текучей, окладной ренты, банкъ принимаетъ на себя и недоимку, въ прежнее время накопленную (въ количествѣ непревышающемъ двухъ-годичнаго оклада ренты), то второй способъ не допускается, и должникъ обязанъ вносить ежегодно не болѣе $^9/_{10}$ окладной ренты и сверхъ того $^1/_{20}$ состоящей на немъ недоимки, до погашенія ея. Впослѣдствіи, однакоже, предоставлено было должникамъ право вносить и на покрытіе недоимки $^9/_{10}$ причитающейся съ нея ренты,

погашая такимъ образомъ недоимку въ 56 лѣтъ съ мѣсяцемъ (по закону 7 Марта 1851 года).

Мелкія доли исчисленной ренты, не составляющія полнаго серебрянаго гроша, не переводятся на банкъ, но должны быть выкуплены должникомъ единовременнымъ взносомъ денежной суммы, равной произведенію этой доли, помноженной на 18. Переводъ рентъ на банкъ дѣлается два раза въ году. Сборъ переведенныхъ рентъ производится ежемѣсячно, равными частями, по истеченіи каждаго мѣсяца, вмѣстѣ съ государственными податями и на одинаковомъ основаніи; впрочемъ, плательщикъ можетъ вносить ренту и впередъ, не болѣе, однако, какъ за полгода. Всѣмъ должникамъ предоставляется также право, по собственному желанію, расквитаться съ банкомъ и раньше срока, положеннаго для погашенія, уплатою капитальнаго долга въ цѣлости или по частямъ. Но этимъ правомъ пользуются только исправные плательщики, за которыми не состоитъ недоимокъ. О желаніи своемъ внести сумму въ зачетъ капитальнаго долга плательщикъ обязанъ предувѣдомить банкъ впередъ, за шесть мѣсяцевъ; такого рода платежи принимаются два раза въ году, и соотвѣтственные имъ вычеты изъ текучихъ рентъ начинаются съ перваго платежнаго срока, наступающаго по принятіи суммъ. Если же плательщикъ внесетъ деньги въ зачетъ капитальнаго долга, безъ предварительнаго увѣдомленія, то вычетъ изъ ренты начинается только по истеченіи шести мѣсяцевъ. До окончательнаго погашенія ренты, обложенный ею участокъ остается въ залогѣ у банка. Строенія, находящіяся на участкѣ, должны быть застрахованы, если того потребуетъ банкъ. Раздробленіе участка, состоящаго въ залогѣ, не воспрещается; въ такомъ случаѣ банковый долгъ раскладывается на выдѣленныя части вмѣстѣ съ государственною поземельною податью; но если на часть падетъ мелкая доля ренты, ниже пяти грошей, то банкъ въ правѣ требовать немедленнаго ея выкупа.

Въ случаѣ просрочекъ и конкурсовъ надъ несостоятельными должниками, банкъ, во взысканіи слѣдующихъ ему рентъ, пользуется всѣми правами казны во взысканіи по-

датей, то-есть банковому долгу присвояется старшинство передъ всѣми претензіями частныхъ кредиторовъ. Это было не новое право, въ пользу банка установленное, а переводъ на банкъ стариннаго права, которымъ по прежнимъ законамъ пользовались помѣщики при взысканіи недоимокъ.

Лице, взимавшее ренту, получаетъ отъ банка на сумму, равную произведенію ренты, помноженной на 20, облигаціи въ 1000, 500, 100, 25 и 10 талеровъ, приносящія 4%. Проценты уплачиваются два раза въ году предъявителю купоновъ, выдаваемыхъ впередъ на 8 лѣтъ, вмѣстѣ съ облигаціями. Купоны, по которымъ вышелъ срокъ полученія процентовъ, принимаются казною въ счетъ всѣхъ платежей. Непредъявленные къ уплатѣ купоны теряютъ силу черезъ 4 года. Банковыя облигаціи могутъ быть пріобрѣтаемы общественными учрежденіями и опекунскими управленіями на капиталы, имъ принадлежащіе или состоящіе въ ихъ распоряженіи. Онѣ также принимаются присутственными мѣстами въ залогъ и обезпеченіе взысканія.

Лица, имѣющія банковыя облигаціи, или кредиторы банка, лишены права требовать по нимъ уплаты капиталовъ; но банкъ самъ отъ себя постепенно изъемлетъ изъ обращенія выпущенныя имъ облигаціи и погашаетъ ихъ. Получая съ своихъ должниковъ полную ренту или $^9/_{10}$ ренты, чтò составляетъ 5% или $4^1/_2$% на выпущенныя облигаціи, и платя своимъ кредиторамъ только 4%, банкъ употребляетъ всю разницу ($^1/_2$ или 1%) на постепенное погашеніе облигацій. На тотъ же предметъ обращаются суммы, добровольно внесенныя должниками на ускореніе погашенія капитальныхъ долговъ. Банкъ обязанъ начать выкупъ облигацій не позже, какъ по истеченіи года, со дня открытія его, и выкупать ежегодно, по жеребью (а не покупкою на биржѣ) и по нарицательной ихъ цѣнности, столько облигацій, сколько позволяетъ наличная сумма, на этотъ предметъ ассигнованная. Вышедшія облигаціи теряютъ свою силу, если не будутъ предъявлены къ полученію капитала въ теченіе 10-ти лѣтъ со дня публичнаго вызова кредиторовъ. Уничтоженіе выкупленныхъ облигацій производится пуб-

лично, въ присутствіи двухъ членовъ провинціальнаго представительства и нотаріуса.

Доходы банка отъ оборотовъ на суммы, хранящіяся въ кассѣ, и отъ сбереженія расходовъ, вслѣдствіе просрочки купоновъ и облигацій, употребляются на составленіе запаснаго фонда, для покрытія могущихъ быть недоборовъ въ рентахъ. Въ случаѣ недостаточности этихъ средствъ, остальное доплачиваетъ казна. Она же принимаетъ на себя всѣ расходы по управленію банкомъ; за то, по окончаніи всей операціи (то-есть по выкупѣ всѣхъ облигацій и погашеніи всѣхъ рентъ), казна предоставляетъ въ свою пользу суммы, имѣющія оказаться въ банковой кассѣ.

Въ отношеніи къ обезпеченію претензій, такъ называемыхъ, третьихъ лицъ на имѣнія, въ которыхъ производится выкупъ повинностей черезъ посредничество рентнаго банка, примѣняются всѣ правила, изданныя на случай выкупа наличными деньгами, а именно.

Должники банка, плательщики рентъ, освобождаются отъ всякой отвѣтственности по притязаніямъ на имущество лицъ, въ пользу которыхъ поступали ренты.

Провинціальные земскіе банки (Landschaftlichen Kredit-Institute *), въ которыхъ заложены дворянскія вотчины, не

---

*) Прусскіе провинціальные земскіе банки принадлежатъ къ числу замѣчательнѣйшихъ кредитныхъ учрежденій во всей Европѣ; представляя собою образцовое примѣненіе кредита къ потребностямъ сельской промышленности, они, едва ли не лучше всѣхъ другихъ, выполняютъ высшую задачу этого рода учрежденій — придать недвижимой собственности, не нарушая ея прочности, всѣ удобства и выгоды движимой. Неисчислимая польза, ими принесенная, уже обратила на себя вниманіе Французскихъ экономистовъ и государственныхъ людей; у насъ они еще мало извѣстны, но желательно и даже необходимо, именно въ настоящую минуту, изслѣдовать ихъ какъ можно подробнѣе и основательнѣе. Въ матеріалахъ, всѣмъ доступныхъ, не окажется недостатка. На сей разъ мы, разумѣется, не можемъ принять на себя этой работы и должны ограничиться немногими объясненіями, нужными для уразумѣнія ихъ отношеній къ рентнымъ банкамъ. Земскіе банки суть ничто иное, какъ общество или товарищество мѣстныхъ дворянъ, владѣющихъ имѣніями въ каждой провинціи, служащія посредниками между землевладѣльцами, членами общества, нуждающимися въ деньгахъ, и капиталистами, располагающими свободными суммами. Эти банки ни отъ кого не принимаютъ денегъ для храненія или обращенія изъ процентовъ, не сосредоточиваютъ капита-

имѣютъ права подъ тѣмъ предлогомъ, что повинности выкуплены не наличными деньгами, а облигаціями рентныхъ банковъ, требовать отъ своихъ кредиторовъ (то-есть отъ помѣщиковъ) уплаты капиталовъ по облигаціямъ (Pfand-Briefe), выданнымъ имъ подъ залогъ ихъ имѣній. Но для устраненія всякаго риска, земскіе банки могутъ требовать, чтобы рентные банки передавали имъ, а не помѣщикамъ, часть облигацій, приходящихся въ пользу послѣднихъ за упраздненныя повинности. Количество облигацій, удерживаемыхъ на этомъ основаніи земскими банками, опредѣляется, съ одной стороны, по соображенію дѣйствительнаго уменьше-

---

ловъ въ своихъ кассахъ, не дѣлаютъ отъ себя никакихъ денежныхъ ссудъ, не учитываютъ векселей и не выпускаютъ билетовъ въ тѣсномъ значеніи этого слова, то-есть такихъ обязательствъ, по которымъ, по востребованію предъявителя, должна послѣдовать уплата капитала. Единственная ихъ операція заключается въ слѣдующемъ. Землевладѣлецъ нуждается въ деньгахъ; вмѣсто того, чтобъ искать кредитора, онъ обращается въ земскій банкъ или правленіе того товарищества, котораго онъ членъ, и предъявляетъ свое требованіе. Банкъ, оцѣнивъ его имѣніе, беретъ его подъ залогъ и выдаетъ владѣльцу на сумму, не превышающую $1/_3$ или $2/_3$ стоимости имѣнія, облигаціи (Pfand-Briefe, lettres de gage), приносящія извѣстный процентъ, отъ $3^1/_2$ до 4. Банковыя облигаціи - не бумажныя деньги, пользующіяся принудительнымъ курсомъ (cours forcé); кто не хочетъ – не беретъ ихъ въ уплату. Выдавая ихъ, банкъ заявляетъ публикѣ, что онъ принялъ надежный залогъ (какой именно?—этого публикѣ знать не нужно) и что онъ, то-есть банкъ, принимаетъ на себя уплату съ этого залога опредѣленнаго процента на исчисленную имъ сумму. Землевладѣлецъ отправляется на биржу и продаетъ банковыя облигаціи, обмѣниваетъ ихъ на деньги. Итакъ, въ отношеніи къ капиталисту, банкъ играетъ роль страховаго общества и въ тоже время предоставляетъ значительныя выгоды своимъ должникамъ; а именно: онъ не требуетъ для себя никакихъ барышей, а беретъ съ должника тѣ самые $3^1/_2$ или 4%, которые выдаетъ своимъ кредиторамъ; кромѣ того, беретъ 1 или $3/_4\%$ на погашеніе долга и $1/_4\%$ на расходы по управленію. При исправной уплатѣ, долгъ погашается въ опредѣленный срокъ, но должникъ можетъ во всякое время расквитаться съ банкомъ раньше, внеся весь капитальный долгъ единовременно или по частямъ. Облигація, пущенныя въ оборотъ, держатся на биржѣ обыкновенно выше нарицательной ихъ цѣнности и не нуждаются въ принудительномъ обмѣнѣ на деньги, въ реализаціи по предъявленію, ибо онѣ уже обезпечены при самомъ ихъ выпускѣ реальнымъ фондомъ, то-есть имѣніемъ, приносящимъ доходъ и, сверхъ того, ручательствомъ банка, то-есть круговою порукою всѣхъ членовъ товарищества. Но банкъ самъ выкупаетъ свои облигаціи, по жеребью, въ опредѣленные сроки,

нія цѣнности заложеннаго въ нихъ имѣнія (отъ упраздненія повинностей), а съ другой — по сравненію суммы, на которую выданы облигаціи, съ количествомъ лежащаго на имѣніи долга. Удержанныя земскими банками облигаціи хранятся въ нихъ какъ добавочный залогъ до выкупа этихъ облигацій по нарицательной ихъ цѣнности; при выкупѣ, земскіе банки получаютъ изъ рентныхъ банковъ причитающійся по нимъ капиталъ, который обращается сполна на покупку и погашеніе прежде выданныхъ земскими банками облигацій (Pfand-Briefe).

Свободныя облигаціи рентнаго банка могутъ быть вносимы въ судебныя мѣста на храненіе, въ обезпеченіе кредиторовъ и другихъ лицъ, чѣмъ устраняется всякое съ ихъ стороны домогательство объ огражденіи ихъ правъ, равно какъ и предъявленіе ими ко взысканію долговыхъ обязательствъ до истеченія срока, назначеннаго для ихъ уплаты *)

по нарицательной ихъ цѣнности или покупаетъ ихъ по биржевой цѣнѣ, употребляя на это суммы, вносимыя впередъ на погашеніе капитальныхъ долговъ. Такимъ образомъ, землевладѣлецъ, благодаря посредничеству банка, получаетъ возможность, не обнаруживая передъ кредиторомъ своей нужды, занять деньги на продолжительный срокъ за умѣренный процентъ, не рискуя вовсе потерпѣть разстройство отъ неожиданнаго требованія уплаты по сдѣланному имъ займу, и съ полною увѣренностью, что, при исправномъ взносѣ процентовъ, онъ непремѣнно расквитается въ опредѣленный срокъ. Капиталистъ, благодаря томуже посредничеству, помѣщаетъ свои праздныя деньги подъ вѣрный залогъ и получаетъ на нихъ обезпеченный процентъ, освобождаясь отъ хлопотъ и рисковъ по несостоятельности должника. Наконецъ, самый банкъ, ограничиваясь однимъ посредничествомъ между заимодавцемъ и должникомъ, не принимая на себя обязанности производить уплату по востребованію, но предоставляя себѣ право выкупать свои обязательства, по мѣрѣ своихъ средствъ, не подвергается никакой опасности лишиться кредита. Кромѣ того, всѣ земскіе банки имѣютъ собственные запасные капиталы, болѣе или менѣе значительные, происшедшіе отъ безвозвратныхъ ссудъ подъ проценты изъ казны, отъ первоначальныхъ складчинъ самихъ учредителей товарищества, отъ сбереженія на просроченные купоны и облигаціи и т. д. Должно прибавить, что земскіе банки доселѣ имѣютъ характеръ замкнутыхъ учрежденій, исключительно или преимущественно дворянскихъ.

*) По Прусскому уложенію, кредитору, котораго ссуда обезпечена залогомъ имѣнія, дозволяется предъявить закладную ко взысканію до срока, если должникъ своими распоряженіями роняетъ цѣнность имѣнія. Представивъ по-

Облигаціи, вносимыя въ обезпеченіе, принимаются по нарицательной ихъ цѣнности, и владѣлецъ имѣнія не обязывается къ пополненію разницы между этою цѣнностью и биржевымъ курсомъ въ случаѣ паденія облигацій.

Погасительныя кассы, учрежденныя въ прежнее время для выкупа повинностей, продолжаютъ свои дѣйствія; но уставы ихъ относительно количества выдаваемыхъ ими процентовъ, срока погашенія рентъ и порядка выкупа облигацій, измѣняются, сообразно съ правилами настоящаго положенія.

Ренты, взыскиваемыя казною, какъ вотчинницею, въ государственныхъ имѣніяхъ, выкупаются безъ участія рентнаго банка. Обязанный платить ренту погашаетъ ее въ 56 лѣтъ съ мѣсяцемъ, внося прямо въ казну ежегодно $^9/_{10}$ ренты или полную ренту въ теченіе 41 года съ мѣсяцемъ, пользуясь также правомъ уплатить капитальный долгъ до срока.

Законъ о рентныхъ банкахъ внесенъ былъ министерствомъ на разсмотрѣніе камеръ, при пояснительной запискѣ, въ которой правительство изъясняло, что оно приняло, на основаніи проэкта, составленнаго министромъ фонъ-Патовымъ въ 1848-мъ году, капитализацію ренты — посредствомъ помноженія на 18, въ тѣхъ случаяхъ, когда помѣщики получали капиталъ наличными деньгами, но не рѣшилось примѣнить тотъ же способъ капитализаціи къ вознагражденію облигаціями, на скорый выкупъ которыхъ не было возможности разсчитывать. Получая, въ замѣнъ 100 талеровъ ренты, 1800 талеровъ, помѣщикъ могъ легко пустить эту сумму въ оборотъ изъ 5% и получать 90 талеровъ, тогда какъ четырехъ-процентныя облигаціи, на туже сумму выданныя, приносили бы ему только 72 талера, а при продажѣ или учетѣ облигацій, потеря могла бы быть еще значительнѣе; ибо само правительство не надѣялось, чтобы на первыхъ порахъ онѣ могли получить ходъ по нарицательной ихъ

лученныя имъ облигаціи въ судебное мѣсто, какъ дополнительный залогъ, помѣщикъ обезпечивалъ себя противъ кредиторовъ, которые вздумали бы воспользоваться этимъ правомъ.

цѣнности. Конечно, помѣщики, которыхъ имѣнія были свободны, могли оставить облигаціи у себя, получая на нихъ вѣрный процентъ и спокойно выжидая ихъ выкупа по жеребью, но въ такомъ завидномъ положеніи находились немногіе. Независимо отъ этого, другое обстоятельство говорило въ пользу двоякаго способа капитализаціи. Особенная выгода, предоставленная крестьянамъ, которые захотѣли бы выкупить ренты наличными деньгами, должна была служить сильнымъ поощреніемъ къ скорѣйшей развязкѣ, въ чемъ и заключалась главная цѣль правительства, а на сколько этимъ способомъ могло быть выкуплено рентъ, на столько должно было уменьшиться количество имѣвшихъ поступить въ обращеніе облигацій. Съ возвышеніемъ противъ первоначальнаго предположенія суммы вознагражденія въ пользу помѣщиковъ, естественнымъ образомъ долженъ былъ растянуться срокъ погашенія, въ чемъ, конечно, заключалось важное неудобство; но оно устранялось до нѣкоторой степени предоставленнымъ всѣмъ должникамъ правомъ, до наступленія срока погашенія, уплачивать капитальный долгъ по частямъ и малыми суммами. Такимъ образомъ, въ отношеніи къ поселянамъ рентный банкъ исправлялъ какъ бы двоякую службу: ссудной кассы, дававшей имъ средства расквитаться съ помѣщиками, и сберегательной кассы, при посредствѣ которой они, безъ всякихъ рисковъ и расходовъ, обращали свои экономіи на самое для нихъ выгодное употребленіе.

При обсужденіи этого закона въ камерахъ, предложено было къ нему нѣсколько дополненій и измѣненій. Первое состояло въ томъ, чтобы дать право должникамъ рентныхъ банковъ, въ уплату капитальнаго долга, вносить не только наличныя деньги, но и облигаціи самаго банка, который принималъ бы ихъ по нарицательной ихъ цѣнности къ немедленному уничтоженію, черезъ что, въ случаѣ паденія облигацій, разница между биржевымъ курсомъ и нарицательною цѣнностью, обращалась бы въ пользу должниковъ банка. Это предложеніе, несмотря на его очевидную выгоду, было, однакоже, отвергнуто по настоянію министра финансовъ, на томъ основаніи, что, въ случаѣ принятія его,

довелось бы предоставить тоже самое право и казеннымъ крестьянамъ, которые платили ренту съ погашеніемъ прямо въ казну, безъ участія банковъ, и тогда, еслибы вмѣсто наличныхъ денегъ они стали вносить купленныя ими по низкой цѣнѣ облигаціи, казна подверглась бы убыткамъ, которыхъ впередъ нельзя было даже приблизительно исчислить. Другое предложеніе имѣло цѣлью облегчить обращеніе облигацій въ народной массѣ посредствомъ выпуска нѣсколькихъ серій низшей цѣнности, въ 5 талеровъ; но и это предложеніе было отвергнуто, изъ опасенія подать сильный поводъ къ поддѣлкамъ. Третье и самое важное предложеніе состояло въ томъ, чтобы возложить всю операцію выкупа повинностей на земскіе банки, не открывая для этой спеціальной цѣли новыхъ кредитныхъ учрежденій, а допустивъ крестьянъ въ товарищества, доселѣ состоявшія изъ однихъ дворянъ. Въ пользу этой мысли приведено было немало сильныхъ доводовъ, между прочими слѣдующіе: земскіе банки Западной Пруссіи и Шлезіи сами вызвались выдавать облигаціи (Pfand-Briefe) подъ залогъ крестьянскихъ участковъ; крестьяне на столько дорожатъ допущеніемъ ихъ въ провинціальныя кредитныя товарищества, что на первомъ общемъ ландтагѣ (Vereinigter Landtag), въ 1848 году, представители ихъ, всѣ до послѣдняго, подали голосъ противъ учрежденія рентныхъ банковъ, боясь, чтобы выпускъ ихъ облигацій не подорвалъ облигацій земскихъ банковъ. Войдя въ провинціальныя кредитныя товарищества, крестьяне пріобрѣтутъ возможность не только выкупить лежащія на нихъ ренты, но сверхъ того и на будущее время занимать деньги подъ залогъ своихъ участковъ, на условіяхъ самыхъ выгодныхъ, и черезъ это избавятся отъ сельскихъ ростовщиковъ, которые ихъ разоряютъ. Помѣщики, получая вознагражденіе за упраздняемыя ренты такими же облигаціями, какихъ уже выпущено множество подъ залогъ ихъ имѣній, избавятся отъ потерь, сопряженныхъ съ обмѣномъ облигацій рентныхъ банковъ на облигаціи земскихъ Наконецъ, вредныя послѣдствія отъ излишняго выпуска облигацій рентными банками, дѣйствующими независимо отъ провинціальныхъ кредитныхъ товариществъ, будутъ предупреждены, и сбере-

жется значительная часть расходовъ, ассигнуемыхъ на содержаніе новыхъ предполагаемыхъ учрежденій.

Министръ финансовъ на это возражалъ: дѣйствительно, два провинціальныхъ банка изъявили готовность выдавать облигаціи подъ залогъ крестьянскихъ участковъ, но съ разными ограниченіями. Прусскій банкъ принимаетъ подъ залогъ участки, стоющіе не менѣе 500 талеровъ, слѣдовательно, вовсе не открываетъ кредита мелкимъ хозяевамъ, наиболѣе нуждающимся въ пособіи. Шлезскій банкъ принимаетъ подъ залогъ крестьянскіе участки, оцѣненные въ 40 талеровъ, и выдаетъ хозяевамъ такъ называемыя новыя облигаціи; при этомъ онъ беретъ съ хозяевъ $4^2/_3$ или $4^1/_6\%$, сверхъ того $^1/_2\%$ на расходы и 1 талеръ въ пользу кредитнаго товарищества; наконецъ, онъ ничего не зачитываетъ на погашеніе, а предоставляетъ себѣ право, оповѣстивъ хозяина за шесть мѣсяцевъ впередъ, потребовать отъ него во всякое время уплаты капитальнаго долга. Получая изъ банка четырехъ-процентныя облигаціи, крестьянинъ оплачиваетъ ихъ безъ погашенія $4^2/_3\%$; въ итогѣ это составляетъ, конечно, менѣе ренты, требуемой съ него рентнымъ банкомъ, даже за вычетомъ изъ нея $^1/_{10}$; но за то крестьянинъ остается вѣчнымъ должникомъ земскаго банка и рискуетъ сдѣлаться должникомъ несостоятельнымъ, если въ неблагопріятную для него минуту банкъ потребуетъ съ него капитальнаго долга. Самъ же онъ не можетъ уплачивать его мелкими суммами, ибо банкъ не принимаетъ въ зачетъ капитальнаго долга менѣе 20 талеровъ. Земскіе банки — учрежденія общественныя, а не правительственныя; они дѣйствуютъ совершенно самостоятельно, только подъ контролемъ правительства; поэтому нѣтъ юридическаго основанія вмѣнять имъ въ обязанность выдачу облигацій подъ залогъ крестьянскихъ участковъ, на какихъ бы то ни было условіяхъ, ни принуждать крестьянъ къ употребленію полученныхъ ими облигацій на выкупъ рентъ, а не на другой предметъ. Въ сущности, предложеніе противниковъ проэкта о рентныхъ банкахъ, можетъ быть выражено въ слѣдующей формѣ: вмѣсто того, чтобы кредитному учрежденію выдавать помѣщикамъ облигаціи отъ

себя, а съ крестьянъ получать пониженную ренту, не лучше ли выдавать облигаціи въ руки крестьянамъ, подъ залогъ ихъ земли, съ тѣмъ, чтобъ они сами расплачивались ими съ помѣщиками. Но есть ли достаточное основаніе надѣяться, что помѣщики добровольно примутъ предлагаемыя имъ облигаціи по нарицательной ихъ цѣнности? Если же они на это не согласятся, то крестьяне должны будутъ обмѣнять ихъ на деньги, продать ихъ и, вѣроятно, на первое время, съ потерею; все это сопряжено съ рискомъ и хлопотами, несвойственными простому крестьянину, а главное — этимъ способомъ затягивается окончательная развязка тягостныхъ отношеній между поселянами и помѣщиками. Напротивъ того, при посредничествѣ рентнаго банка, обоюдная ихъ зависимость прекращается немедленно, рента понижается на $^1/_{10}$, допускается постепенный выкупъ долга самыми мелкими суммами, наконецъ, погашеніе совершается само собою, въ срокъ, заранѣе опредѣленный, и почти нечувствительно для должника.

Обѣ камеры согласились съ министромъ. Вообще, нельзя сказать, чтобы законъ о рентныхъ банкахъ встрѣтилъ сильную оппозицію. Необходимость его была очевидна для всѣхъ, за успѣхъ операціи ручался примѣръ Саксоніи, а недавно полученный дворянствомъ урокъ былъ еще въ свѣжей памяти и располагалъ къ уступчивости.

Потери, понесенныя дворянствомъ, по собственной его винѣ, яснѣе всего обнаружатся примѣромъ. Предположимъ, что въ данномъ имѣніи всѣ повинности, лежащія на крестьянскомъ участкѣ, оцѣнены въ 140 р. сер. Мы видѣли, что онѣ цѣнились дешево. Хозяинъ участка получаетъ съ него чистаго дохода 150 р. Такъ какъ треть этого дохода должна принадлежать ему исключительно, то онъ требуетъ, чтобы, на основаніи закона, рента въ пользу владѣльца не превышала двухъ третей. Итакъ, вмѣсто 140 р. помѣщику оставляется рента во 100 р. Онъ теряетъ на этой операціи 40%. За тѣмъ хозяину предоставляется право расквитаться окончательно, внеся денежную сумму, равную произведенію ренты, помноженной на 18, или 1800 р. Этотъ капиталъ,

помѣщенный изъ 5%, дастъ 90 р. Помѣщикъ теряетъ еще 10%. Но гораздо вѣроятнѣе, что крестьянинъ, не будучи въ состояніи выплатить разомъ весь капиталъ, переведетъ ренту на банкъ. Въ такомъ случаѣ помѣщикъ получитъ четырехъ-процентныхъ облигацій на 2000 рубл. сер., а ежегоднаго съ нихъ дохода 80 рубл., слѣдовательно, потеряетъ 20%, а сравнительно съ выведенною цѣнностью упраздненныхъ повинностей (140 р.)—60%. Потеря великая и, несмотря на то, по свидѣтельству, почти единогласному, Прусскихъ экономистовъ, она не только не разорила помѣщиковъ, чего никто и не опасался, а напротивъ, имъ же обратилась на пользу. Чѣмъ это объяснить? Ничѣмъ инымъ, какъ только единовременнымъ пріобрѣтеніемъ неоцѣненнаго блага—свободы, безопасности и правомѣрности въ личныхъ и хозяйственныхъ отношеніяхъ двухъ сословій; ничѣмъ, какъ прекращеніемъ этой обоюдной зависимости, тягостной, невыносимой для обѣихъ сторонъ, не столько ради сопровождающихъ ее хлопотъ и убытковъ, сколько ради неразлучныхъ съ нею воспоминаній о прежнемъ, утраченномъ полновластіи съ одной стороны, о старыхъ, еще незажившихъ язвахъ съ другой. Какъ скоро это прошедшее было отброшено, заиграла новая жизнь, усыпленныя силы развернулись на просторѣ, свободный трудъ проложилъ себѣ новые пути, производительность его удвоилась, и вмѣстѣ съ тѣмъ быстро поднялась цѣнность земли.

Исторія упраздненія крѣпостнаго права въ Пруссіи этимъ оканчивается; но въ развитіи общественныхъ отношеній не бываетъ вакантнаго времени. Едва достигнута одна цѣль, какъ уже выдается за нею другая; только что разрѣшенъ одинъ вопросъ, какъ уже самое разрѣшеніе возбуждаетъ цѣлый рядъ новыхъ вопросовъ. Въ настоящую минуту двѣ задачи, не только тѣсно связанныя съ вопросомъ о крѣпостномъ правѣ, но можно сказать, возбужденныя его упраздненіемъ, стоятъ на первой чредѣ и занимаютъ государственныхъ людей Пруссіи — устройство сельскихъ обществъ и опредѣленіе формъ поземельнаго владѣнія крестьянъ.

Въ прежнія времена три условія сплачивали помѣщичьихъ крестьянъ въ собирательныя единицы, называемыя общинами—Gemeinden: вопервыхъ, помѣщичье вотчинное право на землю; вовторыхъ, судебно-полицейская власть того же помѣщика; втретьихъ, общіе хозяйственные интересы по владѣнію угодіями, состоявшими въ нераздѣльномъ пользованіи поселянъ. Первая связь была разорвана съ выкупомъ крестьянской земли; вторая рушилась съ упраздненіемъ патримоніальной юридикціи; третья — съ раздѣломъ общихъ угодій и съ поступленіемъ ихъ въ личную собственность крестьянъ-хозяевъ. Законодательство уничтожило хозяйственныя и юридическія основы прежней, средневѣковой сельской общины, но не замѣнило ихъ ничѣмъ и, должно сознаться, что трудно было ихъ замѣнить. Между тѣмъ, общество необходимо, какъ административная единица, необходимо для самаго правительства; а такое правительство, какъ Прусское, хорошо знаетъ, что невозможно соединить людей наудачу и велѣть имъ сознавать себя, какъ одно цѣлое, если въ основѣ общежитія не лежитъ общихъ, свободныхъ, незаказныхъ интересовъ. Подвести нѣсколько сотенъ или тысячъ сельскихъ обывателей подъ одну рубрику и возложить на нихъ отвѣтственность и тягости, неразлучныя со всякою формою общественной организаціи, для того единственно, чтобы легче было правительству—этого въ Пруссіи никто бы не изобрѣлъ. Тамъ ищутъ совпаденія административной единицы съ бытовою и бытовую облекаютъ въ юридическую форму, но не умѣютъ навязывать жизни формы, придуманныя на досугѣ. Мы сказали, что трудно было замѣнить упраздненную основу общежитія, и факты это подтверждаютъ. Послѣ продолжительныхъ совѣщаній и зрѣлаго обсужденія, 11-го Марта 1850 года, вышло положеніе объ устройствѣ сельскихъ обществъ (Gemeinde-Ordnung); но видно, оно не привилось; ибо черезъ три года (24 Мая 1853 года) правительство признало за лучшее упразднить его; задача — какъ устроить сельскія общества? — доселѣ остается неразрѣшенною.

Вторая задача не менѣе сложна. Начиная съ эдикта 1807 года, во всѣхъ законоположеніяхъ, нами разобранныхъ,

является, рядомъ съ личнымъ освобожденіемъ поселянъ, освобожденіе крестьянской земли, какъ цѣль постоянныхъ стремленій правительства. Освобожденіе земли значило упраздненіе всѣхъ ограниченій въ распоряженіи землею, установленныхъ для обезпеченія какъ помѣщичьихъ интересовъ, такъ и общественныхъ интересовъ крестьянъ и, наконецъ, фискальныхъ интересовъ казны, уничтоженіе совмѣстности различныхъ правъ на землю и соединеніе всѣхъ этихъ правъ въ одномъ лицѣ полнаго, неограниченнаго собственника. За стѣсненіе крестьянина въ пользу помѣщика или въ пользу казны, теперь, конечно, никто не стоитъ; но старыя, отмѣненныя постановленія имѣли еще другую цѣль: обезпечить опредѣленное количество земли (именно ту землю, которая называлась изстари крестьянскою) во владѣніи земледѣльцевъ, предупредить переходъ ея въ другія руки и, наконецъ, самое распредѣленіе этой земли между крестьянами удержать въ такомъ видѣ, при которомъ поземельный надѣлъ обезпечивалъ бы надежнымъ образомъ самостоятельность земледѣльческой промышленности и личную независимость преданнаго ей крестьянина. Отсюда истекали законы, воспрещавшіе присоединеніе крестьянской земли къ господскимъ полямъ, дробленіе крестьянскихъ участковъ и опредѣлявшіе особыя правила наслѣдованія въ крестьянскомъ сословіи въ пользу того лица, которое, вступая во владѣніе участкомъ, принимало права и обязанности осѣдлаго хозяина *).

Все это было упразднено. Крестьянинъ, сдѣлавшійся полнымъ собственникомъ, пріобрѣлъ право продавать, отчуждать, обременять долгами, дробить свою землю, по личному своему усмотрѣнію. Никто въ это не вступался. Начались раздѣлы; крупные участки стали распадаться на мелкіе, мелкіе на мельчайшіе. Въ Прирейнскомъ краѣ, гдѣ, впрочемъ, искони существовала, такъ называемая, свобода поземельной собственности, это движеніе въ послѣднее время дошло

*) Напримѣръ, участокъ для опредѣленія вознагражденія, слѣдовавшаго прочимъ наслѣдникамъ, цѣнился ниже дѣйствительной его стоимости, рабочій инвентарь оставлялся при участкѣ и т. д.

до невѣроятныхъ крайностей; въ восточныхъ областяхъ оно обнаружилось гораздо медленнѣе, будучи сдержано старымъ обычаемъ. Отсюда возникло очень серьезное опасеніе: при ничѣмъ неограниченномъ правѣ дробленія земли, удержитъ ли она свою цѣнность, и сохранится ли крѣпкое, коренастое крестьянство, составляющее ядро и силу Прусской націи (ein gesunder, kräftiger Bauernstand)?

Теперь уже существуетъ цѣлая спеціальная литература объ этомъ вопросѣ. Много сильныхъ и основательныхъ доводовъ представила какъ сторона, отстаивающая неограниченную свободу въ распоряженіи землею, такъ и та, которая противъ нея возстаетъ, впрочемъ не будучи въ состояніи формулировать свои требованія въ положительной формѣ. Ученые экономисты почти всѣ на сторонѣ перваго мнѣнія; они стараются подкрѣпить его фактами, вникая глубоко въ исторію народа, въ формы его быта, въ его природу, отнюдь не ограничиваясь повтореніемъ отъ имени науки общихъ законовъ, которыхъ общность далеко еще не доказана.

На противной сторонѣ встрѣчаются также люди съ вѣсомъ и знаніемъ, образованные сельскіе хозяева и администраторы, долго на практикѣ имѣвшіе дѣло съ поселянами. Правительство стоитъ на рубежѣ между ними, вслушиваясь въ зловѣщія предсказанія послѣднихъ и не рѣшаясь идти противъ убѣжденія первыхъ. Законодательныя основы, положенныя Штейномъ, до сихъ поръ цѣлы и не тронуты; но обнаруживаются попытки, впрочемъ менѣе рѣзкія въ Пруссіи, чѣмъ въ другихъ земляхъ, если не прямымъ, то косвеннымъ образомъ, остановить дробленіе земель. Повторяемъ— это вопросъ, предметъ горячаго спора, котораго разрѣшеніе далеко впереди.

Подробное изложеніе всего сдѣланнаго и написаннаго по двумъ вопросамъ объ устройствѣ сельскихъ обществъ и объ опредѣленіи формъ землевладѣнія, вывело бы насъ за предѣлы нашей темы; нужно было только указать на нихъ, какъ на дальнѣйшее продолженіе той законодательной работы, которая началась съ личнаго освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ и достигла своей цѣли, открывъ имъ средства выкупить свою повинность.

Намъ остается, въ дополненіе къ этому обозрѣнію, сообщить читателямъ нѣсколько статистическихъ данныхъ, выражающихъ цифрами сумму достигнутыхъ результатовъ и, въ заключеніе, показать, ч҄тó можно извлечь для пользы нашего домашняго дѣла изъ этой длинной исторической справки *).

---

*) Этого дополненія къ изслѣдованію объ упраздненіи крѣпостнаго права въ Пруссіи Ю. Ѳ-чу не удалось написать. Съ осени 1858 года онъ уже весь предался занятіямъ по крестьянскому дѣлу, сначала въ Самарскомъ Комитетѣ по устройству быта крестьянъ, а потомъ въ Редакціонной Коммисіи, и эти занятія совершенно отвлекли его отъ трудовъ ученыхъ и литературныхъ. Въ бумагахъ его сохранились только кой-какіе матеріалы для предположенной статьи: статистическія данныя для сравненія общаго уровня благосостоянія въ Пруссіи въ 1806, 1831, 1842 и 1849 г. г., извлеченныя изъ сочиненія Дитрици, данныя о поземельномъ владѣніи въ Пруссіи, о сельскомъ народонаселеніи, о результатахъ регулированія, сепараціи и выкупа, извлеченныя изъ книгъ Редена и Франца. Но всѣ эти выписки могли бы послужить только пособіемъ для написанія предполагавшейся статьи, но не могутъ быть напечатаны въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ сохранились. *Прим. изд.*

О мѣрахъ для смягченія и облегченія крѣпостнаго состоянія *).

Угнетательная сила помѣщичьей власти обнаруживается на практикѣ въ явленіяхъ двоякаго рода. Иногда эта власть служитъ орудіемъ безсмысленной прихоти, дикой страсти и слѣпаго произвола; иногда она подчиняется хозяйственнымъ разсчетамъ и употребляется какъ вѣрное средство для достиженія матеріальныхъ выгодъ, противоположныхъ выгодамъ и убѣжденіямъ крестьянъ.

Угнетенія перваго рода имѣютъ свой корень въ личности помѣщика; они облекаются въ форму смѣшную или трагическую, смотря по темпераменту душевладѣльца. На нихъ преимущественно обращено вниманіе правительства и общества, потому что они поражаютъ своею уродливостью и доставляютъ описателямъ современныхъ нравовъ неисчерпаемую тему.

---

*) Въ примѣчаніи къ „четыремъ запискамъ по крестьянскому дѣлу, написаннымъ въ Августѣ 1857 года“, на стр. 145 этого тома, сказано нами, что Секретный Комитетъ журналомъ 18 Августа 1857 года постановилъ: „въ первый приготовительный періодъ смягчить и облегчить крѣпостное состояніе“. Въ разъясненіе этого постановленія въ журналѣ Комитета было сказано: „Комитетъ, принимая во вниманіе, что общее освобожденіе крѣпостнаго сословія тѣми способами, кои будутъ для этого избраны и указаны, не можетъ послѣдовать въ скоромъ времени, призналъ, что теперь же необходимо принять всѣ возможныя мѣры для смягченія или облегченія того положенія, въ коемъ находятся крѣпостные люди, но смягченія такого, которое не прекращало бы ихъ теперешнихъ отношеній къ помѣщикамъ и не ослабляло бы власти сихъ послѣднихъ. Не останавливаясь на исчисленіи теперь всѣхъ подобныхъ мѣръ, Комитетъ полагаетъ: по утвержденіи настоящаго заключенія Комитета, приступить къ подробному обсужденію всѣхъ частныхъ мѣръ, кои

Далеко не такъ ярко мечутся въ глаза угнетенія втораго рода. Съ непривычки трудно даже замѣтить ихъ; ибо они скрываются обыкновенно подъ благовидною оболочкою твердой настойчивости въ управленіи, любви къ порядку, даже попечительной заботливости о крестьянахъ.

Изучая безпристрастно бытъ помѣщиковъ и ихъ отношенія къ крѣпостнымъ людямъ, нельзя не убѣдиться, что проявленіе прихотливаго произвола и безцѣльной жестокости становится рѣже и рѣже. Этотъ успѣхъ объясняется естественнымъ смягченіемъ нравовъ, распространеніемъ просвѣщенія, усиленнымъ наблюденіемъ со стороны правительства, а болѣе всего замѣтнымъ истощеніемъ крестьянскаго долготерпѣнія. „Народъ противъ прежнихъ временъ много перемѣнился", говорятъ старые прикащики и помѣщики; это значитъ, что теперь уже не проходитъ безнаказанно половина тѣхъ жестокостей или притѣсненій, на которыя старое поколѣніе крестьянъ не посмѣло бы и роптать.

могутъ быть нынѣ приняты для облегченія крѣпостнаго сословія и кои изложены какъ въ разныхъ проектахъ, находящихся въ разсмотрѣніи Комитета, такъ и въ мнѣніяхъ членовъ существующей при Комитетѣ коммисіи и въ замѣчаніяхъ нѣкоторыхъ членовъ Комитета, и за тѣмъ уже мѣры сіи представить на Высочайшее благоусмотрѣніе". Въ виду этого постановленія Комитета и была написана Ю. Ѳ—чемъ и представлена по назначенію записка „О мѣрахъ для смягченія и облегченія крѣпостнаго состоянія". Очевидно слѣдовательно, что она составляетъ продолженіе тѣхъ записокъ, которыя помѣщены выше на стр. 144—190, и ее слѣдовало бы поэтому напечатать вмѣстѣ съ ними, но она нашлась въ бумагахъ Ю. Ѳ—ча, когда почти весь II-ой томъ былъ уже отпечатанъ. Въ этой же запискѣ Ю. Ѳ. изложилъ и отвѣты свои на тѣ 14 вопросовъ, которые Комитетъ роздалъ своимъ членамъ съ тѣмъ, чтобы они представили по нимъ свои мнѣнія къ 1 Октября; такимъ образомъ удалось найти и то мнѣніе, о которомъ въ примѣчаніи на стр. 145 было сказано нами, что оно не сохранилось между оставшимися рукописями. Списокъ этихъ 14 вопросовъ былъ присланъ Ю. Ѳ. Самарину при письмѣ отъ 4 Сентября 1857 года съ просьбою представить по нимъ свои соображенія какъ можно поспѣшнѣе. Вотъ какъ въ присланномъ спискѣ была опредѣлена цѣль этихъ вопросовъ и въ какой формѣ они были изложены. „Для указанія тѣхъ мѣръ, кои на основаніи Высочайше утвержденнаго 18 Августа 1857 г. журнала Секретнаго Комитета должны быть нынѣ же приняты, какъ для смягченія и облегченія крѣпостнаго состоянія, такъ и для успѣха взаимныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами, необходимо разсмотрѣть и разрѣшить въ Коми-

Съ другой стороны, должно сознаться, что систематическое, отчетливое давленіе на крестьянъ постепенно усиливается. Помѣщики дальше и дальше запускаютъ свою руку въ домашній бытъ крестьянъ, связываютъ ихъ во всѣхъ ихъ хозяйственныхъ распоряженіяхъ, забираютъ ихъ въ вѣчную опеку, подъ разными предлогами увеличиваютъ ихъ повинности и прибѣгаютъ къ разнаго рода вымогательствамъ новѣйшаго изобрѣтенія. Это грустное явленіе заслуживаетъ полнаго вниманія законодательства; ибо въ немъ обнаруживается прогрессивное развитіе крѣпостнаго права, которое, если не принять мѣръ противъ него, можетъ надолго парализировать законы, издаваемые для постепеннаго освобожденія крестьянъ.

Итакъ, цѣлью предлагаемыхъ мѣръ должно быть: **не ослабляя власти помѣщиковъ надъ крестьянами** (какъ сказано въ журналѣ Комитета 18 Августа 1857 г.), **во сколько эта власть необходима, пока помѣщикъ отвѣчаетъ за полицейскій порядокъ въ своемъ имѣ-**

тетѣ слѣдующіе вопросы: I. Можно ли дозволить крѣпостнымъ людямъ вступать въ бракъ безъ согласія помѣщика? II. Можно ли дать помѣщичьимъ крестьянамъ право пріобрѣтать собственность безъ согласія помѣщика? III. Можно ли ограничить права помѣщиковъ относительно разбора споровъ и жалобъ между ихъ крестьянами? IV. Въ какой мѣрѣ можно ограничить права помѣщиковъ относительно наказанія крестьянъ? V. Должно ли лишить помѣщиковъ права переселять крестьянъ въ Сибирь? VI. Слѣдуетъ ли ограничить права помѣщиковъ относительно отдачи крестьянъ въ рекруты? VII. Должно ли лишить помѣщиковъ права вмѣшиваться въ отправленіе крестьянами повинностей и податей? VIII. Какія принять мѣры для болѣе точнаго опредѣленія повинностей крѣпостныхъ крестьянъ ихъ помѣщикамъ? IX. Можно ли допустить жалобы крѣпостныхъ крестьанъ на ихъ помѣщиковъ? X. Можно ли дать помѣщичьимъ крестьянамъ право выкупаться на волю за особо опредѣленную цѣну? XI. Какія мѣры должно принять нынѣ же для уменьшенія числа дворовыхъ людей? XII. Какія принать мѣры для бо̀льшаго успѣха въ заключеніи взаимныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами? XIII. Независимо отъ всѣхъ изложенныхъ выше мѣръ, не слѣдуетъ ли принять нынѣже еще нѣкоторыя мѣры для облегченія какъ крѣпостнаго состоянія, такъ и взаимныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами? XIV. Какимъ порядкомъ приступить къ исполненію тѣхъ облегчительныхъ мѣръ, кои Комитетомъ будутъ окончательно избраны и Его Императорскимъ Величествомъ утверждены?“ *Прим изд.*

ніи, за исправленіе государственныхъ повинностей, за взносъ податей, и пока правительство не въ состояніи замѣнить этой власти заслуживающими довѣріе инстанціями,

ограничить ее въ безполезныхъ ея проявленіяхъ и особенно въ тѣхъ ея дѣйствіяхъ, гдѣ она служитъ корыстнымъ разсчетамъ.

Слѣдующія мѣры могли бы, кажется, вести къ этимъ цѣлямъ:

1. Въ отмѣну 12 ст. X т. Св. Зак., дозволить крѣпостнымъ людямъ (крестьянамъ и дворовымъ) вступать въ бракъ, не испрашивая на то соизволенія владѣльца и воспретить помѣщикамъ всякое вмѣшательство въ брачныя дѣла ихъ крѣпостныхъ людей. Противъ этой мѣры можно возразить вопервыхъ, что дѣвушки изъ имѣнія бѣднаго или обремененнаго тяжелыми повинностями будутъ охотно выходить за мужъ на сторону, а женихамъ того имѣнія трудно будетъ пріискивать себѣ невѣстъ; вовторыхъ, что вступленіе въ бракъ дворовыхъ, состоящихъ при помѣщикѣ въ услуженіи и которыхъ онъ содержитъ на свой счетъ, во многихъ случаяхъ можетъ стѣснить его и даже заставить отказаться отъ ихъ услугъ. Но въ первомъ случаѣ собственный интересъ помѣщика, совпадая съ интересомъ крестьянъ, заставитъ его сдѣлать уступки, дать льготы, чтобъ удержать дѣвушекъ въ своемъ имѣніи; во второмъ, стѣсненіе помѣщика, хотя и несомнѣнное, принесетъ пользу какъ косвенное поощреніе къ освобожденію дворовыхъ или къ отпуску ихъ на оброкъ.

2. Въ отмѣну 2187 ст. X т. Св. Зак., разрѣшить крѣпостнымъ людямъ искать на постороннихъ людей и отвѣчать на судѣ самимъ за себя, не испрашивая дозволенія на то у своихъ владѣльцевъ; при чемъ, разумѣется, послѣдніе не должны подвергаться никакой за нихъ отвѣтственности.

3. Въ отмѣну 1047 ст. IX т. Св. Зак., по продолж. II, дозволить крѣпостнымъ людямъ пріобрѣтать движимую и недвижимую собственность и отчуждать оную всѣми законными способами, не испрашивая соизволенія на то у сво-

его помѣщика, равно какъ и защищать ее общимъ установленнымъ порядкомъ не только противъ постороннихъ лицъ, но и противъ самаго помѣщика.

4. Въ отмѣну 966 ст. IX т. Св. Зак., воспретить перечисленіе крѣпостныхъ людей по ревизскимъ сказкамъ изъ крестьянъ въ дворовые. Эта мѣра можетъ быть полезна при одномъ условіи: если, какъ о томъ говорено будетъ ниже, правительство распространитъ на крестьянъ, увольняемыхъ безъ земли по одиночкѣ или семействами, правило доселѣ (по 1070 ст. IX т. Св. Зак., по продол. IV) относившееся только къ дворовымъ о немедленномъ исключеніи получившаго отпускную изъ ревизіи. Въ противномъ случаѣ, воспрещеніе перечисленія изъ крестьянъ въ дворовые отняло бы единственный способъ къ личному освобожденію крестьянъ, безъ отягощенія сельскихъ обществъ.

5. Воспретить помѣщикамъ брать во дворъ крестьянъ для домашнихъ при себѣ услугъ. Эта статья потребуетъ ближайшаго опредѣленія понятія домашнихъ слугъ, при помѣщикахъ состоящихъ. Въ настоящее время законъ не опредѣляетъ юридическаго понятія двороваго, а занесеніе въ ревизію подъ этимъ названіемъ не всегда можетъ служить вѣрнымъ признакомъ: ибо во многихъ имѣніяхъ значительная часть дворовыхъ показана по ревизскимъ сказкамъ крестьянами; на практикѣ же, между дворовыми, вполнѣ соотвѣтствующими общему представленію объ этомъ классѣ (каковы, напримѣръ, повара, камердинеры, горничныя дѣвушки, парикмахеры, музыканты, стременные, ловчіе, лакеи и т. д.), и крестьянами существуетъ при каждой экономіи особый какъ бы посредствующій классъ мастеровыхъ и безсмѣнныхъ рабочихъ, каковы, напримѣръ: ключники, скотники, пастухи, полѣсовные, гуменные старосты, мельники, ссыпщики, смотрители за разными частями господскаго хозяйства; мастеровые: плотники, слесаря, столяры, сахаровары, винокуры, коновалы, овчары. Многіе изъ нихъ женаты на крестьянкахъ, носятъ бороды, одѣваются и живутъ какъ крестьяне; занятія ихъ также подходятъ къ крестьянскимъ; между тѣмъ какъ съ дру-

гой стороны они состоятъ на положеніи дворовыхъ, т.-е. получаютъ отъ помѣщика помѣщеніе, харчи, одежду и часто жалованье. Запрещеніе брать крестьянъ для замѣщенія этого рода должностей (безъ которыхъ нельзя обойтись въ хозяйствѣ и на исправленіе которыхъ нельзя наряжать барщинниковъ поочередно, такъ какъ онѣ ввѣряются людямъ вполнѣ надежнымъ и требуютъ спеціальнаго умѣнія) было бы для владѣльцевъ крайне стѣснительно до полнаго упраздненія крѣпостнаго права, стѣсняющаго развитіе свободнаго труда. Итакъ, нужно въ примѣчаніи пояснить, что запрещеніе брать людей изъ крестьянъ для домашнихъ услугъ не распространяется на замѣщеніе должностей и безсмѣнный нарядъ на извѣстныя работы при господской экономіи. Само собою разумѣется, что въ этомъ случаѣ нельзя придумать такого опредѣленія, которое бы вполнѣ исчерпывало оба понятія и отнимало бы всякую возможность обойти законъ. Разрѣшеніе спорныхъ случаевъ необходимо предоставить усмотрѣнію судебныхъ инстанцій.

6. Воспретить помѣщикамъ переводить крестьянъ на мѣсячину, т.-е., отобравъ у нихъ пахатную землю и взявъ ихъ на господское содержаніе, употреблять ихъ круглый годъ на работу. Состояніе мѣсячниковъ представляетъ крайній предѣлъ развитія крѣпостнаго права, сливающійся съ рабствомъ. Обращеніе крестьянъ въ это состояніе есть прямое нарушеніе закона о трехдневной барщинѣ *), и потому, сверхъ предупрежденія подобныхъ операцій на будущее время, необходимо принять мѣры для того, чтобы вывести изъ этого состоянія всѣхъ уже находящихся въ немъ крестьянъ. Прежде всего слѣдовало бы Министру Внутреннихъ Дѣлъ собрать по всѣмъ губерніямъ точныя свѣдѣнія о томъ, въ какихъ уѣздахъ и за какими помѣщиками состоятъ мѣсячники, въ какомъ числѣ душъ, при какомъ количествѣ земли въ имѣніи и т. д. Когда все это приведется въ точную извѣстность, можно будетъ приступить къ обсужденію вопроса, какія принять мѣры для освобожденія или,

*) Въ одномъ изъ секретныхъ циркуляровъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ къ предводителямъ на этотъ предметъ обращено уже вниманіе.

по крайней мѣрѣ, для облегченія участи мѣсячниковъ. Но если собирать указанныя свѣдѣнія обыкновеннымъ порядкомъ, т. е. посредствомъ циркулярныхъ запросовъ земской полиціи или предводителямъ, то нѣтъ сомнѣнія, что правительство не узнаетъ правды; необходимо возложить это дѣло на личную отвѣтственность губернаторовъ и поручить имъ всѣми состоящими въ ихъ распоряженіи средствами производить строгую повѣрку донесеній, долженствующихъ поступать къ нимъ изъ уѣздовъ.

7. Въ отмѣну 967 ст. IX т. Св. Зак., примѣч. къ ст. 968 и приложенныхъ къ ней правилъ, запретить помѣщикамъ отдавать крѣпостныхъ людей своихъ постороннимъ лицамъ въ услуженіе или въ работу, по контрактамъ или безъ контрактовъ. Особыя правила, изданныя для огражденія крѣпостныхъ людей отъ обидъ и угнетеній при таковыхъ поставкахъ рабочихъ отъ помѣщиковъ (1835 г. Мая 29), оказались совершенно недѣйствительными. Всякій, кому случалось видѣть на работѣ Бѣлорусцовъ, отданныхъ въ распоряженіе подрядчику, или Малороссіянъ, перевозимыхъ черезъ Днѣпръ на свеклосахарные заводы Кіевской губерніи (гдѣ требованія помѣщиковъ отъ собственныхъ ихъ крестьянъ ограничены инвентарными правилами), знаетъ, что участь этихъ несчастныхъ едвали лучше участи Негровъ на плантаціяхъ. Объ этомъ нетрудно получить точныя свѣдѣнія на мѣстахъ.

Чтò касается до права, предоставленнаго помѣщикамъ тоюже 967 ст. IX т. Св. Зак., отдавать своихъ крѣпостныхъ людей для обученія ремесламъ, то желательно бы было не отмѣнять и даже не ограничивать его, по крайней мѣрѣ относительно дворовыхъ людей, по двумъ причинамъ. Вопервыхъ, мастерскія и училища, куда большею частью отдаются на обученіе крѣпостные люди, находятся преимущественно въ городахъ, и потому наблюденіе за ними гораздо легче, чѣмъ надзоръ за толпою землекоповъ, отправляемыхъ на какую нибудь дорогу или на болото. Вовторыхъ, одна изъ причинъ, затрудняющихъ освобожденіе дворовыхъ, заключается въ томъ, что многіе изъ нихъ, привыкшіе жить на чужой счетъ, въ праздности, были бы не

въ состояніи обойтись безъ посторонней помощи и честнымъ трудомъ снискивать себѣ пропитаніе; поэтому распространеніе между ними грамотности, познаній и навыка къ ремесламъ, рукодѣліямъ и промысламъ всякаго рода должно быть всѣми мѣрами поощряемо, хотя бы даже обученіе ихъ не обходилось безъ принужденія. Во многихъ имѣніяхъ и домахъ этотъ классъ людей до того избалованъ, что нельзя ожидать отъ нихъ добровольнагѳ согласія промѣнять бездѣлье на какой бы то ни было трудъ.

8. Пріобрѣтеніе крестьянъ безъ земли на своз ограничить условіемъ, чтобъ покупщикъ предварительно заключилъ съ ними договоръ на основаніяхъ, изложенныхъ въ особомъ о томъ указѣ.

9. Запретить пріобрѣтеніе и продажу крѣпостныхъ людей безъ земли, по одиночкѣ или отдѣльными семьями, если продавецъ уступаетъ, а покупщикъ пріобрѣтаетъ изъ одного имѣнія менѣе 15 душъ мужескаго пола отъ 16 до 25 лѣтъ. Предлагаемая мѣра, кажется, представляетъ единственный способъ прекратить торговлю рекрутами. Извѣстно, что въ прежнія времена помѣщики, а еще чаще зажиточные крестьяне, подъ именами своихъ помѣщиковъ, покупали людей у мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ и за себя сдавали ихъ въ военную службу. Чтобы воспротивиться этому, правительство запретило отдавать въ рекруты купленнаго человѣка прежде истеченія года со дня совершенія купчей крѣпости (1002 ст. IX т. Св. Зак.); но это не помогло: помѣщикъ, купившій человѣка, оставлялъ его на годъ у прежняго владѣльца и бралъ къ себѣ прямо для представленія въ рекрутское присутствіе. Удостовѣрившись въ этомъ, правительство измѣнило редакцію закона, прибавивъ требованіе, чтобъ годовой срокъ считался со дня дѣйствительнаго водворенія купленнаго человѣка въ имѣніи покупщика. Но ктоже за этимъ усмотритъ? По частнымъ свѣдѣніямъ оказывается, что торговля рекрутами продолжается, хотя съ нѣкоторыми предосторожностями *). Помѣщикъ,

*) Объ этомъ предметѣ должна находиться переписка въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, начавшаяся по представленію начальника Симбирской губерніи Бибикова.

которому дѣйствительно нужно населить степь, конечно не станетъ предпринимать хлопотливой и дорогой операціи перевоза людей изъ одной губерніи въ другую для водворенія менѣе 15 тягловыхъ работниковъ, слѣдовательно предлагаемая мѣра не стѣснитъ его; но кто ищетъ людей для представленія ихъ въ рекруты едвали согласится пріобрѣсти 15 человѣкъ вдругъ (при нихъ же будутъ жены и дѣти), да и едвали найдетъ онъ продавца, который бы захотѣлъ уступить такое число годныхъ въ рекруты работниковъ *).

10. Торговля рекрутами производится еще въ другой формѣ. Помѣщикъ, желающій продать своего человѣка, пишетъ отпускную на его имя, не говоря ему объ этомъ ни слова, и потомъ обыкновенно черезъ посредство фактора изъ Жидовъ пріискиваетъ покупщика. Жидъ улаживаетъ дѣло, и тогда крестьянина вводятъ въ губернское рекрутское присутствіе, предварительно напоивши его, и представляютъ какъ вольноотпущеннаго, будто бы добровольно опредѣляющагося. По предварительной стачкѣ съ предсѣдателемъ и секретаремъ, требованіе закона, чтобъ вольноотпущенный былъ спрошенъ въ присутствіи: точно ли онъ охотою идетъ въ рекруты, не исполняется или исполняется такъ, что опрашиваемый не слышитъ или не понимаетъ обращеннаго къ нему вопроса, и за тѣмъ онъ поступаетъ въ рекруты, не подозрѣвая гнуснаго подлога, котораго онъ сдѣлался жертвою. Описанная торговля производилась прежде очень дѣятельно въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской и продолжается доселѣ въ Могилевѣ и Вильнѣ. Продавцами являются обыкновенно мелкопомѣстные дворяне, покупщиками—богатые крестьяне Московской, Владимірской и Ярославской губерніи, снабженные довѣренностями отъ своихъ владѣльцевъ на пріисканіе охотниковъ; посредники между ними—Жиды, получающіе огромные барыши соразмѣрные съ рискомъ этого промысла. Квитанціи обходятся покупщикамъ отъ 800 до 1,000 рубл. сер. Противъ этого вопію-

*) Эта мѣра предложена и развита въ проэктѣ князя Черкасскаго, находящемся при дѣлахъ Комитета.

щаго злоупотребленія трудно придумать радикальную мѣру, но слѣдовало бы усилить надзоръ со стороны правительства и возложить отвѣтственность за соблюденіе правилъ, установленныхъ для пріема вольноопредѣляющихся, на губернскаго прокурора, которому поручить лично опрашивать вольноотпущенныхъ въ присутствіи.

11. Въ имѣніяхъ, нынѣ состоящихъ на оброкѣ, запретить переводъ крестьянъ на барщину цѣлыми селеніями, оставляя помѣщику право переводить на барщину не болѣе десятой части всѣхъ наличныхъ въ имѣніи тяголъ. Нельзя не признать, что переводъ на барщину оброчниковъ есть одна изъ самыхъ ужасныхъ операцій надъ крѣпостными людьми, къ сожалѣнію, очень часто повторяющаяся и дѣйствующая губительно на матеріальный бытъ и на нравственность крестьянъ. Съ другой стороны, переводъ на барщину заключаетъ въ себѣ ничѣмъ не замѣнимое понудительное средство противъ неисправныхъ оброчниковъ. Предлагаемая мѣра прекратитъ переводъ на барщину какъ спекуляцію, помѣщикомъ предпринимаемую съ цѣлью увеличить свой доходъ, ибо заведеніе барщины въ столь малыхъ размѣрахъ не представляетъ выгодъ; но она не лишитъ его права переводить оброчниковъ на издѣлье въ видѣ взысканія за неисправность въ платежахъ.

12. Изъ наказаній, которымъ, въ силу 971 ст. IX т. Св. Зак. по продолж. VI, помѣщикъ въ правѣ подвергать крѣпостныхъ людей своихъ, отмѣнить вовсе палки, содержаніе въ сельской тюрьмѣ и отдачу въ смирительные и рабочіе дома и въ арестантскія роты гражданскаго вѣдомства. Палки и тюрьмы могутъ быть отмѣнены, какъ наказанія безполезныя и почти не существующія на практикѣ; онѣ замѣняются розгами для проступковъ маловажныхъ. Отдача въ исправительныя заведенія должна быть отмѣнена, какъ мѣра не исправляющая, а окончательно развращающая крестьянъ. Для важныхъ преступленій останется право отдавать въ рекруты и представлять мѣстному начальству къ удаленію изъ вотчины съ слѣдующими ограниченіями.

13. Возстановить безусловное запрещеніе представлять къ удаленію изъ имѣнія крѣпостныхъ людей обоего пола ста-

рѣе 50 лѣтъ (согласно 345 ст. Уст. о предупр. и пресѣч. преступленій по изданію 1842 г. и въ отмѣну той же статьи по продолж. VII).

14. Отмѣнить право представлять къ удаленію изъ имѣнія несовершеннолѣтнихъ обоего пола отъ 8 до 17 лѣтъ, предоставленное ст. 346 Уст. о пред. и прес. преступл. по продолженію X, такъ какъ дѣтей нельзя считать неисправимыми.

15. Примѣняясь къ ст. 345 (по продолж. VII) того же Устава и къ указу 1811 года Іюня (№ 24,707), постановить правиломъ, чтобы въ каждомъ подаваемомъ прошеніи о принятіи крѣпостнаго человѣка въ рекруты или объ удаленіи изъ вотчины прописывались причины, побуждающія къ тому помѣщика; чтобы за каждаго человѣка, отдаваемаго въ рекруты не во время набора или удаляемаго изъ имѣнія, сверхъ прочихъ взносовъ, требуемыхъ закономъ, взыскивалась съ помѣщика сумма, равная цѣнѣ положенной за ревизскую душу для писанія крѣпостей и чтобы всѣ сіи расходы отнюдь не разлагались на крестьянъ.

16. Положить предѣлъ неограниченному дробленію дворянскихъ имѣній, не въ видахъ поддержанія дворянскихъ родовъ, а для огражденія крестьянъ отъ притѣсненій и вымогательства, почти неразлучныхъ съ обѣднѣніемъ владѣльцевъ.

Сверхъ исчисленныхъ мѣръ, имѣющихъ цѣлью ограниченіе произвола помѣщиковъ, въ первомъ-же періодѣ и безъ всякаго нарушенія основныхъ началъ крѣпостнаго права, могли бы быть допущены слѣдующія мѣры къ облегченію освобожденія личнаго и цѣлыми обществами.

17. Установить таксу для личнаго выкупа крестьянъ и дворовыхъ людей безъ земли, съ предоставленіемъ права каждому изъ нихъ, по взносѣ опредѣленной суммы, получить изъ присутственнаго мѣста свидѣтельство, равносильное отпускной. Эта мѣра предложена была во многихъ проэктахъ; въ нѣкоторыхъ предполагалось ограничить право выкупа относительно тѣхъ дворовыхъ, которые, имѣя на рукахъ своихъ денежныя суммы, легко могли бы соблазниться удобствомъ обокрасть помѣщика и, пріобрѣтя отпускную, укрыть-

ся отъ преслѣдованія; но въ этихъ видахъ лишать общаго права именно тѣхъ крѣпостныхъ людей, которымъ помѣщикъ оказываетъ довѣріе, было бы несправедливо, и потому достаточно предоставить помѣщику возможность протестовать противъ увольненія откупающагося, постановивъ правиломъ, что до выдачи свидѣтельства присутственное мѣсто, принявши выкупную сумму, увѣдомляетъ о томъ помѣщика.

18. Всѣхъ увольняемыхъ или откупающихся на волю крестьянъ и дворовыхъ немедленно выключать изъ ревизскихъ списковъ по тѣмъ имѣніямъ, къ которымъ они приписаны, и освобождать бывшихъ ихъ владѣльцевъ, не ожидая новой ревизіи, отъ платежа за нихъ податей, повинностей и поставки рекрутовъ.

19. Разрѣшить личнымъ дворянамъ, почетнымъ гражданамъ и купцамъ пріобрѣтать дворянскія населенныя имѣнія съ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ съ прошеніемъ о совершеніи акта на переходъ имѣнія къ новому владѣльцу, представленъ былъ на утвержденіе правительства проэктъ добровольнаго договора съ крестьянами.

20. Разрѣшить крѣпостнымъ людямъ занимать у частныхъ лицъ деньги на выкупъ личный, безъ земли и цѣлыми обществами съ землею.

21. Разрѣшить увольненіе крестьянъ въ званіе обязанныхъ и вольныхъ хлѣбопашцевъ по духовнымъ завѣщаніямъ *).

Въ Комитетѣ предложены были еще другія мѣры, не вошедшія въ настоящую записку и требующія особаго разсмотрѣнія.

III **) Можно ли ограничить права помѣщиковъ относительно разбора споровъ и жалобъ между ихъ крестьянами?

Этотъ вопросъ требуетъ ближайшаго опредѣленія. Право помѣщика, о которомъ идетъ дѣло, можетъ быть ограниче-

*) Подробное развитіе послѣднихъ пяти предположеній отъ 16-го до 21-го включительно помѣщено въ моей запискѣ о крѣпостномъ состояніи, находящейся при дѣлахъ Комитета.

**) Выставленныя Римскія цифры соотвѣтствуютъ порядку, въ которомъ изложены въ присланной выпискѣ вопросы, заданные Комитетомъ.

но снизу учрежденіемъ въ самой средѣ крестьянскихъ обществъ мірской расправы, или сверху—учрежденіемъ правительственной инстанціи въ родѣ Приходскихъ Судовъ, существующихъ въ Лифляндіи. Первое изъ этихъ предположеній неудобоисполнимо въ настоящее время и въ теченіе всего періода, названнаго приготовительнымъ, по слѣдующимъ причинамъ: 1) хозяйственные интересы помѣщика (особенно въ имѣніяхъ издѣльныхъ, гдѣ владѣлецъ самъ извлекаетъ свой доходъ изъ земли непосредственнымъ употребленіемъ крестьянскихъ рабочихъ силъ) такъ тѣсно связаны со всѣми условіями домашняго быта поселянъ, что было бы весьма трудно отдѣлить ясною чертою тѣ дѣла, которыя, касаясь исключительно до крестьянъ, могли бы быть предоставлены общественной расправѣ, безъ участія помѣщика, отъ тѣхъ, въ которыхъ онъ заинтересованъ какъ хозяинъ и потому не можетъ быть лишенъ голоса. Напримѣръ, всѣ дѣла о раздѣлахъ, повидимому, могли бы быть отнесены къ первому разряду, а между тѣмъ, при рѣшеніи ихъ, принимается еще въ соображеніе: въ состояніи ли будутъ раздѣлившіеся дома исправно нести барщину, не запуская собственнаго своего хозяйства; 2) въ благоустроенныхъ имѣніяхъ, кромѣ общихъ сходокъ всѣхъ домохозяевъ, старосты и старшины (иногда самими крестьянами выбираемые, а иногда назначаемые конторою) призываются для разбора ссоръ и споровъ между крестьянами; но, разумѣется, эти сходки имѣютъ только совѣщательный характеръ, и приговоры стариковъ ни въ чемъ не стѣсняютъ помѣщиковъ въ ихъ распоряженіяхъ. Чтобы придать имъ обязательный характеръ безъ согласія помѣщика, необходимо бы было установить кѣмъ и какимъ порядкомъ будутъ выбираться старосты и старшины, оградить ихъ отъ притѣсненій со стороны помѣщика, опредѣлить ихъ отношенія къ прочимъ крестьянамъ, предоставить имъ нѣкоторое наблюденіе за дѣйствіями господскихъ конторъ, которыя должны будутъ приводить въ исполненіе ихъ приговоры, предоставить имъ право жалобы на помѣщика, еслибы онъ сталъ притѣснять ихъ, рѣшать самовольно дѣла, подлежащія ихъ вѣдѣнію, не допускать до нихъ крестьянъ, имѣющихъ въ нихъ нужду,

нарушать или не исполнять ихъ приговоры. Все это, очевидно, требуетъ полной общественной организаціи крѣпостныхъ крестьянъ, совершенно несовмѣстной съ порядкомъ вещей, основаннымъ на принужденіи, а не на добровольныхъ сдѣлкахъ или обязательныхъ положеніяхъ.

Второе предположеніе совпадаетъ съ вопросомъ IX и будетъ разсмотрѣно ниже.

V и VI. Должно ли лишить помѣщиковъ права переселять крестьянъ въ Сибирь? Слѣдуетъ ли ограничить право помѣщиковъ относительно отдачи крестьянъ въ рекруты?

Эти два права представляютъ, если не самыя вредныя и опасныя, то, конечно, самыя возмутительныя проявленія произвола лица надъ лицомъ. Будучи сами по себѣ противны основнымъ понятіямъ справедливости, онѣ въ частныхъ случаяхъ легко обращаются въ орудіе дикой мести, рѣдко—корыстнаго вымогательства. Отмѣна ихъ будетъ однимъ изъ благодѣтельнѣйшихъ послѣдствій упраздненія крѣпостнаго состоянія; противъ этого спорить никто не станетъ; но вопросъ въ настоящее время, подлежащій разсмотрѣнію, заключается въ томъ: можно ли отмѣнить ихъ теперь, не упраздняя крѣпостнаго права, не ослабляя его (какъ сказано въ журналѣ Комитета)? И на этотъ вопросъ нельзя отвѣчать иначе, какъ рѣшительнымъ отрицаніемъ.

Въ имѣніяхъ, порядочно устроенныхъ, при назначеніи рекрутовъ, впереди всѣхъ ставятся, какъ извѣстно, штрафные; за ними слѣдуютъ очередные, по заведенному учету. На этотъ порядокъ крестьяне не ропщутъ. Если право помѣщика сдавать штрафныхъ по объявленіи набора остается въ силѣ, то нѣтъ основанія лишать его этого права въ промежуткѣ времени отъ одного набора до другаго, съ зачетомъ или безъ зачета. Въ противномъ случаѣ крестьянинъ, выходящій изъ лѣтъ, которому черезъ годъ или два должно минуть 35 лѣтъ, могъ бы безнаказанно поз-

волить себѣ то, за чтò младшій и годный въ рекруты отданъ бы былъ неминуемо въ военную службу. Такою же безнаказанностью пользовался бы крестьянинъ, неспособный къ военной службѣ по физическимъ недостаткамъ, еслибы помѣщикъ лишенъ былъ права удалять его изъ имѣнія. Относительно этого права должно замѣтить, что въ Сибирь ссылаетъ не помѣщикъ, а само правительство на счетъ помѣщика. Послѣдній только представляетъ правительству крѣпостнаго своего человѣка къ удаленію изъ имѣнія, иными словами: онъ объявляетъ, что власть, предоставленная ему закономъ, недостаточна для исправленія такого-то, и что онъ, помѣщикъ, за него отвѣчать не можетъ. Остальное есть дѣло правительства, и если оно найдетъ возможнымъ жестокія мѣры ссылки въ Сибирь и отдачи въ военную службу замѣнить переселеніемъ въ менѣе отдаленныя мѣста или иными, то отъ воли его будетъ зависѣть смягчить участь людей, отдаваемыхъ въ его распоряженіе. Этотъ вопросъ не касается ни власти, ни интересовъ помѣщичьихъ.

Итакъ, въ сущности, оба права, сдавать въ рекруты до объявленія наборовъ съ зачетомъ и безъ зачета и ссылать въ Сибирь, сводятся къ одному: удалять изъ имѣній неисправимыхъ людей. Вся разница состоитъ въ томъ, что въ первомъ случаѣ, т.-е. при сдачѣ съ зачетомъ, ни общество, ни помѣщикъ ничего не теряютъ, а въ послѣднихъ двухъ помѣщикъ теряетъ работника, а общество лишается одного изъ своихъ членовъ, за котораго остальные обязываются отправлять рекрутскую повинность.

Это право тѣмъ или другимъ способомъ исключать изъ среды своей людей порочныхъ и вредныхъ, хотя и неуличенныхъ въ преступленіи формальнымъ порядкомъ, предоставлено, по нашимъ законамъ, всѣмъ обществамъ, несущимъ передъ правительствомъ круговую отвѣтственность за всѣхъ своихъ членовъ. Въ частныхъ имѣніяхъ оно также необходимо, какъ и въ казенныхъ и удѣльныхъ, для поддержанія полицейскаго порядка и понужденія къ исполненію требованій правительства. Но въ частныхъ имѣніяхъ отвѣтственность передъ правительствомъ лежитъ не на об-

ществѣ, а на помѣщикѣ, а потому и право удалять изъ имѣній отсюда истекающее является какъ право лица, заступающаго мѣсто цѣлаго общества. Затѣмъ, возникаетъ уже вопросъ не объ отмѣнѣ этого права, но о томъ: не слѣдуетъ ли ограничить его согласіемъ самихъ крестьянъ, выраженнымъ въ формѣ мірскаго приговора, какъ это постановлено относительно обязанныхъ крестьянъ примѣчаніемъ къ 910 ст. IX т. Св. Зак. (по продолж. VI)? Но и это ограниченіе, при теперешнемъ порядкѣ вещей, не можетъ быть допущено. Ежедневный опытъ доказываетъ, что крестьяне, строгіе и справедливые въ разбирательствѣ проступковъ, содержащихъ въ себѣ нарушеніе нравственнаго закона или сопряженныхъ съ прямымъ ущербомъ для одного изъ нихъ, смотрятъ равнодушно, снисходительно, а иногда даже съ тайнымъ одобреніемъ на дѣйствія, положительно воспрещенныя государственными законами, на промыслы преступные, но вошедшіе въ обычай, на безпорядки, отъ которыхъ иногда страдаютъ цѣлыя селенія, наконецъ, вообще на всѣ проступки противъ помѣщика и посягательства на его собственность. Напримѣръ: крестьянинъ тайно, хотя съ вѣдома всѣхъ, продающій вино въ селеніи, гдѣ нѣтъ кабака; крестьянинъ, занимающійся дѣланіемъ фальшивыхъ видовъ и паспортовъ или укрывающій бѣглыхъ; крестьянинъ, снимающій кожи съ зараженной скотины; крестьянинъ, про котораго ходитъ молва, что онъ колдунъ способный портить людей и животныхъ или запугавшій сосѣдей угрозою поджечь все селеніе; буянъ, оскорбляющій помѣщика или его повѣреннаго явнымъ ослушаніемъ; неисправимый должникъ, пропивающій свои заработки и не платящій оброка; воръ, таскающій хлѣбъ изъ господскаго амбара или рубящій береженый господскій лѣсъ—могутъ долго и безнаказанно развращать цѣлое селеніе и наносить явный ущербъ помѣщику, не возбуждая въ крестьянахъ негодованія или сдерживая угрозами выраженіе общаго неудовольствія. Трудно, даже невозможно бы было склонить крестьянъ къ добровольному приговору объ удаленіи такихъ людей изъ вотчины.

Съ утратою или ограниченіемъ права, о которомъ идетъ рѣчь, помѣщики лишились бы возможности поддерживать

въ своихъ имѣніяхъ полицейскій порядокъ и вмѣстѣ единственнаго дѣйствительнаго средства къ понужденію неисправимыхъ плательщиковъ, средства ничѣмъ незамѣнимаго, особенно въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ оброкъ выплачивается каждымъ тягломъ за себя, безъ круговой отвѣтственности цѣлаго общества.

Другимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ той же мѣры было бы учащеніе тѣлесныхъ наказаній, денежныхъ штрафовъ и чрезвычайныхъ нарядовъ. Можно поручиться, что въ имѣніи, въ которомъ теперь среднимъ числомъ двадцать человѣкъ ежегодно подвергаются этого рода взысканіямъ, довелось бы наказывать вчетверо болѣе. Это было бы гораздо хуже; ибо ничто такъ не убиваетъ духа въ народѣ и не развращаетъ крестьянъ и помѣщиковъ какъ частыя тѣлесныя наказанія, а денежные штрафы и сверхочередные наряды имѣютъ ту невыгоду, что они могутъ быть обращены помѣщикомъ въ доходную статью, тогда какъ отдача въ рекруты до набора и удаленіе изъ вотчины сопряжены съ потерею работника и сверхъ того съ расходомъ довольно значительнымъ, особенно при допущеніи изложенныхъ выше соображеній. Послѣднимъ обстоятельствомъ обуздывается употребленіе во зло этихъ правъ. Трудно представить себѣ случаи, гдѣ бы помѣщикъ могъ извлечь изъ нихъ денежную для себя выгоду.

Вообще, не надобно обманывать себя надеждою, будто можно, не упраздняя крѣпостнаго права, окончательно очистить его отъ всего чѣмъ оскорбляется чувство справедливости. Это право основано на принужденіи и безъ сильныхъ принудительныхъ средствъ обойтись не можетъ. Желательно, чтобы правительство какъ можно скорѣе упразднило его безусловно и водворило на его мѣсто правомѣрный порядокъ; но нѣтъ надобности колебать его: оно и такъ уже шатается. Мало сказать, что предлагаемая мѣра могла бы ослабить помѣщичью власть; она подорвала бы ее мгновенно. Право, тѣмъ или другимъ способомъ, на свой счетъ удалять неисправимыхъ людей существенно необходимо не въ однихъ только имѣні-

яхъ управляемыхъ на неограниченномъ крѣпостномъ правѣ; даже тамъ, гдѣ отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ установятся въ формѣ добровольныхъ сдѣлокъ, нельзя не допустить его (разумѣется не иначе, какъ съ согласія крстьянъ), по крайней мѣрѣ въ теченіе приготовительнаго періода или пока правительство не учредитъ мірскаго управленія и сельскихъ судебно-полицейскихъ инстанцій.

VII. Должно ли лишить помѣщиковъ права вмѣшиваться въ отправленіе крестьянами повинностей и податей?

Эта мѣра повлекла бы за собою слѣдующія послѣдствія для казны. 1) Помѣщики освободятся отъ всякой отвѣтственности передъ правительствомъ за своевременность и исправность поставки рекрутовъ, подводъ, рабочихъ и взноса денежныхъ сборовъ всякаго рода, ибо нельзя подвергать ихъ отвѣтственности за такія дѣйствія, въ которыя имъ будетъ запрещено вмѣшиваться. 2) За накопленіе недоимокъ нельзя будетъ отдавать имѣнія въ опеку, ибо эта мѣра пала бы незаслуженнымъ и несправедливымъ наказаніемъ на помѣщика. 3) Правительство должно будетъ составить и ввести повсемѣстно и единовременно въ помѣщичьихъ имѣніяхъ рекрутскій уставъ, другой о раскладкѣ и способѣ взысканія податей, третій о поставкѣ подводъ и рабочихъ. 4) Въ обязанности помѣщиковъ по наблюденію за исправностью отбыванія повинностей и взноса податей, за правильностью дѣйствій отдатчиковъ и сборщиковъ, по разбору жалобъ на ошибки въ очередныхъ спискахъ и неправильныя отдачи въ рекруты, по исполнительнымъ мѣрамъ въ случаяхъ понужденій и взысканій, вступятъ земскія и городскія полиціи, уѣздныя казначейства, казенныя палаты; по всѣмъ исчисленнымъ предметамъ кругъ дѣятельности сихъ инстанцій распространится на 10 слишкомъ милліоновъ душъ. 5) Недоимки возрастутъ какъ потому, что доселѣ очень нерѣдко помѣщики вносятъ изъ своихъ доходовъ недобранное съ крестьянъ (чего впослѣдствіи уже нельзя ожидать) такъ въ особенности по той причинѣ, что, ограничившись устра-

неніемъ помѣщика по исправленію государственныхъ повинностей прежде, чѣмъ хозяйственное положеніе крестьянъ будетъ приведено въ правомѣрный порядокъ и учреждено мірское управленіе, правительство упразднитъ самую дѣятельную и близкую понудительную власть надъ крестьянами, не замѣнивъ ея ничѣмъ и не давши имъ бо́льшихъ противъ прежняго средствъ къ исполненію требованій казны.

Въ состояніи ли въ настоящее время казна пожертвовать своимъ правомъ взыскивать съ помѣщиковъ за неисправность ихъ крестьянъ; захочетъ ли она отказаться отъ удобства имѣть дѣло въ каждомъ имѣніи съ однимъ лицомъ, а не съ крестьянами, признаетъ ли она возможнымъ возложить массу новыхъ обязанностей на уѣздныя и губернскія инстанціи? Всѣ эти вопросы могутъ быть обсуждены только государственными людьми на основаніи общихъ соображеній, частному лицу недоступныхъ.

Затѣмъ, обращаясь къ помѣщикамъ, не трудно усмотрѣть, что предлагаемая мѣра разрушила бы единство вотчиннаго управленія и подала бы поводъ къ столкновеніямъ законныхъ требованій владѣльцевъ (напримѣръ, при нарядѣ на барщину) съ требованіями правительства (при нарядѣ рабочихъ на починку дорогъ или подводъ подъ аре стантовъ или проходящія войска). Наконецъ, въ отношеніи собственно къ крестьянамъ, частыя и непосредственныя сношенія съ мѣстною полиціею вовлекли бы ихъ въ новые расходы, а введеніе общаго рекрутскаго устава, какого бы то ни было, взамѣнъ весьма разнообразныхъ положеній и обычаевъ, существующихъ теперь въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, перебило бы всѣ очереди, всѣ разсчеты между домами и произвело бы продолжительное разстройство въ сельскихъ обществахъ.

VIII. Какія принять мѣры для болѣе точнаго опредѣленія повинностей крѣпостныхъ крестьянъ ихъ помѣщикамъ?

Этотъ вопросъ нельзя почти относить къ числу частныхъ мѣръ, въ немъ заключена вся сущность вопроса о крѣпостномъ правѣ; ибо опредѣленіе повинностей крестьянъ предполагаетъ приведеніе ихъ въ соразмѣрность съ на-

дѣломъ землею и другими выгодами, крестьянамъ предоставленными, а положительное опредѣленіе взаимныхъ хозяйственныхъ отношеній требуетъ юридическаго огражденія личной самостоятельности обѣихъ сторонъ.

Повинности крестьянъ могутъ быть опредѣлены двумя способами: частными добровольными договорами и общими обязательными положеніями, изданными для разныхъ мѣстностей (въ родѣ Остзейскихъ вакенбуховъ и инвентарныхъ правилъ Западной Россіи). Кажется, что по смыслу журнала 18 Августа 1857 года положено на первое время ограничиться первымъ способомъ. Что же касается до втораго, то способъ дѣйствія указанъ предшествовавшими примѣрами, въ Западныхъ и Остзейскихъ губерніяхъ. Надобно прежде всего во всѣхъ губерніяхъ открыть мѣстные комитеты, обязать всѣхъ помѣщиковъ къ представленію въ назначенный срокъ положеній дѣйствующихъ въ ихъ имѣніяхъ, составить на мѣстахъ проэкты нормальныхъ положеній о надѣлѣ землею, объ отношеніи числа тяголъ къ числу душъ, о повинностяхъ, урокахъ, переложеніи работъ на деньги и т. д., и все это представить въ центральный комитетъ на разсмотрѣніе.

IX. Можно ли допустить жалобы крѣпостныхъ крестьянъ на ихъ помѣщиковъ?

Этотъ вопросъ требуетъ ближайшаго опредѣленія. Очевидно, что онъ не можетъ относиться къ имѣніямъ, въ которыхъ состоятся добровольные договоры, ибо здѣсь право жалобы предполагается само собою. Итакъ, остается разсмотрѣть можно ли допустить это право тамъ, гдѣ, по неопредѣленности существующихъ отношеній, недостаетъ законнаго основанія для разбирательства жалобъ?

Современный порядокъ вещей въ частныхъ имѣніяхъ, какъ сказано было въ другомъ мѣстѣ этой записки, слагается изъ отношеній хозяйственныхъ и личныхъ. Помѣщикъ, какъ землевладѣлецъ, взыскиваетъ оброкъ и наряжаетъ на барщину; онъ же, какъ мѣстный распорядитель и судья, наблюдаетъ за порядкомъ, разбираетъ ссоры между крестьянами, наказываетъ ихъ, устанавливаетъ порядокъ отправле-

нія государственныхъ повинностей. На практикѣ, эти отношенія такъ перемѣшаны и тѣсно связаны, что въ понятіяхъ крестьянъ они представляются чѣмъ-то цѣльнымъ и нераздѣльнымъ. Между тѣмъ все относящееся до владѣнія землею, повинностей, работъ, оброка—предоставлено произволу помѣщика.

Если крестьяне получатъ право жалобы, то они будутъ прибѣгать къ нему во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ они будутъ обижены или сочтутъ себя обиженными. Явится крестьянинъ въ судъ и скажетъ, что помѣщикъ изнуряетъ его работами. Помѣщикъ отвѣтитъ, что онъ требуетъ съ него только закономъ дозволеннаго, то-есть трехдневной барщины. Судья развернетъ томъ IX Свода Законовъ и обратится къ статьѣ 965, въ которой сказано, что крестьяне обязаны работать на своего помѣщика три дня въ недѣлю; но тутъ возникнетъ рядъ вопросовъ: съ кого въ правѣ помѣщикъ требовать трехдневной барщины, съ рабочей души или съ тягла? Чтó значитъ тягло: всякій взрослый, женатый работникъ, или работникъ, надѣленный особымъ участкомъ земли? Какое должно быть отношеніе числа тяголъ къ числу душъ и къ надѣлу землею? Въ правѣ ли помѣщикъ по своему усмотрѣнію увеличивать число тяголъ? Въ правѣ ли крестьянинъ отказаться отъ налагаемаго на него тягла и въ какихъ случаяхъ? Чтò значитъ рабочій день: считать ли за день извѣстное число кое-какъ отработанныхъ часовъ и сколько именно въ разныя времена года, или выполненіе опредѣленнаго урока и притомъ какого именно по каждой работѣ? Ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ Сводъ Законовъ не даетъ отвѣта, а между тѣмъ, очевидно, что безъ этого нельзя, на законномъ основаніи, рѣшить, кто правъ и кто виноватъ. Судья долженъ будетъ всякій разъ производить на мѣстѣ изслѣдованіе о томъ, какой порядокъ вообще наблюдается при нарядѣ на работы и производствѣ работъ въ имѣніи обжалованнаго помѣщика и составить себѣ личное мнѣніе (основанное на общихъ и частныхъ соображеніяхъ, а не на законѣ) о томъ, обременителенъ или нѣтъ найденный въ имѣніи порядокъ и не нарушенъ ли онъ въ обиду подателю жалобы? Другой крестьянинъ явится съ

жалобою, что сынъ его неправильно отданъ въ рекруты, а какимъ порядкомъ долженъ быть веденъ учетъ очередей въ имѣніи—этого законъ не знаетъ. Третій объяснитъ, что помѣщикъ несправедливо наказалъ его за небрежную пахоту, тогда какъ онъ пахалъ исправно и чисто. Какъ поступить судья? Слѣдствіямъ не будетъ конца, работы станутъ, а главное—судья все-таки не будетъ знать, на какомъ законномъ основаніи рѣшать поступающія къ нему дѣла.

Есть, конечно, случаи, въ которыхъ права крестьянъ опредѣлены ясно и положительно; напримѣръ 949 статьею IX т. Свод. Зак. запрещается помѣщику принуждать своихъ крѣпостныхъ людей ко вступленію въ бракъ. Но такихъ опредѣлительныхъ законовъ весьма немного; выдѣлить ихъ и предоставить крестьянамъ право жаловаться въ случаѣ нарушенія оныхъ, вмѣнивъ имъ въ обязанность все прочее переносить молча — трудно; умножить число законовъ, оберегающихъ личность крестьянъ, не касаясь матеріальныхъ условій ихъ быта—еще труднѣе: ибо надобно заранѣе увѣриться въ томъ, что чаще всего жалобы крестьянъ будутъ относиться къ хозяйственнымъ вымогательствамъ, къ тягости повинностей и поборовъ, къ неправильностямъ въ ихъ взысканіи, къ недостатку земли и т. п., а не къ личнымъ обидамъ. По изложеннымъ соображеніямъ, предлагаемая мѣра кажется неудобоисполнимою прежде, чѣмъ установится правомѣрный, твердый и обоюду-обязательный порядокъ въ цѣлой совокупности отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, въ формѣ ли договоровъ или общихъ положеній *). До тѣхъ поръ усиленіе

*) Составитель этой записки считаетъ долгомъ прибавить, что убѣжденію его по вопросу о предоставленіи права жалобы положительно противорѣчитъ убѣжденіе человѣка, котораго голосъ въ этомъ дѣлѣ имѣетъ важный авторитетъ. Графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой, начальникъ Калужской губерніи, спеціально занимавшійся этимъ вопросомъ въ Остзейскихъ губерніяхъ, гдѣ судебныя инстанціи для разбирательства крестьянъ съ землевладѣльцами заведены давно и дѣйствуютъ удовлетворительно, и долго размышлявшій о примѣненіи этихъ учрежденій къ Великороссійскимъ губерніямъ, пришелъ къ заключенію, что это дѣло возможно даже теперь, при существованіи крѣпостнаго права. Подробное развитіе его мнѣнія, безъ сомнѣнія, уяснило бы во многомъ этотъ важный вопросъ.

административнаго наблюденія со стороны правительства останется единственнымъ средствомъ къ предупрежденію злоупотребленій.

XII. Какія принять мѣры для большаго успѣха въ заключеніи взаимныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами?

Онѣ могутъ быть троякаго рода: 1) предоставленіе особенныхъ выгодъ помѣщикамъ, которые заключатъ договоры съ своими крестьянами; 2) уясненіе вопроса о крѣпостномъ правѣ вообще и частныхъ вопросовъ, тѣсно съ нимъ связанныхъ, посредствомъ гласнаго обсужденія и обнародованія статей по этимъ предметамъ; 3) прямое, нравственное вліяніе Государя на богатыхъ помѣщиковъ, по своему положенію въ обществѣ и по своимъ денежнымъ средствамъ призванныхъ подать первый примѣръ.

Первое изъ этихъ средствъ предполагаетъ преобразованіе нашихъ губернскихъ кредитныхъ учрежденій (приказовъ) съ цѣлью доставить возможность землевладѣльцамъ пользоваться ссудами на болѣе выгодныхъ условіяхъ и въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ теперь.

О второмъ средствѣ было уже говорено и писано много; ко всему предложенному въ другихъ запискахъ и мнѣніяхъ остается прибавить, что вѣроятно многихъ помѣщиковъ остановитъ опасеніе поколебать понапрасну заведенный въ ихъ имѣніяхъ порядокъ, въ случаѣ, еслибы составленный ими и принятый ихъ крестьянами проэктъ договора почему-либо не удостоился утвержденія. Поэтому желательно бы было дозволить помѣщикамъ, до вступленія въ переговоры съ ихъ крестьянами, представлять на предварительное разсмотрѣніе Министра Внутреннихъ Дѣлъ составленные ими проэкты договоровъ.

Третье средство представляетъ могучій, еще не употребленный въ дѣло рычагъ. Если вообще мы не можемъ похвалиться строгимъ исполненіемъ писанныхъ законовъ, за то у насъ слово Государя сильно какъ нигдѣ, и личный его образъ мыслей, его особенное вниманіе, на что-либо обращенное, его внушенія, желанія, даже вкусы въ предметахъ

существенныхъ, какъ и въ мелочахъ, даютъ тонъ и направленіе цѣлымъ поколѣніямъ. Мы видѣли этому немало примѣровъ.

XIV. Какимъ порядкомъ приступить къ исполненію тѣхъ облегчительныхъ мѣръ, кои Комитетомъ будутъ окончательно избраны и Его Императорскимъ Величествомъ утверждены?

Трудно отвѣчать на этотъ вопросъ прежде, чѣмъ будетъ извѣстно, какія именно мѣры удостоятся утвержденія. Можно только сказать, что мѣры, касающіяся исключительно дѣйствій или наблюденій со стороны правительства, могутъ оставаться въ тайнѣ; но обнародованіе и исполненіе тѣхъ, которыя будутъ относиться къ правамъ и обязанностямъ помѣщиковъ и крестьянъ, должно сопровождаться всевозможною гласностью. Недомолвки, утайки, двусмысленности въ выраженіяхъ, даже излишнія предосторожности, внушаемыя опасеніемъ молвы и недоразумѣній, слѣдуетъ откинуть навсегда. Правительство должно говорить съ народомъ твердо, ясно, откровенно и не подавая повода думать, будто бы оно чего-то не досказываетъ или боится. Противоположный образъ дѣйствія, напримѣръ при отмѣнѣ закона о выкупѣ имѣній, продаваемыхъ съ торговъ, который былъ, такъ сказать, выкраденъ изъ Свода Законовъ, какъ извѣстно, къ добру не повелъ. Полезно бы было ожидаемый указъ напечатать въ значительномъ числѣ экземпляровъ и вмѣнить въ обязанность всѣмъ помѣщикамъ пріобрѣсти его, прочесть на общей мірской сходкѣ и прибить къ стѣнѣ въ конторѣ или въ мірской избѣ.

Въ заключеніе составитель настоящей записки долгомъ считаетъ присовокупить, что всѣ изложенныя въ ней соображенія почерпнуты изъ личныхъ его наблюденій и личнаго его опыта въ весьма ограниченной мѣстности. Высказавъ свое мнѣніе по каждому вопросу со всею откровенностью, онъ не только не ручается за его вѣрность и не отвѣчаетъ за его примѣнимость даже въ предѣлахъ одного уѣзда, но, напротивъ, впередъ предупреждаетъ, что въ по-

добныхъ вопросахъ взглядъ одного помѣщика неминуемо долженъ отзываться односторонностью, которая можетъ быть обличена и исправлена только черезъ сопоставленіе и взаимную повѣрку многихъ мнѣній, поданныхъ изъ разныхъ мѣстъ и съ разныхъ точекъ зрѣнія.

Программа свѣдѣній, необходимыхъ для опредѣленія законодательнымъ порядкомъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ *).

Правительство положило въ теченіе приготовительнаго періода ограничиться поощреніемъ и облегченіемъ добровольныхъ сдѣлокъ. Я самъ въ запискѣ, составленной мною тому назадъ 4 года, указывалъ на эту мѣру, какъ на первый приступъ къ дѣлу, и я остаюсь при той же мысли. Устранивъ окончательно всѣ способы освобожденія, сопряженные съ финансовыми операціями, и не имѣя никакихъ данныхъ для опредѣленія отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ законодательнымъ порядкомъ, правительство въ настоящую минуту, очевидно, не могло сдѣлать ничего больше, какъ только предоставить разрѣшеніе этого вопроса полюбовному соглашенію заинтересованныхъ сторонъ; мало того, прави-

---

*) Очевидно, что эта программа должна была служить продолженіемъ записокъ, напечатанныхъ выше на стр. 144—190 и 400—116. Въ примѣчаніи на стр. 145 было сказано, что Секретный Комитетъ журналомъ 18 Августа 1857 г. постановилъ: „въ первый приготовительный періодъ 1) смягчить и облегчить крѣпостное состояніе, 2) открыть помѣщикамъ всѣ способы и возможность увольнять крестьянъ по взаимнымъ съ ними соглашеніямъ". Ю. Ѳ. исполнилъ обѣ работы, вытекавшія изъ этого постановленія Комитета: онъ написалъ проэктъ указа о полюбовныхъ сдѣлкахъ между помѣщиками и крестьянами (176 — 190 стр.) и въ особой запискѣ (400 — 416 стр.) указалъ мѣры для смягченія и облегченія крѣпостнаго состоянія; въ ней же онъ изложилъ и свои соображенія по тѣмъ 14 вопросамъ, которые Комитетъ роздалъ своимъ членамъ для того, чтобы установить главныя основанія, на которыхъ слѣдовало рѣшить оба законодательные вопроса, поставленные Комитетомъ на первую очередь. Но кромѣ этихъ двухъ задачъ, Комитетъ постановилъ: въ первый же приготовительный періодъ „собрать всѣ вообще матеріалы, свѣдѣнія и данныя, необходимыя для постановленія тѣхъ мѣръ, кои

тельство было обязано начать съ этого по той же самой причинѣ, по которой, въ случаѣ какой бы то ни было экспропріаціи, казна, прежде приступа къ оцѣнкѣ частнаго имущества, сперва обращается къ владѣльцу и спрашиваетъ у него, не согласится ли онъ добровольно уступить свою собственность на сходныхъ для него условіяхъ. Наконецъ, если

должны быть впослѣдствіи приняты къ освобожденію крѣпостнаго сословія". Въ развитіе этого постановленія Комитетъ положилъ:" 1) Вмѣнить въ обязанность Министерству Внутреннихъ Дѣлъ собрать всѣ свѣдѣнія и данныя, необходимыя для опредѣленія будущихъ отношеній между помѣщиками и крестьянами во второмъ или переходномъ періодѣ настоящаго дѣла, извлекать факты и вообще приготовить матеріалы, по которымъ правительство могло бы въ свое время приступить къ дѣйствіямъ въ этомъ второмъ періодѣ. 2) Разрѣшить Министерству требовать не только свѣдѣнія, но даже мнѣнія, мысли и предположенія отъ губернскихъ начальствъ: губернаторовъ и предводителей, отъ опытныхъ помѣщиковъ и вообще отъ всѣхъ тѣхъ, практическія свѣдѣнія коихъ могутъ быть полезны не только для опредѣленія главныхъ началъ, но и для указанія подробностей переходныхъ мѣръ съ тѣмъ только, чтобы Министерство дѣйствовало при этомъ со всевозможною осторожностію и благоразуміемъ. 3) Для соображеній Министерства передать оному всѣ тѣ мысли и замѣчанія, кои сообщены нѣкоторыми членами настоящаго Комитета относительно собранія свѣдѣній и матеріаловъ, необходимыхъ для указанія будущихъ отношеній между помѣщиками и крестьянами. Когда означенные выше свѣдѣнія и факты будутъ собраны, тогда, и только тогда, правительство можетъ приступить къ опредѣленію и указанію всѣхъ мѣръ переходныхъ". Вполнѣ раздѣляя мнѣніе Комитета о необходимости приступить къ собиранію свѣдѣній, но не для „опредѣленія и указанія всѣхъ мѣръ переходныхъ", какъ было выражено несовсѣмъ точно въ журналѣ Комитета, а для „опредѣленія законодательнымъ путемъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ", Ю. Ѳ. написалъ программу вопросовъ, которой онъ полагалъ необходимымъ держаться при исполненіи Министерствомъ порученія, возложеннаго на него Комитетомъ. Но записка эта, повидимому, осталась недоконченною и едва ли была представлена Ю. Ѳ-чемъ по назначенію. Несмотря на то, необходимо, по нашему мнѣнію, напечатать ее, такъ какъ она выясняетъ положеніе крестьянскаго вопроса въ Сентябрѣ 1857 г. и точнѣе опредѣляетъ, какъ относился къ нему въ то время Ю. Ѳ-чъ. Онъ видѣлъ, что вопросъ быстро созрѣвалъ, что едвали представлялась уже возможность значительно подвинуть дѣло путемъ добровольныхъ соглашеній, и что необходимо было приступить къ рѣшенію вопроса путемъ законодательнымъ. Рукопись, съ которой печатается здѣсь эта программа, черновая, не имѣетъ заглавія и прерывается на вопросѣ 34-мъ; цифра слѣдующаго 35-го вопроса выставлена, но содержаніе его осталось неизложеннымъ. *Прим. изд.*

предварительный вызовъ на добровольныя сдѣлки останется безъ послѣдствій, то самый неуспѣхъ этой мѣры развяжетъ руки правительству для дальнѣйшихъ дѣйствій и сниметъ съ него упрекъ въ произвольности его вмѣшательства.

Но признавая необходимость, справедливость и пользу указа, имѣющаго цѣль облегчить и поощрить заключеніе добровольныхъ сдѣлокъ, надобно заранѣе убѣдиться, что этимъ путемъ Россія не выйдетъ изъ крѣпостнаго состоянія. Препятствій къ полюбовнымъ соглашеніямъ всегда было много, при томъ самыхъ разнообразныхъ, которыхъ правительство не въ состояніи устранить, и къ нимъ въ послѣднее время прибавилось еще одно почти непреодолимое. Слухи о замышляемыхъ преобразованіяхъ прошли по всей Россіи и возбудили въ крѣпостныхъ крестьянахъ надежды, правда очень неопредѣленныя, но очень широкія, идущія такъ далеко, что никакія уступки со стороны помѣщика не удовлетворятъ ихъ. „Коли согласимся, да подпишемся подъ условіемъ, какъ бы намъ не прогулять тѣхъ благъ, которыми не нынѣ такъ завтра наградитъ насъ правительство"—эта мысль глубоко засѣла въ умахъ простого народа и не позволитъ имъ принять сдѣлки, предлагаемой помѣщикомъ прежде, нежели они узнаютъ, что̀ именно готовитъ для нихъ правительство.

Итакъ, необходимо теперь же приготовиться къ иному образу дѣйствія порядкомъ законодательнымъ. Комитетъ имѣлъ это въ виду и съ этою цѣлью поручилъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ заняться въ продолженіе перваго періода собраніемъ всѣхъ свѣдѣній и данныхъ, которыхъ недостатокъ такъ теперь ощутителенъ. Но какого рода должны быть эти свѣдѣнія, для какого именно употребленія они предназначаются, черезъ кого и какимъ порядкомъ они будутъ собираться—этого Комитетъ не опредѣлилъ. Свѣдѣнія, собираемыя на мѣстахъ, могутъ быть въ правительственномъ отношеніи полезны только въ томъ случаѣ, когда они собираются для опредѣленной цѣли по глубоко-обдуманной программѣ и въ установленномъ объемѣ.

Въ настоящемъ случаѣ конечная цѣль правительства, кажется, можетъ быть выражена слѣдующими словами: уста-

новить повинности крестьянъ къ помѣщику такъ, чтобы количество ихъ соотвѣтствовало хозяйственнымъ выгодамъ, предоставленнымъ крестьянамъ, а родъ и способъ исправленія сихъ повинностей—условіямъ мѣстнымъ хозяйства, и опредѣлить ту степень личной зависимости крестьянъ отъ помѣщика, которая признана будетъ нужною для обезпеченія исправнаго выполненія возложенныхъ на нихъ повинностей. Иными словами, предстоитъ составить для всей Россіи положеніе въ родѣ Остзейскихъ вакенбуховъ, Западныхъ инвентарей, Нѣмецкихъ урбаріумовъ.

Прежде всего нужно привести въ извѣстность порядокъ вещей, существующій теперь въ разныхъ мѣстностяхъ. Эти свѣдѣнія должны быть истребованы изъ первыхъ рукъ, т. е. отъ самихъ помѣщиковъ (подобно тому, какъ это было сдѣлано при составленіи инвентарныхъ правилъ для Западныхъ губерній) по общей печатной программѣ. Программа должна содержать въ себѣ слѣдующіе вопросы.

I. О рабочихъ силахъ имѣнія.

1. Сколько состоитъ въ имѣніи душъ: крестьянъ, дворовыхъ?

2. Сколько тяголъ мужскихъ и женскихъ?

3. Измѣняется ли число тяголъ по мѣрѣ прибыли и убыли душъ, или оно установлено единожды навсегда?

4. Если число тяголъ измѣняется, то какимъ порядкомъ налагаются и слагаются тягла? Какихъ лѣтъ мужчина и женщина вступаютъ въ тягло и какихъ лѣтъ выходятъ изъ тягла?

5. Сколько тяголъ состоитъ въ безсмѣнныхъ должностяхъ, какъ-то: бурмистровъ, старостъ, нарядчиковъ, десятскихъ, ключниковъ, земскихъ, полѣсовныхъ, мельниковъ и т. п.?

II. О землѣ и угодьяхъ.

6. Сколько въ имѣніи числится всей земли?

7. Сколько состоитъ во владѣніи крестьянъ: подъ усадьбами, огородами и выгономъ, подъ пашнею, подъ сѣнными покосами, подъ лѣсомъ и т. д.?

8. На сколько полей дѣлится земля, состоящая во владѣніи крестьянъ, въ какомъ порядкѣ засѣвается и какими хлѣбами?

9. Удабриваютъ ли крестьяне поля?

10. Сколько приходится на каждое тягло казенныхъ десятинъ пашни, въ каждомъ полѣ и во всѣхъ, луговъ, выгона, огородовъ и усадебной земли? Если количество земли не приведено въ точную извѣстность, то показать, сколько каждое тягло засѣваетъ яроваго и озимаго хлѣба, и сколько кругомъ накашивается пудовъ сѣна?

11. Какъ дѣлится пашня между крестьянами: по тягламъ, по дворамъ или по душамъ, ежегодно или черезъ опредѣленное число лѣтъ?

12. Кромѣ усадебной, огородной, пахатной земли и луговъ пользуются ли крестьяне какими либо угодьями или оброчными статьями или выгодами и какими именно?

13. Получаютъ ли крестьяне лѣсъ на постройки и топливо? Если получаютъ, то отведены ли имъ въ собственное ихъ распоряженіе лѣсные участки или имъ выдаются дрова изъ господскихъ лѣсовъ, притомъ въ какомъ количествѣ?

14. О положеніи дворовыхъ.

III. О повинностяхъ крестьянъ.

15. Состоятъ ли крестьяне на оброкѣ или на барщинѣ или частью на оброкѣ, частью на барщинѣ?

16. Если крестьяне состоятъ на барщинѣ, то сколько приходится на тягло господской запашки въ озимомъ и въ яровомъ поляхъ?

17. Сколько выкашивается десятинъ господскаго покоса на тягло?

18. Сверхъ хлѣбныхъ посѣвовъ, не производится ли еще посѣвъ свекловицы, табаку или другихъ растеній?

19. Всѣ ли полевыя работы производятся барщиною и не содержитъ ли помѣщикъ на свой счетъ вольнонаемныхъ работниковъ, рабочій скотъ и орудія и въ какомъ количествѣ?

20. Какимъ порядкомъ крестьяне отработываютъ узаконенное число дней, т.-е. наряжаются ли на работу всѣ тягла три дня въ недѣлю или ежедневно одна половина тяголъ?

21. Какія работы производятся въ раздѣлъ или сгономъ, разумѣя подъ этимъ задачу опредѣленнаго урока на нѣсколько дней, по отработкѣ котораго крестьянинъ уходитъ домой, хотя бы окончилъ его прежде срока?

22. Исправляютъ ли крестьяне подводную повинность на помѣщика, сколько подводъ, съ чѣмъ и куда поставляютъ съ тягла?

23. Употребляются ли затягольные крестьяне, какъ то: старики, малосильные, на легкія работы, какъ-то: караулъ и пр., и получаютъ ли за это вознагражденіе?

24. Если крестьяне состоятъ на оброкѣ, то какъ выплачиваютъ оброкъ: съ души или съ тягла, деньгами или натуральными произведеніями, и въ какомъ количествѣ?

25. Выплачивается ли оброкъ міромъ за круговою отвѣтственностію всего общества или каждымъ крестьяниномъ или тягломъ за себя?

26. Бываютъ ли недоимки въ платежѣ оброка и какія средства употребляются противъ неисправныхъ плательщиковъ?

27. Если крестьяне при денежномъ оброкѣ исправляютъ и нѣкоторыя работы, то объяснить въ подробности условія этихъ положеній, по вопросамъ 16 — 26.

28. Собираются ли подати и земскія повинности съ крестьянъ деньгами или оныя заработываются ими и вносятся въ казначейство изъ господской конторы?

29. Какимъ порядкомъ исправляется рекрутская повинность и существуетъ ли въ имѣніи опредѣленный порядокъ учета очередей?

30. Какимъ порядкомъ исправляются подводная и дорожная повинности: наймомъ или натурою?

31. Сверхъ работъ или оброка въ пользу помѣщика и государственныхъ сборовъ, не собираются ли съ крестьянъ деньги на мірскіе расходы, въ какомъ количествѣ и на какіе именно предметы?

32. Не существуетъ ли въ имѣніи крестьянскій мірской капиталъ, въ какомъ количествѣ, изъ какихъ источниковъ онъ пополняется и на какіе предметы расходуется?

IV. Объ управленіи.

33. Кто управляетъ имѣніемъ: самъ помѣщикъ или повѣренный? Если повѣренный, то изъ какого состоянія?

34. Существуютъ ли въ имѣніи выборные отъ крестьянъ, подъ названіемъ: старостъ, старшинъ, бурмистровъ и въ какомъ числѣ?

35.

Заключеніе къ историческому обозрѣнію уничтоженія крѣпостнаго состоянія въ Лифляндіи *).

Изъ приложеннаго къ отчету приготовительнаго комитета историческаго обозрѣнія уничтоженія крѣпостнаго состоянія въ Лифляндіи можно усмотрѣть, что крестьяне утратили личную свободу и поземельную собственность вслѣдъ за покореніемъ страны пришельцами. Крѣпостное состояніе введено въ Лифляндіи дѣйствіемъ прямаго, преднамѣреннаго насилія, тогда какъ въ Россіи оно было косвеннымъ послѣдствіемъ административныхъ мѣръ, въ свое время необходимыхъ и которыхъ дальнѣйшія послѣдствія современниками сознаваемы не были. Этотъ исходный фактъ, завоеваніе и порабощеніе, съ котораго начинается исторія Остзейскаго края, опредѣлилъ навсегда нравственную, бытовую сторону отношеній туземцевъ къ пришельцамъ, крестьянъ къ помѣщикамъ. Между ними не могло быть и не было ни-

*) Въ предисловіи къ послѣднему сочиненію своему, вышедшему уже послѣ его смерти, Ю. Ѳ. Самаринъ, исчисляя матеріалы, которыми онъ пользовался, между прочимъ объяснилъ: «Передъ открытіемъ въ Петербургѣ Лифляндскаго комитета по крестьянскому дѣлу въ 1845 году (это очевидно описка: комитетъ этотъ былъ открытъ въ Мартѣ 1846 года), комитета, къ которому я былъ прикомандированъ тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Перовскимъ въ качествѣ переводчика и помощника производителя дѣлъ, мнѣ было поручено составить историческую записку о мѣропріятіяхъ по устройству крестьянъ». Изъ черновой рукописи, сохранившейся въ бумагахъ Ю. Ѳ—ча, видно, что записка эта не составляетъ вполнѣ самостоятельнаго труда его, но заключеніе къ ней написано имъ самимъ, и ему удалось даже развить въ немъ, несмотря на служебный характеръ записки, свое

какого сочувствія, никакихъ общихъ воспоминаній, ни даже согласія въ выгодахъ. Помѣщики смотрѣли на крестьянъ, какъ на военную добычу, крестьяне на помѣщиковъ—какъ на естественныхъ враговъ и угнетателей. При такихъ отношеніяхъ, освобожденіе сельскаго сословія и введеніе правомѣрнаго порядка, очевидно, не могло быть дѣломъ свободнаго соглашенія между дворянствомъ и народомъ; нужно было, чтобы внѣшняя власть заступилась за народъ и вынудила признаніе его правъ. Дѣйствительно, всѣ правительства, смѣнявшіяся въ Лифляндіи, начиная съ Папъ и Императоровъ Нѣмецкихъ, имѣвшихъ болѣе или менѣе сильное вліяніе на Ливонскій Орденъ, впослѣдствіи правительства Польское, Шведское и, наконецъ, Русское постоянно дѣйствовали въ одномъ духѣ, т.-е. убѣжденіемъ и предписаніями ограничивали постепенно произволъ помѣщиковъ, облегчали участь крестьянъ и мало-по-малу готовили уничтоженіе крѣпостнаго состоянія. Столь же неизмѣнно съ своей стороны противодѣйствовало дворянство: ссылаясь въ иныхъ случаяхъ на свои права, въ другихъ доказывая неспособность крестьянъ оцѣнить мѣры правительства и воспользоваться ими, оно постоянно старалось заслонить собою народъ отъ верховной власти. Отъ этого долго не могло быть приведено въ исполненіе ни одно изъ коренныхъ преобразованій, въ разныя времена предложенныхъ дворянству, начиная съ короля Стефана Баторія до 1804 года. Въ этотъ

личное воззрѣніе на крестьянское дѣло въ Лифляндіи. Редакція заключенія была отчасти измѣнена, а въ одномъ мѣстѣ и самая мысль сглажена Я. В. Ханыковымъ, который былъ производителемъ дѣлъ комитета. Но мы возстановили исправленныя и измѣненныя мѣста въ томъ видѣ, какъ они были написаны Ю. Ѳ—чемъ, такъ какъ это «заключеніе» важно въ біографическомъ отношеніи, какъ *первый* самостоятельный трудъ его по двумъ вопросамъ, для разъясненія которыхъ онъ наиболѣе потрудился впослѣдствіи, крестьянскому и Остзейскому. Самую историческую записку мы надѣемся помѣстить въ приложеніи къ слѣдующему третьему тому. Лифляндскій комитетъ по крестьянскому дѣлу былъ учрежденъ въ Петербургѣ въ 1846 году потому, что волненія между крестьянами въ Лифляндіи съ начала сороковыхъ годовъ ясно указывали на несостоятельность положенія 1819 года, которое хотя и даровало крестьянамъ личную свободу, но вмѣстѣ съ тѣмъ упразднило ихъ право на крестьянскую землю (Bauerland). *Прим. изд.*

промежутокъ времени, составляющій первый періодъ исторіи сельскаго сословія въ Лифляндіи, правительства должны были ограничиваться частными мѣрами и дарованіемъ отдѣльныхъ правъ, не касаясь существенныхъ отношеній поселянина къ землевладѣльцу. Посему эти мѣры и права представляются съ перваго взгляда безсвязными, лишенными общихъ оснований и строгой, логической послѣдовательности; такъ, напримѣръ, мы видимъ, что право собственности утверждено было за крестьянами въ то время, когда личность ихъ ничѣмъ еще ограждена не была, когда сами они безусловно принадлежали помѣщику какъ вещь; что собственность признана была прежде собственника. Но, несмотря на эту безсвязность и на мнимыя противорѣчія, мѣры правительствъ достигали своей цѣли; ибо онѣ служили какъ бы отвѣтами на вопросы, предлагаемые самою жизнью, удовлетворяли потребностямъ сельскаго сословія въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ возникали. Очевидно, для крестьянина было гораздо важнѣе получить обезпеченіе своей собственности, пріобрѣтенной упорнымъ трудомъ, чѣмъ право располагать собою; ибо образъ жизни его и свойства занятій нисколько не измѣнялись при переходѣ отъ одного владѣльца къ другому.

Съ этой точки зрѣнія развитіе законодательства для крестьянъ въ первомъ періодѣ вполнѣ оправдывается; ибо точкою отправленія всѣхъ частныхъ преобразованій служило дѣйствительное состояніе сельскаго сословія, а не предполагаемое, не теоретически-возможное. И потому, разсматривая ихъ въ совокупности, мы находимъ, что они вытекали изъ одного начала, а именно изъ понятія о нераздѣльности крестьянина съ землею. Правда, что это начало представлялось въ формѣ крѣпостнаго состоянія, т.-е. какъ зависимость крестьянина отъ земли; въ этомъ заключалась недостаточность тогдашняго воззрѣнія. Оставалось ступить еще одинъ шагъ и возвести тоже самое начало на высшую степень. Положеніе 1804 года съ дополнительными къ нему статьями можетъ быть названо полнѣйшимъ сводомъ всѣхъ предшествовавшихъ постановленій о Лифляндскихъ крестьянахъ: не измѣняя основнаго начала, оно дополнило и раз-

вило его въ подробности. Позволительно думать, что еслибы оно успѣло осуществиться и принести плоды, то сельское сословіе достигло бы до степени благосостоянія, доселѣ ему недоступной; но законодательство приняло другое направленіе.

Лифляндское дворянство, ограниченное въ правахъ своихъ на личность крестьянина запрещеніемъ продавать и закладывать крестьянъ безъ земли, въ требованіи повинностей нормою вакенбуховъ, въ судебной и полицейской власти—учрежденіемъ судебныхъ инстанцій для крестьянъ, рѣшилось, наконецъ, отказаться отъ крѣпостнаго права, почти уже отмѣненнаго на дѣлѣ, рѣшилось пожертвовать словомъ рабство. Эта жертва, въ свое время громко прославленная, принесена была не даромъ. Разсчетливое дворянство, провозглашая свободу крестьянъ, въ тоже время выговаривало для себя условія немаловажныя, но которыя прошли, кажется, почти незамѣченными, а именно: 1) признаніе неограниченнаго права собственности помѣщиковъ на землю въ такой степени, чтобы отношеніе между крестьянами и землевладѣльцами опредѣлилось не иначе, какъ взаимными договорами, на законномъ основаніи заключенными; 2) порученіе самому дворянству составить новое законоположеніе для крестьянъ; 3) освобожденіе отъ всякой отвѣтственности въ исправномъ платежѣ податей крестьянами и т. д.

Такимъ образомъ, въ основѣ новаго законоположенія 1819 года приняты два начала: личная свобода крестьянина и неограниченное право собственности помѣщика на землю. Изъ нихъ вытекало само собою третье: такъ какъ рабочая сила и земля совершенно разъединены и существуютъ отдѣльно, независимо другъ отъ друга, то возсоединеніе ихъ, т.-е. обработываніе земли, можетъ быть основано только на взаимномъ, свободномъ договорѣ. Этимъ устранено было понятіе о нераздѣльности крестьянина съ землею, которое лежало въ основаніи всего сельскаго быта и которому предшествовавшее законодательство всегда было вѣрно. При этомъ самый характеръ развитія законодательства измѣнился: не бытовыя, дѣйствительныя отношенія возводились въ форму законовъ, а напротивъ, новыя отвлеченныя начала,

развитыя систематически, вводились въ жизнь изъ области умозрѣнія.

При ближайшемъ разсмотрѣніи этихъ началъ оказывается, что первое, т.-е. дарованіе свободы, по характеру своему, было чисто отрицательное; оно устраняло лишь всякое насиліе, всякое принужденіе; вмѣстѣ съ тѣмъ, уничтожая прежнія дѣйствительныя отношенія крестьянъ, оно замѣняло ихъ отношеніями предполагаемыми, возможными Свобода эта можетъ быть названа отвлеченною.

Второе начало, неограниченное право собственности помѣщиковъ на землю, было несогласно съ древнимъ обычаемъ и съ предшествовавшимъ законодательствомъ, ибо издревле часть земли находилась въ пользованіи крестьянъ и называлась крестьянскою; законъ, опредѣливъ плату, получаемую за нее помѣщикомъ, въ тоже время утвердилъ ее во владѣніи поселянъ и ограничилъ право помѣщика распоряжаться ею. Наконецъ, это начало было несовмѣстно съ другимъ началомъ, утвержденнымъ законоположеніемъ 1819 г., а именно съ существованіемъ самостоятельнаго крестьянскаго сословія; ибо признаніе правомѣрнаго существованія цѣлаго сословія предполагаетъ опредѣленную форму существованія, извѣстное занятіе—въ этомъ случаѣ земледѣліе; занятіе предполагаетъ рабочую силу и матеріалъ—въ этомъ случаѣ землю. Если признать вмѣсто дѣйствительнаго пользованія землею, одну возможность пользоваться ею, то и занятіе или назначеніе сословія въ обществѣ и, наконецъ, самое существованіе этого сословія, явится не дѣйствительнымъ фактомъ, а только условною возможностью. Итакъ, право крестьянскаго сословія на существованіе предполагаетъ необходимо право на условіе существованія, т.-е. на землю.

Третье начало — свободный договоръ, предполагаетъ равную степень независимости двухъ договаривающихся сторонъ; но очевидно въ этомъ случаѣ ея не было. Крестьянинъ, представляющій одну рабочую силу, не можетъ обойтись безъ найма земли, а помѣщикъ можетъ пользоваться своею землею и не отдавая ее въ наемъ.

Изъ этого, кажется, легко могутъ быть объяснены всѣ неоднократно исчисленные недостатки законоположенія 1819

года. Основанное не на данныхъ жизни, а на отвлеченныхъ предположеніяхъ, оно уничтожило условія дѣйствительнаго, вѣковаго быта и замѣнило ихъ бытомъ возможнымъ по теоріи, но невозможнымъ на дѣлѣ. Впрочемъ, сильнѣйшимъ опроверженіемъ противъ него служатъ послѣдующіе законы и дополнительныя статьи. Всѣ они, опредѣляя сроки контрактовъ, условія найма, наконецъ случаи, въ которыхъ помѣщикъ не въ правѣ отказать въ землѣ арендатору, прямо противорѣчатъ принятымъ началамъ свободнаго договора и безусловнаго распоряженія землею. Поэтому, хотя эти начала не замѣнены другими, но множество допущенныхъ исключеній и противорѣчій лишаютъ ихъ строгаго приложенія и даютъ право думать, что стремленіе законодательства измѣнилось и что настоящая цѣль его заключается въ соглашеніи положенія 1804 съ положеніемъ 1819 г.

Положеніе 1804 г. признавало нераздѣльность крестьянина съ землею, но въ формѣ крѣпости землѣ, т.-е. зависимости лица отъ земли.

Положеніе 1819 г. признало лицо свободнымъ, но уничтожило связь его съ землею.

Остается возстановить эту связь, признавъ зависимость земли отъ лица, т.-е. право крестьянина на землю.

Замѣтки и недоконченныя статьи по крестьянскому дѣлу.

I *).

У народовъ Славянскихъ, гдѣ не было завоеванія и нашествія чуждаго племени, апропріація земель, образованіе особаго класса собственниковъ земли (позднѣе, дворянства, помѣщиковъ) составляетъ противень къ завоеванію, нашествію. Этотъ соціальный фактъ важнѣе всѣхъ другихъ по его послѣдствіямъ, ибо изъ него вытекаетъ логически, неизбѣжно, крѣпостное состояніе.

По всему видно, что апропріація совершилась слѣдующимъ образомъ.

1. Въ эпоху, предшествующую совокупленію отдѣльныхъ родовъ въ одно цѣлое, заключающее въ себѣ зародышъ государства, всякій родъ во всѣхъ отношеніяхъ обезпечиваетъ самъ свое существованіе, свою безопасность, свой внутренній порядокъ. Спеціальныхъ общественныхъ функцій, рѣзко разграниченныхъ, быть не можетъ. Въ эту эпоху кто занимаетъ землю, кто воздѣлываетъ ее, тому она и принадлежитъ—обнаруживается владѣніе какъ фактъ — нѣтъ въ поминѣ собственности, какъ права.

2. Отдѣльные роды совокупляются въ одно цѣлое вслѣдствіе какихъ бы то ни было внѣшнихъ обстоятельствъ или внутреннихъ побужденій, подъ одною верховною властью. Кто бы ни былъ облеченъ въ нее, дѣятельность представителя этой власти имѣетъ уже цѣлью не самосохраненіе, а огражденіе другихъ. Какъ бы ограниченна она ни была, но она является интересомъ всѣхъ; на нее нужно обратить

*) I-ый и II-ой отрывокъ написаны вѣроятно въ 1853 или 1854 году. *Прим. изд.*

средства всѣхъ. Учрежденіе власти, какой бы то ни было, влечетъ за собою учрежденіе всеобщаго пожертвованія въ формѣ подати, повинности. Это пожертвованіе есть первое проявленіе отвлеченнаго права на чужую собственность — на землю, которою владѣютъ другіе.

3. Весьма естественно, что тотъ, кто пріобрѣлъ это право, дорожитъ имъ, какъ своею собственностью, и мало-по-малу начинаетъ забывать, что оно обусловлено обязанностями. Оно быстро расширяется, обособляется; съ другой стороны, нуждаясь въ помощникахъ, въ слугахъ, представители власти видятъ себя въ необходимости для содержанія ихъ переуступать имъ свои права — кормленіе. Такой слуга верховной власти становится въ новое отношеніе къ тѣмъ, которые обязаны кормить его. Онъ пріобрѣтаетъ право на долю ихъ имущества не отъ нихъ самихъ, а отъ верховной власти; онъ отдаетъ отчетъ не имъ, а той же власти. Такимъ образомъ, повинности и подати государственныя получаютъ характеръ личныхъ, т.-е. въ пользу лица платимыхъ (а не общества, не государства) по праву личному, т.-е. отъ лица (верховнаго владыки) уступленному.

4. Затѣмъ, постепенно совершается слѣдующій оборотъ понятій. Еслибъ земледѣльцы были не безгласны, они бы опредѣлили свое отношеніе къ чиновнику — будущему помѣщику такъ: „такъ какъ ты получаешь отъ насъ содержаніе, то очевидно, что источникъ, изъ котораго мы извлекаемъ это содержаніе, т.-е. земля, принадлежитъ намъ“. Но помѣщикъ говоритъ одинъ и говоритъ другое: „такъ какъ вы обязаны платить мнѣ доходъ, иначе у васъ отнимутъ землю, то уплатою дохода вы только пріобрѣтаете право пользоваться землею, и земля моя, не ваша, и потому, располагая ею какъ свою собственностію, я въ правѣ и увеличить наемную плату (вотъ во что̀ обращается кормленіе, жалованье), въ правѣ и совсѣмъ отнять у васъ землю; а такъ какъ она всегда была моя и никогда не была вашею, и такъ какъ все, что̀ вами пріобрѣтено, извлечено изъ нея, выработано на ней, то и все ваше имущество, движимое и недвижимое, какъ принадлежность земли, есть так-

же барское добро и т. д.“ Открывается безконечный путь развитія требованій.

Тогда крестьяне, чувствуя, что изъ-подъ ихъ ногъ оттягиваютъ у нихъ землю, говорятъ: „коли такъ, такъ ужъ лучше и насъ возьми съ землею“. Единственный способъ salvandi juris sui in terram.

II.

Крѣпостное право, разумѣя подъ этимъ право собственности на человѣка, болѣе или менѣе ограниченное, имѣло двоякое происхожденіе: вопервыхъ, прямое усвоеніе власти однимъ лицомъ надъ другимъ, вслѣдствіе ли добровольной сдѣлки или насилія, и вовторыхъ, усвоеніе въ собственность однимъ лицомъ земли, занятой другимъ, вслѣдствіе чего право на землю косвеннымъ путемъ распространилось и на земледѣльца. Въ первомъ случаѣ крѣпостное право можно назвать кореннымъ: оно само себѣ служитъ основаніемъ; во второмъ оно является съ характеромъ послѣдствія или вывода изъ другаго основнаго права. Крѣпостное право прямое, при самомъ его установленіи въ обществѣ, является во всей полнотѣ своего развитія; затѣмъ исторія его представляетъ постепенное его ограниченіе. Напротивъ, право крѣпостное выводное первоначально является въ самыхъ тѣсныхъ предѣлахъ, затѣмъ постепенно развивается, ростетъ и, наконецъ, дойдя до послѣднихъ предѣловъ, склоняется въ обратную сторону, къ постепенному упадку. Крѣпостное право коренное могло быть упразднено не иначе, какъ прямымъ насиліемъ; законность принесена была въ жертву вѣчной правдѣ. Крѣпостное право выводное подлежитъ разсмотрѣнію и со стороны его законности; можетъ быть возбужденъ вопросъ: не противорѣчитъ ли выводъ основному положенію?

Въ Россіи существовало изстари крѣпостное право прямое, но отнюдь не какъ общее правило, опредѣляющее отношеніе цѣлаго сословія къ другому, а какъ частное и очень ограниченное явленіе, почти незамѣтное въ общественномъ ея устройствѣ.

Нынѣ существующее крѣпостное право принадлежитъ, по своему происхожденію, къ выводному; изъ него развились со временемъ въ законную форму обычныя отношенія всего крѣпостнаго сословія къ владѣльцамъ, и въ немъ, можно сказать, исчезло крѣпостное право прямое.

Въ древнѣйшія времена намъ представляется, при незначительномъ въ количественномъ отношеніи классѣ рабовъ, свободное сельское народонаселеніе, безспорно владѣющее занятою имъ землею. Затѣмъ эта земля обращается постепенно въ собственность казенную, церковную и личную; право собственниковъ, новѣйшее по своему происхожденію, и потому самому выступающее съ юридическою опредѣленностью положительнаго права, сталкивается съ историческимъ правомъ владѣльцевъ и беретъ надъ нимъ перевѣсъ. Образованіе отвлеченнаго права собственности на землю, нарушивъ древнюю бытовую связь земледѣльцевъ съ землею, такъ сказать, обрисовываетъ яснѣе ихъ личную свободу и опредѣляетъ ее какъ право перехода съ мѣста на мѣсто, право не новое по существу своему, не пріобрѣтенное для земледѣльцевъ, а только вновь получившее значеніе вслѣдствіе нанесеннаго удара ихъ историческому отношенію къ землѣ. Право перехода съ мѣста на мѣсто, съ одной стороны, еще болѣе разрушаетъ это отношеніе, съ другой, наноситъ ущербъ собственникамъ, ибо цѣнность и значеніе земли утрачиваются при ея опустѣніи. Право перехода постепенно ограничивается и, наконецъ, отмѣняется законодательнымъ распоряженіемъ. Законъ прикрѣпляетъ земледѣльца къ землѣ. Подъ вліяніемъ преобладающаго интереса собственниковъ земли, прикрѣпленіе къ землѣ постепенно превращается въ прикрѣпленіе къ личности собственниковъ земли. Обычай опережаетъ законъ, отнимая у земвладѣльцевъ всѣ ихъ права, одно за другимъ, вытѣсняетъ ихъ изъ государственнаго союза и со степени гражданъ низводитъ ихъ на степень мертвой принадлежности первенствующаго сословія. Правительство не противится этому роду посяганій, но признаетъ его и облекаетъ его въ законную форму; народъ не можетъ протестовать, но развивается бродяжничество, начинаются разбои, грабежи, воз-

стаютъ цѣлыя области. Крѣпостное право достигаетъ апогея своего развитія и подходитъ весьма близко къ рабству. Но въ правительствѣ начинается реакція, направленная сперва противъ яркихъ злоупотребленій; начинается постепенное ограниченіе власти помѣщика надъ личностью крѣпостнаго, затѣмъ слѣдуетъ рядъ ограниченій для обезпеченія отношеній земледѣльцевъ къ землѣ.

Роль помѣщиковъ изъ поступательной переходитъ въ оборонительную; лучъ надежды проникаетъ сверху въ сознаніе народа, который устремляетъ свои взоры на правительство. Частные вопросы объ ограниченіи власти и пресѣченіи злоупотребленій сливаются въ общій вопросъ объ упраздненіи крѣпостнаго права. Этотъ вопросъ постепенно зрѣетъ въ общественномъ сознаніи, но правительство не содѣйствуетъ его разрѣшенію. Изрѣдка шевеля вопросъ, поддерживая въ народѣ ожиданія, но не осуществляя ихъ, періодически возбуждая въ дворянахъ опасеніе и затѣмъ разгоняя его, правительство связываетъ однихъ надеждою, другихъ страхомъ и этою двойною цѣпью сковываетъ развитіе общественной жизни.

Таковы главные моменты развитія крѣпостнаго права у насъ въ Россіи. Задача настоящаго изслѣдованія представить ихъ естественную взаимную связь, обусловленную общимъ ходомъ всего нашего историческаго развитія.

III *).

Обработку матеріаловъ, долженствующихъ служить для исторіи земледѣльческаго класса и крѣпостнаго состоянія, я совѣтовалъ бы начать съ Петра I, не забирая на первый случай выше.

Первый самый полный и важный источникъ, которымъ надобно воспользоваться, это — Полное Собраніе Законовъ.

*) Написано, вѣроятно, въ виду предположенія «Русской Бесѣды» помѣстить на своихъ страницахъ исторію крестьянскаго сословія въ Россіи. Трудъ этотъ былъ порученъ редакціею И. Д. Бѣляеву, и его изслѣдованіе «Крестьяне на Руси» было сначала помѣщено въ «Русской Бесѣдѣ» 1859 г., а потомъ вышло отдѣльною книгою. *Прим. изд.*

Я совѣтовалъ бы предпринять надъ нимъ слѣдующій трудъ: разсортировать по составленнымъ напередъ графамъ всѣ указы, относящіеся до земледѣльческаго класса и крѣпостнаго состоянія. Можно бы принять слѣдующія графы:

1. Земля: а) земли казенныя, б) земли церковныя, в) помѣстья, г) вотчины, д) земли крестьянскія, т.-е. свободныхъ крестьянъ.

Сюда должны войти всѣ указы, опредѣляющіе характеръ этихъ различныхъ формъ владѣній, переходы изъ одной въ другую; напримѣръ, какъ казенное имѣніе переходитъ въ помѣстье, помѣстье въ вотчину и т. д., и всѣ указанія на статистическое отношеніе имѣній различныхъ родовъ между собою; напримѣръ, въ такое-то царствованіе много ли было земель, принадлежавшихъ самимъ поселянамъ, сравнительно съ помѣстьями и вотчинами, много ли казенныхъ земель сравнительно съ церковными и т. д.

2. Государственныя повинности: а) вещественныя, б) личныя.

Само собою разумѣется, что дѣло идетъ только о земскихъ повинностяхъ, а не о городскихъ. Сюда должно войти все, что опредѣляетъ ихъ количество, способъ раскладки и взиманія и отвѣтственность.

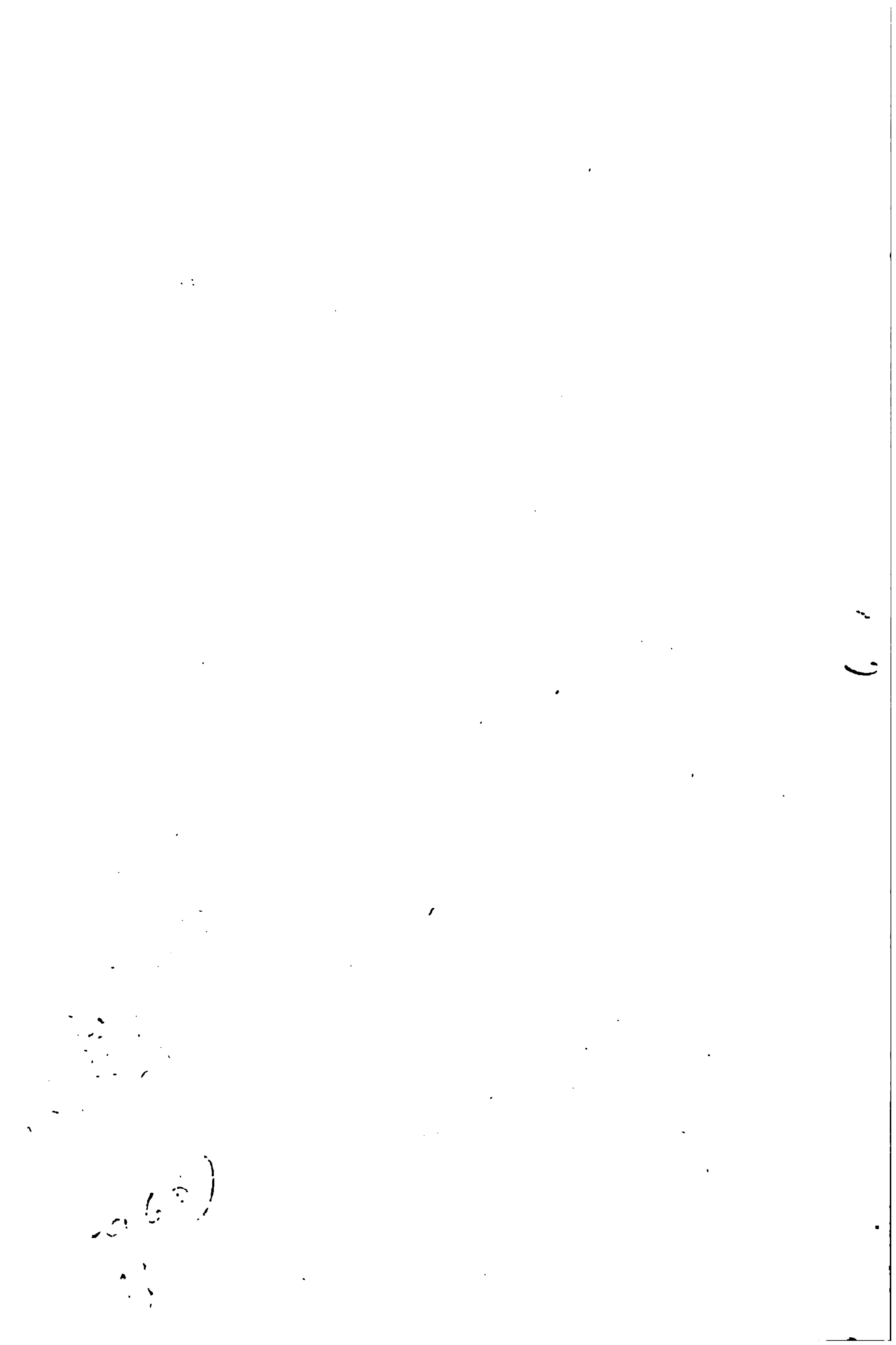
3. Земледѣльческій классъ: а) казенные крестьяне, б) церковные, в) помѣщичьи и вотчинные, г) вольные.

Здѣсь также необходимо собрать всѣ статистическія указанія о томъ, напримѣръ, въ какихъ областяхъ было наиболѣе церковныхъ, вольныхъ, наименѣе помѣщичьихъ, какъ относилось число однихъ къ числу другихъ....

Холопы и дворовые. — Переходъ изъ свободнаго состоянія въ рабство....

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
14	13 снизу.	на половину);	на половину;
14	1 »	ч. II).	ч. II). *Прим. изд.*
16	20 »	щ-мѣнилъ	из-мѣнилъ
51	5 »	денегъ	денегъ,
90	19 »	1846	1842
92	7 сверху.	особыя	особые
116	2 снизу.	слово въ 1842 году,	слово, въ 1842 году
144	6 »	въ первыхъ числахъ Августа	30 Іюля
148	8 сверху.	inaproppriable.	inappropriable.
247	1 снизу.	въ ихъ родствен-	къ ихъ родствен-
281	9 сверху.	11-го Сентября	14-го Сентября
304	20 »	остающихся	остающейся
312	9 »	сервитутъ	сервитутовъ
313	8 снизу.	упраздненная сорвитута	упраздненный сервитутъ
315	6 сверху.	сервитуты	сервитутовъ
326	19 »	сервитутъ	сервитутовъ
356	9 снизу.	сервитуты	сервитута
369	2 »	западныхъ	восточныхъ
370	18 сверху.	другія	другіе
375	13 снизу.	манифестомъ	министромъ
382	8 »	произведенію;	произведенію,
395	3 »	40%	28%
396	8 сверху.	60%	48%.
426	8 снизу.	00—416 стр.	401—425 стр.

9 vols
See slip

144

СОЧИНЕНІЯ

Ю. Ѳ. САМАРИНА.

Томъ второй. II

Цѣна 1 руб. 75 коп.

